МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВ 1878-1917

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Должно быть*
56	12 сн.	в виде	ввиде
90	27 св.	couté	coûté
223	5 сн.	(см. №№ 509 и 665).	[см. №№ 509 и 665].
238	19 св.	vouqrez	voudrez
331	23 сн.	voir	votre

Международные отношения в эпоху империализма, т. XVIII, ч. II.

КОМИССИЯ
ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ
ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1938

RELATIONS INTERNATIONALES
DE L'ÉPOQUE DE L'IMPÉRIALISME

DOCUMENTS DES ARCHIVES
DES GOUVERNEMENTS
IMPÉRIAL ET PROVISOIRE
1878-1917

2-E SÉRIE
1900-1913

1 9 3 8

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В ЭПОХУ ИМПЕРИАЛИЗМА

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВОВ
ЦАРСКОГО И ВРЕМЕННОГО
ПРАВИТЕЛЬСТВ
1878-1917

СЕРИЯ ВТОРАЯ
1900-1913

1938

6397

КОМИССИЯ ПО ИЗДАНИЮ ДОКУМЕНТОВ ЭПОХИ ИМПЕРИАЛИЗМА

А. П. БОЛЬШЕМЕННИКОВ

А. С. ЕРУСАЛИМСКИЙ

А. А. МОГИЛЕВИЧ

Ф. А. РОТШТЕЙН

ТОМ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ

ЧАСТЬ II

14 СЕНТЯБРЯ 1911 г. – 13 НОЯБРЯ 1911 г.

ПОДГОТОВИЛ К ПЕЧАТИ
ПРОФЕССОР
А. С. ЕРУСАЛИМСКИЙ

ПРИ УЧАСТИИ
А. И. АВТОКРАТОВОЙ
И
О. И. СТАНИСЛАВСКОЙ

Редактор *А. Могилевич.*

Техред *И. Д. Галактионов.* Корректор *Н. Михайлова.*

Сдано в набор 1/XII 1937 г. — 15/VIII 1938 г. Подписано к печати 21/X 1938 г.

Государственное издательство политической литературы № 1542.

Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$. 25 печ. л. Уч.-авт. 42,5 л. 134400 зн. в 1 печ. л. Заказ № 1939.

Леноблгорлит № 4117.

Тираж 5000 экз. Цена книги 12 р.

Бумага Вишерского бумкомбината.

Набор и матрицы—2-я типография ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига" „Печатный Двор" имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

Отпечатано в типографии „Ленинградская Правда", Ленинград, Социалистическая, 14.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ [1]

Помимо общепринятых в редакционном тексте примечаний допускались следующие сокращения:

Военное министерство — воен. м-во.
Выпуск — вып.
Генеральное консульство — ген. консульство.
Депеша — деп.
Докладная записка — докл. записка.
Константинополь — К-поль.
Литографская копия — лит. копия.
Министерство иностранных дел — м-во ин. дел.
Министерство торговли и промышленности — м-во торг. и пром.
Министр — м-р.
Памятная записка — пам. записка.
Посольство — пос-во.
Правительство — прав-во.
Телеграмма — тел.

British Documents on the Origins of the War 1898—1914, London — Brit. Doc.
Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914, Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, Berlin — Gr. Pol.
Documents Diplomatiques Français (1871—1914), Commission de Publication des Documents Relatifs aux Origines de la Guerre de 1914, Paris — Doc. Dipl.
Известия министерства иностранных дел — Изв. МИД.
«Красный Архив», изд. Центрархива — Кр. Арх.
Материалы по истории франко-русских отношений, Москва 1922 г. — М.
Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии, изд. МИД, Петербург 1913 г. — Ор. кн.
Siebert, B. — Graf Benckendorffs Diplomatischer Schriftwechsel, Verlag von Walter de Gruyter u. Co, Berlin und Leipzig 1928 — Siebert.
Stieve, Friedrich. — Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis — Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, Berlin 1925 — Stieve.
Un Livre Noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. Novembre 1910 — Juillet 1914, Librairie du Travail, Paris 1923 — L. N.

---

[1] О методах и приемах публикации, принятых в настоящем издании, см. серия III, т. I, стр. XXV—XXXII.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ

ТОМ XVIII

(14/1 мая 1911 г. — 13 ноября/31 октября 1911 г.)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

(14/1 сентября 1911 г. — 13 ноября/31 октября 1911 г.)

№ 437. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

⁄. Телеграмма № 1239 [1]. 14/1 сентября 1911 г.

Сообщается в Берлин и Лондон.

Германский поверенный в делах передал мне, по поручению берлинского кабинета, что проникшие в печать слухи о том, будто Германия в ответе своем на французские предложения касательно Марокко [2] старается обеспечить себе привилегированное экономическое положение, совершенно-де ошибочны.

Германия, как объясняет Люциус, ищет лишь гарантии, что германской торговле и промышленности, а тем самым и европейской вообще, будет создано равное с французской положение.

Может быть, такое толкование поможет формулировке французских возражений.

[Нератов.]

№ 438. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Письмо. 14/1 сентября 1911 г.
Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из предыдущих моих писем вам уже известно о серьезном значении наступающего на-днях срока увольнения окончивших двухлетнюю службу в войсках старослужащих [3]. Увольнение это должно быть решено к 20 сентября (нов. ст.) и фактически произойти 24, 25 и 26 сентября. Так как новобранцы могут встать в строй лишь около 15 марта, французская армия в течение ближайших четырех с половиной месяцев окажется значительно ослабленной. В случае надобности, военному министру предоставлено право удерживать под знаменами выслуживший срок возрастной класс, о каковой мере он обязан сообщить палатам. Если к наступлению вышесказанного срока политическое положение будет столь же натянутым, как сейчас, французское правительство может быть вынуждено решиться на эту меру, а это, несомненно, создаст еще более сгущенную атмосферу.

При вчерашнем моем свидании с министром иностранных дел я спросил его, в каком положении этот вопрос. Г. де Сельв ответил мне, что до сих пор не принято никакого окончательного решения и что если со стороны Германии не будет замечено никаких чрезвычайных мер, то, по всем вероятиям, старослужащие будут уволены в нормальный срок [4]; г. де Сельв присовокупил, что он вполне отдает себе отчет в последствиях их удержания под знаменами и что если французское правительство должно будет решиться на эту меру, он не преминет предупредить нас об этом.

Из различных частных источников до меня доходят сведения о спешных и обширных военных приготовлениях Франции на восточной границе; приготовления эти, повидимому, главным образом касаются пополнения кадров и запасов; говорят также о передвижениях войск под предлогом мер предосторож-

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 168, N 456.
[2] См. №№ 417, 424 и 432.
[3] Соответствующие письма в делах б. м-ва ин. дел не обнаружены. См. №№ 400 и 417.
[4] См. № 450.

ности против господствующего в некоторых местностях брожения населения по поводу вздорожания пищевых припасов. К сожалению, обо всем этом я имею лишь самые отрывочные и неполные данные, так как с самого начала нынешнего политического кризиса, т. е. за последние два месяца, наш военный агент находился в отпуску, а со времени своего возвращения он безотлучно находится при великом князе Борисе Владимировиче, участвующем в маневрах под Безансоном [1].

Как вам уже известно, большие маневры в этом году отменены под предлогом эпизоотии, а на самом деле, дабы не отвлекать стоящих на восточной границе корпусов, причем великий князь и иностранные офицеры, в том числе и наши, приглашены на маневры в местности, более отдаленной от возможного театра войны. Тем не менее мне известно, что генерал-инспектор английской армии, генерал Френч, участвовал частным образом в маневрах на восточной границе и что он имел случай самым подробным образом ознакомиться с принимаемыми на этой границе мерами.

Я уже писал вам [2] о наблюдаемом здесь всеобщем подъеме духа и проявляемом всеми классами населения единодушии; я имел случай видеться и беседовать с представителями самых разнообразных общественных слоев и групп; все в один голос высказывают решимость, в случае надобности, взяться за оружие и уверенность в силе и боевой готовности французской армии. Поддержанию этого настроения очень способствовали только-что окончившиеся морские и происходящие сухопутные маневры. На море в первый раз появилась эскадра новых дредноутов, законченных с необыкновенной быстротой под энергическим руководством г. Делькассе. Что касается до сухопутной армии, то здесь господствует глубокое убеждение, что со времени кризиса 1905 г. она сделала громадные успехи как в материальном, так и в нравственном отношении. Под влиянием этого убеждения во Франции уже не замечается той растерянности и боязни войны, которые наблюдались шесть лет тому назад. К этому надо присовокупить спокойное и твердое положение, сохраняемое парижской биржей, и полный контраст этого положения с биржевой паникой в Берлине [3]. Все это, вместе взятое, создает здесь такое общественное настроение, при котором правительство, даже если бы оно этого пожелало, не может пойти далее известного предела уступок германским требованиям, и чем дольше будут продолжаться переговоры, тем больше вышесказанное настроение будет повышаться. Из разговоров моих со здешним герман-

---

[1] В письме от 14/1 сентября (опубл. М., стр. 113) Извольский писал Нератову: «В одном из моих писем я не мог не коснуться поистине изумительного отношения к делу нашего здешнего военного агента, графа Ностица. Он с самого начала кризиса, т. е. в течение двух месяцев находился в отпуску, а со времени возвращения безотлучно состоит при великом князе Борисе Владимировиче, интересуясь, повидимому, исключительно высочайшим пребыванием. На мои расспросы о военных приготовлениях Франции он отозвался полным неведением, прибавив, что прибывшие в Петербург французские генералы [см. № 353], вероятно, сообщили там все необходимые сведения.

Спрашивается, для чего же в таком случае мы имеем здесь военного агента? Само собой разумеется, что военные агенты всех других держав были все время налицо и самым внимательным образом следили за развитием кризиса. Интересна также история приглашения на маневры великого князя Бориса Владимировича. Французский военный агент в Петербурге был против этого приглашения, затеянного графом Ностицем или, лучше сказать, его супругой, очень предприимчивой американкой, для которой очень лестно общение с русским великим князем, которого она показывает в своей гостиной и в своих ложах в театре. Французское военное министерство так неохотно ответило на шаги графа Ностица и так медлило посылкой приглашения, что я должен был вмешаться в это дело, и, ради спасения лица и приличия, настоять на выполнении желания великого князя. Тем не менее французское военное министерство несомненно подчеркнуло, сколь мало серьезного значения оно придает присутствию столь мало сведущего в военных делах офицера. Все это далеко не способствует укреплению нашего престижа. Мне слишком памятны жестокие последствия легкомысленного отношения к делу нашего военного агента в Токио в период до войны, чтобы я мог со спокойной совестью обойти молчанием все вышесказанное. Я думаю, что об этом не мешало бы знать Сухомлинову и начальнику генерального штаба, но, конечно, в строго конфиденциальной и осторожной форме».

[2] См. № 354.

[3] См. № 394.

ским послом я мог заключить, что лично барон фон Шен вполне правильно оценивает положение и не скрывает вышеизложенных обстоятельств от своего правительства. Вопрос в том, пользуется ли он в Берлине достаточным весом и доверием, чтобы донесения его произвели там надлежащее впечатление?

Примите и пр.

Извольский.

№ 439. Поверенный в делах в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Депеша № 57. 14/1 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Последние пять дней в Вене гостили прибывшие сюда по приглашению здешнего муниципалитета в числе более 60 человек представители города Лондона с лорд-мэром сэром Томасом Стронгом во главе. Все время пребывания лондонских гостей в столице Австрии, согласно заранее намеченной программе, было посвящено осмотру города и городского хозяйства, а равно и поездкам по окрестностям. В понедельник, 11 сентября/29 августа, лорд-мэр был принят императором Францем-Иосифом в особой аудиенции, во время которой сэр Томас Стронг обратился к монарху с речью, в коей, от лица лондонского Сити, являющегося, по его выражению, сердцем Англии, высказал его величеству восхищение по поводу его долголетнего благополучного царствования, имеющего столь благотворное значение как для процветания соединенных под его скипетром земель и народов, так и для всеобщего мира и культурного развития всего человечества. Отвечая на приветствие лорд-мэра, император выразил ему через переводчика свое удовольствие по поводу установившихся между Веной и Лондоном дружественных отношений, давно уже существующих между обеими державами, а равно и между ним и королем Георгом V.

Нельзя не отметить того факта, что население столицы с большим сочувствием и живейшим интересом относится к английским гостям, которым во многих местах были устроены шумные овации. Кроме того, главнейшие улицы расцвечены флагами, среди коих не мало английских.

Представители Сити надеются, что практическим результатом их посещения явится усиление англо-австрийских торговых сношений. В разговоре со мной английский посол в Вене, сэр Ферфакс Картрайт, со своей стороны, также высказал надежду, что настоящий визит послужит к укреплению взаимных дружеских чувств между обеими странами. Местные газеты полны подробностями о пребывании в Вене лондонских городских деятелей и в сочувственных статьях приветствуют их прибытие, припоминая, что Австрия и Великобритания всегда находились в наилучших отношениях, а потому настоящее первое посещение австрийской столицы лондонским лорд-мэром является событием еще более радостным. Некоторый диссонанс в этот общий приветственный тон здешней прессы внесла статья германофильской газеты «Zeit», слывущей органом германского посольства, в заключительных словах коей напоминается, что английские гости должны вынести из своего нынешнего посещения убеждение, что Вена — исконно немецкий город, вполне разделяющий и горе и радость германской нации, и что Австрия — страна, всем сердцем стоящая на стороне Германии. По словам здешнего великобританского посла как в Германии, так и среди местных убежденных германофилов заметно недовольство сердечным приемом, оказанным англичанам и особенно тем, что лорд-мэр был принят императором Францем-Иосифом, что представляет необычное в подобных случаях явление.

Празднества в честь английских гостей закончились вчера вечером грандиозным банкетом в городской ратуше, на котором были произнесены многочисленные прочувствованные речи. Среди присутствовавших находились великобританский посол с членами посольства и многие австрийские министры.

*

Сегодня делегация лондонского муниципалитета покидает Вену с тем, чтобы до возвращения в Англию посетить еще Ишль и Прагу. Сэр Ферфакс Картрайт несколько опасается, как бы при посещении Праги со стороны тамошних немцев не последовало какой-либо нежелательной выходки. Предполагавшийся визит в Будапешт теперь не состоится ввиду того, что венгерцы не захотели удовольствоваться теми двумя днями, которые имелись для этой цели в распоряжении английских гостей, а настаивали на том, чтобы визит продолжался, как и в Вене, не менее пяти дней, на что у представителей Сити не хватило времени. Поэтому посещение Будапешта предполагается отложить на будущий год. Равным образом в будущем году должен состояться ответный визит в Лондон депутации от здешнего муниципалитета.

Примите и пр.

В. Крупенский.

№ 440. Генеральный консул в Канее временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 69. 14/1 сентября 1911 г.

Reçu N 1224 [1].

Mes trois collègues et moi avons remis ce matin au gouvernement crétois une déclaration ainsi conçue: «Les Puissances protectrices de la Crète ont décidé de ne pas pourvoir au poste de haut-commissaire, laissé vacant par Mr. Zaïmis, et de ne rien changer au status quo de l'île». Ce texte a été suggéré par le gouvernement français qui l'a fait parvenir hier à son représentant en Crète, notre doyen [2].

Schébounine.

Перевод.

Получил № 1224.

Трое моих коллег и я вручили сегодня утром критскому правительству следующую декларацию: «Державы-покровительницы Крита решили никого не назначать на пост верховного комиссара, оставшийся вакантным после г. Заимиса, и не изменять ни в чем status quo острова». Этот текст был предложен французским правительством, которое доставило его вчера своему представителю на Крите, являющемуся нашим деканом.

Шебунин.

№ 441. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 768. 14/1 сентября 1911 г.

Персидское правительство обратилось ко мне со словесной просьбой не давать Мохамед-Али-шаху убежища на русской территории. Не желая вдаваться в преждевременные пререкания, я ответил, что возможность бегства из Персии бывшего шаха кажется еще отдаленной и что у меня на этот счет нет указаний от императорского правительства. Представитель министерства иностранных

[1] Тел. от 12 сент./30 авг. за № 68 Шебунин просил Нератова разъяснить, ввиду существенных разногласий в инструкциях трех остальных правительств, «решено ли упразднить совершенно самый пост верховного комиссара или только не назначать преемника Заимису и, не уничтожая самой должности, оставить ее пока вакантной на неопределенное время» (см. № 413).

Тел. от 13 сент./31 авг. за № 1224 Нератов предписывал Шебунину, сговорившись с коллегами, сделать сообщение критскому прав-ву. Нератов советовал редактировать текст сообщения возможно неопределеннее, чтобы избежать всяких поводов к возбуждению вопроса о точной формулировке существующего положения на острове.

[2] Тел. от 16/3 сент. за № 72 Шебунин сообщил, что в результате декларации оппозиция изменила принятое ею ранее решение отсрочить на месяц созыв Народного собрания и что «Михелидакис [лидер оппозиции] заявил, что теперь отпадают соображения, заставлявшие опасаться немедленного созыва Собрания, и предложил открыть его через неделю, что по всей вероятности и последует».

дел говорил в подобном же смысле с Барклаем, который заметил ему, что такая просьба персидского правительства представляется ему безумной. Несмотря на это, шахское правительство, повидимому, обратится на-днях с нотой по тому же поводу [1].

Поклевский.

№ 442. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Депеша № 65. 15/2 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Я имел честь донести в свое время по телеграфу вашему превосходительству о вручении французским послом в Берлине германскому правительству французского проекта соглашения касательно Марокко, а также о передаче германским статс-секретарем по иностранным делам г. Камбону контрпредложений берлинского кабинета [2].

В настоящее время контрпредложения эти, повидимому, уже рассмотрены французским правительством, и ответ парижского кабинета будет на-днях доставлен г. Камбону для передачи германскому правительству.

Насколько этот ответ удовлетворит берлинский кабинет, сказать еще трудно, но судя по отзывам французской печати, которой, повидимому, удалось ознакомиться если не с самым текстом французского ответа, то во всяком случае с его содержанием, надо полагать, что он едва ли в настоящем своем виде будет принят здесь без возражений. В этом же смысле высказался вчера официозный орган германского правительства «Kölnische Zeitung», который заявил, что если, согласно отзывам парижской печати, французский ответ содержит в себе полное признание и серьезные гарантии со стороны Франции экономической свободы в Марокко, то непонятно, почему парижский кабинет не принял без изменений германского контрпроекта, так как последний исключительно этого и добивался.

Но в том-то и дело, что, вопреки всем заверениям немецких официозов, германский контрпроект в той части его, которая касалась Марокко, добивался не одной только экономической свободы с соблюдением равенства для всех стран, а вполне определенных экономических преимуществ для Германии, в особенности в области железнодорожного строительства в Марокко.

С этим Франция понятно не могла согласиться, считая Германию достаточно вознагражденной за несопротивление установлению фактического французского протектората над Марокко уступкой ей значительной территории в Французском Конго, тем более что за германскими требованиями Франция усматривает скрытое желание сохранить за собой помимо экономических преимуществ также и долю политического влияния в Марокко.

Из всего вышесказанного явствует, что между германскими требованиями и французскими предложениями есть значительная разница, и хотя как с той, так и с другой стороны обнаруживается явное стремление не обострять этого жгучего вопроса и по возможности скорее положить конец настоящему натянутому положению установлением прочного соглашения, но в настоящий момент трудно ожидать в ближайшем будущем благополучного окончания переговоров.

Примите и пр.

Шебеко.

---

[1] Тел. от 14/1 сент. за № 1238 Нератов сообщил Поклевскому, что к нему обратился перс. поверенный в делах в Петербурге Али-Голи-хан с подобной же просьбой, мотивируя ее невозможностью для перс. прав-ва другими мерами покончить с восстанием. На это Нератов ответил, что, по имеющимся у него сведениям, «шах уже в Гюмиш-Тепе и что следовательно на его пути нет больше консульских установлений». Нератов заявил однако Али-Голи-хану, что «право беста в такой степени освящено обычаем, что мы лишены возможности отказать в нем кому бы то ни было, в том числе и Мохамеду-Али».

[2] См. ч. I, № 395 и стр. 409, прим. 2.

P. S. Сейчас я видел французского посла, который сказал мне, что он уже получил ответ своего правительства на контрпредложения Германии и передаст его сегодня же вечером Кидерлен-Вехтеру. Ответ этот заключает согласие на все германские требования касательно гарантий полного экономического равноправия в Марокко, но решительно отвергает требования, имеющие, по мнению французского правительства, политический характер или же такие, которые могли бы предоставить Германии экономические преимущества перед другими державами, как например железнодорожные концессии.

О вышеизложенном имею честь одновременно поставить в известность ваше превосходительство секретной телеграммой за № 67 [1].

Шебеко.

№ 443. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 15/2 сентября 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Внимание не только политических кругов, но и всех без исключения классов населения Германии, всецело поглощено в последнее время исходом ведущихся переговоров с Францией относительно Марокко.

Чем более переговоры эти затягиваются, тем более общественное мнение страны становится нервным и возбужденным. Показателем этого возбуждения может служить удрученное состояние берлинской биржи, угрожавшее на прошлой неделе перейти в настоящую панику. Хотя успокоительные заявления, сделанные правительством через своих агентов на бирже и официозных органов печати, и оказали некоторое воздействие на начавшееся было стремительное падение ценностей, тем не менее они не могли внести полного успокоения. Сберегательные кассы в различных частях Германии продолжают осаждаться требованиями о выдаче вкладов, и возможность вооруженного столкновения глубоко волнует массы населения.

Явления эти обратили на себя серьезное внимание как внутри страны, так и за границей. В стране они вызвали глубокую тревогу при мысли о том, что может произойти в случае войны Германии с другой державой, за границей они несомненно будут учтены ее политическими противниками.

В последнее время под влиянием вызывающих статей пангерманской печати стало проявляться воинственное настроение в таких классах населения, которые до сих пор наиболее миролюбиво были настроены, а именно в промышленных и торговых кругах. Главное возбуждение направлено при этом против Англии за ту роль, которую ей приписывает в настоящем политическом кризисе общественное мнение Германии.

В ней видят здесь главную подстрекательницу Франции, выступившую снова с целью вызвать вооруженное столкновение между Германией и Францией, жертвой которого должен стать ненавистный Англии германский флот. Мнение это открыто высказывается не только в общественных, но также и высших правительственных кругах.

Мирный исход настоящего политического кризиса вследствие примирительного положения, занятого императором Вильгельмом, представляется теперь весьма вероятным, но он не пройдет для Германии бесследно. В стране все более пробуждается сознание, с одной стороны, той неприязни, которую питают к ней другие страны, с другой стороны, того непосильного бремени, которое на нее накладывает необходимость беспрестанно увеличивать свою вооруженную силу, без осязательных для страны результатов. Желание выйти из настоящего тяжелого положения и использовать раз навсегда ту мощь, на которую потрачено

[1] Содержание тел. Шебеко от 15/2 сент. за № 67 изложено в публикуемом документе.

было столько народной силы и богатства, может заставить Германию в ближайшем будущем рискнуть столкновением с той державой, которую она считает своим непримиримым врагом в настоящем и будущем.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 444. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⅟. Телеграмма № 68. 16/3 сентября 1911 г.

Французский посол передал вчера вечером Кидерлену французский ответ относительно Марокко [1]. Последний отказался высказаться по существу вопроса, обещав послу ответ в понедельник [2]. Впечатление, вынесенное Камбоном из разговора, — скорее благоприятное. По его мнению, здесь желают притти к соглашению, но не хотят уступить без торга; известная опасность кроется в воинственном настроении, проявляемом некоторыми политическими кругами Парижа и Лондона.

Шебеко.

№ 445. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⅟. Телеграмма № 786. 17/4 сентября 1911 г.

Получил телеграмму № 1220 [3].

Шустер именно видит единственную возможность реформ и установления порядка в Персии в сосредоточении в своих руках финансов и жандармерии, начальники коей будут находиться в его, а не шахского правительства, бесконтрольном подчинении. Меджлис уже вотировал принцип обеих этих мер, и ему остается лишь утвердить бюджет финансовой жандармерии. Надо признать, что только предоставление подобной власти иностранцу, при условии, что последний не будет пытаться нарушить жизненные интересы России и Англии, может еще удержать Персию от развала, если, конечно, такому иностранцу не будут мешать интриги самих же персов, на что уже имеются некоторые указания. Безразлично, останется ли Стокс на короткое время или нет, финансовая жандармерия будет организована Шустером при содействии американских, шведских или тому подобных офицеров. По причинам, изложенным мной ранее, шахское правительство никоим образом не согласится на командирование Стокса на Юг Персии и предпочитает этому совершенно отказаться от его услуг. Персидские офицеры казачьей бригады вообще мало пригодны, при том же в настоящее время правительство подозревает казачью бригаду в симпатиях к Мохамед-Али шаху и избегает обращаться к ее услугам. При теперешнем режиме нельзя также рассчитывать, чтобы персы добровольно поручили организацию финансовой жандармерии в Северной Персии русским офицерам. О возможности приглашения нескольких русских офицеров пока говорит один лишь Шустер, который желал бы подобной мерой заслужить наши симпатии и надеется вскоре побороть в этом вопросе оппозицию персов. В виду вышеизложенного мне кажется, что теперь все сводится лишь к тому, согласно императорское правительство на основании просьбы Шустера, изложенной в моей телеграмме № 739 [4], на оставление Стокса в Тегеране на 9 месяцев, или нет. Я убежден, что отказ наш при-

[1] См. №№ 432 и 442.
[2] 18/5 сентября.
[3] Тел. за № 1220 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. В журнале исх. тел. она адресована в Пекин. Повидимому, имеется в виду тел. Нератова от 13 сент./31 авг. за № 1229 (см. № 426).
[4] См. № 411.

чинит Шустеру много затруднений, но не остановит организации жандармерии, между тем как наше согласие будет, вероятно, оценено по достоинству как английским правительством, так и Шустером.

Поклевский.

№ 446. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 788 [1]. 17/4 сентября 1911 г.

Шустер обратился к Барклаю и мне с письмами, в которых просит нашего личного и обоих правительств содействия для успешного окончания начатых им с Зелигманом переговоров о займе [2]. Так как более месяца тому назад Шустер просил министра иностранных дел рекомендовать заем обеим миссиям, то можно думать, что министр отказал ему в этой просьбе до ознакомления с условиями займа, которые, повидимому, кабинету еще неизвестны, и обсуждались Шустером лишь с некоторыми членами меджлиса [3].

Поклевский.

№ 447. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 71 [4]. 19/6 сентября 1911 г.
Весьма срочно.

Сегодня утром я имел продолжительное свидание как с германским статс-секретарем по иностранным делам, так и с французским послом. Как тот, так и другой сказали мне, что они после вчерашнего совещания считают соглашение принципиально достигнутым, так как разномыслие касается теперь только некоторых незначительных подробностей. Германия отказывается от предъявленных ею требований экономических преимуществ в Марокко и признает данные Францией гарантии экономической свободы в этой стране достаточными. Касательно Конго также достигнуто принципиальное соглашение. Камбон считает

---

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 130, со стилистическими изменениями.

[2] Тел. от 26/13 авг. за № 714 Поклевский сообщил, что Шустер обратился через полковника Беддоса к Зелигману с просьбой о займе в 4 млн. ф. ст. из 5%. Излагая условия проектированного займа (см. № 482), Поклевский сообщал: «Заем предназначается для выкупа 7%-го долга нашему банку, для полезных общественных работ, вроде орошения и развития торговли и земледелия, для улучшения торговых путей и для установления действительного финансового контроля в Тегеране и провинциях». В заключение Поклевский отмечал: «Если заем одобряется императорским правительством, то, принимая во внимание острую нужду шахского правительства в деньгах, лучшим ответом, по моему мнению, было бы выражение с нашей стороны готовности выпустить по успокоении страны конверсионный заем приблизительно в 20 млн. при посредстве нашего банка. Этим мы избежали бы довольно щекотливого обсуждения проекта Зелигмана, и притом сам Шустер в разговоре со мной признавал наше право на заключение подобного займа».

[3] Тел. от 21/8 сент. за № 816 Поклевский передавал, что перс. м-р ин. дел сообщил ему и Барклаю, что «обе миссии должны рассматривать письмо Шустера относительно займа у Зелигмана как личное и частное его сообщение», так как ни правительство, ни регент еще не ознакомлены с условиями займа.

В тел. от 22/9 сент. за № 826 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 149, с сокращениями и стилистическими изменениями) Поклевский сообщал: «Мы оба с Барклаем узнали из достоверного источника о намерении Шустера, в случае неполучения от обоих правительств скорого и благоприятного ответа по вопросу о займе у Зелигмана, получить от меджлиса разрешение на заключение контракта о займе у какой бы то ни было другой иностранной фирмы и на сходственных условиях с теперешним проектом». «Было бы весьма желательно, — продолжал Поклевский, — ускорить ответ обоих правительств относительно займа, тем более, что полномочия меджлиса истекают через месяц и новый заем для Персии является необходимым».

[4] Опубл. в первом издании Siebert, S. 443 (без номера).

вчерашний ответ Германии вполне удовлетворительным и приемлемым[1]. Он высказал мне однако строго конфиденциально свои опасения, как бы парижский кабинет, под влиянием некоторых кругов, имеющих интересы во Французском Конго, не проявил в этот критический момент несговорчивость, могущую обострить достигнутое с таким трудом соглашение. Влияние это уже сказалось крайне резким тоном некоторых органов французской печати относительно уступки Германии какой-либо части французской территории. Камбон поэтому совершенно доверительно просил меня, чтобы мы повлияли теперь же на парижский кабинет чрез французского представителя в Петербурге и нашего посла в Париже в смысле принятия германских предложений, признаваемых им вполне приемлемыми и соответствующими интересам Франции. Камбон выразил при этом надежду, что инициатива наша в этом деле будет не напрасна.

Германский ответ уже сообщен французскому правительству. Кидерлен, выражая удовлетворение по поводу близкого окончания столь затянувшихся переговоров, заявил мне, что последние несомненно сильно затрудняются вызывающим тоном французской печати. Появлявшиеся в последние дни в некоторых парижских органах резкие статьи против Германии вызывают в стране большое раздражение и могут заставить правительство в последний момент отказаться от заключения соглашения с Францией. Со своей стороны, в интересах всеобщего мира, считал бы весьма важным в настоящей стадии переговоров между Францией и Германией избегать всего того, что могло бы помешать благополучному их окончанию; таковыми безусловно являются лишенные всякого политического такта вызывающие статьи французской и отчасти отечественной печати.

Шебеко.

№ 448. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Телеграмма № 209[2]. 20/7 сентября 1911 г.

Nicolson dit qu'à en juger par télégramme reçu d'ambassadeur anglais de Paris dernière conversation de Berlin dénote progrès sérieux et donne espoir pour solution favorable pourvu, bien entendu, qu'entrevue d'aujourd'hui confirme ces impressions. Avant Nicolson j'ai vu ambassadeur de France qui avait reçu de Berlin copie télégramme son frère. Il partage avis de Nicolson. Tous les deux émettent pourtant quelques doutes que solution esquissée ne satisfasse pas entièrement opinion publique tant en Allemagne qu'en France et redoutent pour un temps continuation d'une certaine tension.

Benckendorff.

Перевод.

Никольсон говорит, что, судя по телеграмме, полученной от английского посла в Париже, последние переговоры в Берлине указывают на серьезный успех и дают надежду на благоприятное разрешение вопроса, разумеется при условии, что сегодняшнее свидание подтвердит эти впечатления. До беседы с Никольсоном я виделся с французским послом, который получил из Берлина копию телеграммы своего брата. Он разделяет мнение Никольсона. И тот и другой высказывают однако некоторые сомнения в том, чтобы намеченное решение

---

[1] В тел. от 18/5 сент. за № 69 Шебеко сообщил: «Имперский канцлер сказал мне вчера, что французскому послу будет передан сегодня ответ германского правительства на последние французские предложения относительно Марокко. Имперский канцлер к этому присовокупил, [что] ввиду проявленного Францией искреннего желания притти к соглашению он не сомневается в благоприятном и вполне удовлетворительном для обеих сторон разрешении вопроса».

В тел. от 20/7 сент. за № 122 (опубл. Stieve, I, S. 148, N 123) Извольский сообщал: «Из успешного обмена мыслей между Камбоном и Кидерленом де Сельв выводит довольно оптимистические заключения. По некоторым весьма важным пунктам, повидимому, достигнуто соглашение».

[2] Опубл. Siebert, II, S. 170, N 459.

вопроса вполне удовлетворило общественное мнение как в Германии, так и во Франции, и опасаются, что известная напряженность отношений будет продолжаться некоторое время.

Бенкендорф.

№ 449. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

./. Письмо. 20/7 сентября 1911 г.
Confidentielle et secrète.

Monsieur le Gérant,

Revenu aujourd'hui de Balmoral, je crois devoir rendre compte à votre excellence des impressions que j'ai retirées de la visite à laquelle le roi a daigné m'inviter.

Arrivé vendredi dernier [1], j'eus l'honneur de voir sa majesté immédiatement. Je trouvai le roi extrêmement soucieux de la situation et très préoccupé des différences principielles que les commentaires de Mr. de Kiderlen sur le projet d'arrangement [2] qui lui avait été remis la semaine dernière par Mr. J. Cambon, semblaient indiquer.

Le roi les trouvait trop profondes pour pouvoir être ajustées aisément sauf par des moyens dont le roi redoutait les conséquences. Selon sa majesté on se trouvait ou à la veille de la guerre, ou bien à celle d'une sorte de retraite allemande de toutes les prétentions du Cabinet de Berlin sur des droits politiques au Maroc et certains avantages économiques, — qui, révélée au public allemand, ne manquerait pas d'y faire une impression rien moins que favorable et menacerait de prolonger même après un arrangement une sorte de tension extrêmement regrettable.

Le roi me dit être très frappé par l'attitude étrangement ferme du public français qui déterminait celle du gouvernement. Le roi pense qu'il ne faut pas cesser de donner à Paris des conseils de modération. Il me dit que sir E. Grey s'y était appliqué dès le début et que le gouvernement anglais en avait donné une preuve directe, qui aurait dû être appréciée plus qu'elle ne l'a été, en écartant toute objection à n'importe quelle concession faite par la France à l'Allemagne du côté du Congo, — alors pourtant, me dit le roi, que les intérêts anglais en Afrique sont multiples. Au Maroc c'est la liberté de la voie de commerce et l'égalité des droits économiques garanties par les traités. Mais le roi doute que le gouvernement français puisse aller au-delà des concessions que nous connaissons. S'il le faisait, sa majesté n'y verrait pas de garantie pour une paix durable. Ce que le roi redoute au plus haut degré.

La conclusion du roi a pourtant été que n'importe quelle paix vaut toujours mieux que la guerre dans laquelle l'Angleterre serait nécessairement entraînée dès le début.

Le roi s'étendit assez longuement, et non sans quelque ressentiment, sur l'animosité témoignée en Allemagne contre l'Angleterre surtout. Sa majesté m'avoua qu'il avait lieu de craindre et de regretter vivement que de pareils sentiments soient partagés par l'empereur Guillaume lui-même.

Le roi me dit que ces sentiments semblaient basés sur un argument dénué de tout fondement. En Allemagne on se dit étonné du rôle sympathique à la France joué par l'Angleterre, on fait même entendre qu'on aurait reçu des assurances du contraire. Ceci, me dit le roi, est complètement faux. L'Allemagne savait parfaitement à quoi s'en tenir. Elle savait que si le gouvernement allemand jugeait à propos de soulever à neuf l'affaire du Maroc, l'entente anglo-française serait maintenue. Le roi conclut que l'étonnement professé en Allemagne, qui signifie que le gouvernement allemand pensait avoir à faire à la France seule, et que par conséquent les choses ne pourraient pas s'envenimer au point où elles le sont devenues, n'était pas de bon aloi.

---

[1] 15/2 сентября.
[2] См. № 432.

Le roi m'en parla non sans quelque vivacité revenant toujours sur son idée que cette excitation factice des esprits constituait le plus grand danger pour la paix dans l'avenir.

En un point, pourtant, le roi critiqua la politique française. Sans entrer dans les détails de la procédure diplomatique, où il craint que le gouvernement espagnol n'ait montré trop de nervosité, le roi pense qu'il eût été sage, pour des motifs tant politiques que militaires, que la France s'arrange avec l'Espagne. Le roi s'étendit sur ce sujet, s'exprimant avec grande sympathie pour la personne du roi d'Espagne et sur des considérations dynastiques.

Le roi revint plusieurs fois sur des considérations de même nature même en présence de plusieurs hôtes du château et de Mr. Lloyd George, qui s'y trouvait en qualité de «Minister in attendance».

La nouvelle de la catastrophe qui mit fin aux jours de feu le président du Conseil des Ministres [1], parvint à Balmoral d'abord par un court télégramme Reuter, suivi bientôt par des télégrammes de plus en plus circonstanciés de Sir G. Buchanan adressés directement à sa majesté.

Dès la première nouvelle le roi fut atterré et me dit vouloir télégraphier immédiatement à l'empereur. Je ne saurais décrire l'impression d'horreur pour le crime produite sur le roi et sur tous ceux qui m'entouraient.

Les premières pensées du roi furent pour les cruels soucis que ce crime allait créer pour notre auguste maître.

Il me dit regretter vivement de n'avoir personnellement jamais connu Mr. Stolypine, que pourtant il avait tenu en haute estime cet homme d'Etat pour tout ce qu'il en avait entendu dire.

Deux ministres de Cabinet se sont succédés à Balmoral pendant mon séjour — Mr. Lloyd George et le marquis de Crewe. Le membre le plus marquant du parti conservateur était Mr. Walter Long. Je ne puis marquer aucune nuance entre les appréciations de ces Messieurs et celles du roi [2].

Le jour de mon départ, mardi dernier [3], les journaux portèrent la nouvelle que la dernière entrevue entre Mr. de Kiderlen et Mr. Cambon avait produit une certaine détente. Le roi s'en montra vivement satisfait, mais n'avait pas encore reçu de confirmation officielle.

Cette lettre traitant de conversations avec le roi, qui au point de vue constitutionnel anglais ont toujours un certain caractère privé, je prie votre excellence de vouloir bien la considérer comme très confidentielle et secrète.

Veuillez agréer, etc.

B e n c k e n d o r f f.

Перевод.

Доверительное и секретное.

Г. управляющий,

Вернувшись сегодня, считаю долгом довести до сведения вашего превосходительства о впечатлениях, вынесенных мною от пребывания в Бальморале, куда король благоволил пригласить меня.

Прибыв в прошлую пятницу, я тотчас же имел честь видеть короля. Я нашел короля крайне озабоченным создавшимся положением и очень занятым мыслью о принципиальных

---

[1] П. А. Столыпин был смертельно ранен 14/1 сент. 1911 г. в Киеве.

[2] Тел. от 20/7 сент. за № 208 (опубл. Siebert, II, S. 169, N 458) Бенкендорф сообщал: «Я вернулся из Бальмораля, где я имел случай беседовать с представителями главных партий. Я не обнаружил никаких воинственных намерений. Напротив, у всех, начиная с короля, чувствовалось самое горячее желание, чтобы берлинские переговоры закончились благополучно. Я нашел весьма умеренным даже министра финансов, который не пользуется в английских общественных кругах этой репутацией. Я покинул Бальмораль вчера до получения более успокоительных известий из Парижа. Господствовала пессимистическая оценка положения».

[3] 19/6 сентября.

разногласиях, на наличие которых повидимому указывают комментарии г. фон Кидерлена по поводу проекта соглашения, врученного ему г. Жюлем Камбоном на прошлой неделе.

Король находил эти разногласия слишком глубокими для того, чтобы их легко было уладить иначе как только [такими] средствами, последствия коих внушают королю опасения. По мнению его величества, мы находимся либо накануне войны, либо накануне своего рода отказа Германии от всех притязаний берлинского кабинета на политические права в Марокко и от некоторых экономических преимуществ, — а это, став известным германскому общественному мнению, не преминуло бы произвести крайне неблагоприятное впечатление и угрожало бы даже после [заключения] соглашения продлить весьма прискорбное состояние напряженности.

Король сказал мне, что он поражен до странности твердой позицией общественного мнения Франции, которою предопределялась и позиция правительства. Король думает, что следует продолжать давать Парижу советы умеренности. Он сказал мне, что сэр Э. Грей с самого начала действовал в этом направлении и что английское правительство дало этому явные доказательства, которые должны бы быть оценены больше, чем это было в действительности — воздержавшись от возражений против каких бы то ни было уступок Германии со стороны Франции в Конго, тогда как, добавил король, Англия имеет в Африке многообразные интересы. В Марокко это — свободные торговые пути и экономическое равноправие, гарантированные договорами. Но король сомневается в том, что французское правительство может пойти дальше известных нам уступок. Если бы оно это сделало, его величество не видел бы в этом гарантий продолжительного мира. Этого король опасается в высшей степени.

Вывод короля однако был тот, что любой мир все же лучше, чем война, в которую Англия была бы неизбежно втянута с самого начала.

Король довольно долго и не без некоторого неудовольствия говорил о враждебности, проявляемой Германией в особенности по отношению к Англии. Его величество признался мне, что имеет основание опасаться и живо сожалеть о том, что подобные чувства разделяются самим императором Вильгельмом.

Король сказал мне, что эти чувства, повидимому, основаны на соображении, лишенном всякого основания. В Германии удивлены тем, что Англия симпатизирует Франции, и даже дают понять, что получали заверения в противном. Это, сказал мне король, совершенно неверно. Германия прекрасно знала, как обстоит дело. Она знала, что если германское правительство пожелает снова поднять марокканский вопрос, то англо-французское согласие будет сохранено. В заключение король сказал, что удивление, выказываемое в Германии, является неискренним; оно свидетельствует о том, что германское правительство рассчитывало иметь дело с одной Францией, и что, следовательно, положение не могло бы обостриться настолько, насколько это произошло.

Король говорил со мной не без некоторой нервности, возвращаясь все время к мысли о том, что это искусственное возбуждение умов составит в будущем величайшую опасность для дела мира.

Однако, в одном отношении, король критиковал и французскую политику. Не входя в подробности дипломатической процедуры, в которой, как он опасается, испанское правительство проявило слишком большую нервность, король полагает, что было бы благоразумно как с политической, так и с военной точек зрения, чтобы Франция договорилась с Испанией. Король пространно говорил об этом, высказываясь с большой симпатией об особе испанского короля и о династических соображениях.

Король несколько раз возвращался к этого же рода соображениям даже в присутствии нескольких находившихся в замке гостей и г. Ллойд Джорджа, который присутствовал там в качестве «дежурного министра».

Известие о катастрофе, оборвавшей жизнь председателя совета министров, было получено в Бальморале сначала в виде краткой телеграммы Рейтера; вскоре последовали все более и более подробные телеграммы от сэра Дж. Бьюкенена, адресованные непосредственно его величеству.

При первом же известии король был поражен и сказал мне, что хочет немедленно телеграфировать государю. Я не могу описать впечатление ужаса, произведенное на короля и на всех окружавших меня этим преступлением.

Первые мысли короля были о тяжелых заботах, которые это преступление создаст для нашего августейшего государя.

Он высказал мне глубокое сожаление, что лично не знал г. Столыпина, но что он высоко ценил этого государственного деятеля по всему тому, что он о нем слышал.

Во время моего пребывания в Бальморале там поочередно находились два министра — члены кабинета: г. Ллойд Джордж и маркиз Крю. Самым выдающимся представителем консервативной партии был г. Вальтер Лонг. Я не заметил никакой разницы между мнением этих господ и мнением короля.

В день моего отъезда, в прошлый вторник, газеты сообщили, что последнее свидание между г. Кидерленом и г. Камбоном принесло некоторое успокоение. Король был этим крайне удовлетворен, но еще не получил официального подтверждения.

Так как в настоящем письме говорится о беседах с королем, которые по английской конституции всегда носят до известной степени частный характер, я прошу ваше превосходительство считать его весьма доверительным и секретным.

Примите и пр.

Бенкендорф

№ 450. Военный агент во Франции начальнику генерального штаба Жилинскому.

Рапорт № 309. 20/7 сентября 1911 г.
Секретно.

Генерал Дюбайль сообщил мне сегодня нижеследующее по поводу предстоящего увольнения призывного класса, выслуживавшего осенью сего года двухлетний срок службы:

Класс будет уволен, как предполагалось, начиная с 24/11 сентября, дабы не осложнять отношений с Германией. Однако, для того, чтобы не слишком ослаблять боевую готовность пограничных VI, XX и VII корпусов, прикрывающих мобилизацию и сосредоточение и содержащихся в усиленном составе, решено в значительной степени увеличить в этих корпусах сборы запасных, т. е. призывать на 23 или 17 дней гораздо более резервистов, нежели первоначально предполагалось, с тем чтобы убыль от увольнения очередного контингента была насколько возможно пополнена этими эшелонированными призывами до 15 января, когда при интенсивной подготовке молодые солдаты могут быть поставлены в строй. Но эта мера касается только трех названных корпусов.

Затем, дабы иметь сейчас под рукой увольняемых ныне нижних чинов, на них заготовляются именные призывные карточки.

Генерал-майор гр. Н о с т и ц.

№ 451. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 72. 21/8 сентября 1911 г.

Французский посол нашел нужным вчера выразить Кидерлену искреннее сожаление по поводу усилившихся в последние дни резких нападок в французской печати на Германию вообще и на личность статс-секретаря по иностранным делам в особенности. Он еще раз выразил мне сегодня утром опасения [1], как бы поведение французской печати, подстрекаемой, повидимому, враждебными правительству кругами и некоторыми другими влияниями, не помешало благополучному окончанию переговоров с Германией.

Ш е б е к о.

№ 452. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Письмо. 21/8 сентября 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Я имел честь донести по телеграфу [1] вашему превосходительству о результате совещания 18/5 сентября между французским послом и германским статс-секретарем по иностранным делам, на котором фон Кидерлен-Вехтер сообщил г. Камбону ответ германского правительства на второй французский проект соглашения относительно Марокко.

Совещание это, длившееся более 2 часов, несомненно сильно подвинуло все дело и подало надежду на близкое окончание переговоров. Как Кидерлен, так и Камбон сказали мне на следующий день, что они считают, ввиду проявленного обоими правительствами явного желания притти к соглашению, благополучный исход переговоров не подлежащим более сомнению; лишь бы какие-нибудь непредвиденные и независимые от самих правительств обстоятельства не испортили в последний критический момент все дело.

---

[1] См. № 447.

Как тот, так и другой указали мне при этом на крайне бестактное поведение французской печати, которая в самом разгаре переговоров между правительствами своим вызывающим тоном и резкими выпадами против Германии и руководителей ее внешней политики сильно возбуждает общественное мнение обеих стран и этим крайне затрудняет ведение переговоров. Действительно, французское общественное мнение становится все более заносчивым и требовательным; германское же, видя в сговорчивости своего правительства унизительное для достоинства могущественной державы подчинение требованиям более слабого, по его мнению, политического противника, высказывает признаки большого раздражения.

В этом последнем обстоятельстве, а не в сущности вопроса, относительно которого соглашение почти достигнуто, оба негоциатора и видят главную опасность настоящего политического положения.

Во время последнего моего свидания с Кидерленом он передал мне *строго доверительно* для вящего освещения вопроса две копии с писем, которыми он обменялся с Камбоном при передаче последним второго французского проекта соглашения.

Препровождая при этом на благоусмотрение вашего превосходительства копии означенных писем [1], считаю долгом присовокупить, что с тех пор французский посол имел еще несколько совещаний с германским статс-секретарем, на которых, по общему их отзыву, вопрос соглашения еще подвинулся вперед. Неразрешенными остались еще вопрос судебной реформы, права покровительства и консульской юрисдикции в Марокко, окончательное разграничение Конго и некоторые другие второстепенные вопросы.

Генерал Татищев [2] сообщил мне совершенно доверительно, что в разговоре с ним в Кадинене вчера император Вильгельм высказал твердое намерение не допустить войны из-за Марокко, так как от этого выиграла бы одна только Англия, которая с этой целью и прилагает все силы, чтобы помешать соглашению Франции с Германией.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 453. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 25. 21/8 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Секретными телеграммами от [12 сентября] 30 минувшего августа, №№ 47 и 48 [3], я донес вашему превосходительству об исполнении мной, совместно с французским, английским и итальянским представителями, возложенного на нас поручения сообщить греческому министру иностранных дел содержание декларации по критскому вопросу, сделанной накануне посланниками держав-покровительниц в Копенгагене его величеству королю Георгу.

Как вам известно из предыдущих моих донесений, эллинское правительство уже ранее пришло к убеждению, что упорство критян делает немыслимым возвращение к режиму верховного комиссара и что, следовательно, единственно возможным, с греческой точки зрения, исходом из создавшегося положения являлось бы оставление существующего ныне на острове порядка вещей без изменения. Ввиду сего сообщение держав и было принято афинским кабинетом с полным спокойствием.

Что касается здешнего общественного мнения, то оно отнеслось к означенному решению, пожалуй, даже с бо́льшим сочувствием, нежели само эллинское

[1] Приложение не воспроизводится. Указанные письма опубл. Gr. Pol., Bd. XXIX, T. I, S. 380, 383, NN 10743, 10744.

[2] И. Л. Татищев — «состоящий при германском императоре».

[3] См. ч. I, стр. 416, прим. 2.

правительство. Почти все газеты с удовольствием отмечают неудачу, постигшую попытку Турции добиться в настоящую минуту окончательного разрешения критского вопроса в смысле ее вожделений. Наряду с этим печать указывает также, что, приняв решение не изменять ни в чем существующего на Крите положения вещей, державы-покровительницы тем самым еще раз молчаливо признали переворот 1908 г. и все введенные тогда критянами захватным порядком новшества; сохранение в силе так называемого «аннексионного» режима служит в глазах греков ручательством, что рано или поздно окончательная судьба Крита может быть решена единственно в смысле полного слияния острова с эллинским королевством.

Оптимизм этот не вполне разделяется однако Венизелосом, которому отсутствие на Крите твердо признанного в международном отношении порядка вещей продолжает внушать известные опасения. Еще на-днях он, в беседе с английским посланником, выразил надежду на то, что державы не оставят дать отпор вероятным попыткам Турции сеять и впредь смуту на острове своими домогательствами в делах, подобных вопросу о кадиях [1] и других, могущих повлечь за собой самые опасные осложнения и на Крите и в Греции.

Примите и пр.

Татищев.

№ 454. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

√. Телеграмма № 124. 22/9 сентября 1911 г.

Здешний итальянский посол заявил де Сельву, что ничего не знает о приписываемых Италии планах относительно Триполи, и что лично он считает эти планы несвоевременными, но вместе с тем как бы от себя спросил его, как Франция относится к этому вопросу. Де Сельв отвечал, что Италия может вполне рассчитывать на лойяльность Франции и на ее верность франко-итальянскому соглашению о Триполи. Титтони подтвердил мне вышеизложенное, прибавив, что он написал в Рим, прося, в случае принятия каких-либо решений относительно Триполи, заблаговременно предупредить об этом Францию, в дружеском содействии коей он не сомневается. Де Сельв сказал мне, между прочим, что, по сведениям из частного источника, король Виктор-Эммануил лично против вышеизложенных планов, и спросил меня, что нам об этом известно.

Извольский.

№ 455. Посол [2] в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

√. Телеграмма № 36. 22/9 сентября 1911 г.

Сан-Джулиано мне сказал вчера вечером, что, озабоченный опасностью, угрожающей итальянской колонии в Триполи, он, по просьбе исполняющего должность консула, отправил в его распоряжение военные суда, оставив их покамест в Сицилии. Вместе с тем министр предупредил консула, что он опасается, как бы появление судов, вместо успокоения умов в Триполи, не вызвало там волнения, тем более, что он считает численность команд на судах недостаточной для десанта. Официозная «Tribuna» не отрицает значения делаемых военных приготовлений, подчеркивает отсутствие завоевательных намерений у правительства.

Долгорукий.

---

[1] См. №№ 8 и 21.

[2] Тел. от 12 сент./30 авг. (без номера) Долгорукий сообщал, что он вернулся из отпуска и вступил в управление пос-вом (см. ч. I, стр. 91, прим. 2).

№ 456. Посланник в Брюсселе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 31. 22/9 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Призрак войны между Францией и Германией, да при том на бельгийской территории, все более и более беспокоит здешнее общественное мнение и местную печать, а связанное с нынешними политическими событиями возвращение короля из Тироля за две недели ранее назначенного его величеством срока еще более увеличило всеобщую тревогу.

До последнего времени королевское правительство, рассчитывая ли на букву трактатов, обеспечивающих неприкосновенность бельгийской территории, или сознавая полную невозможность собственными силами отстоять нейтралитет государства, не принимало решительно никаких мер для защиты страны от оккупации воюющими сторонами, что однако в случае вооруженного столкновения соседних великих держав, несомненно, грозит Бельгии как с севера посредством высадки у Антверпена, так равно с запада и с востока вторжением в пределы королевства через слабо защищенные сухопутные его границы. Для успешного противодействия такой оккупации пришлось бы разбить и без того малочисленную бельгийскую армию на три части и на скорую руку перевооружить новой крепостной артиллерией Антверпен, Люттих и Намюр, что немыслимо ввиду недостатка времени и материальных средств.

Этим обстоятельством не преминули воспользоваться политические противники правительства, чтобы дискредитировать его в глазах избирателей. С этой целью были пущены в ход все приемы партийной борьбы, начиная с газетных статей, распространения памфлетов, противоправительственной пропаганды и кончая политическими сборищами и митингами как в столице, так и в провинции, на которых из уст ораторов либерального лагеря изливались по адресу министров потоки упреков и обвинений в отсутствии патриотизма и в антимилитаризме, основывая эти обвинения на том, что между тем как в течение 27 лет пребывания у власти католиков-консерваторов были потрачены многие миллионы на украшение городов, на развитие духовно-приходских и частных католических школ и вообще на католическую пропаганду, ничего не было сделано для обеспечения государственной обороны, и ныне, когда отечеству грозит опасность извне, она застает правительство и армию врасплох.

Под давлением общественного мнения правительство, наконец, как будто решилось выйти из своего бездействия, и недели две тому назад в официозном органе министерства «Journal de Bruxelles» появилась заметка о том, что предполагается мобилизация и призыв под оружие трех категорий запасных. Однако до сих пор, сколько мне известно, правительство ограничилось лишь пересылкой 24 пулеметов из Антверпена на восточную границу и усилением гарнизонов трех бельгийских крепостей посредством возвращения в строй находившихся в отпуску нижних чинов призыва 1909 г. и кончающих нынешней осенью действительную службу.

Этим паллиативом для успокоения общественного мнения должна, кажется, ограничиться мобилизация бельгийской армии [1].

Примите и пр.

Кн. Кудашев.

---

[1] В шифрованном письме от 21/8 сент. за № 921 И. Кудашев передавал, что ротмистр Накашидзе, состоявший в распоряжении росс. военного агента в Бельгии и Голландии, просит сообщить в отдел ген.-квартирмейстера ген. штаба следующее: «Доношу, по поводу франко-германского конфликта приняты немедленные меры: в Бельгии: призваны все отпускные, что доводит численность наличных войск до 43 000 человек; заготовлены во всех мэриях призывные бланки для трех классов резервистов, которые должны быть призваны по первому требованию; посланы из Антверпена в Люттих и Намюр орудия старого образца для вооружения промежуточных батарей и по 12 пулеметов; переведен в Намюр из Арлона один батальон; в Люттихе и Намюре кругом фортов поставлены проволочные заграждения; вдоль германской границы установлена патрульная служба жандармов; проверена система разру-

№ 457. Поверенный в делах в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 51. 22/9 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Несмотря на опасение утруждать внимание вашего превосходительства обсуждением албанского вопроса, повидимому, уже разрешенного в благоприятном для мира на Балканах смысле, — по крайней мере, на ближайшее время, — я вынужден еще раз к этому вопросу вернуться, дабы отметить некоторые слабые, на мой взгляд, пункты в деле окончательного улажения и успокоения албанской смуты.

Как я уже имел случай указывать в моих предыдущих донесениях, в черногорских политических кругах, повидимому, прочно установилось убеждение в бесполезности и невозможности для Черногории на свой страх, без серьезной активной поддержки со стороны более сильных государств и, в особенности, России, предпринять какое-либо активное выступление в случае новой вспышки мятежа в Албании [1].

С другой стороны, и в северных, прилегающих к Черногории округах этой области, благодаря усилиям держав и широким уступкам, дарованным Турцией восставшим малиссорским племенам, наступило, повидимому, прочное успокоение.

Значительной гарантией этой прочности может служить и известное мне от здешнего турецкого посланника намерение Порты не выводить на этот раз большей части войск из Скутарийского вилайета, как было, по совершенно непонятным причинам, сделано после усмирения прошлогоднего албанского мятежа, а оставить их там на всякий случай на постоянном расположении.

Однако прочность успокоения в Албании прежде всего зависит от того, насколько турецкое правительство будет в действительности выполнять данные малиссорам обещания, а равно и от того, будут ли обещанные реформы распространены на прочие группы албанского населения, гораздо более многочисленные, чем поднявшие восстание малиссорские племена.

Между тем, по дошедшим до меня известиям, турецкие власти в Скутарийском вилайете далеко не с пристальным вниманием относятся к нуждам покорившихся малиссоров и, судя по только-что полученным мною данным, среди племени Кастрати, до сих пор не получившего обещанных ему необходимых для существования запасов муки, обнаруживаются признаки серьезного недовольства.

Что касается распространения дарованных малиссорам льгот на другие, не участвовавшие в восстании албанские племена, то, по словам турецкого посланника в Цетинье, реформы имеется в виду распространить на все албанское население, для чего потребуется лишь соответственное голосование турецкого парламента.

Ввиду происходящих ныне в Турции внутренних и внешних политических затруднений, вопрос этот, однако, обещает в значительной степени затянуться, не говоря уже о том, что и в самой искренности намерений турок распространить реформы на всю Албанию есть много оснований сомневаться.

Так, по имеющимся у меня сведениям, среди миридитов — наиболее многочисленной группы населения средней Албании — существует большое недовольство нераспространением на них хотя бы части привилегий, дарованных малиссорам.

шения мостов; говорят о посылке шести батарей из Брюсселя в Намюр и шести батарей из Лувена в Люттих. В Голландии: посланы два батальона в Лимбург; резервисты, отбывшие учебные сборы, задержаны на 24 дня; отменены маневры дивизии, расположенной в Бреда. По поводу задержания резервистов эти последние произвели довольно серьезные беспорядки в пехоте и артиллерии. Вышеизложенное указывает, повидимому, на желание Голландии и Бельгии охранять их нейтралитет; знаменателен факт, что почти все эти мероприятия направлены против германской границы, чему крайне поражены местные немецкие газеты».

[1] См. № 385.

2 Межд. отнош., т. XVIII, ч. II.

О таком же недовольстве свидетельствуют и известия, доходящие из некоторых прочих частей турецкой империи, где имеется албанское население. Так, в недавней телеграмме из Ускюба, помещенной нашим С.-Петербургским телеграфным агентством, указывалось, что «происходившие в Дьякове переговоры местного вали с албанскими вождями остались безрезультатными. Албанцы уехали из Дьякова, требуя одинаковых с малиссорами льгот. По слухам, многие ушли в горы, образовав новые банды».

Неутешительные известия приходят и из соседнего с Черногорией Беранского округа (Ново-Базарский санджак), где в м. Рожае обнаруживается серьезное брожение среди албанцев-мусульман, требующих дарования им льгот, обещанных малиссорам.

Брожение существует и среди племен Южной Албании в местностях, пограничных с Эпиром, причем в поддержании недовольства играют значительную роль греческие агитаторы.

Здесь уместно заметить, что Греция, живо заинтересованная в ослаблении Турции ввиду своих аннексионных замыслов в критском вопросе, повидимому, играет роль немаловажного фактора в деле поддержания и устроения албанской смуты.

Некоторый свет на близкое соприкосновение греческой политики с руководителями албанского восстания проливает деятельность греческого поверенного в делах в Черногории г. Цамадоса, присланного сюда во время албанского кризиса и проявлявшего весьма активную агитационную деятельность при сношениях с руководителями черногорской внешней политики, еще столь недавно лелеявшими мысль об использовании албанского мятежа с своекорыстными целями. Г. Цамадос поддерживал также деятельные сношения с известным албанским агитатором, депутатом турецкого парламента Измаил-Кемалем, проведшим в Черногории во время кризиса несколько дней.

Небезынтересно, что при здешнем греческом поверенном в делах, обычно не имеющем канцелярии, ввиду малого количества работы, состояли за все время кризиса и продолжают состоять ныне 2 канцеляриста-албанца, уроженцы м. Тирано в Южной Албании.

Изложенные выше факты с несомненностью указывают на то, что в деле улажения албанского вопроса, несмотря на достигнутые усилиями держав и благодаря разумным уступкам турецкого правительства положительные результаты, существует не мало слабых сторон, могущих, в случае каких-либо неблагоприятных для Турции политических осложнений, послужить элементом для новых революционных вспышек в Албании.

Тем не менее, ввиду указанных выше серьезных военных мер предосторожности, на этот раз принятых турками в Албании, а равно и, повидимому, серьезного намерения оттоманского правительства в конце концов распространить реформы на все албанское население, можно надеяться, что мир в Албании все-таки не будет в ближайшем времени нарушен, не говоря уже о том, что в наступающем вскоре холодном и снежном периоде о каком-либо революционном движении в горной стране, каковой является Албания, не может быть и речи.

Желательно однако, чтобы турецкое правительство, столь неисправимо нарушающее мудрый принцип «gouverner c'est prévoir»[1], рекомендованный Гизо, по возможности скорее приняло все необходимые меры к восстановлению нормальной жизни в своей албанской провинции, тщательно исполнив данные малиссорам обещания и распространив, в меру возможности, дарованные последним льготы на прочие группы недовольного албанского населения.

Что касается Черногории, то, как я уже указывал, правители ее и истощенный недавним албанским кризисом народ, убедившись из горького опыта в невозможности для малого и слабого королевства предпринимать без помощи

---

[1] «управлять — это значит предвидеть».

какой-либо сильной державы и вопреки воле России какие-либо активные выступления, во всяком случае настроены ныне вполне миролюбиво и могли бы воспользоваться затруднениями Турции из-за албанского вопроса лишь в случае нового крупного осложнения в этой части Балканского полуострова, которого, конечно, не допустят на этот раз ни державы, ни, надо надеяться, сама Турция.

Примите и пр.

Н. Обнорский.

№ 458. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Риме Долгорукому.

Письмо № 604. 23/10 сентября 1911 г.

М. г. князь Николай Сергеевич,

Полученная сегодня секретная телеграмма вашего сиятельства от 22/9 сентября за № 36 [1] касательно возможных выступлений Италии в Триполи совпала с появлением этого вопроса, как злобы дня, на столбцах европейской печати, а также с доверительной беседой, которую имел со мною вчера на эту тему уезжающий в отпуск турецкий посол.

Я мог заключить из слов Турхан-паши, что Турция, в сущности, весьма испугана приписываемыми Италии намерениями, и не зная ни формы этих намерений, ни размеров, какие могут принять дальнейшие события, ни возможных отражений их на общем политическом положении, ищет не то поддержки, не то посредничества России, как державы, особенно заинтересованной в соблюдении status quo на Востоке.

Мне кажется, что вышесказанное создает весьма удобный для нас повод вступить с итальянским правительством в самый дружеский разговор на данную тему.

Ваше сиятельство могли бы объяснить маркизу Сан-Джулиано, что, не входя в рассмотрение существа вопроса, мы не можем не согласиться с его же собственным опасением, что самые невинные и законные действия Италии в Триполи могут при известных и трудно предвидимых условиях вызвать значительные осложнения и прочно и надолго приковать внимание Италии к африканскому побережью, тем самым ослабив ее воздействие в балканских вопросах, и притом в такой момент, когда эти же действия Италии, вызвав внутренние волнения в Турции, вследствие слабости ее нынешнего правительства, способны неожиданно поставить «турецкий» вопрос во всей его широте.

Таковая перспектива, очевидно, не может входить в расчеты итальянских государственных людей, а для нас свобода действий Италии, на случай возникновения балканских вопросов, точно так же представляется немаловажным интересом, который должен вполне оправдать в глазах Сан-Джулиано наше нынешнее к нему обращение.

Мы были бы весьма благодарны министру за сообщение нам своего мнения о том, в каком смысле мы могли бы ответить туркам на случай дальнейших с их стороны обращений.

В ожидании сообщения впечатлений, которые ваше сиятельство почерпнете из беседы вашей с итальянским министром иностранных дел, пользуюсь случаем и пр. [2]

[Нератов.]

---

[1] См. № 455.

[2] Тел. от 29/16 сент. за № 38 Долгорукий сообщил, что ход событий лишил его возможности выполнить данное ему предписание.

№ 459. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁺/. Телеграмма № 565. 23/10 сентября 1911 г.

Получил телеграммы №№ 1204 [1] и 1234 [2].

На сделанное мной заявление с указанием, что принятые амбанем Саньдо против хутухты и князей меры едва ли будут способствовать успокоению Монголии, китайцы ответили, быть может, под влиянием возрастающих внутренних затруднений на Юге, в довольно мягкой форме, письменно [3]. Изъявляя готовность продолжать обмен мнений по монгольскому вопросу, министры повторили прежние аргументы о культурном и экономическом значении реформ в Монголии. Амбаню Саньдо было лишь поручено изучить положение дел в Монголии и разъяснить населению цель реформ, отложив даже на время осуществление некоторых из них в угоду монголам. Амбань телеграфировал о наступлении успокоения среди населения, но об указанных нами крутых его мерах министрам ничего неизвестно, поэтому они телеграфировали Саньдо, чтобы он придерживался осторожности в своих действиях, во избежание ошибочного отождествления этих действий с вмешательством в дела хутухты. Считая, что китайские власти сами поддержат порядок, настоятельно отрицая прецедент усиления конвоя нашего консульства в Урге, министры высказывают опасение, что мера эта возбудит тревогу и потому было бы желательно, чтобы мы от нее отказались. Я ограничился заявлением, что передам этот ответ на усмотрение императорского правительства. Считаю долгом присовокупить, что переговоры и часть китайского письменного ответа оглашены в здешней китайской прессе. Таковой шаг мог последовать только по инициативе вай-ву-бу. Я высказал сожаление по поводу этого факта.

Коростовец.

№ 460. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁺/. Письмо. 25/12 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В прошлую пятницу я мог, слава богу, телеграфировать вам [4], что франко-германские переговоры приняли, наконец, благоприятный оборот; полученный здесь письменный ответ г. Кидерлена подтвердил уже заявленный им в устной форме г. Камбону отказ Германии от требования экономических привилегий в Марокко. Так как, с другой стороны, предложенные Францией гарантии одинаковой для всех держав экономической свободы признаются Германией достаточными, разногласие продолжает еще существовать лишь по немногим вопросам, а именно о дипломатических сношениях с Марокко, о судебной юрисдикции и о состоящих под иностранным покровительством марокканских подданных. Из обмена мыслей между г. Камбоном и г. Кидерленом выяснилось однако, что и по этим вопросам будет нетрудно притти к соглашению. Как вам уже известно [4], г. де Сельв выработал по этим трем пунктам примирительные формулы, которые по утверждении их советом министров были сообщены со специальным курьером г. Камбону. Решение германского правительства ожидается здесь сегодня или завтра и здесь твердо надеются, что французские формулы будут приняты либо целиком, либо, в крайнем случае, с незначительными поправками.

---

[1] См. № 416.

[2] Тел. от 11 сент./29 авг. за № 538 Коростовец предлагал упомянуть в официальном обращении к кит. прав-ву о действиях амбаня Саньдо в Урге. Тел. от 14/1 сент. за № 1234 Нератов, соглашаясь с этим предложением, отмечал: «Имейте в виду однако, что мы не намерены выступить активно для устранения Саньдо или противодействия его распоряжениям».

[3] При деп. от 12 окт./29 сент. за № 90 Коростовец препровождал Нератову пам. записку вай-ву-бу от 20/7 сент., содержание которой в основном изложено в публикуемом документе.

[4] Имеется в виду тел. Извольского от 22/9 сент. за № 123, содержание которой исчерпывается публикуемым письмом.

Как только состоится в окончательном виде соглашение о Марокко, будет приступлено к переговорам о территориальных компенсациях в области Конго. Как вам уже известно, г. Кидерлен высказал г. Камбону, что на этой почве он не предвидит серьезных затруднений [1]. Со своей стороны, я однако боюсь безусловно доверять подобному оптимизму. Переговоры о Конго, как вы изволите вспомнить, остановились на том, что Германия требовала проведения границы уступаемой территории по течению рек Алима и Угуэ [2], Франция же не соглашалась перенести эту границу южнее течения реки Санга. При этом, с французской стороны было заявлено, что в этом отношении невозможна никакая дальнейшая уступка. Настоящий вопрос осложняется еще тем, что в нем, повидимому, имеется закулисная сторона. По имеющимся у меня и отчасти проникшим в публику сведениям, в первоначальной стадии переговоров г. Кайо, под давлением некоторых частных интересов, связанных с одной из существующих в Конго концессий (в которой заинтересованы также германские капиталисты), был готов согласиться на проведение границы именно по течению рек Алима и Угуэ, и об этой готовности было сообщено германскому правительству через посредство заинтересованных лиц. Уверяют даже, что этим лицам принадлежит первоначальная мысль об уступке Германии части Конго взамен предоставления Франции свободы действия в Марокко. В этом деле с французской стороны, повидимому, замешан известный публицист Тардье и финансист Фондер (Fondère), а с германской — некий г. Земмлер (Semmler). В крайней радикальной газете «Humanité» появился недавно ряд статей с разоблачениями на эту тему [3]. Для меня, конечно, весьма трудно узнать всю правду об этом довольно темном деле; но германский посол подтвердил мне, что он действительно имел сношения с г. Фондер и что через него ему было известно о взгляде г. Кайо на вопрос о южной границе территориальных уступок. С другой стороны, г. де Сельв, под давлением некоторых влиятельных парламентских групп, решительно высказался против всякой уступки южнее реки Санга и заявил, что откажется от портфеля скорее, чем согласится на подобную уступку. Наконец, за последние дни в некоторых здешних газетах опять возобновилась агитация против уступки Германии какой бы то ни было части Конго. Таким образом, если Германия будет настаивать на требуемой ею границе, это может привести не только к новому обострению переговоров, но и к внутреннему политическому кризису во Франции, так как оппозиционные партии несомненно воспользуются этим случаем, чтобы обнаружить вышеупомянутую закулисную сторону переговоров.

Как я сообщил вам по телеграфу [4], третьего дня началось увольнение старослужащих, которое должно закончиться в нормальный срок, т. е. к концу этой недели. Как и следовало ожидать, некоторые газеты забили по этому поводу тревогу; правительство поспешило разъяснить через агентство Гаваса, что эта мера на практике почти вовсе не ослабит боевой готовности французской армии по сравнению с германской, в которой также увольняются выслужившие срок солдаты. Вместе с тем мне известно, что военное министерство сделало негласное распоряжение о соответствующем увеличении числа призываемых в этом году на учебный сбор резервистов, в особенности по восточной границе.

Парижская биржа, в конце концов, не могла не пострадать от столь продолжительного международного кризиса, но в гораздо меньшей степени по сравнению с берлинской. Трагическая кончина П. А. Столыпина также имела последствием понижение особенно русских фондов, которые однако быстро оправились.

Французская печать, на которую так жалуются в Берлине, в общем сохраняет довольно умеренный тон; наиболее влиятельные в международных вопросах органы, как например «Matin», «Figaro» и «Journal des Débats», высказы-

---

[1] См. № 401.
[2] См. №№ 324 и 340.
[3] Ср. № 125.
[4] Имеется в виду тел. Извольского от 24/11 сент. за № 125, содержание которой изложено в публикуемом документе.

ваются в примирительном духе. В газете «Temps» г. Тардье, по обыкновению, отличается бестактными выходками, но, как известно, со времени своей размолвки с г. Пишоном он перестал получать директивы от министерства иностранных дел. Наконец, шовинистские газеты, вроде «Echo de Paris», ежедневно агитируют против чрезмерной, по их мнению, уступчивости правительства, но главная их цель — создать затруднения г. Кайо и де Сельву. На эту часть печати правительство не имеет никакого влияния, о чем, конечно, хорошо известно в Берлине.

Речь, произнесенная вчера г. Кайо [1] в Алансоне и в которой, между прочим, затронут марокксвий вопрос, отличалась особенной умеренностью и даже доброжелательством по отношению к Германии. Германский посол остался ею очень доволен и, судя по телеграммам из Берлина, она произвела там отличное впечатление.

Примите и пр.

Извольский.

№ 461. Посол [2] в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 571. 25/12 сентября 1911 г.

Великий визирь сообщил сегодня через директора своего кабинета Салих-бея мне и, повидимому, некоторым другим представителям держав подлинную ноту итальянского поверенного в делах от 23/10 сентября, прося высказать мое мнение, намекая на желательность посредничества между Турцией и Италией. Директор добавил, что до сих пор между Портой и римским кабинетом не происходило никаких активных переговоров о триполийском вопросе. В ноте указано весьма кратко, что в триполийском вилайете замечается сильное возбуждение фанатизма туземцев, угрожающего итальянской колонии. Многие члены последней спасаются в Италию. Отправление в Триполи военных припасов и войск имело бы последствием усиление возбуждения и опасности для итальянских подданных. Я ответил, что вернувшись только вчера, могу высказать великому визирю исключительно и доверительно личное мнение. В Триполи у России нет прямых интересов, и Россия не связана с Италией теми союзными отношениями, которые существуют уже давно между Италией, Германией и Австро-Венгрией. Поэтому казалось бы, что для выяснения намерений Италии, могущих иметь враждебный относительно Турции характер, последней надлежало бы обратиться прежде всего к союзницам Италии. Ввиду же указанной великим визирем неосведомленности Порты о том, чего собственно домогается Италия в Триполисе, Порте следовало бы постараться вызвать римский кабинет на дипломатические переговоры.

Я лично вполне убежден, что Италия не ищет войны и охотно постаралась бы ее избегнуть. Для нас существенной является и в данном случае наша всегдашняя забота о сохранении мира на Ближнем Востоке и о сохранении самой Турции, как нашего ближайшего и развивающегося соседа, с которым наши экономические сношения за последнее время так быстро и обоюдно выгодно упрочиваются. Прощаясь, Салих-бей спросил, последовало ли прибытие его императорского величества в Ливадию, и заметил, что он надеется быть включенным в состав чрезвычайного турецкого посольства.

Чарыков.

№ 462. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 1315. 26/13 сентября 1911 г.

Сообщается послу в Лондоне.

Английский посол спросил меня, как мы намерены поступить с Мохамед-Алишахом, если бы он бежал в Россию.

[1] Повидимому имеется в виду речь Кайо на открытии нового здания почты в Алансоне.

[2] Тел. от 24/11 сент. (без номера) Чарыков сообщал, что он вернулся из отпуска и вступил в управление пос-вом (см. ч. I, стр. 372, прим. 1).

Я ответил, что ему не позволят поселиться в какой-нибудь пригpаничной с Персией местности и что он, вероятно, опять вернется в Одессу. Мы будем стараться быть осведомленными о его действиях, но, конечно, не можем безусловно гарантировать, что он не возобновит своих попыток. Впрочем, после нынешнего неудачного опыта, он едва ли решится вновь попытать судьбу.

На вопрос Бьюкенена, согласимся ли мы дать персидскому правительству заверения в этом смысле, я сказал, что если персы нас запросят, мы так и выскажемся.

Нератов.

№ 463. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 211. 26/13 сентября 1911 г.

Nicolson me dit que l'ambassadeur de Turquie est venu chez lui pour donner copie de la note présentée par l'Italie à la Turquie. Cette note demande en termes énergiques le règlement prompt des griefs italiens contre les autorités turques dans la Tripolitaine. Opposant une fin de non recevoir aux accusations italiennes et niant tout motif pour le départ des sujets italiens, l'ambassadeur de Turquie, d'ordre de son gouvernement, a demandé que le gouvernement britannique use de son influence à Rome pour détourner le gouvernement italien de toute action. Nicolson a répondu que le gouvernement britannique n'a aucune raison pour intervenir dans cette affaire. Il dit que le chargé d'affaires italien est venu informer le Cabinet de Londres de l'attitude italienne, sans demander l'intervention du gouvernement britannique. Que par conséquent si le gouvernement britannique se décide à une démarche à Rome, une démarche de même nature devrait être faite à Constantinople. L'ambassadeur de Turquie s'efforça d'insister, mais Nicolson n'a pas modifié sa réponse. Je demandai à l'ambassadeur de Turquie si une démarche semblable était faite auprès des autres Puissances. L'ambassadeur a répondu affirmativement et que le gouvernement allemand a répondu qu'il ne croyait pas que le gouvernement italien médite une action hostile à l'égard de la Turquie. Confidentiellement Nicolson dit que la dernière information lui paraît d'une exactitude relative.

Benckendorff.

Перевод.

Никольсон сказал мне, что турецкий посол посетил его, чтобы передать копию ноты, предъявленной Италией Турции. Эта нота в энергичных выражениях требует быстро урегулировать итальянские претензии к турецким властям в Триполи. Отвергая итальянские обвинения и отрицая наличие какого-либо основания для отъезда итальянских подданных, турецкий посол по указанию своего правительства просил британское правительство, чтобы оно использовало свое влияние в Риме, дабы удержать итальянское правительство от каких-либо действий. Никольсон ответил, что британское правительство не имеет никаких оснований для вмешательства в это дело. Он сказал, что итальянский поверенный в делах приходил сообщить лондонскому кабинету о позиции Италии, но не просил о вмешательстве английского правительства. Поэтому, если британское правительство решится на выступление в Риме, то подобный же шаг должен быть сделан и в Константинополе. Турецкий посол пытался настаивать, но Никольсон не изменил своего ответа. Я спросил у турецкого посла, были ли предприняты подобные шаги перед другими державами. Посол ответил утвердительно [и сказал], что германское правительство ответило, что не думает, чтобы итальянское правительство замышляло враждебное выступление против Турции. Доверительно Никольсон добавил, что, по его мнению, последняя информация отличается, повидимому, [лишь] относительной точностью.

Бенкендорф.

№ 464. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 26/13 сентября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Sir E. Grey étant revenu en ville ce matin, je suis allé lui rendre visite.

Tout d'abord le ministre me renouvela en quelques paroles, qui portaient l'empreinte d'une émotion sérieuse et sincère, ses condoléances à l'occasion de la fin tragique de feu Mr. Stolypine. Il me parla de la vive sympathie éprouvée par tous les esprits pensants en Angleterre pour le caractère du défunt, des services que dans son opinion il avait rendus à l'empereur et à la Russie et termina en me disant qu'il admirait un pays qui ne se laissait pas décourager ni déconcerter par des cataclysmes de cette nature.

Je remerciai Sir Edward sincèrement pour ses paroles et la lettre privée qu'il m'avait écrite et dont votre excellence trouvera copie ailleurs [1].

Le ministre me dit qu'à peine revenu il n'avait pas eu le temps de se mettre tout à fait au courant de la situation.

Il me dit qu'il avait bon espoir pour la conclusion aussi rapide que possible des négociations de Berlin. Toutefois, selon lui, les projets, tant français qu'allemands, avaient soulevé des questions spéciales juridiques et autres qu'il eût été préférable de ne pas soulever; que ces projets avaient dans son opinion le défaut d'être trop longs et trop minutieux, ce qui entraînait toujours des difficultés inutiles pour la négociation. Il dit que si le Cabinet de Berlin était sincère, comme il avait tout lieu de le croire, en proclamant qu'il renonçait pour le Maroc à tout droit politique et privilège économique, il eût suffi de quelques articles qui en principe auraient contenu clairement et sans malentendus postérieurs possibles l'ensemble de ces concessions.

Selon le ministre, il s'agissait avant tout de ne pas donner le temps aux opinions publiques de s'échauffer et de lier la main à leurs gouvernements, et Sir Edward croit que cela aurait été possible.

Néanmoins à l'heure qu'il est, il n'augurait pas de danger pour la paix, mais il dit que pourtant la question du Congo restait encore ouverte; qu'il croyait savoir que Mr. de Kiderlen s'était exprimé dans le sens que cette question ne présentait pas de grandes difficultés, mais que le dernier acte avait été une proposition de concession territoriale faite par la France, à laquelle le gouvernement allemand avait à répondre; que beaucoup dépendrait de la teneur de cette réponse.

La question du différend franco-allemand ne fut pas poursuivie plus loin.

Je demandai alors à Sir Edward ce qu'il pensait de la question de Tripoli qui avait surgi subitement.

Le ministre me répondit qu'il n'avait pas d'information officielle de nature à dévoiler les projets de l'Italie. Il dit qu'il lui paraissait indiscutable que l'Italie possédait à Tripoli des intérêts extrêmement considérables, et très probablement elle avait, comme tant d'autres Puissances en autres parages, de justes raisons de se plaindre des procédés administratifs turcs à l'égard de ses intérêts; que par conséquent il lui paraissait légitime que l'Italie prit sérieusement la défense de ses intérêts lésés; que cela était le droit de chaque Grande Puissance.

Il s'agit du choix des moyens de pression. C'est à ce sujet, me dit Sir Edward, qu'il n'avait aucune information autorisée. Tel procédé même démonstratif ne

[1] Копия письма Грея Бенкендорфу от 19/6 сент. была препровождена Нератову советником пос-ва в Лондоне Эттером при деп. от 19/6 сент. за № 70. В этом письме Грей выражал соболезнование по поводу смерти Столыпина.

Препровождая письмо Грея, Эттер писал, что англ. газеты посвящают памяти Столыпина «самые сочувственные статьи, подробно останавливаясь на трудном шестилетнем служении его родине во главе правительства». И дальше: «Отмечая доброжелательные отношения его к Англии и вспоминая, что англо-русское соглашение состоялось во время его пребывания у власти и при его содействии, печать высказывает надежду, что преждевременная кончина друга Англии все же не изменит твердо уже установившегося международного положения вещей».

constitue pas la guerre; mais tels autres procédés sont la guerre, et l'Italie fera bien d'y réfléchir. Militairement elle est plus forte à Tripoli que ne peut l'être la Turquie, mais celle-ci a des moyens d'action, tels que le boycottage et autres, fort nuisibles aux intérêts italiens. Une guerre pareille mettrait les Puissances, me dit Sir Edward, dans une situation fort délicate et fort difficile, et il y aurait toujours danger de répercussion dans les autres parties de l'Empire Ottoman.

Tout l'espoir est qu'une pareille lutte peut être localisée, ce qui ne semble pas facile à Sir E. Grey. Il dit que la France, liée vis-à-vis de l'Italie par des conventions récentes, ne pourrait élever aucune objection fondée à l'action italienne.

Le ministre ne me dit rien de précis sur l'attitude éventuelle anglaise. Il observa seulement que le désir du gouvernement anglais eût été de ne pas à avoir à s'en mêler; qu'il existait entre l'Angleterre et l'Italie une convention datant du ministère de lord Salisbury [1] qu'il n'avait jamais occasion de consulter et qu'il n'avait pas encore eu le temps de revoir. Après quelques remarques générales sur les complications éventuelles à craindre, la question resta là.

Je compris que Sir Edward n'était pas arrivé à un programme défini, et qu'avant d'y avoir réfléchi il ne voulait rien dire qui le puisse engager.

Je demandai alors à Sir Edward s'il avait des nouvelles de Perse.

Il me dit qu'il en avait de fort mauvaises sur la sécurité du Sud de la Perse, que les routes étaient obstruées et le mouvement du commerce tout comme sisté, et que le gouvernement anglais se voyait obligé de prendre des mesures.

Pour commencer il s'agissait de renforcer les gardes consulaires, ce qui était même nécessaire pour Isfahan dont la situation à ce point de vue est très importante. Mais Isfahan se trouvant dans la sphère russe, Sir Edward dit avoir avant tout télégraphié à O'Beirne pour qu'il s'en explique avec votre excellence.

Selon Sir Edward, la situation de l'Angleterre et la nôtre sont à ce sujet fort différentes; s'il existe une sécurité suffisante et la liberté nécessaire pour le commerce dans le Nord de la Perse, c'est grâce à la proximité de nos frontières et à nos troupes.

Il me dit que si l'Angleterre était pays limitrophe comme l'est la Russie, le gouvernement anglais se verrait probablement aujourd'hui obligé de faire comme nous. Mais que d'occuper des points essentiels dans la sphère anglaise nécessitait des transports de troupes par mer, opération considérable et difficile à laquelle le gouvernement ne se déciderait pas, pensant qu'en renforçant les gardes consulaires le but pourrait être suffisamment atteint.

Je répondis à Sir Edward que le point qui en effet demandait à être élucidé entre nos deux gouvernements était celui d'Isfahan, que je n'avais pas autorité pour répondre, mais que personnellement je ne voyais rien dans nos conventions qui fixe l'effectif des gardes consulaires; que si le consulat britannique à Isfahan en possédait une, il ne me paraissait pas que le gouvernement impérial s'opposerait à son renforcement en cas de nécessité — tout d'abord parce qu'aucun principe, que je sache, ne s'y opposait, et secondement parce qu'il n'entrait certainement pas dans les vues du gouvernement impérial de créer des difficultés de nature à compromettre la sécurité et la liberté du commerce anglais dans le Midi de la Perse.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Сегодня утром сэр Э. Грей вернулся в город, и я посетил его.

Министр начал с того, что в нескольких словах, проникнутых искренним и глубоким сочувствием, возобновил мне свои соболезнования по случаю трагической кончины г. Столыпина. Он говорил мне о живых симпатиях, проявленных всей мыслящей Англией к харак-

[1] Имеется в виду обмен нотами между итал. и англ. прав-вами 12 февр. 1887 г. о поддержании status quo на Средиземном, а также на Адриатическом, Эгейском и Черном морях.

Обменом нот от 23 марта 1887 г. между австро-венг. послом в Лондоне Карольи и Солсбери австро-венг. прав-во присоединилось к англо-итал. соглашению.

теру покойного, о заслугах, оказанных им, по его мнению, императору и России, и закончил выражением своего восхищения страной, которая не падает духом и не теряется при подобных потрясениях.

Я искренно поблагодарил сэра Эдуарда за его слова и за частное письмо, которое он мне написал и копию коего ваше превосходительство найдете при другом письме.

Министр сказал мне, что он вернулся недавно и не имел времени полностью войти в курс положения.

Он сказал мне, что имеет надежду на возможно быстрое завершение берлинских переговоров. Тем не менее, по его сведениям, как французский, так и германский проекты подняли специальные юридические и другие вопросы, которые лучше было бы не ставить; по его мнению, эти проекты имеют тот недостаток, что они слишком длинны и подробны, а это вызывает всегда бесполезные затруднения при переговорах. Он сказал, что если берлинский кабинет искренно, как он имеет все основания полагать, заявляет об отказе от всяких политических прав и экономических привилегий в Марокко, то было бы достаточно нескольких статей, которые излагали бы ясно всю совокупность этих уступок и не оставляли возможности для последующих недоразумений.

По мнению министра, речь идет прежде всего о том, чтобы не давать времени общественному мнению притти в возбуждение и [тем самым] связать руки правительству, и сэр Эдуард думает, что это было бы возможно.

Тем не менее в настоящий момент он не предвидит опасности для мира, но он сказал, что все же вопрос о Конго остается еще открытым; он имеет сведения, что г. Кидерлен высказался в том смысле, что этот вопрос не представляет больших затруднений, но что последним актом было исходящее от Франции предложение о территориальных уступках, на которое германское правительство должно еще дать ответ; многое зависит от содержания этого ответа.

Больше о вопросе франко-германских разногласий не говорилось.

Затем я спросил сэра Эдуарда, что он думает по вопросу о Триполи, который возник внезапно.

Министр ответил мне, что у него нет официальной информации, которая могла бы вскрыть замыслы Италии. Он сказал, что, как ему представляется бесспорным, Италия обладает в Триполи весьма крупными интересами, и, по всей вероятности, имеет, как многие другие державы в иных местах, справедливые основания жаловаться на турецкие административные приемы в отношении ее интересов; ввиду этого ему кажется законным, чтобы Италия серьезно выступила в защиту своих нарушенных интересов; таково право каждой великой державы.

Вопрос стоит о выборе средств воздействия. Сэр Эдуард сказал мне, что именно по этому поводу у него нет никаких официальных сведений. Тот или иной способ, даже демонстративный, не означает войны; но другие способы являются войной, и Италия хорошо сделает, если подумает об этом. В военном отношении она в Триполи сильнее, чем Турция, но последняя обладает такими способами действия, как например бойкот и др., которые весьма вредны для итальянских интересов. Сэр Эдуард сказал мне, что подобная война поставит державы в весьма щекотливое и крайне затруднительное положение и всегда будет опасность, что она отзовется в других частях Оттоманской империи.

Вся надежда на то, что подобная борьба может быть локализована, но это не представляется сэру Э. Грею легким. Он сказал, что Франция, связанная по отношению к Италии недавними конвенциями, не сможет выставить никаких обоснованных возражений против действий Италии.

Министр не сказал мне ничего определенного о возможной позиции Англии. Он только заметил, что желание английского правительства — не быть вынужденным вмешаться в это дело; что между Англией и Италией существует конвенция времен министерства лорда Солсбери, к которой он никогда не имел случая обращаться и с которой у него еще не было времени вновь ознакомиться. После нескольких общих замечаний о грозящих в будущем осложнениях, вопрос был на этом оставлен.

Я понял, что сэр Эдуард не принял еще никакой определенной программы и что прежде чем он ее обдумает, он не желает сказать ничего, что могло бы связать его.

Тогда я спросил сэра Эдуарда, имеет ли он известия из Персии.

Он сказал мне, что имеет очень дурные известия об условиях безопасности на Юге Персии, что проезд через дороги там затруднен, движение товаров прервано и английское правительство вынуждено принять меры.

Для начала нужно прибегнуть к усилению консульской охраны, что́ необходимо даже в Исфагани, положение которой в этом отношении имеет большое значение. Но так как Исфагань находится в русской сфере, то, по словам сэра Эдуарда, он начал прежде всего с того, что протелеграфировал О'Берну, чтобы он объяснился по этому вопросу с вашим превосходительством.

По словам сэра Эдуарда, положение Англии и наше в этом отношении весьма различно; если существует достаточная безопасность и свобода торговли на Севере Персии, то это благодаря близости наших границ и присутствию наших войск.

Он сказал мне, что если бы Англия была, как Россия, пограничной [с Персией] страной, то сейчас она вероятно была бы вынуждена последовать нашему примеру, но для занятия значительных пунктов в английской сфере потребовалась бы перевозка войск морским путем, что является большой и трудной операцией, на которую правительство не решится, полагая, что путем усиления консульской охраны цель может быть в достаточной мере достигнута.

Я ответил сэру Эдуарду, что пунктом, который действительно нуждается в выяснении между нашими обоими правительствами, является Исфагань, что я не уполномочен дать ответ, но что лично я не вижу в наших конвенциях ничего, что устанавливало бы размеры консульской охраны; что если британское консульство в Исфагани имеет таковую, то мне кажется, что императорское правительство не воспротивится ее усилению в случае необходимости — прежде всего потому, что, насколько я знаю, никакой принцип этому не препятствует, а во-вторых, потому, что в виды императорского правительства конечно отнюдь не входит создавать затруднения, способные повредить безопасности и свободе английской торговли на Юге Персии.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 465. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

26/13 сентября 1911 г.

Письмо [1].

М. г. Анатолий Анатольевич,

До сих пор, как мне известно от г. де Сельва и от итальянского посла, французскому правительству не сделано никакого сообщения о приписываемых Италии планах относительно Триполи. Г. Титтони заявил г. де Сельву, что ему ничего неизвестно об этих планах, но, вместе с тем, как бы частным образом и от своего имени, спросил его, как относится Франция к этому вопросу? Г. де Сельв ответил послу, что Италия может вполне рассчитывать на лойяльность Франции и на точное выполнение ею существующего на счет Триполи франко-итальянского соглашения. Г. Титтони телеграфировал об этом в Рим, прося в то же время маркиза ди Сан-Джулиано ничего не предпринимать, не уведомивши об этом заранее Франции; с тех пор он не имеет никаких указаний по этому вопросу от своего правительства [2].

Я несколько раз беседовал о Триполи с г. Титтони, мнения коего представляют большой интерес, ввиду его основательного знакомства с итальянской внешней политикой и того влияния, которое он, несомненно, продолжает иметь на короля Виктора-Эммануила; он высказал мне, что лично он не считает своевременным поднятие этого вопроса, но что, по его убеждению, итальянское правительство будет принуждено, под давлением общественного мнения, начать активные действия. На мой вопрос, как отнесутся к таким действиям обе союзницы Италии, г. Титтони отвечал мне, что, как он доверительно сказал мне два года тому назад в Раккониджи, акты Тройственного союза заключают особую статью (или лучше сказать особое приложение), в силу коей как Германия, так и Австро-Венгрия обязаны предоставить Италии полную свободу действий в Триполи. Включение этого обязательства было потребовано Италией при последнем возобновлении сказанного союза. Поэтому Италия не может ожидать препятствий с германской или австрийской стороны. Что касается специально Австро-Венгрии, то, по мнению г. Титтони, она не может претендовать ни на какую компенсацию в области, например, албанского вопроса, ибо на счет Албании между Италией и Австро-Венгрией существует особое соглашение, совершенно не затрагивающее вопроса о Триполи. Со своей стороны я не мог не высказать г. Титтони опасения, что активные действия Италии в Триполи способны отозваться на общем положении Ближнего Востока; в частности следует ожидать, что это вызовет падение настоящего режима в Турции, выступление того или другого балканского государства и, в результате, новый шаг вперед со стороны Австро-Венгрии. Г. Титтони ответил мне, что, по его убеждению, младотурецкий режим оказался настолько несостоятельным, что вряд ли имеется основание жалеть о его падении, которое, вероятно, наступит и независимо от событий в Триполи; что касается балканских государств, то Сербия заинтересована в поддержании Турции; Черногорию всегда можно будет сдержать; остается опасность Болгарии,

---

[1] Опубл. L. N., I, p. 134.

[2] В L. N. предыдущая часть документа опущена.

но ему известно, что Румыния обязалась перед Турцией не допустить нападения на нее с этой стороны; впрочем, прибавил г. Титтони, итальянский флот достаточно силен, чтобы воспрепятствовать всякой посылке турецких войск в Триполи; поэтому Турция ни в каком случае не ослабит своих военных сил на Балканском полуострове, и в этом отношении положение нисколько не изменится. Наконец, что касается Австро-Венгрии, то она вряд ли захочет двинуться по собственному почину, и новый шаг ее вперед может произойти лишь в связи с общими событиями на Балканах. Поэтому, по мнению г. Титтони, весьма важно, чтобы и в настоящем фазисе дел продолжался обмен мыслей между Римом, Петербургом и Веной, ибо лишь при этом условии возможно избежать каких-либо неожиданностей с австрийской стороны.

В заключение г. Титтони высказал мне, что итальянскому правительству следует обратить внимание на отношение к делу общественного мнения Европы и что он телеграфировал маркизу ди Сан-Джулиано, советуя ему обратиться к державам с циркулярной нотой, дабы разъяснить им положение дел в Триполи и мотивы выступления Италии [1].

Примите и пр.

Извольский.

№ 466. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [2]. 26/13 сентября 1911 г.
Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Позволяю себе дополнить письмо мое касательно Триполи [3] нижеследующими весьма доверительными соображениями:

Прежде всего вы, конечно, вспомните, что в силу заключенного в Раккониджи секретного соглашения мы обязались не препятствовать свободе действий Италии в Триполи, взамен чего Италия, со своей стороны, обещала нам подобное же отношение к нашей политике в проливах. Мне кажется, поэтому, что мы ни в каком случае не могли бы возражать против выступления Италии *по существу* и что с нашей стороны возможно лишь оспаривать *своевременность* итальянского предприятия; если бы оказалось возможным локализировать турецко-итальянское столкновение из-за Триполи, то следует признать, что подобное событие было бы для нас безусловно выгодно: оно поставило бы в крайне затруднительное положение Германию и весь Тройственный союз и доказало бы Турции ошибочность ее политики недоверия к нам и к державам Тройственного согласия. Опасность заключается очевидно лишь в том, что сказанное столкновение способно отразиться на общем положении Балканского полуострова и вызвать там нежелательные потрясения. В этом отношении оптимистические взгляды г. Титтони кажутся мне довольно мало доказательными, и нам, конечно, придется приложить немало усилий к тому, чтобы не дать распространиться пожару. С другой стороны, мысль г. Титтони о необходимости в настоящем фазисе событий продолжать обмен мыслей между Петербургом, Римом и Веной кажется мне вполне правильной и соответствующей как смыслу заключенного в Раккониджи соглашения, так и потребностям данного политического положения.

В предположении, что итальянское выступление неизбежно, мне кажется, что нам следовало бы теперь же позаботиться не только о наилучшем способе сохранить мир и порядок на Балканском полуострове, но также и о том, чтобы по возможности извлечь из надвигающихся событий наибольшие выгоды для

[1] В L.N. последний абзац опущен.
[2] Опубл. М., стр. 115.
[3] См. № 465.

собственных наших интересов. В течение последних лет, несмотря на все оказанные нами Турции услуги, оттоманское правительство систематически уклонялось от разрешения в благоприятном для нас смысле различных стоящих на очереди вопросов, как например о малоазиатских железных дорогах и о турецко-персидской границе. Наступающая конъюнктура представляется мне весьма удобной для решительной попытки с нашей стороны урегулировать хотя бы эти два вопроса.

Кроме того, я позволяю себе высказать, что следовало бы во всяком случае, в той или другой форме, заручиться заявлением Италии, что, осуществляя ныне предусмотренные соглашением с нами права свои в Триполи, она продолжает считать себя в будущем связанной по отношению к нам в вопросе о проливах [1].

Г. Титтони обещал держать меня в курсе настоящего вопроса, и я буду продолжать мои с ним беседы; поэтому, если бы вы хотели довести о чем-нибудь косвенным путем до сведения Рима, он мог бы служить для этого весьма удобным каналом. Я намерен также быть в близком соприкосновении со здешними представителями балканских государств. Болгарский посланник г. Станчов — доверенное лицо царя Фердинанда и всегда очень хорошо осведомлен о политических его планах. Сербский посланник г. Веснич — один из умнейших и влиятельнейших сербских деятелей. С обоими этими дипломатами я нахожусь в самых лучших отношениях, и в случае надобности ими можно будет пользоваться для наших целей.

Примите и пр.

Извольский.

№ 467. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 36. 26/13 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Итальянское общественное мнение, с небывалым единодушием и настойчивостью требовавшее за последнее время немедленного занятия Триполи, наталкивалось в осуществлении своих вожделений на непреклонное нежелание короля Виктора-Эммануила, а также и Джиолитти пускаться в опасные предприятия. Джиолитти, сосредоточивающий свое внимание исключительно на вопросах внутренней политики, колебался между опасениями всеобщей стачки, которой ему грозили антимилитаристы, и боязнью, что, при предстоящем возобновлении деятельности парламента, ему будет выражено недоверие за его нерешительность; пасть же из-за такого громкого патриотического вопроса — не входит в его расчеты. Телеграмма моя от 18/5 сентября, за № 35 [2], передает господствовавшее тогда в правительственных кругах настроение: готовиться к войне, но не предпринимать никаких решительных действий до возникновения событий, которые помогли бы выйти из колебаний. После заседания совета министров, состоявшегося 14/1 сентября, на котором было принято столь осторожное решение, Джиолитти уехал на север, а Сан-Джулиано отправился продолжать прерванное лечение в Антиколи.

---

[1] 7 окт./24 сент. Нератов представил публикуемое письмо Извольского Николаю II, при докл. записке, в которой писал: «Дабы не упустить удобного случая к использованию для наших целей нынешних политических обстоятельств, я счел нужным уже ныне поручить гофмейстеру Извольскому через г. Титтони возбудить в Риме вопрос о закреплении Италией принятых на себя в Ракконидже обязательств относительно признания за Россией свободы действий в вопросе о проливах. Новый уговор с Италией предполагается, как было и в Ракконидже, изложить письменно». На докл. записке имеется помета Николая II: «Одобряю». «Ливадия, [11 октября] 28 сентября 1911 г.»

[2] Тел. за № 35 датирована 19/6 сент.; в этой тел. Долгорукий сообщал: «Из достоверного источника узнал, что на последнем совете министров постановлено не приступать к решительным действиям по триполийскому вопросу, впредь до возникновения каких-либо новых событий, тем более, что считают себя совсем готовыми».

Тем временем ясно обрисовалась вероятность благополучного исхода франко-германских переговоров. Расширение области влияния Франции и Германии должно было еще более восстановить общее мнение против правительства, не сумевшего в свою очередь использовать франко-итальянское соглашение 1902 года. Опасность, угрожающая итальянской колонии в Триполи, явилась желанным поводом к принятию определенного решения. Временный заместитель консула Песталоцца, обострившего до-нельзя отношения с местным вали, донес маркизу ди Сан-Джулиано, что итальянцы в Триполи находятся в опасности, и просил о присылке судов. Ди Сан-Джулиано не скрыл от г. Карла Галли, которого очень хвалит за хладнокровие и спокойствие, опасений за возможность возникновения волнений в Триполи при появлении судов; тем более, что, при малочисленности команды, к высадке их пришлось бы прибегнуть лишь с величайшей осмотрительностью. Мне показалось, что эти слова были сказаны с целью дать мне понять, что за военными судами последует отправление войск. Мое предположение подтвердил и Боллати, сказавший мне, что для перевозки войск зафрахтованы суда общества «Nazionale dei servizi marittimi». Г. Джиолитти выезжал два раза к королю в Ракконидджи, и по всем внешним признакам несомненно, что начало военных действий всего вопрос дней.

Третьего дня был объявлен призыв запасных, рожденных в 1888 г., и некоторых категорий из недавно отпущенных, рожденных в 1889 г., которым были вручены личные повестки. Призвано около 90 000 человек, но, по частным сведениям, которые подтверждаются полученными также и нашим военным агентом, до 6 октября будет призвано еще 110 000 человек, рожденных в 1887—1883 годах. Вчера правительство разослало напоминание властям о необходимости строгого применения ст. 107 уголовного уложения, карающей денежной пеней и тюремным заключением за разглашение известий военного свойства, и получить какие-либо сведения является крайне затруднительным. Маркиз ди Сан-Джулиано и товарищ его, князь Скалеа, имеют торжествующий вид, но, против обыкновения, не отличаются словоохотливостью. Настроение населения приподнятое. Митинги протеста против войны, состоявшиеся в более крупных центрах Италии, не отражают мнения страны. На подъеме духа последней не остались, быть может, без влияния нынешние юбилейные празднования единения королевства.

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

P. S. Французский поверенный в делах, только-что посетивший г. Джиолитти, передал мне, что председатель совета министров горячо благодарил его за честное и благородное отношение Франции к Италии в триполийском вопросе. От Турции будет зависеть, какие размеры он примет. Триполи будет занято, и тогда начнутся переговоры. «Турция находится в положении человека, которому желают помочь освободиться от зуба, причиняющего ему страдания. Во всяком случае, обещаю вам, что на севере Африки мы будем жить в столь же добром соседстве, как в Альпах. Если бы мы не пошли в Триполи, — добавил он, — то там очутилась бы Австрия или кто-нибудь другой».

Ut in litteris

Кн. Долгорукий.

№ 468. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 60. 26/13 сентября 1911 г.

Здесь пока относятся поразительно спокойно к возможности вооруженного конфликта между Италией и Турцией. Но за дальнейшее развитие событий ручаться не могу. Переговоры Болгарии о торговом договоре с Турцией не идут.

Вчера Тодоров[1] отозвал из Константинополя болгарских делегатов под предлогом преподания им дополнительных инструкций, но в сущности вследствие полной несговорчивости турок.

Неклюдов.

№ 469. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 572[2]. 26/13 сентября 1911 г.

Продолжение моей телеграммы № 571[3].

Германский посол рассказал мне, что при вчерашнем свидании, вызванном великим визирем, он нашел последнего чрезвычайно и, по мнению посла, чрезмерно встревоженным итальянской нотой. Посол горько упрекал Хакки-пашу за долговременное систематическое препятствование экономическим интересам Италии в Триполи, приведшее к теперешнему кризису. Посол указал также на опасность вызывающих фанатизм статей новейших турецких газет. Он посоветовал Порте только одно: узнать, чего собственно домогается Италия, и постараться ее удовлетворить. Мне посол добавил, что Турция не может продать Триполиса, ни отказаться от суверенитета над ним, но что германское правительство даст Италии советы умеренности в смысле вчерашнего официозного сообщения «Кельнской газеты», и высказал надежду, что русское правительство поступит так же. Я ответил, что этот предмет лежит вне пределов моего ведения и что я озабочен выяснением моему правительству, не угрожает ли, и в каких случаях, триполийский вопрос поднять восточный вопрос, что для нас совершенно нежелательно. Посол заявил, что поднятие восточного вопроса и компрометирование существования Турции абсолютно нежелательно для Германии. Посол опасается однако, что итальянское наступление может вызвать здесь внутреннюю катастрофу, сметя теперешнее правительство, которое нечем заменить. Посол признал также возможность поднятия восточного вопроса: 1) если турецкие фанатики начнут избивать итальянцев, а попутно и других иностранцев, 2) если Турция, лишенная возможности оборонять Триполи, попытается вознаградить себя походом в Фессалию, о чем военные поговаривают, и 3) если внутренняя катастрофа и действия итальянского флота на турецких побережьях вовлекут балканские государства в нападение на Турцию. Вчерашнее сообщение великого визиря было сделано также английскому послу, который отклонил обсуждение триполийского вопроса, и французскому поверенному в делах. Великий визирь вызвал к себе сегодня итальянского представителя. Мне сообщили сегодня слух, что турки подумывают искать компенсации за Триполи в стороне Урмии.

Чарыков.

№ 470. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 573. 26/13 сентября 1911 г.

Ссылаюсь на ваше письмо [19] 6 августа № 535[4].

Я сообщил сегодня австро-венгерскому поверенному в делах, что мной получена инструкция о продолжении обмена мыслей с австро-венгерским и итальянским представителями касательно событий на Ближнем Востоке и что, если мой собеседник получил подобную же инструкцию, я готов приступить к исполнению вышеизложенного. Поверенный в делах не получил до сих пор подобной инструкции, но, вероятно, протелеграфирует своему правительству о моем сообщении.

[1] Болгарский м-р финансов.
[2] Черновой отпуск, хранящийся в делах б. росс. пос-ва в К-поле.
[3] См. № 461.
[4] См. № 345.

Я полагаю, что, до выяснения окончательного отношения Турции к итальянскому покушению на Триполи, нам выгодней соблюдать тщательную нейтральную сдержанность. Но если оправдаются опасения германского посла и мои [1], что триполийский вопрос станет угрожать поднятием восточного вопроса, то весьма естественным предметом обмена мыслей между мной и представителями Австро-Венгрии и Италии явился бы вопрос о возможной локализации итальянско-турецкого столкновения и предотвращения распространения оного на Балканский полуостров. Последнее соответствовало бы интересам самой Италии и прочих больших держав, кроме, может быть, Австро-Венгрии. Среди балканских государств уже замечается приподнятое настроение и надежда, наконец, выместить на Турции все содеянное ею им и их сродникам зло. Параллельно с этим ускоряется сближение между Болгарией и Грецией. Я уверен однако, что ни та, ни другая не поднимут оружия в противность воле держав и без прямого, хотя бы и тайного, поощрения извне.

Чарыков.

№ 471. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 1324. 27/14 сентября 1911 г.

Сообщается в Париж и Рим [2].

Телеграмма № 571 получена [3].

Турецкий поверенный в делах, прочитав мне содержание итальянской ноты о Триполи, спросил нашего мнения по этому вопросу, но о посредничестве никакого намека не было. Точно так же и Турхан-паша в предшествовавшей беседе скорее добивался давления на итальянское правительство. О последнем, конечно, нет речи, но мы поручили послу в Риме вызвать итальянское правительство на беседу о триполийском вопросе, как тесно связанном с положением дел на Востоке вообще, в коем мы заинтересованы [4].

Поэтому мы не можем и не должны отстраняться от разговоров на эту тему, тем более, что они могут облегчить нам переговоры по нас непосредственно интересующим вопросам, в которые нам предстоит в ближайшем будущем вступить с Турцией.

Нератов.

№ 472. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 27/14 сентября 1911 г.

Cher Анатолий Анатольевич,

Depuis ma dernière lettre [5] l'affaire du Maroc a changé de face pour le mieux, il faut l'espérer, quoique le Congo m'inspire encore de certaines inquiétudes. Mr. Jules Cambon a fait, paraît-il, à Goschen les mêmes confidences qu'à Schébeko [6]. Cela a fait impression ici. C'est au sort futur de la question «Congo» que précisément on applique ces réfléxions. L'Allemagne, ayant tout concédé au Maroc, demandera, il faut croire, plus de Congo. Quelle sera alors la situation du ministère français en présence des Chambres? Fort difficile assurément. Je ne doute pas que l'attitude anglaise à Paris se ressente de ces réflexions. Mr. Paul Cambon, reparti pour Paris, m'a tenu ce langage où j'ai reconnu la voix de Nicolson. Il m'a

[1] См. № 469.
[2] Тел. от 27/14 сент. за №№ 1325 и 1326.
[3] См. № 461.
[4] См. № 458.
[5] См. № 449.
[6] См. № 447.

fait tout l'effet de partager les idées de son frère. Je vous transmets ailleurs un article du «Times» [1] que je vous prie de lire à ce point de vue. Il est significatif. Du reste si on éprouve ici encore quelques inquiétudes, cela n'est pas qu'elles soient vives. On espère pour le mieux.

Je vous ai télégraphié mon entretien avec Nicolson au sujet Tripoli [2]. C'est tout ce qu'il m'a dit. Cette affaire ennuie le Cabinet de Londres, qui me paraît d'humeur à faire ce qu'il peut pour rester en dehors le plus possible. On ne versera pas beaucoup de larmes si le régime à Tripoli est modifié au profit de l'Italie. Ce sont les conséquences possibles ultérieures qu'on redoute. En somme je crois qu'on adoptera l'attitude de la France. Mais avec plus d'indépendance. Tant qu'il ne s'agira que de Tripoli, neutralité. On espère que la lutte, si lutte il y a, se pourra localiser, en se réservant pour les possibilités ultérieures, sans s'engager. L'indication semble très avare d'indications précises sur ses projets [3].

Vous verrez que Grey m'a parlé de l'état d'insécurité qui empire dans le Midi de la Perse. J'espère que vous approuverez ma réponse [4]. Isfahan est pour la voie du commerce très important; il n'y existe, que je sache, aucune force réelle, et la question est de renforcer une garde consulaire existante. En principe rien n'est donc changé. L'important est qu'on n'y fasse rien sans notre opinion.

Cet entretien m'a ramené sur votre correspondance télégraphique avec Poklewsky au sujet Shuster [5]. Je comprends fort bien que notre presse reste fort sensible à tout ce qui regarde Stokes. D'autre part, il me semble bien nécessaire que cette question de gendarmerie soit réglée et aussi, je crois, celle de l'emprunt Seligman. Je crois notre prestige, autant que nos intérêts directs, intéréssés au premier chef à ce que ne soyons ni paraissions l'obstacle à tout essai de réforme administrative sérieuse en Perse. Il importe au même degré que notre influence soit utile au pays. Elle ne saurait devenir solide qu'à cette condition. C'est à mes yeux le point de vue dominant. Il s'en suit qu'il faut bien mettre cette réforme en conditions qui lui donnent une chance sérieuse. Cette réforme ne me semble possible qu'à la condition que si le pouvoir qui la tente soit en même temps fort et étranger. Je vois que vous appréhendez de mettre aux mains de Shuster une sorte de dictature. Cette façon de poser la question n'est elle pas bien abstraite. Si Shuster est faible, que résultera-t-il d'un travail de réformes, dont, après tout, nous serions les premiers à bénéficier. Il lui faut aussi des aides capables. J'avoue que je ne puis ranger dans cette catégorie les officiers persans de la brigade, ni m'imaginer qu'ils puissent être acceptables sous forme de sérieux administrateurs intègres et pratiques. Et puis il y aurait là comme une influence voilée contestable. Il me semble très désirable d'éviter l'un et l'autre, le voilé ne vaut jamais rien. Quant à la division — le Nord pour nous, le Midi pour l'Angleterre, j'y vois l'objection grave que le gouvernement persan reste maître de la refuser. Il la refusera. Je ne crois pas qu'il soit bon, en mettant ce projet sur le tapis, de livrer au gouvernement persan un terrain où il est plus fort que la Russie et l'Angleterre ensemble. D'ailleurs, au point de vue pratique, l'impression en Perse de cette nouvelle institution rendrait son fonctionnement plus que problématique.

Veuillez m'excuser si je vous donne mes idées comme elles sont. Je me demande souvent ce que Shuster peut accepter s'il est un homme sérieux, qui veut faire de la besogne et non pas seulement jeter de la poudre aux yeux. Aussi l'exemple de lord Cromer en Egypte me revient souvent à l'esprit. C'est lui qui a toujours soutenu, que le seul moyen pour garantir les capitaux étrangers engagés dans le pays, est de rendre l'Egypte prospère. Le gouvernement français, allant au plus pressé, réclamant avant tout le payement du coupon pris n'importe où, n'a jamais

---

[1] Статья из «Times» от 25/12 сент. под заголовком «The Franco-German Agreement» («Франко-германское соглашение») была прислана Бенкендорфом при сопроводительной деп. от 27/14 сент. за № 73.

[2] См. № 463.

[3] Так в оригинале.

[4] См. № 464.

[5] См. №№ 426, 445 и 446.

voulu entendre de cette oreille. Lord Cromer l'a emporté et le résultat est qu'il y a aujourd'hui presque deux fois plus de capitaux français engagés dans le pays, parfaitement garantis, qu'alors qu'ils semblaient perdus. Ils l'auraient été sans la politique de lord Cromer. Le prestige de l'Angleterre n'y a certes rien perdu. L'occupation est venue depuis pour d'autres causes. J'avoue, sauf l'occupation, que c'est quelque chose de semblable que je rêve pour nous en Perse. Seuls nous en avons les moyens.

Buchanan est arrivé, encore tout entier sous l'impression du cataclysme affreux de Kieff. Les nombreux télégrammes qu'il adressait au roi font foi combien l'impression sur lui était forte. Ici, sans être aussi bruyante qu'ailleurs, elle a été colossale. Ce n'est que par les qualités de son caractère que feu le Président du Conseil avait pu acquérir cette étonnante confiance qu'il inspirait en Angleterre. C'est un trait bien caractéristique de l'Angleterre, que le caractère y fait plus de chemin toujours même que la pure intelligence.

Je ne vous parle pas des tristes refléxions que cette tragédie m'a inspirées à moi-même. Elles sont trop évidentes.

Veuillez me croire, cher Анатолий Анатольевич, très sincèrement à vous

B e n c k e n d o r f f.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Со времени моего последнего письма, положение в Марокко видоизменилось, надо надеяться, к лучшему, хотя Конго еще внушает мне кое-какие опасения. Повидимому, г. Жюль Камбон сделал Гошену такие же доверительные сообщения, как и те, что сделаны им Шебеко. Здесь это произвело впечатление. Эти соображения относят именно к будущей судьбе вопроса «Конго». Надо думать, что Германия, сделав все уступки касательно Марокко, увеличит свои требования в Конго. Каково тогда будет положение французского министерства перед палатами? Без сомнения, оно будет весьма трудным. Не сомневаюсь, что эти соображения повлияют на английскую позицию в Париже. Г. Поль Камбон, уехавший обратно в Париж, вел со мной беседу, в которой я почувствовал влияние Никольсона. Мне показалось, что он разделяет взгляды своего брата. Посылаю вам при другом письме статью из «Times», которую прошу вас прочесть с этой точки зрения. Она знаменательна. Впрочем, если здесь ощущается еще некоторая тревога, то ее нельзя назвать острой. Надеются на лучшее.

Я вам телеграфировал содержание моей беседы с Никольсоном о Триполи. Это все, что он мне сказал. Это дело возбуждает досаду у лондонского кабинета, который, мне кажется, расположен сделать все, что в его силах, чтобы возможно больше остаться в стороне. Не будут проливать много слез, если режим в Триполи видоизменится к выгоде Италии, но опасаются возможных дальнейших последствий. Словом, я думаю, что примут такую же позицию, как Франция, но с большей независимостью. Пока речь будет итти лишь о Триполи — нейтралитет. Надеются, что борьбу, если она возникнет, можно будет локализовать, сохраняя свободу для дальнейших возможностей, ни к чему не обязываясь. Информация как будто очень скупа на точные указания о своих проектах.

Вы увидите, что Грей говорил мне о неблагополучном положении, которое усугубляется на Юге Персии. Надеюсь, что вы одобрите мой ответ. Исфагань имеет очень большое значение для торгового пути. Насколько я знаю, там нет никакой реальной силы, и вопрос состоит в том, чтобы усилить существующую консульскую охрану. Итак, в принципе ничто не изменилось. Важно, чтобы там ничего не делали, не запросив нашего мнения.

Эта беседа напомнила мне ваш обмен телеграммами с Поклевским по поводу Шустера. Я понимаю, что наша печать продолжает быть очень чувствительной ко всему, что касается Стокса. С другой стороны, мне представляется крайне необходимым, чтобы этот вопрос о жандармерии был решен, а также, думаю, и вопрос о зелигмановском займе. Полагаю, что для нашего престижа, как и для наших прямых интересов более всего важно, чтобы мы не препятствовали и чтобы не казалось, что мы препятствуем любой попытке серьезной административной реформы в Персии. В такой же степени важно, чтобы наше влияние оказалось полезным этой стране. Оно может окрепнуть только при этом условии. На мой взгляд, эта точка зрения доминирует. Отсюда следует, что надо обставить эту реформу такими условиями, которые давали бы ей серьезный шанс на успех. Такая реформа кажется мне возможной лишь в том случае, если бы к ней приступила власть одновременно и сильная, и иностранная. Вижу, что вы опасаетесь облечь Шустера некоего рода диктатурой. Не является ли такая постановка вопроса довольно абстрактной? Если Шустер будет слаб, то что получится из работ по реформе, которые в конце концов окажутся выгодными прежде всего для нас. Ему также нужны способные помощники. Признаюсь, что персидских офицеров бригады я не могу причислить к этой категории и не представляю себе, чтобы они могли быть приемлемыми в качестве серьезных, неподкупных и практичных администраторов. И кроме того, здесь было бы нечто вроде скрытого влияния, что могло бы вызвать возражения. Считаю

весьма желательным избежать и того, и другого: скрытое всегда никуда негодно. Что касается раздела: Север — для нас, Юг — для Англии, — то я предвижу то серьезное возражение, что персидское правительство вольно отклонить такой раздел. Оно его и отклонит. Не думаю, что выступая с этим проектом, следует давать персидскому правительству почву, на которой оно сильнее России с Англией вместе взятых. Кроме того, с практической точки зрения, впечатление, которое было бы произведено в Персии этим новым учреждением, сделало бы его деятельность более чем проблематичной.

Благоволите извинить меня, что я высказываю вам мои мысли без прикрас. Я часто спрашиваю себя, что может допустить Шустер, если он человек серьезный, желающий делать дело, а не только пускать пыль в глаза. Тут мне часто приходит на память пример лорда Кромера в Египте. Он всегда утверждал, что единственное средство гарантировать иностранные капиталы, помещенные в Египте, заключается в том, чтобы доставить этой стране благоденствие. Французское правительство, хватаясь за наиболее неотложное, требуя прежде всего оплаты купонов безразлично из каких источников, никогда не хотело согласиться с этим. Лорд Кромер взял верх, и в результате сейчас в этой стране вложено почти вдвое больше французских капиталов, вполне гарантированных, тогда как они казались погибшими. Они бы и погибли, если бы не политика лорда Кромера. Престиж Англии от этого, конечно, ничуть не пострадал. Оккупация состоялась впоследствии по другим причинам. За исключением оккупации, признаюсь, что для нас я мечтаю о чем-нибудь подобном в Персии. Мы одни имеем к тому возможность.

Бьюкенен приехал под впечатлением ужасной катастрофы в Киеве. Многочисленные телеграммы, отправленные им королю, показывают, как сильно было произведенное на него впечатление. Здесь, не будучи столь шумным как в других местах, оно было колоссально. Только качествами своего характера покойный председатель совета мог приобрести то удивительное доверие, какое он внушал в Англии. Эта черта очень показательна для Англии; характер тут всегда имеет более успеха, даже более, чем чистый интеллект.

Не излагаю вам печальных размышлений, на которые навела меня эта трагедия. Они слишком очевидны.

Прошу вас, дорогой Анатолий Анатольевич, верить моей искренней преданности.

Бенкендорф.

№ 473. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо [1]. 27/14 сентября 1911 г.[2]

М. г. Анатолий Анатольевич,

Предыдущее письмо мое было уже подписано [3], когда я узнал от г. Титтони, что итальянский поверенный в делах в Константинополе должен был вручить сегодня Порте ноту с заявлением, что Италия вынуждена приступить к занятию Триполи и что ответ оттоманского правительства ожидается в суточный срок. При этом г. Титтони сознался мне, вопреки своим прежним уверениям, что до принятия этого решения король Виктор-Эммануил и г. Джиолитти испросили его совета и что, по зрелом размышлении, он высказался за вышеозначенную меру. По его словам, выступление Италии является прямым и неизбежным последствием действий г. Кидерлена. Раз Германия, отказавшись от поддержки Алжесирасского акта, ускорила провозглашение французского протектората над Марокко, а сама потребовала для себя компенсаций, Италии не оставалось иного исхода, как теперь же реализовать выговоренные ею права на Триполи, ибо она должна была опасаться, что впоследствии, и при другом составе французского правительства, права эти могли быть забыты, или объявлены утратившими силу. Я воспользовался моей беседой с г. Титтони, чтобы напомнить ему условия, на которых мы, со своей стороны, обещали Италии признать ее свободу действий в Триполи, и спросил его, в частной форме и лично от себя, не думает ли он, что, приступая ныне к осуществлению своих прав на Триполи, Италия должна поручиться, что в будущем она не забудет принятых ею на себя параллельных обязательств по отношению к нашим правам на проливы. Г. Титтони ответил мне

[1] Опубл. L. N., I, p. 138.

[2] Оригинал ошибочно датирован 28/14 сентября. Тел. от 27/14 сент. за № 127 Извольский сообщал: «Итальянский посол только-что сказал мне, что итальянский поверенный в делах в Константинополе должен был вручить сегодня Порте ноту с заявлением, что Италия вынуждена приступить к занятию Триполи».

[3] См. № 465.

*

вполне утвердительно и высказал, что весьма легко найти подходящую форму для подобного поручительства [1]. Он сказал мне также, что итальянским представителям в Софии, Белграде и Цетинье поручено приложить все усилия, дабы удержать эти государства от всяких неосторожных действий, и прибавил, что было бы весьма желательно чтобы русские и австро-венгерские посланники в этих столицах получили предписание действовать совместно с их итальянскими коллегами.

Примите и пр.

Извольский.

№ 474. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 27/14 сентября 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Настоящий международный кризис выдвинул, между прочим, вопрос — окажет ли Англия, и в какой степени, вооруженное содействие Франции в случае столкновения с Германией. В письме моем от 16/3 февраля сего года [2] я уже сообщил вам имевшиеся у меня сведения о существующих между морскими генеральными штабами Франции и Англии соглашениях на случай франко-германской войны; в силу этих соглашений французский флот имеет своей задачей утвердить господство над Средиземным морем, тогда как действия против германского флота предоставляются английскому флоту. Фактическое распределение французских и английских морских сил в настоящую минуту вполне соответствует этому плану.

Что касается кооперации между французскими и английскими сухопутными войсками, то вы изволите вспомнить, что еще в 1906 г. наш тогдашний военный агент во Франции высказывал убеждение в существовании соглашения, в силу коего, в случае франко-германской войны, Франция может рассчитывать на высадку, либо на берегах Дании или Голландии, либо в самой Франции, вспомогательной английской армии. Состав этой армии до последнего времени определялся в четыре дивизии. До сих пор однако мы не имели, насколько мне известно, ни официального подтверждения существования вышесказанного соглашения, ни точных данных о его форме и содержании.

Ныне я впервые получил от министра иностранных дел весьма доверительные, но вполне определенные сведения по настоящему вопросу: г. де Сельв сказал мне, что хотя между Францией и Англией не заключено никакого *дипломатически* оформленного соглашения, французское правительство имеет основание быть уверенным в активной помощи со стороны как английского флота, так и английской армии С самого начала настоящего кризиса, между обоими генеральными штабами произошел обмен мыслей, в результате коего выработаны все подробности предположенной кооперации; распределение ролей между обоими флотами вам уже известно; что касается сухопутных войск, то со стороны Англии предвидится высадка на французском берегу английской армии, которая будет оперировать против германских войск на левом фланге французской армии.

Военный агент наш, со своей стороны, получил те же сведения от французского генерального штаба. Генерал граф Ностиц сообщил мне по этому поводу следую-

[1] В L.N. последующая часть документа опущена.

[2] В письме от 16/3 февр. (опубл. М., стр. 34) Извольский передал, сделанное ему Пишоном, сообщение о том, что «между Францией и Англией не существует военной конвенции; тем не менее французские и английские высшие военные власти обменивались и продолжают обмениваться мыслями о различных могущих наступить военных конъюнктурах; при этом естественно, что подобный обмен мыслей происходит главным образом между *морскими* штабами и начальниками обеих держав, которые заранее распределили роли английских и французских морских сил на случай совместной борьбы с державами Тройственного союза. В Германии хорошо знают, что в этом случае английский флот будет иметь объектом германские морские силы, тогда как французский — будет действовать в Средиземном море...».

щие интересные подробности: английская вспомогательная армия должна состоять уже не из четырех, а из шести дивизий, и при том усиленного состава, общей численностью в 150 000 человек; сосредоточение ее должно состояться на тринадцатый день в районе Мобеж — Камбре, и она будет оперировать против той части германской армии, которая, по предположениям французского генерального штаба, нарушит нейтралитет Бельгии и Люксембурга. Соглашение, выработанное обоими генеральными штабами при посредстве бывшего в Париже в течение лета начальника оперативного отдела английского генерального штаба Вильсона, предвидит все подробности действий английской армии — графики поездов, порядок снабжения ее провиантом и т. п., причем заранее намечены французские офицеры, которые будут состоять при английских войсках, и английские офицеры — при французской армии. По словам графа Ностица, участвовавший в красносельских маневрах генерал Дюбайль [1] обо всем вышеизложенном самым полным образом осведомил наш генеральный штаб.

Примите и пр.

Извольский.

№ 475. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Константинополе, Париже, Лондоне и Риме — Чарыкову, Извольскому, Бенкендорфу и Долгорукому, посланникам в Софии, Белграде и Бухаресте — Неклюдову, Гартвигу [2] и М. Гирсу и поверенным в делах в Берлине, Вене, Афинах и Цетинье — Шебеко, В. Крупенскому, Татищеву и Обнорскому.

·/. Телеграмма № 1338. 28/15 сентября 1911 г.

Циркулярно.

Турецкий поверенный в делах сообщил мне ответ Порты на итальянскую ноту [3], в коем оспаривается острота положения в Триполи и изъявляется как бы готовность уладить вопрос переговорами.

До нас дошел также слух, будто Маршаллу предписано воздействовать примирительно и не дать триполийскому вопросу обостриться до конфликта. С другой стороны, итальянский посол только-что сообщил мне, что Турции предъявлен ультиматум с требованием ответить в 24 часа согласием на вступление в переговоры на почве занятия Триполи для обеспечения итальянских там интересов.

Для вашего личного сведения: посол прибавил, что выступление это находится вне всякой связи с каким-либо из могущих нас интересовать вопросов на Востоке и что итальянским представителям на Балканах предписано умеряюще воздействовать на местные правительства.

Нератов.

№ 476. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 37. 28/15 сентября 1911 г.

Ди Сан-Джулиано циркулярно предписал вчера итальянским представителям в балканских государствах объяснить правительствам, при которых они аккредитованы, что действия Италии в Триполи нисколько не изменяют направления ее политики по охранению status quo на Балканах [4]. В устной беседе он сказал, что если несколько времени тому назад Италия могла удовлетвориться призна-

---

[1] См. № 353.

[2] Тел. от 19/6 сент. (без номера) Гартвиг сообщил, что он вступил в управление миссией (см. ч. I, стр. 334, прим. 1).

[3] См. № 461.

[4] Текст циркулярной тел. итал. прав-ва от 26/13 сент. опубликован Изв. МИД, 1913 г., кн. 1, стр. 50.

нием ее исключительного положения в Триполи, то ныне этого уже недостаточно: права Италии должны быть установлены прочно, ясно, бесповоротно. Иначе возможен бунт в стране. От степени большего или меньшего сопротивления Порты будет зависеть нравственное и материальное вознаграждение, которое ей будет обеспечено Италией. Первый эшелон войск должен отплыть 25 сего месяца старого стиля.

Долгорукий.

№ 477. Поверенный в делах в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 38. 28/15 сентября 1911 г.

Копия в Константинополь.

Сегодня вечером я видел Эренталя, который был под впечатлением только-что полученного им известия о предъявленном будто бы Италией Турции ультиматуме, и не скрыл от меня, что смотрит на положение очень пессимистически. Он сказал, что будет однако до последней минуты продолжать советовать в Константинополе уступчивость, а в Риме—умеренность. Министр просил меня передать вашему превосходительству, что, по его мнению, если не удастся предотвратить разрыва между Италией и Турцией, главной задачей держав должна быть локализация столкновения. Он преподал сегодня всем балканским государствам чрез бывших у него на приеме их представителей совет тщательно воздерживаться от всего, что могло бы вызвать осложнения, и считает, что в этом смысле державы должны предпринять энергичные шаги в балканских столицах. Эренталь просил также сообщить вам, что находил бы желательным, чтобы кабинеты всех великих держав, за исключением, конечно, Италии, приступили к обмену мнений по вышеупомянутому вопросу и что он уже высказался в этом смысле сегодня перед английским послом и повторит еще то же самое французскому и германскому поверенным в делах. Обмен мыслей между послами в Константинополе, предположенный прежде по албанскому вопросу, министр считает не соответствующим больше теперешнему новому, несравненно более серьезному, положению вещей.

Крупенский.

№ 478. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 575. 28/15 сентября 1911 г.

Итальянский поверенный в делах сообщил мне, в качестве личной тайны, что он имеет предъявить Порте ультиматум, вероятно еще сегодня, следующего содержания: уже много лет триполийская область страдает от беспорядка, и итальянские интересы в оной систематически преследуются турецким правительством. Единственным способом положить сему конец является итальянская оккупация. Итальянское правительство надеется, что Порта предпишет местным властям не препятствовать таковой, и расположено установить затем с турецким правительством соглашение. Ответ должен быть дан в 24 часа.

Чарыков.

№ 479. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 576. 28/15 сентября 1911 г.

Ссылаюсь на экспедицию, которую получите в среду [1].

На запрос итальянского поверенного в делах его правительство уведомило его, что оно смотрит на триполийский вопрос, как на средиземноморский, вполне отдельный от восточного вопроса и отнюдь не имеет ни намерения, ни интереса

[1] 4 окт./21 сентября. См. №№ 494, 495, 496, 497 и 498.

вызвать раскрытие последнего. Итальянское правительство ожидает бойкота итальянских товаров, изгнания из Турции итальянских подданных и даже избиения некоторых из них в провинциях и готово считать это неизбежной ценой оккупации Триполи. Мартино полагает, что первым последствием оккупации будет отставка великого визиря Хакки-паши, и считает триполийских арабов подготовленными стать на сторону Италии.

Чарыков.

№ 480. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 577. 28/15 сентября 1911 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 575 [1].

Итальянский ультиматум [2] вручен сегодня в половине третьего великому визирю, который тотчас прервал дипломатический прием и поехал к султану. Об ультиматуме пока неизвестно ни дипломатическому корпусу, ни публике.

Чарыков.

№ 481. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 578. 28/15 сентября 1911 г.

Продолжение моей телеграммы № 577 [3].

Правительство обнародовало ультиматум в очень сокращенной форме, с опущением упоминания о желании итальянского правительства установить соглашение. В результате получается впечатление, что ультиматум гораздо более резок, чем в действительности. Если это искажение умышленное, то оно свидетельствует о желании турок возбудить и усилить раздражение против Италии.

Чарыков.

№ 482. Министр финансов временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 583. 28—27/15—14 сентября 1911 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

При письме вашего превосходительства от [12 сентября] 30 минувшего августа за № 662 [4] доставлена на мое заключение телеграмма российского посланника в Тегеране от [26] 13 того же августа за № 714 по поводу проектируемого Шустером и представителем банкирского дома Зелигман займа для выкупа конвертированного в минувшем году долга персидского правительства Учетно-ссудному банку и для осуществления некоторых других мероприятий.

Как усматривается из этой телеграммы, указанный заем предполагается гарантировать, кроме свободного остатка таможенных доходов, еще доходами с монетного двора и государственных имуществ, паспортным сбором и малиатом как в Южной, так и в Северной Персии, входящей в сферу русского влияния. При этом фирма Зелигман желает выговорить себе право, в случае неисправности, брать в свое заведывание любой из перечисленных видов доходов, за исключением

---

[1] См. № 478.

[2] Опубл. Изв. МИД, 1913 г., кн. 1, стр. 48.

[3] См. № 480.

[4] В письме от 12 сент./30 авг. за № 662 Нератов, резюмируя содержание тел. Поклевского за № 714 (см. стр. 8, прим. 2), писал: «По словам нашего представителя в Тегеране, со стороны великобританского правительства, как это предполагает сэр Д. Барклай, принципиальных возражений против займа, вероятно, не последует, вследствие чего решение вопроса, повидимому, исключительно зависит от нас».

лишь таможенного, в то же время Зелигман обусловливает расходование выручки от займа контролем своего представителя и требует сохранения на весь срок займа, до его погашения, должности главного казначея, с тем чтобы без согласия Зелигмана не уменьшались принадлежащие ныне главному казначею, в лице Шустера, полномочия.

При изложенной постановке, проектируемый ныне персидский заем выходит далеко за пределы простой финансовой операции, так как обеспечивает банкирскому дому Зелигман возможность непосредственного влияния на финансовую политику Персии и, что особенно важно, создает серьезные политические интересы Англии в отведенной нам, в силу соглашения с последней, исключительной сфере влияния. В этом отношении особенно серьезное значение имеет предположение о предоставлении Зелигману права брать в свое управление известные источники дохода Северной Персии.

Правда, Зелигман выражает готовность дать нам письменное обязательство в том, что сверх таможенных доходов в Учетно-ссудном банке Персии «будет числиться» еще половина других доходов, которыми будет гарантирован заем, что представитель Зелигмана в Тегеране будет действовать во всем по соглашению с местными русской и английской миссиями и что вообще окончательный договор о займе будет подписан только с нашего согласия. Однако подобного рода обязательство, конечно, не может считаться достаточной компенсацией за нарушение коренного принципа, положенного в основу нашего соглашения с Англией 1907 г., и я, со своей стороны, считаю изложенные в телеграмме действительного статского советника Поклевского-Козелл за № 714 основания нового займа совершенно для нас неприемлемыми.

Высказываясь таким образом, я однако отнюдь не желаю помешать ни получению Персией необходимых для нее средств путем займа, ни участию в таком займе банкирского дома Зелигмана. Я считаю лишь необходимым, чтобы проектируемая кредитная операция, в соответствии с теми заявлениями, которые нами уже делались названной фирме, была осуществлена на совершенно иных началах.

Прежде всего я полагал бы, что так как выпущенный недавно на рынок персидский заем был совершен через посредство английского банка, действующего в Персии, то проектируемая ныне финансовая сделка должна быть осуществлена через посредство аналогичного нашего учреждения, т е. через посредство Учетно-ссудного банка Персии. Таким образом, договор о займе должен быть подписан исключительно русским банком и в его же пользу должны быть выговорены все те права, которых окажется необходимым добиться от персидского правительства для обеспечения интересов заимодавцев. Вообще за все время действия займа наш банк должен являться фактическим посредником при сношениях с персидским правительством по вопросам, касающимся займа.

Само собой разумеется, что реализация персидского займа в России не представляется возможной. Поэтому Учетно-ссудный банк Персии мог бы предоставить фактический выпуск займа Зелигману с тем, чтобы последний воспользовался наиболее крупной долей тех материальных выгод, которые сопряжены с подобной операцией.

В заключение считаю необходимым остановиться на предложении, высказанном нашим посланником в Тегеране в конце его телеграммы за № 714 и заключающемся в выпуске для Персии конверсионного займа в 20 млн. при посредстве нашего банка. Такое предложение мне представляется не вполне ясным, так как из телеграммы посланника не видно, для какой именно конверсии предназначается проектируемый им заем. Во всяком случае едва ли здесь может итти речь о новой конверсии долга персидского правительства нашему банку, так как этот долг в настоящее время обеспечен вполне надежными гарантиями, и потому в наших интересах мог бы быть лишь единовременный выкуп означенного долга, на каковой выкуп нами и было выражено согласие при переговорах с фирмой Зелигман.

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 483. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 1346. 29/16 сентября 1911 г.

Получил № 573 [1].

Ввиду имеющих скоро быть преподанными вам особых инструкций о переговорах с Портой по нас интересующим делам, полагаем предпочтительно воздержаться пока от обсуждения с коллегами общего политического положения, тем более, что письмо мое от [19] 6 августа [2] имело в виду преимущественно балканские вопросы и в частности албанский, в котором западные державы более заинтересованы.

[Нератов.]

№ 484. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову, поверенному в делах в Берлине Шебеко и посланнику в Тегеране Поклевскому.

Письмо №№ 709, 708, 707. 29/16 сентября 1911 г.

Секретно.

М. г.

1) Александр Николаевич [3], 2) Николай Николаевич, 3) Станислав Альфонсович,

В дополнение к предыдущей переписке имею честь уведомить ваше превосходительство, что бывший у меня на-днях турецкий посол сделал мне от имени своего правительства новое сообщение [4] в связи с недавно подписанным русско-германским соглашением. По словам Турхан-паши, Порта видит нарушение своих суверенных прав в заключении без ее санкции соглашения о смычке иностранной железной дороги с турецкой и в том, что обе договаривающиеся стороны затронули вопросы о тарификации товаров на линии, пролегающей по оттоманской территории. Я ответил послу, что наша точка зрения на это дело уже известна Порте, и что мы предоставляем Германии выяснить настоящий вопрос с турецким правительством.

Затем посол, оговорившись, что ему не поручено делать мне официальное сообщение, и что он знакомит меня лишь для сведения с содержанием только-что полученного им из Константинополя документа, сказал мне, что турецкое правительство вполне признает принцип независимости и целости Персии.

Так как было бы совершенно не в наших интересах допускать Турцию до участия в решении основных вопросов, касающихся Персии, я сказал Турхан-паше, что раз он не делает мне официального заявления, я смотрю на наш разговор, как на совершенно частный, и никакого ответа давать ему не буду, но рад слышать от него это заявление.

В связи с этим Турхан-паша затронул вопрос о нахождении турецких войск в Урмийском округе, высказав как свое личное убеждение, что со стороны его правительства нет и намека на желание удержать за собой какую-либо часть территории вне пределов спорной зоны.

Примите и пр.

[А. Нератов.]

№ 485. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 39. 29/16 сентября 1911 г.

Ответ Турции [5] вежлив, но уклончив. Турецкому поверенному в делах будут вручены сегодня вечером паспорта, итальянский представитель в Константи-

[1] См. № 470.
[2] См. № 345.
[3] Так в оригинале. Первоначально письмо в К-поль было адресовано А. Н. Свечину; затем оно было переадресовано на имя Н. В. Чарыкова, обращение же оставлено без изменения.
[4] См. № 379.
[5] См. № 480.

нополе предъявит объявление войны. Интересы итальянских подданных поручены Германии.

Долгорукий.

№ 486. Поверенный в делах в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Донесение № 2630. 29/16 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к секретной телеграмме за № 73 [1], имею честь сообщить вашему превосходительству следующие подробности относительно совещаний в Берлине представителей четырех финансовых групп по вопросу китайского займа.

Главной целью означенных совещаний, происходивших в помещении Deutsche Asiatische Bank, было установление соглашения относительно способа проведения денежной реформы в Китае. Выработанный китайским правительством проект признан был при этом неудовлетворительным, и представителями синдиката составлен был самостоятельный проект, который вручен был прибывшему также в Берлин, но не участвовавшему на совещаниях, директору китайского государственного банка доктору Cheng. Решено было ввести в Китай серебряную валюту, причем основной единицей была бы монета Yuan, соответствующая приблизительно мексиканскому доллару.

Наибольшее затруднение встретило разрешение вопроса об исключительном праве выпуска кредитных билетов китайским государственным банком и соотношение между количеством обращающихся в стране кредитных билетов и хранящимся в кассе государственного банка серебряным фондом.

Ввиду большой оппозиции, которую встречает в Китае проект денежной реформы, а также во избежание усиленной спекуляции, решено было все дело хранить в глубокой тайне.

Ответ китайского правительства ожидается в конце октября. Срок выпуска займа зависеть будет от условий денежного рынка. Весь заем распределен поровну между четырьмя финансовыми группами.

Примите и пр.

Шебеко.

№ 487. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 61 [2]. 29/16 сентября 1911 г.

Только-что Тодоров подтвердил мне, что Болгария совсем не интересуется сущностью триполийского вопроса и триполийских событий [3]. Но возможные последствия итальянской оккупации, а именно либо война, либо албанское движение, либо — в случае уступки со стороны Порты — свержение младотурок их противниками и внутреннее замешательство Турции, подобные последствия не могут не иметь серьезного отражения в Болгарии. Тодоров прочел мне только-что расшифрованную телеграмму Сарафова [4], в коей он передает, между прочим, что наш посол преподал ему совет болгарам держаться крепко заодно с Сербией, Черногорией и Грецией, дабы сохранить Балканский полуостров неприкосновенным для балканских народов. Я позволил себе сказать Тодорову, что очень сочувствую мысли установить и усилить искреннюю связь с сербами на случай

[1] Тел. от 27/14 сент. за № 73 Шебеко известил Нератова о том, что «совещание в Берлине представителей англо-германо-франко-американского синдиката касалось способа проведения монетной реформы в Китае, причем соглашение достигнуто не было. Вопрос о выпуске самого займа ввиду неблагоприятных условий денежного рынка отложен до весны будущего года».

[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 15.

[3] См. № 468.

[4] Болг. посланник в К-поле.

всегда возможных непредвиденных осложнений и чужого вмешательства; но что я не считаю такую опасность близкой; на всякий же случай самым серьезным образом попросил болгарское правительство в лице Тодорова быть с нами вполне откровенным и ни на что не решаться, не посоветовавшись с нами предварительно. Тодоров заверил меня, что настоящее правительство никогда не приготовит России сюрпризов [1]. Мое личное мнение, что опасность происходящего лежит именно в том, что события готовят почти непреодолимое испытание для младотурок и следственно скорые внутренние потрясения. В последнем же случае я опасаюсь, что остановить болгар будет почти невозможно [2].

Неклюдов.

№ 488. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 51 [3]. 29/16 сентября 1911 г.

По поводу итальянского выступления в вопросе о Триполи, министр иностранных дел сказал мне, что Греция намерена в этом деле сохранить полное спокойствие и стремится лишь к поддержанию мира на Балканах. Он надеется, что на Крите также одержат верх умеренные элементы. Министр с негодованием опровергает известие газеты «Berliner Tageblatt» о начатых будто бы по почину Афин переговорах с Белградом и Софией о совместном образе действий, направленном против Турции. Это — злостная выдумка газеты. По моему мнению, афинский кабинет, сознавая свою военную неготовность, будет действительно стремиться не дать Турции предлога выместить на Греции свое негодование против Италии. Такой образ действий мог бы однако измениться под влиянием каких-либо непредвиденных явлений на Крите. Здешнее общественное мнение пока спокойно.

Татищев.

№ 489. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 580. 29/16 сентября 1911 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 575 [4].

Копию итальянского ультиматума высылаю завтра. Содержание вполне соответствует телеграмме № 575. Порта ответила длинной нотой, в которой она отрицает противодействие итальянским интересам в Триполи, указывается на необходимость оберегать достоинство империи и трактатные права прочих государств и заявляется, что если Италия воздержится от оккупации, Порта готова предоставить ей самые полные гарантии ее экономических интересов в Триполи. Итальянский поверенный в делах телеграфирует полный текст в Рим, считает его неудовлетворительным и предполагает уехать в воскресенье [5]. Повидимому,

---

[1] Ответной тел. от 1 окт./18 сент. за № 1363 Нератов сообщал Неклюдову (копия Гартвигу) о своем разговоре с болг. посланником в Петербурге: «Паприков высказался предо мной приблизительно в одинаковом смысле, что дает нам основание надеяться, что Болгария не предпримет при текущих обстоятельствах никаких выступлений, не посоветовавшись с нами».

2 окт./19 сент. за № 64 Неклюдов телеграфировал Нератову, что нач. болг. ген. штаба ген. Фичев, — «одно из самых доверенных лиц короля Фердинанда», — заявил франц. посланнику: Болгария «останется совершенно спокойной и двинется лишь в двух случаях: войны Греции с Турцией и вступления австрийцев в Санджак». По словам Фичева, «Болгария постарается вероятно заручиться драгоценным для нее соглашением с Россией, как единственной державой, которая и может и захочет обеспечить ей нейтралитет Румынии и помешать туркам перевезти войска во Фракию из Лазистана и Армении».

[2] Публикуемая тел. была передана Нератовым Гартвигу 1 окт./ 18 сент. за № 1360.

[3] Публикуемая тел. была передана Нератовым 1 окт./18 сент. за № 1359 в Париж, Лондон, Берлин, Вену, Рим, К-поль, Софию, Белград, Цетинье и Бухарест.

[4] См. № 478.

[5] 1 окт./18 сентября.

ответ Порты был сообщен предварительно германскому послу. Еще неизвестно, кого Италия попросит покровительствовать своим подданным в Турции. Должно быть, Германию, здешние представители которой однако очень желали бы сего избегнуть. Отдельная итальянская эскадра, выдвинутая к Родосу, преграждает турецкому флоту, находящемуся почти в полном составе все еще в Бейруте, обратный путь в Дарданеллы. Высадка в Триполи начнется вероятно завтра утром.

Чарыков.

№ 490. Сообщение итальянского посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову[1].

30/17 сентября 1911 г.

Le gouvernement russe connaît déjà les motifs de l'action de l'Italie en Tripolitaine et en Cyrenaïque qui depuis longtemps ont formé l'objet de discussions entre l'Italie et la Turquie; les négociations auxquelles les nombreux incidents survenus ont donné lieu peuvent témoigner de la patience et des égards qui ont guidé jusqu'ici le gouvernement royal dans ses efforts pour obtenir par des voies amicales le redressement de ses griefs. La situation n'a fait cependant qu'empirer de telle sorte que des négociations ultérieures seraient désormais aussi dangereuses qu'inutiles. Le gouvernement royal aurait failli à un devoir élémentaire en différant encore la réalisation des mesures nécessaires pour la sauvegarde directe de la dignité du royaume ainsi que de la sécurité des droits et des intérêts de ses nationaux. Des propositions furent adressées dernièrement au gouvernement ottoman en vue de réaliser ces mesures par une entente commune. Il s'agissait d'effectuer en Tripolitaine et en Cyrenaïque l'occupation italienne, sauf à régler, par des accords ultérieurs, la situation définitive de ce pays.

Cette dernière tentative ayant également échoué, le gouvernement royal a été dans la fâcheuse nécessité de recourir à la force des armes pour atteindre son but.

L'Italie se trouve, dès lors, en état de guerre avec la Turquie, et une déclaration formelle vient d'être adressée à cet effet à la Sublime Porte.

Il en informe le gouvernement de Russie conformément aux dispositions de la deuxième convention internationale de la Haye du 18 octobre 1907.

Le but que le gouvernement italien poursuit coïncide avec les intérêts de tous les étrangers résidents en Tripolitaine et Cyrenaïque et avec les intérêts de la civilisation dont il espère pouvoir assurer les bienfaits à des régions depuis si longtemps délaissées et dans lesquelles l'activité économique des nationaux de tout pays pourra se développer sans entraves sous le régime de liberté et de progrès. Le gouvernement royal exprime par conséquent sa ferme confiance que la sympathie des nations ne manquera pas de suivre l'accomplissement de son oeuvre.

Перевод.

Российскому правительству уже известны мотивы действий Италии в Триполитании и в Киренаике, бывших в течение долгого времени предметом спора между Италией и Турцией; переговоры, явившиеся результатом многочисленных инцидентов, могут свидетельствовать о терпении и умеренности, которыми королевское правительство руководилось в своих усилиях дружеским путем добиться удовлетворения своих претензий. Несмотря на это, положение все ухудшалось, так что продолжение переговоров становилось впредь столь же опасным, сколь и бесполезным. Королевское правительство не выполнило бы элементарного долга, продолжая откладывать осуществление мер, необходимых для непосредственного ограждения как достоинства королевства, так и прав и интересов своих подданных. Недавно турецкому правительству были сделаны предложения в целях осуществления этих мер по обоюдному соглашению. Речь шла о том, чтобы оккупировать Триполитанию и Киренаику итальянскими войсками, с тем чтобы окончательное положение этой страны было урегулировано последующими соглашениями.

Поскольку эта последняя попытка также окончилась неудачей, королевское правительство оказалось в тягостной необходимости прибегнуть для достижения своей цели к силе оружия.

---

[1] Опубл. Изв. МИД, 1913 г., кн. 1, стр. 53.

С этого момента Италия находится в состоянии войны с Турцией, и формальное объявление по этому поводу вручено Высокой Порте.

Оно уведомляет об этом российское правительство согласно постановлениям второй международной Гаагской конвенции от 18 октября 1907 года.

Цель, преследуемая итальянским правительством, совпадает с интересами всех иностранных резидентов в Триполитании и Киренаике и с интересами цивилизации, блага которой оно надеется обеспечить в областях с давних пор заброшенных, в которых экономическая деятельность подданных всех стран сможет беспрепятственно развиваться под режимом свободы и прогресса. Поэтому королевское правительство выражает глубокую уверенность, что выполнение этой задачи не преминет встретить сочувствие всех наций.

№ 491. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 40[1]. 30/17 сентября 1911 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 38[2].

Если до наступления момента, когда будет занят Триполи, малейший намек на предложение посредничества был бы здесь заранее обречен на неуспех и мог бы вызвать против нас только неудовольствие, — то добрые услуги мне казались бы вполне уместными, после утверждения итальянцев на севере Африки Желательно было бы, чтобы своевременное наше дружеское выступление предупредило Германию в возможности воспользоваться новым предлогом к еще большему упрочению своего влияния в Константинополе. Прошу инструкций[3].

Долгорукий.

№ 492. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 583. 30/17 сентября 1911 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 571[4] и на вашу телеграмму № 1324[5].

Вчера вечером великий визирь командировал ко мне в Буюкдере Салих-бея, чтобы осведомить меня об итальянском ультиматуме и узнать мое мнение. Так как я был в городе, Салих-бей меня не застал, но передал о вышеизложенном первому драгоману. Воспользуюсь удобным случаем для разговора на эту тему с великим визирем в смысле указаний вашей телеграммы № 1324. В беседе с итальянским поверенным в делах я отметил сегодня особенно благоприятное положение России в турецко-итальянском столкновении: Россия не имеет прямых интересов на северо-африканском побережьи, в отличие от Франции и Англии, и не связана с Италий союзным договором, в отличие от Германии и Австрии. Однако со времени Раккониджи Россия имеет с Италией дружественное соглашение и вместе с тем поддерживает с Турцией хорошие и искренно благожелательные отношения. Означенное положение могло бы значительно облегчить именно России содействование, если бы к тому представился повод, установлению того соглашения между Италией и Турцией, желательность коего упомянута в ультиматуме. Мне кажется, что мысль о русской медиации, затронутая Салих-беем, может встретить в Италии значительное сочувствие. Домогательства же Италии пока ограничиваются приобретением в Триполи положения, аналогичного новейшему положению Франции в Марокко, не исключая ни суверенитета султана, ни даже присутствия, в известных пунктах Триполиса, турецких гарнизонов. Предварительно необходимо было бы выждать дальнейшего развития конфликта, имеющего, вероятно, значительно ослабить Турцию, и еще более полного разо-

[1] Опубл. Siebert, II, S. 172, N 461, без указания номера.
[2] См. стр. 19, прим. 2.
[3] Публикуемая тел. была передана Нератовым 1 окт./18 сент. за № 1358 в Париж, Лондон, Берлин, Вену и К-поль.
[4] См. № 461.
[5] См. № 471.

чарования последней в действительности германской поддержки. Здешнее итальянское посольство открыто негодует на усилия Германии затормозить теперешнее итальянское выступление.

Чарыков.

№ 493. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 584. 30/17 сентября 1911 г.

Вчера вечером Порте вручено официальное объявление войны Италией. Великим визирем назначен Саид-паша.

Чарыков.

№ 494. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 93. 30/17 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вашему превосходительству уже известны из моих телеграмм [1] и из повременной печати обстоятельства итальянского выступления в триполийском вопросе, прошедшего менее чем в неделю фазисы: строгой ноты, ультиматума, объявления войны и начала военных действий.

Выступление это застало турок совершенно врасплох, хотя именно пребывание великого визиря Хакки-паши послом в Риме должно было бы служить к предупреждению наступивших событий.

К их началу у турок не оказалось в Триполи ни генерал-губернатора, ни командующего войсками. Войск там числится 1 дивизия, но имеется налицо не более 6 или 8 тысяч человек. К тому же сейчас в Триполи голод, и шла речь об отправлении туда продовольствия не только для войск, но и для туземного населения. В действительности же отправлен и доставлен в Триполи лишь один транспорт с 12 000 ружей и соответственным количеством патронов.

Турецкий флот почти в полном составе находился почему-то в Бейруте и едва ли успеет скрыться в Дарданеллы.

Великий визирь, взявший на себя портфель иностранных дел после назначения Рифаата-паши в Париж, настолько не ожидал ультиматума, что начал читать его с улыбкой, так что итальянскому поверенному в делах стало его жалко.

Растерянность правительства проявилась, между прочим, в том, что был опубликован искаженный отчет о содержании ультиматума, как ваше превосходительство изволите усмотреть из прилагаемой копии подлинного текста последнего и соответственной газетной вырезки [2]. Еще менее ожидалось со стороны Италии вчерашнее формальное объявление войны.

Именно совет министров, обсудив ультиматум и установив ответ на оный, решил, по соглашению с партией «Единение и прогресс», остаться у власти до конца кризиса. Но когда, всего через несколько часов, Порте было вручено объявление войны, текст коего у сего прилагается [3], кабинет подал в отставку и на

---

[1] №№ 571, 572, 573, 575, 576, 577, 578, 580, 581, 582, 583 и 584. [Прим. оригинала.] См. №№ 461, 469, 470, 478, 479, 480, 481, 489, 492 и 493. Тел от 29/16 сент. за № 581 Чарыков передавал тел. ген. консула в Салониках Беляева, в которой сообщалось, что итал. агент пароходного общества получил «официальное уведомление о прекращении рейсов в Турции». Тел. Чарыкова за № 582 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[2] Приложение не воспроизводится. Содержание ультиматума изложено в № 478.

[3] В ноте от 29/16 сент. (опубл. Изв. МИД., 1913 г., кн. 1, стр. 52) указывалось, что неудовлетворительный ответ Порты на итал. ультиматум (см. № 489) только подтверждает «злую волю или бессилие», проявленные турец. прав-вом по отношению к правам и интересам Италии в Триполитании и Киренаике, вследствие чего итал. прав-во сочло себя обязанным позаботиться об их защите. В заключение в ноте отмечалось, что война должна рассматриваться как «необходимое, хотя тяжелое последствие» давнего поведения турец. властей по отношению к Италии.

место Хакки-паши назначен в седьмой раз великим визирем председатель сената Саид-паша.

Очевидно, дальнейшее отношение турецкого правительства к столкновению с Италией будет установлено новым кабинетом.

Предшествовавший старался, повидимому, охраняя по возможности достоинство Турции, действовать умеряюще на общественное мнение и на мусульманские народные массы.

Я лично думаю, что, благодаря осадному положению, не произойдет беспорядков в Константинополе ни против правительства, ни против итальянцев, ни против христиан вообще.

В провинции же дело может направиться иначе и потому нам надлежало бы обсудить заблаговременно и подготовить распоряжения на случай внутренней катастрофы в Турции, не принимая однако никаких абсолютно наружных мер, каковые могли бы быть истолкованы во враждебном Турции смысле.

Это тем более важно, что в здешней печати замечается стремление свалить на Россию вину за теперешнюю беду и что при настоящем напряженном, но не выяснившемся еще настроении турецких мусульман было бы достаточно даже пустяшного предлога для того, чтобы повернуть накопившееся и бессильное против Италии и Германии озлобление против единственного соседа Турции из числа великих держав — России.

Если же мы выдержим характер и сохраним теперешнее положение спокойного нейтралитета, то можно ожидать распространения среди турок убеждения, что лучшей и даже единственной опорой для них является благорасположение России.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 495. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 94. 30/17 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Имею честь дополнить мою вчерашнюю телеграмму за № 583 [1] по вопросу о посредничестве (медиации) между Италией и Турцией следующими сведениями и соображениями.

Великий визирь обратился 25/12 сего сентября ко всем здешним представителям великих держав с сообщением итальянской ноты [2] и с намеком на желательность посредничества.

Однако, лишь один германский посол счел себя вправе и признал возможным вступить на этот путь, причем барон Маршалл не только побудил свое правительство дать Италии советы умеренности [3], надеясь, что и русское правительство поступит так же, но и лично отправился к итальянскому поверенному в делах и, как мне доверил г. ди Мартино, произвел на него сильнейшее давление, дабы еще раз удержать Италию от оккупации Триполиса. Вашему превосходительству не безызвестно, что оккупация эта была уже приготовлена и решена несколько лет тому назад и должна была осуществиться под предлогом итало-турецкой ссоры из-за итальянских почтовых учреждений в Турции. Личное воздействие имперского канцлера Бюлова в Риме и барона Маршалла в Константинополе заставило тогда Порту уступить в вопросе почты, а Италию — вернуть уже выступившую к Триполи эскадру.

---

[1] Тел. за № 583 датирована 30/17 сентября (см. № 492).

[2] См. мою телеграмму от 25/12 сего сентября, № 571. [Прим. оригинала.] (См. № 461.)

[3] См. мою телеграмму от 26/13 сего сентября № 572. [Прим. оригинала.] (См. № 469.)

На этот раз Германия оказалась не в силах защитить Турцию, а ее давление на Италию вызвало со стороны последней неудовольствие и решительное неповиновение.

При этих условиях вопрос, к кому Италия и Турция обратятся за посредничеством для восстановления между ними мира, остается открытым.

Весьма возможно, что посредничество это могло бы быть осуществлено легче вполне беспристрастным правительством, чем таким, которое состояло бы с одной из сторон в официальном союзе.

На эту мысль наводит пример русско-японских мирных переговоров, успешное начало которым было положено не союзницей Японии — Англией, не союзницей России — Францией, а президентом Соединенных Штатов Северной Америки.

В данном случае особые обстоятельства, перечисленные в моей телеграмме за № 583, действительно ставят русское правительство в этом отношении в исключительно благоприятное положение.

Поэтому казалось бы необходимым приготовиться к возможности обращения к посредничеству императорского правительства как Турции, так и Италии.

Однако надлежит, очевидно, выждать прежде всего исхода начавшихся вчера военных действий, так как, хотя для русских интересов нежелательно уничтожение Турции, но вовсе не вредно ее ослабление чужими руками.

Так, например, если бы Италия уничтожила существующий турецкий флот, то не нам об этом жалеть.

Необходимо также, чтобы Турция поглубже разочаровалась в полезности германской дружбы.

Что же касается Италии, то с ее стороны уже раздаются угрозы отплатить Германии за ее теперешнее несочувственное воздействие в Риме невозобновлением Тройственного союза в будущем году.

Если одной из причин, удерживающих Италию в этом союзе, является боязнь Австрии, то, быть может, сближение с Россией, Турцией, Англией и Францией на средиземной и ближневосточной почве обеспечивало бы Италию в достаточной мере от таковой опасности, усилив вместе с тем ее средства «для защиты итальянских интересов по ту сторону Адриатического моря» [1].

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 496. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Депеша № 95 [2]. 30/17 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Опасение, как бы итальянское наступление на Триполи не вызвало возбуждения восточного вопроса, уже побудило и римский и венский кабинеты, как известно, обратиться с циркулярным телеграфным предупреждением к балканским правительствам, увещевая их хранить мир и спокойствие.

Об основаниях этого опасения и о трех конкретных для него поводах было упомянуто в моей телеграмме вашему превосходительству от [26] 13 сего сентября за № 572 [3], причем было выяснено, что означенное опасение разделяется в полной мере здешним германским послом и что среди болгар, греков и черногорцев замечается ныне сильно приподнятое настроение.

Так как для нас очень важно, чтобы упомянутые опасения не оправдались, то я полагаю, что с нашей стороны не встретится возражений против проектиро-

---

[1] См. секретное письмо барона Корфа, Рим, 12 сентября/30 августа 1911 г. [Прим. оригинала.] (См. № 425.)

[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 15.

[3] См. № 469.

ванного графом Эренталем обсуждения этого предмета всеми державами, не исключая однако, по-моему, и Италии [1].

Но когда будут сделаны балканским правительствам внушения и с русской стороны, то казалось бы необходимым иметь в виду, что, несмотря на усилия держав и даже на искреннюю сдержанность балканских правительств, удары, наносимые Италией загнившему зданию турецкой империи, могут его не только ослабить, но и опрокинуть.

В предвидении этой возможности нам крайне желательно по возможности поощрить и ускорить тот процесс взаимного сближения и соглашения между балканскими правительствами и народностями, который начался в прошлом году и о развитии коего я имел честь телеграфировать [26] 13 сего сентября за № 573 [2].

Здешний болгарский посланник при первом же теперешнем свидании со мной сообщил мне с радостью, что софийский синод ныне признал желательным соглашение со вселенской патриархией, чему он до сих пор противился. Г. Сарафов отметил также с удовлетворением, что не только взаимные греко-болгарские убийства и насилия в Македонии прекратились, но что между обеими народностями распространяется все шире убеждение в необходимости согласиться и сплотиться для отстаивания общих обеим интересов от посягательств турок. Примером успеха в этом направлении является представление Порте, по общем совещании, тождественных петиций (такриров) вселенским патриархом, болгарским экзархом и армянским местоблюстителем по вопросам школьному и о воинской повинности. Турки оказались вынужденными отнестись к этому выступлению чрезвычайно примирительно, именно ввиду его коллективного характера.

Мне известно через черногорского поверенного в делах, который после своего успеха в вопросах об Адриатической дороге и Скутарийском озере [3] усиленно хлопочет о балканском «споразумении» в видах будущей балканской федерации, под покровительством России, — что между Болгарией и Грецией достигнуто соглашение по самому острому для обеих вопросу — о Салониках — в том смысле, что, в случае распадения Турции, Салоники и Константинополь станут «вольными городами», в составе федерации [4]. Г. Попович ожидает также, что болгары согласятся признать Ускюб за сербами, если Болгария получит Адрианополь. Только между Черногорией и Сербией отношения попрежнему плохи — на личной господарской почве, — так что между ними о соглашении нет разговоров.

Когда здешние балканские представители заговаривают со мной на эту тему, я высказываю им следующее.

Их интересы, совпадающие в данном случае с интересами держав, побуждают желать в настоящее время, и несмотря на итало-турецкую войну, сохранения на Балканском полуострове мира и status quo.

Но ввиду невозможности предугадать, как отзовется на турецком государстве нападение Италии, было бы благоразумно со стороны балканских государств постараться столковаться о своих общих интересах отнюдь не для того, чтобы напасть на Турцию или изменить в чем-либо свое корректное отношение к ней, а для того, чтобы не начать драться друг с другом в случае наступления турецкой катастрофы и чтобы, напротив, выступить уверенно, соединенными дружественными силами, на защиту означенных интересов.

Мне кажется, что теперь настала психологическая минута для подобного принципиального сближения. Если даже, как я думаю, Турция переживет теперешний кризис, упомянутое соглашение станет «un point acquis» для русских и общебалканских интересов на благо всем его участникам, даже в мирное время и в пределах существующего на Балканах положения.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

[1] См. № 477.
[2] См. № 470.
[3] См. № 234.
[4] Ср. № 505.

№ 497. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 30/17 сентября 1911 г.
Частное.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Жаль было бы упустить теперешний выгодный случай итало-турецкой войны и не воспользоваться им для того, чтобы подвинуть вопрос о проливах и иные наши здешние дела [1].

Но надо спешить, особенно по принципиальному вопросу о признании за Россией «специальных интересов» в проливах. Уже сегодня начинают раздаваться среди турок голоса, советующие заключить скорее мир с Италией, отказавшись от бездоходной и, в сущности, враждебной туркам арабской области, а когда Италия добьется своего, то она будет менее расположена признавать наши интересы.

К тому же назначение великим визирем Саида-паши считается многими поворотом от Германии в сторону Англии. Эта перемена тоже для нас благоприятна, пока она не сменится другой.

Новый персидский посол был у меня вчера и мне понравился. Я посоветовал ему ускорить подписание протокола и начало переговоров о разграничении, так как сейчас туркам придется быть уступчивее, чем они были раньше и чем они будут опять, после заключения мира с Италией.

Штрандтман уехал вчера в Белград, хотя приказ о нем еще не вышел [2]. По поводу этой предстоящей вакансии второго секретаря здесь позвольте мне напомнить вам о Минорском [3]. Его назначение было бы для меня особенно ценно и кстати ввиду предстоящих переговоров, которые несомненно коснутся турецко-персидских дел.

Душевно преданный вам

Н. Чарыков.

№ 498. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо. 30/17 сентября 1911 г.
Весьма секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Решительное выступление Италии в защиту своих специальных интересов на триполийском побережьи Средиземного моря заслуживает особого рассмотрения с точки зрения тех выгод, которые представилось бы возможным извлечь для русских интересов из этого нового, не враждебного нам, оборота восточного и средиземноморского вопросов.

Лишь только выяснится, как будет Турция реагировать на итальянский натиск, станет видно, насколько может увеличиться в силу этого податливость Турции в интересующих нас вопросах о малоазиатских железных дорогах и о персидской границе. Определится также дальнейший ход полезного для нас

---

[1] В записке от 3 окт./20 сент. А. Гирс писал Нератову: «Около пяти месяцев тому назад, в предвидении всяких осложнений на Ближнем Востоке, я представил вам мои соображения [см. ч. I, стр. 227, прим. 2] по одному вопросу государственной обороны, причем пытался доказать неотложность его обсуждения и решения в том или ином смысле. Новейшие события оправдали мои предположения и опасения, и вопрос о проливах, столь тесно связанный с охраной нашего господства в областях Черного моря, автоматически, помимо нашей воли, стал на очередь благодаря возникшей войне Турции с Италией, причем война эта уже теперь лишила нас договорной защиты от вступления в Дарданеллы и далее военных судов любой европейской державы». В заключение А. Гирс писал: «Я считаю прямым долгом службы и совести убедительнейше просить вас не откладывать далее созыва предуказанного совещания для рассмотрения моей записки».

[2] Второй секретарь росс. пос-ва в К-поле Штрандтман был назначен 28/15 ноября 1911 г. первым секретарем росс. миссии в Белграде.

[3] Второй драгоман росс. миссии в Тегеране.

взаимного сближения балканских государств в предвидении ближневосточного кризиса.

Но уже теперь представляется возможным использовать выступление Италии для нового шага по пути соответствующего коренным русским интересам разрешения одного из старейших и значительнейших вопросов внешней русской политики — вопроса о проливах.

Выше было упомянуто, что Италия выступила на защиту своих «специальных интересов» на триполийском побережьи Средиземного моря.

Понятие «специальных интересов» — новое в международном праве.

Оно было впервые формулировано в трактате на Алжесирасской конференции, которая признала, что у Франции существуют, в силу исторических и географических причин, специальные интересы в Марокко.

Означенное понятие о специальных интересах Франции в Марокко, подвергшись дальнейшему развитию, приводит ныне к признанию за Францией полного и окончательного политического господства в названной области.

Вторым случаем международного признания «специальных интересов» явилось русско-английское соглашение касательно Персии, причем географические пределы интересов этих были весьма точно установлены для России и для Англии.

Третьим примером служит русско-германское соглашение от 19/6 минувшего августа, упоминающее во введении, что Россия обладает «специальными интересами» в Персии [1].

Наконец, обращение Италии к державам, выразившееся в сообщении итальянского посла в С.-Петербурге [2], сводится к желанию римского кабинета, чтобы, по аналогии с Францией в Марокко, было признано за Италией существование у нее специальных интересов в Триполи.

Не имея в Триполи прямых русских интересов и усматривая в военно-морском усилении Италии по близости Балканского полуострова полезный противовес Австро-Венгрии, мы можем, без сомнения, отнестись к такому итальянскому домогательству вполне сочувственно.

Соответственно сему императорское правительство едва ли затруднилось бы не только признать, что у Италии существуют специальные интересы в Триполи, но и согласиться на то, что будет условлено между Италией и Турцией по этому предмету.

Однако подобное крайне ценное для Италии согласие не должно бы достаться ей даром.

Напротив, казалось бы и справедливым и возможным получить при этом удобном случае от Италии соответственное заявление касательно существования специальных русских интересов в проливах Босфорском и Дарданелльском.

Что эти интересы существуют, подтверждается и историей и географией: из всех государств мира одна Россия лишена свободного доступа к значительной части своего собственного побережья, на протяжении от устья реки Дуная до устья реки Чорох, и исторически стремится к обеспечению для себя такового доступа.

Географическое же своеобразное очертание выхода из Черного моря в Средиземное ставит мирное процветание всего юга Европейской России в зависимость от доброй или злой воли того, кто владеет Дарданеллами и Босфором.

Совершенно ясно, что ни «специальные интересы» Франции в Марокко, ни Италии в Триполи не выдерживают никакого сравнения по своему значению со специальными интересами России в проливах.

И если до сих пор эти наши интересы остаются непризнанными, то не потому, что они не существуют, а потому лишь, что западные державы все еще считали подобное признание не соответствующим своим интересам.

---

[1] См. № 343.

[2] См. весьма секретное письмо временно управляющего министерством иностранных дел поверенному в делах в Риме от [26] 13 августа 1911 г. за № 550. [Прим. оригинала.] (См. № 360.)

Мы в этом удостоверились на Лондонской конференции 1871 г., на которой мы смогли добиться, несмотря на необычайную политическую конъюнктуру, не открытия для нас проливов наравне с турками, а только восстановления для нас и для Турции равенства прав в деле организации военно-морских сил внутри Черного моря.

Еще нагляднее проявилось недоброжелательство к нам европейской коалиции на Берлинском конгрессе.

К счастью, с тех пор наше положение существенно изменилось к лучшему.

Европейская враждебная России коалиция сменилась разделением Европы на две взаимно уравновешивающиеся группы: Тройственного союза и Тройственного согласия, причем в состав последнего вошли с Россией те самые западные державы, Франция и Англия, которые более всего настаивали на закрытии проливов против России, тогда как Германия и Австрия всегда относились к вопросу о проливах с бóльшей умеренностью.

Благодаря сему первый русский шаг в направлении признания державами, что у России существуют специальные интересы в проливах и что ей необходимо иметь одинаковую с Турцией свободу следования своих военных судов через Босфор и Дарданеллы, этот первый шаг, предпринятый осенью 1908 г., дал в общем довольно благоприятный результат.

Практическому осуществлению русских пожеланий помешало тогда колебание лондонского кабинета, тогда как итальянское правительство не возражало против нашего домогательства.

Ограничиваясь здесь вопросом об отношении Италии к рассматриваемому предмету, казалось бы возможным предположить, что события последних трех лет и в особенности теперешнее выступление в Триполи должны бы побудить римский кабинет не только отнестись к русскому предложению с неменьшим сочувствием, чем в 1908 г., но и согласиться на более точное формулирование своего сочувствия.

Формула же итальянского признания русских специальных интересов в проливах должна была бы, естественно, соответствовать формуле русского признания за Италией специальных интересов в Триполи.

Именно, итальянское правительство, признавая существование у России в силу исторических и географических причин специальных интересов в проливах Босфорском и Дарданелльском, в смысле необходимости для России одинаковой с Турцией свободы следования своих военных судов через названные проливы и надлежащего обеспечения мирного процветания своего черноморского побережья, — обязалось бы отнестись сочувственно к обсуждению между Россией и Турцией этого вопроса, когда возбуждение оного было бы признано императорским правительством своевременным, и признать результат такового обсуждения.

Подобное заявление римского кабинета, в той или другой письменной форме, должно было бы иметь пока исключительно принципиальный характер, ибо не представляется возможным предвидеть теперь, когда наступит время для соответственных переговоров с Портой.

В зависимости от дальнейшего хода ближневосточных и мировых дел оно может наступить вскоре или же только через несколько десятков лет.

Но во всяком случае, прежде чем начать практические переговоры с Турцией о новом истолковании старинного правила Оттоманской империи о закрытии проливов, необходимо заручиться принципиальным согласием великих держав, по возможности всех, на то истолкование означенного правила, которого Россия намерена добиться у Турции.

В Ункиар-Скелесси Россия могла начать переговоры с соглашения с Турцией. Но с тех пор парижский, лондонский и берлинский договоры сделали из вопроса о проливах вопрос европейского международного права, которое, согласно русскому взгляду, может быть изменено лишь с согласия договаривающихся сторон.

Предварительное же соглашение с державами полезно еще и потому, что при успехе такового Турция оказалась бы в данную минуту более или менее изолированной по отношению к России и потому более уступчивой.

Таким образом в настоящее время следовало бы начать с Италии и притом пока еще ее триполийское приключение находится в своем первом фазисе, делающем наше отношение к нему особенно ценным.

Само собой разумеется, что переговоры эти должны храниться в совершенной тайне, по крайней мере от публики. Иначе, как это случилось в 1908 г., шум, поднятый печатью по поводу русского упоминания о проливах, может снова затормозить дело.

Впрочем, если бы известие о русском предположении дошло даже до турецкого правительства косвенно, например, через Берлин или Вену, то в этом не было бы большой беды: теперешнее русское желание приравнять свои военные суда к судам добровольного флота в отношении следования через проливы [1] — известно самой Порте уже три года и не вызвало с ее стороны непреодолимых возражений. Кроме того, проектируемая формула прямо оговаривает намерение русского правительства предпринять разрешение этого вопроса не иначе, как путем предварительного дружественного соглашения с оттоманским правительством, без определения времени начала переговоров, и не является, следовательно, непосредственно опасным для Турции. Напротив, означенная формула предоставляет Турции время и надежду установить с Россией обоюдовыгодный договор.

Воздерживаясь от суждения о том, в каком порядке и какой форме можно было бы коснуться того же вопроса с Францией, Англией, Германией и Австро-Венгрией, позволю себе лишь заметить, что при существующих русско-французских отношениях на турецкой почве, согласие Франции на русско-итальянскую формулу можно было бы считать вероятным.

Что же касается Англии, то она, как известно, сосредоточила ныне свои морские силы в Северном море и предоставила Франции заботу об англо-французских интересах в Средиземном море. Ввиду сего, возможность появления в Средиземном море военных судов, принадлежащих к Черноморскому флоту России — союзницы Франции, — явилась бы для Англии уже не опасной, а скорее желательной.

Весьма возможно, что в Берлине и Вене надумают обусловить желаемое признание русских специальных интересов в проливах какими-либо компенсациями. В таком случае исход переговоров будет очевидно зависеть от того, насколько компенсации эти покажутся императорскому правительству удобоприемлемыми и равноценными с выгодами, проистекающими из обеспечения за Россией пользования проливами.

Какой оборот примет итало-турецкий конфликт из-за Триполи и каким темпом он будет подвигаться, сегодня еще предугадать нельзя.

Но так как он несомненно окончится некоторым положительным упрочением итальянских специальных интересов в Триполи с нашего согласия, то казалось бы крайне желательным добиться взамен хоть от Италии и хотя бы принципиально признания русских специальных интересов в проливах и для сего продолжить те доверительные сношения с римским кабинетом, на которые намекает инструкция вашего превосходительства поверенному в делах в Риме от [26] 13 августа сего года за № 550 [2].

Успех, достигнутый этим путем, был бы, может быть, и не очень велик и, может быть, пройдут долгие годы, прежде чем представится благоприятный случай сделать еще дальнейший шаг к единственному соответствующему интересам России решению вопроса о проливах: Россия должна обладать и Босфором и Дарданеллами и пользоваться ими для своих военных судов наравне с Турцией, пока последняя существует, а затем одна, когда Турция исчезнет. С Румынией и Болгарией можно будет сговориться. Проливы, действительно, ключ к русскому дому, и ключ этот должен рано или поздно перейти в русские руки.

Для подготовления же такого решения необходимо прежде всего добиться признания, кем следует, существования у России, в отличие от всех прочих держав, кроме Турции, специальных интересов в проливах.

---

[1] Казалось бы возможным поставить в известность итальянское правительство, что этим ограничиваются в настоящее время русские желания. [Прим. оригинала.]

[2] См. № 360.

Пусть в настоящее время это новое начало будет признано только Италией и Францией и пусть признание это останется тайной.

Но все-таки основа будущему новому порядку вещей в проливах будет положена и будет облегчена русскому государству работа к тому времени, когда оно в полноте своей мощи закончит легко то дело, которое было начато с великими трудами более двухсот лет тому назад.

И, право, если современная Франция сумела обеспечить свои интересы в Марокко и новоиспеченное итальянское королевство овладевает Триполисом, то неужели нельзя надеяться, что российская империя сможет установить и отстоять свои насущные интересы в вопросе о проливах?

Добавлю, что казалось бы предпочтительным не особенно медлить приобретением принципиального признания существования специальных русских интересов в проливах хотя бы Италией и Францией. Ибо, если бы теперешнее опасение германского посла в Константинополе оправдалось, и итальянское наступление вызвало в Турции внутреннюю катастрофу [1], то отсутствие подобного подготовительного признания чрезмерно затруднило бы решение вопроса о проливах в направлении, согласном с русскими интересами: или нам пришлось бы выдержать борьбу в самих проливах, обороняя их от чужого захвата, или новая коалиция навязала бы нам открытие Босфора и Дарданелл наравне с Зундом и Бельтом, что явилось бы для России не улучшением, а недопустимым ухудшением теперешнего положения дел.

Примите и пр. Н. Чарыков.

№ 499. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Афинах Б. Татищеву.

-/. Телеграмма № 1356 [2]. 1 октября/18 сентября 1911 г.

Сообщается в Лондон, Париж, Берлин, Вену, Константинополь, Рим, Софию, Белград, Бухарест, Цетинье и Канею.

Телеграмма № 51 [3] получена.

Шебунин, сообщая о предстоящем открытии Собрания, выражает опасение, как бы война не послужила предлогом депутатам вновь поднять вопрос о соединении и о посылке депутатов в афинский парламент [4].

Очень надеемся, что и в этом случае греческое правительство сумеет отстранить от себя подозрения в попустительстве, дабы не навлечь недоверия Турции, тем более, что собираемые ею ныне вооруженные силы, которые едва ли придется использовать против Италии, придадут Турции особый вес при решении балканских вопросов, и способны подвергнуть Грецию непосредственной опасности [5].

Нератов.

№ 500. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Риме Долгорукому.

-/. Телеграмма № 1357 [6]. 1 октября/18 сентября 1911 г.

Сообщается в Лондон, Париж, Берлин, Вену, Константинополь [7], Софию, Афины, Бухарест, Белград и Цетинье.

---

[1] См. мою телеграмму от [26] 13 сентября за № 572. [Прим. оригинала.] (См. № 469.)

[2] Опубл. Stieve, I, S. 153, N 129.

[3] См. № 488.

[4] Содержание тел. Шебунина от 29/16 сент. за № 73 изложено в публикуемом документе.

[5] Тел. от 2 окт./19 сент. за № 76 Шебунин ответил: «Критяне, поддерживая усиленные сношения с греческим правительством, откладывают со дня на день открытие Собрания, которое едва ли можно ожидать теперь ранее, чем через неделю. К последнему они побуждаются, однако, не расчетами благоразумия, а выжиданием того, как повернутся военные действия между Италией и Турцией».

[6] Опубл. Siebert, II, S. 173, N 462.

[7] Получил № 583, телеграфирую Долгорукому. [Прим. оригинала.] (См. № 492.)

Телеграмма № 40 [1] получена.

Турхан-паша передал мне просьбу Порты [2] о нашем давлении на Италию в смысле принятия ею предложений, изложенных в ответе Турции на ультиматум Италии [3]. Я возразил, что базой каких-либо дальнейших объяснений между воюющими может быть лишь созданное объявлением войны положение на основании итальянского ультиматума [4], т. е. оккупация Триполи Италией. Если бы в Константинополе была найдена подходящая формулировка для предложения Италии в этом смысле, мы готовы содействовать ее обсуждению так же, как и всякой мере, которая имела бы целью ограничить конфликт вопросом о Триполи, каковая цель вполне отвечает интересам Турции и в каковом смысле будут, очевидно, направлены общие усилия держав.

Мы вполне уверены, что такая постановка вопроса желательна и для Италии [5].

[Нератов.]

№ 501. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Вене В. Крупенскому.

·/. Телеграмма № 1362. 1 октября/18 сентября 1911 г.

Телеграмма № 38 получена [6].

Здешний австрийский поверенный в делах не передавал мне никакого сообщения в смысле высказанного вам Эренталем. Но из ответа моего князю Долгорукому № 1357 [7] вы усмотрите, что и мы стремимся к локализации конфликта и ограничению его вопросом о Триполи. Мы уверены, что таковы же стремления всех держав, о чем нами предупреждены и балканские государства.

В этом смысле можете при случае высказаться перед Эренталем.

А. Нератов.

№ 502. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Риме, Париже, Лондоне, Берлине и Константинополе — Долгорукому, Извольскому, Бенкендорфу, Остен-Сакену [8] и Чарыкову, посланникам в Софии, Бухаресте и Белграде — Неклюдову, М. Гирсу и Гартвигу и поверенным в делах в Вене, Афинах и Цетинье — В. Крупенскому, Б. Татищеву и Обнорскому.

·/. Телеграмма № 1364. 1 октября/18 сентября 1911 г.

На наш запрос итальянский посол, по поручению своего правительства, объяснил, что стрельба по миноноске близ Превезы произошла в открытом море и вследствие местных военных условий; что итальянское правительство продолжает считать сохранение status quo основой своей политики на Балканах и потому никаких военных действий, кроме морских, в Европейской Турции предпринимать не намерено.

[Нератов.]

---

[1] См. № 491.

[2] Нота турец. прав-ва от 1 окт./18 сент. 1911 г. опубл. Изв. МИД, 1913 г., кн. 1, стр. 54.

[3] См. № 489.

[4] У Siebert'а слова: «на основании итальянского ультиматума» опущены.

[5] Тел. от 3 окт./20 сент. за № 43 Долгорукий сообщил о передаче им Сан-Джулиано ответа Нератова Турхан-паше. Сан-Джулиано «вновь подтвердил, что Италия готова дать Турции самое щедрое вознаграждение за уступку Триполи, но при обязательном условии, чтобы война не затягивалась».

[6] См. № 477.

[7] См. № 500.

[8] Тел. от 1 окт./18 сент. (без номера) Остен-Сакен по возвращении из отпуска сообщал, что он вступил в управление пос-вом (см. ч. I, стр. 405, прим. 2).

№ 503. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 214. 1 октября/18 сентября 1911 г.

Nicolson me dit hier que Grey répondrait à démarche turque demandant intervention que actuellement il ne voyait pas base sur quelle gouvernement anglais pourrait s'appuyer. Nicolson dit aujourd'hui que cette réponse a été donnée à ambassadeur turc [1]. Il m'a dit que déclaration guerre par l'Italie à Turquie a dans l'opinion gouvernement anglais rendu intervention immédiate beaucoup plus difficile et ne permettrait plus avant résultat militaire de parler intégrité territoriale turque, comme le demande Turquie. Italie, d'ailleurs, ne s'y prêterait certainement pas, ayant déclaré qu'elle entendait se maintenir à Tripoli.

Benckendorff.

Перевод.

Никольсон сказал мне вчера, что на турецкий демарш с просьбой о вмешательстве Грей ответит, что в данное время он не усматривает основы, на которую могло бы опереться английское правительство. Никольсон сказал сегодня, что этот ответ был дан турецкому послу. Он мне сказал, что объявление Италией войны Турции, по мнению английского правительства, сделало немедленное вмешательство гораздо более трудным и больше не позволит, до выявления результатов военных действий, говорить о неприкосновенности турецкой территории, как о том просит Турция. Впрочем Италия, конечно, на это не пошла бы, так как она заявила, что намерена остаться в Триполи.

Бенкендорф.

№ 504. Советник посольства [2] в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 130. 1 октября/18 сентября 1911 г.

Итальянский посол официально уведомил вчера французское правительство о наступлении военного положения между Италией и Турцией. Сегодня обнародована декларация нейтралитета Франции. Для защиты интересов французских подданных в триполитанские воды отправлен бронированный крейсер «Э. Ренан». В противоположность английской, французская печать относится скорее сочувственно к итальянскому выступлению, указывая на полную неудачу младотурецкого режима и на печальное последствие тяготения к Германии [3].

Демидов.

№ 505. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 63. 1 октября/18 сентября 1911 г.

Телеграфирую в Константинополь и Белград.

Проезжавший вчера из Константинополя Штрандтман сообщил мне, что в посольстве получены сведения, будто бы между Грецией и Болгарией заключено

[1] Тел. от 1 окт./18 сент. за № 215 Бенкендорф сообщал: «Никольсон сказал мне, что доверительное сообщение, которое О'Берну поручено сделать вам относительно ответа Англии на обращение Турции, было сделано также и в Париже. Оно было сделано и в Вене в виде предупредительного ответа на доверительные сообщения, делавшиеся за последнее время венским кабинетом. В Берлине, Риме и Мадриде такое сообщение сделано не было».

[2] Тел. от 28/15 сент. за № 129 Извольский сообщил, что он уезжает из Парижа на несколько дней в Тегернзее для свидания с семьей.

[3] Тел. от 29/16 сент. за № 212 Бенкендорф сообщал относительно позиции англ. прессы в итало-турецком конфликте: «В течение последних дней пресса обеих партий, в особенности «Times» и «Westminster» [Gazette], выражает сожаление по поводу итальянской политики. Сегодня в особенности «Times» говорит о невозможности усмотреть в итальянских претензиях достаточное оправдание для столь решительного выступления. Статья находит политику Италии оппортунистической, авантюристической и по своим последствиям опасной для всех. Вчера вечером «Westminster» высказалась почти так же».

соглашение[1] «сфер влияния» в Македонии, а предметом — совместные действия против Турции, раздел Македонии и Фракии с объявлением Константинополя и Салоник вольными городами. Могу уверить, что в сведении этом нет ни слова правды. Тодоров, запрошенный мной доверительно, ответил мне под честным словом, что нынешнее правительство даже не начинало никогда никаких переговоров о политическом соглашении с Грецией; а прежнее правительство Малинова находилось с греческим в самых враждебных отношениях. Вполне верю Тодорову, но считаю долгом оговориться: в случае дальнейшего осложнения событий и в особенности, если между греками и турками вспыхнет война, соглашение между Афинами и Софией может быть заключено спешно. Здесь все пока совершенно спокойно. Если во время ближайших дней не будет тревожных признаков, то выеду, согласно разрешению вашему, в Париж, но сокращу свое отсутствие до минимума, особенно если получу весть о возвращении короля Фердинанда, находящегося пока со всей семьей в Эбентале[2].

Неклюдов.

№ 506. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма[3]. 1 октября/18 сентября 1911 г.

По поводу обострения триполийского вопроса имел вчера продолжительную беседу с Миловановичем, который не без тревоги осведомился об итальянском ультиматуме, опасаясь каких-либо осложнений на Балканском полуострове. Я старался, в согласии с циркулярной телеграммой вашего превосходительства[4], рассеять опасения министра, сказав, что сохранение мира на Балканах будет зависеть от самих славянских государств, интересам коих турецко-итальянское столкновение не представляет никакой угрозы. Милованович в отношении образа действий Сербии дал мне самые успокоительные заверения. На мой взгляд, не может быть сомнения в том, что Сербия, неукоснительно следуя указаниям императорского правительства, будет в пределах крайней возможности соблюдать спокойствие; с ее стороны менее всего можно ожидать каких-либо активных выступлений: она нуждается в мире и до поры до времени дорожит поддержанием добрых отношений с Турцией. Но, как я неоднократно доносил, в Сербии не найдется правительства, которое в силах было бы сдержать народ в случае: а) занятия Болгарией Македонии, б) революции и взрыва фанатизма в Косовском вилайете и в) вступления австрийских войск в Санджак. Последняя случайность более всего пугает сербское правительство, не без основания опасающееся выступления Австрии под предлогом охраны status quo на Балканах. Сегодня утром посетил меня Пашич, подтвердивший опасения и заверения Миловановича. Он напомнил, что за время албанского движения Австрия неустанно принимала различные военные меры и что ныне у нее на боснийско-герцеговинской границе сосредоточено 80 000 войска в полном вооружении. Смею думать, при обсуждении возможных случайностей, означенное обстоятельство заслуживает особенного внимания.

Гартвиг.

---

[1] Так в лит. копии. В тел. бланке после слова «соглашение» следует: «основанием коего является разграничение».

[2] Ссылаясь на публикуемую тел., Гартвиг телеграфировал Нератову 1 окт./18 сент. за № 134, что в тел. Неклюдова «вкралось небольшое недоразумение». «Передавая Неклюдову константинопольские новости, — указывал Гартвиг, — Штрандтман конфиденциально сообщил и о дошедшем до посольства слухе касательно назревающего между Грецией и Болгарией соглашения, на случай наступления внутреннего кризиса в Турции, в целях обеспечения их обоюдных интересов в Македонии. В этом слухе, сообщенном Штрандтманом и мне, ничего невероятного нет, ибо и Неклюдов в своей оговорке допускает возможность соглашения между двумя помянутыми государствами».

[3] Номер отсутствует. Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 17.

[4] См. № 475.

№ 507. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Риме, Берлине, Вене и Константинополе — Извольскому, Бенкендорфу, Долгорукому, Остен-Сакену, Н. Гирсу [1] и Чарыкову.

·/. Телеграмма № 1377. 2 октября/19 сентября 1911 г.

Турецкий посол сообщил мне циркулярное обращение Порты к державам по поводу объявления войны Италией и начатия, будто бы, военных действий до объявления войны [2].

Я ответил Турхану в смысле предыдущих моих разговоров с ним, выразив мнение, что ныне уже невозможно изменить создавшееся положение раньше, чем Турция выработает определенные предложения на основе итальянской оккупации Триполи.

[Нератов.]

№ 508. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

·/. Телеграмма № 1378. 2 октября/19 сентября 1911 г.

Сообщается в Берлин, Париж, Вену, Лондон, Константинополь, Рим, Афины, Белград, Софию и Бухарест.

Императорское министерство осведомилось от итальянского правительства о стремлении короля Николая вступить в объяснения с Италией в видах совместных действий против Турции и о попытках, делаемых черногорским представителем в Константинополе, внушить представителям балканских держав мысль о совместном выступлении, даже если бы Италия уклонилась от такового.

Благоволите самым серьезным образом разъяснить королю, что Италия дала державам самые положительные заверения о нежелании распространять конфликт с Турцией за пределы триполийского вопроса; что Балканские державы точно так же дали ручательства не усложнять положения по собственной инициативе и вряд ли на что-нибудь решатся, не предупредив нас; что, следовательно, всякое действие Черногории рискует остаться изолированным и не только встретить самый энергичный отпор готовых вооруженных сил Турции, неприменимых против Италии, но и, вызвав вмешательство Австрии, угрожать самому существованию Черногории. Мы уверены, что король, вняв нашему совету, воздержится от всякого вмешательства в итало-турецкую войну.

[Нератов.]

№ 509. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

·/. Письмо № 617. 2 октября/19 сентября 1911 г.

М. г. Николай Валериевич,

Из донесения вашего от 19/6 августа № 87 [3] я с удовольствием осведомился, что и по вашему мнению подходит время к объяснениям между нами и Турцией.

---

[1] Тел. от 2 окт./19 сент. (без номера) Н. Гирс сообщал, что он вступил в управление пос-вом (см. ч. I, стр. 347, прим. 2).

[2] В Архиве Внешней Политики хранится недатированная маш. копия тел. Саид-паши турец. послу в Петербурге. В этой тел. отмечается, что «вопреки всем международным правилам, враждебные действия со стороны итальянских судов предшествовали объявлению войны» и что турец. прав-во «обладает и фактически и юридически свободой применить по отношению к Италии не только те меры, которые состояние войны автоматически влечет за собой, но и все те, которые нынешнее положение позволяет ему декретировать. Несмотря на это право, оттоманское правительство откладывает выполнение этих мероприятий, обращаясь к державам с новым призывом [см. № 500] в надежде, что возможно еще положить конец войне». Телеграмма заканчивалась предписанием: «Благоволите прочесть вышеизложенное его превосходительству и оставить ему копию».

[3] См. ч. I, стр. 317, прим. 4.

Общее политическое положение, характеризуемое франко-германскими переговорами о Марокко и решительным выступлением Италии в триполийском вопросе, приведшим уже к военным действиям, действительно представляется особенно благоприятным для переговоров с Турцией об изменении соглашения 1900 г. о железных дорогах в Малой Азии, а может быть, и о более общих взаимных интересах.

При этом есть также основание надеяться, что новые министры, сменившие младотурецкий кабинет, проявят менее систематического противодействия и даже открытого недоброжелательства относительно домогательств императорского правительства.

Применяясь в общих чертах к предлагаемому вами проекту декларации в связи с протоколом, подписанным вами и г. Бомпаром [1], и с франко-турецким соглашением об изысканиях малоазиатских железных дорог, в императорском министерстве выработан новый проект декларации, который должен служить основанием переговоров ваших с Портой и каковой при сем прилагается под литерой А [2].

Я не берусь предрешать, какого рода приступ к разговору по условиям данной минуты и личным отношениям вашим к новым министрам будет более уместным: предложение ли готовности облегчить Турции нынешнюю тяжелую минуту дружеским устранением поводов к недоразумениям между нами или, напротив, указанием, что между тем, как другие державы без стеснения брали силой у Турции, что им было нужно, мы одни, несмотря на систематическую с ее стороны враждебность и недоверие, не изменяли доселе своего спокойного добрососедского к ней отношения, что и позволило ей действовать, по крайней мере, в вопросе о железных дорогах в Малой Азии, почти явно наперекор смыслу взаимного соглашения 1900 года.

Ограничив вначале предмет переговоров вопросом о замене соглашения 1900 г. более подходящим к изменившимся условиям уговором, вам однако может представиться возможность, в зависимости от настроения, какое вы встретите у турок, расширить объем соглашения и другими статьями, в каковых видах вам препровождаются под литерами Б, В и Г [3] одобренные императорским правительством проекты уговоров по различным затрагивающим наши интересы вопросам. Они являются однако лишь факультативными придатками к основному соглашению о железных дорогах, и вашему превосходительству предоставляется воспользоваться ими в отдельности или вместе или оставить их вне обсуждения в зависимости от общего хода переговоров.

При этом считаю долгом по отдельным пунктам и для личного вашего руководства объяснить нижеследующее:

Сколь ни желательно для нас определение зоны, коей имеет коснуться уговор о железных дорогах, размерами, указанными совещанием [15] 2 июня м. г. [4], однако возможность сокращения ее против текста проекта и до размеров, намечаемых вашим проектом, не исключается.

Точно так же мы имеем уже предварительное согласие министерства финансов на отпуск средств, могущих понадобиться на выкуп строящихся дредноутов.

Относительно проливов благоволите иметь в виду, что мы добиваемся лишь личного по отношению к нам обещания Турции не противиться нашим интересам в этом вопросе; возможные же объяснения с другими державами мы оставляем за собой.

Наконец, относительно 4% надбавки таможенных пошлин, затронутой в вашем проекте, представляется необходимым совершенно исключить этот вопрос из настоящих переговоров, так как относительно этой надбавки мы связаны уговором с Францией и Англией действовать сообща.

---

[1] См. приложение к № 202.
[2] См. приложение I к публикуемому документу.
[3] См. приложения II, III и IV к публикуемому документу.
[4] См. ч. I, стр. 36, прим. 4.

Передавая все вышеизложенное для вашего осведомления ввиду предстоящих переговоров, имею честь присовокупить, что о времени, когда возможно будет фактически приступить к ним, вы будете дополнительно извещены по телеграфу, по высочайшем одобрении проектированных соглашений и инструкций [1].

Примите и пр.

[Нератов.]

Приложение I [2]

A.

Le gouvernement impérial de Russie et le gouvernement impérial ottoman désireux de régler dans un esprit d'amitié et de bon voisinage certaines questions se rapportant à leurs intérêts réciproques sont convenu de ce qui suit:

1. Le gouvernement impérial de Russie déclare se désister des privilèges acquis au profit des capitalistes russes en vertu de l'entente établie en 1900 entre les deux gouvernements relative à la construction des chemins de fer dans certaines parties de l'Asie Mineure.

2. Le gouvernement impérial s'engage en outre à ne pas faire d'opposition à la réalisation de capitaux nécessaires à la construction de voies ferrées dans la zone visée par l'entente précitée en tant qu'elles ne seraient pas en désaccord avec la présente déclaration.

3. Le développement du réseau ferré en Asie Mineure au delà de la ligne de Samsoun—Sivas—Kharpout—Diarbékir—Mossoul (variante: Trébizonde—Erzindjan — Kharpout etc.) présentant une importance capitale tant pour les intérêts commerciaux réciproques que pour le maintien des rapports de bon voisinage entre les deux empires, les deux gouvernements contractants s'engagent de s'abstenir de toute concurrence nuisible et de faciliter éventuellement le raccordement des lignes de ce réseau avec les chemins de fer russes. Dans ce but lorsque l'état de choses sur leurs frontières asiatiques sera considéré par les deux gouvernements contractants comme permettant de songer à la construction des lignes susvisées ils s'engagent de s'entendre au préalable en vue de conclure une convention qui déterminera les conditions de construction et de raccordement de ces lignes.

Перевод.

Императорское российское правительство и императорское оттоманское правительство, желая урегулировать в духе дружбы и добрососедства некоторые вопросы, касающиеся их обоюдных интересов, договорились о следующем:

1. Императорское российское правительство заявляет, что оно отказывается от привилегий, приобретенных в пользу русских капиталистов в силу соглашения 1900 г. между двумя правительствами о постройке железных дорог в некоторых частях Малой Азии.

2. Кроме того императорское правительство обязуется не оказывать противодействия реализации капиталов, необходимых для постройки железных дорог в зоне, предусматриваемой вышеуказанным соглашением, поскольку они не будут противоречить настоящей декларации.

3. Так как развитие железнодорожной сети в Малой Азии за линией Самсун — Сивас — Харпут — Диарбекир — Моссул (вариант: Трапезунд — Эрзингян — Харпут и т. д.) представляет большое значение как для обоюдных коммерческих интересов, так и для поддержания добрососедских отношений между двумя империями, оба договаривающиеся правительства обязуются воздерживаться от всякой вредной конкуренции и, в случае возможности, содействовать соединению линий этой сети с русскими железными дорогами. С этой целью, когда оба договаривающиеся правительства найдут, что положение на их азиатских границах позволяет думать о постройке предусматриваемых выше линий, они обязуются предварительно договориться между собой, дабы заключить конвенцию, которая определит условия постройки и соединения этих линий.

---

[1] В ответной тел. от 7 окт./24 сент. за № 610 Чарыков сообщал: «Приложу все старания к благополучному осуществлению этого крайне трудного и сложного дела, как только получу уведомление о времени приступа к переговорам».

[2] Царск. экз.

Приложение II [1].

Б.

·/· I

Le gouvernement impérial de Russie s'engage en outre à donner au gouvernement ottoman son appui efficace pour le maintien du régime actuel des détroits du Bosphore et des Dardanelles en l'étendant également aux territoires adjacents dans le cas où ceux-ci seraient menacés par des forces armées étrangères.

En vue de faciliter l'exécution de la clause précitée, le gouvernement impérial ottoman s'engage de son côté à ne pas s'opposer au passage de navires de guerre russes par les détroits à condition que ces navires ne s'arrêtent point dans les eaux des détroits, sauf accord.

Перевод.

Кроме того, императорское российское правительство обязуется оказывать турецкому правительству действенную поддержку для сохранения нынешнего режима в проливах Босфор и Дарданеллы, распространяя ее и на прилегающие территории, в случае если этим последним будут угрожать иностранные вооруженные силы.

С целью облегчить выполнение вышеупомянутого постановления императорское оттоманское правительство обязуется со своей стороны не препятствовать проходу русских военных судов через проливы при условии, что эти суда не будут останавливаться в водах проливов, если это не будет особо обусловлено.

Приложение III [1].

В.

·/· II

Le gouvernement impérial de Russie acquiescera au maintien ultérieur de l'augmentation de 3% des droits de douane dont le terme expire le 26/13 juin 1914, si les autres Puissances y donnent leur adhésion.

Перевод.

Императорское российское правительство согласится на дальнейшее сохранение 3%-ой надбавки на таможенные пошлины, срок которой истекает 26/13 июня 1914 г., если другие державы выразят на это свое согласие.

Приложение IV [1].

Г.

·/· III

Le gouvernement impérial offre au gouvernement ottoman de lui rembourser les sommes payées par la Sublime Porte à l'usine Armstrong pour les trois vaisseaux cuirassés qui s'y trouvent en construction et de prendre à son compte les contrats y relatifs passés par le gouvernement ottoman.

Перевод.

Императорское правительство предлагает турецкому правительству возместить ему суммы, уплаченные Высокой Портой заводу Армстронг за три строящиеся там броненосца и принять на себя соответствующие контракты, заключенные турецким правительством.

№ 510. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/· Телеграмма № 216. 2 октября/19 сентября 1911 г.

Ambassadeur de Turquie me dit que personnellement, après déclaration de guerre italienne, il s'attendait à réponse anglaise à démarche turque. Il ne croit pas non plus que tentative de pacification avant tout appel aux armes puisse avoir

[1] Царск. экз.

chance de succès. Il considère les affaires de Tripoli comme conséquence affaires du Maroc. A Nicolson il a donné comme son opinion personnelle que Turquie ne pourrait jamais accepter indemnité pécunière. Il a demandé à Nicolson s'il avait connaissance des démarches auxquelles, selon presse, pensait Allemagne. Nicolson a répondu que ni Goschen, ni Metternich n'avaient fait aucune communication à ce sujet. Le ministère des affaires étrangères a été offert à lui, mais il a refusé pour raisons de santé et d'âge. Nicolson me dit que déclaration de neutralité souffrira deux ou trois jours de retard pour raisons techniques [1], mais ambassadeur turc me dit que livraison de deux embarcations de petite dimension a été prohibée par gouvernement. D'autre part vente de charbon pour Italie a été arrêtée. Officiers anglais en Turquie ont été rappelés [2].

Benckendorff.

Перевод.

Турецкий посол сказал мне, что лично он, после объявления Италией войны, ожидал ответа Англии на турецкий демарш. Он также не думает, чтобы попытка примирения до вооруженного столкновения могла иметь шансы на успех. Он считает триполитанские дела последствием марокканских дел. Он передал Никольсону, как свое личное мнение, что Турция никогда не найдет возможным согласиться на денежное вознаграждение. Он спросил Никольсона, известно ли ему о шагах, о которых, по сообщениям печати, помышляет Германия. Никольсон ответил, что ни Гошен, ни Меттерних ничего не сообщали на этот счет. Ему [турецкому послу] было предложено министерство иностранных дел, но он отказался ввиду состояния здоровья и возраста. Никольсон мне сказал, что по техническим причинам заявление о нейтралитете задержится на два — три дня, но турецкий посол мне сказал, что сдача двух небольших судов запрещена правительством. С другой стороны, продажа угля для Италии приостановлена. Из Турции отозваны английские офицеры.

Бенкендорф.

№ 511. Поверенный в делах [3] в Мадриде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 13. 2 октября/19 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Депешей от [9 сентября] 27 минувшего августа за № 12 [4] гофмейстер барон Будберг имел уже честь довести до сведения вашего превосходительства о заявлении, сделанном пребывающим здесь французским послом испанскому правительству по поводу предполагаемого занятия Испанией порта Ифни.

Считаю долгом добавить некоторые подробности по этому вопросу, сообщенные мне конфиденциально г. Жоффре.

Протест Франции против занятия Испанией названного порта был вызван исключительно необходимостью дать некоторое удовлетворение общественному мнению и компенсировать территориальные уступки, которые Франция принуждена сделать Германии для достижения соглашения с ней по делам Марокко.

Французский посол ничуть не скрыл при передаче заявления своего правительства истинной причины, вызвавшей этот шаг, и добавил, что делается он по настоятельному требованию колониальной партии, состоящей, как известно вашему превосходительству, из влиятельнейших политических деятелей, итти против коих не решится ни одно министерство во Франции.

Взамен отказа от Ифни, Франция, по объявлении протектората над Марокко, обещает предоставить Испании полную свободу действий в зоне ее влияния и не

[1] Пам. запиской от 1 окт./18 сент. англ. пос-во в Петербурге известило Нератова о намерении англ. прав-ва обнародовать декларацию о нейтралитете в итало-турецкой войне и просило сообщить, какую позицию намерено занять росс. прав-во.

[2] В тел. от 2 окт./19 сент. за № 217 Бенкендорф сообщил, что в промежутке времени между его свиданием с турец. послом и Никольсоном последний также виделся с турец. послом. Тевфик передал Никольсону тел., в которой Порта вновь [см. № 463] обращалась к Англии с просьбой о вмешательстве. Никольсон, еще не знавший мнения Грея по этому вопросу, полагал, что «ответ будет тот же самый, так как положение не изменилось».

[3] 1 окт./18 сент. Будберг уехал в отпуск, сдав управление пос-вом Лермонтову.

[4] См. ч. I, стр. 441, прим. 1.

будет протестовать против занятия ею любого из пунктов находящихся в пределах этой территории.

Г. Жоффре искренно советовал испанскому правительству не медлить с принятием этого предложения, предупреждая, что обстоятельства могут измениться и что последствием сего может быть видоизменение делаемых Францией предложений в ущерб интересам Испании.

Как известно вашему превосходительству, французское предложение было встречено здесь с негодованием. Министр иностранных дел ответил послу, что, не считая возможным высказать о нем какое-либо мнение, он передаст оное на обсуждение совета министров.

С тех пор совет министров, собиравшийся уже несколько раз для рассмотрения французского предложения, выработал контрпроект соглашения, переданный на обсуждение французского правительства.

Не признавая возможным отказаться от вековых исторических прав Испании в Марокко и в частности от занятия порта Ифни, королевское правительство, желая все-таки сохранить добрые отношения с соседней республикой и пойти навстречу ее желанию получить территориальную компенсацию, предлагает уступить Франции некоторую часть земель, входящих в зону влияния Испании, точное определение коих будет установлено впоследствии.

Взамен этого королевское правительство настаивает на предоставлении ему свободы действий в порте Ифни и на территории, окружающей этот порт на 15 километров в окружности, и требует абсолютной гарантии французского правительства в том, что, по соглашении Франции с Германией, последняя не заявит к Испании каких-либо претензий на таковую же территориальную компенсацию за счет испанских владений в Африке.

Ответа из Парижа на это контрпредложение еще не получено, что вызывает здесь некоторое тревожное беспокойство.

Долженствовавшее состояться открытие кортесов отложено, так как министерство не решается выступить перед лицом народных представителей до окончания переговоров с Францией, а между тем едва ли испанский проект окажется приемлемым во Франции, так как он не только прямо противоречит высказанным ею требованиям, но должен послужить во второй его части темой к дополнительным переговорам с германским правительством.

Пребывающий здесь французский посол, не принадлежа к колониальной партии и расходясь с ней совершенно в мнениях по вопросам колониальной политики, прилагает все усилия к улажению этого вопроса, преподавая своему правительству советы сговорчивости и умеренности, но ввиду огромного влияния, которым пользуется выше названная партия во Франции, особенно в делах, касающихся внешней политики, он, как кажется, мало уверен в успешности своих представлений.

Примите и пр. Лермонтов.

№ 512. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 65 [1]. 2 октября/19 сентября 1911 г.

Копия в Белград.

Сегодня Тодоров сообщил мне совсем доверительно следующее: болгарский кабинет полагает и надеется, что столкновение Турции с Италией ограничится одним триполийским вопросом. Но горькое сознание турецкого унижения может вызвать в Турции через некоторое время внутренние потрясения и создать опасности для балканских христианских государств и народностей. Ввиду сего и сообразуясь с советами, высказанными мной Тодорову [29] 16 числа [2], каби-

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 18.
[2] См. № 487.

нет решил ныне же приступить к установлению возможно более искреннего согласия с Сербией на почве полюбовного разграничения и объединения интересов обеих стран на полуострове и в целях охранения status quo от всякого посягательства извне или же со стороны Турции, могущего нанести ущерб этим интересам. Сегодня Тодоров уже имел первые объяснения в этом смысле с сербским поверенным в делах и просил Гешова и царя Фердинанда не слишком замедлять возвращением в Софию. В Белград послан конфиденциально Ризов. Гешов предлагает Миловановичу свидание в вагоне на обратном пути через Белград. Тодоров добавил, что царь Фердинанд, несомненно, одобрит эти начинания, но, вероятно, подчинит свое окончательное согласие одному главному условию: это, чтобы соединенные Сербия и Болгария могли бы опираться на поддержку России и на помощь ее в случае крайней нужды. Для Болгарии эта помощь вообще могла бы, в сущности, ограничиться обеспечением ее тыла от нападения Румынии. Я ответил Тодорову, что не замедлю довести все это до сведения вашего, пока же могу лишь одобрить самый факт единения с Сербией, но с нарочитой оговоркой, чтобы единение это имело ближайшей целью охранение status quo на Балканах. Я следующим образом оцениваю все вышеизложенное: король не чужд этому плану,— см. заявления Фичева французскому посланнику [1], — но не принял еще окончательного решения; кабинет искренен, и мои доводы имеют на него действие. Соглашение Болгарии с Сербией имеет один опасный элемент — искушение воспользоваться им для наступления. Но, с другой стороны, нынешняя минута, столь благоприятная для устранения печальной сербско-болгарской вражды, может не повториться. Нам следует решить, что для нас желательнее: отсутствие вышеизложенной, впрочем гадательной опасности, или же соглашение Сербии с Болгарией с заручкой, разумеется, нашего воздействия. Если желательным будет признано сербско-болгарское соглашение, то следует, не теряя времени, выработать и сообщить мне те основания, на которых Россия готова была бы покровительствовать соглашению, и те случаи, в коих согласившиеся стороны могут рассчитывать на нашу поддержку. Считаю также долгом предупредить против ложных слухов. В настоящую минуту, например, в Сербию усиленно проникают слухи о соглашении между Австрией и Болгарией, направленном против сербских интересов. Тодоров сказал мне, что он доподлинно знает, что эти слухи передаются и в Белград и в сербскую миссию здесь болгарами-стамбуловистами.

Неклюдов.

№ 513. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 53 [2]. 2 октября/19 сентября 1911 г.

По предписанию своего правительства турецкий поверенный в делах предупредил министра иностранных дел, что мобилизация войск в Янинском вилайете вызвана исключительно войной с Италией и не должна внушать Греции опасений. Сообщение это произвело здесь весьма успокоительное впечатление.

Татищев.

№ 514. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 141. 2 октября/19 сентября 1911 г.

Король Петр, желая осведомиться о взгляде моем на настоящее положение и передать мне свои впечатления, вызвал меня во дворец. Я застал его величество достаточно встревоженным итальянско-турецким столкновением. Высказав опа-

[1] См. стр. 43, прим. 1.

[2] Публикуемая тел. была передана Нератовым 3 окт./20 сент. за № 1379 в Берлин, Париж, Лондон, Вену и Рим.

сения, о которых говорил Милованович и Пашич [1], король добавил: «Вы, конечно, не сомневаетесь, что я никогда не допущу вызывающего образа действий Сербии, ни одного шага мы не предпримем без согласия России. Но что делать, если Австрия выступит под предлогом охранения status quo. Ведь занятие Санджака равносильно для нас смертному приговору, а всякий серб предпочтет умереть на поле брани. Сербию нельзя будет удержать, если австрийские войска переступят границу у Новобазара; мы будем, конечно, раздавлены, но эта перспектива нас не смущает. Я желал бы знать, что думает императорское правительство об этом и неужели Россия допустит уничтожение Сербии Австро-Венгрией». Обещав передать это сообщение вашему превосходительству, я тщательно старался успокоить короля, указав на все данные в пользу локализации триполийского столкновения. Я особенно настаивал на том, что все державы, во главе с Россией, именно принимают меры к сохранению спокойствия на Балканах и что едва ли в интересах Австрии отделиться от общего воздействия Европы, которая, конечно, воспрепятствует ее агрессивным замыслам. К вечеру Милованович сказал мне, что беседа моя с королем значительно успокоила его величество.

Гартвиг.

№ 515. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 596. 2 октября/19 сентября 1911 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1364 [2].

Германский посол подтвердил мне, что султан телеграфировал германскому императору после итальянского ультиматума за несколько часов до получения объявления войны. Повидимому, это обращение осталось без особого результата. Покровительство итальянцам создает послу много затруднений. По его словам, настроение великого визиря Саида-паши удрученное, и турки не предпримут ничего резкого. Враждебная демонстрация против итальянского почтамта в Стамбуле была вчера быстро прекращена конным разъездом. Спокойствие в городе полное. Посла очень беспокоит итальянское нападение на Превезу, могущее растревожить Австро-Венгрию; он убежден, как и я, что на суше турки сильнее итальянцев. Назначение великим визирем Саида-паши считается здесь признаком поворота от Германии и успехом консервативной внутренней политики.

Чарыков.

№ 516. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 597. 2 октября/19 сентября 1911 г.

Копия в Рим.

Получил № 1357 [3], ссылаюсь на мою депешу № 94 [4] и на мое письмо, отправленное в субботу [5].

На случай дальнейшего развития дела, возбужденного просьбой Порты, переданной Турханом-пашой, позволяю себе наметить следующие пункты, которые, с местной точки зрения, представляются лично мне могущими, может быть, при наступлении благоприятной минуты, послужить обоюдно-приемлемой основой для восстановления мира между Турцией и Италией, в соответствии с вашим ответом Турхану и с пользой для общих русских интересов и для тех специальных, которые упомянуты в моем письме от [30]17 сентября.

[1] См. № 506.
[2] См. № 502.
[3] См. № 500.
[4] См. № 495.
[5] См. №№ 497 и 498.

1) Сохранение суверенитета турецкого султана над Триполи. 2) Сохранение турецких гарнизонов в известных пунктах Триполийской области по примеру турецких гарнизонов, сохранившихся в Сербии согласно статьям 28-й и 29-й Парижского трактата [1] до 1867 года. 3) Признание Турцией, что у Италии существуют специальные интересы в Триполи, а равно признание за Италией права принимать все экономические и административные меры, которые она сочтет нужными для осуществления означенных интересов, опираясь для сего на достаточные вооруженные итальянские силы, располагаемые в Триполийской области и ее территориальных водах по усмотрению Италии. До войны Италия предполагала уплатить Турции 100 млн. франков в возмещение ежегодного дохода в 5 млн. франков, получаемого в Триполи от таможен, от монополии Общественного долга и от табака, а также за вакуфы и государственные имущества. Казалось бы, что даже теперь Турции следовало бы получить что-либо по этой части, по примеру Берлинского трактата. Официальное оттоманское агентство отмечает сегодня, упомянув об ответе германского императора, что не на что надеяться от германского вмешательства и что из числа ответов держав самым точным и дружеским является ответ России [2].

Чарыков.

№ 517. Поверенный в делах в Токио временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 181. 2 октября/19 сентября 1911 г.

Видел Хаяси, дабы исполнить поручение, возложенное телеграммой № 1323 [3]. На мой вопрос по поводу слухов о займе Китая у Японии на постройку линии Тайнань-фу-Айгунь он категорически опроверг их, подтвердив невозможность ссужения Японией Китая деньгами на железнодорожное строительство в сфере нашего влияния в Манчжурии. Министр иностранных дел добавил, что единственная линия, к постройке коей китайцами Япония стремится, это линия от одной из станций Южно-Манчжурской железной дороги по направлению на северо-запад, всецело в японской сфере влияния. Он пояснил также, что предметом совещания в министерстве с представителями банков было возобновление концессии на железные копи в Южном Китае, эксплоатируемые японской компанией [4].

Броневский.

---

[1] Ст. 28-я Парижского трактата от 30/18 марта 1856 г. гласит: «Княжество сербское остается как прежде под верховной властью Блистательной Порты, согласно с императорскими хати-шерифами, утверждающими и определяющими права и преимущества оного, при общем совокупном ручательстве договаривающихся держав.

Вследствие сего означенное княжество сохранит свое независимое и национальное управление и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства».

Ст. 29-я Парижского трактата гласит: «Блистательная Порта сохраняет определенное прежними постановлениями право содержания гарнизона. Без предварительного соглашения между высокими договаривающимися державами не может быть допущено никакое вооруженное в Сербии вмешательство».

[2] Тел. от 4 окт./21 сент. за № 45 Долгорукий сообщил: «Предлагаемые в № 597 Чарыковым условия едва ли будут приняты Италией. Пока твердо решили далее денежного вознаграждения при полном завладении Триполи не итти».

[3] Тел. за № 1323 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. В журнале исходящих тел. она датирована 27/14 сент. Относительно ее содержания указано: «Благодарность за соболезнование по случаю смерти Столыпина». Повидимому имеется в виду тел. Нератова Коростовцу от 25/12 сент. за № 1304 (переданная в Токио за № 1313 в тот же день), в которой Нератов поручал посланнику в Пекине проверить сведения о том, что «кабинет министров одобрил предположение манчжурского генерал-губернатора о 10-миллионном займе у Японии на постройку линии Тайнань-фу-Айгунь».

[4] Публикуемая тел. была передана Коростовцу 3 окт./20 сент. за № 1380.

№ 518. Доклад по главному управлению генерального штаба [1].

2 октября/19 сентября 1911 г.

О статье 7-й военного между Россией и Черногорией соглашения.

[15] 2 декабря прошлого года, с соизволения вашего императорского величества, между Россией и Черногорией заключено письменное военное соглашение.

Соглашением этим Россия приняла на себя обязательство оказывать королевскому правительству помощь в форме субсидии на военные нужды наличными деньгами и материалами.

Со своей стороны, королевское правительство обязалось предоставлять в распоряжение вашего императорского величества по первому призыву все вооруженные силы королевства.

Независимо того, статья 7-я соглашения гласит:

«Королевское правительство обязуется не предпринимать своей армией никаких наступательных действий без предварительного соглашения с императорским правительством и не заключать военных соглашений ни с каким другим государством без согласия его императорского величества».

Приведенная статья 7-я включена в соглашение с целью удержания усиливающейся Черногории от таких самостоятельных ее активных выступлений, при которых Россия оказалась бы вынужденной к преждевременному открытому вмешательству в балканские дела. Наличие этой статьи, действительно, позволяет рассчитывать, что оказываемая Россией материальная помощь Черногории не будет обращена последней в несоответствии с нашими видами и что королевство, получив возможность создать правильно устроенную и более сильную армию, не воспользуется ею для преждевременного нарушения политического спокойствия на Балканском полуострове.

На случай нарушения Черногорией названной статьи Россия, в свою очередь, согласно статьи 10-й того же соглашения, имеет право прекратить как дальнейшую выдачу военной субсидии, так и вообще оказание какой бы то ни было помощи Черногории.

Таким образом, статья 7-я, в связи со статьей 10-й соглашения, является в наших руках сдерживающим средством по отношению Черногории.

Важность статьи 7-й соглашения подтвердилась на деле всем ходом событий в период албанского восстания летом текущего года.

Его величество король черногорский, согласно рапорта нашего военного агента в Черногории за № 675 [2], в ответ на одно из сделанных нашим посланником в Цетинье представлений по поводу необходимости Черногории воздерживаться от участия в албанском восстании, лично высказался вполне определенно о стесняющей силе названной статьи в отношении действий Черногории.

В настоящее время, как доносит наш военный агент в Черногории, король черногорский принял, повидимому, вполне определенное решение возбудить в ближайшем будущем вопрос о пересмотре соглашения с целью исключения из него неудобной для Черногории статьи 7-й. Решение это было высказано его королевским величеством нашему посланнику в Цетинье [21] 8 августа сего года в следующих выражениях: «Когда я осенью буду в Петербурге, я непременно возбужу вопрос о пересмотре соглашения и настою на том, чтобы статья 7-я была из него исключена».

---

[1] Заголовок оригинала. Публикуемый документ был представлен Николаю II при следующей докл. записке без даты: «Всеподданнейше представляется на высочайшее благовоззрение: соображения о возможности сохранения в силе статьи 7-й военного между Россией и Черногорией соглашения».

На докл. записке имеется помета Николая II: «Да» и помета Сухомлинова: «Собственной его величества рукой написано «Да». [7 октября] 24 сентября 1911 года. Генерал-от-кавалерии Сухомлинов».

[2] В рапорте от 21/8 авг. за № 675 Потапов, между прочим, сообщал, что Николай черног. в беседе с росс. посланником по поводу 7-й статьи воскликнул: «О, эта отвратительная статья 7-я соглашения: она связывает меня по рукам и по ногам».

Независимо от вышедоложенных политических причин, вследствие которых сохранение в соглашении статьи 7-й является существенно важным, представляется необходимым с военной точки зрения отметить еще, что, в случае исключения названной статьи, Черногория, получив возможность в любое время угрожать своим политическим противникам вооруженным выступлением, затруднит этим деятельность русских инструкторов в Черногории, которые при нарушении мирной обстановки не будут в состоянии вести с должной систематичностью правильную работу по преобразованию и обучению королевской армии.

Изложенное представляется на благовоззрение вашего императорского величества.

Генерал-от-кавалерии Сухомлинов.
Генерал-от-кавалерии Жилинский.

№ 519. Памятная записка министерства иностранных дел английскому послу в Петербурге Бьюкенену.

N 977. 3 октября/20 сентября 1911 г.

Par un aide-mémoire daté du 3 septembre /21 août a. c. [1] l'ambassade de la Grande Bretagne a bien voulu faire connaître au ministère impérial des affaires étrangères le texte d'une déclaration projetée des quatre Puissances dont les banquiers ont passé avec le gouvernement chinois un contrat pour un emprunt de 10 millions de livres sterling.

En examinant ce projet de déclaration, le gouvernement impérial a dû constater qu'elle laisse intacte la clause 16 du contrat pour l'emprunt en question. Aux termes de cette clause le consortium des banquiers jouit d'un droit de priorité en ce qui concerne la participation aux entreprises industrielles énumérées dans le programme annexé au contrat et la négociation des emprunts chinois destinés à ces entreprises. Ce programme, qui s'étend sur l'agriculture, la colonisation, l'exploitation des forêts, l'élevage du bétail, les entreprises minières etc. en Mandchourie, a un caractère si général qu'il n'est pas exagéré de dire qu'il n'y a pas d'entreprise industrielle qui n'y soit pas comprise.

La stipulation susindiquée du contrat crée, par conséquent, en faveur du consortium un monopole de fait, et c'est pour cette raison que le gouvernement impérial a cru devoir demander l'abrogation de la clause 16 susmentionnée.

Il est évident que tant que ladite clause subsistera dans le contrat, aucune déclaration lui refusant le caractère d'un monopole ne changera rien à cette situation de fait.

Dans ces conditions, le ministère impérial regrette de devoir constater que loin de pouvoir se dire satisfait par la déclaration qui lui est proposée, le gouvernement impérial y verrait une grave menace pour les intérêts russes en Mandchourie, c. à d. [2], dans des régions dont le développement actuel est dû au génie et aux capitaux russes, et où les intérêts russes ont joué jusqu'ici un rôle prédominant.

Перевод.

Памятной запиской от 3 сентября/21 августа сего года английское посольство сообщило императорскому министерству иностранных дел текст заявления, проектируемого четырьмя державами, банкиры которых заключили с китайским правительством контракт на заем в 10 млн. ф. ст.

---

[1] См. приложение к № 427.

[2] Слова: «c. à d.» подставлены вместо зачеркнутых слов: «car reconnaître que le droit de priorité du consortium dans toutes les entreprises comprises dans leur programme n'a pas le caractère d'un monopole, serait pour le gouvernement impérial approuver l'exclusion de la Russie de toute participation aux futures entreprises industrielles» («ибо признать, что право приоритета консорциума во всех предприятиях, входящих в их программу, не имеет характера монополии, означало бы, что императорское правительство одобряет отстранение России от всякого участия в будущих промышленных предприятиях».)

Рассматривая этот проект заявления, императорское правительство должно было констатировать, что он оставляет без изменений статью 16-ю контракта на заем. Согласно этой статье, консорциум банкиров имеет право приоритета в отношении участия в промышленных предприятиях, перечисленных в приложенной к контракту программе, и заключения китайских займов, предназначенных для этих предприятий. Эта программа, охватывающая сельское хозяйство, колонизацию, эксплоатацию лесов, скотоводство, горные предприятия и т. д. в Манчжурии, имеет столь общий характер, что без преувеличения можно сказать, что нет ни одного промышленного предприятия, которого она не включала бы.

Следовательно, означенное выше постановление контракта создает в пользу консорциума фактическую монополию, и по этой причине императорское правительство сочло нужным просить об отмене указанной статьи 16-й.

Очевидно, что до тех пор пока эта статья будет сохранена в контракте, никакое заявление, отрицающее за нею характер монополии, не изменит ничего в этом фактическом положении.

При таких условиях императорское министерство, к своему сожалению, вынуждено констатировать, что императорское правительство, далекое от того, чтобы считать себя удовлетворенным предложенным ему заявлением, видит в нем серьезную угрову русским интересам в Манчжурии, т. е. в областях, которые своим настоящим развитием обязаны русскому гению и русским капиталам и в которых русские интересы играли до сих пор преобладающую роль.

№ 520. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 1385 [1]. 3 октября/20 сентября 1911 г.

Ввиду важности интересов, связанных для нашего экспорта с свободой прохода хлеба из Черного моря, приложите все старания к тому, чтобы отвратить Турцию от официального признания хлеба военной контрабандой, и благоволите уже теперь всячески содействовать проходу судов с русским хлебом под нейтральным флагом [2].

[Н е р а т о в.]

№ 521. Советник посольства в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 131 [3]. 3 октября/20 сентября 1911 г.

В разговоре с Бапстом я, между прочим, коснулся содержания вашей телеграммы № 1357 [4]. Точка зрения показалась ему настолько заслуживающей внимания, что он тут же просил меня зайти к де Сельву. Последний поручил мне передать вам полную тождественность его взгляда с вашим относительно невозможности изыскания иного основания для дальнейших объяснений между воюющими, как оккупация Триполи Италией. По его мнению, всякое другое основание заранее обречено на неудачу и может лишь восстановить против нас Италию [5]. Он вчера телеграфировал в С.-Петербург и Лондон, прося французских представителей выяснить по этому вопросу мнения нашего и английского правительств, указывая на желательность установления совместного плана действий. Министр настаивает на спешности этого предварительного международного уговора ввиду усилий Германии, пытающейся в Константинополе найти почву для посредничества, с целью удержания своего пошатнувшегося там положения. Здешний турецкий посол передал де Сельву аналогичную с представленной вам Турханом просьбу о давлении на Италию к принятию ею предложений Турции.

[1] Рукописная копия, хранящаяся в делах б. росс. пос-ва в К-поле.

[2] Тел. от 3 окт./20 сент. за № 599 Чарыков известил Нератова о том, что турками задержан итал. пароход с грузом хлеба и что по этому поводу он поддерживает перед герм. послом (которому была поручена защита интересов итал. подданных в Турции) и Портой интересы русских товароотправителей. Герм. посол заявил Чарыкову, что «посоветует Порте объявить, что она будет руководиться постановлениями Лондонской декларации о морской войне 1909 года».

[3] Опубл. Stieve, I, S. 154, N 130.

[4] См. № 500.

[5] У Stieve слова: «По его мнению... нас Италию» опущены.

Министр ответил, что искренно стремясь к восстановлению мирных отношений, он не полагает однако возможным в настоящую пору выступить с какими-либо предложениями в Риме. Он считает нужным оставаться в близком соприкосновении с Рифаатом в надежде через его посредство склонить оттоманское правительство к большей сговорчивости перед неизбежностью итальянской оккупации Триполи. Французскому послу Бомпару предписано немедленно возвратиться в Константинополь [1].

Демидов.

№ 522. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 40. 3 октября/20 сентября 1911 г.

По возвращении в Вену был сегодня у Эренталя. Он подтвердил мне все то, что сообщил вашему превосходительству поверенный в делах [2]. Судя по телеграмме № 1362 [3], можно однако думать, что телеграмма Крупенского при расшифровании была искажена. Сообщенное вам желание, выраженное Эренталем, об обмене взглядов между кабинетами касательно воздействия в балканских столицах, не составляя формального предложения, не подлежало особой передаче нашему правительству чрез посредство австро-венгерского поверенного в делах. Греческое правительство и сербское правительство поручили своим представителям в Вене передать Эренталю, что намерены строго соблюдать нейтралитет по отношению к Турции, пока остальные балканские державы воздержатся от всякого вмешательства. Болгария и Черногория еще не ответили на советы, данные им из Вены.

Гирс.

№ 523. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 55. 3 октября/20 сентября 1911 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 54 [4].

Изложенное в ней официальное сообщение верно передает образ действий, которого намерено придерживаться греческое правительство. Под опасностью для территории следует разуметь диверсию Турции в сторону Греции, которой здесь все же несколько опасаются, ибо, повидимому, мобилизуются войска не только в Янинском вилайете, но и на границе Фессалии. Фраза о попытке выступления имеет в виду возможную попытку Австрии и балканских государств использовать нынешний момент в своих выгодах. Настроение здесь продолжает быть спокойным, кроме военных.

Татищев.

№ 524. Председатель совета министров товарищу министра торговли и промышленности Коновалову.

Письмо № 4376. 3 октября/20 сентября 1911 г.

М. г. Дмитрий Петрович,

Ввиду дипломатического разрыва между Турцией и Италией и последовавшего уже со стороны последней открытия военных действий, необходимо преду-

[1] Публикуемая тел. была передана 4 окт./21 сент. в К-поль и Лондон за № 1390.
[2] См. № 477.
[3] См. № 501.
[4] Тел. от 3 окт./20 сент. за № 54 Б. Татищев сообщал: «Афинское телеграфное агентство только-что опубликовало сообщение о решении греческого правительства при настоящих обстоятельствах продолжать строго придерживаться миролюбивой политики. Лишь в том случае, если возникнет опасность территориальной неприкосновенности королевства или же если постороннее выступление станет угрожать жизненным его интересам, афинский кабинет будет вынужден принять соответственные сему меры».

сматривать прекращение экономических между названными государствами сношений. Как известно, между ними существовал весьма оживленный товарообмен, причем особенно заметных размеров достигал ввоз в пределы Оттоманской империи произведений итальянской промышленности. Ввиду сего и не касаясь нисколько политической стороны настоящих событий, желательно было бы, в интересах русской промышленности, принять надлежащие меры к наилучшему использованию в ее выгодах угрожающего турецкому рынку положения, при котором он окажется закрытым для итальянского ввоза. При возможном же распространении действий итальянского флота на омывающие Турцию морские воды в Средиземном бассейне она может быть затруднена и вообще в получении иностранных товаров по соответствующим морским путям. Сказанное побуждает меня покорно просить ваше превосходительство обратить серьезное внимание на вышеуказанные обстоятельства и, по внимательной оценке их при участии представителей нашей мануфактурной, металлургической и каменноугольной промышленности, сообразить и наметить те меры, которые представлялись бы в данном случае наиболее целесообразными в целях расширения и упрочения наших торговых сношений с турецкой империей. О существе сих мер, в связи с подробными соображениями по настоящему вопросу министерства торговли и промышленности, я просил бы вас, м. г., почтить меня вашим отзывом.

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 525. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

⁄. Телеграмма № 1387. 4 октября/21 сентября 1911 г.

Ваша телеграмма № 859 [1] получена.

Дело Нью является уже третьей попыткой англичан утвердить за собой преимущественное положение в очень важных вопросах в нашей зоне. Первые две попытки — дела Зелигмана и Стокса. Все это, конечно, делается вполне корректно и с предварительным запросом о нашем согласии; так это было и в другом первостепенной важности деле, а именно по поводу недавно заключенного займа в Шахиншахском банке [2]. Дальнейшее развитие такого положения поведет к тому, что у англичан окажется в нашей зоне чуть ли не больше интересов, чем у нас самих.

Я намерен затронуть этот вопрос в разговоре с британским поверенным в делах, в особенности что касается дела Зелигмана, по которому я послал вам третьего дня почтой ответ министра финансов, указывающий на неприемлемость предложений Зелигмана в их теперешнем виде [3].

Нератов.

№ 526. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Софии Неклюдову.

⁄. Телеграмма № 1401 [4]. 4 октября/21 сентября 1911 г.

Сообщается в Белград.

Телеграмма № 65 [5] получена.

Приветствуя искренно стремление Болгарии и Сербии полюбовно разграничить и объединить их интересы, ввиду сложного нынешнего положения, мы вместе с тем вполне одобряем и ограничительную оговорку вашу о ближайшей

[1] Тел. от 29/16 сент. за № 859 Поклевский сообщил Нератову, что перс. прав-во предполагает назначить англ. подданного Нью в качестве начальника счетной части в телегр. ведомстве.

[2] См. № 138.

[3] См. № 482.

[4] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 19.

[5] См. № 512.

цели объединения: а именно согласования обоюдных действий в видах охранения status quo. Действительно самовольное выступление славянских держав не только не встретит нашего сочувствия, но, по нашему убеждению, будет для держав этих гибельно, ибо вызовет и оправдает дальнейшие выступления со стороны Австрии. Иначе стояло бы дело, если бы последовало вызывающее действие со стороны Турции. Мы надеемся, что в таком случае обе державы обратятся к нам за советом, и вполне готовы совместно обсудить положение. Для вашего личного сведения присовокупляю, что предметом наших забот явилось бы согласование наших действий в зависимости от возможных шагов Австрии.

Нератов.

№ 527. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 220. 4 октября/21 сентября 1911 г.

Trois démarches ayant trait à question médiation viennent d'être faites ici par ambassadeur turc[1]. Réponse négative fut verbalement répétée, motivée par absence de base pour entamer pourparlers, d'autant plus que Tewfik personnellement rejette possibilité d'ouverture négociations sur base occupation par Italie de Tripoli, ainsi que acceptation par Turquie de compensation pécuniaire. Nicolson est en général porté à croire que l'état actuel des rapports italo-turcs ne manquera pas à se prolonger, et que les Turcs se préparent à une résistance énergique après débarquement italien. Les nouvelles reçues des représentants anglais des Etats Balkaniques sont satisfaisantes».

Benckendorff.

Перевод.

Турецким послом только-что предприняты здесь три демарша по вопросу о посредничестве. Устно был снова дан отрицательный ответ, мотивированный отсутствием основы для начала переговоров, тем более что Тевфик лично отвергает возможность приступить к переговорам на основе оккупации Италией Триполи, а равно принятия Турцией денежного возмещения. В общем Никольсон склонен думать, что нынешнее состояние итало-турецких отношений не преминет затянуться и что турки готовятся к энергичному сопротивлению после итальянской высадки. Сведения, полученные от английских представителей из балканских стран, удовлетворительны.

Бенкендорф.

№ 528. Поверенный в делах в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 142[2]. 4 октября/21 сентября 1911 г.

Получил телеграмму № 1378[3].

Ввиду отъезда короля Николая в Антивари, сделал министру иностранных дел[4] энергичные представления, указав на крайнюю опасность для самого существования Черногории каких-либо активных с ее стороны выступлений в связи с триполийским конфликтом. Министр от имени короля заверил меня, что Черногория, вняв названному совету, воздержится от всякого вмешательства в итало-турецкую войну[5].

Обнорский.

---

[1] См. стр. 62, прим. 2.

[2] Публикуемая тел. была передана Нератовым тел. от 5 окт./22 сент. за № 1392 в Париж, К-поль, Лондон, Вену, Берлин, Рим, Афины, Белград, Бухарест и Софию.

[3] См. № 508.

[4] 23/10 авг. м-ром ин. дел был назначен Душан Грегович, бывший до того консулом в Скутари.

[5] Деп. от 5 окт./22 сент. за № 54 Обнорский сообщал Нератову, что население Черногории экономически крайне ослаблено в результате албанского кризиса и что втянуть его в выступление против Турции будет трудно. Вместе с тем, он отмечал, что король Николай и некоторые из его советников, «лелеющие мысль о расширении черногорских границ за счет

№ 529. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Письмо [1]. 4 октября/21 сентября 1911 г.
Весьма конфиденциально.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Неделю тому назад полчищам Салар-эд-Доуле нанесено было в Багишахе решительное поражение, которое свело почти к нулю шансы Мохамед-Али-шаха на возвращение себе престола.

Достигнутые до сих пор Саларом успехи, его распорядительность и умение передвигаться с многочисленным отрядом вселили в сторонниках бывшего шаха уверенность в его успехе, и победа правительства явилась для них горьким разочарованием. Очевидно и в полчищах Салара не было достаточного количества хорошего боевого материала, который мог бы устоять перед натиском немногочисленного, но обладавшего превосходной артиллерией, оружием, лучшим командным составом и имеющего некоторый боевой опыт, отряда бахтиар и фидаев Ефрема.

При оценке военных действий, предпринятых в пользу восстановления Мохамед-Али-шаха на престоле, особенно бросается в глаза отсутствие общего плана и связи между отдельными отрядами. Войска Салара, Сердара-Аршада, Шоджа-эд-Доуле и Исмаил-хана доходили численностью до 30 000 человек, при 20 с лишним 7-миллиметровых [2] австрийских и горных пушках, и нет сомнения, что Тегеран не мог бы устоять против такой силы, двинутой одновременно и с разных сторон на столицу. В большинстве провинций симпатии населения были на стороне бывшего шаха, и ему удалось действительно завладеть туркменской степью, Астрабадом, Мазандераном, частью Азербайджана, Курдистаном, Керманшахом, Хамаданом, Луристаном и Араком. Для завладения столицей оставалось лишь разбить правительственный отряд, который в начале восстания доходил лишь до 1 500 человек и в течение последних двух недель возрос до 3 000. Победа над этой армией решила бы участь всей борьбы, так как остальные довольно многочисленные правительственные войска, как-то — сарбазы, полиция и жандармы, составляющие гарнизон Тегерана и некоторых провинциальных городов, едва ли могут быть приняты с военной точки зрения серьезно во внимание.

Между тем события показали, что в лагере Мохамед-Али-шаха были весьма мало осведомлены о происходящем в Тегеране и о действиях сторонников его в провинциях. Чрезвычайно медленное движение бывшего шаха на Севад-Кух и Сердара на Тегеран дали возможность правительству дождаться подкреплений в 1 100 человек бахтиар, о чем, повидимому, не было известно Сердару, который продолжал неуклонно итти на столицу, не только не сообразуясь с движениями Салар-эд-Доуле, но и не рассеяв предварительно отряд Сердара-Мухи в Фируз-Кухе, который преграждал путь Исмаил-хану.

Все это дало правительству возможность одержать двойную победу: разбить туркмен Сердар-Аршада и, форсировав затем Севад-Кухский проход, вытеснить Мохамед-Али-шаха из Мазандерана. Эти успехи сильно подняли престиж правительства и позволили ему сосредоточить все свое внимание на борьбу с Салар-эд-Доуле, так как и тут союзники последнего не оказали ему никакой помощи в его попытке завладеть Тегераном. Шоджа-эд-Доуле, вместо движения на Зенджан и Казвин, почему то задался непосильной ему задачей взять приступом Тавриз, а Кашкайский ильхани Соулет-эд-Доуле, которому Сердар приказал итти на

южных и восточных соседей, попытались и на этот раз использовать затруднения Турции и подготовить почву на случай активного выступления Черногории». Попович старался склонить своих балканских коллег к мысли о совместном выступлении балканских государств против Турции. Эти попытки однако потерпели неудачу вследствие намерения остальных балканских государств «соблюдать крайнюю осторожность и не предпринимать против воли держав каких-либо выступлений против Турции». В связи с этим Обнорский высказывал предположение, что «попытки черногорских правителей использовать итальянско-турецкий конфликт с своекорыстными целями более уже не повторятся».

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 163, с сокращениями и стилистическими изменениями

[2] Так в оригинале.

Исфагань для отвлечения бахтиар на юг, ограничился попыткой взять отдаленный, но более близкий его сердцу, Шираз [1].

За время этой борьбы здешние друзья Мохамед-Али-шаха, сами подговорившие его на приезд в Персию, также не оказали ему никакой помощи. Они в паническом страхе укрылись на территории Зергенде, дрожали за свою жизнь и имущество и даже не решились или не сумели организовать какую-либо связь с восставшими для своевременного их ознакомления с происходящими в Тегеране событиями. Инициатива этих лиц проявилась лишь в желании устроить массовые бесты, но и тут они хотели получить предварительное согласие миссии и обеспечение безопасности для лиц, которые вели бы пропаганду этой идеи в городе, что, конечно, скомпрометировало бы миссию без всякой притом уверенности в конечном успехе задуманного предприятия. Впрочем, говорят, что «реакционеры» делали денежную подписку в пользу бывшего шаха и собрали небольшую сумму, которая в конце концов оказалась истраченной на неудавшиеся демонстрации.

В нынешнем кризисе особенно загадочную роль сыграли бахтиары, которые так много содействовали военным успехам правительства. В момент отъезда Сердара-Асада в Европу они были не у дел, не скрывали своего неудовольствия и громко выражали готовность согласиться на возвращение Мохамед-Али-шаха. Сторонники же последнего уверяли в существовании полного соглашения с бахтиарами и теперь укоряют их в вероломстве и продажности. Нет сомнения, что призыв к власти и щедро расточавшиеся Шустером деньги оказали свое влияние на бахтиар, которым также, вероятно, стала казаться возможной заманчивая мечта о закреплении их власти над Персией. Однако, я не уверен в том, что между Мохамед-Али-шахом и бахтиарами действительно существовало соглашение. Один из бахтиарских ханов, слывущий за сторонника бывшего шаха и уклонявшийся от активных против него выступлений, в разговоре со мной приписывал энергичную поддержку, оказываемую бахтиарами нынешнему правительству, исключительно ошибкам «реакционеров». Последние, по его словам, не сумели воспользоваться недовольством бахтиар и не заключили с ними формального соглашения, которое обеспечило бы им полную безопасность со стороны Мохамед-Али-шаха и представило некоторые доходные места в провинциях. Подобное соглашение позволило бы бывшему шаху без кровопролития вернуть себе престол, между тем как отсутствие такового оставило бахтиар без руководящей нити; начавшаяся борьба и присоединение к восставшим враждебных им племен постепенно втянуло их в войну, а старания правительства и меджлиса окончательно прикрепили их к правительственному лагерю.

В настоящее время восстание может считаться сломленным постольку, поскольку оно могло угрожать Тегерану и повести к перемене существующей в Персии формы правления. Но у правительства нет достаточных средств, чтобы фактически завладеть теми провинциями, которые, может быть, скоро номинально и признают вновь его власть. В этом отношении положение мало изменилось в сравнении с тем, которое существовало до начала нынешнего кризиса. Кроме того, надо принять во внимание, что прибытие Мохамед-Али-шаха в Персию временно прекратило партийную борьбу в Тегеране, которая теперь, по миновании опасности, может разгореться с новой силой. Демократы уже начинают интриговать против бахтиар и нынешнего кабинета и стараются захватить в свои руки власть, которая является ныне особенно заманчивой, ввиду скорого роспуска меджлиса и возможности бесконтрольного управления страной до окончания новых выборов.

Примите и пр.

С. Поклевский-Козелл.

---

[1] Тел. от 4 окт./21 сент. за № 893 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 162) Поклевский извещал Нератова о том, что «вооруженная борьба в Ширазе продолжается». Далее Поклевский сообщал: «Английский консул телеграфирует, что анархия в Ширазе дошла до крайних пределов, и обеспечение жизни и имущества иностранцев станет невозможным, если туда не будет послан английский отряд». Барклай «одновременно ходатайствует перед Лондоном и о скорейшем осуществлении проекта усиления английских конвоев на Юге Персии».

№ 530. Председатель совета министров временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 602. 4—3 октября/21—20 сентября 1911 г.

Срочно. Весьма секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

При письме от [2 октября] 19 сего сентября за № 975 [1] ваше превосходительство изволили препроводить мне записку с изложением предположений ваших, которые могли бы быть положены в основание проектируемых переговоров с французским правительством о компенсациях за наше согласие на льготы, выговариваемые Францией в свою пользу в Марокко.

Вследствие сего имею честь сообщить, что по первым двум пунктам этих предположений с моей стороны не встречается принципиальных возражений, хотя вместе с тем не могу не отметить, что пункту, касающемуся нашего политического положения в Манчжурии, Монголии и Китайском Туркестане, дана настолько общая постановка, что проектируемое обязательство Франции едва ли будет иметь какие-либо практические результаты.

Что же касается третьего пункта ваших предположений, то пункт этот, имея в виду возможный отказ Франции от права экстерриториальности в полосе отчуждения Китайской Восточной ж. д., затрагивает вопрос, к которому, на мой взгляд, следовало бы подходить с чрезвычайной осторожностью, — именно вопрос о суверенных правах Китая на территории дороги. Я опасаюсь, что одна постановка этого весьма щекотливого вопроса даже в чисто теоретических рамках, не говоря о попытках практического осуществления мысли, лежащей в основе вашего предложения, может повести лишь к новым нежелательным осложнениям в отношениях наших не только с Китаем, но и с европейскими державами, как известно, весьма ревниво относящимися к своему праву экстерриториальности в странах капитуляций. Между тем в смысле реальных выгод рассматриваемый пункт не прибавляет ничего к тому, что намечается вами во втором пункте ваших предположений, направленном к достижению действительно весьма существенного, с точки зрения наших интересов, признания французами прав Общества Китайской Восточной ж. д. по управлению полосой отчуждения, изданию обязательных постановлений и установлению налогов и сборов. Поэтому я полагал бы предпочтительным в предстоящих переговорах с Францией не возбуждать вопроса об отказе от принадлежащего ей права экстерриториальности в полосе отчуждения Китайской Восточной ж. д., сосредоточив все внимание на предположении, изложенном во втором пункте.

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 531. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 631 [2]. 5 октября/22 сентября 1911 г.

Совершенно секретно.

М. г. Александр Петрович,

Не подлежит уже сомнению, что франко-германские переговоры о Марокко, хотя и медленно, все же подвигаются к благополучному концу, причем заключения их, повидимому, будут облечены в такую форму, что прочим державам, заинтересованным в затронутых этими переговорами вопросах, останется лишь «приступить» к принятым решениям, изъявив на них свое согласие.

Связанные с Францией определенными отношениями и мало заинтересованные на северо-западе Африки, мы, очевидно, заранее согласимся на то, на чем порешит Франция свои переговоры с Германией. Но это дает нам, как мне ка-

---

[1] В письме от 2 окт./19 сент. за № 975, содержание которого в основном изложено в публикуемом документе, Нератов, препровождая записку (см. приложение к № 533), просил Коковцова дать заключение «в смысле расширения или сужения постановки вопроса».

[2] Опубл. М., стр. 114, без номера и даты.

жется, определенные основания надеяться, что и Франция сочтет своей нравственной обязанностью при случае заплатить нам той же монетой и отказаться заранее от оппозиции или вмешательства в такие вопросы, где Франция менее заинтересована, мы же имеем существенные интересы.

Из таких вопросов более определенный характер носят два: вопрос о проливах и вопрос манчжурский.

Далекие от мысли связывать Францию относительно проливов ныне же какими-либо конкретными обещаниями на определенное будущее, мы считаем однако своевременным заручиться согласием нашей союзницы не противиться нашей точке зрения и нашим возможным выступлениям в тот момент, когда мы сочтем нужным приступить в отношении этих вопросов к определенным переговорам и, может быть, даже действиям.

Я полагаю, что уговору о проливах применительно к формулам, обмененным с Италией в Раккониджи и имеющим ныне быть более точно определенными, могла бы быть придана форма обмена писем между обоюдными министрами ин[остранных] дел приблизительно в выражениях, изложенных в прилагаемом при сем проекте [1].

Что же касается манчжурского вопроса, то я касаюсь его более подробно в особом письме от сего числа [2].

Благоволите при ближайшем случае поставить правительство республики в известность об изложенных наших ожиданиях и о ходе разговоров ваших на эту тему не оставлять меня своевременными уведомлениями [3].

Примите и пр.

[Нератов.]

Приложение.

Проект письма французского министра иностранных дел российскому министру иностранных дел [4].

Monsieur le Ministre,

Le gouvernement impérial russe ayant consenti à accéder à l'accord signé par la France et l'Allemagne le... octobre 1911 concernant le Maroc, j'ai l'honneur de faire à votre excellence au nom du gouvernement français la déclaration suivante:

La France s'engage à considérer avec bienveillance les intérêts russes dans la question des détroits du Bosphore et des Dardanelles et à ne pas s'opposer à la réalisation des projets que la Russie pourrait avoir en vue relativement auxdits détroits et aux territoires adjacents.

С[*огласен*].

Ливадия, [11 октября] 28 сентября 1911 г.

Перевод.

Г. министр,

Ввиду того, что российское императорское правительство согласилось присоединиться к соглашению, подписанному Францией и Германией... октября 1911 г. касательно Марокко, имею честь сделать вашему превосходительству от имени французского правительства следующее заявление:

Франция обязуется относиться благосклонно к русским интересам в вопросе о проливах Босфор и Дарданеллы и не противодействовать осуществлению проектов, которые Россия могла бы иметь в виду касательно указанных проливов и прилегающих территорий.

---

[1] См. приложение к публикуемому документу.

[2] См. № 533.

[3] Публикуемое письмо, а также письмо за № 990 (см. № 533) Нератов представил Николаю II при докладной записке от 7 окт./24 сент., в которой писал, что ввиду близкого завершения франко-германских переговоров о Марокко «явилась необходимость воспользоваться этим обстоятельством, чтобы в ответ на согласие наше не противиться действиям Франции в Марокко получить от нашей союзницы обязательство заранее отказаться от противодействия нам в таких вопросах, где мы имели бы первенствующий интерес». На записке имеется помета Николая II: «Весьма одобряю». «Ливадия, [11 окт.] 28 сент. 1911 г.».

[4] Царск. экз. Дата отсутствует.

№ 532. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 632. 5 октября/22 сентября 1911 г.
Совершенно доверительно.

М. г. Александр Петрович,

Считаю долгом сообщить вашему превосходительству для исключительно личного вашего осведомления копию с секретного письма моего к гофмейстеру Чарыкову от [2 октября] 19 тек. сентября за № 617 [1] с приложениями, из коего вы усмотрите, что послу в Константинополе предлагается, как только воспоследует высочайшее на то согласие, приступить к переговорам с турецким правительством об изменении соглашения 1900 г. о ж. д. в Малой Азии; причем гофмейстеру Чарыкову предоставляется, в случае если он встретит со стороны турок подходящее настроение, расширить объем и содержание предстоящих переговоров.

Так как часть вопросов, подлежащих обсуждению с Портой, затронуты также в протоколе, подписанном нашим и французским послами в Константинополе и сообщенном вашему превосходительству при письме от [17] 4 июля с. г. за № 429 [2], коим, кроме того, нам обеспечено содействие Франции в переговорах, то весьма возможно, что вам представится надобность затронуть эту тему в разговоре с г. де Сельвом, в каковых видах я и почитаю необходимым поставить вас в известность о предстоящих с Портой переговорах.

Примите и пр.

[Н е р а т о в.]

№ 533. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Письмо № 990. 5 октября/22 сентября 1911 г.
Секретно.

М. г. Александр Петрович,

В дополнение к письму моему от сего числа [3] по поводу некоторых услуг, которые французское правительство могло бы оказать нам в областях, где Франция не имеет жизненных интересов, взамен нашего согласия на изменение Алжесирасского акта, считаю долгом в настоящем письме несколько подробнее остановиться на вопросе о тех услугах, которых мы могли бы ожидать от французов на Дальнем Востоке.

Здесь на первом месте стоят наши интересы в Манчжурии. Как вашему превосходительству известно, относительно этой части Китайской империи у нас существуют особые соглашения с Японией [30] 17 июля 1907 г. и [4 июля] 21 июня 1910 г., по которым японское правительство признало Север Манчжурии сферой наших преимущественных интересов. Эти соглашения были своевременно конфиденциально сообщены правительству республики, которое не возражало против них и таким образом приняло их к сведению. Помимо того, в августе 1909 г. французское посольство в С.-Петербурге в памятной записке по поводу общественных налогов в Харбине заявляло нам о готовности правительства республики оказать России поддержку во всем, что касается защиты наших политических интересов в трех манчжурских провинциях (appuyer la Russie dans tout ce qui touche la défense de ses intérêts politiques dans les trois provinces).

Вышеизложенное дает нам основание считать особое положение наше в Северной Манчжурии признанным со стороны Франции и в этом отношении нам остается только желать более определенного признания этого положения путем упоминания о нем в каком-либо дипломатическом документе, как о деле, не вызывающем сомнений.

Несравненно более мы заинтересованы в том, чтобы уладить, — по крайней мере, с Францией, — вопрос о правах Общества Китайской Восточной железной дороги на принадлежащих ему в Манчжурии землях. В вышеупомянутой памятной записке от 20/7 августа 1909 г. французское правительство, следуя при-

[1] См. № 509.
[2] См. ч. I, стр. 216, прим. 1.
[3] См. № 531.

меру других, не союзных с нами держав, поддерживало ту точку зрения, что построенный на территории Китайской Восточной железной дороги город Харбин представляет собой международную концессию, что существующее в этом городе общественное управление является нарушающим внеземельные права иностранцев в Китае и что подчинение вводимым сказанным общественным управлением правилам и налогам обязательно для французских граждан и протеже лишь постольку, поскольку эти правила и налоги будут одобрены французским правительством, которое имеет право голоса при их выработке.

Взгляд этот коренным образом расходится с нашим, и мы не можем согласиться с ним, не рискуя утратить то привилегированное положение, которое мы занимаем в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги и которое вполне оправдывается тем, что как Харбин, так и прочие поселки вдоль линии Китайской Восточной железной дороги стоят на земле, приобретенной у Китая на русские деньги, и обязаны своим существованием и развитием русской энергии, предприимчивости и затрате русских денег.

Положение территории Китайской Восточной железной дороги действительно своеобразно: она не подходит ни под один из существующих видов самоуправляющихся иностранных поселений в Китае. Права Общества Китайской Восточной железной дороги на установление того или другого административного устройства на своей территории основываются на 6-й статье контракта на постройку этой линии, которая обеспечивает Обществу абсолютное и исключительное право управлять своими землями (un droit absolu et exclusif de l'administration de ses terrains). Мы полагаем поэтому, что Харбин не может быть рассматриваем, как международная концессия, и что введенное в этом городе самоуправление, в котором иностранцы могут участвовать наравне с русскими подданными, должно быть признаваемо всеми теми иностранцами, которые поселяются в Харбине.

Взгляд держав на этот вопрос за последнее время начинает приближаться к нашему: правительство Северо-Американских Соединенных Штатов уже заявило о согласии на уплату американскими гражданами в Харбине общественных сборов, причем его местные агенты ставят, впрочем, условием, чтобы эти сборы шли на общественные городские нужды. Приблизительно того же взгляда держится и великобританское правительство, которое выразило желание обсудить с нами те основания, на которых проживающие в Харбине английские подданные могли бы принять на себя уплату городских налогов. Французское правительство однако не сделало никакого шага к разрешению этого вопроса, и мы попрежнему стоим перед его принципиальным протестом и наталкиваемся на возражения его дипломатических и консульских представителей против взыскания харбинским городским управлением с французских граждан и протеже причитающихся с них городских налогов.

Мы полагаем, что настоящий момент был бы подходящим, чтобы побудить французское правительство отказаться от занятого им в этом вопросе положения и, признав законность городских самоуправлений в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги, ограничиться в отношении уплаты городских налогов и соблюдения городских правил равноправием проживающих там французских граждан и протеже с русскими подданными, как то сделало японское правительство.

Идя далее и предвидя наступление в более или менее отдаленном будущем момента, когда мы приступим к осуществлению того упрочения и развития нашего положения в Северной Манчжурии, которое предусмотрено нашим соглашением с Японией [4 июля] 21 июня 1910 г., приходится подумать о желательности отмены в этом случае консульской юрисдикции над иностранцами в этой области. Вопрос этот весьма деликатный и несомненно может встретить противодействие как со стороны Китая, так и со стороны держав вообще. Однако, если, как мы имеем основание предполагать, французское правительство имеет в виду потребовать от нас отказа от консульской юрисдикции в Марокко, то, казалось бы, есть возможность воспользоваться этим, чтобы заручиться его принципиальным согласием не возражать против отмены консульской юрисдикции в Манч-

журии, если бы с течением времени мы нашли нужным поднять этот вопрос перед державами. Само собой разумеется, что соглашение по этому предмету должно было бы до времени остаться строго конфиденциальным между нами и Францией.

Вашему превосходительству хорошо известен наш взгляд на образованный американскими, английскими и германскими банкирами консорциум для финансирования китайских займов, в котором деятельное участие принимают и французские банкиры; без их сотрудничества самый консорциум, конечно, не мог бы существовать. Между тем результаты его деятельности являются вредными для русских интересов, так как китайское правительство не скрывает стремления использовать получаемые от этого консорциума деньги для политических целей, враждебных нашему положению в Манчжурии и Застенном Китае. С целью парализовать наше влияние в этих областях, богдоханское правительство стремится слить их с внутренними областями Китая в административном отношении, колонизовать их китайцами, ввести в них регулярные китайские войска. Задачи эти требуют больших затрат денег, которыми китайское правительство не располагает и которые оно надеется получить путем займов у четверного синдиката банкиров. Затем, за последнее время обнаружилось также намерение китайцев создать в Манчжурии международные интересы, которые служили бы там противовесом интересам русским. Следует опасаться, что такого же направления оно будет держаться и по отношению Монголии и Китайского Туркестана. Как вам известно, у нас возникла мысль парализовать вредные для наших политических целей последствия деятельности четверного синдиката путем исключения из сферы его действий областей, где мы имеем специальные интересы, т. е. Манчжурии, Монголии и Китайского Туркестана, для действия в которых мы желали образовать особый синдикат с Русско-азиатским банком во главе. Французское правительство однако выказало весьма мало сочувствия к этой нашей мысли.

Несомненно, обязать французов не помещать своих капиталов в областях Китая к северу от Великой стены или помещать их там не иначе, как при посредстве синдиката Русско-азиатского банка, не представляется возможным в дипломатическом документе. Мы остановились поэтому на мысли, указав на опасный для нас характер замышляемых Китаем нарушения военного и административного status quo и создания международных интересов в областях нашего преобладающего влияния, т. е. в Манчжурии, Монголии и Китайском Туркестане, постараться получить от французского правительства обязательство не оказывать никакого содействия сказанным замыслам. Такое обязательство, по нашей мысли, должно служить затем основанием для настояний перед правительством республики на образовании вышеупомянутого синдиката банкиров, во главе которого должен стать Русско-азиатский банк. Этим до некоторой степени ограждались бы наши интересы в указанных областях Застенного Китая.

Вышеизложенные мысли вкратце изложены в прилагаемой записке [1], которая лишь намечает те общие основания, которые могли бы послужить отправной точкой в проектируемых нами переговорах с Францией. Для их формулировки и редактирования пришлось бы, конечно, принять во внимание те предложения, с которыми французское правительство обратится к нам по марокккскому вопросу.

Я буду весьма признателен вашему превосходительству за сообщение мне вашего взгляда по предмету настоящего моего письма и, в случае согласия вашего с изложенными в нем мыслями, покорнейше прошу вас ныне же начать приготовлять французское правительство к принятию наших пожеланий без ущерба для самой Франции и в связи с теми выгодами, которые Франция выговаривает себе от нас в Марокко [2].

Примите и пр. [illegible] Нератов.

---

[1] См. приложение к публикуемому документу.

[2] Препровождая Бенкендорфу копию публикуемого документа при письме от 19/6 окт. за № 1061, Нератов отмечал: «По ходу ваших объяснений с сэром Эд. Греем вам может быть представится необходимым дать английскому министру некоторые объяснения по этому вопросу, для которых вы пожелаете воспользоваться сведениями, содержащимися в этом письме, сообщаемом вам пока для вашего сведения».

Приложение.

/. Записка, составленная в министерстве иностранных дел [1].

Engagement de la France de ne prêter aucun concours aux tendances du gouvernement chinois de saper la situation politique de la Russie en Mandchourie, en Mongolie et dans le Turkestan Chinois, en modifiant l'état actuel administratif et militaire de ces régions et en y créant, en opposition aux intérêts spéciaux russes, des intérêts internationaux.

Reconnaissance de la situation spéciale du territoire du chemin de fer de l'Est Chinois et du droit de la Société dudit chemin de fer d'établir sur son territoire des institutions, des règlements et des taxes municipaux, à conditions d'accorder aux nationaux et aux protégés français le même traitement dont jouiront les sujets et protégés russes.

Renonciation éventuelle aux droits d'exterritorialité sur le territoire du chemin de fer de l'Est Chinois en cas où les autres Puissances consentiraient à renoncer à ces droits.

Перевод.

Обязательство Франции не оказывать никакой поддержки тенденциям китайского правительства ослабить политическое положение России в Манчжурии, Монголии и Китайском Туркестане, изменяя существующее административное и военное положение этих областей и создавая там международные интересы в противовес специальным интересам России.

Признание особого положения за территорией Китайской Восточной железной дороги и права Общества указанной дороги устанавливать на своей территории муниципальные учреждения, правила и сборы, при условии предоставления французским подданным и протеже того же режима, каким будут пользоваться русские подданные и протеже.

Эвентуальный отказ от прав экстерриториальности на территории Китайской Восточной железной дороги в случае, если другие державы согласятся отказаться от этих прав.

№ 534. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо [2]. 5 октября/22 сентября 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Граф Эренталь несомненно не ожидал столь острого поворота вопроса о конфликте из-за Триполи. В принципе Австро-Венгрия, как и Германия, не оспаривали права Италии на территорию Триполитании, но Эренталь был уверен, что пока не следовало ожидать разрыва между Италией и Турцией и столь энергичных со стороны Италии военных действий. Сан-Джулиано, которого обвиняли в чрезмерной уступчивости по отношению к графу Эренталю, перехитрил его и доказал, что Тройственный союз не всегда однозначущее с Тройственным единомыслием. Вот настоящая причина раздраженного состояния, в котором находится граф Эренталь.

Появление итальянской эскадры у албанского побережья и морские действия в виду Превезы, настолько озлобили Эренталя, что можно даже было ожидать разрыва между обеими союзными державами. Во всяком случае было предписано всем морским офицерам, находящимся в отпуску, вернуться на свои суда, и эскадра должна была быть наготове на всякий случай. К счастью, объяснение и опровержение итальянского правительства касательно высадки у Превезы успокоили общественное мнение, и инструкции, данные герцогу Абруццкому, отчасти удовлетворили Эренталя, который во всех своих разговорах с представителями держав настаивает на необходимости сохранения территориального status quo на Балканском полуострове; непосредственные интересы Австро-Венгрии были бы затронуты, если военные действия Италии касались бы территории Албании.

Мой французский коллега Крозье сообщил мне крайне доверительно, что Эренталь выказал раздражительность и в разговоре с ним, обвиняя Францию

---

[1] Царск. экз. Дата отсутствует.
[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 20.

в возбуждении марокккского вопроса и напрасном военном походе на Фец, который несогласен с Алжесирасским договором; он прибавил также, что общественное мнение Франции, отголоском которого он является, относится слишком враждебно к Германии. На это Крозье возразил вполне основательно и с некоторой горячностью, что поход в Марокко вызван гуманитарными целями, которые стоят выше всего; Франция доказала свою умеренность, так как войска ее даже не вошли в Фец, раз что цель была достигнута; Германия же, отправляя военное судно в Агадир, возбудила общественное мнение во Франции и, может быть, побудила этим и Италию принять энергичные меры для защиты своих экономических интересов в Африке. Впрочем, непосредственные переговоры между Францией и Германией, надо надеяться, приведут к соглашению. Крозье счел также долгом прибавить, что и Австро-Венгрия нарушила договор на Балканском полуострове и поколебала этим силу трактатов.

Германский посол Чиршки в свою очередь заметил раздражительность Эренталя и в разговоре со мной заявил, что, по его мнению, Италия должна была занять войсками Триполи, как это сделала Англия в Египте, без всякого объявления войны, потому что одно это слово опасно для балканских государств, где малейшая искра может зажечь общую войну, тем более, что слабость Турции станет явной.

Итальянский посол герцог Аварна относится более снисходительно к раздражительности Эренталя, хотя ему пришлось ее испытать сильнее, чем другим. Он считает состояние графа Эренталя болезненным и нервную его раздражительность лишь кратковременной. Герцог Аварна сообщил мне доверительно, что предложение короля черногорского действовать совместно с Италией против Турции было энергично отвергнуто и было сообщено вашему превосходительству королевским послом Мелегари с заверением о нежелании Италии распространения конфликта с Турцией за пределы триполитанского вопроса. Королевское правительство крайне благодарно нам за сделанное поверенным в делах Обнорским энергичное представление в смысле воздержания Черногории от всякого вмешательства в итальянско-турецкую войну [1].

Турецкий посол Решид-паша избегает говорить о своих разговорах с графом Эренталем; он высказывает только убеждение, что великие державы должны будут вмешаться для прекращения войны между Турцией и Италией. Он находит, что Италия уничтожила дерзким образом все договоры с Турцией и начала войну при небывалых условиях. Будущий министр иностранных дел не мог говорить иначе, а Решиду-паше трудно будет, как он сам это сознает, отказаться от этого портфеля. Он жертвует собой с большим бескорыстием, потому что он отдает себе прекрасно отчет, что для Турции он вероятно останется навсегда министром иностранных дел, которому придется подписать с Италией тяжелый для самолюбия Оттоманской Порты мир.

Примите и пр.

Н. Гирс.

№ 535. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 607. 5 октября/22 сентября 1911 г.

Копия в Рим.

Получил телеграммы № 1357 [2], 1358 [3] и 1377 [4]. Ссылаюсь на мои телеграммы № 583 [5], 596 [6] и 597 [7] и на мое донесение № 94 [8].

[1] См. № 528.
[2] См. № 500.
[3] См. стр. 45, прим. 3.
[4] См. № 507.
[5] См. № 492.
[6] См. № 515.
[7] См. № 516.
[8] См. № 495.

Сегодня я посетил великого визиря Саид-пашу по случаю его вступления в должность. Когда он заговорил о дружеском расположении России к Турции, которым он чрезвычайно дорожит, я упомянул в подтверждение этой мысли о сообщениях Турхана-паши и о вашем ответе касательно необходимости точной формулы, которую Турция сообщила бы вам, как основу для возможного соглашения с Италией. Я добавил соображения об исключительно благоприятном положении России в вопросе о турецко-итальянском примирении, изложенные в телеграмме № 583 и в депеше № 94. Соображения эти произвели на Саида-пашу глубокое впечатление, и мне кажется, что если теперь Турция обратится серьезно за посредничеством к иностранной державе, таковой будет, вероятно, Россия. Затем великий визирь спросил меня, может ли российское правительство указать ему упомянутую формулу, я ответил, что не может, но что если бы он спросил меня в качестве местного эксперта о личном моем мнении по этому предмету, то я охотно его ему выскажу. На его просьбу об этом я рассказал ему три пункта, содержащиеся в моей телеграмме № 597, умолчав о денежном вознаграждении. Повидимому, они ему показались соответствующими интересам Турции и в особенности пункт о сохранении турецких гарнизонов. На его вопрос, не мог ли бы Турхан-паша сообщить ему эти пункты в качестве собственной мысли, я ответил незнанием, а на вопрос, следовало ли выступить конфиденциально с сообщением формулы, я посоветовал не терять времени. Великий визирь, видимо тронутый проявлением наших дружеских чувств, высказал намерение обсудить вопрос в совете министров, сохраняя за вопросом этим тот совершенно конфиденциальный характер, личный характер, который ему пока присвоен. Мне думается, что желание посла в Риме, упомянутое в телеграмме № 1358, о заблаговременной подготовке дела в Константинополе, более или менее осуществлено, что турецкая сторона вопроса выяснится достаточно полно к этому времени и когда наступит благоприятная минута, указанная в означенной телеграмме. Если даже Италия не согласится на все пункты, или хотя бы на некоторые из них, то в глазах Турции за российским правительством осталась бы все-таки великая заслуга признания со своей стороны этих пунктов справедливыми и достойными обсуждения.

Чарыков.

№ 536. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 5 октября/22 сентября 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Пользуюсь сегодняшним пароходом, чтобы добавить несколько слов к моей вчерашней телеграмме за № 607 [1], хотя ваше превосходительство уже будете осведомлены по телеграфу ранее получения этого письма о дальнейшем ходе моих вчерашних сношений с великим визирем Саидом-пашей касательно принятия Турцией итальянского ультиматума, как основы для переговоров о мире при посредстве императорского правительства.

Предполагая, что Порта приняла эту основу, постараюсь представить здесь анализ относительного положения Турции и Италии в вопросе о заключении между ними мира.

Вследствие успешных до сих пор усилий, приложенных великими державами для локализации итало-турецкой войны, Турция оказывается ныне в очень редком и как бы привилегированном положении.

Она — в войне с Италией, но Италия не может при существующих условиях направить свои удары на те именно, наиболее чувствительные и жизненные пункты Турции, поражение коих заставило бы Турцию признать себя побежденной.

[1] Тел. за № 607 датирована 5 окт./22 сент. (см. № 535).

Таких пунктов в современной Турции только три: Константинополь, Македония с Албанией и Анатолия с Эрзерумом.

Эрзерум зависит от нас. Константинополь защищен Дарданеллами и является самым центром восточного вопроса, коснуться к коему Италия не должна. То же относится и к Македонии: недавний итальянский поверенный в делах доверил мне, что итальянская эскадра не направится к Салоникам, даже если бы там произошло избиение итальянских подданных. А австро-венгерский посол сказал мне сегодня, что нападение итальянцев на Превезу вызвало такое решительное австро-венгерское заявление в Риме, что новые выступления итальянцев в Албании не должны повториться.

Благодаря сему бой между Турцией и Италией начинает походить на дуэль немецких студентов, у одного из коих искусственно защищены артерии, сердце и другие жизненные органы, так что удары противника могут причинять ему боль, но отнюдь не угрожают его существованию.

Более того, Турция, находясь на низкой степени культуры, не обладая ни промышленностью, ни собственным торговым флотом, не страдает от войны с Италией в сколько-нибудь чувствительной для себя мере. За неимением театра сухопутной борьбы Турция почти что не мобилизовалась, а флот ее стоит в Мраморном море, как в мирное время.

Такое положение Турция может выдержать очень долго или даже сколько угодно без заметного для себя ущерба и даже с возрастанием национального чувства и мусульманского фанатизма, вызванным ее относительной безнаказанностью. Убытки Турции в особенности малы, если она станет руководствоваться в отношении нейтральной торговли подданных и собственности правилами гаагских конвенций и Лондонской декларации 1909 года. Одним словом, Турция может донять Италию измором, пассивным сопротивлением, не принимая никаких мирных предложений.

Положение Италии совсем другое.

Для нее теперешняя война не исчерпывается пассивным сопротивлением, а требует напротив крупной и активной затраты военных и финансовых средств.

Ее флот должен блокировать длинное Триполийское побережье, заграждать выход из Дарданелл, крейсировать в Красном, Средиземном и Адриатическом морях и поддерживать непрерывное сообщение между метрополией и Триполисом.

При такой работе страдают и истрепываются суда, расходуется уголь и утомляется личный состав. Если война затянется на долгий срок, например, на год или полтора, то, вероятно, Италия окажется под конец не в состоянии осуществлять надлежащим образом насущно необходимую военно-морскую программу.

Далее, Италия мобилизовала два пехотных корпуса, которые она должна перевести в Триполи и там содержать и продовольствовать подвозом всего провианта ввиду местного голода. Ежедневный крупный расход на эти надобности будет тем тяжелее, чем дольше затянется война.

Наконец, итальянская торговля с Левантом и Черным и Азовским морями приостановилась со дня объявления войны и, хотя по своим торговым оборотам с Турцией Италия занимает в ряду держав пятое место после России и перед Германией, все-таки потеря левантинского и может быть южно-русского рынков наносит итальянской промышленности, и в частности итальянским рабочим-социалистам положительный и все возрастающий экономический ущерб. Не подлежит также сомнению, что Австро-Венгрия и Германия не постеснятся первые воспользоваться итальянской невзгодой, чтобы по возможности заменить в Турции итальянские товары своими.

Однако, как ни желательно для Италии, в виду вышеизложенных обстоятельств, скорейшее заключение с Турцией тех «окончательных уговоров», которые, по словам ультиматума, имеют санкционировать итальянскую оккупацию Триполиса, Италия, вследствие упомянутой выше локализации теперешней войны, лишена возможности принудить Турцию согласиться на требуемые уговоры.

Это почти трагическое положение Италии уже начинает озабочивать наиболее предусмотрительных из здешних итальянцев, и мне кажется, что ради избежания подобного оборота дела, римский кабинет должен был бы желать скорого заключения мира и именно на условиях своего ультиматума, т. е. на условии полного осуществления оккупации Триполиса Италией хотя бы без эвакуации этой области турецкими гарнизонами и с сохранением фасада теперешней турецкой империи путем признания принципиального турецкого суверенитета над Триполисом.

Сохранение в данное время означенного фасада и предотвращение его развала соответствует интересам великих и малых европейских держав, авторитету коих должна подчиниться и Италия.

Совместное пребывание на номинально турецкой территории турецких и иных гарнизонов осуществлялось без затруднений до 1867 г. в Сербии [1], а после Берлинского трактата — в Новобазарском санджаке. Суверенитет же султана просуществовал 33 года в Боснии и Герцеговине без вреда для Австро-Венгрии и существует до сих пор в Египте.

Эти мотивы и прецеденты должны бы, мне кажется, иметь некоторый вес во мнении итальянского правительства и способствовать скорейшему приступу к непосредственным переговорам между Италией и Турцией о заключении мира.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

№ 537. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1407. 6 октября/23 сентября 1911 г.

Барклай телеграфирует своему правительству, что персы намерены пригласить шведских офицеров для организации небольшой армии, независимо от тех, которым поручено устройство жандармерии. Лондонский кабинет спрашивает, как мы относимся к этому плану. Здешний шведский посланник уже запрашивал нас, не встретим ли мы препятствий к отправке в Персию 7 офицеров.

Думаю, что твердых, законных оснований, чтобы протестовать против этого, мы не имеем, но не можем скрыть от себя, что в общем этот план нам не выгоден. До сих пор всегда имелось в виду, что ядром персидской армии является персидская казачья бригада и что усиление армии должно производиться путем исключительного усиления бригады. Переговоры об этом, шедшие уже давно [2], приостановились за последнее время, и персы, повидимому, оставили мысль о дальнейшем развитии бригады. Между тем именно это направление дела было бы для нас наиболее выгодно.

Прошу заключения.

Нератов.

Раз это невыгодно России — оно поэтому и недопустимо. Ведь мы хозяева на Севере Персии.

Ливадия, [11 октября] 28 сентября 1911 г.

№ 538. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 1409. 6 октября/23 сентября 1911 г.

Сообщается в Рим.

Телеграмма № 607 [3] получена.

Отрицательное отношение Италии к вашим трем пунктам уже известно [4]. Я во всяком случае не могу выступить с каким-либо предложением Турхану. Но

---

[1] См. стр. 66, прим. 1.
[2] См. № 80.
[3] См. № 535.
[4] См. стр. 66, прим. 2.

если бы турки выработали приемлемую формулу на основе итальянского ультиматума, то я готов путем выслушания мнения Италии содействовать такому предложению. Однако не следует ли воспользоваться остающимся до примирения временем для успешного разрешения наших специальных интересов, о чем вам послано письмо в понедельник [1].

[Нератов.]

№ 539. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 1411 [2]. 6 октября/23 сентября 1911 г.

Не считаем возможным задерживать наши хлебные грузы в Черном море в ожидании дополнительных деклараций Турции [3]. Ввиду сего вам поручается в письменной форме сделать Порте нижеследующее сообщение:

Ввиду Парижской декларации 1856 г. и статей 24-й и 33-й Лондонской декларации 1909 г. императорское правительство считает долгом заявить, что оно признает свободными от задержания и захвата русские хлебные грузы, направляемые под нейтральным флагом из русских портов Черного моря в порты как Италии, так нейтральных держав, поскольку эти грузы не назначены военным силам и управлениям Италии. Императорское правительство предупреждает Порту, что всякая попытка задержать или конфисковать указанные грузы будет признана им за прямое нарушение прав России и возложит на Порту тяжелую ответственность.

Передавая изложенное, присовокупите, что распоряжение о выходе наших грузов будет дано немедленно.

О сделанном заявлении телеграфируйте [4].

[Нератов.]

№ 540. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 222. 6 октября/23 сентября 1911 г.

N 1.

Grey a reçu de Bertie un télégramme sur l'entretien avec de Selves au sujet de l'attitude et du programme de la Russie, de la France et de l'Angleterre. Grey approuve absolument que les trois Puissances restent en contact constant pour attendre le moment où l'action commune pour mettre fin à la guerre sera venu. Mais il ne le croit pas encore venu et pense que toute démarche à Constantinople engageant dès maintenant le gouvernement turc à prendre en considération les termes de l'ultimatum italien, impressionnerait le gouvernement turc défavorablement et

---

[1] См. № 509.

[2] Рукописная копия, хранящаяся в делах б. росс. пос-ва в К-поле.

[3] См. № 520 и прим. к нему.

[4] Ответной тел. от 8 окт./25 сент. за № 614 Чарыков сообщал, что им вручена соответствующая нота турец. прав-ву, которое не дало пока официального ответа. Тел. от 10 окт./27 сент. за № 1446 Нератов, указывая Чарыкову, что от задержки хлебных грузов Турцией «страдает не только русский производитель, но и экспортеры, в большей доле английские, французские и греческие», высказывал предположение: «может быть, представители этих держав могли бы поддержать ваши представления о признании хлеба не контрабандой».

Тел. от 13 окт./30 сент. за № 347 Чарыков передавал Нератову текст ответной ноты турец. прав-ва от 12 окт./29 сент., в которой сообщалось, что турецкое прав-во разрешает провоз через проливы русских хлебных грузов, адресованных в порты нейтральных держав. Что же касается хлебных грузов, следующих в итальянские порты, то провоз их разрешается при условии, что таковые не предназначаются для итальянской армии и правительственного аппарата, т. е. лишь в том случае, если эти грузы направляются в порты, не являющиеся военно-морскими базами, и адресованы частным фирмам, не являющимся поставщиками армии и прав-ва, а также при условии представления росс. ген. консульством письменного удостоверения, что указанные грузы не предназначены для снабжения итальянской армии и правительственного аппарата.

n'aurait aucune efficacité. C'est pourquoi à la seconde et la troisième démarche turque, Lowther a été chargé de répondre verbalement que dans l'état actuel des choses le gouvernement anglais ne voyait aucune base pour une intervention ou médiation, sans ajouter de commentaire. Une réponse en ce sens a été télégraphiée à Bertie.

Benckendorff.

Перевод.

№ 1.

Грей получил от Берти телеграмму о беседе с де Сельвом по поводу позиции и программы России, Франции и Англии. Грей вполне одобряет сохранение постоянного контакта между тремя державами в ожидании наступления момента, когда совместными действиями можно будет положить конец войне. Но он считает, что этот момент еще не наступил, и думает, что всякий демарш в Константинополе, который уже теперь предлагал бы турецкому правительству принять во внимание условия итальянского ультиматума, произвел бы отрицательное впечатление на турецкое правительство и не возымел бы никакого действия. Вот почему Лоутеру было поручено устно ответить, на второй и третий демарши Турции, что при современном положении вещей английское правительство не видит никакой основы для вмешательства или посредничества, не добавляя к этому комментариев. Ответ в этом смысле был передан по телеграфу Берти.

Бенкендорф.

№ 541. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

ч/ш Телеграмма № 223. 6 октября/23 сентября 1911 г.

N 2.

L'attitude très prudente du Cabinet de Londres tient à ce qu'il croit urgent de s'abstenir de tout ce qui pourrait surexciter les passions des Turcs et aigrir le gouvernement qui se tient au principe de refuser une cession territoriale jusqu'à ce que la force des choses lui en démontre l'impossibilité. Il croit qu'il y a danger de complications à agir autrement. Nicolson dit qu'à Londres on ne pense pas que l'occupation de la ville de Tripoli mettra fin à la guerre, que les troupes turques et les forces locales peuvent créer à l'Italie dans l'intérieur de très grands embarras à cause de la difficulté extrême de ravitaillement en automne et en hiver. En outre la Turquie tient en réserve le boycott et l'expulsion des sujets italiens — à quoi l'Italie serait très sensible.

Cambon partage cette opinion. Tewfik, auquel son expérience et sa modération de caractère donnent une influence marquée, est très catégorique dans son langage. Il dit qu'en l'état actuel des choses à Constantinople aucun gouvernement ne peut maintenant traiter sur la base de l'occupation de Tripoli et d'une compensation financière. Il croit que la guerre continuera forcément.

Benckendorff.

Перевод.

№ 2.

Очень осторожная позиция лондонского кабинета объясняется тем, что он считает крайне необходимым воздерживаться от всего, что могло бы слишком возбудить страсти турок и ожесточить правительство, придерживающееся принципа отклонения территориальных уступок до тех пор, пока силой вещей оно не убедится в невозможности этого. Он полагает, что иной образ действий сопряжен с риском осложнений. Никольсон говорит, что в Лондоне не думают, что занятие города Триполи положит конец войне, что турецкие войска и местные силы могут создать Италии большие трудности внутри страны из-за чрезвычайных затруднений снабжения в осеннее и зимнее время. Кроме того Турция держит в запасе бойкот и высылку итальянских подданных, к чему Италия будет очень чувствительна.

Камбон разделяет это мнение. Тевфик, имеющий благодаря своему опыту и сдержанному характеру большое влияние, высказывается в весьма категорической форме. Он говорит, что при настоящем положении вещей в Константинополе никакое правительство не может теперь вести переговоров на основе занятия Триполи и денежной компенсации. Он думает, что война неизбежно будет продолжаться.

Бенкендорф.

№ 542. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 74 [1]. 6 октября/23 сентября 1911 г.
Urgent. Personnel.

Je viens d'avoir un long entretien très confidentiel avec le secrétaire d'Etat au sujet de ses pourparlers avec Cambon. Il m'a confié que son entrevue de ce matin aura amené, il l'espère, une entente définitive quant à la partie qui traite du Maroc.

Le paragraphe principal de l'entente est la reconaissance du protectorat dans l'Empire Chérifien.

Kiderlen m'a prié de lui garder un secret absolu sur ce qui précède et, naturellement, n'a fait exception que pour vous personnellement, espérant qu'à votre tour vous garderez le silence sur son aimable communication.

Il craindrait qu'on ne trouve moyen à Paris de présenter de nouvelles exigences, comme cela a déjà été le cas dans les projets antécédents, et que ses espérances ne se réalisent pas.

Détails par lettre [2].

Osten-Sacken.

Перевод.

Срочно. Лично.

Я только-что имел продолжительную, весьма доверительную беседу с статс-секретарем по поводу его переговоров с Камбоном. Он сказал мне, что состоявшееся сегодня утром свидание приведет, как он надеется, к окончательному соглашению в части, касающейся Марокко.

Основной статьей соглашения является признание протектората над шерифской империей.

Кидерлен просил меня сохранить вышеизложенное в совершенной тайне и делает, естественно, исключение лишь для вас лично, надеясь, что вы со своей стороны будете хранить молчание по поводу его любезного сообщения.

Он опасается, чтобы в Париже не нашли возможным предъявить новые требования, как это уже было при прежних проектах, и что его надежды не осуществятся.

Подробности письмом.

Остен-Сакен.

№ 543. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо. 6 октября/23 сентября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

De retour à Berlin, je me suis employé à me mettre au courant des questions du jour. J'en ai entretenu le secrétaire d'Etat comme ceux de mes collègues plus intéressés que les autres aux préoccupations du moment.

Comme je l'ai déjà télégraphié à votre excellence [3], l'entrevue d'hier matin entre Kiderlen et Cambon statuait l'accord définitif survenu quant à la première partie des pourparlers qui concernent exclusivement le Maroc. Si la rédaction convenue était acceptée à Paris sans retouches, on procédait à la seconde partie des négociations, ayant pour objet les compensations qui reviennent à l'Allemagne en retour des concessions politiques faites par elle à la France en Maroc.

Il paraîtrait que cette seconde phase des pourparlers offrira autant de difficultés à résoudre que la précédente. Il s'agira, en effet, d'estimer la valeur des territoires dans le Congo qui formeraient l'objet des compensations; un travail méticuleux d'experts spécialistes, moins enclins que les diplomates à tenir compte des sacrifices nécessaires à l'entente.

---

[1] Тел. бланк.
[2] См. № 543.
[3] См. № 542.

Si je m'en rapporte aux impressions retenues par moi des doléances que m'ont faites les deux négociateurs quant aux modes de procéder de leurs gouvernements respectifs, je serais tenté de chercher la cause des divergences dans l'écart entre leur point de départ initial.

A entendre le secrétaire d'Etat, le but du Cabinet de Berlin serait d'effacer la question marocaine, une fois pour toutes, du programme politique de l'Allemagne, en concédant à la France le protectorat dans le Maroc, mais en plaçant toutes les Puissances européennes en face d'une complète parité de traitements économiques et commerciaux.

De là la nécessité d'une précision claire et loyale des termes de l'arrangement, excluant dans l'avenir toutes interprétations casuistiques du texte. «Si nous avons concédé à la France le protectorat sur le Maroc, — m'a dit Mr. de Kiderlen, — c'est dans la conviction que dans toutes les contestations à venir avec les autorités chérifiennes nous serons mieux servis en ayant à nous adresser directement au gouvernement français, en sa qualité de puissance protectrice, qu'en plaidant devant l'administration marocaine qui cherchera dans ces occasions, même sans le protectorat, à se couvrir du contrôle de la France».

Bien que le Cabinet de Paris ait saisi l'importance de ce point de départ, la rédaction des propositions françaises comporte souvent une élasticité d'interprétation qui pourrait donner lieu dans l'avenir à de continuels et interminables dissentiments.

Le secrétaire d'Etat m'a cité à l'appui plusieurs chapitres qui présentaient cet inconvénient, ce qui l'avait obligé à en modifier la forme.

Pour ce qui est des griefs du gouvernement français contre la lenteur des négociations, elles [1] se résument toutes à la plainte sur le formalisme pédantesque allemand, sur de continuelles nouvelles exigences, provoquant chaque fois un nouvel examen, augmentant le prix des compensations et aggravant la responsabilité du gouvernement devant l'opinion publique, sans celà déjà très excitée.

Tous les deux accusent la presse à chercher de parti pris de brouiller les cartes. Le secrétaire d'Etat est même enclin à rendre responsable des indiscrétions de la presse le gouvernement français, trop pusillanime à faire respecter de force le secret des délibérations.

Telles sont, monsieur le Gérant, les impressions premières de mes entretiens avec le secrétaire d'Etat et Mr. Cambon.

Je retiens comme conclusion une réflexion humoristique, faite par Mr. de Kiderlen au moment de me quitter: «Vous verrez, — m'a-t-il dit, — qu'une fois le texte de l'arrangement connu, le résultat sera une explosion d'indignation dans la presse des deux pays qui criera à la duperie et en appellera à la trahison.

Je ne sais pas si monsieur Cambon s'en montrera fort affligé, quant à moi — je m'en moque».

Fais ce que dois — advienne que pourra, lui repliquai-je en manière d'adieu.

Veuillez agréer, etc.

Osten-Sacken.

Перевод.

Г. управляющий,

Вернувшись в Берлин, я постарался войти в курс текущих вопросов. Я говорил о них со статс-секретарем и с теми из моих коллег, которые более других заинтересованы в вопросах текущего момента.

Как я уже телеграфировал вашему превосходительству, состоявшееся вчера утром свидание между Кидерленом и Камбоном установило окончательную договоренность, достигнутую в отношении первой части переговоров, касающихся исключительно Марокко. Если бы условленная редакция была принята в Париже без поправок, то приступили бы ко второй части этих переговоров, имеющей своим предметом компенсации, причитающиеся Германии взамен за политические уступки, сделанные ею Франции в Марокко.

Повидимому, эта вторая фаза переговоров представит столько же затруднений, как и предыдущая. В самом деле, речь будет идти о том, чтобы определить ценность территорий в Конго,

---

[1] Так в оригинале.

которые будут отданы в виде компенсаций; кропотливый труд экспертов-специалистов, менее склонных, чем дипломаты, считаться с жертвами, необходимыми для достижения соглашения.

Если говорить о впечатлениях, вынесенных мной от сетований, с которыми ко мне обращались оба участника переговоров по поводу образа действий их правительств, то я был бы склонен искать причину разногласий в расхождении между их первоначальными отправными точками.

По словам статс-секретаря, цель берлинского кабинета заключается в том, чтобы раз навсегда снять марокканский вопрос с политической программы Германии, уступив Франции протекторат в Марокко, но поставив все европейские державы в положение полнейшего равенства экономического и коммерческого режима.

Отсюда [вытекает] необходимость ясной и прямой точности условий соглашения, исключающей в будущем всякое казуистическое толкование текста. «Если мы уступили Франции протекторат над Марокко, — сказал мне г. Кидерлен, — то мы сделали это в убеждении, что во всяких будущих спорах с шерифскими властями нам будет выгоднее обращаться непосредственно к французскому правительству, как к державе, осуществляющей протекторат, чем иметь дело с шерифскими властями, которые даже без протектората будут пытаться прикрыться контролем Франции».

Хотя парижский кабинет и понял важность этой исходной точки зрения, однако редакция французских предложений часто допускает гибкость толкований, могущую в будущем подать повод к постоянным и бесконечным разногласиям.

В доказательство этого, статс-секретарь привел мне несколько параграфов, представляющих это неудобство, что и заставило его изменить их форму.

Что касается нареканий французского правительства на медленность переговоров, то все они сводятся к жалобам на педантичный формализм Германии, на постоянные новые требования, вызывающие каждый раз необходимость нового рассмотрения, увеличивающие цену компенсаций и усиливающие ответственность правительства перед общественным мнением, которое и без того очень возбуждено.

И тот и другой обвиняют прессу в предвзятом стремлении спутать карты. Статс-секретарь склонен даже возлагать ответственность за нескромность прессы на французское правительство, слишком малодушное для того, чтобы твердо заставить уважать секретность переговоров.

Таковы, г. управляющий, впечатления от моих первых бесед со статс-секретарем и г. Камбоном.

Привожу в заключение юмористическое замечание, сделанное г. Кидерленом в момент, когда он прощался со мной: «Вы увидите, — сказал он мне, — что когда будет известен текст соглашения, результатом будет взрыв негодования в прессе обеих стран, которая будет кричать об обмане и измене.

Я не знаю, будет ли г. Камбон этим очень огорчен, но я смеюсь над этим».

«Исполняй свой долг, а там будь, что будет», — ответил я ему на прощанье.

Примите и пр.

Остен-Сакен.

№ 544. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 6 октября/23 сентября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Je repris la direction de l'ambassade au lendemain de la publication par les journaux de l'ultimatum adressé par l'Italie à la Porte. Cet ultimatum contenait la résolution du Cabinet de Rome d'occuper Tripoli les armes à la main si dans les 24 heures le gouvernement ottoman n'y donnait son assentiment pur et simple. La première question qui s'imposait à l'opinion publique ahurie, a été: si l'Italie, en sa qualité de membre de la Triple Alliance, en avait informé au préalable ses alliés. La seconde: comment s'en tirerait le Cabinet de Berlin, allié de l'Italie, mais en même temps ami aussi de la Turquie et moralement protecteur attitré de son indépendance.

Dans mon entrevue avec le secrétaire d'Etat j'abordai les deux questions de front. Mr. de Kiderlen m'a donné l'assurance formelle que le Cabinet de Berlin n'a été préalablement ni consulté ni avisé.

Pour la seconde question, il avait assumé en Italie la protection des sujets turcs et en Turquie celle des Italiens; qu'au surplus, l'état de guerre entre les deux pays serait localisé dans les eaux de la Tripolitaine et que les hostilités ne s'étendraient pas aux côtes de la Turquie d'Europe. Le status quo sur les Balkans reste assuré.

A la demande d'intervention qu'avait faite la Porte ici, comme à toutes les Grandes Puissances, il lui a été répondu que le moment n'était pas propice, que l'Italie ne l'admettrait pas avant d'avoir pris possession de Tripoli, que le seul conseil que l'Allemagne pouvait donner à la Turquie était d'observer une grande prudence et de ne pas aggraver la situation en laissant la main libre au fanatisme musulman de se venger de l'affront, fait par l'Italie, en s'attaquant à la vie des chrétiens habitant la Turquie.

Mes conversations avec mes collègues de Turquie et d'Italie m'ont laissé l'impression que la Turquie, consciente de sa faiblesse sur mer, était prête aux plus grands sacrifices, heureuse déjà si, par égard pour son amour-propre, on obtenait de l'Italie le maintien dans la Tripolitaine de la suzeraineté nominelle du Sultan.

Du reste, l'attitude de la Porte dépendrait de l'avenir réservé au régime du parti de la jeune Turquie en présence des sentiments d'indignation que pourrait éveiller dans tout le monde musulman le défi jeté à l'Islam par une Puissance chrétienne.

On ne pourrait éviter ce choc redoutable qu'en hâtant un arrangement entre la Turquie et l'Italie, aujourd'hui que cette dernière a pris possession de Tripoli sans coup férir. Mais le voudra-t-elle? Ou plutôt Giolitti, qui récolte en ce moment une explosion d'enthousiasme dans le pays pour son procédé plus habile que recommandable, aurait-il la force d'imposer la modération à un parti dont il suit la direction plus qu'il ne la lui impose.

L'Italie a pourtant un exemple probant de la préférence du système du protectorat sur celui de l'annexion.

La France a appliqué les deux formes de possession d'un pays étranger de race: l'annexion dans l'Algérie, le protectorat en Tunisie. Et tandis que la première a couté des années de sang versé et des millions de capitaux, en Tunisie, où l'administration procède au nom d'un suzerain mythique, tout marche à merveille. Mais la raison a peu de prise dans les moments d'effervescence populaire. Elle reste une arme bien légère dans les mains d'un gouvernement faible.

Ayant touché avec mon collègue d'Italie à la question de l'intervention européenne, il m'a paru qu'il la réservait à l'initiative du Cabinet de Berlin comme chose toute naturelle, sans même avoir l'air d'en éliminer les autres Puissances.

Agréez, etc.

Osten-Sacken.

Перевод.

Г. управляющий,

Я вступил снова в управление посольством на следующий день после опубликования в газетах ультиматума, предъявленного Италией Порте. Этот ультиматум содержит решение римского кабинета об оккупации Триполи военной силой, если в течение 24 часов оттоманское правительство не даст на него своего полного и безоговорочного согласия. Первым вопросом, возникшим перед поражённым общественным мнением, был вопрос о том, сообщила ли предварительно об этом Италия, в качестве члена Тройственного союза, своим союзникам. Вторым — как выйдет из положения берлинский кабинет, союзник Италии, но в то же время также и друг Турции и, с моральной точки зрения, признанный покровитель ее независимости.

При свидании со статс-секретарем я прямо подошел к обоим этим вопросам. Г. фон Кидерлен дал мне формальное заверение, что берлинский кабинет не был предварительно ни запрошен, ни предупрежден.

Что касается второго вопроса, то берлинский кабинет принял под свое покровительство турецких подданных в Италии и итальянских — в Турции; кроме того состояние войны между обеими странами будет ограничено водами Триполитании и военные действия не распространятся на побережье Европейской Турции. Status quo на Балканах остается обеспеченным.

На просьбу о вмешательстве, с которой обратилась сюда Порта, как и ко всем великим державам, ей было отвечено, что момент для этого неблагоприятен, что Италия этого не допустит, прежде чем не овладеет Триполи, что единственный совет, который Германия может дать Турции, — это соблюдать большую осторожность и не осложнять положения, предоставляя мусульманскому фанатизму выместить на жизни христианского населения Турции обиду, нанесенную Италией.

От разговоров с моим турецким и итальянским коллегами у меня осталось впечатление, что Турция, сознавая свою слабость на море, готова на самые большие жертвы и удовлетворится уже тем, чтобы от Италии, во внимание к турецкому самолюбию, было выговорено сохранение в Триполитании номинального сюзеренитета султана.

Впрочем позиция Порты будет зависеть от судьбы, уготованной младотурецкой партии пред лицом чувств негодования, которые может возбудить во всем мусульманском мире вызов, брошенный исламу одной из христианских держав.

Избежать этого крайне опасного столкновения можно было бы лишь ускорив соглашение между Турцией и Италией сейчас, когда последняя завладела Триполи без единого выстрела. Но пожелает ли она этого? Или, вернее, у Джиолитти, — пожинающего в данный момент лавры энтузиазма в стране по поводу своего более искусного, чем похвального образа действий, — хватит ли сил принудить к умеренности партию, директивам которой он подчиняется больше, чем их ей дает?

Италия имеет, однако, показательный пример относительно преимуществ системы протектората перед системой аннексии.

Франция применяла обе формы владения в чуждых по расе странах: аннексию — в Алжире, протекторат — в Тунисе; и в то время, как первая стоила потоков крови, проливавшейся годами, и миллионных капиталов, в Тунисе, где администрация действует от имени мифического властителя, все идет превосходно. Но благоразумие играет малую роль в моменты народного возбуждения. В руках слабого правительства рассудок — ненадежное оружие.

Когда я затронул [в беседе] с моим итальянским коллегой вопрос о европейском вмешательстве, мне показалось, что инициативу этого вмешательства он оставляет, как нечто вполне естественное, за берлинским кабинетом, даже не подавая виду, что другие державы отстраняются им от нее.

Примите и пр.

Остен-Сакен.

№ 545. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 147 [1]. 6 октября/23 сентября 1911 г.

Копия в Софию.

Считаю долгом представить по поводу телеграммы Неклюдова № 65 [2] дополнительные данные и некоторые возражения. Прежде всего в этой телеграмме ставится дилемма: допускать сербо-болгарское соглашение, либо воспротивиться ему. На мой взгляд, ответ возможен только положительный. Настоящая минута такова, что оба государства совершили бы величайшее преступление пред Россией и славянством, если бы проявили хотя малейшее колебание. Опасений, о коих упоминает Неклюдов, быть не может, ибо, если Тодоров правильно осветил дело, соглашение имеет в виду, помимо распределения сфер влияния, «охрану» взаимных интересов на случай осложнений в будущем, стало быть, исключает ближайшее активное выступление, на которое сербы не пойдут без согласия России.

Почин в возбуждении нынешних переговоров принадлежит не столько болгарским министрам, сколько Ризову, которого много лет знаю как ярого сторонника сербо-болгарского соглашения. Король Фердинанд всегда противился в угоду Австрии, а болгарское правительство не решалось делать естественной уступки сербам в Македонии, опасаясь мести македонских комитетов. Ответственность перед этими комитетами ныне взял на себя Ризов, обещавший свое воздействие на них. Это склонило Тодорова к возложению на Ризова доверительной миссии — прозондировать почву в Белграде. Ризов беседовал со мной, Пашичем и Миловановичем; моя роль заключалась преимущественно в примирении сторон насчет распределения сфер влияния, вечного камня преткновения. Некоторые результаты достигнуты, и Ризов сегодня уехал в Вену обнадеженный. Он рассчитывает склонить Гешова и короля Фердинанда, которому, наконец, придется отказаться от политики лавирования между Россией и Австрией. Оговорки, которых ожидает от короля Тодоров, мне кажутся совершенно недопустимыми: ведь речь идет о двойственном соглашении между Сербией и Болгарией, а вовсе

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 21.
[2] См. № 512.

не о русско-сербско-болгарской конвенции, где особыми условиями определялась бы и роль России. В этих видах, казалось бы, едва ли желательным выработка и сообщение нами болгарам оснований нашей помощи и поддержки. Такое сообщение было бы, в самом деле, не только соблазном, но прямо поощрением сербов и болгар к активному выступлению и в конце концов скомпрометировало бы Россию в глазах прочих держав, имеющих интересы на Балканском полуострове. Ни Сербия, ни Болгария не могут обусловливать свое согласие какими-то предварительными обязательствами со стороны России. Полагаю, что выработка условий соглашения должна всецело принадлежать обоим славянским государствам. Затем проект представляется на одобрение императорского правительства, которое, конечно, всегда и во всех случаях оставляет за собой верховное руководительство и, коли найдет нужным, окажет свою помощь.

Гартвиг.

№ 546. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 608. 6 октября/23 сентября 1911 г.

Продолжение моей телеграммы № 607 [1].

Великий визирь просил меня осведомиться доверительно у вас о следующем: Саид-паша готов формулировать базу для примирительного предложения так: 1) суверенитет султана; 2) турецкие гарнизоны в Триполи; 3) специальные интересы Италии в Триполисе. Если великий визирь поручит Турхану-паше представить вам означенную формулу, может ли это сообщение встретить с вашей стороны сочувственный прием. Поставленный великим визирем вопрос имеет для его политики, по его словам, огромное значение, ибо дело идет о предмете чрезвычайной важности, ввиду которой Саиду-паше нельзя рисковать неблагоприятным приемом его предложения у вас. Мотив, в силу которого великий визирь придал своей формуле характер заголовок, заключается в необходимости избегнуть преждевременных подробностей, могущих затруднить последующие переговоры. Но предложение Турции выговорить для себя право иметь гарнизоны в Триполи свидетельствует о ее принципиальном признании итальянской военной оккупации в Триполисе. Пункт же о специальных итальянских интересах в Триполи означает признание Турцией за Италией права осуществлять эти интересы путем итальянского гражданского управления. Великий визирь, считая дело крайне спешным, просит о безотлагательном ответе. Так как означенная формула содержит признание итальянской оккупации Триполи, то она представляется мне соответствующей вашему, упомянутому в телеграмме № 1357 [2], указанию Турхану-паше касательно содержания той формулировки для предложения Италии, обсуждению коей мы были бы готовы содействовать [3].

Чарыков.

№ 547. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

·/. Телеграмма № 1417 [4]. 7 октября/24 сентября 1911 г.

Ваша телеграмма № 906 получена [5]. Ссылаюсь на мою телеграмму № 1387 [6].

На-днях еще я говорил О'Берну, что наш взгляд на недопустимость деятельности Стокса на Севере ни в чем не изменился. Во время разговора я дал ему мысль

[1] См. № 535.

[2] См. № 500. Тел. от 6 окт./23 сент. за № 609 Чарыков сообщил, что Бомпар, немедленно по приезде из Парижа, осведомил его о взглядах своего прав-ва на итало-турец. войну и «подчеркнул желательность полного единения здесь представителей держав Тройственного согласия». Бомпар отнесся сочувственно к турецкому обращению в Петербург.

[3] Публикуемая тел. была сообщена Нератовым в Париж 7 окт./24 сент. за № 1421.

[4] Черновой отпуск и лит. копия публикуемого документа номера не имеют. В журнале исходящих тел. публикуемая тел. имеет №. 1417.

[5] Тел. от 6 окт./23 сент. за № 906 Поклевский запрашивал: «Не будет ли признано возможным ускорить наш ответ относительно Стокса». См. № 411.

[6] См. № 525.

предложить лондонскому кабинету, чтобы центр деятельности Стокса был перенесен куда-нибудь вне нашей зоны, например, если не в Бушир, то хотя бы в окрестности Исфагани. Он мог бы там подготовить в течение шести- или девятимесячного срока своих офицеров, в числе которых, быть может, окажутся, как о том говорил Шустер, и русские, а затем эти офицеры перенесли бы свою деятельность на Север Персии, с уходом Стокса.

О'Берн обещал мне сообщить эту мысль своему правительству, но ответа до сих пор не дал. Когда я в последний раз говорил ему о преобладающем положении, которое англичане понемногу занимают в центральном управлении Персии и, между прочим, указал на дело Стокса, О'Берн сказал мне, что у них о Стоксе больше не говорят.

Если лондонский кабинет действительно перестал интересоваться этим делом, нам тем более следует настаивать на устранении Стокса, а если это будет иметь последствием невозможность для Шустера работать в Персии и повлечет за собой его отставку, то у нас ведь нет никаких оснований особенно заботиться о сохранении им своего поста в Персии.

Нератов.

№ 548. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 1418. 7 октября/24 сентября 1911 г.

Для личного вашего сведения. Мысли, изложенные в вашем секретном письме от [30] 17 сентября [1], уже осуществлены.

Нератов.

№ 549. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

⁄. Телеграмма № 1419. 7 октября/24 сентября 1911 г.

Сообщается в Константинополь.

Ссылаюсь на телеграмму Чарыкова № 608 [2].

Не найдете ли возможным через Титтони срочно выяснить, как нам удобнее всего ответить туркам, если бы они действительно обратились к нам с просьбой довести до сведения Италии предложение в изложенном Чарыковым смысле, каковое действительно заключает признание совершившегося факта оккупации Триполи [3].

[Нератов.]

№ 550. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

⁄. Телеграмма № 1420. 7 октября/24 сентября 1911 г.

Ссылаюсь на письмо [2 октября] 19 сентября № 617 [4].

Преподанные вам в нем указания высочайше одобрены. Благоволите возможно безотлагательно приступить к переговорам, не придавая однако своему обращению к Порте характера резких и бесповоротных настояний.

[Нератов.]

---

[1] См. № 498.

[2] См. № 546.

[3] Тел. от 9 окт./26 сент. за № 137 Извольский ответил: «Титтони думает, что сохранение турецких гарнизонов в Триполи практически вряд ли возможно. Тем не менее, принимая во внимание наш аргумент, что формула Саид-паши содержит признание итальянской оккупации Триполи, он обещал мне тотчас весьма доверительно телеграфировать в Рим, дабы выяснить, может ли эта формула служить точкой отправления мирных переговоров». Далее Извольский отмечал желательность, в случае благоприятного ответа из Рима, «привлечь к нашей попытке медиации Францию и Англию».

[4] См. № 509.

№ 551. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 7 октября/24 сентября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Ayant reçu hier matin communication du télégramme de notre chargé d'affaires à Paris en date du [3 octobre] 20 septembre [1], que vous avez bien voulu me transmettre, je devais prévoir un échange d'idées à ce sujet entre les Cabinets de Londres et de Paris.

Je me rendis d'abord chez mon collègue de France, que je trouvais extrêmement désireux, dans l'intérêt du rétablissement de la paix, de voir adoptée une ligne de conduite commune entre les Cabinets de St.-Pétersbourg, de Paris et de Londres, à être appliquée tout d'abord aux réponses à faire aux démarches du gouvernement ottoman.

Dans l'opinion de Mr. Cambon, même une prise de possession de la ville de Tripoli ne fournira pas encore l'occasion pour une ingérence directe au profit de la paix. L'ambassadeur de France ne croit pas qu'il y ait lieu d'espérer que la Turquie modifie dès lors son point de vue de ne traiter que sur la base de l'intégrité du territoire ottoman. Il conclut de là à l'absence de base d'intervention et d'action à Constantinople.

J'ai trouvé mon collègue de France très fort sous l'impression du langage catégorique de Tewfik-Pacha. L'ambassadeur de Turquie à Londres qui, j'ai lieu de le croire, n'a que peu d'illusions sur le sort futur de Tripoli, a, je puis le certifier, depuis les débuts de la crise actuelle démontré un calme d'esprit et une modération peu ordinaires.

Le langage qu'il a tenu confidentiellement à Mr. Cambon est à peu près le suivant:

La prise de possession de la ville de Tripoli ne modifiera en rien les dispositions du gouvernement ottoman, quels que soient les hommes d'Etat aux affaires. S'ils le voulaient, ils ne le pourraient pas. La Turquie n'est pas en mesure de s'opposer à cette prise de possession. Mais c'est après cette entrée à Tripoli que commenceront les difficultés pour l'Italie. Les troupes turques se retireront plus loin de la côte et s'y maintiendront, tandis que les troupes italiennes à Tripoli ne pourront être ravitaillées qu'avec la plus grande difficulté, c'est même là le motif qui rend le gouvernement italien pressant. En cette situation le gouvernement turc peut attendre, et entre temps adopter en Turquie même des moyens d'action fort effectifs, tels que le boycott et l'expulsion des sujets italiens.

L'esprit public ottoman, agité d'ailleurs par des partis et des comités de diverse nature, serait actuellement beaucoup trop soulevé pour admettre toute tentative de négociation ayant pour base la cession d'une province, dont la capitale seule se trouverait aux mains de l'Italie, contre une compensation pécuniaire ou tel autre arrangement constituant un échec ostensible, sans que son armée fort puissante n'ait eu occassion de coup férir.

J'interrompis plusieurs fois Mr. Cambon; il me répondit: «C'est Tewfik qui parle». Mais Mr. Cambon ne me dissimula pas qu'il y avait beaucoup de vrai dans l'argumentation de l'ambassadeur de Turquie et il conclut à la nécessité d'une grande prudence.

Sans que Mr. Cambon ait formulé sa pensée, je vis qu'il redoutait surtout qu'à presser trop, les choses risqueraient d'induire la Turquie à formuler un projet de compensation territoriale à trouver peut-être en Thessalie,— projet tout à fait inadmissible, mais qui menacerait d'ouvrir de façon sérieusement dangereuse la question brûlante des Balkans.

Je me rendis ensuite chez Sir A. Nicolson. Il me fit immédiatement lecture confidentielle d'un télégramme de Sir F. Bertie, rendant compte d'un entretien avec Mr. de Selves où le ministre des affaires étrangères français s'était exprimé a peu près dans le même sens que vis à vis de Mr. Démidoff.

[1] См. № 521.

Dans sa réponse à Sir Francis, que Sir Arthur me montra également, Sir E. Grey exprime son entière approbation et adhésion aux principes, contenus dans le télégramme, sur la nécessité pour les trois Puissances de rester en contact constant dans le but d'une intervention au moment opportun.

Il ajoute qu'il ne croit pas encore le moment venu de se prononcer pour une base, les points de vue des deux belligérants restant opposés. Il exprime l'opinion que pour cette raison une démarche actuelle à Constantinople rendrait le gouvernement ottoman moins accessible aux conseils des Puissances et resterait sans résultat.

C'est dans ce sens en effet que Sir G. Lowther a été chargé de répondre verbalement aux deux dernières démarches turques, la troisième étant intervenue avant qu'aucune réponse ait été donnée à la seconde.

L'ambassadeur d'Angleterre à Constantinople a été chargé de dire qu' à son grand regret le gouvernement britannique ne voit pas en ce moment de base pour une intervention.

Cette réponse correspond à celle que Mr. de Selves a donnée, selon le télégramme de notre chargé d'affaires à Paris, à Rifaat Pacha.

Les commentaires que Sir A. Nicolson fit suivre, se rapprochent beaucoup de ceux que m'avait formulés Mr. Paul Cambon.

Peut-être même plus que mon collègue de France, il croit la plus grande prudence urgente, il n'a que peu de confiance dans les changements ministériels et dans l'autorité du gouvernement ottoman. Il pense que c'est là une circonstance qu'il faut prendre en considération, surtout pour assurer la localisation de la lutte actuelle.

A la question que je lui posais, quel serait selon lui le résultat de l'occupation de Tripoli par les troupes italiennes, il me répondit, qu'à me donner le fond de sa pensée, il croyait qu'alors seulement la guerre véritable commencerait et qu'il craignait beaucoup qu'elle ne traîne en longueur.

Je lui demandais si le gouvernement allemand s'était adressé au Cabinet de Londres au sujet de ces questions. Il me répondit que le Cabinet de Berlin n'avait fait aucune communication. Il ajouta très confidentiellement qu'il ne voyait pas très clair dans l'attitude que l'Allemagne observait à Rome et à Constantinople. Il m'en a paru préoccupé et fort désireux d'éviter tout ce qui pourrait donner plus de poids à l'influence du baron de Marschall.

Le gouvernement britannique, tout comme Sir A. Nicolson personnellement, n'est nullement sous l'influence des premiers jugements portés sur les événements par la presse anglaise.

Sir Arthur déplore l'attitude de cette presse. Il croit qu'elle se transformera rapidement et reviendra aux traditions anglaises de sympathie pour l'Italie. C'est aussi le point de vue de Sir E. Grey, l'Angleterre n'ayant nullement à se louer des agissements turcs de ces derniers temps. Mais le public a été saisi et mal impressionné par la rapidité de l'évolution italienne, qui indubitablement avait un certain caractère d'opportunisme arbitraire et violent. C'est ce sentiment dont la presse a jusqu'ici tenu compte. Son attitude n'a pas d'autre valeur [1].

Il se trouve par conséquent que sur le but à poursuivre, — le rétablissement de la paix avant tout, et une paix avantageuse pour l'Italie, les trois Cabinets sont complètement d'accord, avec la nuance seulement que le gouvernement anglais surtout, et peut-être aussi le gouvernement français, estime qu'il faut procéder

---

[1] См. стр. 56, прим. 3.
В донесении от 13 окт./30 сент. за № 41 ген. консул в Индии Б. Арсеньев сообщил, что «объявление Италией войны Турции вызвало среди мусульманского населения Индии взрыв негодования». «Что касается англо-индийской печати, — указывал далее Арсеньев, — то она единодушно порицает образ действий итальянского правительства... среди консульского корпуса в Симле распространилась версия, согласно которой несдержанный тон местной печати, на сей раз солидарной с английской, объясняется внушением, сделанным ей будто бы англо-индийским правительством с целью отвлечь внимание туземных мусульманских кругов от сыгранной Англией в турецко-итальянском конфликте весьма-де двусмысленной роли».

avec grande prudence, surtout pour éviter que la Turquie ne soit entraînée à déplacer le terrain de la lutte et faire naître par là des complications extrêmement dangereuses.

Veuillez agréer, etc. Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Получив вчера утром текст телеграммы нашего поверенного в делах в Париже от [3 октября] 20 сентября, который вы благоволили мне переслать, я понял, что следует предвидеть обмен мнений по затронутому в ней вопросу между лондонским и парижским кабинетами.

Я отправился сначала к моему французскому коллеге, который очень желал бы, чтобы петербургский, парижский и лондонский кабинеты установили, в интересах восстановления мира, общую линию поведения, прежде всего по отношению к ответам на демарши оттоманского правительства.

По мнению г. Камбона, даже захват города Триполи не даст еще повода к непосредственному вмешательству в интересах мира. Французский посол не думает, чтобы имелось основание надеяться, что Турция изменит после этого свою точку зрения относительно возможности вести переговоры лишь на основе целостности оттоманской территории. Отсюда он приходит к заключению об отсутствии основания для вмешательства и для выступлений в Константинополе.

Я застал моего французского коллегу под сильным впечатлением категорических заявлений Тевфик-паши. Турецкий посол в Лондоне, который, как я имею основания думать, питает мало иллюзий относительно будущей судьбы Триполи, выказал, как я могу заверить, с начала нынешнего кризиса редкие спокойствие и умеренность.

Доверительные заявления его г. Камбону были приблизительно таковы:

Овладение городом Триполи ни в чем не изменит намерения оттоманского правительства, каковы бы ни были государственные деятели, стоящие у власти. Если бы даже они этого и желали, они не могли бы это сделать. Турция не в состоянии помешать этому захвату. Но трудности для Италии начнутся лишь после вступления в Триполи. Турецкие войска отступят дальше от побережья и укрепятся там, в то время как снабжение итальянских войск в Триполи будет сопряжено с очень большими затруднениями, и именно это и является причиной, вызывающей настойчивость итальянского правительства. В этих условиях турецкое правительство может ждать, а тем временем применять в самой Турции весьма действительные меры давления, как то: бойкот и высылку итальянских подданных.

В настоящее время турецкое общественное мнение, под влиянием партий и разного рода комитетов слишком возбуждено, чтобы допустить какую-либо попытку к переговорам, имеющим своей основой уступку провинции, в которой лишь один главный город находится в руках Италии, в обмен на денежную компенсацию или сделку какого-либо другого рода, составляющую явное поражение, в то время как мощная [турецкая] армия не имела случая хотя бы раз вступить в бой.

Я несколько раз прерывал г. Камбона; он мне отвечал: «Это — слова Тевфика». Но г. Камбон не скрыл от меня, что в доводах турецкого посла есть много верного, и пришел к заключению, что необходимо соблюдать большую осторожность.

Хотя г. Камбон и не формулировал свою мысль, но я понял, что он особенно опасается, что если слишком настаивать, положение может побудить Турцию предъявить проект территориальной компенсации, быть может в Фессалии, — проект, совершенно неприемлемый, но который грозил бы поставить в серьезной и опасной форме жгучий балканский вопрос.

Я посетил затем сэра А. Никольсона. Он тотчас же прочел мне доверительно текст телеграммы сэра Ф. Берти, содержащей отчет о разговоре с г. де Сельвом, в котором французский министр иностранных дел высказался приблизительно в том же смысле, как и перед г. Демидовым.

В своем ответе сэру Фрэнсису, который сэр Артур мне тоже показал, сэр Э. Грей дает свое полное одобрение изложенным в телеграмме принципам необходимости для трех держав оставаться в постоянном контакте в целях вмешательства в подходящий момент.

Он добавляет, что, по его мнению, еще не наступил момент высказаться относительно базы для переговоров, так как обе воюющие стороны продолжают оставаться на противоположных точках зрения. Он высказывает мнение, что по этой причине выступление в настоящий момент в Константинополе побудило бы оттоманское правительство меньше прислушиваться к советам держав, и эти советы остались бы безрезультатными.

В этом именно смысле и было поручено сэру Дж. Лоутеру устно ответить на два последних турецких демарша; третий состоялся до того, как был дан какой-либо ответ на второй.

Английский посол в Константинополе был уполномочен сообщить, что к своему большому сожалению британское правительство не усматривает пока основы для вмешательства.

Этот ответ соответствует тому, который дал г. де Сельв Рифаат-паше, как видно из телеграммы нашего поверенного в делах в Париже.

Комментарии, данные затем сэром А. Никольсоном, сильно приближаются к комментариям, изложенным г. Полем Камбоном.

Быть может даже больше, чем мой французский коллега, он считает необходимым соблюдать самую большую осторожность; он не видит пользы от смены министерств и не верит в авторитет оттоманского правительства. Он думает, что это — обстоятельство, которое нужно учитывать в особенности в целях локализации нынешней борьбы.

На вопрос, который я перед ним поставил, каков будет по его мнению результат оккупации Триполи итальянскими войсками, он ответил мне, что если говорить об его искреннем мнении, то он полагает, что только тогда начнется настоящая война, и что он опасается, что она затянется.

Я спросил его, обращалось ли германское правительство к лондонскому кабинету по этим вопросам. Он ответил мне, что берлинский кабинет не сделал никакого сообщения. Доверительно он добавил, что не вполне ясно понимает позицию, занятую Германией в Риме и Константинополе. Мне показалось, что он этим озабочен и стремится избежать всего, что могло бы усилить влияние барона Маршалла.

Британское правительство, как и лично сэр А. Никольсон, отнюдь не находится под влиянием первых, высказанных английской прессой, суждений о событиях.

Сэр Артур сожалеет о позиции этой прессы. Он думает, что она быстро изменится и возвратится к традиционной английской симпатии к Италии. Такова же точка зрения и сэра Э. Грея, так как Англии не приходится быть довольной турецкими действиями за последнее время. Но общественное мнение было неприятно поражено быстрой эволюцией итальянцев, несомненно носившей известный отпечаток произвола и грубого оппортунизма. С этим настроением пресса и считалась до сих пор. Ее позиция не имеет какого-либо другого значения.

Выходит, следовательно, что относительно подлежащей достижению цели — прежде всего восстановления мира, притом мира, выгодного для Италии — все три кабинета согласны между собою, но с тем оттенком, что особенно английское правительство, а быть может также и французское, считают, что надо действовать с большой осторожностью во избежание в особенности того, чтобы не побудить Турцию переменить арену борьбы и вызвать тем самым крайне опасные осложнения.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 552. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 7 октября/24 сентября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Comme j'ai eu l'honneur d'en informer votre excellence hier par télégraphe [1], j'ai entretenu sir A. Nicolson du contenu du télégramme ministériel N 1398 [2] concernant la position du consul d'Italie en Crète.

Le sous-secrétaire d'Etat me dit qu'il devait en référer à Sir E. Grey, mais qu' il voulait me donner sans retard son opinion personnelle.

Il est fortement d'avis qu'il vaudrait mieux ne pas soulever cette question qui, selon lui, a une importance plutôt théorique que pratique. Il me dit qu'il n'avait pas connaissance de protestations turques à ce sujet, ce qui rendrait une démarche à Rome encore plus difficile; qu'en tout état de choses le gouvernement italien ne pourrait en être que désagréablement impressionné, comme d'une action qui, n'étant pas absolument nécessaire, prendrait un caractère peu amical et le disposerait mal envers les trois Puissances.

Je dis que pourtant la présence d'un consul italien sur l'île de Crète en ce moment était certainement anormale.

[1] Повидимому, имеется в виду тел. Бенкендорфа от 6 окт./23 сент. за № 221, являющаяся ответом на тел. Нератова от 4 окт./21 сент. за № 1398 (см. прим. 2). Содержание тел. изложено в публикуемом документе.

[2] Тел. от 4 окт./21 сент. за № 1398 Нератов предлагал Бенкендорфу и Извольскому выяснить взгляды англ. и франц. прав-в на «факт оставления итальянского консула на Крите. Если признание нейтралитета острова и служит ему достаточным оправданием, зато признание державами суверенитета султана над островом противоречит присутствию официального агента державы, состоящей с султаном в войне. Во всяком случае, как мне кажется, — сообщал Нератов, — роль Италии и функции ее представителя относительно совместного покровительства над островом должны бы почитаться на время войны прерванными. Ввиду сообщения, сделанного Италией об оставлении ее консула в Канее, не представляется ли желательным для трех держав сделать в Риме ответное однородное заявление в вышеупомянутом смысле».

Тел. от 9 окт./26 сент. за № 138 Извольский сообщал, что франц. прав-во присоединилось к взгляду «относительно необходимости для итальянского представителя на Крите воздержаться на время войны от всякого участия в мероприятиях, принимаемых другими тремя державами-покровительницами».

Sir Arthur me répondit que rien n'était tout à fait normal en Crète et que c'est pourquoi il serait préférable en ce moment de ne parler de la Crète, ainsi que de son status, que le moins possible, sauf au sujet du maintien de l'accord entre les Puissances protectrices pour reconnaître à l'île, le cas échéant, sans notification spéciale et officielle, une sorte de neutralité, telle que l'extinction des feux exigée par la Turquie.

Sir Arthur ajouta qu'à scruter trop minutieusement les conditions spéciales de la Crète on ne simplifierait pas la situation actuelle, on la compliquerait plutôt sans profit direct et non sans danger de voir surgir nombre de questions que les Puissances qui travaillent pour la paix ont tout intérêt à ne pas voir soulevées.

Sir Arthur ne formula aucune objection de principe à la commission dont votre excellence m'avait chargé. Il se tint sur la base de l'opportunité de la grande prudence nécessaire en ce moment et du désir de ne rien faire qui puisse être désagréable à l'Italie.

Je demandai à Sir Arthur s'il préférait que pour vous rendre compte de cet entretien, j'attende la réponse de Sir E. Grey. Il me répéta qu'il devrait certainement lui en demander une avant de ce prononcer d'office, mais il me prévint que dans sa lettre au ministre il développerait en détails son point de vue.

Ayant lieu de croire que Sir Edward adoptera l'opinion de son sous-secrétaire d'Etat, je n'ai pas voulu tarder à vous faire part de ce qui précède.

Parmi les questions que celle du séjour en Crète du consul d'Italie pourrait désavantageusement soulever, il y a celle du consul d'Italie en Egypte. Le cas n'est pas identique, mais offre des analogies. Et je ne crois pas me tromper, en disant que le gouvernement britannique ne consentirait pas à demander au gouvernement italien de rappeler son représentant au Caire.

En ce sens, je pense en effet qu'une application trop rigide du droit dans le cas dont traite cette lettre, pourrait entraîner des complications peu désirables dans le moment actuel.

Veuillez agréer, etc. Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Как я имел честь телеграфировать вчера вашему превосходительству, я беседовал с сэром А. Никольсоном по содержанию министерской телеграммы за № 1398 касательно положения итальянского консула на Крите.

Помощник статс-секретаря сказал мне, что он должен доложить об этом сэру Э. Грею, но что он желает незамедлительно высказать мне свое личное мнение.

Он твердо придерживается мнения, что лучше не поднимать этого вопроса, который, по его словам, имеет скорее теоретическое, чем практическое значение. Он сказал мне, что ему неизвестно о турецких протестах по этому поводу, что сделало бы выступление в Риме еще более трудным; что при всех обстоятельствах это выступление могло бы произвести на итальянское правительство лишь неприятное впечатление и вызвало бы его нерасположение к трем державам, как выступление, которое, не будучи абсолютно необходимым, носило бы мало дружественный характер.

Я сказал все же, что в настоящий момент присутствие итальянского консула на острове Крите представляет собой, конечно, явление ненормальное.

Сэр Артур ответил мне, что на Крите все не вполне нормально, вот почему в настоящее время было бы предпочтительно говорить как можно меньше о Крите и его статусе, за исключением вопроса о поддержании согласия между державами-покровительницами для того, чтобы в случае надобности признать за островом, без особой и официальной нотификации, нечто вроде нейтралитета, как, например, по вопросу о требуемом Турцией погашении маяков.

Сэр Артур добавил, что от излишне подробного рассмотрения особых условий Крита настоящее положение не станет проще, скорее оно осложнится без прямой пользы и не без опасности возникновения многочисленных вопросов, которые было бы лучше не поднимать в интересах держав, трудящихся на пользу мира.

Сэр Артур не высказал никаких принципиальных возражений против поручения, данного мне вашим превосходительством. Он исходил из необходимости соблюдать в настоящий момент большую осторожность и из нежелания предпринимать что-либо, что могло бы быть неприятно Италии.

Я спросил у сэра Артура, предпочитает ли он, чтобы я подождал ответа сэра Э. Грея прежде чем сообщить вам об этой беседе. Он повторил мне, что он должен, конечно, попросить у Грея ответа, прежде чем высказаться официальным образом, но предупредил меня, что в своем письме к министру он подробно изложит свою точку зрения.

Имея основания полагать, что сэр Эдуард согласится с мнением помощника статс-секретаря, я не хотел откладывать сообщение вам вышеизложенного.

Среди вопросов, которые могли бы некстати возникнуть из-за пребывания на Крите итальянского консула, фигурирует и вопрос об итальянском консуле в Египте. Случай хотя и не идентичный, но представляющий некоторую аналогию. Я думаю, что я не ошибусь, сказав, что английское правительство не согласится предъявить итальянскому правительству требование отозвать своего представителя из Каира.

В этом смысле я думаю, что в самом деле слишком строгое применение права в том случае, о котором говорится в этом письме, могло бы повлечь за собой в настоящее время мало желательные осложнения.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 553. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 135 [1]. 7 октября/24 сентября 1911 г.

Вернулся сегодня утром в Париж [2].

За последнюю неделю переговоры о Марокко привели почти к полному соглашению. Последнее разногласие, касающееся вопроса о покровительствуемых, будет, вероятно, скоро устранено, и [3] здесь надеются, что первая часть соглашения будет принята в окончательной форме в конце будущей недели. Вслед за сим будет тотчас приступлено к вопросу о Конго. К сожалению, затяжной характер переговоров способствовал возникновению во Франции деятельной агитации против территориальных уступок. Общественное мнение особенно протестует против уступки правого берега реки Конго и разъединения Габона с территорией Убанги. Де Сельв, видимо, очень этим озабочен, и из его слов я заключаю, что под влиянием сказанной агитации он будет стремиться к некоторому видоизменению первоначальных французских предложений. Мне кажется поэтому, что трудно ожидать быстрого и гладкого хода переговоров.

Извольский.

№ 554. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 136. 7 октября/24 сентября 1911 г.

Де Сельв высказал мне, что вполне согласен с вами [4], что посредничество между Италией и Турцией будет возможно лишь с того момента, когда в Константинополе поймут необходимость вступить на почву итальянского ультиматума, т. е. принять принцип оккупации Триполи Италией; с другой стороны, он думает, что в интересах России, Франции и Англии не предоставлять роли посредника одной Германии и что эти три державы должны воспользоваться первым удобным случаем, чтобы выступить вместе в сказанной роли. Между тем из сообщений Бомпара видно, что Чарыков выступил единолично перед Портой с проектом мирных предложений, в который, между прочим, входит сохранение в Триполи турецких гарнизонов. Здесь убеждены, что Италия безусловно отвергнет подобный проект. Де Сельв предлагает предписать русскому, французскому и английскому послам советоваться друг с другом и ничего не предпринимать без взаимного уговора. Прошу ответа для сообщения его де Сельву.

Извольский.

---

[1] Опубл. Stieve, I, S. 156, N 134, где датирована 8 окт./25 сент.
[2] См. стр. 56, прим. 2.
[3] У Stieve предыдущая часть тел. опущена.
[4] См. №№ 500 и 507.
*

№ 555. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

ᐟ/. Телеграмма № 612. 7 октября/24 сентября 1911 г. [1]
Секретно.

Получил вашу телеграмму № 1409 [2]. Ссылаюсь на мои телеграммы №№ 608 [3] и 610 [4].

Для успеха наших переговоров, конечно, полезно, чтобы Турция была возможно более ослаблена войной. Но еще важнее, чтобы Порта почувствовала, что, в отличие от всех остальных держав, мы относимся к ее борьбе с Италией действительно беспристрастно и готовы дружески содействовать ее желанию мира. Теперь речь уже идет не о моих трех пунктах [5], а о формуле великого визиря, допускающей самое широкое толкование и обсуждение [6]. На почве официального признания Турцией специальных интересов Италии в Триполисе, Италия могла бы формулировать всякие дополнительные заявления и предложения. Какой бы дальнейший оборот ни приняли переговоры, все же первый шаг к примирению оказался бы сделанным и притом исключительно благодаря русскому посредничеству, сочувственному Турции. Тогда и только тогда наступит психологическая минута для предъявления Турции наших требований о железных дорогах и проливах с надеждой на соглашение, а не с риском разрыва. Великий визирь желал бы просить вас лишь о передаче Италии его формулы, которая по существу вполне соответствует ультиматуму, с надеждой продолжать затем переговоры. Смею думать, что в этом ему едва ли следует отказать, с точки зрения надлежащего обеспечения упомянутых выше наших специальных интересов.

Чарыков.

№ 556. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

ᐟ/. Письмо. 7 октября/24 сентября 1911 г.
Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Имев честь получить секретное письмо вашего превосходительства от [2 октября] 19 сего сентября за № 617 [7], считаю долгом выразить глубокую признательность за указания, содержавшиеся в нем по отношению к предстоящим переговорам с Турцией об изменении соглашения 1900 г. о железных дорогах в Малой Азии, а равно и о более общих взаимных интересах.

Ввиду первостепенной важности переговоров этих и необходимости принять все зависящие от нас меры для возможного обеспечения их благополучного окончания, позволю себе изложить, ранее получения уведомления о времени приступа к объяснениям с Портой, следующие предварительные соображения редакционного и процессуального характера.

Прежде всего считаю однако долгом отметить, что при нынешних благоприятных обстоятельствах я считаю возможным предъявить Порте, по крайней мере, для начала переговоров, требование определения запретной зоны в полном ее размере, указанном совещанием [15] 2 июня минувшего года [8].

1) Во втором пункте проекта декларации (прил. А) [9] казалось бы предпочтительным избегнуть выражения «en désaccord» [10], заменив его выражением «à la

[1] Черновой отпуск, хранящийся в делах б. росс. пос-ва в К-поле. Лит. копия датирована 8 окт./25 сентября.
[2] См. № 538.
[3] См. № 546.
[4] См. стр. 60, прим. 1.
[5] См. № 516.
[6] См. № 546.
[7] См. № 509.
[8] См. ч. I, стр. 36, прим. 4.
[9] См. приложение 1 к № 509.
[10] «в противоречии».

construction des voies ferrées dans la zone visée par l'entente précitée, d'accord avec la présente déclaration»[1], причем сохранилась бы полностью мысль ограничения свободы постройки дорог в новой зоне и не высказывалось бы заранее, что мы намерены препятствовать постройке дорог в зоне этой.

2) Смею думать, что намерения этого лучше не высказывать открыто вперед в самом тексте декларации, и что нам было бы достаточно обеспечить за собой полностью *право* это делать, не предупреждая турецкое правительство и в особенности местную печать и парламентские круги заранее о том, как мы предполагаем использовать означенное право. Припомним, что присоединение Крыма было достигнуто под видом признания его независимости.

Ввиду вышеизложенного казалось бы также желательным в пункте третьем проекта декларации опустить слово «éventuellement»[2].

3) Вместо выражения «*au delà* de la ligne de Samsoun — Sivas — Kharpout—Diarbékir — Mossoul»[3] было бы желательно написать: «à l'Est de la ligne, etc.»[4] Иначе турки могли бы подумать, что эта оговорка касается также продолжения названной линии за Моссул к югу, что не входит в намерения императорского правительства.

4) В том же пункте было бы удобнее не указывать положительным образом, какие обстоятельства могут мотивировать приступ к постройке дорог в запретной зоне, оставив за собой в этом отношении полную свободу суждения на случай, между прочим, постройки нами дорог не только на русской границе, но и в Персии.

5) Категорическое указание на то, что предположенная конвенция имеет установить «условия постройки» рассматриваемых линий («déterminera les conditions de construction» de ces lignes) не может быть принято Турцией, как составляющее положительное договорное ограничение ее суверенного права определять самостоятельно условия постройки дорог на своей территории. И если бы даже константинопольское правительство приняло эту редакцию, она была бы, без малейшего сомнения, отвергнута парламентом.

Поэтому казалось бы необходимым обеспечить себе то же право в иной форме. Может быть, этому требованию удовлетворила бы следующая редакция 3-го пункта: «Le développement du réseau ferré en Asie Mineure à l'Est de la ligne de Samsoun — Sivas — Kharpout — Diarbékir — Mossoul présentant une importance capitale, tant pour les intérêts commerciaux réciproques, que pour le maintien des rapports de bon voisinage entre les deux empires, les gouvernements contractants s'engagent de s'abstenir de toute concurrence nuisible et de faciliter le raccordement des lignes de ce réseau avec les chemins de fer russes, en s'entendant au préalable en vue de conclure une convention qui sauvegardera les intérêts précités et déterminera les points et les conditions de construction et de raccordement de ces lignes»[5].

Обязательство предварительно («au préalable») обеспечить обоюдные торговые интересы («sauvegarder les intérêts précités») путем заключения конвенции дает нам полный простор в определении не только условий постройки дорог, но и самой уместности таковой постройки.

Для турок же это обязательство будет так же горько, как и вышеупомянутое, но по своей форме окажется, может быть, менее неприемлемым, чем категориче-

---

[1] «для постройки железных дорог в зоне, предусматриваемой вышеупомянутым соглашением в согласии с настоящей декларацией».

[2] «в случае возможности».

[3] «за линией Самсун—Сивас—Харпут—Диарбекир—Моссул».

[4] «к востоку от линии и т. д.»

[5] «Так как развитие железнодорожной сети в Малой Азии к Востоку от линии Самсун—Сивас—Харпут—Диарбекир—Моссул представляет большое значение как для обоюдных коммерческих интересов, так и для поддержания добрососедских отношений между обеими империями, договаривающиеся правительства обязуются воздерживаться от всякой вредной конкуренции и содействовать соединению линий этой сети с русскими железными дорогами, предварительно договорившись между собой с целью заключения конвенции, которая обеспечит вышеназванные интересы и определит пункты и условия постройки и соединения этих линий».

ское указание на утрату права определять самостоятельно «условия постройки» рассматриваемых турецких линий.

Обязательство это будет настолько горько, что если бы требование о сем было предъявлено нами вне связи с общим характером нашей политики по отношению к Турции, успех явился бы весьма проблематичным.

Этого мнения держится, в силу глубокого убеждения, и здешний французский посол.

Поэтому ваша инструкция, предусматривающая возможность в зависимости от настроения, какое я встречу у турок, расширить объем соглашения о железных дорогах и другими статьями, на первом месте коих стоит соглашение о проливах, является как нельзя более желанным и соответствующим теперешней конъюнктуре.

Действительно, триполийская война выяснила для Турции всю опасность ее изолированности и невозможность для себя рассчитывать на помощь какой-либо державы, даже Германии, если не имеется к тому основания в сепаратном договоре.

Напротив, наличность такого договора между Германией и Италией явилась очевидной причиной невозможности для Германии помочь в данном случае даже султану и его триполийским единоверцам.

Прилагаемая статья независимой газеты «Сабах» выражает общее здесь убеждение о провале политики изоляции и о необходимости для Турции обеспечить свое будущее союзом [1].

Но с кем?

С Германией союз невозможен, потому что она сама таковой бы не приняла, будучи уже связана союзным договором с самыми ближайшими посягательницами на турецкие территории — Австро-Венгрией и Италией.

На случай же борьбы с Россией Германия рассчитывает на Турцию с бо́льшим основанием, чем Турция может рассчитывать на Германию, ибо Потсдамское соглашение и еще неизвестные Турции дополнения оного ставят вне сомнения, что Германия не расположена жертвовать своими интересами ради интересов Турции. Добавлю: разочарование и пессимизм в отношении Турции господствуют теперь в Берлине и в Вене, и мне теперь приходится слышать, что недалека та минута, когда и Германия махнет рукой на Турцию и станет, в свою очередь, домогаться территориальных компенсаций в направлении Александретты.

О союзе с Австро-Венгрией после недавних албанских опытов никто не думает.

Союз с Англией является мечтой небольшого круга сторонников Киамиля-паши. Но при всем своем морском могуществе Англия бессильна защитить Турцию на ее границах с балканскими государствами и на ее малоазиатской границе с Россией. К тому же теперешнее достаточно прочное Тройственное согласие между Россией, Англией и Францией устраняет для Турции возможность рассчитывать на английскую поддержку против нас.

Союз с Францией был бы равносилен союзу с Россией, вследствие существования русско-французского союзного договора.

Таким образом, для роли опоры и спасительницы Турции остается ныне одна Россия. Так это и должно быть.

Наша географическая близость, наша государственная и военно-морская мощь и наше искреннее миролюбие и незлобивость прямо указывают Турции, что только в сближении с нами она может найти для себя спасение и безопасность.

Новейшие одобренные императорским правительством проекты уговоров с Турцией (приложения Б, В и Г) [2] идут именно навстречу означенному стремлению.

Если же Турция приобретет поддержку России, то она окажется в безопасности на суше в Малой Азии и, вероятно, на Балканах благодаря России; англо-русская дружба обеспечит Турции безопасность со стороны моря, на котором все еще господствует Англия. Наконец, франко-русский союз обеспечит Турцию

[1] Содержание приложенной в маш. копии статьи в основном изложено в публикуемом документе.

[2] См. приложения II, III и IV к № 509.

в финансовом отношении денежными средствами французского рынка. Это такая счастливая для Турции комбинация, что о ней здесь уже начинают мечтать, и так как союз с одной Англией недостаточен, то Киамиль-паша, надеющийся сделаться великим визирем на место Саида-паши, теперь открыто говорит, как мне известно, что Турция должна примкнуть к Тройственному согласию.

Согласно приложению Б, Россия готова даровать оттоманскому правительству свою действительную поддержку для сохранения теперешнего порядка в проливах Босфорском и Дарданелльском, распространяя оную [1] равным образом на прилегающие территории, в случае если бы им угрожали иноземные вооруженные силы.

Это ручательство является для Турции обеспечением ее столицы и династии, и понятно, что за такое обеспечение, за такую опору мы вправе потребовать от Порты раскрытия для нас одних Босфорского и Дарданелльского проливов.

Это требование формулировано во второй части приложения Б.

Относительно редакции этой части означенного приложения позволю себе заметить, что вместо отрицательной формы «не препятствовать проходу русских военных судов» («ne pas s'opposer au passage de navires de guerre russes») с добавлением оговорки, что они не будут останавливаться в проливах, если это не будет особо условлено (sauf accord), было бы, быть может, предпочтительно применить положительную и более общую формулу, не вдаваясь в вопрос об условиях рассматриваемого следования, а ограничившись общей ссылкой на пример русских судов Добровольного флота, оговорив дальнейшее договорное развитие этого соглашения.

Таким образом французский текст второй части приложения Б имел бы следующую форму: «En vue de faciliter l'exécution de la clause précitée, le gouvernement impérial ottoman s'engage de son côté à accorder aux navires de guerre russes, quant à leur passage par les détroits, les mêmes facilités qu'il a concédées en 1892 en faveur des navires de la Flotte Volontaire russe. Au cas visé ci-dessus, lesdites facilités seront accrues d'un commun accord» [2].

Нота турецкого посла в С.-Петербурге, приложенная к письму вашего превосходительства от [2 октября] 19 сентября с. г. за № 614 [3], подтверждает очень кстати существование и обязательность для Турции уговора 1892 года [4]. Уговор этот изложен в весьма общих выражениях, но осуществился на практике и создал положительный прецедент обычного права, в виде совершенно свободного пропуска через проливы за истекшие 19 лет русских войск и военных грузов из Черного моря и в Черное море.

Смею думать, что при сохранении нашими переговорами дружественного, а не ультимативного характера было бы легче достигнуть желаемого соглашения, придав оному эту дипломатическую форму, чем в форме прямого требования пропуска русских судов, ограниченного однако такими условиями, которые пришлось бы, вероятно, особо и детально определять, не без стеснения для нашего морского ведомства.

---

[1] В редакционном отношении было бы предпочтительнее написать во французском тексте вместо: «en l'étendant» — «en étendant ledit appui» aux territoires adjacents etc... [Прим. оригинала.] («распространяя ее» — «распространяя указанную поддержку» на прилегающие территории и т. д.).

[2] «С целью облегчить выполнение вышеупомянутого постановления, императорское оттоманское правительство обязуется со своей стороны предоставить русским военным судам, что касается их прохода через проливы, те же льготы, которые оно предоставило в 1892 г. судам русского Добровольного флота. В вышеуказанном случае упомянутые льготы будут расширены по обоюдному соглашению».

[3] В делах б. м-ва ин. дел не обнаружены.

[4] Повидимому, имеются в виду переговоры, происходившие в апреле 1891 г. между росс. и турец. прав-вами по поводу задержания турец. властями судов Добровольного флота. В результате этих переговоров в октябре 1891 г. турец. прав-во дало начальникам Дарданелльского и Босфорского укреплений инструкции не препятствовать проходу через проливы судов Добровольного флота под коммерческим флагом, прибывающих с Дальнего Востока или идущих на Дальний Восток.

Приравнение пропуска русских военных судов к таковому же судов Добровольного флота могло бы также облегчить принятие нашей интерпретации договоров о проливах западно-европейскими правительствами и политическими кругами, о чем я имел честь подробно изложить в весьма секретном письме вашему превосходительству от 30/17 сентября [1]. В письме этом я высказал убеждение, что, в отличие от времен Ункиар-Скелесси, надлежит ныне, прежде чем начать практические переговоры с Турцией о новом истолковании старинного правила Оттоманской империи о закрытии проливов, заручиться принципиальным согласием великих держав, по возможности всех, на то истолкование означенного правила, которого Россия намерена добиться у Турции. Начать же надо бы с Италии и притом пока еще ее триполийское приключение находится в своем первом фазисе, делающем наше отношение к нему особенно ценным.

Вместе с тем казалось бы предпочтительным не особенно медлить приобретением принципиального признания существования специальных русских интересов в проливах, хотя бы Италией и Францией, ибо если бы теперешнее опасение германского посла в Константинополе оправдалось, и итальянское наступление вызвало в Турции внутреннюю катастрофу, то отсутствие подобного подготовительного признания чрезмерно затруднило бы решение вопроса о проливах в направлении, согласном с русскими интересами.

Так как я буду дополнительно извещен о времени, когда возможно будет фактически приступить к настоящим переговорам, позволяю себе надеяться, что к означенному времени воспоследуют в достаточной полноте и те возможные объяснения с другими державами, которые императорское правительство оставило за собой.

По отношению к приложению В не имею ничего заметить.

Что же касается приложения Г, то до сих пор Турция заказала Армстронгу лишь один дредноут, так как средства для дальнейших заказов предположено испросить лишь в законодательном порядке.

В заключение отмечу, что, согласно указанию письма вашего № 617 [2] на связь данной мне инструкции с протоколом, подписанным мною и г. Бомпаром [3], и с франко-турецким соглашением об изысканиях мало-азиатских железных дорог [4], мне надлежать будет, с одной стороны, держать моего французского сослуживца в курсе порученных мне переговоров (ст. 1) и, вместе с тем, широко рассчитывать на его дружественное содействие для осуществления русских домогательств (ст. 5).

Таким образом, от сведения французского правительства не может укрыться наше желание добыть от Турции, в связи с железнодорожным вопросом, рассмотренное выше истолкование правил о проливах и предложение той политической поддержки, которую императорское правительство готово оказать по этому поводу Турции.

Выше я имел случай упомянуть, что мысль о включении железнодорожного вопроса в качестве привходящей части политического соглашения с Турцией, особенно симпатична здешнему французскому послу, и я должен сказать, что наши местные интересы могут быть, по моему убеждению, лучше всего обеспечены именно осуществлением такой политической комбинации, которая поставила бы Турцию в положительно дружественные отношения не только к России, но и к Франции и Англии.

На этой почве турки, без сомнения, поднимут вопрос о своих отношениях к балканским государствам. И тут мы могли бы, мне кажется, вполне искренно обещать Порте наше дружеское посредство для установления между нею и балканскими государствами прочных добрососедских отношений на почве признания и поддержания существующего status quo.

---

[1] См. № 498.
[2] См. № 509.
[3] См. приложение к № 202.
[4] См. ч. I, стр. 317, прим. 4.

Сближение, замечаемое за последнее время между названными государствами, постепенно подготовляет почву также для сближения между ними и Турцией.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

P. S. Прилагаются полные проекты редакции приложений А и Б [1].

№ 557. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 7 октября/24 сентября 1911 г.
Частное.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Большое дело начато вашей инструкцией от [2 октября] 19 сего сентября № 617 [2] — такого не было со времени Ункиар-Скелесси. Правда, не было с тех пор у Турции войны, — не с нами — подобной нынешней.

Что же? Помолясь богу, постараюсь вам помочь благополучно совершить это дело.

Оно крупное еще и потому, что наши местные требования и предложения застают Турцию перед дилеммой: или погибнуть, или примкнуть к Тройственному согласию.

Австро-венгерский посол не скрывает своего пессимизма относительно внутренней жизнеспособности Турции и говорил мне, что Эренталь еще более пессимист, чем он сам. Вы уже знаете, что Маршалл серьезно опасается внутренней катастрофы [3]. Махмуд-Шевкет сказал Паллавичини третьего дня, что за армию он ручается, но все-таки не может быть уверенным в том, что будет через неделю.

Действительно, для Турции сейчас самое важное не война с Италией, а борьба партий — комитета и его противников.

Саид-паша уже правее Хакки-паши, но еще не порвал с комитетом. Появление Киамиля будет означать поражение и устранение от дел комитета, чего и Саид и Киамиль надеются достичь парламентскими манипуляциями. Но согласится ли комитет и сочувствующая ему военная молодежь сдаться без боя и без кровопролития, — сомнительно.

Поэтому и нам надо быть готовым на оба случая: или Турция выживет и станет в положение покровительствуемой нами, Францией и Англией второстепенной державой, или она погибнет, и тогда заблаговременное соглашение балканских государств обеспечит им обладание Балканским полуостровом [4], а заблаговременно добытое нами признание державами, что у России существуют специальные интересы в проливах, обеспечит нам обладание ими.

С разных сторон сообщают мне о перемене настроения здесь в пользу сближения с Россией. Нам выгодно это поощрять и благодарнейшим средством для этого явилось бы наше посредничество для мира между Турцией и Италией. Турки считают вполне сознательно Триполи потерянным и только заботятся о спасении «лица». Италии следовало бы им в этом помочь. Иначе их амбиция сильно пострадает от невозможности силой принудить турок к скорому миру.

Душевно преданный вам

Н. Чарыков.

---

[1] Приложения не воспроизводятся. Изменения, предложенные Чарыковым, изложены в публикуемом документе.

[2] См. № 509.

[3] См. № 469.

[4] Сарафов спросил вчера Паллавичини, не встретят ли славяне австрийские войска в Санджаке? Посол ответил, что нет, что Австрия на Балканы не двинется. Это любопытно. Не правда ли? [Прим. оригинала.]

№ 558. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 913. 7 октября/24 сентября 1911 г.

Получил телеграмму № 1387 [1].

Счел долгом доложить, что приглашение на персидскую службу Стокса едва ли можно поставить в вину английскому правительству, так как оно было задумано исключительно малознакомым с местными условиями Шустером и симпатизирующим здешним националистам английским офицером. К тому же и англичане и персы уже признали, что решение этого вопроса зависит теперь всецело от императорского правительства. Назначение Нью политического значения не имеет и объясняется желанием Шустера завести бюджет и правильное счетоводство в телеграфном ведомстве, в котором англичане гораздо более нас заинтересованы, как вследствие длины их телеграфной сети в Персии, так и того факта, что телеграфный доход служит обеспечением их займов. Нью служит здесь на телеграфе 16 лет, отлично знаком с местными условиями, пользуется прекрасной репутацией и устранение его повело бы вероятно к назначению на его место американца, что едва ли дало бы нам какое-нибудь преимущество. Отношения же Зелигмана к английскому правительству были в прошлом году очень натянуты вследствие данного тогда Шахиншахскому банку преимущества в деле заключения займа. Новое появление этой фирмы на персидской арене явилось исключительно результатом поездки Беддоса в Петербург и данных ему тогда заверений, каковые единственно и побудили лондонский кабинет обещать Зелигману при известных условиях свою нравственную поддержку. Вследствие особых отношений к Соединенным Штатам, Англии трудно открыто выступать против назначений Шустера, также и неловко самостоятельно препятствовать проектам английской фирмы, но я имею серьезные основания думать, что условия предположенного займа не нравятся английскому правительству, которое также не уверено в отсутствии у Зелигмана соглашения с немецкими капиталистами, а потому можно рассчитывать, что наша оппозиция займу встретит сочувствие и поддержку в Лондоне, откуда Барклаю неоднократно указывали за последнее время, что перед соглашением с Россией должны уступать все другие соображения. Что же касается Барклая, то он до сих пор убежден, что Учетно-ссудный банк не уступит этой финансовой операции Зелигману. Заключение конверсионного займа при посредстве нашего банка мне представляется крайне желательным, если мы действительно не хотим, чтобы у англичан появились крупные интересы в нашей зоне и чтобы в руках английской фирмы очутились все свободные статьи доходов, которые, хотя пока и незначительны, но при постоянном их возрастании дадут в будущем возможность Зелигману производить на монопольных основаниях новые финансовые операции. Займу нашего банка поможет здесь и то обстоятельство, что сами персы будут сильно противиться условиям Зелигмана, и только необходимость и отсутствие других предложений могут заставить их на них согласиться. Притом крупная сумма предложенного займа является, благодаря разным оговоркам, скорее фиктивной и придумана лишь для того, чтобы облегчить конкуренцию с нашим конверсионным займом, между тем крупный размер операции пугает самих персов, которые вполне удовольствуются суммой в 20 миллионов рублей. Если нельзя поместить конверсионного займа в России, то дабы не создавать новых английских интересов в нашей зоне и еще более разграничить обе сферы влияния в Персии, я позволил себе уже предлагать [2], чтобы Учетно-ссудный банк совершил эту операцию при посредстве французских капиталистов, но вашему превосходительству угодно было на это указать, что английские капиталисты должны пользоваться в Персии преимуществом пред другими [3]. Если

[1] См. № 525.
[2] См. № 9.
[3] См. № 83.

вышесказанные мной соображения могут несколько изменить наш взгляд на предложение Зелигмана, то я просил бы о телеграфных указаниях до получения высланного мне по почте ответа министра финансов [1].

Поклевский.

№ 559. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 1423. 8 октября/ 25 сентября 1911 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1419 [2].

Хотя ответа еще не имеем, — не ожидаем благоприятного отзыва Италии, так как с тех пор положение изменилось противу условий ультиматума, а именно состоялось военное занятие Триполи и оказание турками вооруженного сопротивления, что, очевидно, повысит требования Италии.

Нератов.

№ 560. Военно-морской агент в Австро-Венгрии и Италии штаб-офицеру морского генерального штаба Дунину-Барковскому.

Письмо. 8 октября/25 сентября 1911 г.

М. г. Михаил Иосифович,

Прибегаю к форме письма для того, чтобы изложить перед вами несколько мыслей, которые я не сумел бы выразить в официальном донесении. Когда, месяц тому назад, я извещал штаб о вероятности демонстрации итальянских морских сил против Турции [3], то я по свойственной человеку вообще нерешительности избрал наиболее мягкую форму, [в] которую, по моему мнению, должны были вылиться события будущего. О том, что последовало бы за *демонстрацией*, я умолчал; мне казалось слишком страшным произнести слово — война.

В тот день, когда я писал свое донесение, положение мне представлялось в следующем виде. Во-первых, мне казалось, что Италия удовольствуется признанием Турцией некоторого преимущественного своего положения в Триполи; во-вторых, мне представлялось, что Турция не посмеет перечить Италии в том, если требование будет предъявлено в самой категорической форме и будет подкреплено соответствующими движениями флота. Мысль о возможности войны, как я уже сказал, хотя и была у меня, но мне представлялось, что война могла возникнуть только в том случае, если бы Турция наотрез отказала Италии в ее требованиях. События между тем приняли совершенно другой оборот. Во-первых, итальянское правительство решило пойти на открытый конфликт; во-вторых, турецкое правительство не решилось уступить, или, может быть, не могло уступить, надеясь на заступничество держав, хотело прибегнуть к обычному своему способу затягивания переговоров.

Положительные сведения о том, что что-то готовится серьезное, дошли до меня через неделю после отправления вышеупомянутого донесения, т. е. [16] 3 сентября, и тогда я поспешил в Геную и Специю, где, по слухам, происходили важные приготовления. В Специи снаряжался флот, в Генуе фрахтовались транспорты для экспедиционного корпуса. Теперь, когда война началась, все недавнее прошлое (как впрочем всегда) кажется таким ясным, и вся последовательность событий кажется такой необходимой, что диву даешься, каким образом тогда

---

[1] См. № 482.

[2] См. № 549.

[3] В донесении от 12 сент./30 авг. за № 794 Бойль сообщал: «Если решатся сильно пугнуть Турцию, то демонстрацию произведут в Архипелаге, если же, что наиболее вероятно, ограничатся пуганием Турции издалека, то демонстрацию произведут в Триполисе».

еще не приходило в голову простейшее решение вопроса, не приходило в голову простейшее определение положения вещей — война.

Теперь, когда итальяно-турецкая война из-за Триполи началась, я не могу не вспомнить одного разговора, который я имел еще в мае, с издателем журнала «Rivista Italiana». Он утверждал, что занятие Триполиса решено в принципе, что будто бы составлен весь план кампании и имеется полное мобилизационное расписание воинских частей, предназначенных составить экспедиционный корпус. «Но, — сказал он, — все это только в принципе; на деле наше правительство, идущее на поводу у Германии и Австрии, ни на что не решится».

Нерешительность итальянского правительства, неспособность его сделать шага без согласия союзников, были здесь у всех ходячими определениями этого правительства, а между тем это правительство решилось вдруг на такой смелый шаг, который многим казался, да еще теперь кажется, безумным. Тронуть Турцию, которую бережет вся Европа, объявить ей войну, с целью отвоевать у нее кусок территории, в три раза больший, чем сама Европейская Турция; объявить войну четвертому тайному члену Тройственного союза, к которому принадлежит сама Италия, так могли поступать только или люди, играющие очертя голову ва-банк, или люди очень расчетливые, очень тонкие, очень дальновидные. Мое глубокое убеждение, что истинно — второе. Итальянская дипломатия долго и терпеливо ждала подходящего момента, удобной для себя конъюнктуры, и когда она наступила, стала действовать с поразительной и поистине завидной решительностью. Во всей подготовке политической обстановки, до обострения конфликта, в самом способе вызова конфликта, в ультиматуме, посланном Турции, в готовности нанести удар по первому приказанию (действие отряда герцога Абруццкого),—во всем том есть что-то японское, мне хотелось бы сказать, что-то *римское*.

Внешним толчком по тому, что теперь происходит, конечно, послужило появление «Пантеры» в Агадире. Это был заразительный пример...[1] политики, а затянувшиеся переговоры между Францией и Германией, увеличивающееся подозрение Англии к Германии, некоторое пониженное самочувствие Германии дали Италии возможность действовать. В Берлине, как говорят, итальянский посол совершенно определенно заявил, что возобновление Тройственного союза с участием Италии будет невозможно, если Германия будет противиться намерению Италии занять Триполи. Что касается до Австрии, то отвлечение итальянского внимания от побережья Адриатики в сторону Триполи могло казаться последней только выгодным. Франция ничего не могла возразить, так как договором, заключенным с Италией, отказалась от Триполи и признала эту область лежащей в сфере итальянских интересов. Англии, ввиду ее соперничества с Германией, не было никакой цели противодействием восстановлять против себя общественное мнение Италии; Россия не возражала, и совершилась удивительная вещь — Италия пошла войной на Турцию с общего согласия Европы Однако Италия оговорилась, она заявила, что признает и будет впредь поддерживать status quo на Балканском полуострове и ограничивает театр войны одной областью Триполи[2]. Из-за этой оговорки ей пришлось играть с турецким флотом в прятки, ей пришлось не заметить турецкий флот, когда он в день объявления войны ушел из Бейрута в Константинополь.

В данном случае политика вмешалась в действия стратегии очень неудачно. За что, очень вероятно, итальянской стратегии будущего придется дорого поплатиться, когда, при изменившихся условиях, будущий турецкий флот может оказаться союзником австрийского флота.

Начав так смело войну, итальянцы и должны были продолжать действовать смело. Раз Европа дала согласие на войну, то нужно было вести войну по всем правилам. Нужно было заблокировать, а лучше всего забрать или уничтожить турецкий флот. Сговорчивость Константинополя была бы большей после этого и впечатление от этого было бы сильнее, чем от высадки экспедиционного корпуса

[1] В оригинале неразборчивое слово.
[2] См. №№ 476 и 502.

в Триполи. Помимо всего этого турецкий флот уничтожался бы в зародыше, и не было бы уже больше надежды на восстановление его. Нападение на турецкий флот в открытом море к тому же, строго говоря, не противоречило итальянской декларации об ограничении театра войны Триполи, так как флот, строго говоря, не может быть приурочен к какому-нибудь определенному району, при его подвижности. Имея целью высадить экспедиционный корпус в Триполи, итальянцы по праву войны могли напасть на турецкий флот, где бы он ни находился, а разбив или захватив его, — итальянцы предъявили бы Европе совершившиеся факты, с которыми Европе пришлось бы помириться. Теперь турецкий флот жив, и если только турки не решатся на какую-нибудь безумную выходку и не пошлют его, например, в Эгейское или Адриатическое море или к Триполи, то этот флот останется целым и невредимым и будет иметь возможность развиваться. Что будет дальше? Какие темные силы вызовет Италия своим в сущности неожиданным выступлением?

В газетах говорится о том, что турки хотят вызвать в Триполи священную войну против Италии. В священную войну мне что-то плохо верится; гораздо опаснее оповещенное сегодняшними газетами решение турецкого совета министров выселить из Турции всех итальянцев, сроком в 3 дня. Если эта мера будет осуществлена, то Италии придется прибегнуть к военным мерам уже против самого турецкого побережья. Может быть, если бы итальянцы захватили турецкий флот и держали бы его в качестве заложника, то турки не посмели бы угрожать итальянским подданным, живущим в Турции.

Военные меры против берегов самой Турции (бомбардировки, блокады), если бы к ним пришлось прибегнуть, существенно ничем бы не помогли итальянцам, а только еще больше разожгли бы ненависть турок и могли бы действительно вызвать резню христиан и пожар на всем балканском побережьи. Нужно надеяться, что Германия, взявшая под свое покровительство итальянцев в Турции, сумеет образумить турок и удержать их от этой безрассудной меры.

Состав и численность экспедиционного корпуса, который должен отправиться на-днях частью из Неаполя, частью из портов Сицилии, еще не вполне выяснен; во всяком случае численность первой экспедиции не превысит 30 000 человек. По слухам, турки располагают в Триполи регулярной армией в 8—10 тысяч человек и, кроме того, надеются на помощь арабов, которых будто бы 20 000 человек, вооруженных современным оружием. По всем вероятиям, все эти цифры сильно преувеличены; что же касается до арабов, то их помощь туркам очень сомнительна.

По последним известиям турецкие войска выступили из города с начала бомбардировки и расположились лагерем в холмистой местности, в 10 километрах к югу от города. Говорят, что среди турецких войск уже стал обнаруживаться голод.

Укрепления Триполи, которые расстреливались итальянскими судами в течение двух дней, заняты теперь десантом с судов, численностью приблизительно в 600 человек.

Занятие укреплений вызывалось необходимостью, как говорят, предотвращения резни христиан в городе. С военной точки зрения, такое занятие слабым десантом укреплений в виду целой армии из 8—10 тысяч человек нельзя не назвать опрометчивым; будь турки более предприимчивы, они неожиданным наступлением *ночью* могли бы сбить этот десант и вырезать часть его, несмотря на все пушки эскадры, которые вряд ли могли бы оказать существенную поддержку своим ночью; но турки не двигаются и ничего не предпринимают, а только грозят итальянцам всевозможными ужасами в будущем, обещая заманить их вглубь страны и там уничтожить; по всем признакам турецкие войска в Триполи совершенно деморализованы.

Примите и пр.

Р. Бойль.

№ 561. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 42 [1]. 8 октября/25 сентября 1911 г.
Весьма доверительно.

Болгарский председатель совета министров Гешов был у меня сегодня и сообщил мне свой разговор с Сельвом и Эренталем. Оба показались ему оптимистами и сказали ему, будто бы Италия для скорой ликвидации триполийского вопроса согласится признать для Триполи номинальный сюзеренитет Турции и дать ей денежное вознаграждение. Затем Гешов сказал мне, что Неклюдов и Гартвиг очень настаивают перед ним и Миловановичем на заключении союза Болгарии с Сербией под покровительством России. Гешов прекрасно отдает себе отчет, что такой балканский блок, заключенный при нынешних тревожных условиях, сильно возбудит против Болгарии и Сербии Австрию, за которой в этом случае будут стоять Румыния и Турция. Прежде чем решиться на такой шаг, Гешов желал бы знать, на какую гарантию со стороны России может рассчитывать Болгария. Гешов прибавил, что ему известно, что Неклюдов поехал в Давос к министру иностранных дел, чтобы изложить ему этот вопрос. Я ответил, что всякое сближение Болгарии с Сербией будет встречено с нашей точки зрения только сочувственно. Сплочение православного славянского элемента — большая сила, но я ничего не могу ему сказать насчет условий гарантий такого союза, так как инструкции, данные Неклюдову и Гартвигу на этот счет, мне неизвестны. Наши представители на Балканах являются единственными компетентными органами для таких переговоров. Могу только посоветовать выждать возвращения в Софию Неклюдова. Кроме того, в данное время наш общий интерес — соблюдение самого строгого нейтралитета. Это возможно, возразил мне Гешов. На Балканском полуострове, если все будет тихо, во всяком случае мы ни на какой шаг не решимся без ведома России.

Гирс.

№ 562. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 56 [2]. 8 октября/25 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В секретных телеграммах своих я имел честь представить императорскому министерству картину того общего тревожного настроения, которое охватило Сербию при первом известии о турецко-итальянском столкновении [3].

Настроение это, надо сознаться, вполне оправдывалось уже тем обстоятельством, что одновременно почти вся европейская печать в один голос заговорила о грозных последствиях возникшего конфликта, прозрачно намекая даже на возможность или вероятность государственного переворота в Турции. Что же могло бы обозначать собой это внезапное крушение режима, созданного в Константинополе, как не полную анархию на всем протяжении Балканского полуострова.

Перед Сербией, как отчасти и перед прочими малыми государствами, сама собой возникала трудно разрешимая дилемма: соблюдать ли, наперекор всем грозным предзнаменованиям, выжидательное положение и таким образом подвергнуть себя риску быть захваченной событиями врасплох, либо заранее принять все необходимые меры к защите своих интересов и тем самым неосторожно создать благовидный предлог для той державы, которая, как здесь хорошо известно, только и ждет случая, чтобы хоть с некоторым основанием выступить для поддержания нарушенного status quo на Балканах?

Полученные здесь вскоре известия о принятой на себя великими державами задаче сделать все возможное в целях локализации военных операций [4] — вывели

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 24.
[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 22.
[3] См. №№ 506 и 514.
[4] См. № 501.

белградское правительство из крайне напряженного состояния и возымели самое благотворное действие на политические и общественные круги. Наряду с этим я воспользовался сведениями, заключавшимися в сообщенных мне вашим превосходительством телеграммах из Цетинье, Афин и Софии [1], чтобы рассеять мрачные мысли короля Петра, о коих его величество поведал мне на аудиенции [2].

Твердое решение сербского правительства не нарушать спокойствия, само собой разумеется, вызывает крайнее озлобление в оппозиционной среде, откуда раздаются голоса, настоятельно требующие мобилизации королевской армии. Органы австрофильской печати осыпают министров, и главным образом Миловановича, резкими нападками, обвиняя их в трусости, беззаботливости и близорукости, которую будто бы так ярко проявил министр иностранных дел уже во время аннексионного кризиса. По мнению этих газет для Сербии подготовляется новый тяжелый удар — захват Австрией Новобазарского санджака.

К этим науськиваниям австрийских провокаторов здесь давно привыкли, и потому они не вызывают большого впечатления.

При всем том однако было бы ошибочно думать, что тревога в Сербии совсем миновала. Этого не может быть уже потому, что не миновала и самая опасность, о которой ежедневно свидетельствуют десятки агентских телеграмм.

Для Сербии, как я имел честь неоднократно доносить, опасность эта тройкого рода: революция в Косовском вилайете, захват Болгарией Македонии и вступление австрийских войск в Новобазарский санджак. Которая из них наиболее вероятна при нынешних крайне осложнившихся обстоятельствах, — сказать трудно.

Но сомнения не может быть в том, что во всех трех случаях — сербские войска вынуждены будут переступить границу.

Примите и пр. Ник. Гартвиг.

№ 563. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 57. 8 октября/25 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Императорскому министерству хорошо известно, какие затруднения на своем пути до сих пор встречало сербо-болгарское соглашение, столь желаемое всеми друзьями славянства. Нет сомнения, что в данном случае вина падает исключительно на Болгарию и, главным образом, на ее монарха. Признав своим национальным идеалом расширение королевства до пределов, обозначенных Сан-Стефанским договором, болгары желали бы не только избежать необходимости в будущем сделать за счет турецкого достояния какую-либо территориальную уступку сербам, но, если возможно, добиться еще больших прирезок и с востока и с запада.

Правящие лица в Софии, всякий раз когда возбуждался вопрос о распределении сфер влияния между Болгарией и Сербией, в оправдание своей несговорчивости приводили уже будто бы давно принятое македонскими комитетами непоколебимое решение до последнего издыхания отстаивать «целость» Македонии, которая должна во всем объеме войти в состав будущей «Великой Болгарии». Что касается короля Фердинанда, то, по его представлению, вовсе не подобает считаться с какими-то территориальными притязаниями маленькой и слабой Сербии, которая, рано или поздно, все равно сама будет поглощена своей могущественной соседкой. Он полагает, что именно ценой отказа от союза с Сербией и полного изолирования ее на Балканском полуострове возможно будет заручиться помощью и содействием Австрии в деле осуществления национальных задач Болгарии.

[1] Повидимому, имеются в виду тел. Неклюдова от 29/16 сент. за № 61 (см. № 487), тел. Татищева от 29/16 сент. за № 51 (см. № 488) и тел. Обнорского от 4 окт./21 сент. за № 142 (см. № 528).

[2] См. № 514.

Поистине непостижимая аберрация в представлениях такого умного и хитрого владетеля, каким нельзя не признать короля Фердинанда! В самом деле, как можно полагаться на содействие венского кабинета к расширению Болгарии до крайних пределов Эгейского моря, которое составляет предмет давнишних и сокровеннейших вожделений самой Австро-Венгрии? Но видимо, в Вене обладают какими-то особыми чарами для смущения, соблазна и обмана владетелей балканских государств, которые порой изменяли общим интересам славянства, ведя — то тайно, то открыто — политику, противную благожелательным советам и указаниям великой России. Так было с господарем Черногории в 1875 г. и за последнее четырехлетие с королем Миланом, начиная с 1881 г. и до конца его царствования; так обстоит дело и с королем Фердинандом, который, пользуясь, когда нужно, самой широкой поддержкой императорского правительства, не упускает в то же время случая вдохновляться тайными происками в Вене и Пеште, иногда в чисто эгоистических целях.

Однако, как ни велико обаяние короля Фердинанда в области внешней политики, все же в Болгарии, насколько мне известно, нашлись государственные деятели, которые произвели переоценку результатов двойственной игры монарха между Россией и Австрией; признали подобную политику опасной для жизненных интересов Болгарии и решили, во что бы то ни стало, склонить короля впредь искреннее подчиняться только указаниям императорского правительства.

Отсюда само собой разумеется один шаг и к перемене отношений Болгарии к другим балканским государствам и в частности к Сербии, единение с которой помянутые деятели считают существенно необходимым. Дай бог, чтобы эти добрые намерения приняли конкретную форму!

В числе самых ревностных сторонников сербо-болгарского сближения состоит нынешний болгарский посланник в Риме Дмитрий Ризов, которого я знаю свыше 25 лет и с политическими убеждениями которого я близко ознакомился еще в бытность его в С.-Петербурге, в качестве гонимого тогда Стамбуловым эмигранта. Трудно найти более подходящего посредника для улажения взаимных притязаний обоих славянских государств. Уже в 1904 г., по инициативе и при ближайшем содействии Ризова, между Сербией и Болгарией была заключена и подписана секретная конвенция, текст которой *весьма доверительно* сообщен был императорскому министерству Пашичем в прошлом году, во время пребывания короля Петра в С.-Петербурге. Конвенция эта, как известно, осталась, вследствие упорства короля Фердинанда, мертвой буквой. Между тем в ней удачно обойдены были скользкие вопросы разграничения и намечены общие пункты согласованных действий.

В нынешнем году Ризов пытается воскресить дело соглашения, политическая важность коего все более и более сознается с обеих сторон, особливо ввиду развивающихся событий на Балканах. Он решил воспользоваться дарованным ему летним отпуском, чтобы категорически объясниться со своими единомышленниками в Софии и — что главное — откровенно обменяться взглядами с македонскими главарями, среди которых Ризов, как македонский уроженец, пользуется большим авторитетом, а посему и мог произвести на них примирительное воздействие. Собранные им данные представлены были на усмотрение министра Тодорова, который согласился возложить на болгарского посланника конфиденциальную миссию *расследования почвы в Белграде*.

По приезде сюда, Ризов имел несколько свиданий со мной и дружески совещался с Пашичем и Миловановичем. В результате, конечно, обнаружилось, что между сербами и болгарами все еще существуют — быть может, ныне менее обостренные, но едва ли легко устранимые — разногласия насчет будущего дележа турецкого наследства. Я всячески старался сгладить эти разногласия, убеждая обе стороны сговориться относительно наиболее существенных пунктов политической программы, оставив вопрос о детальном разграничении сфер открытым. Настоящую минуту, говорил я им, следует признать критической для вашего соглашения: либо теперь, либо никогда! Было бы преступно с вашей стороны разойтись врагами из-за притязаний на несколько километров земли, которая со-

ставляет законную собственность третьей державы, пока еще не сошедшей с политической арены.

Болгарскому представителю наедине я пытался доказать ошибочность расчетов короля Фердинанда, возлагающего все надежды свои на Австро-Венгрию и посему с легким сердцем пренебрегающего интересами другой родственной славянской державы, одинаково освобожденной русской кровью и имеющей, как и Болгария, право на независимое существование. Достигнуть Эгейского моря и распространиться далее на запад к Битоли и Охриде Болгария могла бы *только* находясь в союзе с Сербией, которая, в свою очередь, за эту услугу требует скромного прироста в пределах Велеса и северо-западной части Охридского озера, где находятся этапы по пути ее к Адриатическому морю.

Ризов в общем вполне соглашался со мной, но находил возможным еще *поторговаться* с сербами, дабы без больших затруднений провести самое дело политического соглашения.

В нынешних переговорах выяснилось, что существенные разногласия касаются прежде всего северного распределения сфер; как я доносил и ранее, сербы желали бы провести демаркационную черту — от границы болгарской, у Голема-Планина, по реке Брегальнице вплоть до реки Вардара, что отводит в пользу Сербии Ускюб и Велес. Между тем болгары, соглашаясь теперь на уступку Ускюба, находят невозможным пожертвовать Велесом и предлагают разграничить сферы по течению реки Пчиньи, впадающей в Вардар несколько севернее Велеса.

Затем спорным пунктом является и часть юго-западной границы, которая, согласно болгарским предложениям, должна миновать Охридское озеро, тогда как сербы настаивают на проведении демаркационной линии вдоль всего озера с севера на юг к селениям Поградец и Старова, с оставлением, конечно, Охриды в пользу болгар.

Из изложенного мне кажется явствует, что сербо-болгарские препирательства вовсе уж не так страшны, как принято думать, и что императорское правительство могло бы взять на себя задачу к примирению сторон. Впрочем, и у сербов и у болгар существует мысль, в случае неудачи в переговорах относительно распределения сфер влияния, ходатайствовать о высочайшем разрешении повергнуть спор на всемилостивейший третейский суд государя императора.

Но как бы то ни было, в настоящее время представляется существенно важным, чтобы сербы и болгары, немедля и с полной искренностью, приступили к деловым объяснениям; чтобы они определили взаимные отношения и отношения свои к соседним державам; чтобы они заранее установили программу общности действий на случай возникновения каких бы то ни было осложнений на Балканском полуострове, дабы не быть застигнутыми событиями врасплох. По выработке этих основных положений, само собой наладятся и прочие условия соглашения.

Ризов, по собственному его признанию, нашел почву в Белграде весьма благоприятной и рассчитывает склонить в пользу соглашения Гешова, с которым он должен свидеться в Вене. По тщательном обсуждении дела, они вместе отправятся в Эбенталь для получения соответственных указаний короля Фердинанда.

Как отнесется король к задуманному проекту? На этот счет Ризов не решался высказаться со всей определенностью, он выражал *надежду* на сочувственный отклик в Эбентале, но далеко не был в этом *уверен*. Во всяком случае, Ризов, согласно с моим мнением, думает, что для короля Фердинанда настала минута либо самым откровенным образом стать на сторону России, либо не менее открыто войти в политическую орбиту Австро-Венгрии. Какие последствия вызовет в Софии последнее решение — заранее предсказать трудно. Во всяком случае в славянском мире это произведет серьезный переворот и, по всем вероятиям, Россия вынуждена будет коренным образом изменить свои отношения к Болгарии.

Возвращаясь из Вены в Софию, Гешов должен, проездом чрез Белград, свидеться в вагоне с Миловановичем и сообщить ему о результате совещаний в Эбентале, которые будут иметь решающее значение в вопросе о сербо-болгарском соглашении.

Я не стану утруждать внимания вашего превосходительства повторением соображений, высказанных уже мной в секретной телеграмме № 147 [1], по поводу беседы нашего посланника в Софии с болгарским министром Тодоровым.

Могу лишь с полной уверенностью сказать, что благоразумные сербы, каковыми я считаю здесь людей, стоящих ныне у власти, вовсе не мечтают о ближайшем использовании соглашения с Болгарией для каких-либо активных выступлений; напротив, они заинтересованы в сохранении на Балканах status quo до тех пор, пока Россия не признает нарушение созданного положения отвечающим политической минуте. Сербы намерены — если дело дойдет до переговоров — потребовать составления проекта в трех экземплярах, из коих третий предназначался бы для представления императорскому правительству.

Равным образом, никому из сербов не могла бы притти в голову мысль добиваться включения в проектируемое соглашение каких-либо обязательств со стороны России. Предъявление подобного требования от имени короля Фердинанда было бы по меньшей мере неуместным; а удовлетворение такового, смею думать, могло бы повести к самым опасным последствиям, так как возможность повторения эпизода, недавно разыгравшегося в болгарском парламенте по поводу русско-болгарской секретной конвенции, вполне допустима [2].

Соглашение, о котором идеть речь, должно касаться интересов Сербии и Болгарии. За Россией остается лишь верховное руководство.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 564. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 616. 8 октября/25 сентября 1911 г. [3]

Получил телеграммы №№ 1418 [4] и 1420 [5]. Ссылаюсь на мое письмо от [7 октября] 24 сентября [6], которое получите в четверг [7].

Начал сегодня подготовительные шаги. Счел возможным и полезным потребовать запретную зону в полном размере совещания [15] 2 июня [8] и включить теперь же в соглашение уговор о проливах. Ввиду извещения об осуществлении мысли, изложенной в моем письме от [30] 17 сентября [9], признаю изменение редакции этого уговора, предположенное в моем письме от [7 октября] 24 сентября, излишним. В конце же пункта 3-го о железных дорогах полагал бы желательной следующую редакцию: «De toute concurrence nuisible, en concluant au préalable

---

[1] См. № 545.

[2] Как сообщалось в «Правительственном вестнике» № 141 от 14/1 июля 1911 г., на заседании Великого народного собрания от 13 июля/30 июня обсуждался проект изменения ст. XVII конституции, предусматривавший расширение полномочий короля вплоть до заключения тайных договоров. В связи с обсуждением этого проекта на заседании Великого народного собрания «произошла перебранка, грозившая перейти в свалку».

Тел. от 8 июля/25 июня за № 36 Неклюдов сообщал: «За последние дни в здешней оппозиционной печати появляются по поводу ст. XVII разоблачения какой-то секретной военной конвенции, заключенной Болгарией с Россией в 1902 г.». (Русско-болгарская военная конвенция была подписана в Петергофе 13 июня/31 мая 1902 г.)

Тел. от 10 июля/27 июня за № 862 Нератов предлагал Неклюдову дать в печати опровержение сведений «о военной конвенции 1902 года, как апокрифической».

Ответной тел. от 12 июля/29 июня за № 37 Неклюдов доносил: «Считал бы совершенно излишним опровергать путем печати апокрифические сведения о военной конвенции. Это возбудило бы только совершенно нежелательную полемику».

[3] Дата поставлена по черновому отпуску, хранящемуся в делах б. росс. пос-ва в К-поле. Лит. копия датирована 10 окт./27 сентября.

[4] См. № 548.

[5] См. № 550.

[6] См. № 556.

[7] 12 окт./29 сентября.

[8] См. ч. I, стр. 36, прим. 4.

[9] См. № 498.

une convention qui sauvegardera les intérêts précités et déterminera les points et les conditions du raccordement des lignes de ce réseau» [1]. Французский посол, с которым я объяснялся совершенно доверительно, считает теперешнюю конъюнктуру весьма благоприятной для возложенных на меня переговоров о железных дорогах и о проливах и, согласно протоколу, окажет нашим домогательствам, в случае надобности, деятельную поддержку. Вместе с тем он признает необходимой полную солидарность с нами английского посла. Совершенно разделяя это убеждение, покорнейше прошу о снабжении Лоутера соответствующей инструкцией. За отказом Решида-паши и Норадунгиана должность министра иностранных дел еще не замещена, и шаткая участь нынешнего кабинета решится, должно быть, по открытии сессии парламента, назначенном на [14] 1 октября. Полагаю, что ранее назначения преемника Рифаату-паше успею получить от вас указания по содержанию моего письма от [7 октября] 24 сентября.

Чарыков.

№ 565. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Лондоне и Париже — Бенкендорфу и Извольскому.

*/. Телеграмма № 1428. 9 октября/26 сентября 1911 г.

Сообщается в Константинополь, Вену, Берлин и Рим.

Только что получил от Турхана циркулярное обращение Порты к державам с изложением [2] новой базы для переговоров с Италией при посредничестве держав. Главные пункты изложены так: Cette base est de discuter d'un commun accord les intérêts de l'Italie et de nous engager à les reconnaître par une convention, en tant que les demandes de l'Italie soient reconnues comme répondant à la situation, et sous réserve expresse du maintien de nos droits de souveraineté. Un tel accord suffirait pour rétablir les relations diplomatiques des deux pays. Les détails de cette base devront naturellement être discutés et arrêtés au cours des négociations [3].

Благоволите выяснить отношение правительства, при коем вы аккредитованы, к этому шагу Порты. Со своей стороны полагаем, что желательно узнать отношение Италии к такому способу взаимных объяснений между воюющими и определения существа итальянских интересов в Триполи, тем более, что самая база, с признанием верховенства султана, не противоречит уступкам, на которые, по сведениям, исходящим от Сельва и Эренталя, согласна была бы Италия для ликвидации войны [4].

Нератов.

---

[1] «От какой бы то ни было вредной конкуренции, заключив предварительно соглашение, которое обеспечит вышеназванные интересы и определит пункты и условия соединения линий этой сети».

[2] Слова: «с изложением» написаны взамен зачеркнутых: «в видах изыскания».

[3] «Эта база состоит в том, чтобы с общего согласия обсудить интересы Италии и предложить нам признать их по договору, поскольку требования Италии будут признаны отвечающими положению и со специальной оговоркой о сохранении наших суверенных прав. Такое соглашение было бы достаточно для того, чтобы восстановить дипломатические отношения между обеими странами. Детали этой базы естественно должны быть обсуждены и утверждены в процессе переговоров».

[4] Тел. от 11 окт./28 сент. за № 140 Извольский ответил, что «вследствие нежелания решиться на формальное выступление в Риме в смысле циркулярного обращения Порты к державам, де Сельв поручил Барреру осведомиться частным образом, может ли турецкая формула оказаться приемлемой для Италии».

11 окт./28 сент. тел. за № 43 Н. Гирс сообщал, что «Эренталь поручил австро-венгерскому послу в Риме переговорить с министром иностранных дел, но не имеет еще ответа. Он сильно сомневается, чтобы Италия согласилась на предложение Турции насчет перемирия [см. № 583] и отмены посылки войск в Триполи».

Тел. от 12 окт./29 сент. за № 229 Бенкендорф сообщал, что англ. послу в К-поле поручено указать турец. прав-ву на «неопределенный характер последнего турецкого сообщения» и на желательность более ясной формулировки его, а англ. послу в Риме было поручено запросить, «считает ли итальянское правительство данный момент подходящим для медиации и склонно ли оно, в этом случае, формулировать основы, выражающие точку зрения Италии».

*

№ 566. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Ч. Телеграмма № 1438 [1]. 9 октября/26 сентября 1911 г.

Сообщается в Софию.

Болгарский посланник передал, что его правительство очень встревожено полученным им из серьезного источника известием о производящейся мобилизации в Адрианопольском округе и сосредоточении турецких войск на болгарской границе. В случае подтверждения этого сведения болгарское военное ведомство должно будет в свою очередь принять некоторые военные меры предосторожности; отсюда — опасность возбуждения умов и инцидентов, нежелательных для сохранения мира [2].

Благоволите объясниться по этому поводу с турецким правительством, указав на необходимость прекращения означенных военных мер, стоящих в противоречии с только-что заявленным Турцией желанием скорейшего мирного исхода.

Одновременно вы могли бы обратить внимание турок на желательность сократить военные меры на границе Греции. В этом смысле получает указания и Бомпар [3].

Нератов.

№ 567. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Берлине Остен-Сакену.

Ч. Телеграмма № 1439. 9 октября/26 сентября 1911 г.

Сообщается в Париж, Лондон, Вену, Константинополь и Рим.

Из только-что бывшего объяснения с германским поверенным в делах заключаю, что турецкий циркуляр [4] о новой базе для мирных переговоров был, повидимому, подсказан Маршаллом. Поэтому на запрос о том, расположены ли мы попытаться выяснить сообща с другими державами точку зрения итальянского правительства на предложение Турции, я ответил Люциусу, что в принципе мы не уклонимся от общих шагов со всеми другими державами по этому предмету [5].

Нератов.

№ 568. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Ч. Письмо [6] 9 октября/26 сентября 1911 г.

Весьма доверительно.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Очень радуюсь, что мысль моя об укреплении итальянского обязательства [7]

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 24.

[2] Письмом от 10 окт./27 сент. О'Берн сообщал Нератову: «Болгарский посланник в Лондоне передал моему правительству памятную записку, в которой говорится, что оттоманское правительство концентрирует в данный момент войска на болгарской границе. Болгарское правительство запросило, склонны ли мы предпринять шаги в Константинополе в целях помешать подобной концентрации. Сэр Эд. Грей желал бы узнать, получило ли императорское правительство сообщение в том же смысле и какова его точка зрения на этот вопрос». На письме имеется помета: «Отвечено частной запиской Нелидова, по поручению А. А. Нератова, что ныне Болгария сделала аналогическую демаршу, после чего послана послу в Константинополе телеграмма такого-то содержания (см. тел. № 1438)».

[3] В царск. экз. последний абзац опущен.

[4] См. № 565.

[5] Тел. от 12 окт./29 сент. за № 620 Чарыков сообщал: «Маршалл тщательно скрывает свое участие в деле турецкого циркуляра. Однако, по имеющимся сведениям, он, рассчитывая на успех, предполагает побудить Италию при заключении мира отказаться от капитуляций и согласиться без оговорок на 4% таможенную надбавку и на налог темет. Тогда Германия заявит и о своем согласии на все это и снова окажется вдвойне благодетельницей Турции. Так как Австрия уже отказалась от капитуляций при аннексии [Боснии и Герцеговины], это известие кажется мне, а равно и французскому послу, весьма правдоподобным».

[6] Опубл. М., стр. 118.

[7] См. № 466.

о проливах встречена вами сочувственно. Тотчас по получении вашего письма[1] я вызвал г. Титтони на более конкретный разговор и предъявил ему выработанный вами проект письма итальянского министра иностранных дел на имя русского министра иностранных дел[2]. Г. Титтони не только согласился с предлагаемой вами процедурой, но высказал мне, что вышесказанный проект кажется ему вполне приемлемым и что, если бы он был министром иностранных дел, он не поколебался бы его подписать; записав под мою диктовку проект письма, он обещал мне либо отвезти его лично в Рим, либо отправить его туда с курьером; он предпочитает первый способ, ибо это дало бы ему возможность словесно изложить королю и гг. Джиолитти и Сан-Джулиано аргументы в пользу исполнения нашего желания. Время его поездки в Рим находится в зависимости от окончания триполитанского кризиса; если же кризис этот затянется, то он изложит вышесказанные аргументы в письменной форме. В обоих случаях он не сомневается в утвердительном ответе короля и его министров.

Искренно преданный вам и готовый к услугам

Извольский.

№ 569. Поверенный в делах[3] в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 67. 9 октября/26 сентября 1911 г.

Известие о мобилизации трех корпусов Адрианопольского вилайета произвело здесь крайне тревожное впечатление. Тодоров просил меня довести до сведения вашего превосходительства, что мера эта, не вызванная какой-либо необходимостью, внушает ему самые серьезные опасения касательно намерений Турции. Он усиленно просит вас сделать соответствующее представление в Константинополе для своевременной отмены этого распоряжения. Французское правительство уже предприняло шаги в этом направлении. Турецкий посланник, спешно вызванный в Константинополь, обещал Тодорову перед отъездом сделать все от него зависящее, чтобы хотя бы приостановить мобилизацию. До сих пор никакого благоприятного по сему поводу извещения не поступало, и правительство видит себя вынужденным принять меры охраны против возможных случайностей; завтра будет издан приказ о призыве в ряды армии нижних чинов, досрочно уволенных [14]1 сентября по примеру прошлых лет в видах экономии.

Урусов.

№ 570. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 9 октября/26 сентября 1911 г.

Весьма секретно. Личное.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Секретной телеграммой от [7 октября] 24 сего сентября за № 1418[4] ваше превосходительство изволили сообщить мне, для личного моего сведения, что мысли, изложенные в моем секретном письме от [30] 17 сентября, уже осуществлены.

---

[1] Указанное письмо Нератова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[2] В Архиве Внешней Политики хранится следующий недатированный проект письма итал. м-ра ин. дел на имя росс. м-ра ин. дел:

«В дополнение к письму итальянского министра иностранных дел российскому министру иностранных дел, переданному в замке Раккониджи 24/11 октября 1909 г., я имею честь с одобрения его величества короля, заявить вашему превосходительству, подтверждая все пункты, содержащиеся в этом письме, что Италия, осуществив свой проект оккупации Триполи и Киренаики, обязуется не препятствовать осуществлению проектов, которые могла бы иметь Россия касательно проливов Босфора и Дарданелл и прилегающих к ним территорий.

Разумеется, что настоящая нота останется секретной и не может быть сообщена третьей державе без обоюдного согласия».

[3] Тел. от 25/12 сент. за № 3226 Нератов уведомил Неклюдова, что ему разрешен испрашиваемый отпуск на 3 недели с 7 окт./24 сентября.

[4] См. № 548.

Так как в означенном письме было высказано предположение о желательности, как минимума, получения согласия Италии и Франции на открытие проливов для русских военных судов, то значит соглашение по этому вопросу с названными двумя державами уже достигнуто.

Приняв это положение к руководству при начатых здесь вчера подготовительных шагах и при моих объяснениях с французским послом [1], позволяю себе покорнейше просить вас об указаниях, равным образом для личного моего сведения, еще по следующим предметам, имеющим тем большее значение для хода переговоров, что нашему обращению к Порте не должен быть придан характер резких и бесповоротных настояний [2].

1) Выяснено ли уже также отношение великобританского правительства к нашему требованию Порте о раскрытии для нас проливов?

Если да, то шансы на миролюбивое соглашение с Турцией по означенному предмету существенно возрастут, ибо окажется возможным и в этой области совместное взаимодействие держав Тройственного согласия, взаимодействие, коему Франция придает огромное значение и которое, открывая Турции сразу уверенность в сухопутном, морском и финансовом обеспечении, может окончательно убедить Порту в выгодности для нее наших предложений.

Конечно, для моего личного руководства в этом сложном деле, где основанием для ведения переговоров должно служить знание всех его обстоятельств, было бы важно знать также положение нашего вопроса о проливах в Берлине и Вене.

Турки, прежде чем дать нам практический ответ, непременно спросят Маршалла и Паллавичини. Поэтому нам надлежит, при формулировании наших предложений, иметь в виду и по возможности учитывать вероятный ответ названных представителей.

2) Предлагая Турции защиту не только проливов, но и прилегающих к ним территорий (les territoires adjacents), какие именно пространства, в особенности на европейском берегу, имеет в виду императорское правительство?

Ограничиваются ли эти пространства пределами Константинопольского вилайета? Или они обнимают территорию по линии Энос—Ииниада? Или они включают Адрианополь? Или они простираются еще дальше на запад? Об этом турки спросят нас первым делом, и потому считаю долгом покорнейше просить об указаниях и по этому предмету.

Если же, в связи с рассматриваемым вопросом, Порта коснулась бы обеспечения своих отношений к балканским государствам, оказалось бы, быть может, желательным добавить к проектированному соглашению [3] еще статью приблизительно следующего содержания:

«Le gouvernement impérial de Russie s'engage également à employer ses bons offices pour faciliter l'établissement entre le gouvernement impérial ottoman et les Etats balkaniques de rapports solides de bon voisinage, sur la base du status quo» [4].

Наиболее выгодная психологическая минута для обращения к Порте наступит тогда, когда окажется сделанным нами первый шаг медиации между Турцией и Италией [5].

Судя по телеграмме вашего превосходительства императорскому послу в Париже от [7 октября] 24 сентября сего года за № 1419 [6], этот шаг уже сделан: признав, что предложение, проектированное великим визирем, действительно за-

[1] См. мою секр. телеграмму от [8 окт.] 25 сент. за № 616. [Прим. оригинала.] (См. № 564.)

[2] Ваша тел. от [7 окт.] 24 сент. за № 1420. [Прим. оригинала.] (См. № 550.)

[3] См. приложения к № 509.

[4] «Равным образом императорское российское правительство обязуется предложить свои услуги с целью облегчить установление между императорским оттоманским правительством и балканскими государствами прочных добрососедских отношений на основе status quo».

[5] См. мою телеграмму от [7 окт.] 24 сего сент. за № 612. [Прим. оригинала.] (См. № 555.)

[6] См. № 549.

ключает признание совершившейся оккупации Триполи, вы приняли меры к дружественному выяснению взгляда Италии на таковое предложение.

Ответ получится, вероятно, уклончивый или прямо отрицательный. Но нам и не надо, чтобы война теперь же прекратилась. Нам достаточно показать туркам, что мы отнеслись к их заявлению сочувственно и даже избавили их от риска официального отклонения Италией их примирительного предложения, справившись предварительно и доверительно сами у римского кабинета.

На этой почве наше выступление касательно проливов приобретет для Турции особую цену по следующим соображениям.

Турция убедится, что римский кабинет хочет принудить ее к унизительному и опасному для ее внутреннего спокойствия миру.

Достигнуть этого можно только угрозой жизненному центру турецкого государства, каковым является прежде всего Константинополь.

Поэтому наше ручательство за безопасность самого города и даже доступа к нему через Дарданеллы, с обороной коих Турция одна может и не справиться, а с помощью нашей эскадры и минных техников справится легко, — создаст для Турции такое выгодное положение, что наше домогательство покажется ей уже не насилием, а спасительной гарантией. Вместе с тем прекращение длящегося недоразумения с нами из-за малоазиатских железных дорог обезопасит и успокоит турок в отношении другого их наичувствительного центра — Эрзерума.

Не следует однако закрывать глаз и на опасную сторону предстоящих переговоров.

Она заключается в том, что наши многочисленные и сильные противники постараются, без сомнения, истолковать наше выступление турецким фанатикам и революционерам, как удар, направленный вековым врагом Турции против ее самых жизненных интересов в ту именно минуту, когда она находится в состоянии внутреннего ослабления и неблагоприятной внешней войны.

Целью такого науськивания явилось бы сосредоточение против России всей бессильной злобы, всего накопившегося негодования и чувства оскорбленности, волнующих ныне здешние народные массы. А так как с Россией можно драться на суше, — не то что с Италией, — то взрыв мусульманского изуверия и озлобления может угрожать спокойствию нашей кавказской границы.

Поэтому я не могу не приветствовать указания вашей телеграммы за № 1420 [1] об избежании резкостей при ведении рассматриваемых переговоров. Зато это ограничение вызывает принятие тех иного рода способов облегчения дела, которые выше упомянуты.

Примите и пр. Н. Чарыков.

P. S. Так как назначение министра иностранных дел и образование достаточно устойчивого кабинета может состояться на-днях, имею честь покорнейше просить о сообщении мне указаний по содержанию настоящего письма по телеграфу.

U. i. l.

№ 571. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 10 октября/27 сентября 1911 г.

Cher Анатолий Анатольевич,

Je vous remercie beaucoup de votre lettre si complète du [5 octobre] 22 septembre[2], ainsi que de la copie de celle du ministre des finances [3].

Quant à cette dernière, bien entendu je m'incline, n'ayant jamais regardé comme de ma compétence de parler des conditions de l'emprunt Seligmann. D'ailleurs Mr. Коковцов ne se déclare pas contre un emprunt Seligmann. Il se borne à repousser

[1] См. № 550.
[2] Письмо Нератова Бенкендорфу от 5 окт./22 сент. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.
[3] См. № 482.

les conditions actuelles et s'engage immédiatement dans la voie d'en proposer de nouvelles. C'est précisément, je crois, le vrai moyen.

Dans mon idée le but direct est de sortir de la situation d'obstruction où nous nous trouvons, elle aboutit à un cercle vicieux, non sans lointain danger «d'occupation». Or, parmi toutes les solutions c'est celle que j'aurais écartée définitivement, et c'est à l'écarter surtout qu'il s'agit pour moi de travailler, même au prix de quelques sacrifices. Elle constituerait une révolution complète dans notre politique, avec de nouvelles portent [1] largement ouvertes à une guerre générale. Il y en a déjà assez. Cette fois elle ne s'éviterait plus. Dans les conditions pour nous, je crains, les pires.

Ce but établi, la nécessité d'un emprunt persan en ressort. Le plus simple et politiquement le mieux serait le marché russe. Cela est impossible.

Force est de rechercher d'autres combinaisons. Je doute que la France s'y prête. Cela n'est pas dans ses notes. Si dès le début j'ai été porté pour Seligmann, c'est, entre autre, parce que plus que d'autres cette maison a un caractère international. Américaine à New York, anglaise à Londres, allemande en Allemagne, elle n'a derrière elle aucun soutien directement national. Si le gouvernement anglais voit le projet de bon œil, elle appuit [1] le projet comme moyen d'en sortir. Le caractère semi-anglais de la maison ne joue en ceci pour ainsi dire pas de rôle. Et c'est à la condition qu'elle obtienne l'appui russe aussi.

J'en dirais autant de Shuster. Il est américain, mais il n'est pas l'Amérique. En Chine les financiers et les agents américains ont un caractère politique. C'est évident. Pour la Perse, je n'y crois pas. L'Amérique ne jette pas ses yeux avides si loin. Cet ensemble me représente un caractère international, qui, à défaut d'un caractère russe, est celui que je préfère de beaucoup sous notre tutelle; qui subsiste. C'est au moins le point de vue auquel je considère les choses. Je n'en vois pas d'autre d'applicable.

L'affaire Stokes, réduite comme elle l'est, et bien entendu tout à fait temporaire, me semble avoir perdu la pointe de son importance.

Quant aux postes et télégraphes, cette affaire m'est tout à fait inconnue, et je ne vois pas pourquoi il faudrait un anglais à ce poste, si New est anglais ou américain.

Je vous parle ailleurs de la question Crète [2]. Grey objecte à la soulever de crainte d'ouvrir la porte à des questions beaucoup plus importantes. Il pense à l'Egypte évidemment, où il n'y a pas que le consul italien qui complique les choses. Il ne trouve pas que la question s'impose, parce qu'ici on n'a pas connaissance de protestation turque. A défaut de cette protestation, une démarche à trois à Rome manquerait de base obligatoire et prendrait un caractère désobligeant pour l'Italie qui irait peut être jusqu'à un refus. Il tient beaucoup à éviter l'un et l'autre. Grey répète qu'en présence des complications actuelles le mieux est de ne parler Crète que le moins possible et seulement si cela devient nécessaire. Il est évident que si les 4 consuls avaient affaire directement à une autorité ottomane, celui d'Italie aurait à s'abstenir.

J'en viens au deux crises du jour,— celle du Maroc et celle de Tripoli. L'une engendrée par l'autre peut-être plus directement qu'il n'y paraît. L'attitude Kiderlen à Berlin et l'attitude Marschall à Constantinople me paraissent nuancées de teintes un peu trop différentes. Moins que toute autre Puissance l'Allemagne redoute une complication dans les Balkans, où l'Autriche peut trouver une chance.

Quoi qu'il en soit on n'est rassuré ici ni sur l'une ni sur l'autre question. Il est évident que Tripoli est perdue pour la Turquie. Mais les points de vue turcs et italiens ne se rapprochent pas encore, et on croit à la possibilité d'une résistance passive prolongée de la Turquie, inquiétante. Quant à la négociation franco-allemande, on se méfie de la seconde question à débattre, le Congo. Il y a un mois cela eut été plus facile. Mais voici les deux esprits publics bien montés pour aborder la question finale avec le sang-froid voulu. Nicolson surtout reste inquiet.

Je lui parlerai certainement de l'agitation turque en Afghanistan. Il est dif-

---

[1] Так в оригинале.
[2] См. № 552.

ficile de...[1] en détails les résultats produits dans l'esprit musulman par les grandes questions jetées dans le monde avec une légèreté bien peu concevable. Il est vrai que c'est toujours par ceux qui y risquent le moins.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Весьма благодарен вам за ваше столь содержательное письмо от [5 октября] 22 сентября, равно как и за копию письма министра финансов.

Что касается последнего письма, то я, разумеется, подчиняюсь, так как никогда не считал, что обсуждение условий займа Зелигмана входит в мою компетенцию. Впрочем г. Коковцов не заявляет себя противником займа Зелигмана. Он ограничивается тем, что отвергает предлагаемые условия и немедленно вступает на путь предложения новых условий. Это, думаю, именно правильный путь.

По моему мнению, непосредственная цель состоит в том, чтобы выйти из положения обструкции, в котором мы находимся; оно ведет к порочному кругу, не без отдаленной опасности «оккупации». Между тем, из всех решений — это то, которое я бы отверг окончательно, и, по-моему, следует приложить все усилия к его устранению; даже ценой некоторых жертв. Оно произвело бы полный переворот в нашей политике и широко раскрыло бы новые двери для всеобщей войны. А их и так достаточно. На этот раз ее не удалось бы избежать, в условиях, боюсь, наихудших для нас.

Раз эта цель поставлена, то из этого вытекает необходимость персидского займа. Проще и политически лучше всего был бы русский рынок. Но это невозможно.

Поневоле приходится искать других комбинаций. Сомневаюсь, чтобы Франция пошла на это. Не такова ее программа. Если с самого начала я стоял за Зелигмана, то между прочим потому, что эта фирма более, чем другие, имеет международный характер. Американская в Нью-Йорке, английская в Лондоне, немецкая в Германии, она не имеет за собой никакой прямой национальной поддержки. Если английское правительство смотрит на проект благосклонно, то она поддерживает проект, как выход из положения. Полуанглийский характер фирмы не играет при этом, так сказать, никакой роли. И поставлено условие, чтобы она добилась также и русской поддержки.

То же скажу и о Шустере. Он — американец, но не Америка. В Китае [деятельность] американских финансистов и агентов носит политический характер. Это очевидно. Относительно же Персии я этого не думаю. Америка не бросает так далеко своих жадных взоров. Мне представляется, что эта комбинация носит международный характер, который за отсутствием характера русского я предпочитаю при наличии нашей опеки. Вот по крайней мере с какой точки зрения я рассматриваю эти вопросы. Я не вижу другой, более подходящей.

Дело Стокса, ослабленное, как сейчас, и, разумеется, носящее вполне преходящий характер, как будто потеряло остроту своего значения.

Что касается почт и телеграфов, то это дело мне совершенно незнакомо, и я не вижу, почему на это место требуется англичанин, если Нью англичанин или американец.

В другом письме говорю вам о критском вопросе. Грей возражает против того, чтобы он был поднят, боясь, что это открыло бы двери другим вопросам, гораздо более важным. Он очевидно думает об Египте, где положение осложняется не одним только итальянским консулом. Он не находит, чтобы этот вопрос настоятельно требовал решения, потому что здесь не знают о турецком протесте. При отсутствии такого протеста тройственное выступление в Риме не имело бы обязательной основы и приняло бы недружелюбный характер по отношению к Италии, которая, пожалуй, дошла бы до отказа. Он очень желает избежать и того, и другого. Грей повторяет, что при наличии современных осложнений лучше всего говорить о Крите как можно меньше и лишь если это станет необходимым. Ясно, что если 4 консулам придется иметь дело непосредственно с оттоманскими властями, итальянский консул должен будет воздержаться.

Перехожу к двум кризисам настоящего момента: марокканскому и триполитанскому. Один порожден другим пожалуй более непосредственно, чем это кажется. Позиция Кидерлена в Берлине и позиция Маршалла в Константинополе кажутся мне окрашенными в несколько слишком различные оттенки. Германия меньше, чем всякая другая держава, опасается осложнений на Балканах, где Австрия может найти выгоду.

Как бы то ни было, здесь нет уверенности ни по тому, ни по другому вопросу. Очевидно, что Триполи для Турции потерян. Но точки зрения Турции и Италии все еще не сближаются, и здесь считают возможным длительное пассивное сопротивление Турции, внушающее тревогу. Что касается франко-германских переговоров, то опасения относятся ко второму из вопросов, подлежащих обсуждению, т. е. к Конго. Месяц назад это было бы легче. Но сейчас общественное мнение в обеих странах слишком взвинчено для того, чтобы приступить с желательным хладнокровием к заключительному обсуждению вопроса. Особенно Никольсон не перестает беспокоиться.

[1] В оригинале неразборчивое слово.

Я, разумеется, переговорю с ним о турецкой агитации в Афганистане. Трудно в деталях,.. впечатление, которое создалось в уме мусульман вследствие важных вопросов, брошенных в мир с невообразимым легкомыслием. Правда, всегда теми, кто наименее при этом рискует.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 572. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 39. 10 октября/27 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Произнесенная третьего дня в Турине председателем совета министров речь не произвела того впечатления, которого от нее ожидали. Полагали, что она явится откликом тех чувств, которые ныне переживает страна. Надеялись, что г. Джиолитти укажет на причины, побудившие его решиться на занятие Триполи, осудит [по]ведение партии, всеми силами противившейся осуществлению единодушных требований страны, или, по крайней мере, объяснит те основания, которые удерживали его до последнего времени от уступки общественному мнению. Но г. Джиолитти, всегда избегавший блеска ораторского красноречия, остался верен себе и в данном случае. Отдел, посвященный завладению Триполи, сохраняет серьезный трезвый оттенок, которым проникнута вся речь: «Министерство было убеждено, что при обнаружившемся враждебном отношении Турции к развитию экономической деятельности Италии к Триполи[1], малейшее колебание или промедление в осуществлении занятия ее — нанесло бы непоправимый ущерб чести страны, его [1] политическому и экономическому положению». Ни слова больше. Касаясь иностранной политики, министр повторил то, что уже содержалось в программе, с которой он выступил в парламенте: «Внешняя политика руководится безусловной верностью заключенным союзам и сохранением сердечности в дружеских сношениях с остальными странами и имеет целью сохранение мира, при ревностном оберегании выгод и достоинства страны».

Незначительное место, уделенное в речи триполийским событиям и внешней политике, ясно указывает, что Джиолитти придавал главное значение своего выступления вопросам внутренней политики, в частности расширению избирательного права и монополии страхования жизни. В сказанных двух вопросах министр полемизирует со своими противниками, повторяет то, что им уже было сказано в нижней палате при внесении законопроектов о несправедливости лишения участия в политической жизни народа, «наиболее деятельные классы которого отдают своих сыновей для защиты родины и косвенными платежами несут наибольшую долю в расходах государства». Такой же декларативно-демократический отпечаток носит изложение направления внутренней политики. Я воздержусь от следования за г. Джиолитти в его экскурсии в область социальной справедливости, не решаясь утомлять внимание вашего превосходительства. Таковые, очевидно, имеют целью вернуть себе расположение социалистов, восстановленных против него походом в Триполи. Едва ли можно найти другое объяснение в желании г. Джиолитти подтвердить, что Италия настолько могущественна, чтобы осуществление назревших внутренних преобразований не было отложено из-за очередных вопросов международной жизни. Г. Джиолитти пользуется славой замечательного парламентария. Не ошибся ли он в своем расчете, выступая с речью, которой вновь восстановил против себя объявившие ему перемирие правые круги и не удовлетворил крайних левых, недовольных тем, что в речи не упомянуто вовсе о преобразовании налоговой системы, которая сняла бы с плеч земледельцев, ныне выступающего «пятого сословия», бремя налогов и перенесло [1] его на более состоятельные круги.

Текст речи прилагается при сем во французском переводе [2].

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

---

[1] Так в оригинале.
[2] Приложение не воспроизводится.

№ 573. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 10 октября/27 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Действия перед турецким портом в С.-Джиованни-ди-Медуа причинили немало беспокойств маркизу ди Сан-Джулиано. Австрийский поверенный в делах ежедневно посещал Консульту и в чрезвычайно категорических выражениях настаивал от имени графа Эренталя на сохранении Италией неприкосновенности Албанского побережья Адриатического моря. Между тем, из слов г. Боллати я имею полное основание полагать, что добросовестное выполнение итальянским правительством принятого на себя обязательства по отношению к Балканскому полуострову не подлежит сомнению. Посланная командиру «Artiglieri» маркониграмма не достигла своего назначения по случаю дурной погоды, помешавшей ее передаче, и крейсер таким образом лишь продолжал нести свою службу по охранению побережья от подвоза оружия. Боллати мне даже признался, что черногорскому королю была дана денежная взятка, чтобы обеспечить его миролюбие. Дня два спустя он оговорил впрочем, что плохо выразился и хотел сказать, что турки «задобрили» короля Николая, что у Италии нет средств для расходования на подобные цели и т. д. Мне вспомнились деньги, уплаченные Ричиотти Гарибальди, и мне показалось, что г. Боллати находился ближе к истине при своем первом заявлении.

В Консульте были весьма обеспокоены сведениями об опасности, угрожавшей итальянской колонии в Дураццо. Жалобы колонии были доставлены сюда через итальянского представителя на острове Корфу. Министр иностранных дел немедленно известил об этом берлинский кабинет, ходатайствуя о принятии Германией неотложных мер к охранению жизни и имущества итальянцев. Но до сих пор никаких дальнейших сообщений ни с острова Корфу, ни из Берлина по этому поводу не получено.

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

№ 574. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 10 октября/27 сентября 1911 г.
Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Получив телеграммы вашего превосходительства за №№ 1428 [1] и 1439 [2], я случайно встретил князя Скалеа и г. Боллати. Не касаясь содержания сказанных телеграмм, я воспользовался появившейся в газете «Le Temps» от вчерашнего числа корреспонденцией из Константинополя, чтобы узнать их мнение о сведениях, сообщаемых газетой, о состоявшемся в Константинополе совете министров. На нем было решено обратиться к посредничеству великих держав для установления условий заключения мира с Италией на основе признания турецкого суверенитета в Триполи.

Оба мои собеседника единодушно признали это условие неприемлемым: «Если бы мы могли согласиться на него до предъявления ультиматума, то в настоящее время против этого восстало бы не только общественное мнение, но и народное чувство. Ссылки на Египет, Тунис, Боснию и Герцеговину не убедительны, ибо эти провинции не были отвоеваны у Турции. Вместе с тем освобождение от верховного покровительства султана Боснии и Герцеговины обошлось Австрии столь дорого, что нам нет никакой выгоды заведомо обеспечить себе повторение подобных неприятностей. Лучше покончить с таковыми теперь же».

[1] См. № 565.
[2] См. № 567.

Я не счел необходимым донести вашему превосходительству по телеграфу мнение обоих высших чинов Консульты по этому вопросу, но упоминаю о нем, ввиду противоречия его со сведениями, исходящими от де Сельва и графа Эренталя, указанными в телеграмме за № 1428[1].

Примите и пр. Кн. Долгорукий.

№ 575. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 10 октября/27 сентября 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из целого ряда моих телеграмм и донесений вашему превосходительству угодно будет усмотреть, что итальянское правительство, приступая к занятию Триполи, действовало под давлением общественного мнения страны[2]. Пока существовала малейшая возможность не уступать ему, — и король, и г. Джиолитти противились гласу народному; они сдались только тогда, когда убедились, что нерешительность их могла вызвать осложнения во внутреннем состоянии страны. Общественное мнение продолжает и ныне тяготеть над правительством, и ему придется считаться с ним при заключении мирного договора с Турцией. Ни на какие условия, допускающие сохранение в Триполи хотя бы чисто призрачных верховных прав султана, оно не согласится, не упоминая уже об оставлении в стране турецких гарнизонов и т. п., предлагаемые нашим послом в Константинополе[3]. Быть может, условия эти вполне соответствуют местным требованиям в Оттоманской империи, но в настоящем деле, при почти-что обеспеченной победе Италии, приходится исключительно руководствоваться волей победителя.

По тем сведениям, которыми я располагаю, Италия, вероятно, далее уплаты денежного вознаграждения, включая в таковое согласие на 4% увеличение ввозных пошлин, не пойдет. И если она решится уплатить таковое, то только в виде выкупа казенных и вакуфных имуществ, желая избежать экономические последствия возможного бойкота итальянских товаров в Турции и т. п. Не исключены, впрочем, некоторые второстепенные уступки, вроде условного, по примеру Австрии, согласия на отмену капитуляций. Удачные действия итальянского флота, прославляемые как блестящие победы, несомненно, вскружат головы итальянцам. Маркиз ди Сан-Джулиано хвалит итальянских моряков как первых стрелков в мире, не потративших до сих пор зря ни одного снаряда. Теперь уже не идет более речь ни в печати, ни в общественных кругах о «выкупе» Триполи. В Триполи, как говорят, — отступая на 15 столетий назад, — Италия вернется в «свои собственные владения», «она не приобретет новой колонии, а только возвратит себе потерянную провинцию». При существующей опасности заражения масс подобными крылатыми словами и обнаруженной ныне еще более силе в Италии общественного мнения, чрезвычайно опасно было бы возбуждать надежды в Константинополе, неосуществление которых едва ли будет способствовать упрочению нашего влияния на Босфоре.

Примите и пр. Кн. Долгорукий.

№ 576. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 10 октября/27 сентября 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Предъявление Италией ультиматума Турции поразило своей неожиданностью само королевское правительство, пожалуй не менее других. «Мы были застигнуты врасплох», сказал мне г. Боллати, умалчивая о том, что вызвало

---

[1] См. № 565.

[2] См. №№ 467, 476, 572 и 574.

[3] См. № 516.

столь внезапное решение и желая оправдать в моих глазах медленность снаряжения экспедиционного корпуса. Предлогом к поспешному выступлению Италии было выдвинуть отправление турецкого транспорта «Дерна» в триполийские воды. Но я имею основание полагать, что решающее влияние на поспешность королевского правительства оказало неожиданное для него поведение Германии. Дня за два до предъявления Италией ультиматума, Консульту посетил германский поверенный в делах и передал от имени Турции предложения, появившиеся затем в ответе Порты на итальянскую ноту [1]. Хотя князь Штольберг-Вернигероде ограничился простой передачей турецких пожеланий, отнюдь не подкрепляя их авторитетной поддержкой своего правительства, на Консульту, повидимому, вмешательство Германии произвело впечатление. Князю Штольбергу было отвечено, что предложения Турции являются запоздалыми и что, независимо от этого, они не могли бы быть приняты, так как не удовлетворяют интересам Италии. Но в целях избежания повторения подобных шагов было решено действовать безотлагательно. Ультиматум был наскоро составлен и послан Турции.

Выходка Германии настолько не удовлетворила Консульту, что ее стараются отрицать, даже после указания на нее в телеграмме, посланной султану германским императором. В то же время усиленно подчеркивают сочувственное отношение союзницы к действиям Италии, нашедшее выражение в известном вашему превосходительству сообщении Wolff Bureau. Случайно узнав от Боллати, с какой целью его посетил германский поверенный в делах, я коснулся этого инцидента в беседе с маркизом ди Сан-Джулиано; последний неохотно заметил, что «ce n'était qu'une simple conversation» [2] и заговорил о другом.

Триполийское предприятие зародилось в Banco di Roma, имеющем тесные связи с Ватиканом и являющемся единственным представителем более значительных интересов Италии в Триполи. Оно встретило горячую поддержку в кружках националистов, о котором я имел честь упоминать в донесении за № 65 от 20/7 декабря 1910 г. [3], и завершилось преждевременно, вследствие вмешательства Германии.

Примите и пр. Кн. Долгорукий.

№ 577. Поверенный в делах [4] при Ватикане временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 28. 10 октября/27 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Война, возникшая между Италией и Турцией из-за Триполи, не может не интересовать Ватикана. Формально он непричастен к конфликту. Кардинал, статс-секретарь, беседуя со мной в минувшую пятницу [5], усиленно подчеркивал эту непричастность и одновременно развивал мысль об особой щекотливости того положения, в которое поставлен св. престол [6].

---

[1] См. № 475.

[2] «это был только простой разговор».

[3] Деп. от 20/7 дек. 1910 г. за № 65 Долгорукий сообщал о «конгрессе националистов», созванном во Флоренции для того, чтобы «потолковать о широких задачах, преследуемых Италией для скрепления ее единения и усиления ее могущества». Участники конгресса, между прочим, подвергли осуждению «сделанное недавно в парламенте заявление о желательности ненарушения целостности Оттоманской империи, ибо в нем усмотрено отречение от идеалов водворения в Триполи, лелеемых итальянской молодежью».

[4] Тел. от 21/8 июля (без номера) росс. посланник при Ватикане Булацель уведомил, что, уходя в отпуск, он передает управление миссией Волконскому.

[5] 6 окт./23 сентября.

[6] Деп. от 24/11 окт. за № 29 Булацель сообщал, что кардинал Винченцо Ваннутелли выступил на одном торжестве с речью «совершенно патриотической окраски, не гармонирующей конечно с тем строго нейтральным положением, которого решила придерживаться на время конфликта римская курия». В официозном органе курии «Osservatore Romano» 20/7 окт. была напечатана статья, выражавшая порицание подобным выступлениям и заявлявшая о непричастности Ватикана к конфликту. Как писал Булацель, Ватикану необходимо было заявить о своем нейтралитете «в столь категорической и официозной форме» для того, чтобы не дать турец. прав-ву повода притеснять католические учреждения в Турции, а также и потому, что в Риме начал заседать впервые созванный там синод армяно-католических епископов.

Вместе с тем кардинал Мерри дель Валь указывал на отсутствие необходимости для римской курии выступить, по примеру других правительств, с особым заявлением о нейтралитете. Подобное заявление могло бы иметь значение при существовании папской области, хотя бы по отношению к порту Чивита-Веккии, но оно является ненужным при теперешнем положении вещей. Соблюдаемый св. престолом строгий нейтралитет ныне становится чисто духовным.

Таковы были слова папского статс-секретаря. Но общественное мнение единодушно признает заинтересованность курии в теперешнем кризисе и почти нераздельно приписывает ей на этот раз определенные итальянские симпатии. Это довольно понятно, ибо, прежде всего, здешнему духовенству нельзя поставить в упрек отсутствие патриотизма, когда речь идет о вопросах внешней политики. Далее, Ватикан может ожидать лишь успеха для своей деятельности в Триполи, если полумесяц заменен будет Савойским крестом: королевское правительство, подобно республиканскому французскому, не очень склонно делать из антиклерикализма предмет экспорта. Поэтому существующей в Триполи францисканской миссии, во главе коей стоит апостолический префект Россети, недавно побывавший в Риме и доблестно вернувшийся на свой пост, несомненно суждено большое развитие в случае перехода области в итальянские руки.

Но едва ли не самым главным грузом на чаше весов является известная связь Ватикана с Banco di Roma. Достаточно вспомнить то обстоятельство, сообщенное вашему превосходительству в донесении действительного статского советника Булацеля от 14/1 марта сего года, за № 6 [1], что во главе названного учреждения стоит г. Эрнест Пачелли, представитель клерикального Рима, дядя восходящего светила ватиканской дипломатии, монсиньора Евгения Пачелли. Значительность же роли этого банка в нынешнем конфликте настолько очевидна, что даже переоценивается в здешнем общественном мнении, доходящем до утверждения, будто война вызвана именно деятельностью руководителей Banco di Roma.

Во всяком случае, означенное финансовое учреждение, являющееся пока совершенно итальянским, независимым от иностранных капиталов, очень заинтересовано вообще на Востоке и специально в Триполи. Из частного источника я узнал, что оно в названной области имеет целую сеть отделений и владеет 60 кв. километрами земли. Оно занимается там крупными предприятиями, как-то: мукомольным делом, обслуживанием триполитанского побережья, пароходными сообщениями и т. д. Характер его отношения к возникшей войне освещается тем фактом, что г. Э. Пачелли посулил служащим банка сумму в полмиллиона «наградных» на случай победоносного исхода экспедиции. Директор главного местного отделения все это время оставался подле Триполи, помощник же его приезжал в Рим и, насколько мне довелось слышать, собирался отправиться обратно с таким расчетом, чтобы сего числа могла уже вновь быть открыта триполийская контора. В критические дни она естественно, подобно францисканской миссии, должна была находиться под немецким покровительством.

В заключение позволю себе высказать мысль, что удачный результат итальянского военного предприятия доставил бы здешнему клерикальному миру возможность сочетания земных приобретений с соблюдением духовного нейтралитета.

Примите и пр.

Кн. Волконский.

№ 578. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 154. — 10 октября/27 сентября 1911 г.

Сербский посланник в Константинополе сообщает сюда, что Портой получено известие о том, будто бы за последние дни король Фердинанд неоднократно совещался с графом Эренталем в Вене, и что турецкие правящие сферы крайне встре-

[1] Содержание депеши Булацеля от 14/1 марта за № 6 в основном исчерпывается публикуемым документом.

вожены этим, опасаясь агрессивных замыслов со стороны Болгарии, поощряемой Австрией. Возможно, что вследствие сего и были приняты оттоманским правительством меры к мобилизации в Адрианопольском вилайете [1]. Знаменательно, что Гешов, который, согласно условию, должен был еще в субботу [2] проехать через Белград для свидания с Миловановичем, продолжает пребывать у Эренталя [3].

Гартвиг.

№ 579. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1450 [4]. 11 октября/28 сентября 1911 г.

Секретно.

Ссылаюсь на письмо № 632 [5].

Чарыков начал подготовительные шаги и доверительно объяснился с французским послом, который признал своевременность возбуждения переговоров как о железных дорогах, так и о проливах. Бомпар признает необходимой солидарность Великобритании [6]. Это наводит на мысль, что, быть может, между Францией и Англией существует особый уговор по вопросу о проливах. Если в ваших переговорах с французским правительством возможно осветить эту сторону дела, благоволите телеграфировать для дальнейших инструкций Чарыкову.

Нератов.

№ 580. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Берлине Остен-Сакену.

Телеграмма № 1452. 11 октября/28 сентября 1911 г.

Сообщается в Константинополь и Тегеран.

В «Новом времени» недавно были помещены телеграммы из Константинополя, обвиняющие Германию в том, что она втайне побуждает Турцию искать в Персии компенсации за свои неудачи в других местах.

Бывший у меня третьего дня германский поверенный в делах сказал мне, что, хотя и будучи убежден в полной неосновательности этого известия, он все же снесся со своим правительством по этому поводу и получил теперь предписание самым категорическим образом заявить мне, что это известие является сплошным вымыслом и что никаких подобных шагов Германия не предпринимала и предпринимать не намерена.

Благоволите при первом же удобном случае выразить министру иностранных дел искреннюю признательность императорского правительства за такое открытое и дружеское заверение.

Нератов.

№ 581. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1455 [7]. 11 октября/28 сентября 1911 г.

Секретно.

Сообщается в Константинополь.

По поручению де Сельва, французский поверенный в делах запросил меня о значении объяснений Чарыкова с Бомпаром о проливах [6]. Я ему указал на особое

---

[1] См. № 566.
[2] 7 окт./24 сентября.
[3] См. № 512.
[4] Опубл. М., стр. 118.
[5] См. № 532.
[6] См. № 564.
[7] Опубл. М., стр. 119.

для нас значение проливов, на необходимость обеспечения наших интересов в проливах и на особую важность для нас сохранения в настоящее время турецкого на них суверенитета. Признавая желательным установить нашу точку зрения прежде всего пред французским правительством, мы обратились через вас к парижскому кабинету с целью ознакомиться с его отношением к вопросу, в убеждении, что Франция сочувственно отзовется на наше желание о признании наших особых интересов в вопросе о проливах.

Затем уже нам предстоит обсудить вопрос о дальнейшем направлении дела, причем имелось в виду сперва зондировать константинопольскую почву при поддержке Франции по частному вопросу о праве прохода русских военных судов чрез проливы. Поднимать теперь какие-либо принципиальные вопросы, связанные с пересмотром трактатов, мы не предполагаем, а лишь стремимся к улучшению нашего фактического положения, не нанося ущерба другим державам. До обращения к последним мы считали себя обязанными заручиться полным содействием Франции.

Панафье, соглашаясь с принципом наших особых интересов в деле проливов, высказал, между прочим, что окончательное разрешение вопроса встретило бы теперь затруднения, но что, быть может, ввиду наших дружеских отношений с Англией, некоторое движение дела в смысле нашего желания было бы осуществимо.

Нератов.

№ 582. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1456 [1] — 11 октября/28 сентября 1911 г.

Сообщается в Лондон, Берлин, Вену, Рим и Константинополь.

Французский поверенный в делах передал мне просьбу де Сельва сообщить ему наш взгляд на мысль, высказанную в воскресенье [2] Кидерленом французскому послу в Берлине, о возможности для держав выступить с посредничеством лишь когда Италия выполнит свое намерение оккупации Триполи, и притом одновременно обратиться как к итальянскому, так и к турецкому правительствам.

Я ответил, что не видел бы особых неудобств зондировать Италию и раньше полной оккупации на основаниях турецкого предложения, но если остальные державы сочтут предпочтительным отложить всякое вмешательство до указанного момента, то мы присоединимся к их шагам, отнюдь не беря на себя однако инициативы обращения в Константинополь, каковую инициативу [3], а также и ответственность за отклонение турецкого ходатайства о немедленном возбуждении переговоров, принимает, повидимому, на себя, по словам Панафье, германское правительство [4].

Впрочем, прибавил я, предложения в изложенном смысле мы из Берлина не получили [5].

Нератов.

---

[1] Опубл. Stieve, I, S. 159, N 139.

[2] 8 окт./25 сентября.

[3] У Stieve слова: «обращения в Константинополь, каковую инициативу» опущены.

[4] У Stieve слова: «принимает, повидимому..., германское правительство» опущены.

[5] Тел. от 13 окт./30 сент. за № 142 Извольский ответил, что, по мнению де Сельва, итал. прав-во «очевидно намерено прежде всего выполнить оккупацию и что при таких условиях немедленное посредничество вряд ли будет успешно». Титтони, на сделанный им по просьбе Извольского запрос в Рим, получил ответ, «что Италия абсолютно решилась настоять на полном присоединении Триполи, дабы избежать в будущем затруднений и кривиса вроде боснийского».

№ 583. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 11 октября/28 сентября 1911 г.

Cher Анатолий Анатольевич,

J'ai reçu votre télégramme concernant votre entretien avec Lucius [1]. J'ai vu hier soir Cambon et Tewfik. Voici quelques détails que je tiens des deux, séparément. Il paraitrait que c'est en effet Mr. de Marschall qui a suggéré la dernière démarche turque, que la Turquie ne s'y est prêtée qu'avec peine et à condition de la rédaction vague que vous connaissez [2]. Là-dessus Mr. de Kiderlen aurait chargé tous les ambassadeurs d'Allemagne de demander l'opinion des Puissances. Mais pour le Cabinet de Rome, il aurait été plus loin et suggéré directement à l'Italie la proposition d'un armistice pour les pourparlers directs entre la Turquie et l'Italie en terrain neutre — Malte. Pendant l'armistice, Tripoli entourée d'une bande de territoire, mais non pas toute la Tripolitaine, resterait occupée par l'Italie.

Je ne puis vous garantir l'absolue exactitude de tout ceci, quoique Cambon s'appuie sur une lettre de son frère. D'ailleurs quand cette lettre vous parviendra, cela sera de l'histoire ancienne.

L'ambassadeur de Turquie à Berlin aurait fait un accueil plutôt favorable, quoique nullement empressé, aux ouvertures de Mr. Kiderlen. Tewfik, au contraire, déclare qu'un pareil armistice, sans bases plus précises, est inacceptable pour la Turquie. Il continue à dire: «Nous ne pourrons pas céder. Cela traînera». Au sujet de l'activité allemande Tewfik dit: c'est pour jouer le grand rôle à Constantinople. C'est une erreur de jugement.

A Londres, au contraire, on croit que c'est user le prestige, d'agir avant qu'on eût bonne chance de réussir. Tant pour l'Angleterre que pour la Russie et la France.

J'ajoute ceci en dernière minute.

Avec mille compliments bien sincères

Benckendorff.

Les renseignements contenus au début de cette lettre sont contenus dans un télégramme de Mr. Jules Cambon à Mr. de Selves, rendant compte des propres paroles de Mr. de Kiderlen. Je viens de voir le télégramme.

Перевод.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Получил вашу телеграмму, касающуюся вашей беседы с Люциусом. Вчера виделся с Камбоном и Тевфиком. Вот некоторые подробности, которые я узнал от каждого из них в отдельности. Последний турецкий демарш, повидимому, был действительно внушен Маршаллом, и Турция согласилась на него лишь с трудом и при условии известной вам неопределенной редакции. После этого г. Кидерлен якобы поручил всем германским послам запросить мнение держав. Однако по отношению к римскому кабинету он пошел дальше и прямо посоветовал Италии предложить перемирие для ведения непосредственных переговоров между Турцией и Италией на нейтральной почве — в Мальте. Триполи и окружающая его полоса территории, но не вся Триполитания, на время перемирия остались бы оккупированными Италией.

Не могу поручиться вам за безусловную верность всего этого, хотя Камбон и ссылается на письмо своего брата. Впрочем, когда это письмо до вас дойдет, все это станет уже древней историей.

Турецкий посол в Берлине, будто бы, довольно благосклонно принял предложение г. Кидерлена, хотя отнюдь не восторженно. Тевфик, напротив, заявляет, что подобное перемирие, без более конкретных оснований, неприемлемо для Турции. Он продолжает говорить: «Мы не сможем уступить, это затянется». По поводу действий Германии Тевфик говорит: это для того, чтобы играть главную роль в Константинополе. Это ошибочное суждение.

В Лондоне, наоборот, полагают, что действовать, не имея шансов на успех, значит уменьшать свой престиж. Это относится так же к Англии, как и к России и к Франции.

Добавляю это в последнюю минуту.

Тысяча искренних приветствий. Бенкендорф.

---

[1] См. № 567.
[2] См. № 565.

Сведения, указанные в начале этого письма, содержатся в телеграмме г. Жюля Камбона к г. де Сельву, в которой переданы подлинные слова г. Кидерлена. Я только-что видел эту телеграмму.

№ 584. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Письмо. 11 октября/28 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Я только-что сообщил вам по телеграфу, что соглашение о Марокко достигнуто, наконец, по всем пунктам [1]; дабы закрепить его и уточнить толкование некоторых параграфов, между Камбоном и Кидерленом состоится на-днях обмен писем; вслед за сим будет тотчас приступлено к переговорам о Конго.

Как вам уже известно из моих телеграмм [2], к сожалению, эта вторая часть переговоров сильно осложняется возникшей здесь в печати и политических кругах деятельной агитацией против территориальных компенсаций в пользу Германии; два или даже три месяца тому назад предположенные территориальные уступки не возбуждали серьезных протестов, и если бы г. Кидерлен не затянул понапрасну переговоров, вопрос этот был бы, вероятно, уже улажен, и притом в благоприятном для Германии смысле. Но возбужденные им приостановки, препятствия и придирки в сильнейшей степени раздражили здешнее общественное мнение и способствовали возникновению вышесказанной кампании, в которой принимают участие выдающиеся политические деятели вроде Клемансо, Бриана, Дешанеля и других. В особом донесении [3] мной изложены пожелания и решения только-что состоявшегося в Ниме конгресса радикальной и радикально-социалистической партий, т. е. именно тех партий, на которые опирается в парламенте кабинет г. Кайо: конгресс этот вполне категорически высказался против уступки Германии правого берега реки Конго и, в особенности, разъединения южной части колонии Конго (Габон) с северной ее частью (Убанги-Чад). Решение это формально противоречит сделанным французским правительством Германии предложениям и ставит гг. Кайо и де Сельва в крайне затруднительное положение. Под давлением этой агитации, г. де Сельв стремится теперь внести в свои первоначальные предложения касательно Конго некоторые существенные изменения. Вчера вечером г. Камбону отправлены письменные инструкции, в которых ему предписывается настоять на выделении особой «нейтральной» зоны, которая обеспечила бы связь Габона с территорией Убанги-Чад. Таким образом, переговоры о второй части франкогерманского соглашения открываются, повидимому, при весьма неблагоприятных условиях. Даже если предположить, что г. Кидерлен пойдет навстречу этому предложению, спрашивается, удовольствуется ли французское общественное мнение подобным разрешением вопроса. Положение еще более осложняется тем, что вскоре предстоит открытие сессии парламента; г. де Сельв сказал мне, что, несмотря на все свое желание по возможности отсрочить это открытие, правительству, вероятно, придется созвать палаты в последних числах октября или в самых первых — ноября нов. ст. Если до этого времени переговоры не будут окончены, это может оказать очень неблагоприятное влияние на их исход. Во всяком случае, следует ожидать самых резких нападок в парламенте против кабинета г. Кайо по поводу марокского вопроса; по слухам, во главе противников последнего выступят такие сильные борцы, как Клемансо и Бриан; г. де Сельв всем этим крайне озабочен и не скрывает своих опасений перед ожидающими его трудностями.

Примите и пр.

Извольский.

---

[1] Имеется в виду тел. от 11 окт./28 сент. за № 139 (опубл. Stieve, I, S. 157, N 136), содержание которой изложено в публикуемом документе.

[2] См. № 553.

[3] Содержание части указанного донесения от 12 окт./29 сент. за № 73, посвященной вопросу внешней политики, изложено в публикуемом документе.

№ 585. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [1]. 11 октября/28 сентября 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Спешу уведомить вас об исправном получении мной ваших секретных писем за №№ 631 [2], 632 [3] и 990 [4] и поблагодарить вас за содержащиеся в них обстоятельные указания по различным вопросам, относительно коих желательно заручиться обязательствами со стороны Франции, в связи с приближающимися к окончанию переговорами о Марокко и с нынешним общим политическим положением.

Дабы не терять времени, я воспользовался сегодняшним моим свиданием с г. де Сельвом, чтобы изложить ему в общих чертах схему наших пожеланий. Напомнив ему о неизменно дружеском отношении нашем ко всем начинаниям Франции в области марокского вопроса и об оказываемой нами французскому правительству деятельной дипломатической помощи в настоящих его затруднениях, я высказал, что и мы рассчитываем на внимательное и сочувственное отношение Франции к различным вопросам, в которых она мало заинтересована, мы же имеем существенные интересы. Вслед за сим я изложил ему все затронутые в вышесказанных письмах ваших пункты. Начав с наиболее важного и трудного вопроса о проливах, я высказал ему, что хотя мне ничего неизвестно о времени, когда вопрос этот может быть нами поднят, мне предписано ныне же обратить на него внимание французского правительства. «За последнее время, — сказал я, — в Европе и в особенности в бассейне Средиземного моря произошли весьма существенные политические изменения: Франция утверждает свое владычество над Марокко; Италия приобретает Триполи и Киренаику; Англия укрепляет свое положение в Египте и, как видно из распоряжения о нейтралитете этой страны во время турецко-итальянской войны, не стесняется соображениями об юридической принадлежности ее к Оттоманской империи. Что касается до нас, то, не будучи прямо заинтересованы в этих вопросах и руководствуясь общим характером наших отношений к Франции, Англии и Италии, мы относимся вполне сочувственно ко всем этим действиям и, кроме того, прилагаем самые бескорыстные усилия к тому, чтобы удержать от воинственных выступлений балканские государства. Но мы обязаны также подумать о собственных наших интересах и о том, чтобы избавиться от наложенных на нас при других обстоятельствах и ныне совершенно устарелых стеснений. Три года тому назад, во время кризиса, вызванного аннексией Боснии и Герцеговины, мы получили от Франции самые определенные уверения, что в вопросе о проливах мы можем рассчитывать на ее сочувствие, но в то время мы добровольно отказались поднять этот вопрос, дабы не осложнять положения и не подвергать опасности всеобщего мира. Мы, конечно, ни минуты не сомневаемся, что и в будущем нам обеспечено сочувственное отношение Франции в этом вопросе, тем более, что появление нашего Черноморского флота в Средиземном море может лишь усилить положение французских морских сил в этих водах. Тем не менее, ввиду совершающихся ныне на этом театре формальных перемен, нам необходимо озаботиться о таком же формальном закреплении наших прав и интересов. Мы надеемся поэтому, что французское правительство не откажет так или иначе оформить свое отношение к шагам, которые мы найдем нужным рано или поздно предпринять касательно проливов и прилегающей к ним территории».

Приблизительно столь же подробно я изложил г. де Сельву наши пожелания относительно вопросов о железных дорогах в Азиатской Турции, о правах Восточной Китайской железной дороги, о капитуляциях в Манчжурии, о Монголии и Китайском Туркестане и, наконец, о китайском займе.

---

[1] Опубл. М., стр. 119.
[2] См. № 531.
[3] См. № 532.
[4] См. № 533.

Г. де Сельв весьма внимательно меня выслушал и, не входя в ближайшее рассмотрение затронутых мной вопросов, заявил мне, что он самым искренним образом готов обсудить со мной эти вопросы. Он прибавил, что ему уже известно от своего представителя в Петербурге, что мы озабочены разрешением вопроса о проливах, и что он вполне оценивает силу выставленных мной аргументов.

Принимая во внимание весьма малое знакомство г. де Сельва с вопросами внешней политики, я ограничился покуда вышеизложенным общим разговором; через некоторое время я намерен опять вернуться к этой теме и выступить с более конкретными пожеланиями, причем момент для подобного выступления надо будет выбрать в зависимости от хода франко-германских переговоров и развития триполитанского столкновения.

Примите и пр. Извольский.

P.S. 12 октября/29 сентября 1911 года.

В последнюю минуту перед отправлением курьера я получил ваши телеграммы №№ 1450 [1] и 1455 [2] по вопросу о проливах. Постараюсь завтра же увидеться с де Сельвом и о результате разговора с ним сообщу вам по телеграфу.

Ut in litteris Извольский.

№ 586. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 11 октября/28 сентября 1911 г.

Личное.

Многоуважаемый Анатолий Анатольевич,

По окончании нашего разговора, на первом моем свидании по возвращении в Вену [3], Эренталь просил у меня разрешения сказать мне доверительно два слова и уже не как к послу, а лично Н. Н. Гирсу. Он сказал мне, что речь государя императора, произнесенная на торжественном обеде в честь короля сербского [4], произвела тяжелое впечатление на престарелого императора Франца-Иосифа и на него, тем более, что она несла [5] политический характер и была составлена вероятно при сотрудничестве нашего министерства иностранных дел.

Враждебно относящиеся к Австро-Венгрии партии, пресса и дипломаты в Сербии увидели в ней поощрение для будущего, исполнения несбыточных вожделений, тем более, что наша миссия поддерживает в стране недоверие к Австро-Венгрии.

Я ответил графу Эренталю, что никак не могу разделить его мнения; речь его императорского величества несла [5] вполне понятный сердечный характер, не имела никакой задней мысли подстрекательства против Австро-Венгрии, с которой Россия находится в совершенно корректных отношениях; насчет нашей миссии я имел уже случай объясниться с ним и не желаю больше возвращаться к этому вопросу. Этим я прекратил дальнейший разговор на эту тему.

Я нашел, что у Эренталя болезненный вид, он с трудом владеет своими нервами, хотя старается быть очень любезным. Состояние его здоровья ухудшилось в последнее время.

Галицкий губернатор Бобржинский раздражает также постоянно Эренталя, обвиняя Россию и графа Бобринского в самых черных замыслах. В виде образчика

[1] См. № 579.

[2] См. № 581.

[3] См. № 522.

[4] В речи, произнесенной 1 сент./19 авг. в Петергофе в честь прибытия Петра сербского на свадьбу своей дочери с князем Иоанном Константиновичем, Николай II между прочим сказал: «Это счастливое семейное событие несомненно послужит к дальнейшему укреплению уз близкой и тесной дружбы, соединяющих наши единоплеменные народы, и явится ценным и лучшим залогом мирного развития и процветания сербского королевства в единении с братской Россией».

[5] Так в оригинале.

мнения Бобржинского прилагаю при сем статью «Reichspost» [1], главного органа партии христианско-социалистической прогрессивной партии.

Считаю также долгом обратить внимание на крайне недоброжелательные чувства по отношению к нашей армии князя фон Гогенлоэ Вальденбург Шиллингсфюрста, благодаря чему эрцгерцог Франц-Фердинанд не был особенно любезен по отношению к полковнику М. И. Занкевичу во время маневров. В своем донесении на имя главного штаба наш военный агент упоминает об этом.

Мой бедный турецкий коллега Решид-паша, замечательно порядочная личность, вероятно поплатится своим посольством за отказ принять портфель министра иностранных дел.

По мнению Гешова, Ассим-бей, турецкий посланник в Софии, чрезмерно нервный человек, раздражительный, и выбор его не очень удачный.

По многим вопросам касательно турецко-австрийских отношений я разделяю мнение Свечина, а не Чарыкова. Про Гартвига и говорить нечего, он может вовлечь нас в крайне опасную игру и окончательно поссорить с Австрией. Без того уже мое положение не из легких.

Поверенный в делах Крупенский принужден был дважды объяснить второму департаменту, что благодаря беспечности графа Бреверна текущие дела находятся в большом беспорядке, не записываются и исполнение их замедляется. Позволяю себе повторительно просить назначить мне в скорейшем времени работоспособного первого секретаря, здесь он более чем где-либо необходим. Я уже согласился на назначение Волконского.

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 587. Поверенный в делах в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 68 [2]. 11 октября/28 сентября 1911 г.

Получил телеграмму № 1438 [3]. Ссылаюсь на мою телеграмму № 67 [4].

Тодоров искренно благодарит за порученное послу в Константинополе выступление касательно необходимости прекращения мобилизации в Адрианопольском вилайете. Он сообщил мне, что решено выждать результата сказанного выступления, и, в случае неудовлетворительного ответа Порты, произвести мобилизацию артиллерии, на что нужно две недели, тогда как остальные войска мобилизируются в шесть дней. Настроение правительства спокойно, но оно, повидимому, готово ко всяким осложнениям и вовсе не боится их. Тодоров дал мне уверение, что Болгария первая не начнет военных действий против Турции, но высказал уверенность, что она сумеет дать отпор, а совместно с Сербией, Черногорией и Грецией несомненно уничтожит турок; в таком случае помощь, ожидаемая от России, сводилась бы к нейтрализации Румынии. До сих пор с Грецией, несмотря на старания греческого посланника, никакого соглашения не существует [5]. Завтра возвращается Гешов и сообщит о результатах поездки Ризова в Белград. Настроение в обществе и политических и военных кругах весьма приподнятое; оппозиция очень довольна наступившими осложнениями, ждет или войны, или падения коалиционного кабинета и замены его Радославовым. Турецкий поверенный в делах крайне обеспокоен слухами о готовящейся мобилизации болгарской армии и опасается, что факт этот послужит в Константинополе сигналом к войне. По последним известиям Сарафов получил от Порты заявления вполне благоприятного и успокоительного свойства. Положение остается, тем не менее, крайне тревожным, и осложнения на почве болгаро-турецкой неприязни могут возникнуть и разростись.

Урусов.

---

[1] Приложение не воспроизводится.
[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 25.
[3] См. № 566.
[4] См. № 569.
[5] Ср. № 496.

№ 588. Поверенный в делах в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 69 [1]. 11 октября/28 сентября 1911 г.

По приказанию военного министра, главный интендант армии генерал Диков обратился ко мне со следующим заявлением: болгарская армия нуждается в 200 000 шинелях и в 150 000 пар сапог. Не может ли она получить эти вещи в самом непродолжительном времени распоряжением российского главного интендантства от законтрактованных им поставщиков. В случае, если нужное количество не находится у поставщиков в готовом виде, не будет ли возможно получить означенные выше предметы из вещевых складов интендантства. Ввиду настоятельной нужды в означенных вещах и в случае отказа с нашей стороны, Болгария принуждена будет обратиться с подобной просьбой к Австрии. Кроме того, Болгарии нужны тысячи две ремонтных лошадей. Может ли она рассчитывать получить их из России при посредстве российских ремонтных комиссий. Считал бы крайне желательным в настоящую минуту оказать просимую помощь Болгарии, так как обращение ее к Австрии может быть использовано последней в своих видах, как доказательство приготовлений Болгарии к войне [2].

Урусов.

№ 589. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 155. 11 октября/28 сентября 1911 г.

Милованович, в течение пяти дней ожидавший, согласно уговору, проезда Гешова через Белград в целях обмена взглядами относительно сербо-болгарского соглашения, к удивлению своему узнал, что Гешов вчера вечером проехал без предупреждения в Софию.

Гартвиг.

№ 590. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 621. 11 октября/28 сентября 1911 г.

Продолжение моих телеграмм №№ 616 [3] и 620 [4]. Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1420 [5] и на мои письма [7 октября] 24 и [9 октября] 26 сентября [6], которые получите в пятницу [7].

Продолжаю подготовительные шаги. Окажется вероятно необходимым по местным обстоятельствам, а также ввиду ожидаемого возобновления прений

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 26.

[2] Препровождая публикуемую тел. Сухомлинову при письме от 12 окт./29 сент. за № 644 (опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 28), Нератов писал, что, по его мнению, «представляется весьма желательным удовлетворить сказанные ходатайства, во избежание обращения Болгарии с той же просьбой к Австрии, что, как справедливо указывает князь Урусов, легко могло бы быть использовано последней во враждебных нам целях».

Письмом от 14/1 окт. за № 2296 Сухомлинов ответил о своей готовности «во всякое время» удовлетворить просьбу болг. прав-ва относительно отпуска шинелей и сапог. Относительно же покупки лошадей, Сухомлинов считал, что, так как «в будущем 1912 г. предстоят огромные закупки лошадей для надобностей нашей армии, представлялось бы более удобным, если бы срок покупки лошадей для Болгарии был назначен не ранее 1913 г.; тем не менее, со стороны военного министерства будут приняты все меры к тому, чтобы оказать болгарскому правительству полное содействие даже и в том случае, если придется производить покупку в текущем или будущем году». Тел. от 17/4 окт. за № 1525 Нератов передал Урусову ответ воен. м-ра.

[3] См. № 564.

[4] См. стр. 116, прим. 5.

[5] См. № 550.

[6] См. №№ 556 и 570.

[7] 13 окт./30 сентября. Указанные письма были получены в б. м-ве ин. дел 12 окт./29 сентября.

о честеровском проекте [1], сделать сообщение ранее субботы [2], когда уже откроется парламент. Ввиду такой краткости времени, исключающей возможность получить от вас полные ответы на мои два письма и вместе с тем, дабы не присвоить нашему сообщению характера резких и бесповоротных настояний, предполагаю придать ему форму письма, излагающего конфиденциально лишь мое личное мнение о содержании русско-турецкого соглашения великому визирю. Мое письмо подлежало бы, может быть, с заключениями великого визиря препровождению на ваше усмотрение. Кроме намеченных статей с редакционными вариантами я намерен упомянуть и о капитуляциях, а равно об экономических проектах, ввиду известных германо-итальянских намерений [3].

Чарыков.

№ 591. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 622 [4]. 11 октября/28 сентября 1911 г. [5]

Секретно.

Ссылаюсь на ваше письмо от [9 сентября] 27 августа № 651 [6].

Ввиду крайней желательности не обострять наших здешних отношений с Германией, казалось бы уместным предупредить теперь же совсем доверительно берлинский кабинет, что с русской стороны будет сделано на-днях здесь сообщение, пока лишь в конфиденциальной и частной форме, об установлении русско-турецкого соглашения, касающегося главным образом малоазиатских железных дорог и специальных интересов России в проливах. Так как благодаря первому упраздняются затруднения, установленные российско-турецким соглашением 1900 г. для германской железнодорожной предприимчивости на всем пространстве к западу от Сиваса, то заключение этого соглашения должно было бы представляться желательным для Германии и могло бы рассчитывать на германскую нравственную поддержку, тем более, что оно вообще соответствует германским обещаниям, упомянутым в вашем письме № 651. Равным образом, признание специальных интересов России в проливах не должно бы встретить противодействие в Берлине. Если турки, обратившись к Германии за советом, встретят по обоим этим вопросам ее сочувственное к России отношение, шансы на мирное достижение намеченной императорским правительством цели значительно увеличатся.

Чарыков.

№ 592. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1458. 12 октября/29 сентября 1911 г.

Ссылаюсь на телеграмму Голубинова [7] и на свою за № 1437 [8].

---

[1] См. № 96.

[2] 14/1 октября.

[3] См. стр. 116, прим. 5.

[4] Тел. бланк.

[5] Дата поставлена по черновому отпуску, хранящемуся в делах б. росс. пос-ва в К-поле. Тел. бланк датирован 13 окт./30 сентября.

[6] См. № 406.

[7] Тел. от 9 окт./26 сент. за № 175 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 169) вице-консул в Урмии Голубинов сообщал о том, что «положение дел в Урмийском округе с каждым днем ухудшается. В Хое полная анархия». «Представляется крайне необходимым увеличить консульский конвой пулеметной командой».

[8] В тел. от 4 окт./21 сент. за № 503 ген. консул в Тавризе А. Миллер сообщал, что по полученным сведениям курды Мукры «двинулись по приглашению тавризского энджумена и по совету турок на Марагу, дабы отвлечь Шоджа-эд-Доуле от Тавриза».

Тел. от 5 окт./22 сент. за № 507 Миллер запрашивал: «не будет ли признано возможным командировать в Марагу для охраны нашего консульского агента и подданных взвод казаков».

Тел. от 9 окт./26 сент. за № 1437 Нератов сообщил Поклевскому: «Выдвигать взвод казаков в столь отдаленную Марагу, пожалуй, опасно. Не лучше ли ограничиться пока посылкой надежного разведчика?»

На последнем особом совещании решено подготовить, на случай необходимости, в русских пределах два отряда: один — для усиления тавризского, с расчетом собрать достаточное количество войск для охраны всей северной полосы Азербайджана вплоть до места переправы в Урмию на восточном берегу озера; другой — для действий по направлению к Тегерану, численностью равной прежнему казвинскому отряду. Эти войска будут двинуты, если под влиянием последних успехов правительства персы станут опять несговорчивы или если нынешние беспорядки будут продолжать усиливаться. Независимо от этого, Ияс и Преображенский едут со значительными конвоями. Просьба Голубинова об усилении конвоя является уже вторым указанием на желательность иметь бо́льшие силы в пунктах сравнительно отдаленных. Между тем разбрасываться таким образом преждевременно и опасно; но если вы считаете пулеметы в Урмии совершенно необходимыми, я готов снестись с военным министром.

Прошу заключения.

Нератов.

№ 593. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 1466. 12 октября/29 сентября 1911 г.

Ваша телеграмма № 922 получена [1].

Можете сделать Шустеру предложенное вами письменное заявление. Кроме того, нужно при случае дать ему понять, что мы ожидаем от него, в случае дальнейшей его деятельности с иными офицерами, что он будет добросовестно сообразоваться с нашими интересами, которыми мы поступаться не намерены, и что, если он станет в открытую оппозицию нам, это вызовет последствия, невыгодные для того режима, интересы которого он с таким рвением защищает [2].

Для вашего сведения:

В таком случае мы прибегнем постепенно к ряду репрессивных мер, изложенных в прошлогоднем письме к вам гофмейстера Сазонова № 884, на что еще тогда было получено согласие совещания глав заинтересованных ведомств [3].

Нератов.

---

[1] Тел. от 10 окт./27 сент. за № 922 Поклевский сообщал: «Барклай осведомил Шустера о сделанном вашим превосходительством О'Берну предложении [см. № 547], но главный казначей находит его неосуществимым. Англичане крайне обрадованы и благодарны императорскому правительству за согласие на назначение Нью, притом проект английского правительства об усилении консульских конвоев на Юге Персии значительно ослабит их интерес к назначению Стокса». В заключение Поклевский просил «разрешения написать Шустеру, что непринятие им сделанного императорским правительством предложения о географическом ограничении будущей деятельности Стокса в Персии не даст нам возможности взять обратно наш протест против приглашения названного английского офицера на персидскую службу».

[2] Тел. от 18/5 окт. за № 956 Поклевский, ссылаясь на публикуемую тел., уведомил, что он письменно сообщил Шустеру решение росс. прав-ва о деле Стокса. Поклевский указывал: «Предостережения, изложенные в вышеупомянутой телеграмме, мной делались Шустеру при каждом нашем свидании, и я не премину при случае их повторить. Шустер послал при посредстве «Рейтера» пространное заявление для печати об отношении обоих правительств к поступлению Стокса на персидскую службу».

[3] В письме от 8 окт./25 сент. 1910 г. за № 884 Сазонов указывал Поклевскому, что для воздействия на перс. прав-во могут быть приняты репрессивные меры в следующем порядке: начать с системы мелких стеснений вроде отказа в «льготном транзитном пропуске разных предметов для шахского двора и правительства»; «систематического отказа в признании вновь назначаемых персидских консулов»; затем переход к более серьезным мерам, как отказ в продаже и пропуске оружия и патронов, стеснения для ввоза перс. товаров в Россию, посылка небольших отрядов для охраны имений русск. подданных в Персии, отказ в ссудах и, наконец, меры, предложенные Поклевским в его тел. от 19/6 апр. за № 175 (см. стр. 171, прим. 1).

Особое совещание от 28/15 окт. 1910 г. постановило уполномочить Сазонова принимать по отношению к перс. прав-ву «меры репрессии, какие он признает удобными в каждый данный момент».

№ 594. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Риме Долгорукому.

·/. Телеграмма № 1467. 12 октября/29 сентября 1911 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

Благоволите в согласии с шагами, делаемыми французским и великобританским представителями, осторожно запросить королевское правительство, какого рода условия мира со стороны Турции оно считало бы для себя приемлемыми в качестве базы для предложения державами посреднических услуг [1].

[Нератов.]

№ 595. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

·/. Телеграмма № 1475. 12 октября/29 сентября 1911 г.
Лично.

Получил телеграмму № 621 [2].

Затрудняясь единолично ответить на поставленные вами в письмах [3] и телеграмме вопросы, считаю все же нужным отметить, что даже и в частном вашем письме к великому визирю осторожнее было бы воздержаться от слишком широкой постановки переговоров; к этому можно было бы перейти понемногу, выслушав первое впечатление турок. В частности, опасным является упоминание о балканских государствах. По этому предмету, в крайнем случае, надлежало бы ограничиться общим принципом status quo, возвещенным неоднократно в наших сношениях с другими державами. Что касается капитуляций, то, понимая цену этого пункта для младотурок, не считал бы полезным затрагивать его в какой-либо конкретной форме.

[Нератов.]

№ 596. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [4]. 12 октября/29 сентября 1911 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Спасибо за столь интересные и обстоятельные указания относительно того, что мы должны потребовать от Франции при нынешних обстоятельствах [5]. Вы видите из моей экспедиции [6], что я, не теряя ни минуты, приступил к разговорам по этим предметам. Беда в том, что де Сельв очень мало сведущ во всех этих вопросах и к тому всецело поглощен заботами о Марокко и Конго. Я не хочу предаваться излишнему пессимизму, но на мой взгляд марокккское дело опять запутывается, и я не вижу, каким образом можно будет из него выпутаться. Всему виною — затяжки, мелочность и придирчивость со стороны Кидерлена, который

---

[1] В пам. записке от 12 окт./29 сент. англ. пос-во в Петербурге сообщало, что в ответ на последнюю турец. ноту Грей поручил послу в К-поле сообщить м-ру ин. дел, что англ. прав-во было бы склонно присоединиться к усилиям других держав в целях восстановления мира, но для успеха посредничества оно хотело бы иметь точные сведения относительно тех условий, которые Турция была бы готова принять. Далее в записке говорилось: «В то же время сэр Э. Грей поручает английскому послу в Риме довести до сведения итальянского министерства иностранных дел о посланных в Константинополь инструкциях и запросить его, как оно отнесется к предложению посредничества; в случае если бы оно отнеслось к нему одобрительно — на какой базе переговоры были бы приемлемы для Италии. Сэру Э. Грею было бы желательно узнать, что сделало со своей стороны императорское правительство и какова его точка зрения на предполагаемое посредничество» (см. № 565).

[2] См. № 590.

[3] См. №№ 556 и 570.

[4] Опубл. М., стр. 121.

[5] См. №№ 531, 532 и 533.

[6] См. № 585.

как бы нарочно создал здесь такое настроение, при котором то, что три месяца тому назад было вполне осуществимо, ныне представляет почти непреодолимые трудности. Из всего этого я вывожу, что нам опять следует считаться с возможностью окончательной неудачи переговоров и со всеми могущими последовать отсюда случайностями.

Сейчас в канцелярии расшифровывают ваши телеграммы по вопросу о проливах[1], но я вряд ли ознакомлюсь с их содержанием до отъезда курьера. Повидимому, Чарыков уже предпринял некоторые шаги в Константинополе; боюсь, что со свойственной ему стремительностью он слишком поспешил и испортил дело. Вы, конечно, извлекли из архива все то, что по этому поводу было сделано в мое время. С Англией были разговоры в два приема: один раз через Бенкендорфа, а затем через меня, во время моего пребывания в Лондоне осенью 1908 г. (Боснийский кризис). Все относящиеся сюда бумаги, кажется, были переданы мной вам, но, может быть, они находятся в секретном архиве у Савинского. В Лондоне с английской стороны делались довольно существенные детальные возражения, но в общем вопрос несколько подвинулся вперед. Затем, помнится, что мной было отмечено весьма важное заявление Германии в смысле согласия ее на наши планы, но я совершенно забыл, в какой форме и по какому поводу было сделано это заявление: чуть ли не в письме или телеграмме императора Вильгельма к государю. Относящиеся к этому документы, вероятно, лежат вместе с остальными бумагами, относящимися к вопросу о проливах. Позволяю себе также высказать, что весьма важно приобщить к праву прохода через проливы прибрежные государства, т. е. Румынию и Болгарию. Это сразу устранит некоторые серьезные возражения. Если мы действительно решаемся ныне же возбудить вопрос о проливах, то весьма важно озаботиться о том, чтобы иметь здесь «une bonne presse»[2]. Между тем, в этом отношении я, увы, лишен главного орудия, ибо из моих настояний о снабжении меня фондами на печать ничего не вышло. Я сделаю, конечно, все, что от меня зависит, но это именно один из тех вопросов, в которых общественное мнение в силу старинных традиций скорее настроено против нас. Примером того, насколько полезно тратить здесь деньги на печать, может служить триполитанское дело. Мне известно, что Титтони очень основательно и весьма щедрой рукой обработал главнейшие французские газеты. Результаты — налицо.

В заключение позвольте мне сказать вам два слова по одному частному делу. Меня бомбардирует письмами Стремоухов, прося моей защиты против будто бы воздвигнутого на него преследования со стороны министерства. По моему совету он взял отпуск и подвергся основательному лечению в Швейцарии, ибо нервы у него были действительно очень расшатаны. Он уверяет, что чувствует себя совершенно здоровым и спокойным, но что его систематически отстраняют от всякой работы. Мне кажется, что министерство действительно относится к нему с излишней жестокостью. В конце концов он несомненно способен и хорошо образован, и были случаи, когда министерство относилось гораздо снисходительнее к лицам, более серьезно провинившимся. Вы окажете лично мне большую услугу, если отнесетесь несколько мягче к нему, ибо он, может быть, до известной степени прав, уверяя, что неприязнь к нему Гартвига вытекает из чувства неудовольствия на меня, как на его родственника. Вы знаете, что я отнюдь не желал назначения Стремоухова в Белград и лишь уступил его настояниям и предупреждал его, что он вряд ли там уживется. Как бы то ни было, не откажите еще раз испробовать его на каком-либо заграничном посту, и, если этот опыт не удастся, вы всегда можете окончательно его устранить.

Переговоры о литературной конвенции начались. Первые впечатления наших делегатов вполне благоприятны, и они думают окончить работу скорее, чем предполагали. Главная трудность заключается в вопросе о переводах. В том виде, как наши пожелания формулированы в нашем проекте, они, конечно, приняты не будут. Но кое-чего добиться, вероятно, удастся. Бентковский[3] горько жалуется

[1] См. №№ 579 и 581.
[2] «хорошую прессу».
[3] Директор II департамента росс. м-ва ин. дел.

на ответ департамента личного состава и хозяйственных дел касательно его курьерской дачи и суточных; он действительно поставлен этим ответом в крайне трудное и даже неловкое положение, по сравнению с его товарищами.

Искренно преданный и готовый к услугам

Извольский.

№ 597. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 12 октября/29 сентября 1911 г.

Многоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Видел еще сегодня Эренталя; он мне сказал, что в данное время итальянское правительство не может ни в коем случае согласиться на перемирие и приостановку отправления войск в Триполи, пока не заручится, для ликвидации войны, согласием Турции на почве занятия Триполи для обеспечения итальянских интересов. Во всяком случае Австро-Венгрия рада была бы выяснить, сообща с другими державами, точку зрения итальянского правительства. Эренталь выразил сожаление, что Решид-паша не решился принять портфель министра иностранных дел. Теперь он сильно настаивает в Константинополе, чтобы Решид не был сменен в Вене, и кажется это ему удалось. Ассим-бея граф Эренталь знает отлично. Он женат на австриячке, дочери д-ра Сламечка. По его мнению, выбор Саид-паши неудачный, так как Ассим-бей ярый шовинист, в интимных отношениях с салоникским комитетом и несговорчивый. Его мнение сходится с мнением Гешова. Насчет сего последнего Эренталь высказался так: «Mr. Guéchow, que je connais d'ancienne date, puisque j'ai eu l'occasion de le rencontrer souvent en Roumanie où il a des attaches, est infiniment agréable dans les relations, mais, à mon avis, c'est un vieux renard» [1]. Тем лучше.

Примите и пр. Н. Гирс.

P.S. Только что напечатан в том же органе «Reichspost» ответ Владимира Куриловича, члена рейхсрата, на статью о русской пропаганде в Галиции. Прилагаю при сем и эту статью [2].

№ 598. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо. Париж [3], 12 октября/29 сентября 1911 г.

Весьма секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Секретной телеграммой моей от [2 октября] 19 сентября [4] я имел честь передать вашему превосходительству сообщение, сделанное мне г. Тодоровым, относительно преднамеченного соглашения между Болгарией и Сербией. С тех пор я имел случай разговаривать об этом вопросе с г. Станчовым, возвращавшимся из отпуска сначала в Эбенталь, а потом в Париж, и перемолвиться на белградской станции несколькими словами с Н. Г. Гартвигом.

Из разговоров с г. Станчовым я мог убедиться, — как впрочем предполагал это с первой же минуты, — что г. Тодоров сделал мне свое сообщение с ведома и согласия короля Фердинанда, который, повидимому, с интересом ухватился за мысль о своевременности соглашения с Сербией.

Немедленной посылке в Белград г. Ризова я придаю особенное значение,

---

[1] «Г. Гешов, которого я знаю с давних пор, так как я имел случай его часто встречать в Румынии, где он имеет связи, весьма приятен в обращении, но, по моему мнению, это старая лиса».

[2] Приложение отсутствует.

[3] См. стр. 117, прим. 3.

[4] См. № 512.

так как этот умный, деятельный, пронырливый и одушевленный с юности македонско-болгарским фанатизмом дипломат не принадлежит нисколько к нынешней правительственной партии, а примыкает, или скорее примыкал, к стамбуловистам. К сожалению, г. Гартвиг успел мне сообщить только, что видался и разговаривал с Ризовым и что считает соглашение болгар с сербами в настоящую минуту весьма возможным.

Насколько я мог понять из последовавшего разговора с Тодоровым, Болгария согласна будет даже на «уступку» сербам Ускюба, а на подобных основаниях сербы разумеется сейчас же готовы будут пойти на давно желанное ими соглашение. Все это настолько осуществляет наши давнишние старания, что можно только выразить опасения, «que ce ne soit trop beau pour réussir» [1].

Как с болгарской, так и с сербской стороны могут быть проявлены недоверие, неискренность и чрезмерные требования. В особенности не верю я искренности уступки Ускюба и опасаюсь антипатии, существующей между белградским и софийским дворами. Но с другой стороны, в пользу соглашения ратует бесспорно изменившийся за последнее время строй болгарской политической жизни: авторитет нынешнего кабинета, убеждение и болгар, и короля Фердинанда, что на Балканском полуострове назревают в самом близком будущем решающие события и что, следовательно, необходимо окончательно определить и направить политику Болгарии. Все это — соображения, бесспорно ратующие в пользу осуществления сербо-болгарского соглашения.

Но если признать намеченное соглашение возможным и осуществимым, то необходимо всесторонне выяснить себе и его сущность и те условия, коими обставлено было бы для самой России это осуществление наших давнишних пожеланий возможно полного единения между Болгарией и Сербией.

Во-первых, в какой форме может выразиться в настоящую минуту сербоболгарское соглашение? По той стремительности, с которой и в Эбентале и в Софии схватились за устройство соглашения, можно с большим основанием заключить, что болгары опасаются неминуемых осложнений в Оттоманской империи и поэтому спешат принять определенное решение; в связи с этим дозволено полагать, что в Софии под именем «соглашения» понимают не что иное, как военную между болгарами и сербами конвенцию. Подобная конвенция, сплотив воедино до полумиллиона штыков —и при том великолепного войска со стороны болгар и хорошо снаряженного со стороны сербов,—поставит несомненно серьезную преграду всяким замыслам оккупации или захвата с северо-западной стороны полуострова. Но не следует скрывать от себя, что такая конвенция может представить собой для обеих стран и значительное искушение *наступления*, — наступления, почти неминуемого в случае войны между Турцией и Грецией или же в случае кровопролитных междоусобий в самой мусульманской Турции. Не надо забывать, что если нынешнее болгарское правительство и сам король Фердинанд отличаются большим благоразумием и весьма малой склонностью к риску, то все же они могут быть принуждены ежечасно к решительным и бесповоротным по отношению к Турции мерам под давлением общественного мнения в стране и *брожения в среде армии*, т. е. офицерства. Между двух зол: преждевременной войной, объявленной нынешним правительством, и таковой же, возгоревшейся после военного pronunciamento и свержения правительства, — они, разумеется, выберут первое, и нельзя им этого ставить в вину. Но правда и то, что подобная случайность может наступить и помимо всякой сербо-болгарской конвенции.

Затем считаю долгом обратить самое серьезное внимание ваше на обстоятельство, выясненное мной из последовавших за телеграммой моей разговоров с г. Тодоровым и с г. Станчовым, а именно, что болгары ставят, очевидно, условием искреннего соглашения своего с сербами—немедленное заключение *с нами* той политической и военной конвенции, которая служила предметом секретнейших сношений наших с Болгарией в прошлом 1910 году. И г. Тодоров, и г. Станчов, получивший в Варне из Эбенталя телеграфные указания от короля Фердинанда,

[1] «что это слишком хорошо, чтобы удаться».

настойчиво и повторительно указывали мне на то, что для Болгарии в высшей степени важно, чтобы ее тыл был прикрыт Россией против нападения со стороны Румынии. Речи г. Тодорова носили довольно наивный характер: «Вот мы сделаем то, чего вы так давно от нас добивались, заключим самое искреннее соглашение с Сербией, даже подарим ей Ускюб; но вы за это должны обещать нам защиту против Румынии». Станчов же напирал все время на опасности, которые король Фердинанд видит и со стороны Австрии и в особенности со стороны Румынии.

Таким образом мы имеем полное основание предполагать, что болгары хотят непременно связать в одно оба соглашения и что они сговорятся с сербами *только под нашим ручательством*. С принципиальной точки зрения подобное условие может нам казаться лишь лестным и выгодным, ибо союз, заключенный под нашим покровительством, тем самым подчиняется до известной степени и нашему водительству. Но *до какой степени* — в этом весь вопрос, и решить его могут лишь последующие события.

В заключение считаю долгом поделиться с вашим превосходительством еще одним и крупным опасением.

Для Австро-Венгрии сербо-болгарский союз представляет собой явление *невыносимое*; поэтому, при первых же вестях о подобной опасности, с австрийской стороны пущены будут в ход все пружины, дабы расстроить соглашение — путем ли внутренних интриг и переворотов, путем ли внешнего насилия или вызова, брошенного в самую неблагоприятную минуту. Следовало бы поэтому держать соглашение между Болгарией и Сербией, буде таковое состоялось бы, в самой строгой тайне. А между тем балканские политические нравы заставляют меня опасаться, что произойдет именно противное, т. е. что соглашение будет оповещено даже ранее заключения; особенно опасен в этом отношении Белград с его постоянной нескромностью и стремлением как можно скорее и больнее досадить Австрии в отплату за унижения, столь недавно претерпенные.

Таковыми представляются мне в главных чертах доводы, ратующие за и против деятельного и решительного участия нашего в открывающихся между Сербией и Болгарией переговорах. Во всяком случае мне представлялось бы полезным задержать немного эти переговоры, хотя бы для того одного, чтобы показать обеим сторонам, и в особенности болгарам, что мы считаем соглашение их с сербами началом длительного и охранительного союза обеих стран на Балканах, а не поспешным решением, вызванным непосредственной опасностью или желанием ускорить ход событий.

Самим нам следовало бы однако не слишком медлить выяснением нашего взгляда. И я смею надеяться, что к возвращению моему в Софию, т. е. к [19] 6 или [20] 7 октября я получу уже драгоценные для меня указания вашего превосходительства и буду иметь возможность руководствоваться таковыми в разговорах с королем Фердинандом и с гг. Гешовым и Даневым.

Примите и пр.

А. Неклюдов.

№ 599. Поверенный в делах в Афинах временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 28[1]. 12 октября/29 сентября 1911 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Рядом последовательных телеграмм [2] я имел честь доносить вашему превосходительству об отношении греческого правительства к внезапно вспыхнувшей между Италией и Турцией войне из-за Триполи.

С самого начала кризиса г. Венизелос, со свойственным ему трезвым взглядом на вещи, ясно понял, что теперешние обстоятельства не представляют пока ника-

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 26.
[2] См. №№ 488, 513 и 523.

кой аналогии с событиями осени 1908 г., когда Турция находилась под угрозой вторжения в ее пределы австро-венгерской и болгарской армий и когда Греция имела поэтому основания надеяться извлечь для себя, на почве критского вопроса, выгоды из затруднительного положения своей соседки.

Афинский кабинет вполне отдает себе отчет, что доколе турецко-итальянская война ограничивается вопросом о Триполи, малейший неосторожный шаг Греции угрожал бы ей расправой со стороны турок, которые с величайшей охотой выместили бы на ней заодно и свою бессильную злобу против итальянцев.

Не будучи еще подготовленной к войне и не надеясь на поддержку извне, Греция решила ввиду этого занять пока выжидательное положение. Активного выступления с ее стороны возможно ожидать лишь в том случае, если бы Австро-Венгрия или балканские державы сочли момент подходящим для осуществления своих замыслов на Балканах. В этом случае, конечно, и Греция едва ли останется безучастной зрительницей событий.

В настоящую минуту однако опасения за сохранение мира между Грецией и Турцией стали возникать с другой стороны, о которой я равным образом подробно телеграфировал вашему превосходительству.

Военные мероприятия Турции вдоль греческой границы невольно внушали здесь мысль о затаенном намерении Порты, или вернее комитета «Единение и прогресс», произвести диверсию в сторону Греции. В этом смысле появились за последнее время статьи в некоторых турецких газетах, и даже такой выдающийся член младотурецкого комитета, коим является оттоманский военный агент в Берлине Энвер-бей, будто бы, заявил, что о мире Турция будет говорить с Европой после занятия Афин.

Придавать этим тревожным признакам преувеличенное значение было бы, конечно, неуместно, но столь же неосторожно было бы со стороны греков оставлять их вовсе без внимания. Упорно веденная за последние три года среди масс турецкого населения антигреческая пропаганда разожгла против них фанатизм мусульман, а слабость нынешнего оттоманского правительства не дает ручательства, что оно сможет удержать в своих руках управление событиями. Наконец, не лишено правдоподобия опасение, что тяжелый удар, только-что нанесенный престижу младотурецкого комитета, побудит сторонников его к попытке восстановить свое обаяние, пожав дешевые лавры в ином направлении.

При указанных условиях, мобилизация войск Янинского и Салоникского вилайетов, со включением в число последних малоазиатских редифов Айдинского вилайета [1], несомненно, являлась угрозой Греции, тем более, что, как ваше превосходительство изволили заметить в секретной телеграмме от [1 октября] 18 сего сентября № 1356 [2], — силы эти едва ли могут быть использованы против Италии.

Ввиду сего эллинское правительство подготовлялось, в целях успокоения общественного мнения страны и в особенности приграничного населения, произвести частичную мобилизацию войск на турецкой границе. В ответ на сделанное мне по этому поводу предупреждение со стороны греческого министра иностранных дел, я указал моему собеседнику на опасные осложнения, к которым может повести эта мера именно ввиду того брожения умов в Турции, на которое указывал сам Грипарис. Министр согласился с этим замечанием и заявил мне, что мобили-

---

[1] Тел. от 5 окт./22 сент. за № 56 Татищев передавал, что греч. прав-во задается вопросом: «Какое отношение к войне с Италией имеет произведенная мобилизация войск Салоникского вилайета вдоль греческой границы и почему никаких подобных мер не предпринимается на других границах Турции». «Все это, — сообщал Татищев, — вызывает тревогу среди греческого приграничного населения и побудило правительство довести до состава военного времени два батальона стрелков, стоящих в Арте». Тел. от 9 окт./26 сент. за № 58 Татищев извещал Нератова: «Новую тревогу вызвало здесь известие о мобилизации малоазиатских войск Айдинского вилайета, входящих в Салоникский округ. Эта мера могла бы довести численность турецких войск на границе Фессалии до 35 000 человек». «Афинский кабинет, — сообщал в заключение Татищев, — вероятно, увидит себя вынужденным приступить в непродолжительном времени к частичной мобилизации своих пограничных войск — в целях исключительно оборонительных».

[2] См. № 499.

зация будет произведена во всяком случае лишь в самых скромных размерах, дабы ее оборонительный характер оставался совершенно ясным. Афинский кабинет, по его словам, лишь крайне неохотно пошел бы на этот шаг, но оставить в настоящее тревожное время свою северную границу совершенно беззащитной было бы с его стороны преступлением перед страной.

Однако вторичные заверения в миролюбии Турции и отсутствии у нее каких-либо агрессивных замыслов против Греции, сделанные здесь оттоманским поверенным в делах от имени Саид-паши и турецкого военного министра, внесли некоторое успокоение. Как я имел честь телеграфировать вам [10 октября] 27 сего сентября за № 59 [1], эллинское правительство решило, во внимание к дружественным заявлениям Порты, отказаться пока в ожидании дальнейшего развития событий от предположенной мобилизации.

Резюмируя сказанное, позволяю себе еще раз подтвердить впечатление, вынесенное мной из бесед с эллинскими министрами и из наблюдений за здешним настроением.

Греция останется спокойной, пока нынешняя война не вызовет осложнений на Балканах и доколе Турция не обнаружит прямой попытки вознаградить себя на ее счет за потерю Триполи.

Сознавая, что критский вопрос мог бы послужить к тому благодарным предлогом, эллинский министр иностранных дел заверил меня, что афинский кабинет будет и впредь прилагать всяческие усилия к избежанию каких-либо осложнений на этой почве [2].

Примите и пр. Татищев.

№ 600. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 625. 12 октября/29 сентября 1911 г.

Копии в Софию и Афины.

По сведениям нашего военного агента, вполне совпадающим со сведениями французского и английского военных агентов, турецкая мобилизация, производимая ныне [3], была решена вслед за объявлением войны Италией и направлена против возможных покушений с ее стороны на оттоманскую территорию. Соответственно сему мобилизация носит умеренный и частичный характер и не является угрозой ни Болгарии, ни Греции, в чем последняя уже убедилась. Генерал Хольмсен находит болгарские опасения крайне преувеличенными. Подробные сведения отправляются им военному ведомству почтой в субботу [4].

Чарыков.

№ 601. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 626 [5]. 12 октября/29 сентября 1911 г.

Ссылаюсь на ваше письмо от [2 октября] 19 сентября № 617 [6] и на мою телеграмму № 621 [7]. Получил телеграмму № 1455 [8].

---

[1] Тел. от 10 окт./27 сент. за № 59 Татищев сообщал Нератову, что турец. поверенный в делах посетил Венизелоса и м-ра ин. дел и от имени Саид-паши заверял их в отсутствии у Турции каких-либо агрессивных замыслов против Греции. На этом основании афинский кабинет решил отменить частичную мобилизацию.

[2] Тел. от 5 окт./22 сент. за № 57 Татищев передавал свой разговор с Грипарисом о Крите. Из этого разговора Татищев вынес убеждение, «что греческое правительство прилагает усилия к предотвращению какого-либо неосторожного шага со стороны критян и ясно сознает опасность положения».

[3] См. № 569.

[4] 14/1 октября.

[5] Печатается с чернового отпуска, хранящегося в делах б. росс. пос-ва в К-поле. Тел. бланк датирован 13 окт./30 сент.

[6] См. № 509.

[7] См. № 590.

[8] См. № 581.

Сегодня начал переговоры, вручив великому визирю, после надлежащих предварительных разъяснений, конфиденциальное и личное письмо, содержащее текст намеченной декларации в форме как бы лишь моего собственного предположения[1]. Саид-паша вполне усвоил все значение предлагаемого соглашения и отнесся к нему с сочувствием и осторожностью. Согласно его желанию, переговоры будут вестись пока только между ним и мной, причем Саид-паша сообщит мне свои замечания или возражения в совершенно доверительной форме. Великий визирь желает вместе с тем, чтобы переговоры велись без ведома прочих министров и, следовательно, как я заключаю, комитета и германского посла. Поэтому я попросил вас повременить распоряжениями по содержанию моей телеграммы № 622[2]. Копию моего письма[1] отправляю в субботу[3]. Французскому послу известно, что в моем письме затронут и вопрос о проливах. Но так как редакция оного не имеет пока официального характера, я не сообщаю послу наших текстов и держу его лишь в общих чертах в курсе этого дела. Я сказал доверительно сегодня великобританскому послу, что идет речь о сближении Турции с Россией и тем самым с Францией и Англией, к чему посол отнесся очень сочувственно. Но о переговорах и содержании их я Лоутеру ничего пока не говорил. Думаю однако, что ввиду телеграмм из Лондона от [12 октября] 29 сентября 1908 г. №№ 31 и 32, и от [15] 2 октября того же года, №№ 39, 40 и без №[4], мы могли бы вполне рассчитывать на исполнение письменного заявления, в котором Грей «высказывает благожелательное отношение к вопросу о проливах и готовность правительства при удобном случае поддержать наши переговоры с Турцией об этом предмете». Сейчас однако не требуется ни английской, ни французской поддержки, ни германской осведомленности.

Чарыков.

№ 602. Посол в Константинополе великому визирю Саиду-паше.

Письмо[5]. 12 октября /29 сентября 1911 г.

Confidentielle. Personnelle.

Altesse,

Vu que la pensée de l'opportunité d'un rapprochement entre la Russie et la Turquie m'a été exprimée ces temps derniers de divers côtés et qu'elle correspond au sincère désir de mon gouvernement de voir une entente s'établir entre lui et le gouvernement ottoman, j'accomplis un agréable devoir, en résumant ci-dessous quelques considérations au sujet des éléments d'une pareille entente, en donnant à ces éléments la forme d'un avant-projet de déclaration dans les termes suivants.

Le gouvernement impérial de Russie et le gouvernement impérial ottoman, désireux de régler dans un esprit d'amitié et de bon voisinage certaines questions se rapportant à leurs intérêts réciproques, sont convenus de ce qui suit:

1. Le gouvernement impérial de Russie déclare se désister des privilèges acquis au profit des capitalistes russes en vertu de l'entente établie en 1900 entre les deux gouvernements, relative à la construction de chemins de fer dans certaines parties de l'Asie Mineure.

2. Le gouvernement impérial s'engage en outre à ne pas faire d'opposition à la réalisation des capitaux nécessaires à la construction de voies ferrées dans la zone visée par l'entente précitée, d'accord avec la présente déclaration.

---

[1] См. № 602.

[2] См. № 591.

[3] 14/1 октября.

[4] Указанными телеграммами Бенкендорф передавал временно управляющему м-вом ин. дел Чарыкову о переговорах м-ра ин. дел Извольского, находившегося тогда в Лондоне, с Греем и турец. послом Рифаат-пашой. Переговоры касались программы предполагавшейся конференции держав, подписавших Берлинский трактат, в связи с аннексией Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины; на этой конференции росс. прав-во желало поставить вопрос о разрешении русским военным судам свободного прохода через проливы.

[5] Маш. копия, препровожденная Чарыковым при деп. от 14/1 октября за № 96. (См. № 629.) Опубл. L. N, II, p. 462, без первого и последнего абзаца

3. Le développement du réseau ferré de l'Asie Mineure à l'Est de la ligne de Samsoun—Sivas—Kharpout—Diarbékir—Mossoul présentant une importance capitale, tant pour les intérêts commerciaux réciproques que pour le maintien des rapports de bon voisinage entre les deux empires, les gouvernements contractants s'engagent de s'abstenir de toute concurrence nuisible en concluant au préalable une convention qui sauvegardera les intérêts précités et déterminera les points et les conditions du raccordement des lignes de ce réseau.

4. Le gouvernement impérial de Russie s'engage, en outre, à donner au gouvernement ottoman son appui efficace pour le maintien du régime actuel des détroits du Bosphore et des Dardanelles, en étendant ledit appui également aux territoires adjacents dans le cas où ceux-ci seraient menacés par des forces armées étrangères.

En vue de faciliter l'exécution de la clause précitée, le gouvernement impérial ottoman s'engage de son côté à ne pas s'opposer [1] au passage de navires de guerre russes par les détroits, à condition que ces navires ne s'arrêtent point dans les eaux des détroits, sauf accord.

L'application de cette interprétation de la convention conclue à Londres le 13/1 mars 1871 demeure subordonnée au consentement préalable des autres Puissances signataires de ladite convention.

5. Le gouvernement impérial de Russie s'engage également à employer ses bons offices pour faciliter l'établissement entre le gouvernement impérial ottoman et les Etats balkaniques de rapports stables de bon voisinage sur la base du status quo.

6. Le gouvernement impérial de Russie se déclare prêt à aborder la question des capitulations et à envisager favorablement les projets économiques et financiers dont il a été saisi par la Sublime Porte.

Dans le cas où votre altesse trouverait dans cet exposé de mes opinions personnelles au sujet du contenu d'un accord éventuel entre les deux empires des éléments d'entente, je suis prêt à communiquer à mon gouvernement le texte ci-dessus, soit tel quel, soit avec les observations que vous jugeriez utile d'y ajouter à titre confidentiel et amical, et à solliciter, en même temps, des instructions en vue d'aborder avec la Sublime Porte une négociation officielle.

Je saisis cette occasion, etc.

[Tcharykow.]

Перевод.

Доверительное. Личное.

Ваша светлость,

Ввиду того, что за последнее время была мне высказана с разных сторон мысль о своевременности сближения между Россией и Турцией и ввиду того, что эта мысль соответствует искреннему желанию моего правительства установить соглашение между ним и оттоманским правительством, я выполняю приятный долг, резюмируя нижеизложенные соображения по поводу элементов подобного соглашения, облекая эти элементы в форму предварительного проекта декларации в следующих выражениях.

Императорское российское правительство и императорское оттоманское правительство, желая урегулировать в духе дружбы и добрососедства некоторые вопросы, касающиеся их обоюдных интересов, договорились о следующем:

1. Императорское российское правительство заявляет, что оно отказывается от привилегий, приобретенных в пользу русских капиталистов в силу соглашения 1900 г., заключенного между обоими правительствами о сооружении железных дорог в некоторых частях Малой Азии.

2. Кроме того, императорское правительство обязуется не оказывать противодействия реализации капиталов, необходимых для постройки железных дорог в зоне, предусматриваемой вышеуказанным соглашением, согласно настоящей декларации.

3. Так как развитие железнодорожной сети в Малой Азии на восток от линии Самсун—Сивас—Харпут—Диарбекир—Моссул имеет большое значение как для взаимных коммерческих интересов, так и для поддержания добрососедских отношений между обеими империями, договаривающиеся правительства обязуются воздерживаться от всякой вредной конкуренции и заключить предварительно конвенцию, которая обеспечит вышеуказанные интересы и определит пункты и условия смычки линий этой сети.

---

[1] В L. N. добавлено: «en temps de paix, comme en temps de guerre» («как в мирное, так и в военное время»).

4. Кроме того императорское российское правительство обязуется оказывать оттоманскому правительству действенную поддержку для сохранения нынешнего режима в проливах Босфор и Дарданеллы, распространяя упомянутую поддержку равным образом и на прилегающие территории в случае, если этим последним будут угрожать иностранные вооруженные силы.

С целью облегчить выполнение вышеуказанного условия, императорское оттоманское правительство обязуется со своей стороны не противодействовать прохождению русских военных судов через проливы, при условии, что эти суда не будут останавливаться в водах проливов, если это не будет особо обусловлено.

Применение такого толкования конвенции, заключенной в Лондоне 13/1 марта 1871 г., остается подчиненным предварительному согласию других держав, подписавших упомянутую конвенцию.

5. Равным образом императорское российское правительство обязуется приложить все усилия с целью облегчить установление между Оттоманской империей и балканскими государствами прочных добрососедских отношений на основе status quo.

6. Императорское российское правительство заявляет о своей готовности приступить к рассмотрению вопроса о капитуляциях и благожелательно отнестись к экономическим и финансовым проектам, о которых оно было уведомлено Высокой Портой.

В случае, если бы ваша светлость усмотрели в этом изложении моих личных взглядов по вопросу о содержании возможного между двумя империями договора элементы для соглашения, я готов сообщить моему правительству вышеизложенный текст либо в том виде, в каком он есть, либо с замечаниями, которые вы нашли бы полезным добавить доверительным и дружественным образом, и запросить вместе с тем инструкций, дабы начать с Высокой Портой официальные переговоры.

Пользуюсь этим случаем и пр.

[Чарыков]

№ 603. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 924. 12 октября/29 сентября 1911 г.

№ 1.

Несколько дней тому назад министр иностранных дел сообщил мне о намерении персидского правительства конфисковать имущество некоторых лиц, принимающих участие в нынешнем восстании. Я указал министру, что, по моим сведениям, Шоа-эс-Солтане[1] находится в турецком подданстве и что вообще, в случае перехода имущества указанных лиц в руки шахского правительства, последнее будет обязано принять на себя как долги этих лиц нашему банку, так и удовлетворение всех к ним претензий русско-подданных. Впоследствии шахское правительство совершенно согласилось с этим взглядом. Третьего дня и вчера правительство вступило во владение находящимся в Тегеране и его окрестностях, а также в Хамадане имуществом Шоа-эс-Солтане, Салар-эд-Доуле и Эмира Афхана. Долг последнего из двух лиц нашему банку составляет около 500 000 томанов, о чем я и довожу до сведения здешнего правительства. Официально противиться конфискации имений Шоа-эс-Солтане мне казалось невозможным, как вследствие его турецкого подданства, так и отсутствия у принца нашего покровительства, так что я ограничился предупреждением турецкого посла, который обещал принять соответствующие меры. Принц нашему банку ничего не должен, но он вошел с последним в 1908 г. в фиктивную, засвидетельствованную лишь в миссии, сделку, на основании коей принц признавал себя должным банку 120 000 томанов и предоставлял в обеспечение этого долга некоторые из своих имений. Со своей стороны, «банк обещал постараться принять нужные меры, дабы охранить эти имения от чьих бы то ни было посягательств, нападений и претензий, за исключением случаев «force majeure», т. е. если против одного из имений будет произнесен религиозной властью судебный приговор». Мне кажется, что конфискация имущества на основании решения меджлиса и кабинета является именно случаем «force majeure» и притом упомянутая сделка могла бы при теперешних обстоятельствах лишь дать право банку требовать уплаты всей суммы долга. Кроме того, фиктивность последнего отлично известна шахскому правительству, так как переговоры от имени принца велись лицом, которое находится ныне на правительственной службе. Отсутствие на документе явки персидского министерства иностранных

[1] Брат экс-шаха.

дел дает правительству право требовать от банка предъявления своих книг для подтверждения денежной претензии, между тем ни в этих книгах, ни в балансах долг принца вовсе не упоминается. Ввиду вышеизложенного я считал бы желательным, дабы не компрометировать банк, вовсе не поднимать вопроса об этом фиктивном долге. Принцу же можно разъяснить, что, по принятии его ежегодного долга на счет шахского правительства при заключении договора о конверсии, банк к нему никаких денежных претензий не имеет и что последующий переход принца в турецкое подданство сделал защиту его имущественных интересов банком невозможной и допустимой лишь при посредстве турецкого посольства, которое, вероятно, само примет меры к охране интересов принца. Правление нашего банка осведомлено о вышеупомянутой фиктивной сделке. Прошу указаний.

Поклевский.

№ 604. Председатель совета министров товарищу министра торговли и промышленности Коновалову.

Письмо № 4572. 12 октября/29 сентября 1911 г.

Срочное.

М. г. Дмитрий Петрович,

Ростовский-на-Дону градоначальник сообщил мне телеграмму председателя ростовского биржевого комитета Парамонова [1], в коей названное лицо, от имени упомянутого комитета и таганрогского, просит правительство принять решительные меры к защите отечественной хлебной торговли от тяжелых последствий, которые она несет вследствие начавшихся между Италией и Турцией военных действий. Как явствует из этой телеграммы, хлебные цены обнаруживают упорную тенденцию к понижению, а между тем морские фрахты повысились и на южнорусских экспортеров ложится новый накладной расход из-за вызванного необеспеченностью плавания в турецких водах простоя судов. В то же время подвоз хлеба, заготовленного преимущественно для отправки в Италию, продолжается. При таких условиях Государственный банк и частные кредитные установления сочли необходимым прекратить учет коносаментов, что еще более отягчило положение хлеботорговцев. Ввиду сего просители ходатайствуют, чтобы в предотвращение угрожающего местным экспортерам полного разорения правительство: 1) оказало воздействие на Турцию в смысле установления беспрепятственного пропуска судов, следующих с грузом в нейтральные порты, 2) обеспечило свободный пропуск для пароходов под нейтральным флагом, направляемых в Италию и погруженных до объявления войны или уже прибывших и ныне грузимых и, наконец, 3) восстановило на прежних условиях учет коносаментов Государственным банком [2].

По поводу вышеприведенной телеграммы, в копии сообщенной и министру торговли и промышленности, имею честь уведомить ваше превосходительство, что удовлетворение в той или иной мере заявленных в ней ходатайств будет зависеть от решения Турции по известному вам из вчерашних суждений в совете министров настоянию нашего посла при оттоманском правительстве в целях обеспечения свободного пропуска идущих из русских портов хлебных грузов [3]. Само собой разумеется, что, в случае благоприятного для интересов нашей торговли разрешения настоящего вопроса, министерство финансов не замедлит сделать распоря-

---

[1] Содержание тел. Парамонова, переданной Коковцову ростовским градоначальником в тел. от 7 окт./24 сент. (без номера), изложено в публикуемом документе.

[2] Далее текст вписан от руки взамен зачеркнутого нижеследующего абзаца: «Принимая во внимание, что, как видно из упомянутой телеграммы, с таким же ходатайством просители обратились в министерство торговли и промышленности, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство сообщить мне заключение названного ведомства по существу настоящего дела, в связи с предположениями вашими о дальнейших по оному мерах». На полях около зачеркнутого абзаца рукой Коковцова помета: «Нужно написать иначе — соответственно тому, что было сегодня заявлено в совете. Позвоните ко мне по телефону в течение дня [11 октября] 28 [сентября]».

[3] См. стр. 69, прим. 2 и стр. 85, прим. 4.

*

жение о возобновлении учреждениями Государственного банка всех производимых ими под залог хлебных грузов операций.

Примите и пр. Коковцов.

№ 605. Германский поверенный в делах в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 13 октября/30 сентября 1911 г.

Privée.

Monsieur le Gérant du ministère,

Le professeur Schiemann, collaborateur de la «Kreuzzeitung» de Berlin, a eu l'insolence d'attaquer dernièrement votre excellence d'une façon aussi injuste que ridicule [1]. Malgré le peu d'importance qu'on attache chez nous aux articles de ce monsieur, j'ai cru pourtant utile d'informer mon gouvernement de la mauvaise impression produite ici, aussi bien qu'en Allemagne, par ces stupidités. Mais pour couper court à de semblables attaques, qui n'ont certainement pu toucher votre excellence, j'ai fait publier la dépêche ci-jointe de la «Kölnische Zeitung» [2] (reproduite aussi dans la Correspondance Wedekind également ci-jointe) et j'ai attiré l'attention de quelques correspondants de grands journaux allemands sur les «élucubrations» du professeur avec lequel je ne bataille pas pour la première fois. Comme il est originaire de Riga, j'espère qu'une feuille de Riga s'occupera aussi de lui comme il convient. Au regret d'importuner votre excellence pour un si maigre sujet, je la prie de me croire son tout dévoué serviteur.

Lucius.

P. S. Je me permets d'ajouter encore les «Münchner Neuesten Nachrichten» traitant le même sujet.

Перевод.

Частное.

Г. управляющий министерством,

Сотрудник берлинской «Kreuzzeitung», профессор Шиман, позволил себе недавно наглую выходку против вашего превосходительства, выходку столь же несправедливую, сколь и смешную. Несмотря на то, что у нас не придают большого значения статьям этого господина, я счел полезным уведомить мое правительство о неприятном впечатлении, произведенном как здесь, так и в Германии этими глупостями. Но чтобы положить решительным образом конец этим выходкам, которые, конечно, не могли задеть ваше превосходительство, я опубликовал прилагаемую при сем телеграмму в «Kölnische Zeitung» (перепечатанную также и в «Correspondenz Wedekind», равным образом при сем прилагаемую) и обратил внимание нескольких корреспондентов крупных немецких газет на «разглагольствования» профессора, с которым я не раз уже имел столкновения. Так как он родом из Риги, я надеюсь, что одна из рижских газет займется им как следует. Сожалея о том, что мне приходится беспокоить ваше превосходительство по столь незначительному поводу, прошу вас верить искренней преданности вашего покорного слуги.

Люциус.

P. S. Позволяю себе приложить еще «Münchner Neuesten Nachrichten» со статьей по тому же вопросу.

---

[1] Имеется в виду статья Т. Шимана в «Kreuzzeitung», в которой выражалось удовлетворение по поводу предстоящего возвращения Сазонова к управлению м-вом ин. дел. Это обстоятельство позволяло, по мнению Шимана, рассчитывать на то, что принципы соглашения, письменно и устно формулированные в Потсдаме, вновь приобретут большое значение. «Г. Нератов, замещающий Сазонова, — писал там же Шиман, — находится под влиянием послов в Париже и Лондоне, представляющих направление, отнюдь не совпадающее с направлением Сазонова. К этой группе принадлежит и русский посол в Константинополе».

[2] В ответ на статью Шимана в «Kreuzzeitung», в «Kölnische Zeitung» от 9 окт./26 сент. за № 1105 была напечатана статья под заголовком: «Ein falsches Urteil über Neratow» («Неправильное суждение о Нератове»). В этой последней отмечалось: «Г. Нератов в период своего управления министерством иностранных дел всегда следовал политике Сазонова и всегда придерживался самого корректного образа действий в сношениях с Германией. Непонятно, как можно позволять себе столь необоснованные нападки именно на этого человека и именно в тот момент, когда не следует вызывать недоверие нового кабинета по отношению к Германии путем открытых и несправедливых обвинений. При том значении, которое имеют статьи Шимана в «Kreuzzeitung», было бы лучше, чтобы подобные выпады, способные лишь создать затруднения нашей дипломатии и объясняющиеся лишь недостаточной осведомленностью относительно фактов и лиц, не имели бы места. Они ни в какой мере не соответствуют взглядам наших руководящих кругов».

№ 606. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 1480 [1]. 13 октября/30 сентября 1911 г.

Je télégraphie Londres, Rome.

L'ambassadeur de Turquie vient de m'informer que d'après nouvelles reçues par commerçants de Djeddah et Hodeïdah de leurs agents à Bassorah et aux Indes, les bâtiments de commerce, pour la plupart anglais, refusent cargaisons de provisions destinées à alimenter habitants du Hedjaz et pélerins arrivants par Hodeïdah. Chérif de la Mecque très inquiet vu excitation que manque de vivres pourrait créer parmi les 40 000 pélerins musulmans actuellement à la Mecque, dont beaucoup sont sujets britanniques, français, russes etc.

Veuillez vous informer d'urgence si cette communication est exacte et dans le cas affirmatif faire auprès du gouvernement, auprès duquel vous êtes accrédité, démarches nécessaires afin que importation céréales dans ports mer Rouge soit autorisée.

[Нератов.]

Перевод.

Я телеграфирую в Лондон, Рим.

Турецкий посол только что уведомил меня, что по сведениям, полученным торговцами Джедды и Ходейды от их агентов в Басре и Индии, торговые суда, по большей части английские, отказываются принимать продовольственные грузы, предназначенные для пропитания жителей Геджаса и паломников, прибывающих черев Ходейду. Шериф Мекки крайне встревожен ввиду возбуждения, которое недостаток продовольствия может породить среди 40 000 мусульманских паломников, находящихся в настоящее время в Мекке, среди которых много английских, французских, русских и других подданных.

Благоволите срочно узнать, верно ли это сообщение, и, в утвердительном случае, предпринять перед правительством, при котором вы аккредитованы, необходимые шаги, чтобы был разрешен ввоз зерна в порты Красного моря.

[Нератов.]

№ 607. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине Коростовцу.

Телеграмма № 1482. 13 октября/30 сентября 1911 г.

Китайский поверенный в делах, по поручению своего правительства, на словах сообщил мне, что ургинскому амбаню предписано замедлить ход реформы в Монголии и избегать резких приемов при ее проведении.

Это сообщение, как и выраженное вам согласие китайского правительства обмениваться с нами мнениями по монгольскому вопросу [2] не могут однако, конечно, быть признаны нами достаточными для завершения настоящего фазиса переговоров по этому вопросу.

Настоящая минута, когда наше внимание по необходимости сосредоточено на Ближнем Востоке, неблагоприятна для каких-либо активных выступлений на Дальнем Востоке и для крупных шагов в сторону разрешения монгольского вопроса. Но с другой стороны, затруднения, которые создает китайскому правительству революционное движение на юге Китая, могли бы быть использованы нами для закрепления каким-либо письменным актом признаваемого китайцами на словах положения нашего в вопросе о судьбах Монголии. В крайнем случае мы могли бы пока удовольствоваться письменным обязательством китайского правительства не вводить в Монголии реформ иначе, как по соглашению с нами. Этим документом мы воспользовались бы в будущем, чтобы по возможности оградить неприкосновенность нынешнего строя Монголии.

Благоволите телеграфировать ваши соображения по предмету настоящей телеграммы.

[Нератов.]

---

[1] Рукописная копия, хранящаяся в делах б. росс. пос-ва в К-поле.
[2] См. № 459.

№ 608. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Риме Долгорукому.

*/. Телеграмма № 1483. 13 октября/30 сентября 1911 г.

Сообщается в Париж, Лондон, Константинополь, Берлин и Вену.

По поручению своего правительства итальянский посол доверительно сообщил мне, что в принципе римский кабинет не может согласиться на заключение мира, если Турция не откажется от мысли сохранить за собой какую-либо связь, хотя бы религиозного характера, с Триполи. О суверенитете Турции не может быть и речи, ибо общественное мнение Италии не признало бы это возможным. Итальянское правительство готово было бы обсудить возможность компенсаций, причем размер последних был бы в зависимости от длительности военных действий. Германское правительство, по сообщению Мелегари, сделало попытку склонить римский кабинет к приступлению к переговорам, на что в Риме было отвечено, что, не отказываясь в принципе, итальянское правительство находит переговоры еще преждевременными. Мелегари прибавил, что его правительство доводит о вышеизложенном до нашего сведения на тот случай, если нам представится удобным направить дело в желательном Италии смысле, и что наше сочувственное Италии участие в достижении этой цели было бы особенно оценено [1].

Благоволите высказать министру иностранных дел, что, усматривая в этом сообщении доказательство дружеских отношений между Италией и нами, мы с готовностью приложим старание к водворению мира дружеским содействием.

Нератов.

№ 609. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1484. 13 октября/30 сентября 1911 г.

Копия в Константинополь.

Ссылаюсь на мою телеграмму Долгорукому № 1483 [2].

В согласии с мнением парижского и лондонского кабинетов считаем очень желательным сообща установить образ действий по нынешнему фазису кризиса. О сделанном доверительном сообщении Италии благоволите передать министру иностранных дел и осведомиться о взгляде его, ввиду малого вероятия приемлемости для Турции условий Италии. Если французское и английское правительства согласны с этим, то остается, повидимому, лишь выждать благоприятного стечения обстоятельств для какого-либо выступления. В этих видах желательно постоянное взаимодействие представителей трех держав в Константинополе. О последующем телеграфируйте [3].

[Нератов.]

---

[1] Тел. от 16/3 окт. за № 77 Остен-Сакен сообщал: «Итальянский посол в доверительной беседе сообщил мне сегодня, что Маршаллу поручено довести до сведения Порты об условиях, на которых Италия готова была бы согласиться на заключение мира. Условия эти отличаются от сообщенных мне вашим превосходительством телеграммой № 1483 лишь в том, что Италия готова допустить идею сохранения Турцией религиозной связи с Триполисом».

Тел. от 18/5 окт. за № 49 Н. Гирс сообщал, что итал. прав-вом сделано в Вене заявление, тождественное с тем, которое было сделано в Петербурге. Итал. посол, говоря с Эренталем, добавил, что Россия «отнеслась крайне сочувственно к этому сообщению. Эренталь ответил, что он не может пока выразить мнение австро-венгерского правительства, но лично он очень озабочен, так как в таком случае не видит возможности скорого прекращения войны между Италией и Турцией».

[2] См. № 608.

[3] В ответ на тел. от 13 окт./30 сент. за № 1483 (см. № 608) и публикуемую тел. Извольский сообщил 14/1 окт. тел. за № 143: «Сегодня получены из Рима сведения, совершенно сходные с теми, что сообщил вам Мелегари. Де Сельв вполне согласен с вами, что следует выждать более благоприятного стечения обстоятельств для какого-либо выступления, и предпочитает, чтобы Турция впервые узнала об итальянских условиях от Германии. Им уже даны Бомпару инструкции о постоянном взаимодействии представителей трех держав».

№ 610. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 51. 13 октября/30 сентября 1911 г.

Получил № 1467 [1].

В согласии с великобританским и французским коллегами ограничился заявлением министру иностранных дел о готовности России действовать в целях прекращения итальяно-турецкой войны. Министр иностранных дел благодарил ваше превосходительство за этот шаг, но предупредил, что уже 1 октября германский посол предложил ему добрые услуги Германии и поэтому он связан в отношении Ягова, когда наступит благоприятный момент и будут сделаны Турцией конкретные предложения, но что он будет весьма признателен державам Тройственного согласия за давление на Турцию. Он подтвердил, что о верховных правах или сюзеренитете султана не может быть и речи, но что Италия готова предоставить самое широкое удовлетворение материального и религиозного свойства. При этом он лишний раз подтвердил свою признательность за дружеское отношение России к Италии в триполийском вопросе и добавил, что получая из России благоприятные отзывы печати, он их воспроизводит в здешних газетах, стараясь по возможности не подчеркивать их, дабы не восстановить против нас Турцию, с которой нас связывают различные интересы. Я сказал ему тогда, что к такому отношению побуждали нас столько же симпатии наши к Италии, сколько верное соблюдение принятых на себя обязательств в надежде, что и Италия в свою очередь не преминет нам отплатить той же монетой. Министр иностранных дел сказал, что знает, на какие обязательства я намекаю, и что они будут честно выполнены.

Возвращаясь к пущенной кем-то сплетне, министр повторил, что приступая к разрешению триполийского вопроса, он не предупреждал ни одного из союзников и что о каком-либо частном соглашении с Австрией не могло быть и речи [2].

Долгорукий.

№ 611. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 68. 13 октября/30 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На-днях состоялось в Киле собрание местного отдела «Deutsche Flotten-Verein», на котором, в числе других ораторов, выступил с пламенной речью в пользу усиления германского флота адмирал фон Кестер.

Собрание постановило просить имперского канцлера теперь же внести законопроект об ускорении постройки броненосных крейсеров.

Агитация в пользу ускорения постройки новых судов ведется уже некоторое время, но до сих пор не встречала сочувствия со стороны общественного мнения Германии. Политические события последних дней послужили поводом к новым выступлениям сторонников усиления германского флота.

Признавая достигнутое в текущем году количество линейных кораблей (38) и легких крейсеров (38) и ежегодное пополнение, начиная с 1912 г., и тех и других новыми судами вполне соответствующим обстоятельствам, поборники означенного движения настаивают на ежегодном пополнении числа броненосных крейсеров (20) двумя новыми судами вместо одного, проектированного судостроительной программой.

Уступчивость, будто бы проявленная Германией в марокком вопросе, и внезапное вооруженное нападение обладающей более сильным флотом Италии на Турцию явились вескими аргументами в устах сторонников увеличения германского флота.

---

[1] См. № 594.

[2] Тел. от 13 окт./30 сент. за № 50 Долгорукий сообщал, что «германский посол зондировал на этих днях министра иностранных дел, который, как он сам говорит, отклонил будто бы предложение о посредничестве, мотивировав его несвоевременностью»

Органы пангерманской печати указывают на опасность, грозящую Германии со стороны английского флота, и убеждают правительство внести немедленно в законодательные палаты проект закона о ежегодной постройке одного лишнего броненосного крейсера, в уверенности, что народные представители, к какой бы политической партии они ни принадлежали, не откажут ему в необходимых для обороны страны средствах. Весьма вероятно, что правительство не совсем чуждо вышеизложенной агитации, и что оно действительно выступит с требованием новых кредитов на увеличение флота, когда общественное мнение страны будет к тому достаточно подготовлено.

Примите и пр.

Гр. Остен-Сакен.

№ 612. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 13 октября/30 сентября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В беседе, которую я имел сегодня утром с германским статс-секретарем по иностранным делам, г. фон Кидерлен-Вехтер, обсуждая возможность для держав выступить с посредничеством в итальяно-турецком конфликте, высказал мысль, что подобный шаг мог быть предпринят только тогда, когда обе стороны заявят о желании своем вступить в переговоры для прекращения войны.

В настоящее время державам совершенно неизвестно, на каких основаниях Италия согласна была бы вступить с Турцией в переговоры, так как она уклоняется от каких-либо откровений по этому поводу. Г. фон Кидерлен-Вехтер высказал при этом предположение, что Италии, повидимому, желательно было бы, чтобы начатию переговоров предшествовал бы блестящий успех итальянского оружия (un éclatant fait d'armes), который удовлетворил бы национальное честолюбие, столь униженное со времени неудачной абиссинской кампании.

Германский статс-секретарь поведал мне при этом, что он поручил германскому представителю в Риме совершенно частным образом осведомиться об отношении Италии к идее локализации военных действий в Триполисе при заключении перемирия с Турцией на остальном театре войны. По его мнению, такой шаг имел бы больше шансов на успех, нежели непосредственное восстановление дипломатических сношений между обеими воюющими державами, о котором трактует последнее циркулярное обращение Порты к державам [1].

Примите и пр.

Гр. Остен-Сакен.

№ 613. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо [2]. 13 октября/30 сентября 1911 г. [3]

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вчера, 12 октября/29 сентября, как я уже имел честь донести вашему превосходительству по телеграфу [4], подписана была в Берлине французским послом г. Камбоном и германским статс-секретарем по иностранным делам г. фон Кидерлен-Вехтером первая часть соглашения между Францией и Германией касательно Марокко.

После трехмесячных томительных переговоров, в течение которых вопрос неоднократно обострялся, доходя почти до полного разрыва, соглашение было, наконец, достигнуто главным образом благодаря двум обстоятельствам: во-пер-

---

[1] См. № 565.

[2] Опубл. Siebert, II, S. 175, N 464, без первого и последнего абзацев.

[3] Оригинал ошибочно датирован 30 октября/30 сентября.

[4] Имеется в виду тел. от 11 окт./28 сент. за № 75, содержание которой изложено в публикуемом документе.

вых, — решению, принятому с самого возникновения кризиса императором Вильгельмом, не допустить дела до войны, во-вторых, — необыкновенной ловкости и искусству представителя французской республики, которому приходилось одновременно бороться с сильным противником в Берлине в лице германского департамента иностранных дел, и, может быть, еще сильнейшим противником в Париже [1] в лице политических влияний, поставивших себе целью помешать заключению соглашения с Германией.

Надо надеяться, что вышеупомянутые два фактора будут способствовать также благополучному доведению до конца и второй части соглашения касательно уступки Германии части Французского Конго.

Главный центр тяжести этой части переговоров, несомненно, будет находиться в Париже, и успех их будет зависеть от того, насколько правительство республики сумеет противостоять тем влияниям, которые в последнее время возбуждают общественное мнение и печать страны против всякой уступки Германии какой-либо части французской территории.

Примите и пр. Гр. Остен-Сакен.

№ 614. Поверенный в делах в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 71 [2]. 13 октября/30 сентября 1911 г.

Гешов обратился ко всем представителям великих держав с просьбой довести до сведения их правительств, с заявлением следующего содержания: En transmettant au gouvernement bulgare les assurances de la Turquie (les Grandes Puissances) devraient garantir à la Bulgarie la sincérité de ces assurances et que par suite la Bulgarie ne sera pas attaquée [3].

Считаю долгом сообщить, что мысль о подобной гарантии со стороны великих держав всецело исходит от французского посланника, который видит в этой мере последнюю возможность предупредить мобилизацию со стороны Болгарии. Гешов, вернувшийся вчера, пошел на это предложение ввиду того воинственного настроения, которым воодушевлен кабинет, главным образом генерал Никифоров и Тодоров. Итальянский посланник надеется устроить так, чтобы его правительство поддержало перед Берлином и Веной своевременность такого общего выступления. Между тем все сведения, пришедшие до сих пор из Константинополя, самым категорическим образом свидетельствуют о полном миролюбии Турции по отношению к Болгарии. Сарафов получил от турецкого военного министра и министра иностранных дел и телеграфировал сюда самые успокоительные и мирные заверения, и великими державами, по ходатайству Тодорова, уже были предприняты в Константинополе некоторые предохранительные шаги, до выяснения результатов коих новое выступление держав может быть сочтено преждевременным. Таким образом опасения болгарского кабинета не оправдываются настоящим положением вещей, на что было обращено внимание Гешова английским посланником и мной; однако Гешов очень встревожен и несколько растерян как перед общественным мнением, так и вследствие того, что находится в одиночестве среди своих коллег, считающих, наряду со многими, настоящий момент удобным для разрешения македонского вопроса, на каковую точку зрения как будто, к сожалению, соблазняется стать и сам Гешов. Впечатление получается такое, будто против кабинета имеется искусственная интрига, могущая окончиться из-за вопроса

---

[1] У Siebert'а слова: «в лице... в Париже» заменены словами: «dem deutschen Staatsseckretär des Auswärtigen und einem sehr starken Gegner in Paris» («германским статс-секретарем по иностранным делам и очень сильным противником в Париже»).

[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 29.

[3] «Передавая болгарскому правительству заверения Порты, (великие державы) должны бы гарантировать Болгарии искренность этих заверений и то, что, следовательно, на Болгарию не будет совершено нападения»

о мобилизации падением Гешова, который с нетерпением ждет ответа императорского правительства на свое вышеизложенное обращение [1].

Урусов.

№ 615. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

'/. Телеграмма № 627. 13 октября/30 сентября 1911 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 612 [2] и письмо [9 октября] 26 сентября [3]. Получил телеграммы №№ 1419, 1423, 1428 [4], 1430[5] и 1456 [6].

Я сообщил совершенно доверительно великому визирю, что, осведомившись о его формуле, вы признали последнюю содержащей действительно признание совершившейся оккупации Триполи Италией, и потому нашли возможным зондировать весьма доверительно косвенным путем римский кабинет по вопросу, как вы могли бы лучше ответить Турции, если бы она действительно обратилась к русскому правительству с просьбой довести формулу великого визиря до сведения Италии. Я добавил, что по поводу нового турецкого предложения вы смотрите на заявляемый турецким правительством принцип суверенитета султана, как на возможную правомерную базу для начала желаемых Турцией примирительных сношений. Великий визирь высоко ценит таковое дружественное отношение ваше к его сообщению, и я тотчас воспользовался этим его настроением для приступа к переговорам, упомянутым в моей телеграмме № 626 [7]. Далее Саид-паша заявил, что он более не настаивает на турецких гарнизонах. Но от суверенитета султана, и притом возможно более действительного, турецкое правительство, по моему мнению, уже не откажется. Я обещал Саиду-паше уведомить его, если получу от вас дальнейшие сообщения о медиации.

Чарыков.

№ 616. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

'/. Телеграмма № 924 [8]. 13 октября/30 сентября 1911 г.

Лично и весьма секретно.

№ 2 [9].

Осуществление конфискации персидское правительство поручило Шустеру, который командировал по пяти жандармов при чиновниках главного казначейства, между прочим, в городской дом Шоа-эс-Солтане и в его пригородные имения Доулетабад, арендованные компанией из двух русско- и двух персидско-подданных.

---

[1] Публикуемая тел. была сообщена в Париж, Лондон, Берлин, Вену, К-поль и Рим 15/2 окт. за № 1491.

Тел. от 14/1 окт. за № 72 Урусов сообщал: «На вчерашнем совете министров кабинет согласился с Гешовым о необходимости обождать результата его обращения к великим державам, и посему вопрос о мобилизации отложен до получения ответа кабинетов. Успех этот придал значительную уверенность и необходимое спокойствие Гешову, который сегодня утром получил от турецкого поверенного в делах новые подтверждения миролюбия Порты. Повидимому, Гешов овладел положением и сумел вернуть на путь разума несколько увлекшихся министров. В общем воинственное настроение несколько сдало. Однако общественное мнение восстановлено против мирной политики Гешова, который вчера предвидел возможную необходимость для него отказаться от власти».

[2] См. № 555.

[3] См. № 570.

[4] См. №№ 549, 559 и 565.

[5] Тел. от 9 окт./26 сент. за № 1430 Нератов сообщал, что, «по смыслу итальянского перечня контрабанды», финики и масло не должны считаться военной контрабандой.

[6] См. № 582.

[7] См. № 601.

[8] Царск. экз.

[9] Тел. № 1 — см. № 603.

Узнав об этом, Похитонов [1], не спросив указаний миссии, не запросив об отношении последней к Шоа и без всякой о том просьбы со стороны нашего банка, командировал в оба вышеупомянутые имения чинов консульства с казаками, которые, согласно заявлению шахского правительства, выгнали под угрозой выстрелов жандармов из дома принца, а в Доулетабаде Петров, будто бы, арестовал посланных правительством лиц, обезоружил их и под конвоем русских казаков отправил в генеральное консульство. Из консульства они были отпущены вследствие данных мной Похитонову категорических приказаний и Похитонову [2] не вмешиваться в дела Шоа. На следующий день правительство послало в дом принца 120 жандармов, которые беспрепятственно им завладели, удалив оттуда охранявших дом пять персидских казаков. Не решаясь вновь выступить активно, Похитонов все-таки послал Петрова и Гильдебранда [3] просить князя Вадбольского послать отряд бригады на выручку находившихся в доме персидских казаков, но, к счастию, полковник ответил, что не может принять подобные меры без разрешения посланника. Я нахожу, что поступок генерального консула является не только грубым и необъяснимым оскорблением персидского правительства, но и тяжелым проступком по отношению к миссии, которая была поставлена в тяжелую необходимость осудить и отменить распоряжение генерального консула. Насколько я могу понять среди возбуждения, царящего в консульстве, действия последнего мотивируются тем, что иначе нельзя было поступить, что того требовал наш престиж и что дом принца находится в соседстве с домом драгоманов. Из более серьезных причин упоминается аренда русско-подданными Доулетабада и залог имений принца в нашем банке. Должен заметить, что для охраны прав арендаторов достаточно было послать гуляма, который указал бы и выделил их имущества; что же касается до интересов банка, то последний и не просил о защите, и консульству даже неизвестно содержание документа, упомянутого в моей телеграмме № 1. Для выяснения полной картины инцидента я приказал Похитонову представить мне подробное письменное донесение с точным указанием как данных им чинам консульства инструкций, так и способов их выполнения. По получении этого документа я не премину представить вашему превосходительству по телеграфу мои заключения, в которых, ввиду важности происшедшего инцидента, я буду просить о применении к виновным весьма крупных мер. Миссия приложит, конечно, все старания, чтобы произвести расследование с возможным спокойствием, но в случае нового акта неповиновения или какого-нибудь скандала я буду принужден, для восстановления служебной дисциплины, принять самостоятельно и под личной моей ответственностью необходимые меры по отношению к отдельным чинам или даже ко всему составу генерального консульства.

П о к л е в с к и й.

№ 617. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 924 [4]. 13 октября/30 сентября 1911 г.

№ 3 [5].

С шахским правительством у меня были следующие объяснения по поводу инцидента. Первое известие о происшедшем я получил по телеграфу от Шустера, который просил приказаний генеральному консулу о прекращении вмешательства в дело конфискации. Умолчав о деле принца, я указал, что прежде посылки жандармов в Доулетабад следовало дать заверение генеральному консульству о пол-

[1] Ген. консул в Тегеране.
[2] Так в оригинале.
[3] Драгоманы росс. консульства в Тегеране.
[4] Царск. экз. Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 179, с сокращениями и стилистическими изменениями.
[5] Тел. №№ 1 и 2 — см. №№ 603 и 616.

ной охране имущества и контракта русско-подданных и лишь на этих условиях я соглашался на воздержание от активного вмешательства. На следующий день я получил ноту с протестом и жалобой на генеральное консульство и с просьбой об увольнении Похитонова и Петрова от должностей. Я повторил министру вышеизложенное, добавив, что неумение шахского правительства охранить русский флаг и подданных от оскорблений со стороны правительственных войск ставит Персию как бы вне закона и что поэтому я категорически отказываюсь от принятия каких-либо протестов и просьб об удовлетворении. Я также сообщил, что собираю материалы о происшедшем для доклада вашему превосходительству и вообще поступлю согласно указаниям моей совести. Через Барклая я узнал, что инструкции были даны посланным вторично в дом Шоа-эс-Солтане 120 жандармам. Им было приказано мирным путем завладеть домом, не отступать перед сопротивлением, первыми не стрелять, но отвечать на выстрелы и тогда силой войти в дом. Так как жандармы находились под командой старшего полицейского офицера и пока в финансовую жандармерию набираются люди испытанной храбрости, то легко себе представить, до чего мог разростись инцидент, если бы миссия не удержала генеральное консульство от вторичного активного выступления.

Поклевский.

№ 618. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 614. 13 октября/30 сентября 1911 г.

Положение на Юге продолжает ухудшаться, и есть опасение что, овладев Чанша, революционная партия установит связь с Кантоном [1]. В окрестностях Ханькоу революционеры делают успехи, но концессиям, судя по прокламациям, едва ли грозит непосредственная опасность. Маневры у Кайпина отменены, и часть войск, отправленных на Север, стягивается обратно к Пекину, взамен двух дивизий, отправка которых в Ханькоу началась сегодня. Весьма возможно, что генералу Ин-чану удастся подавить восстание, однако запутанность внутреннего положения в Китае усилится еще более, так как деятельность революционеров становится все более широкой и планомерной, подрывая популярность династии и престиж правительства. Считал бы настоящую минуту самой подходящей, чтобы предъявить Лу Чжен-сяну наши контрпредложения по торговому договору [2], если это еще не было сделано, и повести переговоры в возможно более энергичном и ускоренном направлении.

Коростовец.

№ 619. Министр финансов временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 615. 13—12 октября/30—29 сентября 1911 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Со времени образования международного консорциума из капиталистов четырех держав для реализации китайских займов я не раз имел случай излагать в сношениях с министерством иностранных дел свой взгляд на то, какую точку зрения нам следовало бы усвоить в отношении названного консорциума. Сущность высказанных мной по этому поводу соображений сводилась к тому, что мы не можем допустить сосредоточения финансовых операций китайского правительства в руках такой международной группы, из состава которой была бы совершенно устранена Россия, в особенности поскольку дело идет о финансировании

[1] Тел. от 11 окт./28 сент. за № 603 Коростовец передавал полученные им от росс. ген. консула в Ханькоу Островерхова сведения: «В Учане восстание, войска присоединились к революционерам».

[2] См. № 100.

предприятий в Манчжурии, Монголии и Восточном Туркестане. Формальное основание для такого взгляда я находил, с одной стороны, в нашем соглашении с Англией 1898 г.[1] о разграничении сфер железнодорожного строительства в Китае, а с другой — в заявлении бывшего французского министра иностранных дел Пишона о том, что он признает наше преимущественное положение в областях Китая, расположенных к северу от Великой стены.

В соответствии с изложенной точкой зрения я считал необходимым поставить главной нашей целью преобразование англо-франко-немецко-американского консорциума на таких началах, чтобы финансирование предприятий к северу от Великой стены отошло к особой, входящей в состав его, группе, в которой приняла бы участие и Россия. На случай же невозможности такого преобразования нынешнего консорциума, я считал допустимым образование, наряду с ним, особого синдиката, в котором Россия заняла бы преобладающее положение, и который взял бы в свои руки совершение операций, имеющих целью развитие областей Застенного Китая. При этом, находя условия договора, заключенного англо-франко-немецко-американским консорциумом с Китаем относительно выпуска займа в 10 млн. ф. ст., во всяком случае нарушающими наши интересы, я признавал безусловно необходимым настаивать по крайней мере на исключении ст. 16 означенного договора, в надежде, что этим путем мы побудим участников консорциума принять наше предложение о преобразовании этого консорциума.

Ваше превосходительство изволили в общем присоединиться к высказанным мной взглядам, и в результате Россией был заявлен Франции формальный протест против условий договора о займе в 10 млн. ф. ст. с указанием на желательность преобразования англо-франко-немецко-американского консорциума[2]. Одновременно с нами и японское правительство заявило протест Англии.

Ввиду этих протестов со стороны заинтересованных сфер последовал ряд предложений, имевших целью побудить Россию и Японию отказаться от их возражений, и хотя все эти предложения были признаны и нами и японцами неприемлемыми, но они во всяком случае свидетельствовали о том, что русско-японский протест оказал свое влияние.

По имеющимся у меня сведениям, которым я не имею оснований не доверять и которые исходят главным образом от товарища председателя правления Русско-азиатского банка М. Верстрата, только-что вернувшегося из-за границы, где он имел объяснения с разными финансистами, — у французских капиталистов, принимающих участие в международном консорциуме, возникли серьезные сомнения по поводу намеченной этим консорциумом программы действий. Эти сомнения, между прочим, довольно определенно выяснились в связи с состоявшимся недавно в Берлине съездом участников консорциума, на котором подлежал окончательному утверждению договор о займе в 10 млн. ф. ст. и должен был обсуждаться план монетной реформы в Китае. Отправляясь на этот съезд, французские финансисты надеялись, что им удастся выяснить недостатки предложенной китайцами программы монетной реформы и тем побудить прочих участников консорциума отказаться от принятия этой программы, а вместе с тем и от утверждения договора о займе в 10 млн. ф. ст.

Однако все заявления французских представителей не привели ни к каким результатам. Выяснилось, что главная роль в направлении деятельности консорциума находится в руках американцев, которые не находят нужным считаться с возражениями России или Японии. Английские участники на обращенное к ним напоминание о протесте Японии равным образом заявили, что этот протест оставлен в Англии без внимания, и они не стеснены в свободе действий. При этом категорически было отвергнуто сделанное французами предложение уступить финансирование китайских предприятий к северу от Великой стены синдикату, во главе которого стоит Русско-азиатский банк. В результате договор о займе в 10 млн. ф. ст. был утвержден в полном объеме, не исключая и ст. 16-й, причем решено содей-

---

[1] Повидимому ошибка. См. ч. I, стр. 52, прим. 1.
[2] См. №№ 105, 129 и 130.

ствовать осуществлению задуманной китайским правительством монетной реформы, хотя приступ к реализации необходимых для этого средств и отложен, во внимание к состоянию денежного рынка, до весны будущего года. Французские участники присоединились к этому решению, но, как кажется, оговорили, что они должны представить дело на усмотрение своего правительства.

При таком положении дел естественно возникает вопрос о том, что же нам следует предпринять дальше для ограждения наших интересов.

Со своей стороны, я вижу для нас только один способ действий — добиваться того, чтобы французские капиталисты вышли из состава международного консорциума. Удастся ли нам достигнуть этого, сказать, конечно, трудно, но сосредоточить в этом направлении все наши усилия, действуя через посредство французского министра иностранных дел, мне кажется прямо необходимым ввиду того, что успех наших домогательств оказал бы, по моему мнению, решительное влияние на дальнейшую судьбу международного консорциума.

Я уже имел случай высказывать мнение, что консорциуму будет очень трудно обойтись без французского рынка. Дело в том, что Северо-Американские Соединенные Штаты вообще избегают реализации иностранных ценностей. Хотя американские банкиры иногда берут на себя инициативу или вообще принимают участие в деле выпуска иностранных займов, но они стараются главным образом получить куртаж и затем сбыть самые ценности при первой же возможности на европейские рынки, преимущественно во Францию. Германия представляет собою для помещения ценностей сравнительно ограниченный рынок и, кроме того, она озабочена прежде всего удовлетворением собственных нужд. Почти то же следует в общем сказать и о великобританском рынке.

Таким образом, если в выпуске китайских займов Франция не примет официального участия, то для остальных участников нынешнего консорциума вопрос сведется собственно к тому, насколько им удастся перевести китайские фонды обходным путем в другие страны и прежде всего во Францию.

В этом смысле не раз и высказывалось опасение, указывавшее на то, что, если правительство республики запретит котировку выпускаемых международным консорциумом займов на французском рынке, то французы все-таки примут участие в них обходным путем. Это опасение, конечно, не лишено известных оснований, но на мой взгляд, ему не следует придавать преувеличенного значения. С одной стороны, при таких условиях эти займы не представят для французских капиталистов того интереса в виде крупного куртажа, который вообще имеют подобные операции в глазах капиталистов при официальном их участии в выпуске займов, а с другой — трудно допустить, чтобы французские капиталисты могли не считаться вовсе с мнением своего правительства, и раз последним нам дано обещание не допускать котировки китайских займов без нашего согласия, то значение этого факта не может, казалось бы, остаться без влияния на французские кредитные учреждения. Как бы то ни было, оставлять это обещание неиспользованным нам, по моему мнению, не следовало бы.

Все изложенное дает мне право предположить, что попытку добиться отделения французских капиталистов от международного консорциума (о чем, по имеющимся сведениям, они, в силу состоявшегося соглашения, должны были бы заявить своим компаньонам в декабре нынешнего года) во всяком случае нельзя считать заранее обреченной на неуспех. Для того же, чтобы сделать французов более сговорчивыми, нам следовало бы, мне кажется, не ограничиваясь протестами, обратить их внимание на возможность для них работы в Китае путем создания новой финансовой группы. Раньше я указывал на желательность привлечения к образованию подобной группы капиталистов Франции и Англии, но теперь, когда вполне определенно выяснилось отрицательное отношение англичан, пришлось бы, повидимому, остановиться на образовании франко-русско-японской группы. Японские кредитные учреждения, конечно, не очень сильны, но, совершая время от времени для Китая не крупные кредитные операции, они, вероятно, не отказались бы принять участие и в проектируемой группе, тем более, что через них могли бы войти в нашу группу и неко-

торые английские банки, не участвующие в нынешнем международном консорциуме [1].

Считаю также необходимым сообщить для сведения вашего превосходительства, что, по имеющимся у меня данным, не только на лондонском, но и на берлинском рынках нет полного единодушия в вопросе о целесообразности участия в делах международного консорциума. По крайней мере, банкирский дом Мендельсона, принимающий участие в консорциуме через Deutsch-Asiatische Bank, был сильно смущен, когда выяснилось, что он причастен к комбинации, враждебной России. Таким образом, быть может, оказалось бы возможным произвести известное давление и на немецкие банки.

В конечном выводе я находил бы возможным формулировать наши ближайшие задачи в настоящем вопросе таким образом: попытаться побудить французов выйти из состава международного консорциума и образовать с их помощью особую группу для финансирования предприятий к северу от Великой стены [2].

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 620. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

Телеграмма № 1486. 14/1 октября 1911 г.

Турецкое правительство очень озабочено происками малиссорского главаря Сокол-баши, который остался в Черногории.

Ради поддержания добрых отношений между Черногорией и Турцией в нынешнее сугубо опасное для мира время, необходимо воздействие королевского правительства на этого главаря и предотвращение приписываемого последнему намерения напасть на турецкий отряд, занимающий урочище Дотич [3].

Нератов.

№ 621. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 234. 14/1 октября 1911 г.

Reçu télégrammes NN 1483 [4] et 1484 [5].

Je m'en suis acquitté auprès de Nicolson. Il m'a dit que Grey appréciait votre opinion sur utilité et urgence d'une coopération des trois Puissances au cours de la crise actuelle. Nicolson m'a dit qu'instructions dans sens désiré par vous seraient expédiées à Constantinople. Télégramme de Rodd [6] rend compte d'entretien avec

---

[1] В письме от 19/6 окт. за № 1042, пересылая публикуемое письмо Извольскому, Нератов писал: «Несомненно, расторжение сказанного четверного синдиката путем выхода из него французской группы банкиров вполне отвечало бы нашим интересам, и нам следует работать в этом направлении». Нератов считал, однако, преждевременным поднимать вопрос об участии Японии в предполагаемом синдикате во главе с Русско-азиатским банком, так как «японское правительство весьма сдержанно отнеслось как к нашей мысли об образовании такого синдиката, так и к предположению об участии в нем Японии. Мне казалось бы поэтому предпочтительным предоставить японцам самим возбудить вопрос об их участии в проектируемом нами синдикате. В этом им, само собой разумеется, нельзя будет отказать, но в таком случае мы будем иметь возможность поставить Японии свои условия и, может быть, воспользоваться этим, чтобы не допустить японцев в те части Застенного Китая, которые токийский кабинет уже признал сферой наших преимущественных интересов».

[2] На полях оригинала имеется помета рукой Козакова: «Однако, министр финансов отказался от предложенного нам участия в синдикате».

[3] Тел. от 19/6 окт. за № 146 Обнорский сообщал Нератову, со слов Греговича, что албан. вождь Сокол-баш «никаких агрессивных действий против турок при нынешнем мирном настроении Черногории не предпримет».

Содержание тел. Обнорского было передано Нератовым Чарыкову 21/8 окт. тел. за № 1556.

[4] См. № 608.

[5] См. № 609.

[6] Англ. посол в Риме.

ministre des affaires étrangères dont teneur correspond à ce que ambassadeur italien vous a dit. Pourtant le ministre des affaires étrangères n'a pas parlé de lien religieux. Le sous-secrétaire d'Etat italien a dit que quelque chose peut être fait pour le Khalifat. D'après Nicolson le gouvernement britannique partage cette opinion. Il écrit que beaucoup dépendra de la convocation du Parlement turc et des changements ministériels éventuels. D'après lui il faut attendre ces résultats. D'ailleurs il croit que le gouvernement turc ne pourra accepter dès aujourd'hui le point de vue italien. Il n'y a par conséquent rien d'autre à faire qu'attendre une nouvelle occasion en restant en contact. Le télégramme de Rodd a été communiqué au chargé d'affaires à St.-Pétersbourg.

Benckendorff.

Перевод.

Получил телеграммы №№ 1483 и 1484.

Я выполнил перед Никольсоном изложенные в них [поручения]. Он сказал мне, что Грей одобряет ваше мнение о пользе и срочности сотрудничества трех держав в течение нынешнего кризиса. Никольсон сказал мне, что инструкции в желаемом вами смысле будут посланы в Константинополь. Телеграмма Родда сообщает о беседе с министром иностранных дел, содержание каковой соответствует тому, что вам сказал итальянский посол. Однако министр иностранных дел не говорил о религиозной связи. Помощник итальянского статс-секретаря сказал, что кое-что может быть сделано для Халифата. По словам Никольсона, британское правительство разделяет это мнение. Он [Родд] пишет, что многое будет зависеть от созыва турецкого парламента и возможных перемен в министерстве. По его мнению, надо выждать этих результатов. Впрочем он думает, что турецкое правительство не будет иметь возможности теперь же принять итальянскую точку зрения. Следовательно, не остается ничего другого, как ожидать нового повода, сохраняя контакт. Телеграмма Родда была сообщена поверенному в делах в С.-Петербурге.

Бенкендорф.

№ 622. Управляющий дипломатическим агентством [1] в Каире временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Депеша № 30. 14/1 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вопрос о нейтралитете Египта в войне Италии с Турцией представляется в следующем виде: официально Египет не мог быть объявлен нейтральным, так как он находится в вассальной зависимости от Турции. Но египетское правительство, опасаясь различных осложнений, стало на почву «молчаливого нейтралитета» (neutralité tacite). Хотя в официальном органе правительства «Journal Officiel» и не появлялось никакого сообщения о нейтралитете, но некоторые обстоятельства ясно указывают на то, что в конфликте между Италией и Турцией Египет остался нейтральным [2].

Так, например, итальянский военный крейсер «Puglia», придя в Порт-Саид, ушел оттуда в Суэц до истечения 24 [часов] стоянки, после чего крейсер должен был бы быть разоружен, а команда свезена на берег. Турецкий военный транспорт «Kossira», прибывший в Порт-Саид с войсками и оставшийся там несколько дней, был разоружен, а войска высажены. Маяки египетских портов, как-то: Александрии, Порт-Саида и Суэца — не тушатся, несмотря на то, что распоряжение Порты о тушении маяков распространялось на все владения Турции.

Нельзя не отметить, что в вопросе о нейтралитете Египта заметную роль играют великобританский и итальянский представители. Как лорд Китченер, так и граф Гримани говорили мне, что они всеми силами стараются предупреждать при теперешних обстоятельствах возникновение каких бы то ни было осложнений. По соглашению лорда Китченера с графом Гримани, турецкие войска, высажен-

---

[1] Тел. от 26/13 июля (без номера) Саблер сообщал, что, ввиду ухода в отпуск Смирнова, он взял на себя управление дипломатическим агентством.

[2] Тел. от 10 окт./27 сент. за № 1442 Нератов сообщал Чарыкову: «Из доверительного источника знаем, что Англия считает Египет нейтральным, как находящийся в условиях оккупации нейтральной державой».

ные, как я уже упоминал, с транспорта «Kossira», будут сухим путем отправлены в Сирию, что является большим облегчением для Египта [1].

Не менее озабочены вышеупомянутые представители и тем, чтобы в Египте не были затронуты интересы нейтральных держав, и, в виде примера, я позволю себе в отдельном донесении указать вашему превосходительству на случай с пароходом Добровольного флота «Владимир» [2].

Примите и пр. Ю. Саблер.

№ 623. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 141 [3]. 14/1 октября 1911 г.

Получил телеграммы №№ 1450 [4] и 1455 [5].

Я имел еще в среду [6] разговор о проливах с де Сельвом, которому я изложил в общих чертах наши пожелания. Сегодня я еще раз вернулся к этому вопросу. Де Сельв заявил мне самым положительным образом, что мы можем рассчитывать на полное сочувствие Франции в этом деле. Он уверяет, что между Францией и Англией не существует никакого специального уговора о проливах. Из его слов я мог заключить, что он озабочен отношением лондонского кабинета к этому вопросу и что находящемуся здесь послу в Лондоне Жюлю [7] Камбону поручено осведомиться о взгляде сэра Эдуарда Грея.

Извольский.

№ 624. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 52 [8]. 14/1 октября 1911 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 51 [9].

Французский и великобританский послы, как они мне сказали, полагают полезным дать понять в Константинополе, что Германия уже заручилась обе-

---

[1] Деп. от 14/1 окт. за № 29 Саблер сообщал: «Туземные круги проявляют горячее сочувствие к Турции». «Орган партии националистов газета «Misr-el-Fatat», выступавший в длинной статье с обвинениями против египетского правительства в том, что оно стало на сторону Италии, был недавно закрыт по постановлению министерства внутренних дел».

«Что же касается, — продолжал Саблер, — ходивших здесь в связи с войной слухов об отъезде из Каира итальянского поверенного в делах и о временном закрытии в Египте итальянских консульств, а также об увольнении состоящих на египетской службе итальянцев, то таковые не подтвердились. Равным образом, промелькнувшее в газетах известие о разрешении Англии на провоз турецких войск через Египет в Триполи — оказалось совершенно необоснованным».

[2] Тел. от 6 окт./23 сент. (без номера) и деп. от 14/1 окт. за № 31 Саблер сообщал, что пароход Добровольного флота «Владимир», перевозивший турец. войска из Аравии в Константинополь, зашел в Суэц. На основании нейтралитета Египта в войне Италии с Турцией, войска подлежали высадке, а пароход обратному отправлению в Одессу, но ввиду обнаружившихся среди турец. солдат случаев заболевания холерой, пароход должен был зайти еще в Тор для отбытия противохолерного карантина.

«Хедивский министр иностранных дел, — писал Саблер, — гарантировал мне полную безопасность для «Владимира» на пути из Суэца в Тор и обратно. Итальянский поверенный в делах со своей стороны сообщил мне, что им были приняты меры для свободного пропуска «Владимира» крейсировавшими в Суэцком заливе итальянскими военными судами».

Благодаря содействию Китченера, «Владимир», по словам Саблера, оставив турецких солдат в Торском карантине и пройдя Суэцким каналом, ушел в Одессу. «Вообще, — заканчивал Саблер, — пребывание в Египте Китченера уже дает себя чувствовать: заметно, что великобританское дипломатическое агентство мало-по-малу начинает вытеснять хедивское министерство иностранных дел, по крайней мере при нынешнем министре Рушди-паше».

[3] Тел. бланк.

[4] См. № 579.

[5] См. № 581.

[6] 11 окт./28 сентября.

[7] Так в оригинале. Следует читать: «Полю».

[8] Публикуемая тел. была передана Нератовым в Лондон, Париж и К-поль 15/2 окт. за № 1494.

[9] См. № 610.

щанием Италии воспользоваться «ее» услугами посредничества. По их мнению, следует предоставить Порте судить самой о выгодах, которые могут ей представить добрые услуги одной лишь державы [1].

Долгорукий.

№ 625. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 158 [2]. 14/1 октября 1911 г.

Сообщая мне переданное в телеграмме моей № 155 [3] известие о проезде болгарского председателя совета министров через Белград без предупреждения, Милованович был введен в заблуждение вполне благоразумной осторожностью Гешова, который для отвлечения внимания пропустил предварительно некоего болгарина под своим именем. Сам же Гешов под строгим инкогнито прибыл на другой день в Белград и с вызванным им Миловановичем проехал до станции Ягодина, беседуя о сербско-болгарском соглашении. Впечатления Миловановича самые благоприятные. На сей раз болгары, повидимому, признали настоятельную важность итти рука об руку с Сербией. Гешов уверял, что ныне и король Фердинанд пришел к таковому же сознанию. Оба министра наметили в общих чертах основные условия соглашения, которое будет иметь характер оборонительного и наступательного союза. Оборонительного — в случае нападения какой-либо третьей державы на одну из договаривающихся сторон; наступательного — на случай возникновения балканских осложнений, которые непосредственно угрожали бы их интересам. Относительно распределения сфер: сербы заранее отказываются от каких-либо притязаний на Солунский (?) [4] вилайет; болгары — на Скутарийский и часть Ускюбского к северу от Шар-Планины. Спорные подробности представляются на третейский суд России.

Милованович настойчиво указывал на необходимость, чтобы переговоры велись под постоянным наблюдением России и чтобы третий экземпляр договора был официально сообщен императорскому правительству. Гешов сказал, что таково и желание его партии. Передаточным каналом, в письмах строго секретных, по желанию Гешова, избран сербский посланник в Софии Спалайкович. Выбор прекрасный. Во время беседы Милованович всячески старался выведать, не скрывается ли под неожиданным склонением короля Фердинанда в пользу соглашения какой-либо выработанной в Вене уловки, но никаких данных к сему не обнаружилось. Гешов, видимо, с полной искренностью обсуждал дело, не скрывая при этом, что в Болгарии более всего опасаются тайных замыслов со стороны Румынии. Милованович, под своими впечатлениями недавнего посещения Бухареста, старался успокоить Гешова, указав, что сербо-болгарское соглашение и явится самой верной гарантией против козней этой державы. Для сообщения всего изложенного Милованович заходил ко мне вместе с Пашичем, который, как лидер властвующей радикальной партии, вполне одобрял предварительные переговоры министра-председателя с Гешовым. Свидание последних осталось тайной для всех.

Гартвиг.

---

[1] Тел. от 16/3 окт. за № 637 Чарыков сообщал: «Мне известно, что теперешний великий визирь желает избегнуть посредничества одной Германии, чем и объясняется его систематическое обращение по делу о примирении с Италией к нам и ко всем вообще державам, подписавшим Парижский и Берлинский трактаты».

Тел. от 17/4 окт. за № 237 Бенкендорф доносил, что Никольсон не считает возможным сообщение Порте сведений о том, что итал. прав-во обещало Германии предоставить ей посредническую роль. Такое сообщение не может быть сделано без того, чтобы итал. м-р ин. дел не был поставлен о нем в известность и «всякого рода подчеркивание этого момента в Константинополе или в Риме могло бы произвести впечатление соперничества между тремя державами и Германией относительно их роли в этом вопросе, на которое Германия могла бы сетовать как на интригу против ее добрых намерений».

[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 30.

[3] См. № 589.

[4] Знак вопроса в оригинале.

№ 626. Поверенный в делах в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 145 [1]. 14/1 октября 1911 г.

Вернувшийся на-днях из Антивари король Николай, пригласив меня во дворец, заявил мне, что чрез неделю он вступит со своими войсками в Санджак и что тогда всякие советы со стороны России будут тщетными. Я заметил его величеству, что такое заявление кажется мне совершенно непостижимым после неоднократных представлений со стороны императорского правительства о необходимости для Черногории воздерживаться от самостоятельных выступлений против Турции и в особенности после категорического заверения о невмешательстве Черногории в итальяно-турецкую войну, только-что данного мне, в отсутствии короля, от имени его величества министром иностранных дел Греговичем [2]. Я добавил, что во всяком случае такой шаг Черногории встретил бы самое энергичное осуждение и отпор со стороны всех держав и в особенности России. После минутного молчания король вдруг сказал мне, что он пошутил и что Черногория status quo не нарушит. Как я узнал позднее, такое же заявление, с той же последующей оговоркой о шутке, было сделано королем в тот же день болгарскому и сербскому посланникам, ввиду чего я и не считаю возможным умолчать перед императорским министерством об этом, по меньшей мере, странном припадке веселости черногорского господаря. Сегодня король с министром-президентом, военным министром, генералом Мартиновичем и большой свитой выехал в Грахово, откуда проследует в Никшич.

Обнорский.

№ 627. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 630. 14/1 октября 1911 г.

Тронная речь при открытии парламента сегодня укоряет Италию за неправомерные поступки при объявлении войны, призывает к внутреннему единению, составляющему самую существенную силу для обороны отечества от подобных насилий, отмечает, что отношения султана с прочими державами и с соседними государствами попрежнему дружественные и искренние и заявляет о продолжении политики, заключающейся в уважении к чужим правам и защите собственных прав. Настроение палаты приподнятое в смысле продолжения сопротивления Италии.

Чарыков.

№ 628. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 631 [3]. 14/1 октября 1911 г.

Ссылаюсь на мою депешу № 97 [4], которую получите в четверг [5].

После церемонии в парламенте министр иностранных дел Ассим-бей в продолжительной беседе просил меня помогать ему в совместной работе, ввиду его стремления, в отличие от своего предшественника, к сближению с императорским правительством. Министр сообщил мне также о пожелании султана отпра-

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 31.
[2] См. № 528.
[3] Опубл. Siebert, II, S. 175, N 465.
[4] Деп. Чарыкова от 14/1 окт. за № 97 посвящена вопросу о свободном следовании русских черноморских хлебных грузов через проливы во время войны между Италией и Турцией.
[5] 19/6 октября.

*

вить посольство к государю императору в Ливадию, причем я ознакомил Ассим-бея с прецедентами соответственных сношений [1] и с предположением гофмейстера Сазонова провести некоторое время в Крыму. Министр горько жаловался на препятствия, чинимые английскими крейсерами подвозу продовольственных припасов населению Иемена и Геджаса, ввиду чего я поставил Ассим-бея в известность о вашем заступничестве за интересы русских и иных мусульманских паломников, упомянутом в вашей телеграмме № 1480 [2]. Мне кажется, что мы можем найти в новом министре очень полезного деятеля в области обеспечения наших интересов в Турции. В этих видах позволяю себе подтвердить мою телеграмму № 629 [3] о своевременности допущения турецкого консула в Баку.

Чарыков.

№ 629. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 96. 14/1 октября 1911 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Во исполнение инструкции вашего превосходительства, изложенной в секретном письме от [2 октября] 19 сего сентября за № 617 [4] и в телеграмме от [7 октября] 24 сентября за № 1420 [5], я приступил к переговорам с турецким правительством, передав великому визирю [12 октября] 29 числа сего месяца конфиденциальное и личное письмо мое, при сем в копии прилагаемое [6].

В нем изложены те мои соображения о русско-турецком соглашении, по предмету коих я высказываю Саиду-паше желание узнать его заключение, прежде чем испросить у императорского правительства инструкций для возбуждения официальных сношений с Портой. Сущность словесных объяснений, которые я предпослал передаче упомянутого письма, заключается в следующем.

У России и Турции имеется один первостепенной важности общий интерес, проистекающий из их географического положения: обоюдная безопасность.

Всего четыре года тому назад известия о турецких вооружениях в Анатолии настолько обеспокоили императорское правительство, что понадобилось отправление на место особой русской военной миссии для того, чтобы положить конец этому инциденту.

С другой стороны, я постоянно читаю в здешних газетах, что Россия мобилизует войска на Кавказе или отправляет отряды на турецкую малоазиатскую границу. Такого рода слухи, несомненно, беспокоят турок, и нет сомнения, что подобное отсутствие с обеих сторон чувства безопасности следует приписать прежде всего неимению положительного соглашения между обоими правительствами.

Не менее важна для нас безопасность всего русского черноморского побережья, которая теперь зависит всецело от сохранения в проливах существующего порядка вещей.

Надо, конечно, надеяться, что укрепления Дарданелл могучи и что турецкий флот в состоянии предотвратить прорыв неприятельских сил в Мраморное море.

---

[1] У Siebert'а слова: «с прецедентами соответственных сношений» опущены.

[2] См. № 606.

[3] Тел. от 14/1 окт. за № 629 Чарыков сообщал об урегулировании вопроса о постройке православных церквей в Палестине и богослужения в них, и высказывал мнение, что следовало бы известить Турхан-пашу о согласии росс. прав-ва на учреждение в Баку турец. консульства; этот шаг росс. прав-ва, по мнению Чарыкова, должен был служить поощрением деятельности Ассим-бея, «проявляющего на деле готовность отказаться от недоброжелательного отношения к русским интересам Рифаата-паши и Хакки-паши».

[4] См. № 509.

[5] См. № 550.

[6] См. № 602.

Но можно ли быть в этом уверенным? Может ли великий визирь, например, поручиться за то, что при дальнейшем ходе теперешней войны первоклассный итальянский флот не вступит в Дарданеллы? Но в одном можно быть уверенным: если рядом с турецкой эскадрой станет русская эскадра и если русские минные и иные военные техники помогут турецким техникам оборонять проливы, то через них *никто не пройдет*. Ввиду такой общности русских и турецких интересов, русское правительство было бы расположено оказать Турции действительную поддержку для сохранения теперешнего порядка вещей в проливах, а также для защиты прилегающих к оным территорий в случае, если бы им угрожали неприятельские вооруженные силы.

В тесной связи с обоюдной безопасностью находятся обоюдные русско-турецкие экономические и торговые интересы. Для их надлежащего обеспечения необходимо широкое развитие в Турции железнодорожного строительства, в связи с постройкой и русских железных дорог в сторону Малой Азии и смычкой обеих рельсовых сетей.

Известное русско-турецкое соглашение 1900 г. явилось на практике затруднением для постройки железнодорожных линий на всем пространстве от Гераклеи до кавказской границы.

Мы готовы отказаться от преимуществ, выговоренных на всем этом пространстве для русских капиталистов и даже способствовать приисканию капиталов для необходимых для Турции линий.

Еще недавно Порта заключила с французскими предпринимателями уговор о производстве изысканий целой крупной сети железнодорожных линий. В связи с этим находится и вопрос о значительном займе.

Ввиду союза, связующего Францию с нами, сближение Турции с Россией послужит, несомненно, к обеспечению Турции столь важной для нее французской финансовой поддержки.

Вместе с тем необходимо, чтобы по отношению к железным дорогам, направляющимся к востоку от линии Самсун — Сивас — Харпут — Диарбекир—Моссул, были приняты во внимание обоюдные торговые интересы и заранее условлены те пункты, в которых русские и турецкие дороги имеют примкнуть друг к другу. Соответственные конвенции существуют между Россией, Пруссией, Австрией и Румынией. Надлежало бы установить таковые и с Турцией.

Великому визирю известно, как искренно русское правительство желает сохранения status quo на Балканском полуострове и как деятельно оно способствовало поддержанию мира во время угрожавших ему осложнений между Турцией и Болгарией и еще раз, недавно, между Турцией и Черногорией.

По моему убеждению, лучшим обеспечением означенного status quo было бы установление между Турцией и ее балканскими соседями устойчивых добрососедских отношений. Я думаю, что для Турции было бы очень ценно заручиться в этих видах дружеским содействием с русской стороны.

«Я уже упомянул, — продолжал я, — о пользе от сближения с нами для Турции в области обеспечения ей расположения и финансовой поддержки со стороны Франции. Вам известны сердечная близость, существующая между Францией и Англией, и добрые отношения Англии и России. Я полагаю поэтому, что, сближаясь с нами, Турция приобретет не только упомянутые выше безопасность и денежные средства, но и немаловажное для нее сочувственное расположение великобританского правительства».

Мне известны, сказал я в заключение, старания турецкого правительства обновить и улучшить турецкое судопроизводство и организацию полицейской части. Успех этих стараний должен способствовать пересмотру тех исключительных обеспечений, которыми русские подданные пользуются в настоящее время в турецких пределах, и Саиду-паше, без сомнения, известно, что уже три года тому назад мы высказали готовность приступить к рассмотрению, в желательном для турецкого правительства смысле, вопросов, связанных с этим предметом.

Наконец, у нас с Турцией есть еще крупный общий интерес, заключающийся в экономическом и финансовом подъеме последней, как нашего непосредствен-

ного соседа и ближайшего рынка для сбыта произведений русской промышленности.

Сбыт этот за последние три года крупно и прогрессивно возрастает, что свидетельствует об увеличении благосостояния и покупной силы местного населения. Нам это очень выгодно, и потому я думаю, что мы могли бы отнестись сочувственно к тем экономическим и финансовым предположениям, с которыми турецкое правительство к нам обратилось.

Я добавил, что если Саид-паша усмотрит в моих предположениях задатки соглашения, я мог бы препроводить их моему правительству или в их теперешнем виде или с теми замечаниями, которые великий визирь счел бы полезным к ним добавить, дабы лишь затем просить инструкций для приступа к официальным переговорам с Портой.

Великий визирь выслушал меня с напряженным вниманием и, взяв письмо, сказал, что он из моих слов убеждается в дружественном расположении императорского правительства к Турции и в желании его сохранить и поддержать империю султана. По отношению же к железным дорогам он понимает, что строящиеся навстречу линии должны будут сблизиться и сомкнуться.

Мои соображения вызовут, конечно, некоторые изменения (modifications). Он обдумает это дело и выскажет мне свои мысли тем же доверительным образом, каким я изложил ему свои соображения.

«Я не сообщу об этом, — сказал великий визирь, — членам моего кабинета, и этот обмен мыслей будет происходить исключительно между вами и мной».

Саид-паша — турецкий деятель старой школы. Он любит такого рода отдельные конфиденциальные сношения и будет, я уверен, соблюдать желаемую им тайну, пока предварительное обсуждение намеченных вопросов не приведет к некоторым определенным результатам.

В данном случае эта особенность великого визиря для нас выгодна.

Пока о русских предположениях не будут осведомлены прочие члены оттоманского кабинета, о предложениях этих не узнает, вероятно, и партия «Единение и прогресс», не узнают также те из аккредитованных здесь иностранных представителей, которые имеют явных и тайных друзей среди названной партии. При этом уменьшится и вероятность преждевременного обсуждения наших домогательств печатью.

Эти обстоятельства будут, несомненно, способствовать спокойному и уравновешенному обсуждению всего этого важного и сложного дела по существу.

Для нас благоприятно тут сохранение за нами полной свободы не только по отношению к редакциям отдельных статей проектированной декларации, но и самому включению в нее тех или других составных частей: ибо текст, имеющийся у великого визиря, хотя и отвечает в общем благожелательным намерениям императорского правительства по отношению к Турции, не носит однако никакого официального, резкого или бесповоротного характера, в точном соответствии с указанием вашей телеграммы № 1420.

Примите и пр. Н. Чарыков.

№ 630. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 14/1 октября 1911 г.

Секретно. Личное.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Личная телеграмма вашего превосходительства от [12 октября] 29 сего сентября за № 1475 [1] разминулась с моей телеграммой от того же числа за № 626 [2], в коей я довел до вашего сведения, что мной уже были начаты в этот день переговоры с великим визирем и вручено ему мое конфиденциальное и личное письмо о намеченном русско-турецком соглашении.

[1] См. № 595.

[2] См. № 601.

Хотя таким образом я не имел возможности воспользоваться в данном фазисе этого дела указаниями, содержащимися в телеграмме № 1475, дальнейший ход оного не преминет представить к тому надлежащий случай.

Первое впечатление Саида-паши, мне кажется, скорее благоприятным для возможно широкой постановки вопроса о соглашении. Великий визирь тотчас отметил дружбу и благожелательность к империи султана, как общую характеристику русского сообщения, и это обстоятельство видимо облегчило ему признание неизбежности соглашения с нами о малоазиатских железных дорогах [1].

Упомянуть о балканских государствах меня побудили следующие особые местные обстоятельства.

Французский посол сообщил мне на-днях, что военный министр Махмуд Шевкет-паша, бывший до сих пор завзятым германофилом, открыто высказывается за сближение с Россией.

Дабы проверить это интересное известие, я поехал к министру, по случаю возвращения из отпуска, и Махмуд Шевкет действительно стал говорить о пользе для Турции от соглашения с Россией, заметил, что его напрасно считают немцем, тогда как он только турок, упомянул о заботах, внушаемых ему вооружениями балканских государств, и в заключение спросил меня: следует ли заключить соглашение сначала с балканскими государствами или с Россией? Я ответил, что, конечно, сначала с Россией, так как Порте будет затем гораздо легче уговориться с ее балканскими соседями [2]. Из слов министра я заключил, что мысль о соглашении Турции с балканскими государствами, издавна одобряемая нами и опять всплывшая здесь ныне, озабочивает и высшее турецкое правительство.

С другой стороны, болгарский посланник высказал мне, что состоявшееся назначение министром иностранных дел Ассим-бея, недавнего посланника в Софии, является благоприятным поводом для попытки осуществить мысль о соглашении между Турцией и Болгарией, на основе status quo, о которой г. Сарафов уже раньше неоднократно беседовал с Ассим-беем.

Ввиду вышеизложенного мне и показалось уместным упомянуть хотя бы в самых общих сочувственных чертах об упрочении добрососедских отношений на основе status quo между Турцией и балканскими государствами.

Проявляющееся стремление государств этих сблизиться друг с другом нисколько не препятствует соглашению каждого из них, на указанной основе, с Турцией: взаимное соглашение балканских правительств касается лишь случая катастрофы и распадения Оттоманской империи; соглашение же с Турцией касается обеспечения каждому балканскому государству мира, безопасности и культурных успехов для их сродичей в Турции, пока катастрофа не наступила. А она может не наступить, по крайней мере в близком будущем.

Мотивом для намека — ни к чему нас не обязующего — на вопрос о капитуляциях и об экономических и финансовых домогательствах Порты послужило намерение здешнего германского посольства использовать для себя, в такой же практически безобидной форме, всю ту цену, которую эти пункты имеют в глазах турок.

Все же мои подготовительные шаги имели целью создать здесь, вокруг предписанных императорским правительством переговоров, общую атмосферу дружественных и сочувственных среди турок настроений, могущую существенным образом облегчить дальнейшее детальное и официальное установление окончательного текста требуемого соглашения.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

[1] См. мою сегодняшнюю деп. за № 96. [Прим. оригинала.] (См. № 629.)

[2] Министр сказал мне между прочим: «Когда Италия нам объявила войну, в нашем генеральном штабе не оказалось плана войны именно с Италией. Я приказал составить план (!)». [Прим. оригинала.]

№ 631. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 941. 14/1 октября 1911 г.

Получил телеграмму № 1471 [1]. Дополнение к моему № 939 [2].

Если императорское правительство считает нужным взять в свои руки, несмотря на все возможные препятствия, дело организации персидской армии, то единственным для этого способом было бы, по моему мнению, командирование в Персию русских инструкторов, на обязанности коих лежало бы лишь обучение армии и контроль над денежной частью. Принцип организации бригады исключает, мне кажется, всякую надежду на согласие персидского правительства на ее расширение без коренных изменений в условиях службы ее русских офицеров. Бригада является ныне почти независимой от персидского правительства, которое не только не имеет никакого контроля над ней в денежном и строевом отношениях, но и лишено возможности командировать какую-либо ее часть без согласия полковника, а часто и миссии или Петербурга. В этих условиях кроется главная причина непопулярности бригады, которую здесь считают русской, а не персидской частью. Я считал бы весьма желательным — после отказа шведского правительства от посылки сюда инструкторов и осведомившись предварительно о взгляде Англии на вопрос о реорганизации армии вне сферы нашего влияния — предложить персам в письменной, но самой дружественной форме прислать сюда нужное число инструкторов. Мотивировать наше предложение легко желанием активно содействовать водворению порядка в соседстве с нашей границей. Было бы полезно сказать, что приглашением наших инструкторов Персия обеспечила бы себе дружбу и поддержку императорского правительства и что ей открыта была бы возможность получить от нас в любой момент оружие и патроны и доступ для молодежи в наши военные училища. Предложение это несомненно встретит огромную оппозицию в меджлисе, но возможно, что при известном с нашей стороны давлении персы должны будут помириться с необходимостью.

Поклевский.

Обсудить с председ[ателем] совета мин[истров] и воен[ным] мин[истром].

Ливадия, [20]7 октября 1911 г.

№ 632. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 943. 14/1 октября 1911 г.

Переговоры синдиката Линча и Англо-персидской нефтяной компании о постройке четырех железных дорог на Юге Персии, о чем ваше превосходительство были осведомлены чрез английское правительство, шли успешно, и Шустер надеялся получить согласие меджлиса на эти концессии. Ныне он сообщил Барклаю, что проект этот лучше не представлять в меджлис, так как ему противятся даже умеренные депутаты, видящие в нем признание сфер влияния. Предложенные синдикатом чрезвычайно выгодные для Персии условия вполне одобрялись депутатами, и можно опасаться, что персы будут на них настаивать при всяких будущих переговорах о постройке железных дорог [3].

Поклевский.

---

[1] Тел. от 12 окт./29 сент. за № 1471 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 174) Нератов извещал Поклевского, на основании сообщения О'Берна, «о предположенном приглашении в Персию еще 20 шведских офицеров для организации небольшой войсковой части, на каковое приглашение будто бы уже последовало согласие меджлиса».

[2] В тел. от 13 окт./30 сент. за № 939 Поклевский отмечал, что было бы «желательно отклонить Швецию от посылки сюда инструкторов для армии и попытаться получить это дело в наши руки».

[3] В ответ на публикуемую тел., Нератов тел. от 16/3 окт. за № 1504 извещал Поклевского: «Английское правительство не осведомляло нас о постройке четырех линий на Юге Персии синдикатом Линча и Англо-персидской нефтяной компанией. Нельзя ли достать текст проектированного контракта для соображений о наших железнодорожных проектах».

№ 633. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Софии Урусову.

·/. Телеграмма № 1489[1]. 15/2 октября 1911 г.

Сообщается в Париж, Лондон, Берлин, Вену, Рим и Константинополь.

Телеграмма № 71 [2] получена.

Благоволите доверительно высказаться пред Гешовым в следующем смысле. По поводу его обращения к державам о гарантии искренности турецких заверений мы обменяемся взглядами с другими кабинетами.

В настоящую же минуту можем быть выразителями всеобщего убеждения, что Турции не может притти на мысль напасть на Болгарию. От этого Турция ничего не выиграет даже в случае военного успеха, ибо решающее слово будет принадлежать не Турции. Поэтому мы предостерегаем болгарское правительство от увлечения мыслью, что со стороны Турции возможно нападение и что вследствие сего Болгарии будто бы выгоднее первой выступить с военными действиями.

Если такое настроение существует в болгарских сферах, то обеспечена ли Болгария с тыла и существует ли у нее согласие с Сербией, которая в случае движения к югу несомненно поставит себя под удары Австро-Венгрии. Недостаточно обдуманные действия Болгарии, вызвав волнение в Македонии и Албании и общие замешательства среди разноплеменных местных элементов, приведут неминуемо к занятию Новобазарского санджака и дальнейших округов австрийскими войсками, что поставит в конце концов Болгарию в непосредственное соприкосновение с Австро-Венгрией, а такой исход всегда признавался в самой Болгарии весьма опасным для ее будущего развития.

Все изложенное побуждает нас продолжать наши советы спокойствия в уверенности, что Болгария только выиграет от продолжения принятого ею планомерного образа действий, совершенно обеспечивающего ее основные национальные интересы, даже на почве македонского вопроса [3].

[Нератов.]

№ 634. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Софии Урусову.

·/. Телеграмма № 1492 [4]. 15/2 октября 1911 г.

Ввиду критического оборота, который грозит принять положение в Болгарии, весьма важно самым доверительным образом выяснить, с какими впечатлениями вернулся Гешов из Вены. Он пробыл там дольше, чем предполагалось и уклонился от обещанного свидания с Миловановичем на обратном пути [5] Ввиду сего позволительно спросить, не Австрия ли толкает Болгарию к активному выступлению, действуя в таком случае с явно эгоистическим намерением занять Санджак и задушить Сербию.

Благоволите возможно обстоятельно проверить это впечатление, что необходимо для определения дальнейшего отношения нашего ко всему вопросу

Нератов.

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 31.

[2] См. № 614.

[3] Письмом от 15/2 окт. О'Берн сообщал Нератову: «Болгарский председатель совета министров сообщил нашему посланнику, что нынешнее положение внушает ему беспокойство. Все его коллеги желают приступить немедленно к частичной мобилизации, против чего он лично возражает. Дабы закрепить себя в этой позиции, он желал бы получить со стороны великих держав гарантию искренности заверений, данных Турцией. Сэр Э. Грей желал бы знать, какова точка зрения императорского правительства по этому вопросу». На письме имеется помета: «15/2 [октября] отвечено запиской Д. А. Нелидова с изложением содержания только-что отправленной телеграммы о желательности совместного успокаивающего воздействия».

[4] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 32.

[5] См. №№ 589 и 625.

№ 635. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Берлине, Вене, Лондоне и Париже — Остен-Сакену, Н. Гирсу, Бенкендорфу и Извольскому.

·/. Телеграмма № 1493 [1]. 15/2 октября 1911 г.

Сообщается в Рим и Константинополь.

Ссылаюсь на телеграмму князя Урусова № 71 [2].

Ввиду критического настроения, начинающего овладевать Болгарией, мы полагали бы желательным совместное воздействие великих держав в целях успокоения. Благоволите осведомиться о взгляде на вопрос министра иностранных дел и о способах, коими, по его мнению, лучше всего осуществить просимое Гешовым совместное ручательство [3].

Мы, со своей стороны, не прекращаем успокоительное воздействие в Софии.

Нератов.

№ 636. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

·/. Телеграмма № 1498 [4]. 15/2 октября 1911 г.

Ваша телеграмма № 924 [5] получена.

Поскольку дело касается инцидента между нами и персами, наше мнение таково:

Похитонов, зная, что дом и имения Шоа-эс-Солтане заложены в нашем банке и арендованы русскими подданными и, повидимому, не осведомленный заранее о решении персидского правительства конфисковать имущество Шоа, был обязан выступить в защиту имущества, обеспечивающего интересы банка и наших подданных, не дожидаясь просьбы о том с чьей бы то ни было стороны и не вдаваясь в рассмотрение вопроса о фиктивности документа банка, так как вполне ясно, что мы никогда не признали бы, что этот документ фиктивен. Последняя точка зрения разделяется и министерством финансов.

Затем, персы, видя, что имущество защищается русскими казаками, не имели права силой проникать в дом Шоа и этим нанесли нам оскорбление. Вторичное насилие, которое себе позволили персы, состояло в посылке 120 жандармов, удаливших из дома Шоа охранявших его 5 персидских казаков. Совершенно неслыханными представляются нам поведение жандармов, засевших против дома чинов генерального консульства с винтовками наготове, и предотвращенная лишь случайно возможность стрельбы в проезжавших Петрова и Гильдебранда. Наконец, беспримерной, требующей самого резкого отпора, дерзостью является требование шахского правительства об устранении от должностей Похитонова и Петрова.

Благоволите изложить нашу точку зрения министру иностранных дел, потребовать немедленного удаления жандармов из дома и имений Шоа, установления охраны их казаками персидской казачьей бригады под начальством русских урядников и затем разбора дела по существу. Независимо от того потребуйте немедленных формальных извинений за угрозы чинам генерального консульства. Наконец, верните министру иностранных дел ноту, заключающую

---

[1] Лит. копия. Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 32.

[2] См. № 614.

[3] Тел. от 17/4 окт. за № 145 (Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 34) Извольский, ссылаясь на публикуемую тел., на тел. за № 1491 (см. стр. 154, прим. 1) и тел. № 1489 (см. № 633), сообщил: «Французское правительство затрудняется высказаться в пользу просимой Гешовым формальной гарантии, считая таковую практически неосуществимой, но оно готово оказать самое энергическое совместное воздействие на Порту и об ответе ее сообщить болгарскому правительству. Французскому послу в Константинополе предписано совещаться с русским и английским послами и присоединяться к их шагам в вышеизложенном смысле».

[4] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 182, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[5] См. №№ 603, 616 и 617.

в себе требование об увольнении Похитонова и Петрова и объявите, что, если персы позволят себе еще раз что-нибудь подобное, вы прекратите сношения с кабинетом, как это предусмотрено в вашей телеграмме [19] 6 апреля 1910 г., № 175 [1].

В том же смысле сегодня было сделано здесь заявление Али-Голи-хану [2].

О личном вопросе и действиях генерального консульства в другой телеграмме.

Нератов.

Хорошо.

Ливадия, [20]7 октября 1911 г.

№ 637. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Берлине Остен-Сакену.

Телеграмма № 1499 [3]. 15/2 октября 1911 г.

Совершенно секретно.

По разным признакам допустима возможность согласования нынешнего выступления Болгарии о гарантии держав [4] с активными планами Австро-Венгрии на Балканах. Весьма желательно было бы выяснить намерения венского кабинета. Думаю, что удобнее всего сделать это в Берлине, где не сочувствуют в принципе ни агрессивной политике Эренталя, ни возможности увеличения замешательств в Турции. Объяснения в этом смысле желательно облечь в частную форму и лично от вас без упоминания об инструкциях из Петербурга. О последующем благоволите телеграфировать.

[Нератов.]

№ 638. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 634 [5]. 15/2 октября 1911 г.

Копия в Софию.

Болгарский посланник сообщил мне сегодня следующее: новый министр иностранных дел Ассим-бей доверил ему, что принял назначение лишь под условием, что турецкое правительство будет стремиться к установлению особенного соглашения с Болгарией о добром соседстве и что великий визирь принял это условие с особым сочувствием. Посланник телеграфировал о сем в Софию, но ответа пока не получил. Эта мысль имеется теперь среди комитетской партии, причем бывший министр финансов Джавид-бей высказывает однако сомнение, «позволят ли Австрия и Россия Болгарии сблизиться с Турцией». Посланник вполне успокоился относительно турецкой мобилизации; министр иностранных дел довел сегодня до моего сведения содержание своих инструкций представителю в Софии по вопросу о мобилизации, вполне соответствующих успокоитель-

---

[1] В тел. от 19/6 апр. 1910 г. за № 175 Поклевский указывал, что если перс. прав-во образует кабинет, не внушающий доверия англ. и росс. прав-вам, то «по отношению к Персии могли бы быть приняты следующие репрессивные меры: 1) Отказ обеих миссий иметь какие-либо сношения с кабинетом, который не внушал бы нам доверия. 2) Заявление, что наши войска не будут выведены из Персии, а, наоборот, будут доведены до нормального состава. 3) Предъявление к немедленной уплате долгов персидского правительства банку и вслед за тем занятие таможен. 4) Угрозы посылки отряда в Тегеран».

[2] Ссылаясь на публикуемую тел., Нератов тел. от 16/3 окт. за № 1507 извещал Поклевского о своем разговоре с перс. повер. в делах в Петербурге Али-Голи-ханом, который спросил, будет ли дано персидскому правительству удовлетворение. «В ответ,—сообщал Нератов, — я изложил дальнейший ход дела, выразил негодование по поводу поведения персидских властей и сказал, что ни о каком удовлетворении речи нет и что, наоборот, посланнику в Тегеране поручено объясниться по поводу инцидента в решительной форме с персидским правительством. Я прибавил, что если в первом фазисе дела кроется какое-нибудь недоразумение, то надлежало прежде всего выяснить его, и что во всяком случае насильственные приемы и дерзкие требования, к которым персы прибегли затем, никоим образом не могут быть оправданы».

[3] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 33.

[4] См. № 614.

[5] Опубл. Siebert, II, S. 176, N 466.

ным сведениям и заключениям нашего военного агента [1]. Министр искренно надеется, что Болгария необдуманными распоряжениями не заставит его разочароваться. Я сказал посланнику, что если основой болгаро-турецкого соглашения будет служить status quo, мы можем лишь радоваться подобному способу упрочения мира и спокойствия на Балканах.

Чарыков.

№ 639. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 619. 15/2 октября 1911 г.

По сведениям из заслуживающего доверия источника новый контракт между четверной банковской группой и китайским правительством на проведение всей монетной реформы окончательно выработан [2] и подписание его задерживается лишь возникшим революционным движением и пошатнувшимся положением Шен Сюан-хая [3]. Дабы не оказаться опять лицом к лицу с совершившимся фактом, быть может желательно установить нашу точку зрения на проектированную операцию и заранее ознакомить с ней французское и английское правительства. Казалось бы, что осуществление монетной реформы не может быть рассматриваемо исключительно как финансовая операция, по существу оно является актом чисто политическим, равносильным, особенно при нынешних условиях, установлением [4] преимущественного положения четырех держав в Китае. Практически она приведет к гораздо более серьезным волнениям, чем выкуп железных дорог, так как неминуемо причинит материальный ущерб широким массам населения. Ввиду такого политического характера вопроса мы могли бы оставить за собой право на компенсацию, если дела будут разрешаться без нашего участия.

Коростовец.

№ 640. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1510. 16/3 октября 1911 г.

Весьма секретно.

Телеграмма № 926 получена [5].

Для вашего личного сведения.

Вполне понимаю трудность вашего положения в вопросе о нашем покровительстве разным сторонникам Мохамед-Али-шаха. Однако не исключена возможность того, что, в связи с некоторыми соображениями, их услуги нам понадобятся, быть может, в довольно близком будущем.

Хорошо было бы поэтому не отталкивать их от нас и, насколько это осуществимо в каждом отдельном случае, избегать лишения их нашего покровительства.

Нератов.

№ 641. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

·/. Телеграмма № 1515. 16/3 октября 1911 г.

Сообщается в Париж.

Французский поверенный в делах передал мне заверения своего правительства о готовности последнего содействовать осуществлению наших планов в во-

---

[1] См. № 600.
[2] См. № 486.
[3] Кит. м-р почт и сообщений.
[4] Так в оригинале.
[5] Тел. от 13 окт./30 сент. за № 926 Поклевский сообщал: «Ввиду новых протестов и жалоб шахского правительства я официально заявил, что с отъездом в Соуджбулаг Решид-оль-Мольк впредь лишился нашего покровительства».

просе о проливах и просил об указаниях, не представляется ли нужным приступить теперь уже к каким-либо шагам. На это я ответил, что очень благодарю за его сообщение и что не премину поставить французское правительство в известность о дальнейшем направлении дела; теперь же, ввиду неизвестности, останется ли у власти Саид-паша, мы предпочитаем воздержаться от переговоров, в особенности в других центрах, желая знать, чем кончится правительственный кризис в Турции [1].

Нератов.

№ 642. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Берлине, Париже, Вене и Лондоне — Остен-Сакену, Извольскому, Н. Гирсу и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1516 [2]. 16/3 октября 1911 г.

Сообщается в Рим, Константинополь и Софию.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 1493 [3].

Германский, французский и английский представители запросили нашего мнения о циркулярном обращении Гешова, заявив готовность последовать в этом вопросе нашей инициативе. Я предложил тогда, чтобы представителями пяти держав в Софии, на основании уже полученных этими державами в отдельности заверений Порты, сообща было заявлено Гешову, что державы убеждены в отсутствии у Порты намерения напасть на Болгарию и что о таковом своем заявлении Болгарии державы уведомили Порту. Сделанное в Софии заявление должно бы быть затем доведено сообща же до сведения Порты с присовокуплением, что державы этим путем prennent acte des assurances antérieures de la Porte [4] о ненамерении напасть на Болгарию.

Если бы которая-нибудь из держав, соглашаясь с таким образом действий, не считала бы достаточными уже сделанных Портой заверений, то следовало бы сообща попросить у Порты заявления в этом смысле.

Первый порядок мне кажется предпочтительнее, чтобы пощадить самолюбие Порты.

Благоволите в этом смысле объясниться с правительством, при коем вы аккредитованы, и о последующем телеграфировать [5].

[Нератов.]

---

[1] Тел. от 20/7 окт. за № 644 Чарыков ответил, что 19/6 окт. палата выразила Саиду-паше доверие и что по его, Чарыкова, мнению, «Саид-паша сохранит власть, по крайней мере, до заключения мира с Италией». Ссылаясь на заявление великого визиря в палате «о необходимости для Турции союзов и иностранной поддержки в итальяно-турецком вопросе», Чарыков сообщал далее, что он постарается на следующий день выяснить отношение Саида-паши к его письму от 12 окт./29 сент. (см. № 602).

[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 33.

[3] См. № 635.

[4] «принимают к сведению прежние заверения Порты».

[5] Тел. от 17/4 окт. за № 239 (№ 1) (опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 34) Бенкендорф ответил: «О'Берн вам передаст ответ Грея, который, как я думаю, будет согласен с вашим предложением; Никольсон ему очень сочувствует и поддерживает его перед Греем, находящимся ныне в отсутствии. Никольсон совсем не считает нужным требовать от Порты новых подтверждений ее мирных намерений в отношении к Болгарии; прежде всего он не думает, что Порта могла бы в настоящее время иметь агрессивные планы против Болгарии, а равно считает, что требование повторить раз данные заверения могло бы понапрасну оскорбить Порту».

Письмом от 17/4 окт. герм. поверенный в делах в Петербурге известил Нератова, что Кидерлен согласен с предложенной росс. прав-вом формулой сообщения в Софии, но считает излишним вновь обращаться к Порте.

№ 643. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Риме, Берлине, Вене и Константинополе — Извольскому, Бенкендорфу, Долгорукому, Остен-Сакену, Н. Гирсу и Чарыкову.

·/. Телеграмма № 1517. 16/3 октября 1911 г.

Мелегари в исправление предыдущего своего сообщения [1] сказал сегодня, что итальянское правительство допускает возможность религиозных связей между Турцией и Триполи на случай аннексии последнего, подобно тому, как это было установлено в 1908 г. для Боснии и Герцеговины.

Великобританский поверенный в делах, в свою очередь, подтвердил означенную поправку на основании английских сведений из Рима, добавив доверительно, что итальянское правительство готово, повидимому, на широкие компенсации. В последнем выражении я предполагаю намек на возможность компенсации территориальной, не исключая даже уступки Эритреи. При таком обороте дела было бы предпочтительнее, чтобы предложение базы переговоров, когда наступит благоприятный момент, исходило от трех держав Согласия. В этом смысле я высказался пред О'Берном на его запрос о желательности совместных действий [2].

[Нератов.]

№ 644. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 636 [3]. 16/3 октября 1911 г.

Получил № 1484 [4].

Ссылаюсь на № 1480 [5].

Сообщил сегодня великобританскому послу об указанной вами желательности постоянного взаимодействия его, французского посла и моего. Лоутер, оказывается, уже получил общее указание в этом смысле и рассказал мне, что ему поручено выразить Порте пожелание, чтобы обе воюющие стороны исключили Красное море из сферы военных действий [6]. Имея в виду наши интересы в Красном море, совпадающие с английскими, я воспользовался сегодня свиданием с министром иностранных дел, чтобы высказаться сочувственно в том же смысле, что и великобританский посол, и выяснить взгляд Ассим-бея. Министр осведомил меня о своем ответе Лоутеру: Порта согласна исключить Красное море из сферы военных действий и зажечь на нем маяк, под условием, что ей будет предоставлено вернуть в один из оттоманских портов Леванта больных и окончивших срок службы солдат с Аравийского побережья и заменить их из того же порта, например, Бейрута или Смирны, таким же числом очередных нижних чинов. При этом министр признает необходимым ручательство за исполнение этого уговора Италией со стороны Англии и России. Турецкий ответ кажется даже более благоприятным, чем того ожидали в Консульте. Нейтрализация же Красного моря вполне обеспечивала бы интересы нашей торговли и паломничества и послужила бы к еще более тесной локализации итальяно-турецкой войны.

Чарыков.

---

[1] См. № 608.

[2] Тел. от 17/4 окт. за № 240 (№ 2) Бенкендорф сообщал: «Так как слова Никольсона по поводу итальянской компенсации не произвели на меня того впечатления, которое было вами вынесено из разговора с О'Берном, то я проверил этот пункт. Никольсон мне сказал, что действительно Сан-Джулиано говорил о возможности допустить какую-либо религиозную связь, но ни министр иностранных дел, ни Империали никогда ничего не говорили о территориальной компенсации».

[3] Публикуемая тел. была передана Нератовым в Рим 19/6 окт. за № 1530.

[4] См. № 609.

[5] См. № 606.

[6] Тел. от 14/1 окт. за № 53 Долгорукий сообщал Нератову: «По внушению отсюда, великобританскому послу предписано из Лондона выразить пожелание, чтобы обе воюющие стороны исключили Красное море из сферы военных действий. В Консульте, понятно, отнеслись сочувственно к такому представлению, интересуются возможным ответом из Константинополя».

№ 645. Управляющий Китайской Восточной железной дорогой в правление Общества названной дороги.

·/. Телеграмма № 2553 [1]. 16/3 октября 1911 г.

По приезде в Харбин вице-король посетил меня и начал разговор с того, что он не забыл ничего из переданного ему мною в Мукдене [2]. Вновь заверил, что он самым дружественным образом настроен к России и что Китай всеми мерами стремится к заключению союза с ней. Приблизительно вице-король высказал это в следующих выражениях: укоренившееся в России подозрение, что Китай хочет войны с русскими, насаждено, конечно, наветами посторонних и отчасти вызвано также отдаленностью и большим пространством обеих стран, что, несомненно, вызывает недоразумения; если заключить союзный договор о том, чтобы не воевать, то установится полное взаимное доверие и не будет точек трения; за последнее время все страны стремятся к заключению мирных договоров; я полагаю, что лучше всего было бы установить третейский суд; если же русские этого не желают, то лучше всего заключить союзный договор. Что касается вопроса о займах, то вице-король высказал следующее: заем Китая для развития промышленности первоначально предполагалось заключить только у Америки; затем, ввиду того, что американские банки вступили в группу с англичанами, французами и немцами, образовался заем у четырех стран. Японцы, не будучи в состоянии войти в эту группу четырех стран, предложили заключить заем и у них, и таким образом состоялся заем у японцев. Китай очень хотел бы, если бы впоследствии понадобились деньги, занимать таковые только у России или привлечь ее к участию в группе. Переходя засим к вопросу о постройке Цзинчжоу-Айгунской железной дороги, вице-король утверждает, что Китай хочет построить эту дорогу исключительно для целей переселения и развития земледелия, и в доказательство того, что эта дорога лишена стратегического характера, предлагает строить сначала только участок Айгунь—Цицикар на русский заем или же комбинацию постройки: Айгунь—Цицикар строят русские и Цзинчжоу—Тао-нань-фу — китайцы. Что касается постройки веток от китайской дороги для развития торговли, то, по мнению вице-короля, это дело обещает взаимную пользу Китаю и России, и следует поэтому указать места постройки, а затем переговорить и вырешить этот вопрос. Что касается, наконец, вопроса об увеличении войск, то вице-король заявил, что мне лучше чем кому-либо известно, что никакого увеличения или передвижения войск у линии или к линии не делается. Во время этого визита вице-короля я вновь рекомендовал для упрощения и ускорения дела обратиться через представителей министерства иностранных дел, на что вице-король заявил, что он желал бы пока чрез меня передать обо всем вышеизложенном в С.-Петербург, добавив при этом, что позондировать почву о союзе поручено находящемуся в данный момент в Италии Лян Дунь-яну.

[Хорват.]

№ 646. Поверенный в делах в Токио временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 190. 16/3 октября 1911 г.

Здешние военные и морские власти с напряженным вниманием следят за ходом восстания в Китае. Туда для полноты осведомления посылаются особые агенты. В зависимости от размеров, которые примет движение, и того, насколько

[1] Публикуемая тел. была препровождена в м-во ин. дел правлением КВЖД при отношении от 17/4 окт. за № 361 и передана Нератовым Коростовцу тел. за № 1529 от 18/5 окт. с добавлением: «Хорват телеграфирует Коковцову».

В ответной тел. от 19/6 окт. за № 642 Коростовец, указывая, что приезд Лян Дунь-яна в Петербург и обмен мнений с ним дадут возможность составить «окончательное суждение об истинном характере выступления манчжурского генерал-губернатора», отмечал: «предложение о третейском суде мне кажется сделанным под американским влиянием или даже внушением».

[2] См. ч. I, стр. 287, прим. 1.

оно затронет многочисленные в долине Янцзы японские интересы, скоро определится и отношение к нему. Но проживающие здесь китайцы сильно опасаются японского вмешательства. Сообщаю в Пекин. Прибыл Уцида и вступил в управление министерством иностранных дел[1].

Броневский.

№ 647. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Берлине, Лондоне, Вене и Париже — Остен-Сакену, Бенкендорфу, Н. Гирсу и Извольскому.

·/. Телеграмма № 1526[2]. 17/4 октября 1911 г.

Сообщается в Константинополь и Софию.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1516[3].

Voici formule que proposons pour communication à faire à Sofia:

«Le soussigné, d'ordre de son gouvernement, a l'honneur de porter à la connaissance du gouvernement royal que le gouvernement impérial de Russie, ayant reçu de la Sublime Porte l'assurance positive que le gouvernement ottoman ne nourrit aucune pensée agressive contre la Bulgarie, exprime la conviction que la Bulgarie ne sera pas attaquée par la Turquie.

Il croit devoir ajouter qu'en portant la présente démarche à la connaissance de la Sublime Porte le gouvernement impérial prendra acte des assurances pacifiques antérieures du gouvernement ottoman».

Si les gouvernements sont d'accord, leurs ambassadeurs à Constantinople pourraient être chargés de rédiger une communication correspondante à la Porte[4].

Neratow.

Перевод.

Сообщается в Константинополь и Софию.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1516.

Вот формула сообщения, которое мы предлагаем сделать в Софии:

«По указанию своего правительства, нижеподписавшийся имеет честь довести до сведения королевского правительства, что императорское российское правительство, получив от Высокой Порты определенное заверение, что оттоманское правительство не питает никаких агрессивных замыслов против Болгарии, выражает уверенность, что Болгария не подвергнется нападению со стороны Турции.

Он считает долгом добавить, что, доводя о настоящем шаге до сведения Высокой Порты, императорское правительство примет к сведению предыдущие миролюбивые заверения оттоманского правительства».

Если правительства согласны, то их послам в Константинополе могло бы быть поручено составить соответственное сообщение Порте.

Нератов.

№ 648. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 238. 17/4 октября 1911 г.

L'opinion de Nicolson que pour les trois Puissances il est préférable de s'abstenir actuellement de toute démarche de pacification entre l'Italie et la Turquie me semble juste. D'abord il me paraît indiqué d'attendre que le ministère à Constan-

---

[1] 25/12 авг. 1911 г. кабинет Кацура подал в отставку; 30/17 авг. был сформирован кабинет Сайондзи. Пост м-ра ин. дел занял б. посол в Вашингтоне Уцида.

[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 34. Публикуемая тел. была послана в Софию 19/6 окт. за тем же номером.

[3] См. № 642.

[4] 18/5 окт. тел. без номера (опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 35) Извольский сообщал: «Де Сельв вполне соглашается на предложенную вами процедуру и принимает выработанную формулу сообщения болгарскому правительству. Французским представителям в Софии и Константинополе даются соответствующие инструкции».

Тел. от 20/7 окт. за № 81 Остен-Сакен доносил: «Статс-секретарь по иностранным делам, которому я передал сегодня формулу сообщения болгарскому правительству, дал предписание германскому представителю в Софии сделать тождественное сообщение от лица германского правительства».

tinople soit consolidé ou changé, aussi parce que l'attitude du Cabinet de Berlin est difficile à suivre. Il n'est pas clair si le mandat donné au Cabinet de Berlin provient de l'initiative italienne ou non, il n'est pas clair non plus si ce mandat charge l'Allemagne d'agir seule ou conjointement avec les autres Puissances. D'un autre côté le Cabinet de Berlin a fait ici récemment une proposition de démarche anglo-allemande qui a été refusée. Je crois qu'au moment donné les choses s'éclairciront tant à Rome qu'à Constantinople, et que d'ici là il vaut mieux attendre. Dans mon opinion l'intérêt de la paix, l'autorité des grandes Puissances et leur liberté d'action gagneront à s'abstenir de suivre le Cabinet de Berlin dans ses évolutions, et de tout ce qui pourrait être interprêté comme rivalité avec elle [1].

Benckendorff.

Перевод.

Мнение Никольсона, что в данный момент для трех держав лучше воздержаться от всякого вмешательства с целью примирения между Италией и Турцией, мне кажется правильным. Прежде всего, мне кажется очевидным, что надо выждать до тех пор, пока константинопольское министерство либо укрепится, либо будет сменено, к тому же за позицией берлинского кабинета трудно проследить. Неясно, является ли мандат, данный берлинскому кабинету, результатом итальянской инициативы или нет, и столь же неясно, уполномачивает ли этот мандат Германию действовать самостоятельно или же совместно с другими державами. С другой стороны, берлинский кабинет недавно внес здесь предложение об англо-германском демарше, которое было отклонено. Я полагаю, что в известный момент положение выяснится как в Риме, так и в Константинополе, и что до тех пор лучше всего выжидать. По моему мнению, интересы мира, авторитет великих держав и их свобода действий выиграют от того, что [державы] откажутся следовать за берлинским кабинетом в его маневрировании и предпринимать что-либо, что могло бы быть истолковано, как соперничество с ним.

Бенкендорф.

№ 649. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Телеграмма № 147. 17/4 октября 1911 г.

Парижские финансовые группы, во главе которых стоят фирмы Бардак и Régie Générale, выразили готовность финансировать общество изысканий для транзитной железной дороги чрез Персию. Это подтвердил мне лично Бардак, который выедет в Лондон на будущей неделе. Он намерен вести переговоры с английским правительством чрез посредство влиятельных английских групп, денежное участие коих он считает впрочем второстепенным, настаивая на нем лишь в целях политических.

Извольский.

№ 650. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Телеграмма № 58 [2]. 17/4 октября 1911 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 51 [3] и вашу № 1517 [4].

Никакого изменения в положении не последовало. Италия ни на какие территориальные уступки не пойдет. Германское посредничество как будто бы постигла неудача. С великобританским и французским коллегами полагаем, что ввиду этого державам Тройственного согласия следует воздержаться от какого бы то ни было выступления. Неуспех Германии был бы тогда более обеспечен.

Долгорукий.

По-моему тоже.

Ливадия, [24] 11 октября 1911 г.

---

[1] Так в оригинале.
[2] Царск. экз.
[3] См. № 610.
[4] См. № 643.

№ 651. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 79. 17/4 октября 1911 г.

Personnel.

Reçu télégramme N 1499 [1].

Je me suis employé à exécuter au mieux la commission délicate dont vous m'avez chargé auprès de Kiderlen, nommément de le sonder sous forme d'une idée à moi personnelle, si la dernière démarche de Guéchoff ne répondait pas à quelques manigances déguisées de l'Autriche. Kiderlen a relevé avec une certaine aigreur ce qu'il appelle ma manie de voir partout la main de l'Autriche et a ajouté qu'on était certes justifié de chercher la cause qui dirige toutes les néfastes complications qui troublent en ce moment l'Europe, mais c'est dans un autre groupe de Puissances qu'il faut aller la découvrir — à Londres. «D'ailleurs, — a dit Kiderlen, — je ne vois pas quel intérêt aurait l'Autriche à compliquer la situation dans les Balkans, tandis que d'après les données que nous croyons avoir, l'Angleterre y trouverait des avantages». Kiderlen serait disposé à voir dans l'attitude nouvelle du Cabinet de Sofia une pression de politique intérieure.

Osten-Sacken.

Перевод.

Лично.

Получил телеграмму № 1499.

Я постарался наилучшим образом выполнить щекотливое поручение, которое вы на меня возложили в отношении Кидерлена, а именно узнать у него, под видом моего личного предположения, не отвечает ли последний шаг Гешова какой-либо замаскированной интриге Австрии. Кидерлен отметил с некоторой едкостью то, что он называет моей манией видеть во всем руку Австрии, и прибавил, что, конечно, поиски причины всех злополучных осложнений, волнующих в настоящий момент Европу, вполне оправданы, но ее следует искать среди другой группы держав — в Лондоне. «Впрочем, — сказал Кидерлен, — я не вижу, какой может быть у Австрии интерес осложнять положение на Балканах, в то время как по имеющимся у нас данным мы считаем, что Англия от этого выиграла бы». Кидерлен как будто склонен видеть в новой позиции софийского кабинета давление внутренней политики.

Остен-Сакен.

№ 652. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 948 [2]. 17/4 октября 1911 г.

Мне сообщают из достоверного источника, что Шустер намерен добиться от меджлиса перед его роспуском права заключить с любой компанией, по его собственному выбору, договор на постройку железной дороги Джульфа—Тавриз—Казвин—Хамадан—Мохаммера на условиях, сходных с теми, которые предлагал английский синдикат, добивавшийся железнодорожных концессий на Юге. Говорят также, что Шустер желает от меджлиса неограниченную доверенность и на заключение займа. Сообщил эти слухи министру иностранных дел и позволил себе заметить, что решения по подобным делам не должны приниматься без ведома и одобрения императорского правительства, которое не только в состоянии помешать осуществлению подобных сделок, но и может оказаться вынужденным изменить свое теперешнее благожелательное отношение к нынешнему правительству и даже режиму. Министр заверил меня, что кабинет прекрасно это понимает и сознает опасности, которые угрожают Персии вследствие диктаторской деятельности Шустера. Кабинет находится в полной оппозиции к последнему и прилагает все усилия, чтобы добиться ограничения его прав от меджлиса, в коем однако Шустер встречает сильную поддержку.

Поклевский.

[1] См. № 637.

[2] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 184, со стилистическими изменениями.

№ 653. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 243. 18/5 октября 1911 г.

Nicolson me parla de la crise ministérielle à Téhéran et de l'intention du régent de se retirer. Il pense que les ministres russe et anglais à Téhéran doivent faire démarche pressante auprès du régent pour l'en dissuader, agissant d'après ce que jugeront eux-mêmes utile, par ordre, ou bien de leur propre initiative. Nicolson très occupé de cette éventualité ainsi que de celle de l'arrivée au pouvoir d'un Cabinet extrémiste. Il m'a dit que dans le Sud c'est l'anarchie. Le chargé d'affaires anglais est chargé de vous faire propositions [1].

Benckendorff.

Перевод.

Никольсон говорил со мной о министерском кризисе в Тегеране и о намерении регента уйти в отставку. Он полагает, что российский и английский посланники в Тегеране должны предпринять энергичный демарш перед регентом, дабы отговорить его от этого, действуя по распоряжению или по своей собственной инициативе в зависимости от того, что они найдут нужным. Никольсон весьма озабочен этой возможностью, а также возможностью прихода к власти кабинета из крайних [элементов]. Он сказал мне, что на Юге это вызовет анархию. Английскому поверенному в делах поручено сделать вам предложения.

Бенкендорф.

№ 654. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 150 [2]. 18/5 октября 1911 г.

В результате последнего разговора Камбона с Кидерленом последний заявил, что лично считает французское предложение [3] о сохранении за Францией полосы, которая обеспечила бы связь Габона с территорией Убанга-Чад, неприемлемым, но сделает об оном доклад императору и канцлеру. С тех пор здесь не получено никаких определенных сведений из Берлина, но де Сельв сказал мне, что Камбон и Кидерлен заняты приисканием приемлемой комбинации и что, по его убеждению, с обеих сторон существует желание притти к соглашению.

Извольский.

№ 655. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 60. 18/5 октября 1911 г

Сведения, помещенные вчера в римском «Messaggero» о доверенном лице, присланном сюда будто бы Саид-пашой с тем, чтобы доверительно зондировать почву, подтверждаются мне компетентными лицами. Условие о признании Италии на Триполи и Киренаике [4] с сохранением верховных прав султана не было принято Консультой. Посланный выехал обратно в Константинополь. Не исключена, по мнению газеты, возможность появления нового лица с более сходными предложениями.

Долгорукий.

№ 656. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма [5]. 18/5 октября 1911 г.

Réponse N 1526 [6].

Viens de voir le ministre des affaires étrangères qui m'a déclaré que si toutes les Puissances sont d'accord, il accepterait formule proposée par votre excellence,

---

[1] См. № 663.
[2] Опубл. Stieve, I, S. 166, N 144.
[3] См. № 584.
[4] Так в оригинале.
[5] Царск. экз. Номер отсутствует.
[6] См. № 647.

*

seulement il aurait préféré que la démarche faite par les cinq Puissances soit verbale et non par écrit. Il trouve aussi qu'après les assurances formelles que vient de donner Assim-bey au gouvernement bulgare, il serait peut-être inutile de faire la démarche collective en question. Il craindrait d'affaiblir la position de Guéchow qui représente pourtant Cabinet pacifique, tandis que nouveau pourrait ne pas présenter les mêmes sentiments[1].

Giers.

Перевод.

Ответ на № 1526.

Только-что виделся с министром иностранных дел, который заявил мне, что если все державы согласны, то он примет формулу, предложенную вашим превосходительством, но он предпочел бы, чтобы демарш пяти держав был устным, а не письменным. Он находит также, что после формальных заверений, сделанных на-днях Ассим-беем болгарскому правительству, было бы пожалуй бесполезно делать коллективный демарш, о котором идет речь. Он опасается ослабить позицию Гешова, представляющего все же мирно настроенный кабинет, в то время, как новый кабинет может и не отражать тех же настроений.

Гирс.

№ 657. Поверенный в делах в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 73[2]. 18/5 октября 1911 г.

Получил телеграммы №№ 1488[3] и 1492[4].

Положение несомненно успокаивается. Повторные заверения о миролюбии Порты здешнего турецкого поверенного в делах[5], вполне откровенные объяснения Ассим-бея с Сарафовым[6] и известие о благожелательном отношении великих держав к просьбе Гешова о гарантиях[7] повернули последнего на прежний путь мирной политики и желания добрососедских отношений с Турцией. Что же касается разговора Гешова с Эренталем, то таковой был полностью сообщен лично Гешовым нашему послу в Вене[8]. Какого-либо яркого впечатления разговор этот на Гешова не произвел. Между прочим Эренталь выразил одобрение и за то, что он, в соблюдении status quo и мира на Балканах, следует примеру и желанию великих держав. Политический путь Австрии в Болгарии лежит через короля Фердинанда — его происки и интриги тем и опасны, что не подлежат какому-либо непосредственному контролю на месте. Продолжающееся в нынешнее неспокойное время пребывание короля в Австрии, что вызывает здесь общее недовольство, может возбудить подозрение относительно подготовляющихся намерений этой державы, не проявившихся однако здесь в сколько-нибудь заметной и действительной форме. Обострившееся положение создалось на почве внутренней политики и всеобщего подъема, неизбежного, когда как-либо затрагиваются болгаро-турецкие отношения. С Миловановичем Гешов беседовал на возвратном пути в Софию три часа[9] — результатом свидания Гешов весьма доволен; между прочим был затронут вопрос о возможном совместном выступлении против Турции. Остается лишь предполагать, что подобный обмен взглядов

[1] Тел. от 19/6 окт. за № 1547 (опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 37) Нератов, ссылаясь на свою тел. за № 1526, передавал Урусову (копии в Вену, Берлин, Лондон, Париж и Константинополь): «Ввиду замечания австрийского правительства не видим препятствий, чтобы предполагаемая формула заявления была сообщена устно, а не письменно».

[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 35.

[3] Тел. за № 1488 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. В журнале исх. тел. она датирована 14/1 окт., адресована Нелидовым в Софию; относительно ее содержания указано: «О делах русско-подданных». Возможно, имеется в виду тел. Нератова за № 1489 (см. № 633).

[4] См. № 634.

[5] См. стр. 154, прим. 1.

[6] См. № 638.

[7] См. № 647 и прим. 4 к нему и № 656.

[8] См. № 561.

[9] См. № 625.

при наличности в Софии крайне возбужденного настроения и мог внушить Гешову мысль, быстро им отброшенную, о более активной политике. Во всяком случае нынешнее болгарское правительство настолько искренно и открыто расположено к России, что о каком-либо непосредственном влиянии австрийской дипломатии на нынешних министров не может быть и речи. В продолжение только что прошедших дней австрийский посланник, еще мало освоившийся с положением вещей, ни разу не уклонился от вполне согласных с другими посланниками действий и мнений и на-днях собирается ехать в отпуск.

Урусов.

№ 658. Поверенный в делах в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 74 [1]. 18/5 октября 1911 г.

Копия в Константинополь.

Турецкий поверенный в делах вчера сделал Гешову официальное сообщение от имени Порты о ее миролюбии относительно Болгарии и, указав на принятые военные меры успокоительного характера, просил ответного сообщения болгарского правительства. Сегодня Гешов даст ответ болгарского правительства следующего содержания: «Le gouvernement bulgare, prenant acte de l'assurance formelle de la Sublime Porte que les réservistes de Drama sont licenciés et ceux des corps à Andrinople et Kirk-Kilissé ne seront pas augmentés et sont au nombre de cent par bataillon, s'en déclare satisfait. Néanmoins il croit nécessaire d'insister pour que les ordres donnés dans ce sens soient immédiatement et strictement exécutés. Il déclare en même temps qu'aucun appel de réservistes n'a eu lieu en Bulgarie et qu'il n'a pas interdit et ne songe pas à interdire l'exportation de céréales et fourrage pour la Turquie» [2]. Обсудив совместно со мной положение, Гешов решил при вручении ответа не скрывать от Рефик-бея вновь сделанного обращения Болгарии к великим державам с просьбой получить гарантию искренности турецких заверений.

Урусов.

№ 659. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 640. 18/5 октября 1911 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 636 [3].

Если итальяно-турецкое соглашение о временной нейтрализации Красного моря имеет шансы осуществиться, казалось бы желательным привлечь и Францию к оному. Это согласовалось бы с основным началом солидарности и взаимодействия России, Франции и Англии в Константинополе. Кроме того, коль скоро у России имеются многие тысячи подданных мусульман, отправляющихся ныне в Геджас, а у Англии — колония Аден, то Обок и Джибути дают и Франции право интересоваться происходящим в Красном море и участвовать в желаемом Турцией ручательстве, а также в наблюдении за мирным порядком на нейтрализованном Красном море.

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 36.

[2] «Болгарское правительство, принимая к сведению официальное заверение Высокой Порты, что резервисты Драмы распущены и что число резервистов в корпусах, расположенных в Адрианополе и Кирк-Килисе, составляющее 100 человек на батальон, не будет увеличено, заявляет о своем удовлетворении по этому поводу. Тем не менее оно считает необходимым настаивать на немедленном и точном выполнении отданных в этом смысле приказов. В то же время оно заявляет, что в Болгарии не было никакого призыва резервистов и что оно не запрещало и не думает запрещать вывоза зерна и фуража для Турции».

[3] См. № 644.

Упомянутое ручательство должно быть двусторонним: обеспечить Турции, что ее беззащитные транспорты не будут задерживаемы или захватываемы итальянскими военными судами, и обеспечить Италии, что турецкие транспорты не высадят случайно военных частей или припасов на Эритрейском побережье и что замена больных и выслуживших срок нижних чинов будет производиться корректно и согласно уговору. Для такого двустороннего наблюдения и для предотвращения непосредственных встреч и ссор на море между турками и итальянцами было бы, быть может, достаточно командировать в Красное море по одному крейсеру от Англии, Франции и России, которые действовали бы сообща, исполняя тождественную инструкцию и повинуясь старшему из командиров. Так как сама Турция просит ручательства России, то надлежало бы командировать русский крейсер не из Балтийского моря, чему препятствуют позднее время года и дальность расстояния, а из Черного моря, с фирманом также на возвращение туда, имея в виду, что в силу статьи 1-й конвенции о проливах 1856 и статей 2-й и 8-й Лондонской конвенции 1871 годов султан обладает правом в военное время допускать иностранные военные суда в проливы, не спрашивая на то особого согласия каких-либо держав. С точки зрения предуказанного императорским правительством хода вопроса о проливах эта мера явилась бы полезным и знаменательным практическим шагом в намеченном направлении.

Чарыков.

№ 660. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 955 [1]. 18/5 октября 1911 г.

Регент сообщил вчера весьма конфиденциально Барклаю и мне, что интриги демократов привели уже к министерскому кризису. Три министра, и в том числе министр иностранных дел, подали в отставку, и первый министр решил последовать их примеру. Официальная отставка кабинета будет объявлена через неделю, и тогда же регент объявит меджлису, что он назначит нового первого министра по их выбору и затем тоже сложит с себя свое звание. Свою отставку регент объясняет невозможностью общения с кабинетом, составленным из крайних элементов, с которыми у него возникали бы постоянные конфликты.

Поклевский

№ 661. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 957/б [2]. 18/5 октября 1911 г.

Телеграмма № 1498 [3] получена.

По содержанию инструкций вашего превосходительства, изложенных в вышеупомянутой телеграмме, считаю себя обязанным доложить нижеследующее по пунктам.

Генеральное консульство должно всегда защищать интересы наших учреждений и русско-подданных, но исключительно языком и пером. Миссия строго придерживалась взгляда, что именно существующая в Персии анархия и наличие многочисленных конвоев может дать нашим консулам частые предлоги для

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 187, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[2] Царск. экз. Тел. от 17/4 окт. за № 957/а Поклевский предлагал на усмотрение Нератова репрессивные меры по отношению к чинам росс. ген. консульства в Тегеране.

[3] См. № 636

проявления произвола и погони за дешевыми лаврами и что руководство активными действиями должно быть сосредоточено в одних руках, чтобы императорское правительство не было вовлечено, помимо своей воли и ведома миссии, в необходимость принятия таких мер, пред которыми они до сих пор останавливались. Разрешение же миссией в случаях действительной надобности получить не трудно, да и она сама иногда прибегает к крутым мерам. Так недавно, узнав, что в соседстве с Зергенде полицейский отнял у сына Похитонова, при нахальной обстановке, имевшиеся при нем в экипаже ружья, немедленно были посланы ею Гирс и Евреинов со всем наличным конвоем в полицейское управление, где все служащие были продержаны под арестом, пока наши чиновники не произвели полного дознания и не выяснили имен и степени виновности полицейских, которые были преданы затем беспрекословно шахским правительством заслуженному наказанию. Когда персы в первый раз проникли в дом и имения Шоа, там не было русских казаков, а лишь пять персидских, поставленных туда по просьбе турецкого посольства, и из переговоров с миссией шахское правительство не могло ожидать какого-либо активного с нашей стороны сопротивления. Вторичная посылка жандармов имела место после получения Шустером моей телеграммы, в которой я указывал, на каких условиях миссия не будет противиться мероприятиям персидского правительства.

Хотя Шустер, повидимому, не вполне понял это, но он сообразовался со всеми ее требованиями, послав к Похитонову своего помощника, давшего все нужные заверения относительно наших интересов, до вступления жандармов в дом принца. Ввиду этого оба эти факта не могут быть, по моему мнению, приняты нами за оскорбление. По поводу угроз чинам консульства я на следующий же день лично отправился к министру иностранных дел и добился от него посылки начальника русского отделения к Похитонову, которому были даны самые формальные заверения относительно полной безопасности означенных чинов и отсутствия у кого бы то ни было желания нанести им оскорбление. Министр выразил также готовность дать им удовлетворение в случае доказанной обиды, но просил о совместном расследовании инцидента, ввиду полного противоречия между рассказами обоих драгоманов и рапортами Шустера. Вернуть ноту персидскому правительству с требованием об устранении от должностей Похитонова и Петрова теперь очень трудно [1]. Нота эта заключает в себе также обязательство здешнего правительства обеспечить при конфискации имуществ все интересы банка и русско-подданных, а потому мне показалось предпочтительным ответить на нее, что я сделал в смысле моего устного заявления министру о неприемлемости его требования, упомянутого в моей телеграмме № 924 (№ 3) [2]. Персидское правительство, по всей вероятности, откажется исполнить предъявленные к нему вашим превосходительством, вследствие инцидента, требования, и нам естественно придется принять серьезные меры понуждения. Последние же, по моему глубокому убеждению, заслужат всеобщее неодобрение и будут объяснены как желание наше создать искусственный инцидент вследствие неудачи Мохамед-Али-шаха вернуть себе престол. Притом начатое таким образом воздействие на Персию едва ли позволит нам добиться желаемого результата. Гораздо лучше дождаться хорошего предлога, а будущее обещает их дать много в связи с вероятностью министерского кризиса, уходом регента, планами Шустера и т. п. Действительная возможность беспорядков или активная защита какого-нибудь крупного интереса даст нам полное право принять также меры, которые позволят сломить встречающиеся на нашем пути при нынешнем режиме препятствия, и, может быть, косвенно повлияют на изменение такового.

Поклевский.

---

[1] В тел. от 18/5 окт. за № 957/в Поклевский сообщал, что он не разделяет взгляда м-ва ин. дел на инцидент с имуществом Шоа-эс-Солтане и что ему лично не представляется возможным выполнить инструкции, изложенные в тел. Нератова за № 1498 (см. № 636). На этом основании Поклевский просил отчислить его в ведомство м-ва ин. дел и разрешить ему передать управление миссией Саблину.

[2] См. № 617.

№ 662. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 91 [1]. 18/5 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Скудость известий из Ханькоу и невыясненность общего положения вещей заставляют меня в настоящем донесении ограничиться изложением лишь фактической стороны вспыхнувшего на юге Китая восстания [2], откладывая подробную оценку развивающихся ныне событий до того времени, когда с большей определенностью установится соответствие сил двух борющихся сторон.

Из многочисленных донесений моих ваше превосходительство осведомлены о возникшем в Сычуанской провинции движении в связи с проектом выкупа правительством железных дорог [3]. Уже с самого начала движение это вышло из первоначально поставленных инициаторами его рамок, сделавшись поводом для агитаций, ничего общего с выкупом железных дорог не имеющих. Это неизбежно должно было произойти, так как за последние годы китайское правительство, увлеченное своей реформаторской деятельностью и уверенное в своих силах, совершенно игнорировало исторически сложившиеся права отдельных провинций и мало обращало внимания на все увеличивающееся число революционных элементов в империи. При таких условиях достаточно было одного серьезного мероприятия пекинских властей, где было бы ярко выражено нежелание считаться с интересами и правами отдельных провинций, чтобы дать повод возникновению открытого протеста против централистических стремлений правительства, что в свою очередь при развитии революционной агитации должно было перейти в более широкое и не прекращавшееся на юге Китая националистическое и антидинастическое движение. При этом, как и можно было предвидеть по предыдущим примерам, одной из причин успеха возникшего движения было то, что реформированные войска, на которые особенно рассчитывало центральное правительство, явились чуть ли не главными очагами и исходными пунктами восстания. Действительно, оставляя в стороне волнения в Сычуанской провинции, ближайшим поводом к восстанию в Хубэйской и Хунаньской провинциях были те бунты в учанском гарнизоне, о которых доносил наш генеральный консул в Ханькоу письмом от [2 октября] 19 прошлого сентября за № 532 [4] (копия означенного письма была сообщена в первый департамент).

Согласно имеющимся сведениям, фактическая сторона нынешнего восстания представляется в следующем виде. Дело началось с волнения среди солдат учанского гарнизона, недовольных увольнением двух своих товарищей и открыто выражавших порицание начальству. Последнее вначале хотело принять строгие меры, но не могло привести этого в исполнение ввиду вызывающего поведения большинства нижних чинов. Конечно, такое настроение среди солдат не было вызвано случайными причинами, а в значительной степени должно быть объяснено революционной пропагандой, особенно усилившейся в недавнее время, когда, как о том в свое время были предупреждены консула, из Кантона в Учан прибыло до тысячи человек революционеров. Насколько деятельно последние подготовляли восстание, видно было, между прочим, при обнаружении на нашей концессии конспиративной квартиры, где найдены были весьма важные бумаги с изложением общего плана готовящегося восстания. Но несмотря на это, в Пекине правительство, повидимому, совершенно не верило в возможность серьезных событий и деятельно готовилось к маневрам, на которых оно хотело удивить съехавшихся представителей иностранных армий образцовой выправкой своего реформированного войска. Поэтому дошедшее до Пекина [12 октября] 29 сентября известие

---

[1] Опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. V, стр. 78.

[2] См. № 618.

[3] Указанные сведения были сообщены Коростовцом в депешах от 30/17 июня за № 61, от 29/16 сент. за № 83 (опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 53) и от 6 окт./23 сент. за № 87, которые не воспроизводятся.

[4] Указанное письмо Островерхова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

о восстании в Учане и о том, что войска присоединились к революционерам и что вице-король бежал на стоящую вблизи китайскую канонерку, повергло правительство в крайнее смятение, отразившееся как на принятых им решениях, так и на опубликованных в течение этих дней императорских указах.

Так в указе [11 октября] 28 сентября говорится, между прочим, что «поведение революционеров, пытавшихся произвести крупные беспорядки в провинции Хубэй, поистине является вопиющим беззаконием. Жуй-чен (ху-гуанский генерал-губернатор) при подавлении мятежа в самом зародыше его проявил свое умение действовать в высшей степени скоро и энергично. Равным образом заслуживает похвалы и поведение гражданских и военных чиновников, действовавших отважно и решительно». А [12 октября] 29 сентября вышел указ, в котором заявлялось, что «ознакомившись с докладом Жуй-чена (где говорилось о взятии революционерами Учана), мы были искренно изумлены и поражены. Войска и революционеры давно сговорились между собой, чтобы сообща произвести беспорядки. Между тем Жуй-чен заблаговременно не принял никаких мер против этого и дал таким образом революционерам возможность овладеть главным городом провинции. Такой образ действий свидетельствует о небрежном исполнении возложенных обязанностей, что не может остаться без соответствующего наказания. Повелеваем немедленно лишить ху-гуанского генерал-губернатора чиновного звания, но, дабы дать ему возможность дальнейшими заслугами искупить свою вину, повелеваем ему временно остаться во главе провинций Хубэй и Хунань и без малейшего промедления отбить главный город провинции от революционеров».

Далее в том же указе предписывается генеральному штабу и военному министерству послать в Хубэй для борьбы с революционерами две дивизии лу-цзюня. Одновременно морскому министерству отдается приказ направить в Учан значительное число боевых судов под начальством адмирала Са Чжень-бина. Командование экспедиционными войсками поручено военному министру Инчану.

На следующий день вышел другой указ, обвинявший начальника дивизии, командующего войсками Хубэйской провинции генерала Чжан-бяо в неумении поддерживать в вверенных ему войсках дисциплину, за что Чжан-бяо лишался чиновного звания. В то же время названному генералу предписывалось «выступить против мятежников и отбить от них главный город провинции, а также как можно скорее принять меры к тому, чтобы водворить порядок и дисциплину среди той части войск, которая неохотно примкнула к мятежникам, а сделала это лишь по принуждению».

Наконец, в указе 14/1 октября последовало назначение Юань Ши-кая ху-гуанским генерал-губернатором с возложением на него обязанности усмирить мятеж в провинциях Хубэй и Хунань, а Цэнь Чунь-сюаня сычуанским генерал-губернатором с теми же обязанностями по отношению к волнениям в Сычуанской провинции. Зная обстоятельства, при коих два слишком года тому назад уволен был от службы Юань Ши-кай, обращение к нему указывает на крайнюю растерянность правительства и на полное отсутствие среди пекинских чиновников лица, на которое могла бы быть возложена трудная и неблагодарная задача борьбы с возникшими волнениями. При этом с особой иронией звучит фраза названного указа, что «как Юань Ши-кай, так и Цэнь Чунь-сюань все время пользовались нашим милостивым расположением».

Все находящиеся и прибывающие в Ху-гуан сухопутные и морские силы должны, согласно указу, находиться в совместном распоряжении Юань Ши-кая, генерала Инчана и адмирала Са.

Доходившие за последние дни до столицы сведения и слухи вызвали некоторую тревогу среди населения, выразившуюся главным образом в желании его избавиться от ассигнаций путем обмена на серебро; это сразу повело к затруднениям в банковских сферах, и правительство, которое уже приняло ряд предосторожностей в смысле усиления в самом Пекине охраны на улицах, закрытия по вечерам магазинов и увеселительных мест, издало затем запрещение печатать что-либо о революционном движении в китайской прессе. В то же самое время правитель-

ство сосредоточило свою энергию на том, чтобы отправить как можно более войска на Юг. Вследствие сего все железнодорожное движение на линии Пекин—Ханькоу и отчасти Пекин—Мукден оказалось дезорганизованным. В первую очередь на Юг отправляется 6-я дивизия из Баодинфу и 1-я — из южного лагеря около Пекина. Кроме того, из Цзинань-фу в Таку для следования оттуда морем к устью Янцзы отправляются около 10 000 человек. То же число предположено отправить из Куанченцзы, но назначение их неизвестно. Наконец, есть сведения об отправке 20-й дивизии через Цин-ван-дао морем в Шанхай. Большое количество посылаемых войск свидетельствует, что правительство придает самое серьезное значение волнениям на Юге и что под влиянием событий последних дней прежняя самоуверенность сменяется паникой.

Что же касается до положения вещей на месте, то, как вашему превосходительству известно из моих секретных телеграмм [1], революционерами захвачены в Ханькоу расположенные в прилегающем к иностранным концессиям китайском городе ханьянские заводы и арсенал. Во главе объявленного временного правительства находится, по сведениям нашего генерального консула в Ханькоу, председатель провинциального совещательного собрания Тан Хуа-лун, а войсками командует перешедший на сторону революционеров генерал Ли Юань-хун. В систему революционеров, очевидно, входит возможная предупредительность к иностранцам, чем и объясняется то, что на иностранных концессиях до сего времени порядок не нарушался, и проживающие на них лица не подвергались прямой опасности. Некоторую тревогу среди иностранцев в Ханькоу вызвало прибытие флотилии адмирала Са и связанное с ним предположение бомбардировать Учан. Как известно по телеграмме старшины консульского корпуса в названном городе, сделано было в Пекине сношение с министерством иностранных дел, от которого получены заверения, что адмиралу Са будут даны инструкции не подвергать опасности концессии. На 10-м километре железной дороги стоят оставшиеся верными правительственные войска во главе с генералом Чжан-бяо; силы эти, вначале не превышавшие 1 000 человек, постепенно подкрепляются приходящими с севера войсками. По последним известиям революционерами начато обходное движение позиции Чжан-бяо. Считаю долгом упомянуть, что замедление, происшедшее в действиях революционеров по занятии китайской части Ханькоу и Ханьяна, объясняется мерами, принятыми французскими инженерами на Пекин-Ханькоуской дороге, распорядившимися заблаговременно оттянуть на север все паровозы и вагоны, так что подвижной состав не попал в руки революционеров.

Что же касается до района, на который распространилось восстание, то пока, ввиду полного отсутствия точных сведений и разноречивых слухов, не представляется возможным ясно его установить. Кроме того, несомненно, что движение в Сычуанской провинции не прекращается. В таких крупных центрах, как Нанкин и Кантон, волнений пока не замечается, но это объясняется тем, что местные власти разоружили в названных пунктах новые войска лу-цзюня, и несение гарнизонной службы возложено там на войска внутренней охраны сюнь-фань-дуй. Из Шанхая и Нючжуана получены известия о грозящих затруднениях на денежном рынке, что, несомненно, еще более осложнит общее положение вещей. Будущее зависит в значительной степени от результатов первых столкновений правительственных войск с революционерами, но если даже правительству, что весьма вероятно, и удастся подавить восстание, то этим далеко не будут устранены все возникшие ныне затруднения.

Во всяком случае предстоящая борьба потребует большой затраты сил со стороны правительства и внесет еще большую дезорганизацию во все сферы госу-

[1] Имеются в виду тел. Коростовца от 14/1 окт. за № 615 (опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 58), содержание которой в основном изложено в публикуемом документе, и тел. от 18/5 окт. за № 638. (Опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 63). В последней Коростовец сообщал: «Революционеры вербуют солдат, поддерживают образцовые порядки, казня грабителей, а также манчжур поголовно. Иностранцы свободно и предупредительно допускаются в занятые революционерами города. У генерала Ли не менее 5 000 войска, орудий в арсенале захвачено 170».

дарственного механизма. Все это не может не отразиться на общем положении Китая, так как события на Юге ясно обнаружили всю шаткость преследуемой правительством политики, а равно крайнюю неспособность, слабость и непопулярность последнего.

Примите и пр. Коростовец.

№ 663. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1538 [1]. 19/6 октября 1911 г.

Сообщено в Лондон.

По поручению своего правительства, О'Берн сделал мне сегодня сообщение о неустойчивом положении регента и шахского правительства, вполне совпадающее с содержанием вашей телеграммы № 955 [2], и спросил, не окажем ли мы регенту некоторую нравственную поддержку. Я ответил согласием.

Можете условиться с Барклаем относительно содержания, формы и времени заявления, которое нужно будет сделать Наср-оль-Мольку.

Для вашего личного сведения:

Имейте при этом в виду, что никакой реальной помощи мы теперь персидскому правительству оказывать не собираемся; если предположенное заявление Наср-оль-Мольку потребует какого-нибудь активного выступления с нашей стороны, то необходимо, чтобы вы предварительно уговорились с нами об этом [3].

Нератов.

№ 664. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Токио Броневскому.

Телеграмма № 1544 [4]. 19/6 октября 1911 г.

Сообщается посланнику в Пекине.

Японский посол по поручению своего правительства сделал мне письменное заявление [5] вкратце следующего содержания:

Японское правительство уже засвидетельствовало заключением соглашения 1910 г. свое желание укрепить дружественные отношения с Россией и свое убеждение в необходимости для обоих правительств доверчиво помогать друг другу для защиты их тождественных интересов в Манчжурии. Перемена кабинета в Японии ничего не изменила в этом отношении; новый кабинет стремится еще более развить дружеские связи с Россией в строгом согласии с буквой и духом сказанного соглашения.

Посол прибавил на словах, что такие солидарные отношения особенно нужны ввиду нынешних событий в Китае, за ходом которых обоим правительствам необходимо пристально следить.

Благоволите передать виконту Уцида нашу благодарность за это сообщение и заверить его в том, что императорское правительство вполне разделяет продиктовавшие его мысли и намерено равным образом стремиться к дружественному проведению в жизнь соглашения 1910 г. в согласии с его буквой и духом [6].

[Нератов.]

---

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 187, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[2] См. № 660.

[3] Ответной тел. от 24/11 окт. за № 983 Поклевский извещал, что «опасность министерского кризиса, а с ним и отставки регента временно миновала, а потому в предположенном лондонским кабинетом заявлении надобности пока не представляется».

[4] На черновом отпуске имеется помета: «Отправлена в Японию [20] 7 октября 1911 г.»

[5] Имеется в виду пам. записка от 19/6 окт. Содержание ее полностью изложено в публикуемом документе.

[6] Деп. от 29/16 окт. за № 94 Броневский известил Нератова о выполнении этого поручения. Во время беседы с Уцида Броневский попросил его дать «авторитетные разъяснения свои относительно упорных слухов о готовящейся мобилизации 10-й и 11-й дивизий и о предстоящем, будто бы, усилении японских гарнизонов в Манчжурии». Уцида, по словам Броневского, отрицал правильность этих слухов.

№ 665. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 660. 19/6 октября 1911 г.

М. г. граф Александр Константинович,

Общее политическое положение за последние недели представляет, несомненно, характер необычной напряженности, не исключающей возможности неожиданных затруднений и даже столкновений, несмотря на явно мирное настроение большинства держав.

Я поэтому не счел возможным не воспользоваться таким стечением обстоятельств, чтобы постараться двинуть к благоприятному разрешению очередные вопросы, нас особенно интересующие.

Между ними на первом месте стоят отношения наши с Турцией, и в частности вопрос об обеспечении наших стратегических интересов на кавказской границе при предстоящем железнодорожном строительстве в Малой Азии.

Так как существует вероятность, что турецкое правительство проявит бо́льшую против прежней готовность итти навстречу нашим домогательствам, я предоставил гофмейстеру Чарыкову, в зависимости от настроения, какое он встретит у турок, расширить объем переговоров и затронуть щекотливейший из вопросов — «вопрос о проливах».

В свою очередь гофмейстер Чарыков, заручившись обещанием французского посла о содействии нам при переговорах о железных дорогах, счел своевременным поставить г. Бомпара в известность и о намерении своем затронуть вопрос о проливах. О том же, хотя и более глухо, лишь в смысле желательности сближения нашего с Турцией, он упомянул и в разговоре с сэром Дж. Лоутером.

Я одновременно счел необходимым поручить и гофмейстеру Извольскому выяснить отношение Франции к вопросу «о проливах».

Весьма возможно, что сведения о разговорах наших представителей на тему «о проливах» дошли уже до лондонского кабинета, и на случай, если бы великобританские министры заговорили с вами о том же или если бы вашему сиятельству пришлось к слову затронуть вопрос этот, считаю долгом препроводить при сем *для личного вашего сведения и руководства* копии с обмененной по сему предмету переписки, по прилагаемой описи [1].

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 666. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 61. 19/6 октября 1911 г.

Из доверительного источника узнал, что на Джиолитти оказывается давление, чтобы королевским указом было объявлено присоединение Триполи и Киренаики. Таким путем надеются прекратить разговоры об установлении верховных прав султана на завоеванные Италией области.

Долгорукий.

№ 667. Поверенный в делах в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 75 [2]. 19/6 октября 1911 г.

Копия в Афины.

Греческий посланник вновь, и не в первый раз, сообщил Гешову о желании своего правительства достигнуть соглашения с Болгарией [3] на случай, если какая-либо из этих держав подвергнется нападению со стороны Турции. Согла-

[1] При настоящем письме были препровождены копии документов, опубликованных в настоящем томе под №№ 509, 531, 532, 556, 564, 570, 581, 585, 590, 623 и 641.

[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 37.

[3] Ср. № 505.

шение должно установить взаимное обязательство оказать при таковом нападении вооруженную помощь и объявить Турции войну. Гешов, желая вообще установления со всеми балканскими державами хороших отношений, ответил посланнику в благожелательных, но общих выражениях. Я указал Гешову, что Россия приветствует всякое согласование общих интересов балканских держав, но что на предполагаемое Грецией соглашение нужно итти с большой осторожностью, ибо у Греции имеется постоянный повод к недоразумениям с Турцией — Крит, и, заручившись помощью Болгарии, греки легко могут повести более активную и, следовательно, опасную и эгоистическую политику.

Урусов.

№ 668. Посланник в Бухаресте временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 156. 19/6 октября 1911 г.

Копия в Софию.

Ввиду нервности, проявляемой некоторыми органами румынской печати по поводу слухов о мобилизации в Болгарии [1], я запросил министра иностранных дел об имеющихся у него сведениях об общем положении дел на Балканах. Министр ответил, что за последние два дня им получены весьма успокоительные сведения. В частности болгарский министр иностранных дел дал румынскому поверенному в делах самые миролюбивые заверения. Пессимистическая нота звучит, по словам Майореску, только из Вены. Третьего дня австрийский посланник сообщил ему циркулярно, как он предполагает, сообщаемые австрийским представителям впечатления, вынесенные от дипломатического последнего приема. В них указывается о некоторых опасениях, вынесенных из бесед с болгарским и сербским посланниками. Не разделяя пока этих опасений, здесь еще не принимают никаких мер, и после маневров войска были немедленно возвращены к прежним стоянкам, хотя и сознают, что положение может измениться с каждым днем в зависимости от событий в Константинополе.

Гирс.

№ 669. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 19/6 октября 1911 г.

Частное.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Дело о свободном пропуске через проливы нашего хлеба и вообще русских черноморских провенансов можно считать налаженным.

Заслуга в этом здесь, конечно, Ассим-бея, стремление коего к сближению с Россией и с балканскими государствами совпадает с таковым же Саида-паши.

Но, дабы стать на этот путь, новому министру иностранных дел пришлось сразу начать борьбу с собственными подчиненными, — а равно и с некоторыми сослуживцами по кабинету — составляющими ту ядовитую плесень, которая завелась издавна в «Блистательной Порте» и которая довела Турцию до теперешнего положения.

В этой борьбе нам, очевидно, надлежит всячески помогать министру и великому визирю, причем в здешней восточной обстановке большую роль играет форма и даже редакция наших официальных обращений к турецкому правительству.

Правда, наша резкая нота о хлебе [2] была составлена ранее назначения Ассим-бея, когда в Порте брала верх старая закваска.

Но теперь нам выгоднее держаться вполне дружественного тона и не давать нашим многочисленным и сильным противникам возможности пользоваться

---

[1] См. № 569.
[2] См. № 539.

нашими нотами как сподручным оружием для ниспровержения наших же сторонников.

А сейчас здешние противники России что-то приуныли.

Даже наш завзятый враг «Le Jeune Turc» то ругательски ругает Германию — дело дошло до этого, — то просится в Тройственный союз на место Италии (!). В общем же здесь большая растерянность, которую можно надеяться использовать с выгодой для русских интересов.

Очень отрадно, с этой точки зрения, решение держав Тройственного согласия, чтобы их здешние представители действовали сообща [1]. Лоутер, Бомпар и я к этому совершенно расположены и готовы. Чрезвычайно важно также решение парижского кабинета поддержать нас в вопросе о проливах и содействовать осуществлению русских планов в вопросе этом.

Поддержка Франции будет особенно ценна, когда настанет пора приступить к переговорам «в других центрах» [2] и прежде всего, вероятно, в Лондоне.

По этому поводу обязуюсь обратить ваше внимание на следующее местное обстоятельство.

Раз правительства Тройственного согласия обязали своих представителей в Константинополе действовать сообща и парижский кабинет не только осведомлен о предстоящих русско-турецких переговорах, но и обязался им содействовать, — то едва ли желательно или даже возможно скрывать намерения императорского правительства в этом вопросе от Англии долее, чем это вызывалось бы какой-либо крайней необходимостью.

Напротив, как только Саид-паша сочтет своевременным осведомить прочих министров, хотя бы доверительно, о наших предположениях, нам предстоит тотчас войти в сношение о них же с берлинским кабинетом [3]. А допустимо ли, чтобы о них узнали в Берлине раньше, чем в Лондоне?

Поэтому, хотя нам не нужна здесь до поры до времени ни французская, ни английская поддержка, ни германская осведомленность [4], казалось бы необходимым уже теперь поставить великобританское посольство в Константинополе постольку же в курс этого дела — и столь же конфиденциально, — поскольку это сделано по отношению к французскому посольству.

При теперешней конъюнктуре было бы прямо опасно вести с великим визирем даже частные сношения по намеченным предметам, как бы за спиной Лоутера.

Вам виднее: начать ли с извещения совместно с парижским кабинетом — Лондона или же предоставить мне сказать Лоутеру то, что в силу протокола мною сказано Бомпару. Лучше всего было бы сделать и то и другое единовременно, как только выяснится парламентское положение кабинета Саида-паши. Позволю себе просить у вас по этому предмету, в случае надобности, телеграфных указаний.

Я лично думаю, что Саид-паша удержится.

Искренно преданный вам Н. Чарыков.

№ 670. Памятная записка российской миссии в Пекине китайскому министерству иностранных дел [5].

19/6 октября 1911 г.

Le gouvernement impérial de Russie a pris acte des assurances au sujet de la question mongole données verbalement [6] par le gouvernement chinois, tant à Pékin

[1] См. стр. 150, прим. 3 и № 621. Тел. от 25/12 окт. за № 249 Бенкендорф сообщал Нератову, что Грей поручил англ. послу в К-поле «договориться с русским послом и поддерживать с ним постоянный контакт по актуальным вопросам».

[2] Ваша телеграмма мне от [16] 3 сего октября за № 1515. [Прим. оригинала.] (См. № 641.)

[3] Моя телеграмма от [11 октября] 28 сентября с. г. № 622. [Прим. оригинала.] (См. № 591.)

[4] Моя телеграмма от [12 октября] 29 сентября с. г. № 626. [Прим. оригинала.] (См. № 601.)

[5] Маш. копия. Публикуемый документ был препровожден Коростовцом Нератову при деп. от 2 ноября/20 окт. за № 96.

[6] См. № 607.

qu'à St.-Pétersbourg, par l'entremise du chargé d'affaires de Chine, assurances répétées d'autre part dans les memoranda du Wai-wu-pu du 19 septembre [1] et 12 octobre a. c. [2]

A la suite de cet échange de vues le gouvernement impérial a autorisé de son côté le consulat de Russie à Ourga d'annoncer au Houtoukhtou et aux princes mongols la sage décision prise par le gouvernement chinois de surseoir à l'introduction des réformes en Mongolie, en ajoutant que ni les membres de la députation envoyée à St.-Pétersbourg ni leur proches ne seront sujet à aucune molestation ou mesure repressive.

Persévérant dans son attitude clairement établie par ses communications antérieures et basée sur le désir sincère de maintenir les rapports amicaux entre les deux États, en évitant surtout à l'avenir les complications et les malentendus, le gouvernement impérial tient à bien préciser les points sur lesquels ont porté les négociations actuelles.

En prenant acte, ainsi qu'il a été dit plus haut, des assurances qui lui ont été données, le gouvernement impérial constate qu'il a été décidé de surseoir à l'accomplissement de toutes les mesures projetées en Mongolie, sans excepter la création de nouvelles troupes et l'introduction de réformes militaires dans ces régions, notamment au Halkha. Il va de soi que si le gouvernement chinois changeait d'avis, il nous en avertirait préalablement pour l'échange d'idées, prévu par notre memorandum du 30/17 septembre [3], sur le programme des réformes et sur le mode de leur mise à exécution.

La légation de Russie croit devoir ajouter que la présente communication sera considérée comme réglant définitivement la question si le gouvernement chinois n'y oppose aucune objection dès à présent.

Перевод.

Императорское российское правительство приняло к сведению заверения относительно монгольского вопроса, данные устно китайским правительством как в Пекине, так и в С.-Петербурге через китайского поверенного в делах и повторенные, с другой стороны, в меморандумах вай-ву-бу от 19 сентября и 12 октября с. г.

Вследствие этого обмена взглядами, императорское правительство со своей стороны поручило российскому консульству в Урге заявить хутухте и монгольским князьям о принятом китайским правительством мудром решении приостановить введение реформ в Монголии и добавить при этом, что ни по отношению к членам депутации, отправленной в С.-Петербург, ни по отношению к их близким не будет применено никаких притеснений или репрессивных мер [со стороны китайского правительства].

Придерживаясь своей позиции, ясно установленной в его предшествующих заявлениях и основанной на искреннем желании поддерживать дружественные отношения между обоими государствами и в особенности избегать осложнений и недоразумений на будущее время, императорское правительство считает необходимым уточнить пункты, явившиеся предметом настоящих переговоров.

Принимая, как выше сказано, к сведению данные заверения, императорское правительство констатирует, что было принято решение приостановить осуществление всех проектируемых в Монголии реформ, не исключая формирования новых войск и введения военных реформ в этих областях, в частности в Халхе. Само собой разумеется, что если китайское правительство изменит свою точку зрения, оно предварительно уведомит нас об этом на предмет обмена взглядами, предусмотренного в нашем меморандуме от 30/17 сентября по поводу реформ и способа их осуществления.

Российская миссия считает своим долгом добавить, что настоящее сообщение будет рассматриваться, как регулирующее вопрос окончательным образом, если китайское правительство не выдвинет против него каких-либо возражений теперь же.

---

[1] Повидимому, имеется в виду пам. записка вай-ву-бу от 20/7 сент. (см. стр. 20, прим. 3).

[2] Соответствующая пам. записка в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена.

[3] В пам. записке от 30/17 сент. росс. прав-во выражало удовлетворение по поводу готовности кит. прав-ва войти с ним в обмен мнениями по монгольскому вопросу и выражало желание ознакомиться с программой реформ, проведение которых было временно отложено. Вместе с тем росс. прав-во отмечало, что репрессии, которые амбань Саньдо намеревается, повидимому, продолжать по отношению к некоторым лицам в Монголии, не могут способствовать восстановлению там порядка. «Мы уверены,— указывалось в пам. записке,— что настоящее положение далеко не представляет достаточных гарантий против беспорядков и неожиданных осложнений».

№ 671. Английский поверенный в делах в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 20/7 октября 1911 г.

Urgente.

Mon cher Monsieur Nératow,

Je pense avoir bien compris, de ce que votre excellence m'a dit hier, que pour le moment le gouvernement impérial n'a pas pris la décision de procéder à des «mesures de rigueur» en Perse, telles que l'envoi d'une expédition militaire, quoiqu'il a envisagé l'adoption d'une pareille mesure si l'état de choses dont vous vous plaignez en Perse ne s'améliore pas.

Je n'ai pas besoin de vous dire que si, au contraire, la décision d'envoyer une expédition militaire avait déjà été arrêtée (ce que j'espère très vivement n'est pas le cas), j'attacherais la plus grande importance à ce que vous vouliez bien m'en prévenir au plus tôt [1].

Votre bien sincèrement dévoué Hugh O'Beirne.

Перевод.

Срочное.

Дорогой г. Нератов,

Как я понял из того, что ваше превосходительство сказали мне вчера, императорское правительство в данный момент не приняло решения приступить к «крайним мерам» в Персии, как например посылка военной экспедиции, хотя оно обсуждало принятие подобной меры, если положение вещей в Персии, на которое вы жалуетесь, не улучшится.

Мне нет нужды говорить вам, что если, напротив, решение послать военную экспедицию уже принято (чего, как я горячо надеюсь, не произошло), я придаю большое значение тому, чтобы вы соблаговолили предупредить об этом меня как можно раньше.

Искренно преданный вам

Хью О'Берн.

№ 672. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1551. 20/7 октября 1911 г.

Ваша телеграмма № 948 [2] получена.

Во время вчерашнего разговора с О'Берном я указал ему на то, что Шустер нисколько не желает сообразоваться в своей деятельности с нашими интересами и явно стремится к диктатуре [3]. Я сказал, что все это затрагивает наши коренные интересы в Персии и что дальнейшая деятельность Шустера в таком направлении, в связи с существующим хаотическим положением в стране, вынудит нас прибегнуть к самым крайним мерам и даже, быть может, приведет к столь нежелательному для обеих держав средству, как оккупация.

О'Берн, видимо взволнованный, ответил мне, что такая мера произведет удручающее впечатление в Лондоне и что она будет означать конец нашего согласия с Англией. Я успокоил его и сказал, что от самих англичан зависит предотвратить подобную меру с нашей стороны; им стоит лишь [4] помочь нам сломить упорство Шустера и заставить его вести свое дело в соответствии с нашими интересами и не иначе, как с нашего одобрения и согласия.

Нератов.

---

[1] На полях оригинала имеется помета: «Отвечено в утвердительном смысле. [20] 7 октября 1911 г. А. Нератов».

[2] См. № 652.

[3] В черновом отпуске слова: «то, что... стремится к диктатуре» вставлены вместо зачеркнутых: «систематически враждебную нам деятельность Шустера и на его стремление к диктатуре в Персии».

[4] Далее зачеркнуто: «оказать нам поддержку в делах, которые слишком близко затрагивают наши интересы, чтобы мы могли отнестись безразлично к бесцеремонному хозяйничанью Шустера».

№ 673. Временно управляющий министерством иностранных дел военному министру Сухомлинову.

Письмо № 1070 [1]. 20/7 октября 1911 г.

Секретно. Спешно.

М. г. Владимир Александрович,

Посланник в Пекине по телеграфу довел до сведения министерства иностранных дел, что в Ханькоу, ввиду совершающихся там ныне событий, прибывает по сотне японской и германской пехоты; французский консул в названном порте также обратился к своему правительству с ходатайством о присылке колониальных войск из Тонкина [2]. Действительный статский советник Коростовец высказывает мнение о желательности немедленной посылки в Ханькоу также роты русской пехоты [3].

Считаю долгом сообщить вашему высокопревосходительству, что я вполне разделяю это мнение нашего посланника. Действительно, наша концессия в Ханькоу, главнейшая в этом городе и представляющая для нас величайшую важность, находится в настоящую минуту под охраной иностранных судов. Правда, морской министр счел возможным направить в Ханькоу канонерскую лодку «Манчжур»; но это небольшое судно может выделить лишь самый незначительный десант для охраны на берегу русской колонии; на посылку же в Ханькоу других наших военных судов нельзя рассчитывать ввиду их отсутствия в тихоокеанских водах. Такое положение совершенно не соответствует важности наших интересов в Ханькоу; коррективом его могла бы служить только посылка туда роты пехоты, о которой ходатайствует действительный статский советник Коростовец.

Помимо сего, надо принять во внимание, что, как телеграфирует г. Коростовец, присылка в Ханькоу французских войск имеет в виду расширение тамошней французской концессии. Аналогичный вопрос о расширении нашей концессии прирезкой к ней прилегающего к жел. дороге участка остается без движения уже несколько лет, благодаря нежеланию китайских властей пойти навстречу нашим требованиям. Присутствие роты нашей пехоты в Ханькоу дало бы возможность, при столь удачно для нас ныне сложившихся обстоятельствах, разрешить этот вопрос в желательном для нас смысле.

Я должен однако особенно подчеркнуть, что в этих видах посылка пехоты в Ханькоу должна бы последовать немедленно, дабы воспользоваться благоприятной минутой и по возможности предупредить аналогичный шаг французов. Если же по каким-либо соображениям немедленная посылка пехоты невозможна, то нам придется отказаться от мысли использовать настоящий случай для разрешения вопроса о расширении нашей концессии в Ханькоу.

Покорнейше прося ваше высокопревосходительство не отказать уведомить меня о последующем в возможно непродолжительном времени, пользуюсь случаем и пр.

[Нератов.]

№ 674. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [4]. 20/7 октября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

J'ai cru devoir transmettre à votre excellence un article du Times [5] au sujet des déclarations publiées, paraît-il, par Mr. Shuster, qui accuse les gouvernements russe et anglais de se désintéresser de l'indépendance et de l'intégrité de la Perse.

---

[1] Черновой отпуск написан рукой Козакова.

[2] Указанные сведения были переданы Коростовцом в тел. от 18/5 окт. за № 638 (см. стр. 186, прим. 1).

[3] Имеется в виду тел. Коростовца от 18/5 окт. за № 639, содержание которой в основном изложено в публикуемом документе.

[4] Опубл. Siebert, II, S. 177, № 467.

[5] Имеется в виду статья в № 39719 газеты «Times» от 18/5 окт., озаглавленная «Шустер о Персии», препровожденная Нератову при сопроводительном письме от 18/5 октября. Не воспроизводится.

Mr. Shuster en voit la preuve dans la rupture des négociations entre Mr. Poklewski et lui pour la formation d'une gendarmerie et pour le rôle temporaire qu'il avait réservé dans cette nouvelle organisation au major Stokes.

Le «Times» repousse cette accusation, tant pour le compte de la Russie que pour celui de l'Angleterre.

Sir A. Nicolson, alors qu'il m'informait hier avec grande inquiétude des mauvaises nouvelles qu'il avait reçues de Perse, ne fit aucune allusion à cette affaire dont je n'ai d'autres renseignements que ceux publiés par le «Times». Il me parla seulement de la probabilité d'une crise ministérielle, avènement possible d'un ministère nationaliste extrême et de la menace de démission de la part du régent [1].

Sir Arthur redoute surtout cette dernière éventualité et, comme votre excellence l'aura su par le télégramme que j'ai eu l'honneur de lui adresser hier [2], il est disposé à ce que les deux légations fassent ensemble un effort pour faire revenir le régent sur sa décision.

Je n'aurais pas cru nécessaire de relever le lien possible entre ces deux événements, n'était que je ne crois pas que l'article du «Times» — écrit dans le but d'éviter toute difficulté à ce sujet entre la Russie et l'Angleterre, et pour prévenir le public d'avance — représente bien exactement comme les choses seront prises en Angleterre et ne fait qu'une allusion trop indirecte à la situation extrêmement difficile dans laquelle peut se trouver Sir E. Grey à la réunion des Chambres.

Que le gouvernement anglais se soit tout au début trop peu préoccupé de la portée de l'incident Stokes est indiscutable. Mais il faut dire aussi que dès que son attention a été sérieusement portée sur cette question par le gouvernement impérial, Sir E. Grey s'est exécuté aussi catégoriquement et publiquement que possible. Il est allé jusqu'à rejeter tout à fait la combinaison Stokes en employant un moyen — le refus de démission — dont la légalité même n'est pas entièrement démontrée et que je ne crois pas qu'il puisse maintenir indéfiniment.

Je ne puis douter que cette conduite ne lui ait été inspirée par la ferme décision du maintien de l'entente en Perse et de fidélité stricte à la convention, et sans se faire d'illusions sur les difficultés qui pour lui se préparaient. Car dans son for intérieur, je crois qu'il considérait pratique la combinaison dont notre ministre à Téhéran a entretenu votre excellence [3].

Car, à côté de l'intérêt de la coopération [4] anglo-russe, il gardait certainement en vue le déplorable état de choses en Perse même, dont, dans son idée, les intérêts anglais souffraient dans le Midi plus que les intérêts russes dans le Nord.

C'est à ce point de vue, en effet, que Sir E. Grey devient attaquable au Parlement anglais où certaines affirmations de Mr. Shuster, celle du rôle obstructeur des deux Puissances, trouveront, je le crains, plus d'écho qu'il ne serait désirable.

L'esprit public anglais, si l'état de choses en Perse se perpétue, y verra un acheminement non pas intentionné, mais de fait, vers une ingérence armée à laquelle, pour sa part, l'esprit public anglais est tout à fait contraire.

Je ne voudrais pas remettre à neuf sous les yeux de votre excellence les réflexions dont j'ai eu l'honneur de l'entretenir plusieurs fois.

La sphère d'influence anglaise s'étend sur une partie du Midi de la Perse, la sphère russe est dans le Nord. Mais c'est dans cette dernière que se trouve le siège du gouvernement et la capitale. Nous ne pourrions, je crois, légitimement admettre que pour cette raison les actes du gouvernement persan regardent surtout la Russie. Cela serait un protectorat russe avec une sphère d'intérêts spéciaux reconnue à l'Angleterre dans le Midi — à peu près comme ce qui se prépare au Maroc entre la France et l'Espagne.

Il y a, il me semble, un certain nombre d'affaires regardant la Perse entière auxquelles les deux gouvernements sont également intéressés et sur lesquelles il n'est guère possible de ne pas se consulter, parce qu'elles ne sont pas seulement

[1] У Siebert'a последующий абзац опущен.
[2] Повидимому, Бенкендорф имеет в виду свою тел. за № 243 от 18/5 окт. (см. № 653).
[3] См. № 351.
[4] У Siebert'a «Konvention» («конвенция»).

du domaine des sphères respectives d'influence. L'ordre public et les finances me semblent au nombre.

J'avoue que pour la marche régulière et le maintien d'un ordre de choses aussi complexe je ne vois d'autre moyen que des compromis.

Compromis d'abord entre la Russie et l'Angleterre, et ensuite compromis entre ces deux Puissances et la Perse.

Selon moi, sinon le texte, du moins l'esprit de la convention l'entend ainsi. Sans quoi elle ne peut que devenir inapplicable, comme le serait d'ailleurs tout arrangement international qui admettrait le compromis trop difficilement.

J'entends par compromis des moyens tels que ceux dont s'est inspiré Mr. Kokovzow en soumettant son adhésion au projet d'emprunt Seligman à de toutes nouvelles conditions [1]. Et c'est parce que ces conditions constituent un compromis que je crois que le projet a des chances d'aboutir.

Il me semblerait urgent qu'un compromis de ce même genre fût trouvé pour la formation de la gendarmerie, en dehors, bien entendu, de telles conditions que nous savons d'avance que la Perse n'acceptera pas.

Si je me permets d'insister encore une fois sur cet ordre d'idées, c'est que je crains beaucoup que l'accusation portée contre les deux Puissances — de ne pas pouvoir se mettre d'accord pour mettre fin à l'anarchie en Perse et de ne rien tenter d'effectif dans ce but, ne prenne beaucoup trop de corps et ne tombe d'avantage sur la Russie que sur l'Angleterre.

Cela serait le début pour de graves et sérieuses difficultés au moment même où bien des choses me portent à croire que l'entente la plus ferme possible avec l'Angleterre nous est plus utile et nécessaire que jamais [2].

Je confie cette lettre à l'obligeance de Lord Errington, fils de Lord Cromer, qui va à Pétersbourg, je crois, dans les intérêts de la maison Baring et de son cousin Lord Revelstoke. Lady Errington est fille de Lord Minto, tout récemment vice-roi aux Indes. Je me permets de recommander spécialement les deux à votre excellence.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

P. S. Cette lettre était écrite lorsque parut ce matin dans le «Times» la lettre ci-jointe de Mr. Lynch [3]. Ce député, connu comme membre du Comité persan, ne jouit pas d'une influence considérable. Mais la fin de sa lettre va au fond de la difficulté, — la difficulté du maintien de l'entente anglo-russe s'il survenait un danger de partage. C'est là la pensée qui, je le crains, peut devenir extrêmement dangereuse et contre laquelle il n'y a, selon moi, qu'une seule réaction effective possible — celle d'un accord avec le gouvernement anglais dans l'intérêt du rétablissement de l'ordre et d'une certaine prospérité en Perse.

Ut in litteris

Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Я счел своим долгом переслать вашему превосходительству статью «Times» по поводу заявлений, опубликованных, оказывается, г. Шустером, который обвиняет российское и английское правительства в том, что они пренебрегают вопросом о независимости и неприкосновенности Персии. Г. Шустер видит доказательство этого в прекращении переговоров между г. Поклевским и им о формировании жандармерии и временной роли, которую он [Шустер] отвел в этой новой организации майору Стоксу.

«Times» опровергает это обвинение как от имени России, так и Англии.

Сэр А. Никольсон, осведомляя меня с большим беспокойством о плохих известиях, полученных из Персии, не сделал никакого намека на это дело, о котором я знаю лишь из того, что появилось в «Times». Он мне говорил лишь о вероятности министерского кризиса, о возможности прихода к власти ультра-националистического кабинета и об угрове со стороны регента выйти в отставку.

---

[1] См. № 482.
[2] У Siebert'а последующий абзац опущен.
[3] Приложение не воспроизводится.

Сэр Артур в особенности опасается этой последней возможности,—и как ваше превосходительство знаете это из телеграммы, которую я имел честь отправить вам вчера, —он склонен к тому, чтобы обе миссии совместно сделали усилие побудить регента отказаться от своего решения.

Я не счел бы необходимым отметить возможную связь между этими двумя событиями, если бы не думал, что статья «Times», написанная для того, чтобы избежать всяких затруднений по этому поводу между Россией и Англией и чтобы заранее предупредить общество—дает весьма точное представление о том, как дело будет принято в Англии, и лишь издалека намекает на крайне затруднительное положение, в котором может оказаться сэр Э. Грей на заседании палат.

Несомненно, что английское правительство с самого начала придало слишком мало значения инциденту со Стоксом. Но надо также сказать, что как только императорское правительство серьезно обратило его внимание на этот вопрос, сэр Э. Грей действовал столь решительно и открыто, как это только возможно. Он даже пошел на то, что отклонил комбинацию со Стоксом, применив средство — отказ в отставке,— законность которого не вполне доказана и придерживаться коего, я думаю, он не мог бы до бесконечности.

Я не могу сомневаться в том, что этот образ действий был внушен ему твердым решением сохранить соглашение в Персии и в полной мере оставаться верным конвенции, не создавая себе иллюзий о [размерах] трудностей, которые его ожидают. Потому что, в глубине души, я думаю, он признавал практичной комбинацию, которую предложил вашему превосходительству наш посланник в Тегеране.

Потому что наряду с англо-русским сотрудничеством он, конечно, не терял из виду плачевное положение вещей в самой Персии, от которого, по его мнению, английские интересы на Юге страдают больше, чем русские на Севере.

Действительно с этой точки зрения Грей становится уязвимым в английском парламенте, где некоторые утверждения г. Шустера, как например утверждения об обструкции, чинимой обеими державами, найдут, я опасаюсь, больший отклик, чем это было бы желательно.

Английское общественное мнение, если положение вещей в Персии затянется, увидит в нем путь, хотя и не умышленно, но фактически ведущий к вооруженному вмешательству, к которому со своей стороны английское общественное мнение относится совершенно отрицательно.

Я не желал бы вновь представлять вашему превосходительству соображения, которые я имел честь излагать вам неоднократно.

Сфера английского влияния распространяется на часть Южной Персии, русская же сфера лежит на Севере. Но в этой последней находится резиденция правительства и столица. Мы не могли бы, по моему мнению, признать, что по этой причине действия персидского правительства касаются по преимуществу России. Это было бы русским протекторатом со сферой специальных интересов, признанной за Англией на Юге,— приблизительно то, что подготовляется в Марокко между Францией и Испанией.

Имеется, как мне кажется, известное количество дел, касающихся всей Персии, в которых оба правительства одинаково заинтересованы и по которым почти невозможно не советоваться между собой, так как каждое дело не входит исключительно в пределы той или другой сферы влияния. В числе их находятся, как мне представляется, общественный порядок и финансы.

Признаюсь, что для нормального развития и поддержания столь сложного порядка вещей я не вижу другого средства, кроме компромиссов.

Прежде всего компромиссов между Россией и Англией, а затем компромиссов между этими двумя державами и Персией.

По-моему, это подразумевается также если не текстом, то по крайней мере духом конвенции. Без этого она может стать неприменимой, каким является, впрочем, всякое международное соглашение, лишь с слишком большим трудом допускающее компромисс.

Я понимаю под компромиссом средства, подобные тем, которые применил г. Коковцов, поставив свое согласие на проект займа у Зелигмана в зависимость от совершенно новых условий. И именно потому, что эти условия являются компромиссом, я думаю, что этот проект имеет шансы на успех.

Мне кажется, что крайне необходимо, чтобы компромисс такого же рода был найден в деле формирования жандармерии, за исключением, само собой разумеется, тех условий, которые, как мы заранее знаем, не будут приемлемы для Персии.

Если я решаюсь настаивать еще раз на этом порядке вещей, то это потому, что я сильно опасаюсь, как бы обвинение, выдвигаемое против обеих держав в том, что они не могут сговориться между собой для того, чтобы покончить с анархией в Персии, и в том, что они не предпринимают никаких эффективных мер в этих целях, не приняло бы слишком большие размеры и не пало на Россию в большей мере, чем на Англию.

Это было бы началом значительных и серьезных затруднений, именно в момент, когда многое наводит меня на мысль, что возможно более прочное согласие с Англией нам более чем когда-либо полезно и необходимо.

Я поручаю это письмо любезности лорда Эррингтона, —сына лорда Кромера, —который отправляется в Петербург, как мне кажется, по делам банкирского дома Беринга и своего родственника, лорда Ревельстока. Леди Эррингтон — дочь лорда Минто, бывшего недавно вице-королем Индии. Я себе позволяю особо рекомендовать обоих вашему превосходительству.

Примите и пр. Бенкендорф.

P. S. Это письмо было уже написано, когда в «Times» появилось прилагаемое письмо г. Линча. Этот депутат, известный в качестве члена персидского комитета, не пользуется значительным влиянием, но конец его письма затрагивает сущность затруднения, именно, затруднение сохранить англо-русское согласие в случае возникновения опасности раздела. Это, я боюсь, является мыслью, которая может стать до крайности опасной и против которой, по моему, существует лишь одно эффективное средство — соглашение с английским правительством в целях восстановления порядка и известного благосостояния в Персии.

Ut in litteris

Бенкендорф.

№ 675. Поверенный в делах в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 148. 20/7 октября 1911 г.

Копия в Константинополь.

Министр иностранных дел Грегович заявил мне, что сделанные недавно черногорским поверенным в делах в Константинополе попытки организовать ныне же общность действий славянских государств на Балканах против Оттоманской империи [1] предприняты Поповичем, как сам он утверждает, на основании понятых им в этом смысле отзывов императорского российского посла в Турции. При этом министр указал на затруднительность для его правительства согласовать эту версию с только-что сделанным мной от имени императорского правительства заявлением о необходимости для Черногории воздерживаться от каких-либо активных выступлений в связи с итало-турецким конфликтом [2]. Я ответил министру, что тут, очевидно, произошло недоразумение, если не прямо ошибка Поповича, и что я во всяком случае самым энергическим образом настаиваю на точном смысле сделанного мной заявления. Министр дал мне слово, что Черногория ничего не предпримет вопреки советам и указаниям России. Покорнейше прошу ваше превосходительство о сообщении мне срочно по телеграфу данных для категорического опровержения вышеозначенных утверждений черногорского поверенного в делах, быть может, внушенных ему самим же черногорским правительством, постоянно изыскивающим способы для оправдания своих опасных для мира происков и вожделений.

Обнорский.

№ 676. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 958 [3]. 20/7 октября 1911 г.

Дополнение телеграммы № 955 [4].

В конфиденциальном разговоре министр иностранных дел сообщил мне, что министерский кризис предотвращен, по крайней мере, на время, так как он сам, а за ним и другие министры согласились остаться у власти под условием ограничения меджлисом прав Шустера. Первый министр сказал Гирсу, что кабинет вырабатывает теперь в этом смысле законопроект, и если такой не будет одобрен меджлисом, то бахтиары перестанут сражаться за правительство и уйдут в свои кочевья.

Поклевский.

№ 677. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 92 [5]. 20/7 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Считаю долгом представить при сем на благоусмотрение вашего превосходительства перевод двух императорских указов, изданных вчера [6]. В первом из этих

[1] См. стр. 72, прим. 5.
[2] См. №№ 508 и 528.
[3] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 190, с сокращениями и стилистическими изменениями.
[4] См. № 660.
[5] Частично опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. V, стр. 82.
[6] Приложения не воспроизводятся.

документов определяется образ действий правительства в отношении революционеров, второй — временно передает все военные силы в долине Янцзы в руки Юань Ши-кая. Дабы уяснить смысл и происхождение этого последнего документа, а равно осветить личные отношения Юаня к правительству, почитаю нелишним приложить у сего в вырезке появившуюся одновременно в здешней газете «Journal de Pékin» [1] статью под заглавием «Правда о Юань Ши-кае». Статья эта, как мне известно, была написана со слов сына знаменитого сановника — Юань Ян-тая, — в целях опровержения разнородных, более или менее фантастических слухов, распускавшихся местной прессой. Только-что вернувшийся от отца Юань Ян-тай передал редактору названной французской газеты, с которым он давно знаком, некоторые не лишенные интереса подробности о положении дел в китайской армии. По его словам, Юань Ши-кай уже не может более полагаться на армию в той же степени, как 6 лет тому назад, когда он стоял во главе ее: революционная пропаганда сделала такие успехи, что даже в генеральном штабе имеется, будто бы, несколько офицеров, систематически поддерживающих сношения с революционерами и извещающих их о всех военных мероприятиях. Поспешность и растерянность, с которыми приступили к отправке первых транспортов на юг, могут повести к самым опасным неожиданностям; так, например, войска, отправленные на маневры, были двинуты на юг с холостыми патронами, и лишь в Баодинфу догадались исправить эту оплошность и то за счет тамошних запасов, так что войска, концентрируемые ныне у станции Гуаншуй Пекин-Ханькоуской линии, могут на первых же порах испытать недостаток в патронах, если военные действия затянутся.

При таких условиях не представляется удивительным решение Юань Ши-кая добиться реальных полномочий, а не давать лишь своего имени и своего авторитета в качестве вывески для покрытия действий правительства, которому он не имеет оснований доверять или сочувствовать. По словам Юань Ян-тая, отец его не удовлетворится одним только упомянутым в настоящем донесении указом и не возьмет на себя руководство в деле подавления восстания в той обстановке, которую хочет создать ему правительство.

Примите и пр. Коростовец.

№ 678. Посол в Токио временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. Петербург [2], 20/7 октября 1911 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Развитие китайской революции идет с такой быстротой, что можно почти с уверенностью предвидеть распространение ее на север к столице империи. Нет сомнения, что из Чжилийской провинции беспорядки могут переброситься в Манчжурию, где почва подготовлена набегами хунхузов. Если брожение коснется Мукдена, то оно пойдет по линии железной дороги до Чанчуня и Харбина и станет угрожать безопасности нашего сообщения с Владивостоком. Судя по газетным известиям, японцы уже предусматривают возможность возникновения волнений в Южной Манчжурии и принимают меры охраны железнодорожного пути. Необходимо и нам обеспечить средства ограждения наших интересов в Манчжурии от надвигающейся опасности.

Посетивший меня на-днях японский посол говорил мне, что он очень встревожен вестями из Китая и что обстоятельства могут вынудить правительства России и Японии обменяться взглядами о тех мерах, которые надлежало бы принять для обеспечения в Манчжурии наших железнодорожных сооружений от разгрома. Хотя разговор со мною барона Мотоно имел совершенно частный характер, однако я счел долгом передать о нем вашему превосходительству на случай официального к вам обращения японского посла.

[1] Приложение не воспроизводится.
[2] См. ч. I, стр. 204, прим. 4.

Со своей стороны, полагаю, что момент для окончательного или, по крайней мере, более определенного обмена мыслей с Японией по манчжурскому вопросу ныне наступает. Если беспорядки действительно охватят Мукденскую и Гиринскую провинции, то силой вещей мы принуждены будем усилить военную охрану нашей железнодорожной полосы как в пределах городских поселений, так и по всей Восточной Китайской линии. То же несомненно предпримут японцы по отношению к Южно-Манчжурской дороге до ее соединения с нами.

Вопрос, таким образом, о временном занятии примыкающих к железнодорожной полосе областей Манчжурии войсками России и Японии для обеспечения мирового железнодорожного пути из Азии в Европу может возникнуть сам собой в ближайшем будущем.

Казалось бы поэтому необходимым, в предвидении надвигающихся событий, выяснить заблаговременно отношение императорского правительства к этому делу в связи с возможностью совместных действий наших с правительством микадо.

Примите и пр.

Н. Малевский-Малевич.

Предусмотрительность — вещь очень важная.

Ливадия, [29] 16 октября 1911 г.

№ 679. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II [1].

21/8 октября 1911 г.

Посетивший меня [19] 6 сего октября японский посол передал мне повергаемую при сем на высочайшее благовоззрение памятную записку [2], в которой заключаются уверения в намерении нынешнего японского кабинета, министр иностранных дел которого виконт Уцида только-что вступил в управление министерством, продолжать солидарную с императорским правительством политику в Манчжурии в согласии с духом и буквой соглашения [4 июля] 21 июня 1910 года.

Передавая мне эту памятную записку, барон Мотоно на словах подчеркнул то особое значение, которое приобретают положенные в основу сказанного соглашения принципы ввиду настоящих событий в Китае. Он прибавил, что, по мнению его правительства, России и Японии следует с пристальным вниманием следить за ходом происходящего в Китае движения, чтобы не быть застигнутыми врасплох, если оно примет размеры, угрожающие русским и японским интересам.

Тревожные известия, приходящие за последнее время с Дальнего Востока, и неизвестность относительно способности богдоханского правительства справиться с охватившим пока лишь центральные провинции Китая пожаром, который легко может перекинуться далее на север, побуждают меня полагать, что в интересах наших будет держаться, при настоящем положении вещей, по возможности в общении по китайским делам с токийским кабинетом, дабы не пропустить могущей представиться удобной минуты для упрочения занимаемого нами в Китае положения. Руководствуясь этими соображениями и находя полезным закрепить сделанное нам заявление о желании Японии действовать солидарно с нами по отношению настоящих событий в Китае, я счел долгом поручить поверенному в делах в Токио выразить новому японскому министру иностранных дел благодарность за сделанное им, через барона Мотоно, сообщение и заверить его, что императорское правительство, со своей стороны, также стремится к проведению в жизнь положений соглашения 1910 года.

Повергая при сем на всемилостивейшее благовоззрение текст телеграммы, посланной по сему предмету статскому советнику Броневскому [3], приемлю сме-

[1] Опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 64.
[2] Приложение не воспроизводится (см. стр. 187, прим. 5).
[3] См. № 664.

лость испрашивать указаний, благоугодно ли будет вашему императорскому величеству одобрить вышеизложенные соображения.

Нератов.

Одобряю высказанные вами соображения. Я всегда был, по окончании нашей войны, того мнения, что России следует итти с Японией рука об руку — на Дальнем Востоке.

Ливадия, [24] 11 октября 1911 г.

№ 680. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

·/. Телеграмма № 1557 [1]. 21/8 октября 1911 г.

Сообщается в Берлин, Вену, Париж, Лондон и Рим.

Германский поверенный в делах сообщил мне содержание телеграммы, полученной Кидерленом от Маршалла, в коей последний, в полном, будто бы, единомыслии с Паллавичини, высказывает крайне пессимистический взгляд на внутреннее положение Турции и предсказывает неизбежность войны на Балканах, «если бы итало-турецкая война продлилась еще несколько недель или месяцев». На мой вопрос, кто начнет войну на Балканах, когда Италия твердо заявила о ненамерении переносить военные действия на полуостров [2], Люциус возразил, что правительству Саид-паши едва ли удастся удержать Турцию от высылки итальянцев, что может заставить Италию либо напасть на Албанию, либо занять какой-либо остров Архипелага, а это, очевидно, вызовет общую смуту. Вслед затем Мелегари сообщил мне о полученных его правительством тревожных известиях из славянских государств и выразил мнение о желательности умеряющего воздействия. На вопрос мой, как ответила бы Италия на высылку ее подданных из Турции, Мелегари ответил, как личное мнение, что Италия, вероятно, ограничилась бы занятием какого-либо острова, но что она доныне готова на мир на условии сохранения религиозной связи Триполи с халифом и материальной компенсации, которая, очевидно, будет уменьшаться по мере продления войны.

Совпадение слов Мелегари с опасениями Маршалла заставляет думать, что занятие острова не исключено, а потому желательно очень следить за действиями Турции, удерживая ее от вызывающих шагов вроде высылки итальянцев.

[Нератов.]

№ 681. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

·/. Телеграмма № 1558 [3]. 21/8 октября 1911 г.

Так как англичане усиливают свой консульский конвой в Исфагани, находящейся в нашей сфере влияния, а также в других городах Юга Персии, мы со своей стороны увеличиваем конвой в этом городе на 150 человек, а кстати и рештский конвой — на 100, ввиду того, что в Гиляне разрастающаяся анархия привела к полной невозможности получать от властей удовлетворение претензий русскоподданных [4].

О'Берн держался нами в курсе этого дела с самого начала.

Нератов.

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 181, № 468, где датирована 22/9 окт.

[2] См. № 476.

[3] Лит. копия. Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 191, со стилистическими изменениями.

[4] В тел. от 27/14 сент. за № 1331 Нератов известил Поклевского о намерении англ. прав-ва «снабдить конвоями по 100 человек свои консульства в Исфагани, Бушире, Кермане и Бендер-Аббасе и по 200 человек в Баме, где учреждается новое вице-консульство, и в Ширазе».

В тел. от 2 окт./19 сент. за № 882 Поклевский ответил: «С точки зрения наших интересов в Северной Персии мы можем лишь приветствовать почин английского правительства, который в значительной степени развязывает нам руки и облегчит принятие мер, которые могут сделаться необходимыми в связи с ликвидацией нынешнего кризиса».

Тел. от 24/11 окт. за № 1582 Коковцов, по просьбе Нератова, предложил наместнику на Кавказе срочно распорядиться о приостановке отправки конвоя в Исфагань, так как

№ 682. Временно управляющий министерством иностранных дел туркестанскому генерал-губернатору Самсонову.

'/. Телеграмма № 1559. 21/8 октября 1911 г.

Телеграмма [20] 7 [1] получена.

Если Мохамед-Али-шах отдастся под нашу защиту официально, мы, конечно, должны перевезти его на Кавказ, а затем в Одессу. В крайнем случае можно перевезти его величество в Астрахань или Петровск на одном из наших военных судов, но безусловно предпочтительно прибегнуть к услугам частного парохода. О покрытии издержек я не могу высказаться без заключения министра финансов, но не сомневаюсь в его согласии принять расход на счет казны.

Нератов.

№ 683. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

'/. Телеграмма № 63. 21/8 октября 1911 г.

Узнал, что при помощи Австро-Венгрии стараются исключить Адриатику из сферы военных действий подобно тому, чего добиваются для Красного моря. Италия желает однако сохранить полную свободу в Эгейском море на случай, если война затянется [2].

Долгорукий.

№ 684. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

'/. Телеграмма № 82. 21/8 октября 1911 г.

Mon collègue de France m'a confié ses espérances d'amener à bonne fin ses pourparlers au sujet des compensations dans le Congo, cela promptement, à moins d'accrocs inattendus. Depuis deux jours l'attitude de Kiderlen est visiblement conciliante. Je tiens de l'ambassadeur d'Italie qu'il est chargé de formuler les conditions auxquelles l'Italie serait consentante à traiter de paix avec la Turquie et à les communiquer au Cabinet de Berlin qui se chargerait de les soumettre à la Porte. La condition, sine qua non, est l'annexion pure et simple de la Tripolitaine afin d'éviter pour l'avenir toute nouvelle complication entre les deux pays. L'exemple de la Bosnie et de l'Herzégowine prouve que quelque fictifs que soient les liens désignés par le terme de suzeraineté, on arrive au bout de quelques années à la nécessité d'une annexion définitive. L'ambassadeur s'attend à ce que la Turquie oppose un refus à traiter sur cette base; mais ayant été six ans ambassadeur à Constantinople, il estime que la Porte cédera en définitive en présence des misères inséparables pour elle, comme pour toute l'Europe, de la continuation des hostilités.

Osten-Sacken.

Перевод.

Мой французский коллега поделился со мной надеждой на благополучное завершение своих переговоров о компенсациях в Конго, притом в ближайшее время, если не возникнет неожиданных задержек. За последние два дня позиция Кидерлена стала явно прими-

---

«англичане приостановили отправку своего конвоя туда и нам невыгодно быть первыми в деле, которое произведет в Персии крайне неблагоприятное впечатление; предпочтительно, чтобы это впечатление выпало на долю англичан». Рештскую же сотню Коковцов просил не задерживать.

[1] Тел. от 20/7 окт. за № 580 туркестанский ген.-губернатор Самсонов сообщил Нератову, что «Мохамед-Али-шах, хотя и выражает намерение бороться до последней крайности», но все же «допускает возможность, что ему придется в конце концов отдаться под нашу защиту для спасения жизни». Далее Самсонов излагал просьбу шаха «в последнем случае доставить его в Одессу к семье с предоставлением ему для переезда в Петровск или Астрахань отдельного парохода».

[2] Публикуемая тел. была передана Нератовым Чарыкову 23/10 окт. за № 1573.

рительной. Я узнал от итальянского посла, что ему поручено сформулировать условия, на которых Италия согласилась бы вести с Турцией переговоры о мире, и сообщить эти условия берлинскому кабинету, который взял бы на себя представить их Порте. Условием sine qua non является безоговорочная аннексия провинции Триполи во избежание в будущем всяких новых осложнений между обеими странами. Пример Боснии и Герцеговины доказывает, что как бы ни были фиктивны связи, обозначаемые термином сюзеренитета, через несколько лет становится необходимой окончательная аннексия. Посол ожидает, что Турция откажется вести переговоры на этой основе; однако пробыв шесть лет послом в Константинополе, он полагает, что в конечном счете Порта уступит, ввиду бедствий, неизбежных как для нее, так и для всей Европы в случае продолжения военных действий.

Остен-Сакен.

№ 685. Поверенный в делах в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 58. 21/8 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Установившиеся было после благополучного разрешения малиссорского кризиса спокойные, почти доброжелательные отношения между Черногорией и Турцией, за последнее время, под влиянием ни для кого не составляющих секрета новых агрессивных планов короля Николая [1], значительно изменились к худшему.

Справедливость требует заметить при этом, что вся тяжесть вины в таком ухудшении отношений лежит на руководителях черногорской политики, ибо Турция и за время последнего албанского мятежа и, в особенности, за последнее переживаемое ею трудное время проявляет по отношению к Черногории крайнюю осторожность, всячески стараясь сохранить хотя бы формальные добрые отношения со своим не по силам предприимчивым соседом.

Насколько мало доверяют турки официальной Черногории, видно из недавно сказанной мне здешним турецким поверенным в делах фразы, что «черногорцы спокойны лишь потому, что их сдерживает Россия».

Тревожным симптомом являются между прочим и участившиеся за последнее время пограничные инциденты в юго-восточном углу Черногории, в области Велика, прилегающей к входящей в этом месте узкой полосой в черногорскую территорию турецкой области Аржаница.

Пограничные инциденты, возникающие обыкновенно вследствие угона скота, а иногда и просто мелких покраж, происходили в этой местности и в прежнее время, являясь, ввиду указанных выше исключительных условий расположения границы, для этого пункта почти естественными и неизбежными.

Однако, принимая во внимание настоящий тревожный момент, а равно и указываемую агентскими телеграммами бóльшую агрессивность в подобного рода инцидентах с черногорской стороны, я счел себя вынужденным в дружеской беседе обратить внимание министра иностранных дел Греговича на необходимость для Черногории всячески избегать обострения и повторения пограничных столкновений с турками.

Я отметил при этом, что, со своей стороны, Турция, озабоченная войной с Италией и своими внутренними неурядицами и затруднениями, конечно едва ли склонна придавать таким столкновениям серьезное значение.

Каково же было мое изумление, когда г. Грегович конфиденциально поведал мне, что в черногорском совете министров еще недавно высказана была мысль о необходимости раз навсегда положить конец этим инцидентам, послав в Аржаницу и в прилегающий к ней с юга участок турецкой территории черногорский военный отряд.

В ответ на мое замечание, что такой шаг Черногории явился бы при настоящих условиях прямым безумием, и, не говоря о серьезном риске войны с все еще сильной Турцией, неминуемо навлек бы на черногорцев осуждение и отпор со стороны заинтересованных в поддержании status quo держав, г. Грегович заверил меня, что мысль эта ныне оставлена.

---

[1] См. №№ 528 и 626.

Вышеизложенное лишний раз убеждает в том, насколько опасным для мира фактором является современная официальная Черногория и как прав был турецкий поверенный в делах, высказывая приведенную мной в начале донесения мысль о сохранении черногорцами спокойствия лишь ввиду того, что их сдерживает Россия.

Примите и пр. Н. Обнорский.

№ 686. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 647[1]. 21/8 октября 1911 г.

Продолжение моей телеграммы № 644[2].

Ссылаюсь на свою депешу № 102[3], отправленную сегодня. Запрошенный мной сегодня конфиденциально через первого драгомана великий визирь ответил, что он выскажет свои соображения через две недели и что, «если возникнут препятствия», он предупредит меня тотчас и что его сообщение будет носить вполне доверительный и частный характер. Этот ответ указывает, что Саид-паша, упрочив свое парламентское положение, готовится осторожно к переговорам с нами и желает, в отличие от предыдущего министерства, придать им не затяжной, а срочный характер. После программной речи Саида-паши ему приписывают замысел придать внешней политике Турции новую ориентацию в сторону Тройственного согласия. Полагал бы своевременным поставить лондонский кабинет теперь секретно в известность о намерении императорского правительства, отложив сношение с Берлином до дальнейшего выяснения дел.

Чарыков.

№ 687. Управляющий Китайской Восточной железной дорогой в правление Общества названной дороги.

Телеграмма № 2592[4]. 21/8 октября 1911 г.

Из Шанхая получены секретные сведения о том, что японцы предложили свои услуги для подавления революции, но китайское правительство это предложение отклонило. Из разговоров моих с Каваками[5] я убедился, что японцы очень интересуются положением, которое займет Россия, в связи с революцией, по отношению к Китаю, и видно, что японцам желательно, чтобы в дела Китая вмешалась какая-либо другая держава и чтобы инициатива принадлежала не им. Сегодня фирма Мицуй получила извещение, что революционеры в стычке с правитель-

---

[1] Черновой отпуск, хранящийся в делах б. росс. пос-ва в К-поле.

[2] См. стр. 173, прим. 1.

[3] При деп. от 21/8 октября за № 102 Чарыков препроводил французский перевод программной речи Саида-паши, произнесенной им в палате депутатов 19/6 октября. В этой речи Саид-паша сказал: «Я не сторонник политики изоляции; как бы ни было сильно государство, оно не сможет сохранять нейтральную позицию перед лицом опасности. Это относится и к нашей империи. Всякое государство обязано считаться с группировками. Я хочу, чтобы наша нация не была изолирована; я буду, следовательно, добиваться соглашений с другими государствами. Само собой разумеется, что я буду преследовать эту цель лишь постольку, поскольку это позволяют интересы империи. В противном случае, это означало бы, что мы стремимся избавиться от одной опасности для того, чтобы подвергнуться другой». Чарыков писал, что «Танин» в статье от 20/7 окт. следующим образом истолковывает заявление Саида-паши: «Великий визирь находит, что Турции надлежит примкнуть к той или другой из политических групп, существующих ныне в Европе». Чарыков указывал, что «по поводу этой статьи было официозно разъяснено в Порте любознательным представителям печати, что речь идет не о сближении с Тройственным союзом». В этой же речи Саид-паша отметил, что по поводу триполитанского вопроса турец. прав-во обращалось ко всем великим державам и что в его распоряжении имеются документы, освещающие сущность вопроса и точку зрения каждой из великих держав. «Документы,— сказал Саид-паша,— столь ценные, что мы в скором времени опубликуем их».

[4] Маш. копия, препровожденная правлением Об-ва КВЖД Козакову при отношении от 21/8 окт. за № 368.

[5] Япон. ген. консул в Харбине.

ственными войсками потерпели неудачу. То же подтвердили мне Каваками и даотай Ли Тя-о, который сообщил, что революционеры отступили после этого на десять верст. В коммерческих кругах существует беспокойство. Боятся грабежей со стороны войск и хунхузов. Возможность восстания народного в Манчжурии отрицается. Вице-король Мукдена вербует на военную службу манчжур для усиления пекинских и манчжурских войск. По китайским сведениям, в Пекине сосредоточено до 30 тысяч манчжурских войск. Мнение компетентных китайских кругов, что революция успеха иметь не будет.

[Хорват.]

№ 688. Поверенный в делах в Токио временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 21/8 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Внимание как японского официального мира, так и всего здешнего общественного мнения всецело поглощено вспыхнувшим с некоторой внезапностью в Среднем Китае вооруженным восстанием, и происходящие там события совершенно заслонили собой все другие вопросы японской внутренней и внешней политики. Сначала у властей, повидимому, захваченных врасплох, замечалась некоторая нервность: начались ежедневные свидания министров военного, морского, только-что прибывшего из Вашингтона министра иностранных дел и начальника генерального штаба, поездки этих лиц к маршалу Ямагата, завершившиеся, наконец, полуторачасовым докладом престарелого маршала императору. Все это в связи с упорными напоминаниями газет о значительности японских интересов в долине Янцзы, уступающих там разве только интересам Великобритании, подсчеты огромных убытков, коими рискуют японские подданные в случае, если восстанию дано будет разрастись, намеки некоторых органов на то, что Япония — единственная держава, способная на немедленное активное и решающее вмешательство в китайские события, наконец, существовавшие в первые дни опасения, что движение примет ксенофобский характер, — все это вместе взятое давало основания опасаться какого-либо внезапного и отдельного от других держав выступления Японии.

Но постепенно нервность первых дней улеглась, и все явственные мероприятия японского правительства пока ограничились командированием в район восстания нескольких чинов от министерств: иностранных дел, военного и морского, в целях более полного и всестороннего осведомления, да еще посылкой нескольких канонерских лодок и II отряда миноносцев (4 контрминоносца) на усиление южно-китайской 3-й эскадры.

Японская пресса также стала сдержаннее, и за последние дни главный лейтмотив ее статей, посвященных китайским событиям, тот, что Японии в разрешающемся на берегах Янцзы вопросе — быть или не быть старому режиму в Китае — надлежит соблюдать строго нейтральное положение, ввиду неизвестности, кто будет завтра хозяевами положения в соседней империи, и важности для Японии симпатий не только пекинского правительства, но и самого китайского населения.

Под предлогом установления правильного осведомления прессы, в министерстве иностранных дел, под председательством директора политического департамента, ежедневно собираются по представителю от министерств морского и военного, причем происходит взаимное сообщение полученных каждым ведомством из Китая телеграфных донесений подведомственных ему чинов и сообща решается, что из этого материала подлежит сообщению в газеты.

По сообщению военного агента при вверенном моему управлению посольстве, в плане осенних маневров не произошло никаких изменений: маневры по отдельным дивизиям безостановочно идут своим чередом; между тем, если бы имелась в виду отправка войск в Китай, то не обошлось бы без хотя бы частичной приостановки маневров, во избежание того, чтобы отдельные части в нужный момент не оказались от своих штабов на расстоянии 4—6 дней перехода.

Представляя на благоусмотрение вашего превосходительства эту общую характеристику здешнего отношения к китайским событиям, поскольку это поддается наблюдению, считаю долгом в заключение отметить, что вне здешних правительственных сфер симпатии клонятся на сторону восставшего населения и его вожаков.

Примите и пр. А. Броневский.

№ 689. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Токио Броневскому.

·/. Телеграмма № 1565. 22/9 октября 1911 г.

Китайское правительство обратилось к дипломатическому корпусу в Пекине с просьбой отсрочить погашение и проценты, причитающиеся по вознаграждению за боксерское восстание на 1 января и на 1 июля 1912 г. с начислением 4% годовых. Дипломатический корпус, ссылаясь на то, что это предложение затрагивает бюджеты отдельных государств, отклонил эту просьбу и посоветовал китайскому правительству обратиться к державам через своих представителей за границей [1].

Благоволите конфиденциально осведомиться у министра иностранных дел, как японское правительство намерено отнестись к сказанному предложению китайцев, которое, несомненно, будет в ближайшем времени сделано державам, и то или другое отношение к которому будет, очевидно, иметь большое политическое значение в связи с происходящим в Китае движением [2].

[Нератов.]

№ 690. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

·/. Телеграмма № 1570. 22/9 октября 1911 г.

Секретно.

Депеша № 96 [3] и телеграмма № 647 [4] получены.

Ввиду возможных объяснений ваших с Саид-пашой по содержанию вашего к нему письма [5] представляется необходимым принять в соображение следующее:

Основной мыслью нашей при возбуждении настоящих переговоров была потребность оградить себя в определенной форме от постройки дорог в пограничном районе. Смягчение этой формы, а также введение других пунктов в соглашение были бы допустимы в виде уступки впоследствии, в зависимости от отношения турок к мысли о сближении с нами. В переданном вами Саиду письме уже намечены уступки в более широкой рамке, чем это вообще предполагалось. Опасаюсь, что здесь означенное письмо не встретит сочувствия, а так как Саид-паша будет уже ожидать дальнейших уступок от нас и вследствие сего едва ли пойдет на увеличение наших требований в сравнении с вашим письмом, то и возможность соглашения сделается очень проблематичной.

---

[1] Указанные сведения были сообщены Нератову Коростовцом в тел. от 19/6 окт. за № 641 и от 20/7 окт. за №№ 644 и 646.

В письме от 26—25/13—12 окт. за № 653 Коковцов высказал мнение, что обращение кит. прав-ва как по поводу отсрочки платежей, так и по поводу заключения займов (см. № 742) объяснялось вспыхнувшим в Центральном Китае восстанием. Он считал, что удовлетворение этих ходатайств приобрело бы характер поддержки, оказываемой росс. прав-вом прав-ву китайскому. Поэтому раньше, чем дать ответ последнему, Коковцов считал весьма важным подробно рассмотреть как общий вопрос об отношении росс. прав-ва к событиям в Китае, так и вопрос о требованиях, которыми оно могло обусловить свое согласие на отсрочку платежей.

[2] В ответной тел. от 26/13 окт. за № 199 Броневский передал конфиденциальное сообщение япон. м-ра ин. дел о том, что англ. прав-во «склонно пойти навстречу просьбе хотя бы потому, что за неимением у китайского правительства денег, оно и при отклонении ходатайства фактически не будет в состоянии ничего заплатить». «На мой вопрос,— сообщал Броневский,— могу ли я донести, что японское правительство согласится на предложение китайцев, министр иностранных дел ответил, что это преждевременно, так как Япония желает решить этот вопрос в согласии с другими державами; я вынес впечатление, что он относится благоприятно».

[3] См. № 629.

[4] См. № 686.

[5] См. № 602.

Перехожу к отдельным пунктам письма:

Первый, второй и шестой вполне приемлемы.

Третий не обеспечивает нас от постройки; если слово «постройка» безнадежно, то следует добиваться, по крайней мере, вставки слова «направление» или «трасэ».

Четвертый предпочтительно сохранить в прежней редакции [1], которая по своей туманности менее нас связала бы. Последняя его фраза опасна, так как условное обязательство Турции очень затруднит наши будущие переговоры с другими державами и недостаточно связывает Турцию на случай осложнений у нас с несогласной державой.

Пятый желательно было бы видоизменить в смысле установления лишь общего принципа status quo [2]; во всяком случае постановление по этому предмету надлежало бы отложить до окончания обсуждения и принятия наших условий по остальным пунктам.

Таковы мои личные предположения по пунктам. Предварительно представления их на обсуждение особого совещания желал бы получить ваше заключение вместе с отзывом Саида-паши и оценкой слов последнего в парламенте о новых соглашениях [3].

С Англией, Германией и Австрией еще не объяснялись.

Благоволите сообщить точные выражения ваших объяснений с Лоутером.

Нератов.

№ 691. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1567. 22/9 октября 1911 г.

№ 1.

Ваша телеграмма № 957 [4] получена.

Из ваших телеграмм видно, что не только Похитонов, но и миссия не были предупреждены о конфискации дома и имений именно Шоа-эс-Солтане. Миссия знала лишь об общем намерении шахского правительства конфисковать имущества «некоторых лиц, принимавших участие в восстании», а Похитонов не знал даже и этого. Таким образом вы имеете полную возможность утверждать перед персами, что конфискация имущества Шоа состоялась без предупреждения; вы сами указали правительству, что до посылки жандармов в Доулетабад следовало дать генеральному консульству заверение о полной охране имущества и контракта русско-подданных и что лишь на этих условиях вы согласны воздержаться от активного вмешательства. Хотя отсутствие в ваших телеграммах указаний на числа несколько затрудняет нам полное уяснение хода дела, мне кажется несомненным, что ваша телеграмма Шустеру была дана уже после вмешательства Похитонова, и объяснения, данные помощником Шустера Похитонову, состоялись [10 октября] 27 сентября утром, т. е. тоже на следующий день. Следовательно, наш исходный пункт остается непоколебленным.

При самой строгой оценке образа действий Похитонова в отношении персов мы видим лишь вполне правильное понимание и исполнение им своих обязанностей. Он действовал лишь до вечера [9 октября] 26 сентября, а с момента получения ваших приказаний вполне корректно воздержался от всяких дальнейших выступлений. Единственной неправильностью представлялась бы просьба Вадбольскому послать отряд на выручку казаков, если полковник правильно понял и передал вам обращение к нему Похитонова.

Нератов.

[1] См. приложение II к № 509.

[2] Далее зачеркнуто: «иначе в сношениях с балканскими странами мы были бы крайне стеснены».

[3] См. стр. 173, прим. 1 и стр. 203, прим. 3,

[4] См. № 661.

№ 692. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

⁵/₁₀ Телеграмма № 1571. 22/9 октября 1911 г.

№ 2.

Из сопоставления всех данных начинает обрисовываться указание па то, что Петров и Гильдебранд превысили полномочия, данные им генеральным консулом. Этот вопрос предстоит еще расследовать.

Затем, по существу данных мной вам ранее инструкций, необходимо разбить вопрос на две части: 1) об имениях Шоа, 2) об его доме. Факт посылки в Доулетабад жандармов Шустера для наложения ареста на принадлежащий русским подданным злаковый и прочий земельный сбор, а также и на их земледельческие орудия, без предупреждения о том миссии и генерального консульства, и проистекавшая от этого возможность убытков, которые могли бы понести арендаторы от задержки продажи урожая в благоприятное для таковой время, — является несомненным насильственным нарушением со стороны шахского правительства прав наших подданных. О дальнейших действиях в Доулетабаде у нас сведений нет.

Что касается дома, то тут насилие выступает еще ярче. Жандармы первоначально вошли в дом, грозя револьвером дежурному персидскому казаку, поставленпому из бригады Вадбольского, — упоминание о русских казаках в моей телеграмме № 1498 [1] — простая описка, не меняющая дела. На следующий день 120 жандармов вошли туда до или во время разговора помощника Шустера с Похитоновым, но во всяком случае не позже, и прогнали оттуда 5 казаков бригады, которые должны были искать убежища в генеральном консульстве. Но если и это не считать насилием, то таковым уже безусловно является занятие 20 жандармами павильона против дома чинов генерального консульства, с наведением винтовок на этот дом, а тем более приготовление к стрельбе в Петрова и Гильдебранда, несмотря на то, что последние ехали в экипаже и без конвоя [2]. Самый факт посылки министром иностранных дел начальника отделения к Похитонову доказывает, что персы чувствуют себя виноватыми.

Н е р а т о в.

№ 693. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

⁵/₁₀ Телеграмма № 1572. 22/9 октября 1911 г.

№ 3.

Я вообще не вижу противоречия между точкой зрения, высказанной вами персам до получения моей телеграммы № 1498 [1] и моей инструкцией; вся разница состоит в том, что вы реагировали на весь инцидент более мягко, а министерство находит нужным отнестись к делу более энергично. Не вижу также, почему трудно вернуть персам ноту, раз вы можете сослаться на определенное приказание из Петербурга. Включение в нее обязательства шахского правительства обеспечить интересы наших банка и подданных не может помешать нам вернуть ее, так как этого мы все равно добьемся, а принятие ноты, в которой заключается неслыханное для Персии требование об увольнении императорского генерального консула и драгомана императорского генерального консульства, ни в коем случае допустить нельзя.

---

[1] См. № 636.

[2] Далее зачеркнуто: «Вопрос о том, куда они ехали и также, в первый ли раз они направлялись к себе домой, или побывали там уже несколько раз,— совершенно никакого отношения к делу не имеет. Лишь Шустер утверждает, что они пытались проникнуть в дом принца; впрочем это будет еще расследовано».

Исполнят ли персы или не исполнят наши требования — другой вопрос. Я лично считаю, что на неисполнение шансов очень мало, хотя возможность этого, конечно, не исключена. Но раз персы предъявили нам непозволительное требование, перед этим останавливаться нельзя, и в таком случае нужно будет первым делом вызвать казвинскую сотню, а о доставке вам дальнейших сил мы своевременно позаботимся. Со своей стороны, я дам Али-Голи-хану нужные предостережения.

Что касается впечатления, которое наш образ действий произведет в Персии, то [1] не следует забывать, что персы преклоняются исключительно перед силой, а всякую уступку объясняют слабостью противной стороны. Англичане по гораздо менее важным поводам дают персам должный отпор и не боятся непопулярности своих действий.

Нератов.

Очень хорошо.

Ливадия, [29] 16 октября 1911 г.

№ 694. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

-/. Телеграмма № 1568. 22/9 октября 1911 г.

№ 4.

Я считаю, что ваше положение не будет ничуть компрометировано тем, что вы заявите персам о получении вами от меня инструкций в более решительном тоне. Я согласен, если вы найдете это совершенно необходимым, выделить вопрос об имениях Шоа и ограничиться только вопросом о поведении жандармов в его доме, хотя сам в этом надобности не вижу; согласен также, в крайнем случае, на постановку караульных из персидской бригады без русских урядников; но этим и исчерпываются изменения, которые я могу сделать. Вообще, имейте в виду, что еще более, чем существо дела, нас тут затрагивают приемы персов, безусловно недопустимые.

Благоволите поэтому:

1) Изложить министру иностранных дел нашу точку зрения.

2) Потребовать немедленного удаления жандармов Шустера из дома и, если считаете возможным, из имений Шоа и установления охраны казаками бригады при русских, а в крайнем случае, при персидских урядниках, до окончания разбора дела по существу; если гарантия интересов нашего банка и подданных окажется достаточной, будем считать эту сторону дела исчерпанной.

3) Вернуть министру иностранных дел ноту и сделать предусмотренное в моей телеграмме № 1498 [2] предупреждение.

4) Потребовать полного удовлетворения наших чиновников за обиду, согласно выраженной министром иностранных дел готовности.

Имейте в виду, что точная формулировка наших пунктов Али-Голи-хану сообщена не была; ему было лишь сказано, что вам поручено энергично объясниться с персидским правительством в этом смысле [3].

На совместное расследование действий Петрова и Гильдебранда нами и персами я не согласен, но вы можете устно сообщить министру иностранных дел, что сами сделаете расследование и примете затем те меры, которые найдете нужными, в зависимости от результатов последнего.

Нератов.

---

[1] Далее зачеркнуто: «я боюсь лишь одного, а именно, чтобы недостаточное реагирование на персидские дерзости не уронило окончательно нашего обаяния там, а никак не праздных толков и пересуд, являющихся лишь продолжением шестилетней газетной травли против нас».

[2] См. № 636.

[3] См. стр. 171, прим. 2.

№ 695. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

⁄. Телеграмма № 1569. 22/9 октября 1911 г.
Личная.

Надеюсь, что изложенные в моих четырех предыдущих телеграммах [1] соображения убедили вас в том, что вы имеете полную возможность предъявить шахскому правительству наши требования, не вступая в противоречие с вашим предыдущим образом действий. Вполне ясно, что откладывать долее предъявление требований нельзя, а между тем разрешить вам передать исполнение их Саблину я мог бы не иначе, как с высочайшего соизволения [2]. Получение такового потребовало бы значительного времени, так как для этого нужно доложить государю императору дело во всех его подробностях. Считаю нужным прибавить, что требование о восстановлении охраны казаками отпадает само собой, если денежная сторона дела с домом и имениями Шоа уже ликвидирована.

Я убежден, что со свойственным вам тактом и уменьем вы найдете способы помешать возникновению дальнейших трений между миссией и консульством.

По расследовании поведения Петрова и Гильдебранда, телеграфируйте мне результат, вместе с вашими соображениями по всей внутренней стороне инцидента, после чего я не премину представить все дело, вместе с вашим окончательным заключением, на всемилостивейшее благовоззрение его императорского величества.

Нератов.

№ 696. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Депеша № 59 22/9 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В секретной телеграмме от [14] 1 октября за № 158 [3] я имел честь передать содержание беседы, которую вели между собой в пути от Белграда до станции Ягодина председатели советов министров Сербии и Болгарии по поводу проектируемого между означенными государствами соглашения.

Милованович, как я сказал, вынес из этой беседы вполне удовлетворительные впечатления. Он совсем не ожидал встретить в Гешове, до сих пор избегавшем определенных изъявлений, искреннего сторонника договора, который, и по его словам, призван сыграть великую роль в будущей судьбе славянских государств.

Впрочем в этом нет ничего удивительного: хотя все лица, близко знающие Гешова, выставляют его деятелем крайне нерешительного и даже трусливого характера, но они в то же время не отрицают в нем ума и патриотизма; а умный человек, любящий свою родину, как бы ни был он мало посвящен в дела внешней политики, не может же во что бы то ни стало противиться осуществлению комбинации, которая, при нынешней обстановке на Балканском полуострове, является единственной гарантией, единственно твердым оплотом против покушения на болгарские и славянские интересы вообще.

Но увы! Дело тут вовсе не в Гешове и его сочувствии, дело не в болгарских министрах и болгарском правительстве, к какой бы партии оно ни принадлежало. Дело исключительно в одном короле Фердинанде!

А что думает обо всем этом король? На этот вопрос никто не берется дать положительный ответ — ни Гешов, ни Ризов, ни здешний посланник Тошев, ни старый приятель мой болгарский министр внутренних дел Людсканов, с которым я на-днях самым откровенным образом беседовал при проезде его через Белград в Софию. По мнению Людсканова, свидание Гешова с Миловановичем уже есть неко-

[1] См. №№ 691, 692, 693 и 694.
[2] См. стр. 183, прим. 1.
[3] См. № 625.

торый шаг вперед по пути соглашения с Сербией; и трусливый Гешов никогда не пошел бы на это свидание по своей инициативе, без одобрения свыше.

Во всяком случае, мне кажется, что пока король Фердинанд, отрекшись от искания личных выгод, не станет открыто и решительно на сторону политики балканского союза — до тех пор все эти трогательные заверения болгарского правительства в Петербурге о готовности следовать указаниям России, все доверительные совещания, обмены взглядов и академические собеседования болгарских политических деятелей с сербскими, — все это останется бесплодной фразеологией, которая принесла уже не мало вреда делу славянства на различных съездах и конгрессах, где делегаты единоплеменных народностей постоянно клянутся в чувствах взаимной любви и преданности.

Пора, казалось бы, перейти от красивых слов к практическому делу. Со времени свидания Гешова с Миловановичем прошло около *двух недель*, срок большой в настоящую лихорадочную эпоху, когда события сменяются, как в калейдоскопе. Однако до сих пор результатов этого свидания не видно. Правда, у болгарского правительства имеется оправдание: оно ожидало возвращения в Софию короля. Подвинется ли теперь вперед дело соглашения? В Белграде с тревогой задают себе этот вопрос. Опасность может легко застигнуть обе державы врасплох.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 697. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 60. **22/9 октября 1911 г.**

М. г. Анатолий Анатольевич,

В заботах об охранении всеобщего мира, венский кабинет открыто заявил о своей готовности, наравне с Россией и прочими великими державами, всячески содействовать локализации итало-турецкой борьбы и, главное, поддержанию status quo на Балканском полуострове. Граф Эренталь похвалил Гешова за его мирную политику и воздал должное благоразумию Миловановича.

Однако наряду с этими официальными заявлениями и интимными признаниями, в австро-венгерской печати изо дня в день появляются злонамеренные известия, которые прямо рассчитаны на то, чтобы вызвать тревогу в балканских государствах и, быть может, подвинуть местные правительства на какой-либо *неосторожный шаг*. Мне, конечно, неизвестны истинные затаенные планы Австро-Венгрии; но, думаю, можно безошибочно сказать, что ввиду неизвестности, какой оборот примут тревожные события в Турции, — для венского кабинета представлялось бы небесполезным иметь, в случае надобности, благовидный предлог к активному выступлению на Балканах.

Недаром Австрия, как я неоднократно доносил, уже в течение долгого времени заботится о сосредоточении войск и иных военных приготовлениях на границе Сербии и Новобазарского санджака. Я позволяю себе и ныне подтвердить это, невзирая ни на какие опровержения, исходившие из Вены и Константинополя. Достойно внимания, что наш военный агент в Вене, точно также подвергавший сомнению «добытые сербами данные», в одном из своих донесений в главный штаб сам сообщил нижеследующее:

«Австрийское правительство не только не ослабляет значительных сил, сосредоточенных в аннексированных провинциях, но *непрестанно* принимает меры *к поднятию их боевой готовности*. Так в 1911 г. штаты пулеметных отделений, расположенных в районах XV и XVI корпусов, *будут усилены*; а число батальонов усиленного состава *повышено с 25 до 29*». Далее: «Напряженность службы австрийских войск в Боснии *нимало не ослаблена за последние два года*; то же усиленное патрулирование; то же обилие постов; посты на сербской границе занимают те же пункты, *что и к лету 1909 г.*» (т. е. когда Австрия приготовилась воевать с Сербией!).

Но все это полковник Занкевич доносил в феврале месяце, а с тех пор военные мероприятия австрийцев в этих районах только прогрессировали. Так уже к марту месяцу в Сараеве сформированы были восемь новых рот «штрейфунских» (местное прозвище «летучих отрядов» — Streifkorps) численностью от 98 до 120 человек каждая. Роты эти были тотчас же отправлены к Вышеграду и Увацу, против Прибоя, где скрещиваются границы боснийская, сербская и новобазарская. Кроме обычного довольствия, люди этих «летучих отрядов», прославившихся в эпоху аннексии, получают по две кроны суточных. В течение летних месяцев войска стягивались к помянутым границам непрестанно, причем все поставщики в Сараеве и Вышеграде получили громадные заказы на поставку съестных припасов и фуража.

Если я позволяю себе утруждать внимание вашего превосходительства этими подробностями, то потому, что вопрос о Санджаке тесно связан с ближайшей судьбой Сербии. Мне кажется, не следует терять из виду, что в Австрии существует сильная партия, которая не может простить графу Эренталю ошибки очищения Новобазара. Не думает ли эта партия, что грядущие события создадут благоприятную почву для исправления ошибки? Этой перспективы более всего опасаются в Сербии.

Но как бы то ни было, до сих пор австро-венгерским шовинистам, в сообществе с здешними продажными листками, не удалось сбить сербов со спокойно-выжидательной позиции, которую они заняли с начала триполийских осложнений. Ваше превосходительство изволили сообщить мне копию с телеграммы нашего поверенного в делах в Софии [1], из которой явствует, что болгары твердо решили придерживаться мирной политики, сохраняя добрососедские отношения с Турцией. Той же самой политики будут, конечно, следовать и сербы.

На-днях здесь распространился, переданный и в иностранные газеты, слух о том, будто королевское правительство приступило к мобилизации армии. Слух в достаточной степени встревожил здешние общественные и политические круги и комментировался на всякие лады белградской печатью. Как видно однако из моей секретной телеграммы от [18] 5 октября [2], дело касалось лишь производства учебных испытаний по созыву резервистов, в согласии с королевским указом, изданным еще [18] 5 июля текущего года. Мобилизационные опыты были произведены лишь в четырех общинах, расположенных в районе Дринской дивизии и, как слышно, дали благоприятные результаты.

Сербское правительство неустанно работает над усовершенствованием и укомплектованием своей армии, что и с точки зрения наших политических интересов имеет немаловажное значение. Новый проект государственной росписи на 1912 г. предвидит увеличение бюджета военного министерства до $29^1/_2$ млн. фр., т. е. на $2^1/_2$ млн. более прошлогоднего ассигнования.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 698. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 651. 22/9 октября 1911 г.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 637 [3] и на экспедицию, отправляемую завтра [4].

По сведениям французского посла, Саид-паша высказал в закрытом заседании палаты, что турецкое правительство примкнет к той группе держав, которая поможет ему заключить мир с Италией на приемлемых для Турции условиях. Отсрочка на две недели переговоров с нами и непоставление их в связь с медиацией дают повод заключить, что великий визирь обратится теперь еще раз к посредничеству Германии на почве сохранения турецкого суверенитета в Триполи,

[1] См. № 657.
[2] Содержание тел. Гартвига от 18/5 окт. за № 160 изложено в публикуемом документе.
[3] См. стр. 162, прим. 1.
[4] См. № 704.

*

хотя бы ценой вступления Турции в Тройственный союз. Бомпар считает успех подобного обращения в желаемом Турцией объеме маловероятным. В случае же неуспеха великий визирь приступит к переговорам о сближении с державами Тройственного согласия, выставляя вперед Англию, соглашение с коей является популярной здесь альтернативой союза с Германией. Я разделяю эти взгляды и считал бы тем более своевременным ознакомление лондонского кабинета с намерениями императорского правительства в отношении Турции.

Чарыков.

№ 699. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Софии Неклюдову [1].

'/. Письмо № 678. 23/10 октября 1911 г.

Весьма секретно.

М. г. Анатолий Васильевич,

В частном весьма секретном письме из Парижа от [12 октября] 29 мин. сентября [2] вы сообщали мне последние ваши наблюдения и соображения по вопросу о сербо-болгарском соглашении в связи с начатыми в минувшем году секретными переговорами между нами и Болгарией и при этом выражали надежду быть скоро снабженным указаниями о взглядах императорского министерства на совокупность этих вопросов.

Вследствие сего считаю долгом прежде всего осведомить вас о том, что возможность сербо-болгарского сближения в нынешнюю минуту и под давлением текущего стечения обстоятельств подтверждается и из других источников, как вы усмотрите из прилагаемых при сем — для личного сведения вашего — копий с донесения и секретной телеграммы гофмейстера Гартвига [3].

Осуществлением взаимного соглашения между обоими славянскими королевствами был бы сделан крупный шаг на пути наших переговоров с Болгарией, так как вопрос о предоставлении Сербии условий возможного экономического развития в сторону Македонии был одним из тех, где болгарские контрпредложения существенно отступали от наших основных положений.

Наметивши основы уговора своего с Сербией, болгары тем легче могли бы после того отозваться на возражения, заключавшиеся в письме гофмейстера Сазонова к покойному Д. К. Сементовскому-Курило [4] от [14] 1 декабря 1910 г. за № 985 [5], и тем фактически подвинуть вопрос о конвенции с Россией. Ввиду этого и не говоря уже о том, что и с формальной, канцелярской точки зрения слово остается ныне за Болгарией, я не считаю своевременным и удобным настаивать на получении скорейшего ответа болгар или вызывать их на новые объяснения, так как для нас цена предполагаемого соглашения и состоит преимущественно в болгарской инициативе и в сознании Болгарии, что ее национальные стремления могут быть осуществлены не иначе как чрез Россию и в единении с ней. Настояния же наши на немедленном заключении конвенции могли бы создать у болгар подозрение, что мы особенно стараемся оберегать сербские интересы, а это, очевидно, затруднило бы наше соглашение с болгарами.

Вот те положения, которыми, как мне кажется, должна руководствоваться императорская миссия в Софии по отношению к вопросам, затронутым в вышеупомянутом секретном письме вашего превосходительства.

Примите и пр.

[Нератов.]

---

[1] Тел. от 21/8 окт. (без номера) Неклюдов уведомил, что он вступил в управление миссией. См. стр. 117, прим. 3.

[2] См. № 598.

[3] Повидимому, к письму были приложены деп. Гартвига от 8 окт./25 сент. за № 57 (см. № 563) и его тел. от 14/1 окт. за № 158 (см. № 625).

[4] Росс. посланник в Софии. Умер в январе 1911 года.

[5] Указанное письмо Сазонова, посвящено вопросу о заключении нового русско-болгарского соглашения взамен военной конвенции 1902 г.

№ 700. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

/. Письмо[1]. 23/10 октября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

L'expédition si hautement importante qui m'est parvenue hier soir, m'a apporté entre autres la lettre personnelle[2] de votre excellence et la lettre officielle N 660[3].

Mr. Cambon, dès son retour de Paris, me communiqua, avec l'obligeance dont il a coutume, un rapport de Mr. Bompard relatant avec détails les débuts de la négociation dont notre ambassadeur à Constantinople se trouve chargé. Il me communiqua aussi un rapport du chargé d'affaires de France à St.-Pétersbourg sur un entretien qu'il avait eu avec votre excellence[4].

Je le trouvai au fait de la situation presqu'autant que je le suis maintenant. Mr. Cambon me dit en outre que Mr. de Selves l'avait chargé de sonder le gouvernement anglais au sujet de la question des détroits.

Sir E. Grey n'étant revenu qu'aujourd'hui, Mr. Cambon s'adressa à Sir A. Nicolson. Le sous-secrétaire d'Etat lui dit que personnellement il croyait que l'opinion du Cabinet de Londres à ce sujet n'avait pas varié depuis 1908. Mais il avait émis quelques doutes sur le choix du moment, vu surtout l'état de guerre dans lequel se trouvait la Porte et l'incertitude sur le sort du Cabinet turc.

En outre, depuis quelques jours, — aujourd'hui avec plus de précision, — les journaux contiennent des télégrammes annonçant que des négociations avaient été entamées entre la Russie et la Turquie.

En ces conditions il m'a paru que je ne pouvais pas hésiter à user de la latitude que vous avez bien voulu m'accorder dans votre lettre, Mr. Cambon ayant d'ailleurs dit sur la foi de nouvelles reçues de Mr. de Panafieu que je recevrai des instructions à ce sujet à communiquer au Cabinet de Londres.

Un retard eût étonné et n'avait plus de raison d'être du moment que le gouvernement anglais était saisi de la question. Je ne crois pas pourtant que Mr. Cambon ait fait lecture à Sir A. Nicolson du rapport de Mr. Bompard.

Dès son arrivée Sir E. Grey me fit prier de passer chez lui. Il me parla des affaires de Perse, et je viens de télégraphier à votre excellence un sommaire de cette partie de notre entretien[5].

Ce sujet se trouvant épuisé, je me décidai à aborder la question des détroits, surtout qu'au cours de l'entretien sur la Perse je m'étais rendu clairement compte du prix que Sir Edward attachait à l'Entente et sa ferme décision de la maintenir et de prévenir tout ce qui pourrait mettre obstacle à son maintien.

Je pensais qu'il était plus indiqué pour cette entrée en matière de ne parler que des côtés purement politiques de la question, omettant les questions économiques comme d'un intérêt moins direct et inutiles par rapport à la Grande Bretagne.

Je dis à Sir Edward que votre excellence m'avait chargé d'une communication toute confidentielle, de même que l'a été Mr. Iswolsky à Paris.

J'ajoutai qu'il ne s'étonnerait certainement pas que le gouvernement impérial crut le moment venu d'établir entre la Russie et la Turquie des rapports plus intimes et plus amicaux que jusqu'ici, que la situation générale le rendait nécessaire et que d'ailleurs, si ce rapprochement se réalisait, les premières Puissances dont l'influence à Constantinople en bénéficierait seraient celles de l'Entente, — la France et l'Angleterre.

Je dis à Sir Edward que le gouvernement impérial avait décidé de n'avancer qu'avec la plus grande prudence, que votre excellence n'était pas entièrement fixée sur l'opportunité du moment actuel et que, par conséquent, Mr. Tcharykow n'avait

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 183, N 470, без первого абзаца.
[2] Частное письмо Нератова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.
[3] См. № 665.
[4] См. № 641.
[5] Повидимому имеется в виду тел. Бенкендорфа от 24/11 окт. за № 246 (опубл. Siebert, II, S. 189, N 472), содержание которой изложено в письме от того же числа (см. № 713).

été jusqu'ici chargé de n'entretenir Saïd Pacha du projet en question qu'à titre tout personnel.

J'informai Sir Edward que notre ambassadeur s'était acquitté de cette commission et que les bases principales de l'arrangement pour lequel Mr. Tcharykow avait sondé le gouvernement ottoman à titre personnel étaient:

Une action énergique russe sur les Etats des Balkans pour établir sur la base du status quo un état assuré de paix entre ces Etats et la Turquie.

La Russie s'engagerait peut-être à aller jusqu'à garantir à la Turquie la ville de Constantinople et les territoires adjacents.

En revanche la Russie attendrait de la Porte que le sultan, de son autorité, décrète une fois pour toutes le libre passage des vaisseaux de guerre russes à travers le Bosphore, sans faculté toutefois de s'y arrêter.

J'expliquai à Sir Edward que cette forme avait été choisie parce que toute autre entraînerait les longueurs d'une revision des traités et les difficultés qui en pourraient découler.

J'ajoutai aussitôt que nous espérions pouvoir compter sur l'adhésion de l'Angleterre et son appui à Constantinople, et que pour autant que j'étais renseigné, le gouvernement français avait fait un accueil favorable à une demande pareille en répondant que le projet russe au sujet des détroits avait la pleine sympathie du gouvernement français.

Sir Edward m'avait écouté avec un très visible intérêt. Il me répondit aussitôt qu'il était prêt à donner son appui à Constantinople au projet tel qu'il était formulé dans le mémorandum du 18 octobre 1908, remis à Mr. Iswolsky [1]; que ce projet avait été alors approuvé par le Cabinet et que, par conséquent, il était maître d'agir.

Sans exclure explicitement la forme du mémorandum, je fis remarquer à Sir Edward que le projet dont je parlais était différent. Il me répondit que, prêt à agir dans le sens du mémorandum, il ne pouvait cependant pas me donner de réponse immédiate à un projet qui demandait à être étudié au point de vue des traités et qui devait être soumis à l'appréciation du Cabinet.

Sir Edward ajouta que le projet d'un rapprochement avec la Turquie lui paraissait en lui-même un point extrêmement important, qui demandait non seulement d'être soumis au Cabinet, mais d'être très mûrement examiné.

Je le remerciai en ajoutant que je ne pensais nullement presser ces questions dès maintenant, que j'avais surtout été chargé d'élucider comment le gouvernement britannique envisageait aujourd'hui la question des détroits.

La seule réflexion personnelle de Sir Edward fut qu'il ne croyait pas facile au gouvernement anglais de garantir à la Turquie une partie de son territoire.

Je crois que Sir E. Grey n'avait été en aucune façon préparé à cet entretien. Il venait d'arriver et avait reçu avant moi déjà plusieurs diplomates.

Il s'ensuit de ses paroles que si l'Angleterre en 1908 admettait en principe la modification du régime des détroits tel que les traités l'avaient fixé, mais trouvait le moment inopportun, le Cabinet de Londres ne formule plus aujourd'hui d'objection d'opportunité. Il se déclare prêt à agir selon la formule d'alors, mais il demande à étudier la nouvelle formule désirée par le Cabinet impérial.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

В числе бумаг огромной важности, доставленных мне с [курьерской] почтой, прибывшей вчера вечером, находилось, между прочим, личное письмо вашего превосходительства и официальное письмо за № 660.

---

[1] В делах Архива Внешней Политики хранится меморандум, переданный Греем Извольскому 14/1 окт. 1908 г. (опубл. М., стр. 530). В этом меморандуме указывалось, что англ. прав-во считает, что «Проливы должны быть открыты на условиях полного равноправия для всех без исключения»; при этом «правительство его величества позволяет себе заметить, что согласие Турции должно быть необходимой предпосылкой ко всякому предложению».

Тотчас после своего возвращения из Парижа, г. Камбон, со свойственной ему любезностью, сообщил мне донесение г. Бомпара, подробно излагающее начало переговоров, возложенных на нашего посла в Константинополе. Он сообщил мне также донесение французского поверенного в делах в С.-Петербурге, касающееся его разговора с вашим превосходительством.

Я нашел, что он почти столь же в курсе положения дел, как в настоящее время я сам. Кроме того г. Камбон сказал мне, что г. де Сельв поручил ему зондировать английское правительство по вопросу о проливах.

Так как сэр Э. Грей вернулся только сегодня, то г. Камбон обратился к сэру А. Никольсону. Помощник статс-секретаря сказал ему, что по его личному мнению, взгляд лондонского кабинета на этот счет не изменился с 1908 года. Однако он выразил некоторые сомнения относительно своевременности выбранного момента, особенно принимая во внимание состояние войны, в котором находится Порта, и неуверенность относительно судьбы турецкого кабинета.

Кроме того уже несколько дней газеты помещают телеграммы, сообщающие — сегодня более определенные — известия о начале переговоров между Россией и Турцией.

В этих условиях я счел невозможным колебаться и решил использовать свободу действий, которую вам угодно было предоставить мне в вашем письме; притом же, основываясь на известиях, полученных от г. Панафье, г. Камбон сообщил мне, что я получу инструкции сделать по этому поводу сообщение лондонскому кабинету.

Задержка [такого сообщения] вызвала бы удивление и не имела больше смысла, поскольку английский кабинет уже был осведомлен об этом вопросе. Однако я не думаю, чтобы г. Камбон прочел сэру А. Никольсону донесение г. Бомпара.

Тотчас после своего приезда, сэр Э. Грей просил меня зайти к нему. Он говорил со мной о персидских делах, и я только-что телеграфировал вашему превосходительству краткий отчет об этой части нашей беседы.

Когда эта тема оказалась исчерпанной, я решил приступить к вопросу о проливах, в особенности потому, что во время разговора о Персии мне стало ясно, какую цену сэр Эдуард придает Согласию и как твердо он решился сохранять его, устраняя все, что могло бы препятствовать его сохранению.

Чтобы подойти к этому вопросу, мне казалось более уместным говорить исключительно о политической его стороне, не касаясь экономических вопросов, так как по отношению к Великобритании они имеют менее непосредственное значение и бесполезны.

Я сказал сэру Эдуарду, что ваше превосходительство поручили мне, также как г. Извольскому в Париже, сделать доверительное сообщение.

Я прибавил, что он, конечно, не удивится тому, что императорское правительство сочло момент удобным для установления более близких и дружеских отношений между Россией и Турцией, чем это было до сих пор, что общее положение вещей делает это необходимым и что, кроме того, если бы это сближение осуществилось, то первыми державами, влияние которых в Константинополе от этого выиграло бы, были бы державы Согласия — Франция и Англия.

Я сказал сэру Эдуарду, что императорское правительство решило действовать лишь с величайшей осторожностью, что ваше превосходительство не вполне уверены в том, что данный момент является подходящим, и что вследствие этого г. Чарыкову было до сих пор поручено говорить с Саидом-пашой о вышеупомянутом проекте лишь как о совершенно личном.

Я сообщил сэру Эдуарду, что наш посол исполнил это поручение и что главными основаниями для соглашения, относительно которого г. Чарыков зондировал оттоманское правительство как о личном проекте, являются следующие:

Энергичное воздействие со стороны России на балканские государства с целью установить между этими государствами и Турцией надежный мир на основе status quo.

Возможно, что Россия обязуется гарантировать Турции город Константинополь и прилегающие к нему территории.

Взамен этого Россия ожидает от Порты, что султан своей властью раз и навсегда декретирует свободный проход через Босфор для всех русских военных судов, однако без права там останавливаться.

Я объяснил сэру Эдуарду, что эта форма была выбрана потому, что всякая другая повела бы к замедлениям, связанным с пересмотром договоров, и с трудностями, которые могли бы проистечь из этого.

Я тотчас же прибавил, что мы надеемся на возможность рассчитывать на согласие Англии и на ее поддержку в Константинополе и что, насколько я знаю, французское правительство благоприятно отнеслось к такой же просьбе, ответив, что русский проект о проливах встречает полное сочувствие со стороны французского правительства.

Сэр Эдуард выслушал меня с явным интересом. Он тотчас же ответил, что готов поддержать в Константинополе наш проект в том виде, в каком он был сформулирован в меморандуме от 18 октября 1908 г., переданном г. Извольскому; что этот проект тогда был одобрен кабинетом и что, следовательно, он имеет право так действовать.

Не исключая определенно формулировки, которую этот проект имел в меморандуме, я указал сэру Эдуарду, что проект, о котором я говорю, иной. Он ответил, что хотя он и готов действовать в духе меморандума, однако не может дать мне немедленного ответа на проект, требующий изучения с точки зрения договоров, и который должен быть внесен на рассмотрение кабинета.

Сэр Эдуард прибавил, что, по его мнению, проект сближения с Турцией кажется ему сам по себе чрезвычайно важным делом, требующим не только доклада кабинету, но и весьма зрелого рассмотрения.

Я поблагодарил его, прибавив, что я ни в какой мере не думал спешить уже сейчас с этими вопросами; что мне главным образом поручено выяснить, как британское правительство смотрит в настоящее время на вопрос о проливах.

Единственной мыслью, высказанной Греем лично от себя, было, что он не думает, что для английского правительства было бы легко гарантировать Турции часть ее территории.

Мне кажется, что сэр Э. Грей совершенно не был подготовлен к этому разговору. Он только-что приехал и до меня уже принял нескольких дипломатов.

Из его слов следует, что если в 1908 г. Англия в принципе допускала изменение режима проливов, который был установлен договорами, но находила момент для этого не подходящим, то теперь лондонский кабинет не выдвигает никаких возражений по поводу своевременности [такого изменения]. Он заявляет о своей готовности действовать сообразно с прежней формулой, но просит дать ему возможность изучить новую формулу, желательную для императорского кабинета.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 701. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 50. 23/10 октября 1911 г.

Эренталь просил послов четырех держав — России, Франции, Англии и Германии — зайти к нему сегодня для тождественного сообщения. Он сказал мне, что поручил австрийскому поверенному в делах запросить мнения вашего превосходительства насчет способа прекращения военных действий между Италией и Турцией. Следует ли принять за базис для посредничества держав заявление Италии о присоединении Триполи, или европейские великие державы вправе выразить свои желания для прекращения войны и избежания осложнений. Эренталь находит, что общие шаги, взаимные объяснения со всеми державами необходимы по этому предмету, независимо от того, к какой политической группировке они принадлежат.

Гирс.

№ 702. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 77 [1]. 23/10 октября 1911 г.

Здесь все совершенно успокоилось. Официозная газета «Мир» перепечатала в пятницу [2] превосходную заметку, доказывающую необходимость наилучших отношений между Болгарией и Турцией. Теперь выяснилось, что турки, кем-то или чем-то напуганные, действительно сделали первые шаги к мобилизации адрианопольского корпуса, но были во время остановлены энергичным вмешательством Ассим-бея, выехавшего в эту самую минуту из Софии в Константинополь. Болгарские военные, испугавшись возможности быть опереженными в мобилизации, подняли тревогу, к которой немедленно присоединилась пресса, особенно оппозиционная; Тодоров и другие министры были увлечены этой паникой. Напротив того, Гешов, прибывший в разгар кризиса и поддержанный энергичными действиями русского поверенного в делах и английского посланника, выказал твердость и благоразумие и вполне овладел положением. Между прочим сильно содействовали успокоению членов кабинета ваша телеграмма № 1401 [3] и телеграмма Чарыкова № 625 [4], которые Урусов счел уместным сообщить в парафразе и с необходимыми пропусками Гешову. Могу лишь вполне одобрить все мероприятия Урусова, но только обращаю внимание ваше на то, что фраза его в телеграмме № 73 [5] о короле Фердинанде, как проводнике австрийского влияния, основана

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 37.
[2] 20/7 октября.
[3] См. № 526.
[4] См. № 600.
[5] См. № 657.

на личных соображениях общего свойства и не имеет никакого касательства к настоящему кризису. Напротив того, король Фердинанд телеграфировал из Вены самые настоятельные советы успокоения и не одобрял даже просьбы о «гарантии» держав. Король вернулся сюда в пятницу утром [1].

Неклюдов.

№ 703. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 653. 23/10 октября 1911 г.

Получил телеграмму № 1556 [2].

Сообщил ее содержание министру иностранных дел, который просит меня передать вам выражение своей искренней признательности за благожелательное отношение к интересам Турции, стремящейся всемерно к охранению мира на Балканах и к установлению прочных добрососедских отношений с балканскими государствами.

Чарыков.

№ 704. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Письмо. 23/10 октября 1911 г.

Личное. Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Пользуюсь сегодняшним пароходом, чтобы дополнить мою телеграмму № 647 [3], о последнем фазисе наших важных переговоров с Турцией, некоторыми личными соображениями.

Я верю в искренность убеждения Саида-паши, что Турции нельзя оставаться долее изолированной. Это убеждение разделяется теперь и парламентом, и турецкими народными массами: мне достоверно известно, что в Стамбуле открыто высказываются за необходимость сближения «с Англией и Россией». Даже наш враг «Le Jeune Turc» пишет вчера, что, предпочитая попрежнему сближение с Германией и Австрией, и он «acceptera la solution du problème qu'adoptera le gouvernement» [4].

Какое же решение примет Саид-паша?

Я думаю об этом следующее:

Нынешний великий визирь, принимая предстоящее решение, будет руководствоваться исключительно интересами Турции, а не теми личными и корыстолюбивыми мотивами, которые вдохновляли Хакки-пашу.

Поэтому Саид-паша не постеснится использовать самым широким образом, в интересах Турции, с одной стороны, видимое старание Германии сохранить здесь свое преобладающее положение, и с другой — нашу готовность заключить с Турцией, в обмен на серьезные ее уступки, политическое соглашение, крайне для нее ценное.

Вероятно, великий визирь начнет свой аукционный торг с Германии и поставит ей два условия: 1) быстрое заключение мира с Италией, не оскорбительного для чести и самолюбия Турции, и 2) допущение ее в Тройственный союз, на равных правах по примеру присоединения Италии к союзу Германии с Австро-Венгрией. Как Италия застраховала себя этим способом от нападения Австрии, так Турция обеспечила бы себя от дальнейших наступлений Австрии и Италии. Но casus foederis возник бы для союзников Турции не только в случае нападения

---

[1] 20/7 октября.
[2] См. стр. 159, прим. 3.
[3] См. № 686.
[4] «согласится с тем решением проблемы, которое примет правительство». (Прим. редакции.) См. прилагаемую газетную вырезку, статью нашего революционера Агаева. [Прим. оригинала.] Приложение не воспроизводится.

на нее России, но и в случае враждебного выступления какого-либо из балканских государств, и даже в случае попытки Англии обратить оккупацию Египта в аннексию.

Осуществимо ли первое из этих условий и покажется ли второе приемлемым для Германии, Австро-Венгрии и Италии — в этом Саид-паша рассчитывает, повидимому, убедиться в течение предстоящих двух недель, по окончании коих он собирается ответить на мое сообщение от [12 октября] 29 сентября [1].

Если Германия примет турецкие условия, то это, я думаю, и окажется тем «препятствием», о котором великий визирь имеет меня предупредить тотчас, но которое не может никоим образом помешать официальному продолжению переговоров, начатых с Рифаатом-пашой, о малоазиатских железных дорогах.

Если же переговоры с бароном Маршаллом не удадутся, то Саид-паша приступит к торгу с нами. Но мы будем уже знать, что Германия ему отказала, и сможем тем легче сами обратиться к берлинскому кабинету с искренним уверением, что германские торгово-промышленные интересы в Турции не только не пострадают, а, напротив, выиграют от минимального обеспечения здесь наших специальных интересов и от упрочения, на возможно долгое время, существования и экономического преуспеяния успокоенной Турции.

Так как Саид-паша сам связал себя обещанием хранить мое сообщение втайне только от своих сослуживцев по кабинету, то было бы вполне законно, если бы великий визирь осведомил, доверительно и частно, барона Маршалла, в том или ином объеме, о содержании моих предположений, тем более, что они не содержат никакого острия, направленного против германских интересов. Ведь и мы вправе не скрывать наших намерений от Франции и Англии.

Может быть, Саид-паша воспользуется поставленным им сроком также для того, чтобы убедиться в возможности заключить политическое соглашение с Болгарией или и с иными балканскими государствами.

Во всяком случае следует ожидать, что поставленный вами крупный исторический вопрос будет обсуждаться Саидом-пашой без предвзятых мыслей, по существу, исключительно с точки зрения интересов Турции. А я убежден, что правильное понимание этих интересов должно привести Порту к соглашению с Россией.

Примите и пр. Н. Чарыков.

P. S. Это письмо было уже написано, когда ко мне приехал французский посол и сообщил сведения и соображения, изложенные в моей телеграмме № 651 [2]. К ней считаю долгом добавить, что Саид-паша заявил, повидимому, также о своем стремлении сблизиться с одной группой держав, «не разрывая и не обостряя отношений Турции с другой группой». Он считает такой дипломатический кунштюк возможным. Я полагаю — и Бомпар разделяет мое мнение, — что Саиду-паше легче этого достигнуть, сближаясь с державами Тройственного согласия, так как взаимоотношения их не скованы такими жесткими, оформленными письменно узами, какими связаны державы Тройственного союза. Тройственное «согласие» действительно эластичнее «союза» и дает своим участникам бо́льшую возможность, храня взаимную верность, вступать в сепаратные соглашения с теми отдельными державами, с которыми они имеют обоюдные специальные интересы.

Я думаю также, вместе с Бомпаром, что нам выгоднее теперь пускать вперед Англию, если Саид-паша к этому расположен, и поддерживать здешнее впечатление, что альтернативой для Турции является: или союз с Германией, или сближение с Англией.

В результате, еще возросла бы, конечно, натянутость отношений между Англией и Германией, распространившись с Марокко на Турцию. Но за то не было бы яркого и обостренного противоположения ни России, ни Франции по отношению к Германии, и тем более была бы облегчена Саиду-паше задача сблизиться,

[1] См. № 602.
[2] См. № 698

в случае необходимости, с нами и с нашими друзьями, не ссорясь с Германией и Австро-Венгрией.

В виду вышеизложенного интересно отметить, что, как мне доверил великобританский посол, его на-днях посетил председатель палаты депутатов Ахмед Риза-бей и очень долго развивал послу мысль о пользе и необходимости для Турции сблизиться с Англией. Ахмед Риза усматривал к этому лишь одно препятствие: Англия, будто бы, обусловит свое согласие на такое сближение возвращением к власти Киамиля-паши, которое партия «Единение и прогресс» считает недопустимым.

Посол ответил, что ни он, ни его правительство не собирается требовать назначения Киамиля-паши великим визирем. Лоутер, повидимому, в самом деле теперь расположен примириться, хотя бы временно, с присутствием у власти не Киамиля, который будто бы собирается провести зиму в Египте, а Саида-паши, и высказал мне недавно надежду, что нынешний кабинет будет относиться более внимательно и мягко к английским интересам, чем кабинет Хакки-паши. Последний своим легкомысленным шовинизмом восстановил против себя, как известно, все посольства, даже германское.

С этой точки зрения обращение Ахмед Риза-бея к великобританскому послу довольно симптоматично и свидетельствует о возрастающей популярности среди парламентского большинства мысли о сближении с Англией, и, следовательно, с державами Тройственного согласия.

Туркам было бы легче начать это сближение с Англии, чем прямо с России или же с Франции, а для нас, если мы заблаговременно сговоримся с лондонским кабинетом, хотя бы с обещанной французской поддержкой, такое сближение может лишь облегчить предстоящие с Турцией переговоры.

Ut in litteris

Чарыков.

№ 705. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 980. 23/10 октября 1911 г.

Дополнение моей телеграммы № 958 [1].

Кабинет зондировал меджлис по вопросу об ограничении прав Шустера и пришел к убеждению, что хотя последний и не пользуется более слепой поддержкой в парламенте, но все-таки депутаты всех партий опасаются, что предложенная правительством мера может повлечь за собой отставку американского советника, что, в свою очередь, должно неблагоприятно отозваться на кредите Персии за границей. Вследствие сего вопрос о взаимных отношениях кабинета и Шустера остается пока открытым. По слухам, Шустер готовит новое и более пространное заявление для печати [2], доказывающее вред англо-русской политики для Персии.

Поклевский.

№ 706. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

·/. 24/11 октября 1911 г.

Приемлю смелость повергнуть у сего на всемилостивейшее благовоззрение вашего императорского величества телеграфную переписку [3], обмененную между мной и посланником в Тегеране по поводу возникшего там [9 октября] 26 и [10 октября] 27 сентября инцидента, вызванного распоряжением шахского правительства о конфискации имений и дома принца Шоа-эс-Солтане. Как вашему величеству благоугодно будет усмотреть из означенных документов, имения принца служат обеспечением претензий к нему русско-подданных, а сам Шоа-эс-Солтане

---

[1] См. № 676.

[2] См. стр. 136, прим. 2.

[3] Приложение отсутствует. Относительно переписки между Нератовым и Поклевским по указанному вопросу см. №№ 603, 616, 617, 661, 691, 692, 693, 694 и 695.

имеет с Учетно-ссудным банком денежные расчеты, вследствие чего генеральным консулом в Тегеране были совершенно правильно приняты меры к ограждению нарушенных персидским правительством законных интересов российских подданных и банка, каковые меры были всецело мной одобрены. Однако, независимо от юридической стороны дела, мной в настоящем деле было обращено самое серьезное внимание и на те совершенно недопустимые приемы, к которым прибегло правительство в этом деле и на которые я счел необходимым реагировать самым категорическим и энергичным образом, так как в них я усматриваю проявление крайней заносчивости. Я имею в виду непринятое в международной практике официальное письменное требование об отозвании генерального консула в Тегеране действительного статского советника Похитонова и драгомана генерального консульства титулярного советника Петрова, по поводу какового требования я подтвердил посланнику в Тегеране необходимость объясниться энергическим образом с персидским министром иностранных дел и вернуть ему ноту, заключающую в себе это требование. Независимо от этого, я усматриваю элементы насилия, допущенного шахским правительством как в факте захвата дома и изгнания оттуда 5 казаков персидской казачьей бригады, так и в захвате имений без предупреждения нашего генерального консула, а в особенности в угрозах стрелять в драгоманов генерального консульства титулярного советника Петрова и титулярного советника Гильдебранда, каковые действия совершенно невозможно оставить без внимания с нашей стороны. Вследствие этого мной было признано необходимым подтвердить действительному статскому советнику Поклевскому-Козелл ранее сообщенные ему требования наши по этому поводу. Требования эти завершаются предупреждением о возможном прекращении сношений с нынешним правительством, а в случае дальнейших осложнений, заставят нас прибегнуть к отправлению некоторых войсковых частей в Персию, на что министерство иностранных дел получило согласие особого совещания министров еще недавно и на осуществление чего, в случае надобности, я ныне приемлю смелость всеподданнейше испрашивать высочайшего соизволения вашего императорского величества.

По поводу этих мероприятий обязуюсь высказать, что они несомненно весьма внушительного характера, и я надеюсь, что именно этот характер их и заставит персов образумиться и пойти на исполнение наших требований, хотя, конечно, нельзя ручаться за такой оборот дела и заранее исключить возможность отказа персов от их исполнения, что повлечет за собой необходимость осуществить угрозу на деле. В последнем случае из Казвина могла бы быть немедленно послана в Тегеран находящаяся там казачья сотня, а по направлению к Казвину был бы двинут подготовляемый ныне, согласно решению особого совещания, отряд по численности равный тому, который пребывал в этом городе в течение 1909—1911 годов. Что же касается до личного ходатайства действительного статского советника Поклевского-Козелл об отчислении его с высочайшего соизволения вашего величества в ведомство министерства иностранных дел, то я почту своим долгом повергнуть этот вопрос на всемилостивейшее благоусмотрение тотчас же по получении затребованных мной от посланника подробных данных по делу и ознакомлении с результатами порученных ему представлений персидскому правительству.

Нератов.

Вполне одобряю ваши распоряжения.

Ливадия, [29]16 октября 1911 г.

№ 707. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Константинополе и Риме — Чарыкову и Долгорукому.

'/. Телеграмма 1585[1]. 24/11 октября 1911 г.

Считаем желательным, чтобы, по соглашению с вашим английским и французским коллегами, вы оказали дружеское воздействие на правительство, при коем

[1] Царск. экз.

вы аккредитованы, в смысле исключения Красного моря из сферы военных действий и военного положения[1].

[Нератов.]

№ 708. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

Телеграмма № 1586. 24/11 октября 1911 г.

Сообщается в Вену, Берлин, Константинополь и Рим.

Австрийский поверенный в делах от имени графа Эренталя сделал мне сообщение о том, что по мысли последнего является желательным совместное воздействие пяти великих держав в целях прекращения войны и предотвращения осложнений, которые неминуемо вызовет ее продолжение.

Я ответил, что, очень озабоченный сам возможностью найти исход из положения, не переставая обмениваться взглядами с другими державами и готовый принять участие во всяком шаге, который бы клонился к этому, я продолжаю не видеть практической почвы для вмешательства и ставлю как принцип, что таковое возможно станет лишь тогда, когда выяснится хоть какая-нибудь надежда благоприятного результата. На настоящее же обращение Эренталя не может быть другого ответа, как готовность участвовать в совместном обсуждении положения.

Нератов.

№ 709. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Цетинье Обнорскому.

Телеграмма № 1587[2]. 24/11 октября 1911 г.

Сообщается послу в Константинополе.

Телеграмма № 148[3] получена.

Черногорский поверенный в делах в Константинополе, очевидно, превратно понял Чарыкова. В полном согласии с мнением министерства, коего оно придерживается и поныне, наш посол мог говорить лишь об общности интересов славянских государств, о коих желательно ясно уговориться, а никак не об общности активных выступлений, особенно в настоящий момент. Ваш ответ Греговичу вполне одобряется. Благоволите повторить правительству наш настойчивый совет спокойного нейтрального поведения в настоящем кризисе[4].

Нератов.

---

[1] Тел. от 27/14 окт. за № 660 Чарыков ответил, что предписанный шаг будет им сделан, как только англ. и франц. послы получат соответствующие инструкции. Чарыков высказывал предположение, что Турция обусловит свое согласие «сохранением за собой права перевозить войска между турецкими портами Красного моря по своему усмотрению и эвакуировать больных и выслуживших срок солдат из портов Красного моря в Смирну и Бейрут и заменять эвакуированных солдат таким же числом свежих».

Тел. от 25/12 окт. за № 65 Долгорукий ответил, что франц. и англ. послы еще не получили инструкций. «Боллати, — сообщал далее Долгорукий, — сказал, что замена больных и старослужащих солдат очередными нижними чинами была бы допустима только при ручательстве держав, что они не будут сражаться против Италии где бы то ни было и сколько бы война ни продолжалась».

[2] Лит. копия. Тел. адресована Обнорскому, хотя Арсеньев тел. от 22/9 окт. (без номера) уведомил, что он вступил в управление миссией (см. ч. I, стр. 399, прим. 1).

[3] См. № 675.

[4] Тел. от 24/11 окт. за № 652 Чарыков сообщал Нератову: «Попович положительно утверждает, что он никогда не делал попытки организовать ныне же общность действий славянских государств на Балканах против Оттоманской империи и никогда не сообщал чего-либо подобного своему правительству. Напротив, он тщательно следовал моим советам стараться побудить балканские государства столковаться о своих общих интересах отнюдь не для того, чтобы напасть на Турцию или изменить в чем-либо свое корректное отношение к ней, а для того, чтобы не начать драться друг с другом в случае наступления трудной катастрофы и чтобы, напротив, выступить уверенно соединенными дружественными силами на защиту означенных интересов. Инсинуация Греговича объясняется, к сожалению, в достаточной мере его ярой личной ненавистью к Поповичу».

№ 710. Английский поверенный в делах в Петербурге О'Берн статс-секретарю по иностранным делам Грею.

Телеграмма № 255 [1]. 24/11 октября 1911 г.

Your telegram N 638.

Mr. Nératow said to-day that proposal made by Mr. Tcharykow did not contradict settled policy of Russian Government, who had now fully considered question. They do not however consider present might be a favorable moment for raising the question of passage through Dardanelles with the Ottoman Government. Latter will feel apprehension of a menace against Constantinople and might be desirous of a guarantee from Russia. Even if Turks consented, the good will of England and France were indispensable to any arrangement concerning Dardanelles.

He stated Grand Vézir had not given any expression of his view in regard to Tcharykow's proposal.

Перевод.

Ваша телеграмма № 638.

Г. Нератов сказал сегодня, что предложение, сделанное г. Чарыковым, не противоречит установленной политике русского правительства, которое ныне полностью обсудило вопрос. Оно, однако, не считает настоящий момент подходящим для того, чтобы поднять перед оттоманским правительством вопрос о проходе через Дарданеллы. Последнее будет опасаться угрозы Константинополю и может пожелать гарантий со стороны России. Даже если бы турки согласились, то никакое соглашение относительно Дарданелл не могло бы состояться без благожелательного отношения со стороны Англии и Франции.

Он заявил, что великий визирь не высказал своего мнения относительно предложения Чарыкова.

№ 711. Запись, сделанная в министерстве иностранных дел [2].

[24/11 октября 1911 г.]

Для памяти.

24/11 сего октября 1911 г. великобританский поверенный в делах сделал управляющему министерством А. А. Нератову словесное сообщение от имени сэра Э. Грея в ответ на сообщение, сделанное последнему графом Бенкендорфом о намерении нашем затронуть в переговорах с Турцией вопрос о проливах и заручиться благоприятным отношением Англии к этим переговорам [3].

Сэр Э. Грей передает, что согласно тому, как он говорил сие А. П. Извольскому в 1908 г., он придерживается мнения, что в мирное время проход русских военных судов может быть допущен, при условии согласия Турции; но что во время войны, в коей была бы замешана и Россия, трудно было бы лишить державу, с Россией воюющую, тех же выгод относительно прохода проливов, коей пользовалась бы Россия.

№ 712. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 245 [4]. 24/11 октября 1911 г.

Reçu lettre personnelle [5] et N 660 [6].

Cambon ayant été chargé sonder Grey sur détroits et nouvelle de négociations à Constantinople ayant déjà circulé dans presse, ai cru nécessaire user latitude que vos instructions me confèrent. Ai dit à Grey que gouvernement impérial croyait moment venu pour établir avec Turquie rapports plus intimes et amicaux, qu'en conséquence ambassadeur de Russie à Constantinople avait à titre tout personnel fait à Saïd ouvertures sur base principale suivante: la Russie s'engagerait à action

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел. Опубл. Brit. Doc., Vol. IX, P. I, p. 314.
[2] Написана рукой Нелидова.
[3] См. № 700.
[4] Тел. бланк. Опубл. Siebert, II, S. 182, N 469, где датирована 23/10 октября.
[5] Личное письмо Нератова в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.
[6] См. № 665.

énergique auprès Etats Balkaniques pour établissement rapports pacifiques fermes avec Turquie. La Russie n'exclue pas possibilité garantie (russe?) pour ville Constantinople et territoires adjacents. De son côté sultan accorderait de son autorité libre passage par détroits aux vaisseaux de guerre russes. J'ai motivé cette condition par modifications importantes prochaines des rivages méditérranéens et la forme que nous lui donnions, en disant qu'elle ne nécessiterait dans notre opinion pas de revision immédiate des traités. J'ajoutais considérations sur avantages pour Triple Entente. Je dis qu'incertitude sur crise ministérielle à Constantinople avait décidé votre excellence à ne pas pousser choses plus loin pour moment, et que pour succès du projet et dans intérêt politique gouvernement impérial espérait pouvoir compter sur appui à Constantinople surtout de la France et de l'Angleterre. Je priai Grey considérer tout ceci strictement confidentiel sauf pour France. Je n'ai mentionné aucune compensation pour l'Angleterre. Grey répondit que pour question détroits il est prêt à donner à Constantinople son appui à sa solution citée son mémoire 18 octobre 1908[1]. Quant à la nouvelle forme suggérée par nous il réserva sa réponse, disant qu'il devait l'examiner du point de vue traités et la soumettre au Cabinet tout comme celle du traité en général[2]. Il dit qu'il en réalisait importance de premier ordre, ce qui exigeait réflexion et mûr examen. Je n'ai parlé que de cette seule question. Grey télégraphiera à O'Beirne.

Benckendorff.

Перевод.

Получил личное письмо и № 660.

Так как Камбону поручено зондировать Грея относительно проливов, а в прессе распространилось сообщение о переговорах в Константинополе, то я счел необходимым воспользоваться предоставленной мне вашими инструкциями свободой действий. Я сказал Грею, что по мнению императорского правительства пришло время установить с Турцией более близкие и дружественные отношения, вследствие чего императорский российский посол в Константинополе, как бы лично от себя, сделал Саиду предварительные предложения, главная основа которых следующая: Россия возьмет на себя обязательство энергично воздействовать на балканские государства для установления миролюбивых и прочных отношений с Турцией. Россия не исключает возможности гарантии (со стороны России?) для города Константинополя и прилегающих к нему территорий. Со своей стороны султан своей властью разрешит русским военным судам свободный проход через проливы. Это условие я мотивировал предстоящими значительными переменами на побережьях Средиземного моря, а форму, в которую мы облекли его, — указанием на то, что, по нашему мнению, она не требует немедленного пересмотра договоров. Дополнительно я высказал соображения о выгодах для Тройственного согласия. Я сказал, что неуверенность относительно [исхода] министерского кризиса в Константинополе побудила ваше превосходительство не итти в настоящий момент дальше этого и что для успешности этого проекта, а также ради политических интересов, императорское правительство надеется, что оно может рассчитывать на поддержку в Константинополе в особенности со стороны Франции и Англии. Я просил Грея считать все эти сведения строго доверительными, сделав исключение для Франции. Я не указал на какие-либо компенсации для Англии. Грей ответил, что в вопросе о проливах он готов поддержать в Константинополе решение, изложенное в его меморандуме от 18 октября 1908 года. Что же касается предложенной нами новой формы, то он воздержался от ответа, сказав, что должен рассмотреть ее с точки зрения договоров и предложить ее на обсуждение кабинета, так же, как и вообще форму договора. Как он сказал, он отдает себе отчет в том, что этот вопрос имеет первостепенное значение и что это требует размышления и зрелого рассмотрения. Я говорил только об одном этом вопросе. Грей будет телеграфировать О'Берну.

Бенкендорф.

---

[1] См. стр. 214, прим. 1.

[2] Тел. от 25/12 окт. за N 1589 (опубл. Siebert, II, S. 194, N 475) Нератов, уведомляя Бенкендорфа, что ответ Грея произвел на него «приятное впечатление», просил все же уточнить, «что следует понимать под «новой формой», предложенной нами, и о каком именно договоре идет речь».

Ответной тел. от 26/13 окт. за № 250 (опубл. Siebert, II, S. 196, N 477) Бенкендорф сообщал: «Я употребил выражение «новая форма», чтобы описать процедуру, связанную со свободным проходом наших судов через проливы так, как она описана в статье 1-й проекта, приложенного к вашему письму № 660 (см. №№ 509 и 665). Министр иностранных дел высказал готовность немедленно оказать поддержку процедуре прохода наших судов, описанной в меморандуме. Ввиду изменения процедуры потребуется время, чтобы рассмотреть ее с точки зрения ее отношения к договору, регулирующему нынешний status проливов. В этом смысле я и говорил о договоре».

№ 713. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [1]. 24/11 октября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Hier, derechef, Sir E. Grey me fit prier de passer chez lui.

Il me dit qu'il voulait m'entretenir de la situation en Perse et m'annonça tout d'abord que le gouvernement, qui jusqu'ici avait suspendu la démission du major Stokes, l'avait définitivement refusée. «Mesure, — me dit-il, — peu usuelle qui provoquera des protestations de la part de cet officier et ailleurs, mais c'est là mon affaire».

Le secrétaire d'Etat me dit alors qu'il était extrêmement préoccupé et inquiet des télégrammes qu'il avait reçus de Mr. O'Beirne où il était question d'occupation ou d'expédition militaire russe en Perse, le dernier télégramme informant que pour le moment le gouvernement impérial se bornait à considérer la nécessité de cette éventualité.

Sir Edward s'étendit sur les conséquences extrêmement sérieuses d'une résolution de cette nature dont il ne voyait pas clairement le motif direct, attendu que nous avions déjà des troupes dans le Nord bien supérieures en nombre aux faibles détachements de quelques centaines (a few hundred) de troupes anglaises qui allaient être introduites à Bushire, Shiraz et Isfahan, et que la sécurité dans le Nord, assurée par la présence de nos troupes, était en réalité infiniment mieux établie que dans le Midi, où l'anarchie était complète, le commerce en suspens, sans chance aucune que le gouvernement persan puisse y porter remède de sitôt. «Pourtant, — me dit-il, — en informant le gouvernement persan de la mesure décidée, nous avons ajouté que s'il fournissait les forces nécessaires pour la sécurité des routes, les troupes anglaises ne s'en mêleraient pas et se borneraient à la garde des consulats et des ressortissants».

Je répondis à Sir Edward que je me représentais la situation et notre point de vue à peu près de la manière suivante:

Tout comme le gouvernement anglais nous maintenions le principe de l'indépendance de la Perse, mais que Sir Edward devait comprendre qu'il ne nous serait pas possible d'admettre qu'il s'établisse à Téhéran, tout à fait en dehors de nous, une autorité de plus en plus absolue qui centralisait en ses mains tous les pouvoirs et en usait directement contre nos intérêts; que Mr. Shuster avait pris cette attitude et voulait peut-être même accaparer le pouvoir de disposer des concessions de chemin de fer en dehors du Medjliss. J'ajoutai que c'était là un état de choses qui certainement ne devrait pas durer.

Sir Edward ne fit pas d'objection directe au point de vue que je lui avais esquissé, mais admit que Mr. Shuster avait poussé les choses si loin qu'il y avait déjà une opposition sérieuse contre lui, même au sein du ministère persan; que Mr. Shuster venait de se permettre d'attaquer les deux Puissances dans la presse [2]; mais qu'au bout du compte il n'avait rien produit du tout, pas une mesure, pas une réforme, pas une concession; que la concession de chemin de fer qui intéressait l'Angleterre avait été refusée, cette concession admettant les sphères d'influence; que le gouvernement persan avait déclaré à cette occasion qu'il n'en accorderait aucune de ce genre et qu'il ne pourrait être question que de lignes qui passeraient du Midi au Nord, si bien que les maisons anglaises intéressées comptaient envoyer leur représentant à St.-Pétersbourg — un projet contre lequel il n'avait pas d'objections. Sir Edward ajouta qu'il n'y avait, par conséquent, aucun résultat acquis, aucune mesure prise directement contraire à nos intérêts et qui puisse exiger une réaction militaire [3].

Le ministre me dit alors qu'il ne fallait pas se faire d'illusion qu'une nouvelle occupation militaire entamerait le principe de l'intégrité et de l'indépendance de la Perse, que la convention était basée sur ce principe et que par conséquent elle

[1] Частично опубл. Siebert, II, S. 191, N 473.
[2] См. № 674.
[3] У Siebert'а вся предыдущая часть документа опущена.

deviendrait de fait caduque. Sir Edward insista, de façon du reste tout à fait amicale, mais pressante, sur son espoir que le gouvernement impérial prendrait ces conséquences si graves en très sérieuse considération, et il revint encore une fois sur son argument qu'en réalité Mr. Shuster, tout en ayant manifesté des tendances antirusses, n'avait rien fait de concret. Il me dit ensuite: «Si la convention est caduque, jugez des conséquences. Que resterait-il à faire? Il n'y aurait plus que la revision de la convention, mais en circonstances d'extrême difficulté et sur une base nouvelle bien difficile à établir».

De fait l'entretien était terminé. Je le poursuivis confidentiellement et revins sur la question Shuster. Sir Edward me dit qu'il croyait que Mr. Shuster, un Américain qui n'avait pas compris son rôle, quitterait sa place et qu'en effet il s'était posé en adversaire des deux Puissances. Je demandai au ministre s'il avait reçu des informations sur les démonstrations de presse auxquelles le «Times» avait répondu. Il dit n'en avoir pas reçu de Sir G. Barclay. Je lui demandai quelle attitude il comptait observer. Il répondit qu'il ne considérait pas tout à fait de la dignité de Grande Puissance de relever d'office des attaques de presse d'un Américain au service de la Perse; mais qu'il serait interrogé à ce sujet à la Chambre et que sa réponse contiendrait un «rebuke» de la dernière fermeté et décision.

Le caractère de cet entretien m'a clairement montré que si pendant longtemps Sir E. Grey avait cru voir en Mr. Shuster un homme d'affaire capable qui pourrait être utile pour remettre de l'ordre en Perse, il s'est convaincu aujourd'hui que son caractère et son manque absolu de compréhension politique le condamnent. Il ne compte plus sur lui, ni au point de vue anglais ni au point de vue commun [1]. Mais très imbu de la nécessité de maintenir la convention telle qu'elle est en ménageant le principe de l'indépendance persane, il répugne à toute démarche ou action qui enfreindrait ce principe.

C'est pourquoi le nombre de troupes anglaises envoyées dans le Midi est si réduit et des explications accompagnent la notification de cette expédition faite au gouvernement persan.

Au cours de cet entretien je me suis inspiré de la lettre personnelle que votre excellence a bien voulu m'adresser en date du [19] 6 octobre [2], je crois non sans quelque bon résultat [3].

La même lettre contient une phrase sur laquelle vous voudrez bien me permettre de revenir.

Vous dites: «l'Angleterre continue sa politique de pénétration pacifique avec une énergie enviable en profitant de l'attitude favorable de Mr. Shuster à son égard».

Cette phrase juste en fait, n'est pourtant pas tout à fait exacte, selon moi, s'il faut y voir un propos délibéré de la politique anglaise.

D'abord le gouvernement anglais n'a rien obtenu du tout malgré ses efforts. Il ne s'agit pas tant de pénétration, que de maintenir, voire faire prospérer, le commerce important qui existait déjà jusqu'ici; il s'agit d'empêcher qu'il ne cesse et d'écarter au mieux les obstacles [4].

De fait l'Angleterre dans le Midi est beaucoup moins outillée que nous dans le Nord n'ayant aucun gouvernement ni organisation persane sous la main, et je ne puis pas m'empêcher d'émettre encore une fois à cette occasion l'opinion que je me suis exprimée à plus d'une reprise — que notre politique à Téhéran, dirigée dans l'intérêt exclusif de nos intérêts propres, a rendu plus difficile la tâche de l'Angleterre dans le Midi, et réagi sur les intérêts communs. Sans troupes ni finances le gouvernement persan ne pouvait rien pour les intérêts des Anglais dans le Midi: force leur est de les prendre en mains eux-mêmes [5].

---

[1] У Siebert'a слова: «De fait... vue commun» опущены.

[2] Частное письмо Нератова Бенкендорфу от 19/6 окт. в делах б. м-ва ин. дел не обнаружено.

[3] У Siebert'a слова: «C'est pourquoi... bon résultat» опущены.

[4] У Siebert'a слова: «il s'agit... les obstacles» опущены.

[5] У Siebert'a слова: «Sans troupes... eux-mêmes» опущены.

Cette politique de pénétration, très inéfficace[1] jusqu'ici, est par conséquent plus un résultat qu'une tendance.

Quant aux concessions de chemin de fer, dont d'ailleurs aucune n'est obtenue et ne sera obtenue maintenant, votre excellence voudra bien se souvenir que j'ai exprimé dès le début l'opinion que les projets de chemin de fer anglais étaient la conséquence pour ainsi dire nécessaire, tant au point de vue commercial que stratégique, du projet admis par nous du ralliement de Bagdad à Téhéran par Khanékin, sans qu'il y ait garantie absolue que la ligne en Perse reste en mains russes. La question du chemin de fer anglais dans le Midi de Perse a en réalité un lien direct avec le problème si infiniment complexe du chemin de fer de Bagdad dans son ensemble.

C'est pourquoi je me permettrai de répéter ici l'opinion que j'ai exprimée il y a peu de jours[2], qu'à tendre à l'excès en ces matières les termes mêmes de la convention, la coopération anglo-russe, qui déjà trouve à chaque pas des obstacles dans le mauvais vouloir et l'incapacité persane, devient d'application bien difficile, et que parfois des compromis de confiance mutuelle sont nécessaires. Je crois qu'il n'y aurait aucun danger réel à en user plus largement et un grand profit pour les intérêts des deux pays[3].

Il ne faut [pas] oublier que si l'effet de notre entente avec l'Angleterre tend aujourd'hui surtout à s'étendre, la base en est notre convention pour la Perse. C'est là une considération qui paraît d'importance toute majeure.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Вчера сэр Э. Грей снова просил меня зайти к нему.

Он сказал мне, что хочет переговорить со мной о положении в Персии и прежде всего заявил мне, что правительство, которое до сих пор задерживало отставку майора Стокса, окончательно в ней отказало. «Мера мало обычная, — сказал он мне, — которая вызовет протест со стороны этого офицера и с других сторон, но это уже мое дело».

Статс-секретарь сказал мне потом, что он крайне озабочен и встревожен телеграммами, полученными от О'Берна, где идет речь об оккупации или русской военной экспедиции в Персию, причем последняя телеграмма извещает, что в данный момент императорское правительство ограничивается обсуждением необходимости подобного рода действий.

Сэр Э. Грей долго говорил о крайне серьезных последствиях решения такого рода, непосредственная причина которого для него не ясна, принимая во внимание, что мы имеем на Севере войска, гораздо более многочисленные, чем слабые отряды в несколько сот человек (a few hundred) английских войск, которые будут введены в Бушир, Шираз и Исфагань, и что безопасность на Севере, обеспеченная присутствием наших войск, в действительности гораздо лучше охранена чем на Юге, где господствует полная анархия, торговля прекратилась и нет никаких шансов, что персидское правительство может скоро это положение исправить. «Тем не менее, — сказал он, — уведомляя персидское правительство о принятой мере, мы добавили, что если оно предоставит силы, необходимые для безопасности дорог, то английские войска не будут в это вмешиваться и ограничатся охраной консульств и подданных».

Я ответил сэр Эдуарду, что я представляю себе положение с нашей точки зрения приблизительно следующим образом:

Так же, как и английское правительство, мы поддерживаем принцип независимости Персии, но сэр Эдуард должен понять, что для нас невозможно допустить, чтобы в Тегеране устанавливалась совершенно помимо нас все более и более абсолютная власть, которая сосредотачивает в своих руках всю полноту власти и использует ее непосредственно против наших интересов; что г. Шустер занял эту позицию и быть может желает даже захватить право распоряжаться железнодорожными концессиями помимо меджлиса. Я прибавил, что это такое положение вещей, которое не должно продолжаться.

Сэр Эдуард не сделал никаких прямых возражений против точки зрения, которую я ему обрисовал, но признал, что г. Шустер зашел так далеко, что против него существует уже серьезная оппозиция даже среди персидского министерства; что г. Шустер позволил себе нападки в прессе на обе державы; но что в конечном счете он ничего не провел в жизнь, ни одной меры, ни одной реформы, ни одной концессии; что в железнодорожной концессии, которая интересовала Англию, последней было отказано в связи с тем, что эта концессия являлась бы признанием сфер влияния; что персидское правительство заявило по этому

[1] У Siebert'a: «wirksam» («действительная»).

[2] См. № 674.

[3] У Siebert'a слова: «Je crois... deux pays» опущены.

случаю, что оно не предоставит ни одной концессии такого рода и что речь может итти лишь о таких линиях, которые проходили бы с Юга на Север. Поэтому заинтересованные английские фирмы рассчитывают послать своего представителя в Петербург — проект, против которого он не имеет возражений. Сэр Эдуард добавил, что следовательно не получено никакого результата, не было принято никакой меры, непосредственно противоречащей нашим интересам и могущей потребовать военного воздействия.

Министр сказал мне тогда, что не следует создавать себе иллюзий: новая военная оккупация затронет принцип целостности и независимости Персии; на этом принципе базируется конвенция, и следовательно она фактически утратит силу. Сэр Эдуард настаивал, совершенно, впрочем, дружественным, но решительным образом, выражая надежду, что императорское правительство весьма серьезно примет в соображение эти последствия и вернулся еще раз к аргументу, что в действительности г. Шустер, хотя и проявил анти-русские тенденции, но ничего конкретного не сделал. Затем он мне сказал: «Если конвенция окажется утратившей силу, то судите о последствиях. Что останется делать? Останется лишь пересмотр конвенции, но при крайне затруднительных обстоятельствах и на новой базе, которую весьма трудно будет установить».

Фактически разговор был закончен. Я его продолжал доверительно и вернулся к вопросу о Шустере. Сэр Эдуард мне сказал, что, по его мнению, Шустер — американец, не понявший своей роли — покинет свое место и что он занял, действительно, позицию, враждебную обеим державам. Я спросил министра, получил ли он информацию о выступлениях в печати, на которые ответил «Times». Он сказал, что ничего не получал от Барклая. Я его спросил, какой позиции он намерен придерживаться. Он ответил, что считает не вполне соответствующим достоинству великой державы официально отвечать на нападки в печати американца, находящегося на персидской службе; но ему будет сделан запрос в палате и его ответ будет заключать отпор в крайне твердой и решительной форме.

Характер этого разговора мне ясно доказал, что если в течение долгого времени сэр Э. Грей считал Шустера способным деловым человеком, который мог бы быть полезен для восстановления порядка в Персии, то теперь он твердо убедился, что его [Шустера] характер и полное отсутствие политического понимания говорят против него. Он [Грей] больше на него не рассчитывает ни с английской, ни с общей точки зрения. Но будучи глубоко проникнут мыслью о необходимости сохранить конвенцию такой, какова она есть, соблюдая принцип независимости Персии, он отвергает всякое выступление или действие, которое нарушило бы этот принцип.

Вот почему число английских войск, посланных на Юг, так невелико и уведомление персидского правительства о посылке их сопровождается объяснениями.

В течение этого разговора я руководствовался, как я считаю, не безрезультатно, личным письмом, которое ваше превосходительство благоволили адресовать мне [19] 6 октября.

Это письмо содержит фразу, к которой вы позволите мне вернуться.

Вы говорите: «Англия, пользуясь благоприятной позицией г. Шустера по отношению к ней, продолжает политику мирного проникновения с завидной энергией».

Эта фраза, по существу справедливая, тем не менее не вполне, по-моему, точна, если следует в ней усмотреть умысел английской политики.

Прежде всего английское правительство ничего не достигло, несмотря на все свои усилия. Дело идет не столько о проникновении, сколько о поддержании, вернее, развитии значительной торговли, которая существовала уже и раньше; дело идет о том, чтобы воспрепятствовать ее прекращению и наилучшим образом устранять с ее пути препятствия.

В действительности Англия на Юге располагает гораздо меньшими средствами, чем мы на Севере, не имея в [своих] руках ни правительства, ни какой-либо персидской организации, и я не могу еще раз не высказать по этому случаю мнение, которое я неоднократно высказывал, что наша политика в Тегеране, направляемая исключительно в наших собственных интересах, сделала более трудной задачу Англии на Юге и отразилась на общих интересах. Без войска и финансовых средств персидское правительство не могло ничего сделать для английских интересов на Юге: они [англичане] вынуждены теперь взять все это в свои руки.

Эта политика проникновения, до сих пор весьма недействительная, является поэтому скорее результатом, чем тенденцией.

Что же касается железнодорожных концессий, из которых, впрочем, ни одна не была получена и не будет в настоящее время получена, ваше превосходительство благоволит вспомнить, что я с самого начала высказал мнение, что английские проекты железных дорог были, так сказать, необходимым последствием, как с коммерческой, так и со стратегической точки зрения, принятого нами проекта соединения Багдада с Тегераном через Ханекен без полной гарантии, что персидская линия останется в русских руках. Вопрос английской железной дороги на Юге Персии в действительности имеет прямую связь с бесконечно сложной проблемой Багдадской дороги в ее целом.

Вот почему я позволю себе повторить здесь мнение, которое я высказал несколько дней тому назад — именно, что если в этих делах натягивать до крайности самые условия конвенции, то англо-русское сотрудничество, которое и без того на каждом шагу встречает препятствия из-за персидской неспособности и злой воли, будет очень трудно применять, и что порой необходимы компромиссы, основанные на взаимном доверии. Я считаю, что не

представляет никакой реальной опасности более широко прибегать к этому средству, и это весьма полезно для интересов обеих стран.

Нельзя забывать, что если действие нашего согласия с Англией имеет тенденцию расширяться, в особенности в настоящее время, то базой его является наша конвенция о Персии. Это соображение, которое, кажется, имеет первостепенную важность.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 714. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо, 24/11 октября 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Занятие Триполийского и Киренайского побережья производится Италией планомерно и ныне, со взятием порта Мизурате, оно может считаться совершившимся. Последующие военные действия не представят, по всей вероятности, какого-либо международного интереса, и мечты итальянских патриотов можно будет признать осуществившимися. Но тогда еще острее станет вопрос: какими путями возможно будет достигнуть примирения воюющих сторон? Обе они, как вашему превосходительству известно, выставляют безусловно исключающие друг друга требования. Признание верховной власти султана, не дающее собственно никаких практических выгод Турции, ревниво отстраняется Италией. Сохранение даже призрачного суверенитета вызывает в ней опасения, что для устранения такового, когда наступит конец турецкому владычеству в Европе, ей придется итти на реальные уступки. Правда, что затяжной процесс разрешения триполийского вопроса отзовется крайне чувствительно на итальянской торговле; в деловых кругах Северной Италии, а также на туринской и миланской биржах уже замечается некоторое угнетение и опасение за последствия, которые может иметь продолжение войны еще месяц-два. Однако общественное мнение остается попрежнему приподнятым; даже жертвы, ценой коих было оплачено взятие Бенгази, не охладили, вопреки ожиданию многих, патриотического настроения. Заботливость правительства уменьшить вред, наносимый торговле, сказывается наиболее ясно в старании ограничить сферу военных действий, сначала в Красном море (см. мои телеграммы №№ 53 [1] и 62 [2]), а ныне и в Адриатическом (см. мою телеграмму № 63 [3]). Но в Эгейском море Италия желает сохранить полную свободу действий, дабы иметь возможность нанести удар противнику и заставить его просить мира, подчиняясь ее условиям.

Во избежание осложнений, которые угрожали бы европейскому миру действиями итальянского флота в Архипелаге и ввиду крайней неуступчивости, обнаруживаемой Италией, казалось бы необходимым употребить все старания, чтобы убедить Порту отказаться от требования, которое не является удовлетворением первостепенных нужд государства и взамен которого ей было бы более выгодным возвысить свои денежные домогательства.

Некоторая уступчивость с ее стороны могла бы найти оправдание уже в том обстоятельстве, что события последнего месяца как бы возродили итальянский народ. У него явилась вера в себя, желание занять то место на мировой сцене, на которое ему дают право предания славной, хотя отдаленной, старины и успехи, достигнутые во внутреннем состоянии страны за полувековое существование королевства.

Занятие Тобрука особенно поразило англичан. Великобританский посол, всецело разделявший до сих пор мнение своего правительства, что пребывание Италии в Тройственном союзе, ослабляя таковой, служит наилучшим обеспечением европейского равновесия, ныне совершенно изменил свой взгляд на вещи.

---

[1] См. стр. 174, прим. 6.

[2] В тел. от 21/8 окт. за № 62 Долгорукий сообщал: «Отсюда даны приказания зажечь маяки в Красном море, не выжидая разрешения вопроса об исключении сказанного моря из сферы военных действий».

[3] См. № 683.

Одновременное обладание портом Аугуста в Сицилии и Тобруком на африканском побережье, лихорадочная постройка дредноутов — все это является в его глазах обстоятельствами, увеличивающими удельный вес Италии, как фактора всякой политической комбинации. Нахождение ее во враждебном лагере не может отныне не угрожать серьезными последствиями державам Тройственного согласия. Возможность если не преграждения пути в Индию британскому флоту, то задержка его беспокоит моего коллегу. Сэр Реннель Родд видит возможность охранить интересы Англии только в вовлечении Италии в соглашение с Францией и его родиной. Сэр Реннель, бросив литературные труды и археологические изыскания, которым исключительно посвящал время, занялся подготовлением общественного мнения в пользу упомянутого соглашения. Вместе с сим он ищет установить более тесное общение с Баррером и мной, что заметно сказалось и на нашей деятельности в Консульте, которая ныне носит более дружный и согласный оттенок. Как он мне сказал, он прилагает все усилия к тому, чтобы его точка зрения была принята в Лондоне и было бы весьма полезным узнать, в какой степени С.-Джемский кабинет ее разделяет. Не найдете ли, ваше превосходительство, возможным выяснить этот вопрос при содействии графа А. К. Бенкендорфа?

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

№ 715. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [1]. 24/11 октября 1911 г.

Строго доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

События минувшего лета наводят на серьезные размышления.

Такой незначительный, казалось бы, с первого взгляда факт посылки «Пантеры» в Агадир подверг испытанию европейский мир. Если во Франции и Германии правящим кругам удалось отвратить опасность его нарушения, то в Италии общественное мнение оказалось сильнее правительства. Кто может поручиться за то, что и в будущем подобное неожиданное появление в каких-либо спорных водах канонерской лодки не вызовет развязки, над отдалением которой трудятся, хотя и не всегда искренно, великие державы.

Достойной подражания кажется планомерная работа Германии в ожидании такой случайности и в целях создания себе наиболее благоприятной обстановки в борьбе с врагом. На такую тему я долго беседовал на этих днях с Баррером. Он мне поведал о проектах, которые разрабатывает ныне французский генеральный штаб, и технические подробности, которые несомненно уже известны нашему. По его словам, Германия, не полагаясь достаточно на «благоприятный нейтралитет» Бельгии, обеспечила [2] себе обход французского правого фланга со стороны Швейцарии. Нельзя не усмотреть в привлечении Швейцарии к борьбе с «наследственным врагом» разочарования в помощи, которую могла бы оказать Италия [3]. Заключенные последней с Францией соглашения продолжают храниться в строгой тайне, но это все же не помешало им сделаться общественным достоянием. Не могло, конечно, ускользнуть от внимания союзников то обстоятельство, что отправленные в Триполи с Севера полки были взяты с французской, но не швейцарской и не австрийской границы. Если бы ремесло пророчества не было неблагодарным, я позволил бы себе выразить предположение, что Швейцария, несмотря на постановления Венского конгресса, займет в Тройственном союзе место Италии, о чем я имел честь донести письмом от 17/4 янв. с. г. [4] Вынужден-

[1] Опубл. Siebert, II, S. 187, N 471.

[2] У Siebert'a: «zu sichern sucht» («старается обеспечить»).

[3] У Siebert'a: «Schweiz» («Швейцария»).

[4] В письме от 17/4 янв. Долгорукий передавал, исходившие от англ. воен. агента в Италии и Швейцарии полковника Ратклейфа, сведения о состоявшемся будто бы между Австрией и Швейцарией соглашении, сводившемся к следующему: в случае войны между Италией и Австрией Швейцария обещает пропустить через свою территорию австр. войска, за что, по окончании войны, в благополучном конце которой договаривающиеся стороны были уверены, швейцарско-итальянская граница должна быть исправлена в пользу Швейцарии.

ные защитить области Дижона и Безансона, французы стягивают туда силы, предназначавшиеся к обороне границы со стороны Бельгии. Обнажение севера страны сделало необходимым для них заручиться обещанием Англии направить на высоту «Мезиер» четыре корпуса, общей численностью 150 000 человек. Но и это оказывается недостаточным, приходится расширить размеры страхования.

В видах ослабления противной стороны, и Франции, и Великобритании придется ныне приискивать средства вовлечения Италии в соглашение более активного характера. И Баррер, и Родд вполне отдают себе отчет в такой необходимости и оценивают способы достижения намеченной цели. Изменившееся ныне географическое очертание Италии; тщательность, с которой была снаряжена экспедиция в Триполи; соблюдение в тайне всех приготовлений, начатых вскоре после посылки «Пантеры» в Агадир; общественное мнение, не отличающееся расположением к германскому блоку; подозрения, возбуждаемые предполагаемой двойственной игрой Швейцарии, — делают особенно желательным для Англии и Франции обеспечить себе сотрудничество Италии на случай войны.

Когда, по разрешении триполийского вопроса, и Франции, и Англии удастся заключить указываемые соглашения, тогда, быть может, наступит необходимость и нам взвесить те выгоды, которые мы могли бы извлечь из более тесного соглашения с Италией. Смысл таковой был бы: отвлечение от нашей границы той части австрийских сил, которая иначе неминуемо была бы направлена против нас. Как я уже имел честь доносить императорскому правительству, сегодняшняя Италия уже не является той единицей, нахождение которой в Тройственном союзе мы могли бы приветствовать как «мертвый вес» для ее союзников.

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

№ 716. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 80 [1]. 24/11 октября 1911 г.

№ 1.

За время трехчасового свидания ночью в вагоне Гешов и Милованович обменялись самыми дружелюбными взглядами по предмету сербо-болгарского союза [2]. Гешов записал под диктовку Миловановича предлагаемые сербами основания союза. Одна из статей предвидит возможность наступательных действий в Македонии и Старой Сербии. Статья эта не нравится ни Гешову, ни его коллегам, которые не оставили еще всякой надежды на установление добрососедских сношений с Турцией и на возможность достижения широкой автономии для Македонии и Старой Сербии. Вполне одобряя их взгляд, я предложил Гешову, в качестве чисто личного моего измышления, иной текст, который ему на первый взгляд понравился, но над коим он еще подумает. Оба эти текста — в третьей телеграмме [3]. Благоволите сообщить ваше о них мнение. Гешов крайне доволен своим субботним [4] докладом у короля Фердинанда. Король вполне одобрил все шаги к установлению единения с Сербией и предоставил кабинету полную свободу выработать основания союза. В противность моим ожиданиям, болгары до сих пор не связывают вопроса о сербском союзе с вопросом о защите их нами со стороны Румынии, но Гешов уже дважды предупреждал меня, что болгары не иначе заключат союз, как с полного согласия России на все статьи договора и с сообщением обеими сторонами текста.

Неклюдов.

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 38.
[2] См. № 625.
[3] См. № 718.
[4] 21/8 октября.

№ 717. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁺/. Телеграмма № 81 [1]. 24/11 октября 1911 г.

№ 2.

Ссылаюсь на телеграмму Урусова № 75 [2].

Я повторил Гешову доводы Урусова, ратующие против принятия греческого предложения, и вообще указал ему на опасность подобной, чисто воинственной постановки вопроса. Гешов согласился со мной насчет последнего, но выразил все-таки желание кабинета не отвергать греков и найти какую-либо иную формулу для установления желаемого с обеих сторон единения. Сегодня Гешов добавил мне, что король Фердинанд особенно настаивает на соглашении с греками. Со своей стороны, он, Гешов, имел достоверные сведения, что Эренталь предлагал Греции вступить в балканский антиславянский блок, т. е. блок Австрии, Румынии и албанцев. Гешов полагает, что, отстраняя совсем греков, болгары могут действительно кинуть их в подобную комбинацию. Предлагаемый мной лично текст сербско-болгарского соглашения редактирован так, что не только Греция и Черногория, но даже и Порта могли бы под ним подписаться, что особенно нравится Гешову.

Неклюдов.

№ 718. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁺/. Телеграмма № 82 [3]. 24/11 октября 1911 г

N 3.

Bases de l'accord proposées par Milovanovitch: 1) Alliance défensive absolue contre quiconque attaquerait la Bulgarie ou la Serbie. 2) Alliance défensive contre quiconque essayerait d'occuper la Macédoine, la Vieille Serbie ou l'Albanie du Nord. 3) Alliance offensive: I) en vue d'affranchir la Macédoine et la Vieille Serbie dans des circonstances jugées propices par les deux parties contractantes, II) en vue de faire cesser l'anarchie ou le massacre dans des provinces où les intérêts vitaux de l'une ou de l'autre partie sont engagés. Bases de l'accord proposées par Nekludow: La Serbie et la Bulgarie contractent une alliance étroite ayant pour but: 1) Défense réciproque des deux pays contre quiconque les attaquerait. 2) Le maintien du status quo territorial dans les provinces turques limitrophes des deux pays contre quiconque essayerait de changer ce status quo soit par l'occupation, soit d'une manière quelconque. 3) La sauvegarde des intérêts vitaux des nationalités congénères des parties contractantes dans lesdites provinces turques par des moyens strictement appropriés au degré du péril qu'encourraient ces intérêts vitaux. Les deux parties contractantes seraient heureuses de voir d'autres pays balkaniques adhérer à cette alliance.

Nekludow.

Перевод.

№ 3.

Основы соглашения, предложенные Миловановичем: 1) Полный оборонительный союз против всякого, кто напал бы на Болгарию или Сербию. 2) Оборонительный союз против всякого, кто пытался бы занять Македонию, Старую Сербию или Северную Албанию. 3) Наступательный союз: I) в целях освобождения Македонии и Старой Сербии в случае [наступления] условий, признанных благоприятными обеими договаривающимися сторонами, II) в целях прекращения анархии или резни в провинциях, где имеются жизненные интересы той или другой стороны. Основы соглашения, предложенные Неклюдовым: Сербия и Болгария заключают тесный союз, имеющий целью: 1) Взаимную оборону обеих стран против всякого, кто на них напал бы. 2) Поддержание территориального status quo погра-

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 39.
[2] См. № 667.
[3] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 39.

ничных с обеими странами турецких провинций против всякого, кто пытался бы изменить этот status quo путем оккупации или каким бы то ни было образом. 3) Охрана жизненных интересов национальностей, единоплеменных с договаривающимися сторонами в указанных турецких провинциях, способами, строго соответствующими степени опасности, которой подвергались бы эти жизненные интересы. Обе договаривающиеся стороны были бы счастливы видеть присоединение других балканских стран к этому союзу.

Неклюдов.

№ 719. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 655 [1]. 24/11 октября 1911 г.

Секретно.

Копия в Лондон.

Получил телеграмму № 1570 [2].

Благодарю вас за эти указания, которые не премину принять к руководству при возможных дальнейших переговорах с Саид-пашой, и представлю затем полный материал для суждения особого совещания. Благодарю вас также за осведомление Грея о наших переговорах, о чем сообщил мне сегодня английский посол. Он добавил, что Грей подтвердил свои заявления 1908 года. Ввиду сего я поставил Лоутера в курс дела в том же объеме, как и Бомпара, оттенив в особенности доверительный и частный характер моих сношений с великим визирем, сохраняющий за императорским правительством полную свободу в определении программы и содержания возможных официальных переговоров, а тем более в установлении текстов, подлежащих обсуждению. Теперь между здешними представителями держав Тройственного согласия установлено и обеспечено полное дружеское единомыслие и взаимодействие. Лоутер доверил мне, что со стороны турецкого правительства до сих пор не сделано по отношению к нему каких-либо шагов в смысле сближения с Англией. Однако выясняется как-будто, что почвой для подобного соглашения могла бы явиться мысль об установлении между Англией и Турцией с участием Франции и России для восточной доли Средиземного моря уговора о status quo, аналогичного существующему уговору между Англией, Францией и Испанией касательно западной доли Средиземного моря. Туземная печать развивает тему о сближении с Англией и, через нее, с Россией. Мы продолжаем думать, что Саид-паша торгуется теперь с Германией.

Чарыков.

№ 720. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 1591. 25/12 октября 1911 г.

Сообщается посланнику в Пекине.

Французский поверенный в делах сообщил, что китайское правительство желает занять у известного четверного синдиката банкиров 12 млн. лан, и осведомился, как мы относимся к такой финансовой операции.

Я ответил, что если предполагаемый заем не затронет вопросов о займе в 250 млн. фр. у того же синдиката и об отсрочке платежей по вознаграждению за боксерское восстание и если его гарантиями не будут служить какие-либо доходы Манчжурии, то мы не возражаем против выпуска синдикатом такого китайского займа в 12 млн. лан.

Благоволите высказаться в том же смысле перед министром иностранных дел.

[Нератов.]

---

[1] Тел. бланк. Опубл. Siebert, II, S. 193, N 474.
[2] См. № 690.

№ 721. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Письмо № 760. 25/12 октября 1911 г.

Секретно. Спешно.

М. г. Станислав Альфонсович,

Вслед за получением телеграммы вашего превосходительства за № 777 [1], во вверенное моему управлению министерство поступило прошение г. Кикнавелидзе, ходатайствующего о принятии энергичных мер к охране его нарушенных имущественных интересов в Гиляне.

По этому поводу я счел необходимым подробно ознакомиться с положением, в котором вообще находятся интересующие нас дела в сказанной персидской провинции, причем из целого ряда имеющихся в министерстве данных и документов по этому предмету я вывел весьма безотрадное впечатление, ибо оказалось, что почти все наши законные требования и домогательства по делам, затрагивающим права и интересы русских подданных, встречают непреодолимое сопротивление со стороны группы лиц, фактически распоряжающихся в Гиляне в ущерб нашим интересам, и терроризующих как население, так и местные власти. Вашему превосходительству, конечно, не безызвестна роль, которую Керим-хан и содействующие ему братья его играют в гилянских делах. Прикрываясь флагом национализма, Керим-хан и его брат Амид-эс-Солтане собрали вокруг себя хорошо вооруженную шайку преданных им муджахидов, местных фидаев и кавказцев и с помощью их заняли преобладающее положение в Гиляне, захватывая имения местных ханов, в том числе и доходнейшие поместья Сердар-Амджеда, находящегося под русским покровительством. Керим-хан, основав свой секретный энджумен и издавая собственную газету, стал окончательно хозяином положения после того, как в 1910 г. ему удалось склонить на свою сторону также большинство членов «энджумени-эялети» и самого муджтехида Сеид-Махмуда, руководящего энджуменом «адлие».

Из тех же документов и данных явствует, что деятельность названного лица с самого своего начала носила вполне враждебный характер по отношению не только к нашему консульству, но и вообще всему русскому элементу в Гиляне.

Еще в 1909 г. бывший генеральный консул в Реште действительный статский советник Штриттер в своих донесениях (№№ 1409 и 1603 [2]) настоятельно ходатайствовал о принятии строгих мер против Керим-хана — главного виновника

---

[1] Тел. от 11 сент./29 авг. за № 134 росс. консул в Реште Некрасов сообщал, что со стационера «Красноводск», стоявшего в Энзели, бежали два матроса.

Тел. от того же числа за № 135 Некрасов сообщал, что один из них был отправлен в Решт энзелийским губернатором. «Неарестование нами беглого каторжанина Ефрема, — продолжал Некрасов, — дозволение Сердару-Мутамеду быть правителем Гиляна, безнаказанность Керим-хана, неприведение в исполнение постановлений Каргузарии, отказ персами в правосудии русским, безнаказанность туземных властей в деле Кикнавелидзе, Червенова, дозволение местной прессе в такой стране, как Персия, неприлично бранить консула и консульство, уверенность персов в безнаказанности грабежей и насилие над имениями русско-подданных в Талышах, — все это вместе взятое привело к возможности укрывательства энзелийскими властями нашего беглого матроса. Лично считаю необходимым теперь прибытие еще одного военного судна, одной сотни казаков с пулеметами, немедленное арестование консульством Керим-хана, о чем давно просил меня Сепехдар, банк, намеком регент, ввиду бессилия персидских властей, смещение Сердара-Мутамеда, разрешение консульству привести в исполнение постановления Каргузарии по делам русскоподданных, немедленное введение нештатного консула в Энзели инженера Смелова, взыскание убытков с персидского правительства по делу Кикнавелидзе. Ваши дальнейшие промедления вызовут необходимость еще более крутых мер».

Ссылаясь на тел. Некрасова за № 135, Поклевский в тел. от 15/2 сент. за № 777 высказывал мнение, что Некрасов является единственным росс. консулом в Персии, «который не желает себе отдать полного отчета как относительно положения в Персии, так и задач, преследуемых здесь императорским правительством». И далее: «Большинство предлагаемых Некрасовым мер мне представляются несостоятельными и они неминуемо поведут к нашей оккупации и вступлению в управление Гиляном. Возможность такого исхода, конечно, не исключена в будущем, но покамест нет для этого достаточных оснований».

[2] Содержание донесений Штриттера от 15/2 ноября 1909 г. за № 1409 и от 20/7 декабря того же года за № 1603 изложено в публикуемом документе.

беспорядков, возгоравшихся на Лианозовских рыбных промыслах. Постоянно выступая против русских учреждений и открыто устраивая антирусские манифестации, этот разбойник, заинтересованный в рыбном деле, стремился всеми мерами воспрепятствовать местным жителям вступить в торговую сделку с Лианозовыми, угрожая смертью их контрагенту, если тот не примет предлагаемых Керимом условий аренды речек, впадающих в Энзелийский залив. Далее, летом 1910 г. выяснилось участие брата Керим-хана — Амид-эс-Солтане — в деле поджога бараков русско-подданного Кикнавелидзе, причем следствие, произведенное секретарем консульства в Гиляне единолично, после отказа шахских властей принять в нем участие, обнаружило, что бараки были подожжены по приказанию правителя Зергам-эс-Солтане и что упомянутый брат Керим-хана содействовал этому преступлению. То же лицо в сообществе с Зергам-эс-Солтане истязало крестьян русско-подданных братьев Алиевых, дойдя в своих зверствах до того, что пригвоздило уши двоим из них. Наконец, как вы припомните, в консульство в Реште, приблизительно в ноябре 1910 г. было доставлено собственноручное письмо другого брата Керим-хана, Ахмед-Али-хана, адресованное Мелик-эт-Туджару Энзелиджи, в котором автор от лица своего и своих братьев открыто заявлял о своих угрозах по адресу русско-подданного Дерья Беги Мир Алу Талиб хана Багирова, решившегося снять у Лианозовых лов в речках, впадающих в Мурдаб. Положение Керим-хана еще более укрепилось после того, как ему в текущем году после передачи управления Гиляном его стороннику Сердару-Мутамеду удалось овладеть частью трехлинейных винтовок (400 шт.), уступленных русским правительством персидскому; партия демократов вооружила ими своих людей, а поведение по отношению к русским Керим-хана, обладателя сказанных русских ружей, стало еще более вызывающим; он вошел в соглашение с дашнакцаканами и демократами, действуя с ними заодно и выпуская прокламации против русского правительства.

Изложенные факты в достаточной степени обрисовывают характер и значение деятельности упомянутых братьев-разбойников. Если прибавить к этому бессилие местных властей свергнуть иго Керим-хана, приказания которого беспрекословно исполняются ими, то станет вполне понятно, почему эти власти отказываются исполнять требования нашего консульства в делах, касающихся русско-подданных; становятся столь же ясными слова регента, сказанные в свое время г. Некрасову, о желательности удаления Керим-хана из Гиляна и заключение, к которому пришел Сепехдар, что без русских казаков в Талышах порядка навести нельзя.

Между тем подобное положение не может быть более терпимо, так как даже при всей нашей снисходительности к бесчинствам и неурядицам, происходящим от персидской смуты, есть пределы, за которыми должны следовать более активные действия и энергичный отпор с нашей стороны. Я полагаю, что дальнейшее пассивное отношение ко всему, что происходит ныне в Гиляне, может иметь результатом решительное падение нашего престижа в этой провинции в глазах как персов, так и русско-подданных, справедливые претензии и дела которых годами не получают разрешения (Кикнавелидзе, Алиевы, Левины, Курбановы и др.).

Ввиду изложенного обращаюсь к вашему превосходительству с покорнейшей просьбой не отказать, по получении настоящего письма, довести о его содержании до сведения шахского правительства и потребовать, чтобы оно в поставленный вами, примерно недельный, срок беспрекословно ликвидировало все затянувшиеся дела русско-подданных и учреждений в Гиляне и приняло меры к удалению оттуда Керим-хана и его братьев. Это требование, которое я прошу вас поставить правительству во вполне категорической форме, вы имеете сопроводить предупреждением, что если в указанный вами срок оно осуществлено не будет, то мы предоставляем себе принять меры, которые найдем нужными для восстановления наших прав и интересов.

В последнем случае, по получении от вас соответствующего телеграфного извещения, казачий конвой в Реште, который к тому времени, вероятно, уже будет подкреплен второй сотней, получит предписание приступить на началах, которые

по местным условиям окажутся наиболее целесообразными, к восстановлению прав и интересов наших в Гиляне. Одновременно с тем из ардебильского отряда будет выделен небольшой отряд, который подойдет с другой стороны для комбинированных действий с рештским конвоем. Я полагаю, что этих сил будет вполне достаточно для захвата Керим-хана и его шайки и для восстановления на месте порядка и нормального положения дел.

Передавая об этом и покорнейше прося ваше превосходительство благоволить спешно уведомить меня по телеграфу о шагах, которые вы предпримете по получении настоящего письма, пользуюсь случаем и пр.

[Нератов.]

№ 722. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [1]. 25/12 октября 1911 г.

Très confidentiel.

Monsieur le Gérant,

J'ai eu hier un entretien supplémentaire tout confidentiel avec Sir A. Nicolson [2].

Je lui demandai d'abord si le ministère royal des affaires étrangères verrait objection à ce que l'emprunt Seligman soit émis par la Banque d'Escompte russe. Je lui dis que la maison Seligman y consentait, sauf approbation du gouvernement anglais. Sir Arthur me promit une prompte réponse.

Je repris l'entretien sur la Perse et lui dis plus familièrement qu'à Sir E. Grey le jour précédent, que la difficulté actuelle, qui pourrait en engendrer d'autres plus graves, était la présence de Mr. Shuster aux affaires et qu'il serait temps d'en finir. Il n'hésita pas à abonder dans mon sens, d'où je conclus que je ne m'étais pas trompé sur l'impression de Sir E. Grey.

Sir Arthur me dit que dans son opinion Mr. Shuster avait fait fausse route dès son arrivée; il récapitula son attitude vis-à-vis des légations, ses agissements avec les nationalistes et le major Stokes — qui, en somme, lui-même n'est pas autre chose — et ses manipulations de presse par lesquelles il s'était dévoilé.

Je lui demandai pourquoi ne pas agir de concert rapidement.

Il me répondit qu'il pensait que Shuster, s'étant fait des ennemis partout, démissionnerait; que cela valait mieux et aurait l'avantage d'éviter des polémiques dans la presse et aux Chambres, surtout en Amérique.

Sir Arthur ajouta qu'il se pouvait que Mr. Shuster avait un contrat — ce qui créerait des difficultés.

Je n'insistai pas davantage, voyant que Sir Arthur pensait sérieusement à la question que j'avais soulevée, d'autant plus que j'avais appris le matin même par Sir G. Buchanan que sur cette question on était à Londres à peu près d'accord et qu'il n'y a nulle intention de compromettre la coopération de la Russie et de l'Angleterre en Perse pour la personne de Mr. Shuster.

Je ne crois pas qu'il faille exiger une action trop rapide. Une démission simple serait en effet préférable pour éviter à Sir E. Grey des difficultés sérieuses, qui peuvent, à la longue, réagir sur la situation [3].

Je demandai à Sir Arthur ce qu'il pensait de ce que j'avais dit à Sir E. Grey au sujet des détroits et la Turquie. Il me répondit: c'est infiniment intéressant, important et la chose est en elle-même une très bonne chose.

Il dit que Sir E. Grey avait télégraphié à Sir G. Lowther de se mettre en rapports avec notre ambassadeur pour que les trois ambassadeurs puissent s'aboucher. Il me demanda si la lettre personnelle de Mr. Tcharykow à Saïd Pacha [4] contenait tout un projet complet. Je lui répondis que je ne le savais pas exactement et j'ajoutai que pour plus de clarté j'avais omis dans mon entretien avec Sir E. Grey des questions

---

[1] Частично опубл. Siebert, II, S. 194, N 476.
[2] См. № 713.
[3] У Siebert'а предыдущая часть письма опущена.
[4] См. № 602.

économiques secondaires. Je crus cependant bien faire en informant Sir Arthur que la surtaxe de 4%, pour laquelle il y a entente avec l'Angleterre et la France, n'était nullement en cause.

Il apprécia cette information de même que Mr. Cambon l'avait appréciée, parce que dans la lettre de Mr. Bompard il se trouve à ce sujet un passage peu clair.

Sir Arthur me demanda alors comment je me représentais une négociation de ce genre où il s'agit de garantie territoriale, alors que la Turquie est en guerre. Si les négociations aboutissent, quand l'arrangement entrerait-il en vigueur? Il me dit qu'au point de vue italien cela était important et pourrait créer une difficulté entre l'Italie et nous. Je répondis que je ne pouvait lui donner de réponse circonstanciée, mais que j'étais persuadé que nos rapports actuels avec l'Italie excluaient toute idée d'hostilité contre elle.

Sir Arthur ne me sembla pas convaincu que le moment fut absolument bien choisi et redoute que la Turquie ne s'efforce de trouver dans cette négociation une arme contre l'Italie.

D'ailleurs il n'insista pas sur cette opinion qu'il me donna comme première impression [1]. Je la note pourtant parce qu'elle prête à réflexion.

J'en fais autant pour un point qui m'a été signalé, non pas par Sir A. Nicolson, mais par Mr. Cambon, — celui des capitulations. Mon collègue de France doute que la France et l'Angleterre puissent aujourd'hui y consentir pour leur compte [2].

C'est ici que mon entretien avec Sir A. Nicolson prit fin. J'en rends compte avec quelques détails, pensant qu'ils pourraient être utiles à votre excellence pour ses entretiens avec Mr. O'Beirne.

Veuillez agréer, etc. Benckendorff.

Перевод.

Весьма доверительно.

Г. управляющий,

У меня вчера произошел дополнительный весьма доверительный разговор с сэром А. Никольсоном.

Сначала я спросил его, не будет ли королевское министерство иностранных дел возражать против того, чтобы заем Зелигмана был выпущен русским Учетным банком. Я сказал ему, что торговый дом Зелигмана согласен на это при условии одобрения английским правительством. Сэр Артур обещал мне ответить быстро.

Я возобновил разговор относительно Персии и сказал ему менее официально, чем накануне сэру Э. Грею, что нынешнее затруднение, которое могло бы породить другие, более важные, заключается в участии г. Шустера в делах и что наступило время с этим покончить. Он без колебания поддержал меня, из чего я заключил, что я не ошибся во впечатлении, сложившемся у сэра Э. Грея.

Сэр Артур сказал мне, что по его мнению г. Шустер с момента своего приезда вступил на неправильный путь; он припомнил его позицию по отношению к миссиям, его махинации с националистами и майором Стоксом, который в сущности сам является таким же [националистом], и его выступления в печати, благодаря коим он разоблачил себя.

Я спросил его, почему бы [нам] не действовать совместно, не теряя времени.

Он ответил мне, что, по его мнению, Шустер, нажив себе повсеместно врагов, выйдет в отставку; так будет лучше и преимущество окажется в том, что тем самым будет избегнута полемика как в печати, так и в палатах, в особенности в Америке.

Сэр Артур прибавил, что может быть г. Шустер имеет контракт, — что создаст затруднения.

Я больше не настаивал, видя, что сэр Артур думает серьезно о вопросе, который я поднял, тем более, что сегодня же утром я узнал через сэра Дж. Бьюкенена, что по этому вопросу в Лондоне почти пришли к соглашению и что не существует никакого намерения компрометировать сотрудничество России и Англии в Персии из-за особы г. Шустера.

Я не думаю, чтобы следовало требовать слишком поспешных действий. Простая отставка более желательна во избежание серьезных затруднений для сэра Э. Грея, которые в конце концов могут отозваться на его положении.

Я спросил у сэра Артура, что он думает о том, что я сказал сэру Э. Грею по поводу проливов и Турции. Он ответил мне, что это чрезвычайно интересно, важно, и дело само по себе очень хорошее.

Он сказал, что сэр Э. Грей дал телеграфное распоряжение сэру Дж. Лоутеру войти в сношения с нашим послом, чтобы три посла могли договориться. Он спросил меня, заключало ли личное письмо г. Чарыкова Саиду-паше весь проект в целом. Я ответил ему, что не

[1] У Siebert'а слова: «qu'il me donna comme première impression» опущены.
[2] У Siebert'а последующая часть документа опущена.

знаю этого точно и добавил, что для большей ясности я опустил в беседе с сэром Э. Греем второстепенные экономические вопросы. Считаю, однако, что сделал правильно, сообщив сэру Артуру, что дополнительная пошлина в 4%, о которой между Англией и Францией существует соглашение, нисколько в этом деле не затронута.

Он оценил это сообщение так же, как его оценил г. Камбон, так как в письме г. Бомпара по этому поводу имеется неясное место.

Сэр Артур спросил меня затем, как я себе представляю такого рода переговоры, в коих идет речь о территориальной гарантии в то время, как Турция находится в состоянии войны. Если переговоры придут к завершению, то когда соглашение вошло бы в силу? Он сказал мне, что с итальянской точки зрения это является важным и могло бы создать между Италией и нами затруднения. Я ответил ему, что не могу дать ему обстоятельного ответа, но что я убежден в том, что наши теперешние отношения с Италией исключают всякую мысль о возможности враждебных к ней чувств.

Мне показалось, что сэр Артур не уверен в том, что момент выбран вполне удачно, и что он опасается, как бы Турция не постаралась найти в этих переговорах оружие против Италии.

Впрочем, он не настаивал на этом мнении, которое он мне сообщил как свое первое впечатление. Я его все же отмечаю, так как оно наводит на размышление.

Я делаю то же в отношении одного пункта, на который мне указал не сэр А. Никольсон, а г. Камбон, — именно о капитуляциях. Мой французский коллега сомневается в том, чтобы Франция и Англия могли со своей стороны согласиться на это в настоящее время.

На этом закончился мой разговор с сэром А. Никольсоном. Я отдаю отчет о нем с некоторыми подробностями, думая, что они могут быть полезными вашему превосходительству для ваших разговоров с О'Берном.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 723. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 25/12 октября 1911 г.

Personnelle.

Cher Анатолий Анатольевич,

J'attendais votre expédition [1] avec la plus vive impatience. Elle était partagée, je pense, par Sir A. Nicolson. Sir E. Grey était absent.

Je ne doute aucunement que la question des détroits soit mûre. L'appui de la France me paraît être largement assuré; la réponse de Sir E. Grey le prouve aussi et je ne crois pas que nous ayons pu nous attendre à mieux. Il reste sur son ancien terrain, mais tandis qu'en 1908 il disait que le projet était prématuré, il dit aujourd'hui qu'il est prêt à agir dans le sens indiqué lorsque cela nous convient. Quant à la nouvelle forme sous laquelle nous présentons le projet, — il se réserve de l'examiner; mais il l'examinera avec sympathie.

Montrer trop de réserve avec lui par rapport à l'ensemble et à la nature de notre arrangement avec la Porte, renseignements qui lui étaient ou lui seraient parvenus par une autre voie, — ne serait pas resté sans influence sur ses dispositions.

C'est pourquoi je me suis permis d'agir comme je l'ai fait.

Qu'un rapprochement de la Porte avec la Russie et, par suite, avec l'Angleterre et la France, et, si possible, avec les Etats Balkaniques, soit une idée qui plaise beaucoup à Londres à titre de garantie nouvelle pour la paix générale, capable de plus à ébranler l'influence allemande à Constantinople, tient de l'évidence.

En ce sens aussi les choses semblent être en bonne voie.

Il reste pourtant une difficulté qui me semble sérieuse et sur laquelle tant Mr. Cambon que Sir A. Nicolson ont immédiatement attaché mon attention.

La Turquie se trouve en guerre avec l'Italie, — la Russie est neutre. C'est en ces conditions que la Russie vient offrir à la Porte la garantie de l'inviolabilité des détroits, de sa capitale et, de fait, lui offre sa flotte pour la défendre.

Un pareil arrangement serait-il compatible avec la neutralité de la Russie? Serait-il même compatible avec la neutralité anglaise et française, implicitement, sinon explicitement bienveillante pour l'Italie, d'exprimer, tant que durera la guerre, leur approbation pour cet arrangement? C'est ce qui me semble extrêmement douteux.

---

[1] Повидимому имеется в виду письмо Нератова от 19/6 окт. за № 660 (см. № 665).

J'appuie sur ce côté de la question d'abord parce qu'elle m'a été posée et qu'elle sera, je n'en doute pas, posée de nouveau. J'y ai répondu évasivement, donnant plutôt à entendre, comme mon opinion toute personnelle et privée, que l'Italie était hors de cause, ce qui remettrait l'entrée en vigueur de l'arrangement à la conclusion de la paix.

Mais dans ce cas où est le vrai avantage pour la Turquie? Il n'est plus, certainement, ni aussi clair, ni aussi direct, et ceci lui donnera à réfléchir.

Dans le cas contraire, que dira l'Italie? Il ne me paraît pas possible que la chose reste secrète et qu'elle l'ignore, même sans compter avec l'éventualité improbable, mais possible, que l'arrangement entre la Turquie et nous dût être mis en pratique.

Cet arrangement, avec effet immédiat, constituerait un appui effectif à la Turquie, tout comme une alliance partielle, qui pourrait lui permettre de prolonger la guerre très longtemps et causer des embarras à l'Italie de nature peut-être à lui créer des difficultés sérieuses.

Sans compter les dangers adjacents de toute prolongation de cette lutte, dangers qui feront réfléchir l'Angleterre certainement, peut-être aussi la France, qu'arriverait-il si l'Allemagne, au fait des choses, retienne la signature de son arrangement avec la France, aujourd'hui presque conclu, et se réserve?

Vous ne m'en voudrez pas de m'exprimer à ce sujet comme je pense, puisque je ne trouve aucune indication précise sur ce côté de la question dans l'expédition. Les seules indications qu'elle renferme sont dans le sens que je redoute. Elles se trouvent dans la lettre de Mr. Tcharykow du [9 octobre] 26 septembre [1] et sont développées dans les paraphes dont le premier commence par les mots: «Наиболее выгодная психологическая минута и пр.».

Ce point de vue, très propre à amener le consentement turc à la solution de la question des détroits, telle que nous la désirons aujourd'hui, me paraît trop imbu de dangers pour la paix générale, pour être adopté par les Puissances occidentales. Je crains que finalement elles y feraient opposition. Leur réponse serait simple, elles pourraient dire qu'elles ne peuvent pas s'associer à un projet incompatible avec leur neutralité.

Je ne voudrais pas insister davantage, je voudrais me tromper, mais j'en doute. Malgré les difficultés que ce point de vue doit apporter à la réalisation de nos projets, je crois qu'il doit être élucidé et expliqué.

Je n'ai parlé d'aucune compensation à Sir E. Grey et je doute qu'il eût attaché grand prix à ce que nous pouvons lui offrir en Egypte. La neutralité, de facto, de ce pays — acceptée, — consolide en elle-même la position de l'Angleterre.

Je crois que l'Angleterre s'occupe du projet de l'abolition des tribunaux mixtes, ce qui entraînerait celle des capitulations. Mais cette abolition des tribunaux mixtes serait une œuvre de longue haleine. Le code anglais est inapplicable en Egypte et il s'agirait, par conséquent, de l'élaboration d'une législation toute nouvelle, ce qui demandera beaucoup de temps.

Rien qu'à titre de Puissance amie il nous sera difficile de refuser une réforme à laquelle peu d'intérêts russes se rattache. Ceci diminue de beaucoup la valeur de la compensation, surtout quand il s'agit d'une question aussi considérable que celle des détroits, qu'il est préférable, je crois, de traiter simplement de nécessité politique majeure.

D'ailleurs, si le Cabinet de Londres désirait des compensations, il les demanderait, et il sera toujours possible d'examiner ses demandes dans un esprit de conciliation.

Je n'ai pas encore touché avec Sir E. Grey aux trois questions chinoises [2]. D'abord parce que cet ensemble très considérable eût pu nuire à la solution de la question des détroits en donnant à notre politique le caractère d'un plan préconçu d'avance sur toute la ligne, avec des compensations pour l'Angleterre (en ce cas

---

[1] См. № 570.
[2] См. № 533.

elles seraient certainement nécessaires), qui ne pourraient être, en l'état *actuel* des choses, que le renforcement d'avantages déjà concédés.

Si je considère que, sauf obstacles imprévus, la question des détroits est mûre, j'en suis moins certain pour la question mandchourienne, celle de Mongolie et surtout celle du Turkestan chinois.

Cette dernière me semble hérissée de difficultés et beaucoup plus difficile à motiver que les deux premières, et je ne sais pas s'il ne serait pas préférable, dans l'intérêt des deux premières, de la réserver pour plus tard.

Pour ce qui est de la Mandchourie et de la Mongolie, il me semble que la situation en Chine n'est pas encore assez nettement établie. S'il y avait effondrement ou démembrement, les choses iraient toutes seules et je ne crois pas qu'il y eût difficultés de s'arranger avec l'Angleterre.

Si, au contraire, la guerre dans la région du Yangtzé aboutissait à un changement de dynastie et de gouvernement à Pékin, les choses prendraient un aspect tout différent.

Parler d'éventualité et de possibilité avec le gouvernement anglais ne mène jamais très loin. Le Cabinet de Londres ne prend guère de décisions qu'en présence de situations établies. C'est question de méthode traditionnelle. A ceci j'ajoute que l'Angleterre, loin de convoiter des agrandissements territoriaux ou protectorats, les redoute plutôt.

Il me semble qu'en Mandchourie, ce qui nous serait de plus avantageux, serait de nous trouver obligés d'agir à cause de l'action du Japon. En ce cas il est évident pour tous que nous devons agir et cela ne peut être et ne sera contesté par personne.

Il y a aussi la considération des Etats-Unis, qui est sérieuse en Angleterre. L'initiative japonaise attirerait contre le Japon seul l'opposition américaine; nous resterions dans l'arrière-plan, ce qui faciliterait de beaucoup un arrangement entre l'Angleterre et nous.

J'attendrai à ce sujet vos instructions ultérieures, sauf le cas d'événements décisifs en Chine, où j'agirai immédiatement comme vous me l'enjoignez.

Mr. Cambon ne doit pas avoir été mis au courant par son gouvernement de nos projets concernant nos intérêts en Chine. Il me l'eût dit. J'en conclus que le gouvernement anglais n'est pas encore saisi, de sorte que je puis attendre sans inconvénient.

Veuillez me croire, cher Анатолий Анатольевич, votre très sincèrement dévoué

Benckendorff.

Перевод.

Личное.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Ждал почты от вас с живейшим нетерпением. Его разделял, я думаю, и сэр А. Никольсон. Сэр. Э. Грей отсутствовал.

Нисколько не сомневаюсь в том, что вопрос о проливах назрел. Поддержка Франции мне кажется вполне обеспеченной; ответ сэра Э. Грея также доказывает это, и я не думаю, чтобы мы могли ожидать чего-нибудь лучшего. Он все еще стоит на прежней позиции; но тогда как в 1908 г. он называл этот проект преждевременным, теперь он говорит, что готов действовать в указанном смысле когда это нам будет удобно. Что касается новой формы, в которой мы представляем проект, то он оставляет за собой право рассмотреть ее; но он будет рассматривать ее сочувственно.

Если бы мы проявили к нему слишком большую сдержанность по поводу общего содержания и характера нашего соглашения с Портой, сведения о котором уже дошли или дойдут до него иным путем, то это не осталось бы без влияния на его отношение.

Вот почему я позволил себе поступить так, как поступил.

Что идея сближения Порты с Россией, а следовательно с Англией и Францией, а если возможно, то и с балканскими государствами, весьма нравится в Лондоне, как новая гарантия всеобщего мира, способная сверх того поколебать немецкое влияние в Константинополе — это очевидно.

В этом смысле дело тоже, повидимому, на хорошем пути.

Остается, однако, одно затруднение, которое я считаю серьезным и на которое как г. Камбон, так и сэр А. Никольсон немедленно обратили мое внимание.

Турция находится в состоянии войны с Италией, Россия нейтральна. В этих обстоятельствах Россия предлагает Порте гарантию неприкосновенности проливов, ее столицы и фактически предлагает свой флот для ее защиты.

Совместим ли подобный договор с нейтралитетом России? Совместимо ли даже с нейтралитетом Англии и Франции, молчаливо, если не явно, благосклонным к Италии — выражение их одобрения такому договору, пока длится война? Это кажется мне крайне сомнительным.

Подчеркиваю эту сторону вопроса прежде всего потому, что он был мне так поставлен и, без сомнения, будет поставлен вновь. Я ответил уклончиво, давая понять, скорее как мое совершенно личное и частное мнение, что Италия тут не причем, что откладывало бы вступление договора в силу до заключения мира.

Но в таком случае, в чем реальная выгода для Турции? Она конечно уже не так ясна и непосредственна, и это даст ей [Турции] повод к раздумию.

Что скажет в противном случае Италия? Мне кажется, что дело это не сможет остаться тайной и что она [Италия] не сможет не знать о нем, даже если не учитывать того невероятного, но все же возможного случая, что соглашение между Турцией и нами пришлось бы применить на деле.

Это соглашение, вступая немедленно в силу, составило бы для Турции реальную опору, совершенно такую же, как частичный союз, который мог бы ей позволить продолжать войну очень долго и наделать Италии таких хлопот, которые, пожалуй, поставили бы ее перед серьезными трудностями.

Не считая опасностей, неизбежных при всяком продлении этой борьбы — опасностей, которые, конечно, заставят призадуматься Англию, а быть может и Францию, — что будет, если Германия, узнав о происшедшем, воздержится от подписания своего договора с Францией, теперь почти уже заключенного — и оставит за собой свободу действий?

Вы не будете сетовать на меня за то, что я высказываюсь об этом предмете так, как думаю, поскольку в полученной от вас почте нет точного указания на эту сторону вопроса. Единственные содержащиеся в ней указания имеют такой смысл, которого я опасаюсь. Они находятся в письме г. Чарыкова от [9 октября] 26 сентября и изложены в замечаниях, первое из которых начинается словами: «Наиболее выгодная психологическая минута и пр.».

Эта точка зрения, весьма способная побудить Турцию согласиться на разрешение вопроса о проливах в том смысле, какой для нас ныне желателен, представляется мне слишком чреватой опасностями для общего мира, чтобы ее приняли западные державы. Я боюсь, что в конце концов они восстанут против нее. Их ответ будет прост, они могут сказать, что не могут присоединиться к проекту, несовместимому с их нейтралитетом.

Мне не хотелось бы более настаивать, мне хотелось бы ошибаться, но я в этом сомневаюсь. Несмотря на то, что такая точка зрения должна затруднить осуществление наших проектов, я думаю, что ее следует проверить и разъяснить.

Я не говорил сэру Э. Грею о какой-либо компенсации и сомневаюсь, чтобы он придал большую цену тому, что мы можем предложить ему в Египте. Фактический нейтралитет этой страны, — уже признанный — упрочивает сам по себе положение Англии.

Англия, как я думаю, занялась проектом отмены смешанных судов, что повлекло бы за собой и отмену капитуляций. Но эта отмена смешанных судов будет делом очень затяжным. Английские законы неприменимы в Египте и, следовательно, придется выработать целое новое законодательство, на что потребуется много времени.

Даже только в качестве дружественной державы нам будет трудно отказать в своем согласии на реформу, с которой связано мало русских интересов. Это сильно уменьшает ценность компенсации, особенно в вопросе столь значительном, как вопрос о проливах, который, я думаю, предпочтительно трактовать просто как первостепенную политическую необходимость.

Впрочем, если лондонский кабинет захочет компенсаций, то он их потребует, и нам всегда будет возможно рассмотреть его требования в примирительном духе.

В беседе с сэром Э. Греем я еще не касался трех китайских вопросов. Прежде всего потому, что этот большой комплекс мог бы повредить разрешению вопроса о проливах, придав нашей политике характер плана, заранее составленного по всей линии, с компенсациями для Англии (в этом случае, они, разумеется, были бы необходимы), которые при *современном* положении вещей могут состоять лишь в расширении уже предоставленных преимуществ.

Если я считаю, что, исключая непредвиденные препятствия, вопрос о проливах уже созрел, то я менее уверен в этом относительно вопроса о Манчжурии, Монголии, а в особенности о Китайском Туркестане.

Этот последний представляется мне преисполненным трудностей и гораздо более трудно мотивируемым, чем два предыдущих; и я не знаю, не лучше ли будет в интересах этих двух вопросов отложить его на будущее.

Что же касается Манчжурии и Монголии, то мне кажется, что положение в Китае еще недостаточно выяснилось. Если бы произошел крах или распад, то все устроилось бы само собой и я не думаю, чтобы было трудно договориться с Англией.

Если же, напротив, война в области Янцзы приведет к смене династии или правительства в Пекине, то дело примет совсем другой оборот.

Разговоры с английским правительством о вероятностях и возможностях всегда ни к чему не приводят. Лондонский кабинет принимает решения только при наличии определившихся положений. Это его традиционный метод; к этому я прибавлю, что Англия отнюдь не стремится к территориальным захватам или к протекторатам, а скорее опасается их.

Мне кажется, что в Манчжурии нам было бы выгоднее всего оказаться вынужденными действовать вследствие действий Японии. В этом случае для всех будет очевидно, что мы должны действовать, и это не сможет и не будет никем оспариваться.

Есть еще соображения о Соединенных Штатах, которые в Англии носят серьезный характер. Японская инициатива навлекла бы противодействие Америки лишь на одну Японию, мы остались бы на заднем плане, что на много облегчило бы соглашение между нами и Англией.

Я буду ожидать по этому предмету ваших дальнейших инструкций, если не произойдет решающих событий в Китае, в каковом случае буду действовать немедленно, как вы мне это предписываете.

Г. Камбон, должно быть, не был поставлен своим правительством в курс наших проектов, касающихся наших интересов в Китае, иначе он сказал бы мне. Отсюда я делаю вывод, что вопрос перед английским правительством еще не поставлен, и таким образом я могу свободно подождать.

Верьте, дорогой Анатолий Анатольевич, моей искренней преданности.

Бенкендорф.

№ 724. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 25/12 октября 1911 г.

Strictement personnelle.

Cher Анатолий Анатольевич,

Quelques mots encore sur les dessous de carte diplomatique, qui m'ont, après mainte hésitation, décidé à user de vos instructions d'une façon que j'espère vous ne trouverez pas exagérée.

Dès son arrivée de Paris Mr. Cambon me montra la dépêche Bompard. Il me dit qu'il était chargé de sonder le gouvernement anglais sur toute la question, et m'annonça que je recevrai des instructions.

Cette dépêche Bompard, sèche et sans commentaire, mais fort complète, rendait compte d'un entretien confidentiel où Tcharykow lui avait communiqué les points politiques qu'il avait developpés à Saïd Pacha. Cela comprenait la formule pour les détroits, la garantie pour les détroits et Constantinople et territoires adjacents, la promesse de nos bons offices pour les rapports entre la Porte et les Etats Balkaniques, et plusieurs points économiques. La question des 4%, objet de l'entente avec la France et l'Angleterre, restant un peu vague, j'ai cru devoir l'éclaircir. Mr. Cambon n'a pas montré cette dépêche au Foreign Office. Pourtant je me rendis compte bientôt, surtout par Buchanan, que d'une source que je ne connais pas, au Foreign Office, on en savait à peu près autant. Peut-être le produit des sources secrètes ordinaires auxquelles tous puisent à Constantinople.

En ces conditions je me suis dit que de faire des réticences et cacher à Grey ce qu'il saurait, et ce qui lui serait confirmé par la France, nuirait infailliblement au but, celui d'éclaircir le point de vue anglais au sujet des détroits. J'ai pensé que le mieux et le plus sûr était de dire à Grey ce que Tcharykow avait dit à Bompard, en accentuant que ce n'était qu'un début de négociation. Je crois que l'effet sur Grey a été bon.

Tcharykow est tellement meilleur juge que moi du terrain de Constantinople, qu'il m'est difficile de me rendre compte du choix du moment. Cambon et Nicolson penchent vers l'opinion qu'il eût été plus sûr de laisser tomber Saïd et voir qui succéderait. On suppose ici que cela a sauvé Saïd. On en juge d'après son discours un peu mystérieux où il aurait parlé de «document» [1]. Cela peut-être la lettre de Tcharykow [2]. En toute franchise, j'eus préféré un début verbal à une lettre, qui a bien des inconvénients, celui de passer de main en main, trop facilement.

S'il s'agit d'un accord avec la Turquie *pendant* la guerre, Tcharykow a eu, je pense, raison. Mais cette question de neutralité pèse sur le tout, prime tout, et peut, je le crains fort, amener des difficultés insurmontables. C'est de fait une alliance partielle, qui modifie toute la situation de fond en comble. Cela me paraît extrêmement grave, si grave qu'il vaudrait mieux, selon moi, éclaircir dans le sens contraire. Où reprendre le tout à [3] la paix.

[1] См стр. 203, прим. 3.
[2] См. № 602.
[3] Так в оригинале.

C'est en vue, en partie, des difficultés que je prévois de ce côté, que je me suis décidé à temporiser pour les questions chinoises. L'appui des Puissances avant qu'elles ne voient clair, ou peut-être dans la supposition qu'il s'agit d'un arrangement pour après la paix, nous mettrait en posture dont, pour sûr, on nous en voudrait beaucoup, et ne pourrait que retarder les choses considérablement.

Mille remercîments des nouvelles que vous me donnez de Sazonow et mille compliments bien sincères pour vous.

Benckendorff.

Перевод.

Строго лично.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Еще несколько слов о тех скрытых дипломатических соображениях, которые, после многих колебаний, побудили меня воспользоваться вашими инструкциями в степени, которую, надеюсь, вы не найдете чрезмерной.

Немедленно по приезде из Парижа г. Камбон показал мне депешу Бомпара. Он сказал мне, что ему поручено зондировать английское правительство насчет всего вопроса и уведомил меня, что я получу инструкции.

Эта депеша Бомпара, сжатая и без комментариев, но весьма полная, содержит отчет о доверительной беседе, в которой Чарыков сообщил ему те политические пункты, которые он развил перед Саидом-пашой. Сюда входили: формула о проливах, гарантия для проливов, Константинополя и прилегающих территорий, обещание нашего содействия в отношениях между Портой и балканскими государствами и несколько экономических пунктов. Так как вопрос о 4%, являющийся предметом соглашений с Францией и Англией, оставался несколько неопределенным, то я счел долгом разъяснить его. Г. Камбон не показывал этой депеши в Foreign Office. Однако, я вскоре отдал себе отчет, особенно благодаря Бьюкенену, что из неизвестного мне источника Foreign Office имеет почти те же сведения, что и я. Может быть это исходит из тех обычных секретных источников, из которых в Константинополе черпают все.

В этих условиях я сказал себе, что умалчивание и сокрытие от Грея того, что ему будет все равно известно и что ему подтвердит Франция, неизбежно повредит цели, состоящей в выяснении английской точки зрения по вопросу о проливах. Я нашел, что всего лучше и вернее будет сказать Грею то, что Чарыков говорил Бомпару, подчеркнув, что это было лишь началом переговоров. Мне кажется, что у Грея создалось благоприятное впечатление.

Чарыков настолько лучше моего может судить о положении в Константинополе, что мне трудно дать себе отчет о выборе момента. Камбон и Никольсон склоняются к тому мнению, что вернее было бы дать пасть Саиду и посмотреть, кто будет его преемником. Здесь предполагают, что это [предложение Чарыкова] спасло Саида. Это заключение делается на основании его несколько таинственной речи, в которой он будто бы упоминал о «документе». Таковым может быть письмо Чарыкова. Говоря вполне откровенно, я предпочел бы, чтобы переговоры были начаты устно, а не письмом, представляющим много неудобств, в частности слишком легко могущим переходить из рук в руки.

Если дело идет о соглашении с Турцией во время войны, то, думаю, Чарыков был прав. Но этот вопрос нейтралитета тяготеет надо всем, преобладает надо всем, и я очень боюсь, что может привести к непреодолимым затруднениям. Фактически это — частичный союз, совершенно меняющий все положение. Это представляется мне крайне важным, настолько важным, что, по-моему, лучше было бы дать разъяснения в обратном смысле. Или возобновить все это после заключения мира.

Отчасти ввиду затруднений, которые я предвижу с этой стороны, я и решил повременить с китайскими вопросами. Поддержка держав, оказанная прежде, чем дело не станет им ясным или оказанная в предположении, быть может, что дело идет о договоре, подлежащем заключению после заключения мира, поставит нас в положение, за которое нами наверное будут очень недовольны, и это может лишь сильно задержать ход дела.

Тысяча благодарностей за вести о Сазонове и тысячу искренних приветствий вам.

Бенкендорф.

№ 725. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 152. 25/12 октября 1911 г.

Получил телеграмму № 1586 [1].

Здешний австрийский посол сделал французскому правительству такое же сообщение. Де Сельв ответил, что вполне готов присоединиться ко всем шагам пяти держав с целью восстановления мира, но, ввиду настояния Италии на пол-

[1] См № 708.

ной аннексии, не видит в настоящую минуту возможности успеха. Из беседы с турецким послом де Сельв вынес впечатление, что турецкое правительство было бы, может быть, непрочь уступить давлению держав на следующих двух условиях: сохранение религиозного главенства и оказание державами какой-либо крупной коллективной уступки Турции. Де Сельв думает, что под такой уступкой подразумевается отказ от капитуляций. Мнение это высказано Рифаатом совершенно частным образом и с просьбой не упоминать его имени.

Извольский.

№ 726. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 25/12 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Я телеграфировал вам сегодня, что берлинские переговоры близятся к концу, что по главнейшим пунктам уже состоялось окончательное соглашение и что остающиеся разногласия не имеют серьезного значения и будут, вероятно, вскоре устранены [1].

Г. де Сельв ознакомил меня со всеми подробностями этого второго и, надо надеяться, последнего фазиса франко-германского спора о Марокко и Конго. Вы изволите вспомнить, что, согласно первым своим предложениям, французское правительство было готово уступить Германии территорию, доходившую до течения рек Санга, Конго и Убанги. Когда, после заключения переговоров о первой части соглашения, здесь возникла сильная агитация против подобной уступки, разъединявшей Габон с территорией Убанги-Чад, г. де Сельв был поставлен в необходимость внести в сказанные предложения существенные изменения [2]. Это ставило все дело в весьма неблагоприятные условия и предвещало большие трудности и новые проволочки. Нельзя не удивляться искусству, с которым г. Камбон вышел из этого затруднения, ибо, повидимому, именно он является автором остроумной комбинации, благодаря которой, с одной стороны, Германия получает доступ к рекам Конго и Убанги, а, с другой — Франция сохраняет непрерывное сообщение между своими южными и северными африканскими владениями. Но следует также отдать справедливость умеренности и сговорчивости, проявленным на этот раз германским правительством и вполне признаваемым г. де Сельвом. В настоящую минуту еще продолжаются переговоры о северных границах уступаемой Германии территории, а также о размерах той части германской колонии Камерун (так называемый «bec de canard» [3]), которая должна отойти к Франции. Но этот вопрос не может представить серьезных трудностей, и все соглашение будет, вероятно, оформлено и подписано не далее, как через несколько дней.

Г. де Сельв вполне доволен вышеизложенным разрешением дела, и на мой вопрос, можно ли предвидеть какие-либо затруднения со стороны палаты, ответил, что, конечно, кабинет г. Кайо подвергнется по этому поводу со стороны оппозиции жестоким нападкам, но что он вполне уверен в благоприятном исходе предстоящих по настоящему вопросу прений. В ближайшем заседании совета министров будет решен день открытия заседания палат, которые, вероятно, соберутся не позже 7 ноября нового стиля, т. е. одновременно с германским рейхстагом. Здесь действительно господствует убеждение, что конвенция о Марокко и Конго пройдет как в палате депутатов, так и в сенате, но вслед за сим весьма возможно падение нынешнего кабинета по какому-либо вопросу внутренней политики.

Как только состоится окончательное соглашение с Германией, откроются переговоры между Францией и Испанией. По этому поводу г. де Сельв сказал

[1] Содержание тел. Извольского от 25/12 окт. за № 153 bis (опубл. Stieve, I, S. 167, N 146) изложено в публикуемом письме.
[2] См. № 584.
[3] «утиный клюв».

мне, что ему приходится бороться как с общественным мнением, так и с некоторыми из членов кабинета, весьма враждебно настроенными по отношению к Испании; он искренно надеется, что испанское правительство воздержится от всякого нового шага, могущего еще более осложнить положение, как, например, занятия Ифни или Арзила. Главная трудность предстоящего соглашения с Испанией заключается в том, каким образом совместить протекторат Франции над Марокко с особыми правами, которые будут предоставлены Испании в отведенной ей соглашением 1904 г. зоне. Г. де Сельв еще не нашел практического способа разрешить эту задачу и просил меня помочь ему изыскать приемлемую для обеих сторон формулу; с этой целью я намерен обсудить частным образом этот вопрос со здешним испанским послом, весьма сведущим в марокккских делах и искренно стремящимся к мирному соглашению с Францией.

Примите и пр.

Извольский.

№ 727. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 64. 25/12 октября 1911 г.

Получил № 1586 [1].

По сведениям Консульты и великобританского посольства, Эренталь сообщил Аварне, что он предложил в Лондоне и других столицах сделать совместное воздействие с целью прекращения войны на почве безусловного присоединения Триполи к Италии. Грей ответил, что в таком случае придется ограничиться советом в Константинополе, ибо Рим убеждать не приходится. Баррер и я полагаем, что выступление Австрии является скрытым маневром Германии, желающей сложить с себя ответственность перед Портой за нежелательные Турции условия и перенести ее неудовольствие на все державы.

Долгорукий.

№ 728. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 51. 25/12 октября 1911 г.

Ответ на № 1586 [1].

Эренталь очень доволен ответом, полученным от держав Тройственного согласия. Он вполне разделяет мнение вашего превосходительства, что момент воздействия еще не наступил. Он находит крайне желательным, чтобы послы пяти держав в Константинополе находились бы в постоянном общении для определения благоприятного для посредничества момента. Эти державы не должны ни в коем случае рисковать встретить отказ со стороны Порты [2].

Гирс.

№ 729. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 83 [3]. 25/12 октября 1911 г.

Австрийский посланник получил, наконец, предписание к устному заявлению, формула коего значится в вашей телеграмме [19] 6 октября [4]. Но английский посланник еще не получил предписания. Это заявление, уже и так запоздалое,

---

[1] См. № 708.

[2] Публикуемая тел. была передана Нератовым Чарыкову 27/14 окт. за № 1609. Ссылаясь на нее, Нератов в тот же день тел. за № 1611 сообщил Чарыкову о желательности сотрудничества послов пяти держав в Константинополе «для выяснения удобного момента предложения воюющим добрых услуг». «Предварительно, однако, обсуждения положения всеми пятью послами, — указывал Нератов, — желательно согласование точек зрения между вами, Бомпаром и Лоутером».

[3] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 40.

[4] См. № 647.

крайне желательно для Гешова, которого оппозиция громко обвиняет, что его обращение к державам, унизительное для Болгарии, осталось к тому же без всякого действия. Между тем в субботу [1] открывается Народное собрание, и для Гешова крайне важно было бы разбить перед тем оппозиционную интригу. Нам же в настоящую миниту необходимо всячески поддерживать кабинет Гешова. Посему прошу спешно разрешения сделать заявление до субботы, к чему, как я уже выяснил, охотно присоединятся другие три посланника. Я знаю, английское запоздание не вызвано никакими особыми соображениями лондонского кабинета и его представителя. Мои отличные отношения с сим последним служат к тому ручательством, что никакого недоразумения отсюда не выйдет [2].

Неклюдов.

№ 730. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо. 25/12 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Великобританский посланник любезно сообщил мне копию переписки его с шахским правительством по поводу усиления консульских конвоев при великобританских консульствах в Бушире, Ширазе и Исфагани, и я позволяю себе представить при сем эти три документа [3] на усмотрение вашего превосходительства.

Вследствие плачевного состояния южных дорог и продолжительного полного закрытия их для торговли, лондонский кабинет, под давлением английских купцов, запросил сэра Дж. Барклая о способе, которым можно было бы восстановить безопасность на этих дорогах. Мой английский коллега ответил, что все предпринимавшиеся до сих пор персидским правительством меры не дали никаких результатов и что создаваемые ныне, под руководством иностранных офицеров, как общая, так и финансовая жандармерия не могут быть правильно организованы ранее $1^1/_2$ или 2 лет. Вследствие этого сэр Дж. Барклай находил, что в настоящее время обеспечения безопасности торговли на южных дорогах возможно достигнуть лишь посредством конвоирования караванов англо-индийскими войсками на дорогах Бушир—Шираз—Исфагань и Бендер-Абасс—Керман, и что для осуществления подобной меры необходимо усилить консульские конвои на 200 человек в Ширазе и на 100 человек в каждом из помянутых выше 4 городов, и, кроме того, учредить вице-консульство в Баме, с придачей ему конвоя в 200 человек.

Великобританское правительство отнеслось весьма сочувственно к этому проекту и немедленно приступило к соответствующим переговорам с индийским правительством. Тем временем положение дел в Ширазе значительно ухудшилось вследствие вооруженной борьбы между сторонниками бывшего генерал-губернатора Фарса Низам-эс-Солтане и арабскими племенами каввамов, и великобританский консул в этом городе указал на надвигающуюся для жизни и имущества иностранцев опасность и просил о присылке английских войск.

Под влиянием этих известий великобританский посланник ходатайствовал о скорейшем приведении в исполнение его плана и в ответ на это получил прика-

---

[1] 28/15 октября.

[2] В ответной тел. от 26/13 окт. за № 1598 Нератов разрешил Неклюдову сделать Гешову заявление. В тот же день тел. за № 1600 Нератов сообщал Бенкендорфу, что он поручил Неклюдову сделать соответствующее заявление Гешову, не дожидаясь инструкций англ. посланнику, и выразил желание, чтобы последний сделал заявление дополнительно.

Тел. от 31/18 окт. за № 255 Бенкендорф ответил Нератову, что англ. представителю в Софии посланы соответствующие инструкции.

[3] К письму приложены: 1) нота Барклая перс. м-ру ин. дел от 10 окт./27 сент., изложенная в публикуемом документе; 2) ответ перс. м-ра ин. дел от 11 окт./28 сент., в котором было указано, что «по истечении очень короткого времени существующие на Юге беспорядки будут совершенно ликвидированы и что будет установлена полная безопасность». Ввиду этого перс. м-р ин. дел выражал надежду, что Барклай «отсоветует британскому правительству предпринимать задуманные шаги» и 3) нота Барклая перс. м-ру ин. дел от 24/11 окт., содержание которой изложено в публикуемом документе.

зание сделать персидскому правительству сообщение, изложенное в ноте от 10 октября н. ст. В последней говорится лишь об усилении конвоя в Ширазе и о возможности принятия такой же меры в Бушире и Исфагани, но вовсе не упоминается как о конвоировании караванов этими военными силами, так и вообще о вопросе о дорогах.

Наступившее около этого же времени в Ширазе успокоение дало великобританскому правительству повод запросить посланника, не находит ли он желательным отложить усиление конвоя в этом городе. Сэр Дж. Барклай ответил, что если лондонский кабинет совершенно оставил мысль о самостоятельной охране торговли на южных дорогах, то тогда, действительно, положение дел в Ширазе временно не требует принятия со стороны англичан чрезвычайных мер. В противном же случае продолжающееся невозможное состояние дороги Бушир — Шираз — Исфагань требует немедленного усиления консульских конвоев во всех этих трех пунктах.

После колебаний, продолжавшихся около 10 дней, лондонский кабинет поручил, наконец, великобританскому посланнику послать персидскому правительству приложенную при сем в копии ноту от 24 сего октября н. ст. Сообщая об отправке военных сил во все три только-что упомянутых города, великобританское правительство все-таки обещает не пользоваться ими для патрулирования дорог и экспедиций, если персы сами выработают и начнут приводить в исполнение какой-либо практический план для восстановления безопасности и охраны дорог. Оно также обязуется отозвать усиленные конвои после того, как такой план будет осуществлен на деле.

Принимаемая великобританским правительством мера произвела здесь большое и удручающее впечатление. За последние 2 года Англия вообще выказывала по отношению к Персии необыкновенную мягкость, граничащую со слабостью. Не говоря уже о многочисленных случаях ограбления и избиения разбойниками на Юге английских миссионеров, купцов, служащих банка и телеграфистов, по которым великобританское правительство ограничивалось стереотипным и пока платоническим требованием о возмещении убытков, Англия не приняла даже до сих пор никаких мер после истечения срока ее прошлогоднего ультиматума по поводу состояния южных дорог [1]. Ввиду этого понятно, что персы никак не ожидали теперешнего энергичного выступления Англии и до последнего времени надеялись, что их протесты и просьбы побудят ее отказаться от своего намерения.

Мне кажется, что теперешнее решение великобританского правительства принято им довольно неохотно и под давлением нескольких крупных фирм из Манчестера, которые угрожали прекратить свои дела с Персией, если не будут приняты немедленные меры для обеспечения безопасности на южных торговых путях. Притом лондонский кабинет, усиленно избегавший активного вмешательства в Персии и старавшийся побудить самих персов к принятию мер по обеспечению порядка и безопасности в стране, дал им и теперь возможность избежать, при известных условиях, активного выступления усиливаемых ныне консульских конвоев.

Примите и пр. С. Поклевский-Козелл.

№ 731. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 655. 25/12 октября 1911 г.

Продолжение телеграммы № 646 [2].

Получив ответ дипломатического корпуса и убедившись из разговоров с иностранными представителями и банкирами, что попытка отсрочить платежи по

[1] В тел. от 17/4 окт. 1910 г. за № 641 Поклевский сообщал, что Барклай представил перс. прав-ву ноту, в которой указывал на «полное и до сих пор небывалое отсутствие безопасности на южных дорогах» и предупреждал, что англ. прав-во создаст для охраны торговых путей особую дорожную стражу, под командой офицеров индийской армии, если в течение трех месяцев на Юге Персии не будет восстановлен порядок.

[2] См. стр. 205, прим. 1.

вознаграждению за боксерское восстание может повредить его кредиту, китайское правительство пока отказалось от своего намерения [1]. Будут сокращаться текущие расходы вплоть до уплаты жалования некоторым категориям служащих. Переговоры с Юань Ши-каем продолжаются, причем правительство, под влиянием князя Цина, постепенно уступает и идет на поставленные Юанем условия, в силу которых ему должна быть предоставлена неограниченная самостоятельность в деле подавления восстания. Окончательное решение должно последовать в скором времени, так как революционное движение продолжает делать успехи и положение все более осложняется.

Коростовец.

№ 732. Поверенный в делах в Вашингтоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 25/12 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В то время, как такие крупные события, как итало-турецкая война и китайская революция, волнуют и озабочивают европейские кабинеты, американское правительство относится к ним со сравнительным равнодушием.

Когда вспыхнула война на Средиземном море; в газетах заговорили о возможном выступлении президента в роли миротворца, а г. Штраус (бывший посол в Константинополе) возбудил было вопрос о принятии Соединенными Штатами инициативы предложения воюющим сторонам разрешить их спор на гаагском суде. Но мысли эти не встретили никакого сочувствия и остались без всяких последствий: правительство даже не сочло нужным издать прокламацию о нейтралитете Соединенных Штатов.

К китайским событиям, конечно, нельзя было отнестись с таким же равнодушием, и забота об охране безопасности американских граждан в Китае вызвала обращение федерального правительства к императорскому правительству, о котором ваше превосходительство меня поставили в известность секретной телеграммой от 19/6 октября № 1545 [2], а также аналогичные обращения к другим правительствам. Этим шагом, как здесь объясняют в государственном департаменте, отнюдь однако не имелось в виду предложение каких-либо совместных действий в Китае.

Здесь между прочим заняты рассмотрением просьбы китайского правительства о заимообразном предоставлении ему сумм, подлежащих передаче державам в вознаграждение за убытки, причиненные боксерским восстанием 1900 года. Как кажется, федеральное правительство непрочь было бы помочь Китаю в этом деле, но едва ли решится исполнить означенную просьбу (поскольку она касается денег, причитающихся Соединенным Штатам) без особого на то разрешения конгресса, который собирается лишь 4 декабря.

Нужда в деньгах, испытываемая китайским правительством, как мне сказали в государственном департаменте, настолько велика, что слухи, передаваемые газетами об обращении как пекинского правительства, так и генерал-губернатора Манчжурии к японскому банку «Yokohama Specie Bank» за ссудой в не-

---

[1] Письмом от 26/13 окт. за № 1087 Нератов сообщил Коковцову, что кит. поверенный в делах Тан Цзай-фу передал ему просьбу своего прав-ва об отсрочке платежей, на что Нератов затребовал у него перечисления этих платежей в письменной форме. Тан Цзай-фу обещал исполнить это желание, но в тот же день сообщил Нератову на словах, что «пекинский кабинет отказывается от мысли просить об отсрочке каких-либо платежей по боксерскому вознаграждению».

[2] Тел. от 19/6 окт. за № 1545, посланной в Пекин (копии в Берлин, Париж, Лондон, Токио, Вашингтон) Нератов сообщал: «Американский поверенный в делах сообщил мне, что его правительство предполагает предложить американским гражданам в Китае собраться в открытые порты, где они будут под защитой иностранных военных судов. По поручению своего правительства поверенный в делах просил меня высказаться, считаю ли я такую меру желательной и нахожу ли, что державы должны принять дальнейшие меры для охраны иностранных интересов в Китае»

сколько миллионов иен, представляются здесь весьма правдоподобными. Названный банк при этом очевидно сослужит лишь роль посредника в этом деле, как это было при ссужении им не так давно 5 млн. иен Китаю, и бо́льшую часть денег, лишь через его посредство, дадут европейские банки.

К сожалению, мне ничего не удалось узнать о размере этих ссуд.

Примите и пр.

Кн. Н. Кудашев.

№ 733. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

·/. Телеграмма № 1595 [1]. 26/13 октября 1911 г.

Телеграмма № 982 [2] получена.

Мы не пропустим вообще никаких предметов, относящихся к вооружению и снабжению войск, если эти предметы будут куплены не у нас.

Что же касается продажи таковых персам нами, то это вполне будет зависеть от того, будет ли шахское правительство сообразоваться в своей политике с нашими интересами и пожеланиями или нет.

Нератов.

№ 734. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Токио Броневскому.

·/. Телеграмма № 1601. 26/13 октября 1911 г.

По газетным сведениям, в Японии идут приготовления к возможной экспедиции в Китай, и официозный «Japan Times» уже поместил статью, в которой говорится, что если китайское правительство не сумеет восстановить порядок, Япония предпримет самостоятельные меры для охраны своих интересов в Китае.

Отношение Японии к происходящим в Китае событиям и возможность ее вмешательства в оные весьма нас интересует, и мы желали бы иметь от вас по этому поводу возможно достоверные и полные сведения.

Предлогом для объяснений в этом направлении с министром иностранных дел вам может служить полученная нами телеграмма генерального консула в Ханькоу [3], говорящая, что генерал Ли, командующий китайской революционной армией, сообщил местному консульскому корпусу список предметов военной контрабанды, за подвоз которых он намерен конфисковать перевозящие их суда. Консула ответили запиской в третьем лице, что они передают это заявление на усмотрение своих посланников.

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 17/4 окт. за № 947 Поклевский сообщал, что меджлис собирался приступить к обсуждению проекта о покупке в Германии оружия для будущей жандармерии, но что этот вопрос по требованию кабинета был снят с очереди. По сведениям Поклевского, Шустер также представил в меджлис свой проект о покупке оружия. «Я обратил внимание министра иностранных дел, — сообщал Поклевский, — на неуместность подобного образа действий после того, как он сам и первый министр неоднократно выражали мне надежду, что императорское правительство не откажет в будущем вновь снабдить Персию оружием и патронами». Перс. м-р ин. дел, указав на встречаемое им противодействие со стороны Шустера и демократов по вопросам, в которых он старается итти навстречу пожеланиям росс. прав-ва, ответил, что вопрос о покупке в Германии оружия был снят «именно ввиду желания кабинета просить в этом деле содействия России».

Тел. от 19/6 окт. за № 1534 Нератов сообщил Поклевскому: «Если персы купят оружие в Германии, мы откажем в транзите».

Тел. от 24/11 окт. за № 982 Поклевский запрашивал, обозначает ли вышеуказанная тел., «что мы в принципе готовы будем снабдить персов винтовками и патронами, если они нас о том попросят».

[3] Содержание указанной тел. Островерхова (изложенное в публикуемом документе) было передано Нератову Коростовцом в тел. от 25/12 окт. за № 657.

Тел. от того же числа за № 659 Коростовец сообщал, что некоторым консулам, также и английскому, «уже разрешено не уклоняться от неизбежных сношений с революционными властями».

Консула считают однако невозможным уклоняться далее от деловых сношений с генералом Ли ввиду отсутствия на месте правительственных властей.

По этому поводу я телеграфировал Коростовцу [1], что мы не встречаем препятствий, чтобы такие сношения установились, если прочие иностранные представители на это согласятся, но высказал мнение, что об этом пекинский дипломатический корпус должен осведомить вай-ву-бу, разъяснив, что этим не предрешается признание державами революционного правительства.

Благоволите конфиденциально запросить министра иностранных дел, как его правительство относится к объявлению генерала Ли о признании некоторых предметов военной контрабандой и по вопросу о сношениях с революционерами консулов в Ханькоу, присовокупив, что как по этим частным вопросам, так и по общему вопросу о признании или непризнании китайских революционеров воюющей стороной мы желали бы установить общую с японским правительством точку зрения [2].

[Нератов.]

№ 735. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 74. 26/13 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В ответ на письмо вашего превосходительства от [19] 6 октября № 659 [3] я не преминул обратиться во французское министерство иностранных дел, дабы выяснить точку зрения правительства республики на протест Турции против объявленной Италией блокады всего триполийского побережья.

Не получив еще письменного ответа на мой запрос, мне удалось, однако, словесно получить от г. Бапста следующие сведения:

От здешнего турецкого посла получено французским правительством однородное заявление, в коем изъявляется протест против преувеличенного распространения Италией своего права блокады.

В принципе г. Бапст склонен считать возражения Турции заслуживающими внимания и оправдываемыми международными постановлениями, но вопрос представляется настолько сложным, ввиду отдаленности последних к нему прецедентов, что его рассмотрение требует тщательной научной разработки, которая поручена юрисконсульту министерства, г. Луи Рено.

---

[1] Имеется в виду тел. от 26/13 окт. за № 1599, содержание которой изложено в публикуемом документе.

[2] Ответной тел. от 30/17 окт. за № 206 Броневский сообщал, что япон. консулу в Ханькоу предоставлено право в случае необходимости вступать в деловые сношения с ген. Ли, «причем оговорено, что этим отнюдь не предрешается вопрос о признании революционеров воюющей стороной; последнее было бы теперь преждевременно, и пока ни одно правительство этого вопроса еще не возбуждало».

[3] 16/3 окт. турец. пос-во в Петербурге передало Нератову пам. записку за № 27883/155, в которой оттоманское прав-во указывало, что Италия, объявившая блокаду триполитанского побережья, не располагая достаточными силами для осуществления ее на всем побережье, нарушила постановление Парижской декларации 1856 г. об эффективной блокаде. Выражая протест по этому поводу, турец. прав-во обращалось к росс. прав-ву с просьбой «предпринять необходимые шаги в Риме с целью ограничения блокады, согласно международным постановлениям, лишь местностями, в которых находятся достаточные итальянские морские силы».

Препровождая копию этой пам. записки Бенкендорфу и Извольскому при письмах от 19/6 окт. за №№ 658 и 659, Нератов писал: «Не будучи заинтересовано в этом вопросе за отсутствием русского мореплавания в упомянутых водах, императорское правительство имеет в виду согласовать свой ответ на обращение Порты с отношением к данному вопросу Англии и Франции». В заключение Нератов просил Извольского и Бенкендорфа «объясниться по этому предмету с правительством республики и английским правительством».

Тел. от 24/11 окт. за № 247 Бенкендорф ответил, что, по словам Никольсона, «Грей заявит турецкому правительству, что оно должно дать доказательства неэффективности итальянской блокады триполитанских берегов»

Как только последний представит свое заключение по вышепомянутому вопросу, я не премину о таковом поставить вас в известность.

Примите и пр.

Извольский.

№ 736. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 75. 26/13 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

На-днях меня посетил г. Шпицер, один из участников синдиката четырех держав, который сообщил мне некоторые дополнительные сведения, могущие интересовать императорское министерство, по поводу подписания контракта о китайском займе.

Оказывается, что при подписании в Берлине помянутого соглашения статья 16-я была сохранена, хотя она подала повод к некоторым оговоркам со стороны представителей французской группы. Представитель же американской группы, между прочим, высказал, что он считает неудобным, чтобы подписавшиеся самовольно отказались от выговоренного себе преимущества, но что они могли бы в будущем пожертвовать сказанным преимуществом по просьбе, исходящей от самого китайского правительства.

Примите и пр.

Извольский.

P. S. При сем прилагается письмо г. Шпицера на мое имя [1].

Ut in litteris

Извольский.

№ 737. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [2]. 26/13 октября 1911 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Ознакомившись с содержанием письма к вам графа Бенкендорфа от вчерашнего числа [3] (присланного им мне под открытой печатью), позволяю себе высказать по его поводу следующие соображения. Граф Бенкендорф думает, что предположенная вами гарантия status quo в проливах и на прилегающей территории может оказаться несовместимой с нашим нейтралитетом и поставить нас в антагонизм с Италией. Оставляя в стороне чисто юридическую сторону этого аргумента, не имеющего, на мой взгляд, большого значения, мне кажется, что антагонизм с Италией устраняется тем фактом, что итальянское правительство заявило о своем намерении ограничить свои военные операции территорией Триполи [4]. Поэтому, если бы мы дали Турции вышесказанную гарантию, мы могли бы разъяснить Италии, что гарантия эта отнюдь не направлена против нее, а имеет в виду возможные посягательства на Константинополь и проливы со стороны балканских государств.

При свиданиях с де Сельвом я не упускаю случая подготовлять его к возможному выступлению нашему в области китайских дел; вчера я очень подробно и настойчиво говорил ему о желательности выхода французских кредитных учреждений из четверного синдиката. Беда в том, что де Сельв весьма мало осведомлен во внешних делах и всецело поглощен марокским вопросом, переговорами с Германией и поднимающейся парламентской кампанией против него и г. Кайо. Для меня весьма важно знать, подтверждается ли телеграмма Коро-

---

[1] Содержание письма Шпицера от 19/6 октября в основном изложено в публикуемом документе.

[2] Опубл. М., стр. 124.

[3] См. № 723.

[4] См. №№ 476 и 501.

стовца, будто синдикат, с согласия китайского правительства, отказался от 16-й статьи контракта [1]. Здесь об этом ничего неизвестно. Если бы это подтвердилось, это, пожалуй, затруднит успех наших настояний о выходе французских банков из синдиката, ибо они будут иметь право заявлять, что нашему протесту дано полное удовлетворение. Весь секрет упорного нежелания этих банков выйти из синдиката четырех держав и присоединиться к нам заключается в их убеждении, что американцы сильнее нас в Пекине и что они располагают крупными секретными фондами для подкупа китайских министров и сановников, от которых зависит выдача концессий. Впрочем, развивающиеся в Китае события могут совершенно изменить там положение и, во всяком случае, отдаляют практическое осуществление американских планов.

Искренно преданный вам

Извольский.

№ 738. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо [2]. 26/13 октября 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Телеграммой от 13 октября/30 сентября [3] я сообщил вам вкратце о двух беседах, которые я имел с г. де Сельвом о проливах. С тех пор я несколько раз возвращался к этому вопросу и неизменно встречал со стороны французского министра иностранных дел самое сочувственное отношение к нашим пожеланиям; при этом, так как г. де Сельв не высказал мне никаких сомнений ни по существу этого вопроса, ни относительно своевременности его возбуждения, я, со своей стороны, не считал нужным входить в рассмотрение его подробностей. Единственная сторона дела, которая, видимо, его озабочивала — это вероятное отношение к нему Англии. Из его слов я мог заключить, что, хотя между Францией и Англией не существует никакого специального уговора о проливах, он придает большое значение согласованному образу действий между парижским и лондонским кабинетами по этому поводу. Как вам уже известно из моей телеграммы, французскому послу в Лондоне поручено осведомиться о взгляде сэра Э. Грея на настоящий вопрос; вчера г. де Сельв сказал мне, что г. Поль Камбон до сих пор ничего на этот счет не донес и что из его сообщений видно лишь, что графу Бенкендорфу поручено возбудить вышесказанный вопрос перед великобританским правительством.

Примите и пр.

Извольский.

№ 739. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 26/13 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из последовательных телеграмм моих вам известно об отношении французского правительства к вопросу о посредничестве держав между Италией и Турцией [4]. Г. де Сельв точно так же, как и вы, думает, что не следовало бы предоставлять роль благодетельной и успешной посредницы одной Германии; но так как ныне с достаточной определенностью выяснилось, что Италия не допускает другого основания переговоров, кроме полного присоединения Триполи, он предпочитает, чтобы Турция впервые узнала об этом от берлинского кабинета. Вчера г. де Сельв сказал мне, что здешний австро-венгерский посол сделал ему то же сообщение, которое было получено вами от австро-венгерского поверен-

[1] Имеется в виду тел. Коростовца от 10 окт./27 сент. за № 600, содержание которой в основном изложено в публикуемом документе.

[2] Опубл. М., стр. 123.

[3] Повидимому, Извольский имеет в виду тел. от 14/1 окт. за № 141 (см. № 623).

[4] См. №№ 521, 554 и 725.

ного в делах, а именно, что граф Эренталь находит желательным совместное воздействие пяти великих держав в целях прекращения войны и предотвращения дальнейших осложнений [1]. При этом граф Сечен, как бы от себя, прибавил, что базой для посредничества могло бы послужить признание оккупации Триполи с сохранением турецкого сюзеренитета. Г. де Сельв ответил ему, что он, конечно, готов присоединиться ко всякому шагу остальных держав с целью восстановления мира, но что при нынешних условиях он не видит возможности практического успеха подобной попытки.

Тотчас после беседы с графом Сечен г. де Сельв виделся с турецким послом, который совершенно частным образом и оговариваясь, что он не имеет никаких указаний от своего правительства, высказал ему соображения, переданные мной вам вчера по телеграфу [2]. Рифаат-паша думает, что нынешний турецкий кабинет был бы, может быть, непрочь уступить давлению великих держав на следующих условиях: сохранение духовного главенства султана и крупная *коллективная* уступка Турции со стороны сказанных держав. Рифаат-паша не определил точнее своей мысли, но г. де Сельв полагает, что он имеет в виду вопрос о капитуляциях: коллективная, немедленная и, так сказать, торжественная их отмена явилась бы для турецкого правительства таким нравственным успехом, который позволил бы ему согласиться на потерю Триполи. Рифаат-паша просил г. де Сельва не упоминать, что эта мысль исходит от него; но факт, что она формулирована бывшим оттоманским министром иностранных дел, хорошо знакомым с политической обстановкой в Константинополе, несомненно, придает вышесказанной мысли серьезное значение.

Примите и пр. Извольский.

№ 740. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 66. 26/13 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В заседании палаты депутатов от 24/11 октября министр-президент, отвечая, по соглашению с графом Эренталем, на предъявленный различными партиями 12 октября/29 сентября запрос об отношении Двуединой монархии к итальянско-турецкой войне, заявил, что еще до начала военных действий австро-венгерское правительство предпринимало как в Риме, так и в Константинополе соответствующие шаги к предупреждению происходящих ныне событий. Кроме того, барон Гауч выразил сожаление, что Турция не вняла в свое время советам благоразумия, преподанным ей Австро-Венгрией, и своей антиитальянской политикой в Триполи вызвала решительные действия со стороны Италии. Тот факт, что последняя начала войну, не предупредив своей союзницы Австро-Венгрии, является, по мнению венского кабинета, лишь доказательством внимательного отношения Италии к своим союзницам, а также нежелания этой державы допустить чье-либо посредничество до начатия военных действий. Далее министр сказал, что задачей императорского и королевского правительства будет, с одной стороны, стремление к умиротворению воюющих держав, а с другой — сохранение status quo на Балканах и недопущение распространения военных действий на адриатические воды и на территорию Балканского полуострова. В заключение министр прибавил, что, в случае необходимости, меры для охраны австрийских торговых интересов будут своевременно приняты правительством. Тождественное заявление было сделано в тот же день и графом Куном в венгерском парламенте в ответ на запрос депутата графа Аппони.

Официозная печать подчеркивает дружелюбный тон правительственного заявления по отношению к Италии, но однако на Балльплаце господствует менее дружественное настроение.

Примите и пр. Н. Гирс.

[1] См. № 708.
[2] См. № 725.

№ 741. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 94 [1]. 26/13 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к донесению от [18] 5 октября за № 91 [2] имею честь представить вашему превосходительству перечень дальнейших событий в связи с революционным движением на Юге Китая. При этом мне попрежнему приходится ограничиваться лишь отрывочными сведениями, так как, ввиду принимаемых здешним правительством самых строгих мер против распространения известий из южных провинций, представляется невозможным дать общую картину совершающихся событий. Такая строгость правительственной цензуры объясняется прежде всего серьезностью положения на Юге и тем, что до сего времени все оптимистические сведения, печатаемые на столбцах официальных газет, опровергались имевшими в действительности место фактами, сведения о которых рано или поздно доходили до столицы и становились общественным достоянием. Что же касается до телеграфных сношений здешних миссий с консульствами в Ханькоу, то хотя телеграф и функционирует, но телеграммы доставляют с значительным опозданием и часто с пропусками; частные же телеграммы, касающиеся революционного движения, китайским телеграфом не принимаются.

При всей этой неосведомленности в настоящее время можно все-таки установить с полной достоверностью, что пока успех лежит всецело на стороне революционеров. Действительно, начавшееся [17] 4 октября обходное движение революционными войсками позиций генерала Чжан-бяо, стоявшего с оставшимися верными правительственными войсками Хэнаньской провинции, кончилось полной победой революционеров. Войска Чжан-бяо бежали к северу, оставив на месте обоз, среди которого, по некоторым сведениям, находилось 7 пулеметов. Около 400 солдат перешло на сторону революционеров. Интересно отметить, что в этом столкновении со стороны мятежников участвовали главным образом навербованные ими из местных жителей рекруты. Находящиеся под командой адмирала Са суда пытались оказать поддержку правительственным войскам, но стрельба их была крайне несовершенна. Вообще, повидимому, флот Са, состоящий из пяти речных канонерок, особой роли играть не может; во всяком случае он не препятствует свободному передвижению революционных войск с одного берега на другой, и, кроме того, по последним сведениям генерального консула нашего в Ханькоу, флот этот обнаруживает склонность передаться на сторону революционеров.

Часть правительственных войск пыталась итти в обход на Ян-ло, чтобы, перейдя реку несколько ниже Ханькоу, атаковать Учан с тылу. Однако попытка эта не удалась. Войска генерала Ли вновь отбросили их к северу, где самые передовые отряды правительственных войск укрепляются в траншеях, имея с обоих флангов болота. Между тем, пока главная часть правительственных войск собирается под командой военного министра Инчана у Син-ян-чжоу в 220 километрах от Ханькоу, революционное движение продолжает возрастать. На сторону революционеров перешли население и гарнизон в Чанша, Ичане и Кьюкианге. Повидимому, в планы революционеров входит овладеть правым берегом Янцзы-цзяна и вообще провинциями к югу от названной реки, хотя командующему революционной армией генералу Ли Юань-хуну приписывается намерение, будто бы высказанное в разговоре с посетившими его европейцами, двинуться при первой возможности по направлению к столице. Переход городов на сторону мятежников происходит вполне миролюбивым образом. Гарнизон провозглашает себя сторонником нового режима, правительственные власти бегут, а главная часть населения, в душе сочувствуя революционерам, относится спокойно к совершающейся перемене, лишь бы ему была обеспечена возможность продолжать мирное занятие своей торговлей. К сожалению, коррект-

[1] Частично опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. V, стр. 84.
[2] См. № 662.

ный и гуманный (относительно иностранцев) образ действий мятежников омрачился чрезвычайной жестокостью, проявленной ими в отношении манчжур, притом не только чиновников, но и частных лиц. Все опознанные революционерами манчжуры подвергаются безжалостным преследованиям и казни.

Европейское население Ханькоу, ввиду постоянно возникающих в связи с изменившимся положением вещей новых вопросов, принуждено было, за отсутствием каких-либо правительственных органов, установить через своих консулов правильные сношения с революционными властями. Такое невольное установление столь необычного положения вещей оказалось на практике тем более легким, что революционеры, как я упомянул, продолжают вести себя с большой корректностью по отношению к иностранцам. Генералом Ли было назначено специальное лицо для сношения с иностранцами. Само собой разумеется, при всех этих сношениях вопрос о признании временного правительства не возбуждается. В настоящее время в Ханькоу прибыл английский адмирал Уинслое, который принял деятельное участие в делах европейской колонии в Ханькоу. Так, при обсуждении вопроса о военной контрабанде, список каковой был сообщен консульскому корпусу генералом Ли с предупреждением, что суда с такой контрабандой будут подвергаться захвату, английский адмирал высказал мнение, что он не считает себя вправе противиться этому заявлению. Здешний английский посланник, коему, как декану, был передан запрос из Ханькоу, доложил дело на усмотрение дипломатического корпуса, высказав мнение, что хотя юридически суда должны иметь попрежнему право провозить все, что не запрещено трактатами, но практически, ввиду тревожности положения, целесообразнее было бы воздерживаться от провоза того, что входит в понятие военной контрабанды. Мнение это мной было передано нашему генеральному консулу в Ханькоу, как декану консульского корпуса. Точно так же английский посланник высказался за невозможность уклоняться от всяких сношений с революционерами, не предрешая этим вопроса об отношении держав к событиям в Ханькоу, о чем также поставлен в известность статский советник Островерхов. Тот же адмирал настаивает, между прочим, на необходимости в целях обеспечения безопасности концессий, отодвинуть их границу до линии железной дороги и выселить китайское население с этой полосы земли. Предложение это, принятое единогласно на заседании консулов в Ханькоу, передано мною, по инициативе старшины консульского корпуса, на обсуждение здешних представителей.

Что же касается до мер, принимаемых правительством, то пока таковые заключаются в сосредоточении возможно большего количества войск для борьбы с революцией. Войска эти направляются к Синь-ян-фу, находящемуся, как известно, на Пекин-Ханькоуской железной дороге в 220 километрах от Ханькоу. Командированные нашим военным агентом на названную линию офицеры могли убедиться, что на Юг беспрерывно следуют воинские поезда, причем, благодаря почти удвоенному жалованию, солдаты идут довольно охотно. Генерал Инчан со своим штабом проживает у станции Синь-ян-фу. Дорога по всему протяжению усиленно охраняется, причем для охраны моста через Желтую реку откомандирована целая бригада. Ныне выясняется, что против революционеров направлены 4-я и 2-я дивизии целиком и части 1-й и 6-й дивизий, что составляет по приблизительному подсчету нашего военного агента от 15 000 до 21 000 человек при 96—150 орудиях. Пока во главе этих сил стоит генерал Инчан, так как переговоры с Юань Ши-каем до сего времени не привели ни к каким результатам. Юань твердо стоит на своем, т. е. настаивает на предоставлении ему полной и неограниченной власти для усмирения восстания, а следовательно, и подчинения ему Инчана, а не предлагаемое правительством совместительство во власти с последним. Между прочим, все посланные здешними миссиями для наблюдения за действиями правительственных войск офицеры, а равно и корреспонденты различных газет, получившие от вай-ву-бу разрешение проехать на Юг, должны были вернуться в Пекин, так как военные власти не допускают пребывания их на месте и на все просьбы о разрешении отвечают официально

отказом, мотивируя его тем, что в данное время идет речь о подавлении простого бунта, а не о каких-либо военных действиях. Такой ответ был дан вайву-бу на мое обращение о допущении в район военных действий прибывшего сюда на маневры капитана генерального штаба Филиппова и капитана Татаринова.

Имея в своем распоряжении до 20 000 войск, правительство, конечно, сумеет справиться с революционным движением, если бы оно могло вполне рассчитывать на это войско. Таким образом ныне все зависит от того, насколько войска окажутся лойяльными и пойдут против революционеров. Малейшее колебание в этом отношении грозит самыми серьезными последствиями для правительства, вот почему так опасно промедление в назначении Юань Ши-кая, присутствие которого, несомненно, содействовало бы воодушевлению в рядах империалистских войск.

Общее положение вещей осложняется еще тем, что восстание наблюдается, кроме долины Янцзы, и в других пунктах империи. Так, ныне получено известие, что большой город Шэнсийской провинции Си-ань-фу находится в руках революционеров и что волнения возникли также в южной части провинции Ганьсу среди тамошнего мусульманского населения. Все эти события, раздуваемые самыми фантастическими слухами, порождают тревожное настроение во всех частях Китая. Из отдельных городов доходят сведения о царящем там паническом настроении, связанных с ним денежных кризисах. В Тянь-цзине, между прочим, имели место волнения среди учеников высших школ. В Шанхае и Кантоне также идет сильное брожение. Не менее тревожные сведения сообщаются из Нючжуана и Куанченцзы, причем передают, что в последнем пункте власти не решаются, ввиду возбужденного состояния солдат, отправлять войска на Юг. Вообще волнения в южных провинциях, повидимому, до некоторой степени отражаются и в Манчжурии, главным образом вследствие присутствия там переселенцев из Хубэйской и Хунаньской провинций. Замечаемое повсеместное брожение может принять самые серьезные размеры, если правительству не удастся нанести быстрый и решительный удар возникшему на Юге восстанию.

Само собой разумеется, что события в Южном и Центральном Китае отразились и на настроении в столице. Передают, что князь-регент и двор с большим вниманием и беспокойством следят за происходящим и, видимо, начинают понимать серьезность положения и опасность, угрожающую династии. В первые дни по получении известий о взятии Учана здесь царствовала большая тревога: как я уже имел честь доносить, население, напуганное слухами о готовящемся мятеже, бросилось вынимать свои вклады из банков, спеша менять бумажные деньги на серебро. Многие состоятельные люди уехали из Пекина, особенно манчжуры, некоторые же ограничились тем, что отправили в безопасные места, преимущественно в Шанхай, свои семьи. В настоящее время тревога значительно ослабела, и хотя здесь продолжают предвидеть возможность беспорядков и анархии, в случае победы революционеров, но относятся к такой перспективе гораздо спокойнее.

Примите и пр. Коростовец.

№ 742. Министр финансов временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо № 116. 26/13 октября 1911 г.

Секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Письмами от [19]6 и [22]9 сего октября, № 1063 [1] и 1078 [2], ваше превосходи-

[1] Письмом от 19/6 окт. за № 1063 Нератов передал Коковцову, полученные от Коростовца, сведения, что кит. прав-во ввиду тяжелого финансового положения не сможет внести очередного взноса по боксерскому вознаграждению. Далее Нератов сообщил, что нанкинский ген.-губернатор обратился к Русско-азиатскому банку с просьбой о займе.

[2] Письмом от 22/9 окт. за № 1078 Нератов сообщил Коковцову, что манчжурский ген.-губернатор Чжао Эрр-сюнь обратился в харбинское отделение Русско-азиатского банка с просьбой о ссуде в пять миллионов рублей под гарантию таможенных сборов, указывая;

тельство просили меня высказаться по поводу просьб о займах, с которыми обращались к Русско-азиатскому банку как центральное китайское правительство, так и провинциальные власти.

Вследствие сего имею честь уведомить ваше превосходительство о нижеследующем.

Предоставление ссуд как богдоханскому правительству, так и провинциальным китайским властям, за исключением однако манчжурского генерал-губернатора, представлялось бы в настоящее время, по моему мнению, весьма рискованным ввиду тех последствий, которые могли бы сложиться для нас в случае наступления каких-либо чрезвычайных событий, касающихся царствующей в Китае династии. Ввиду сего я полагаю, что Русско-азиатский банк должен по возможности воздерживаться от открытия Китаю каких-либо кредитов, тем более, что, по имеющимся сведениям, и большой синдикат европейских банков отказал пекинскому правительству в реализации займа. Сравнительно крупные размеры последнего делают также маловероятной реализацию его другими конкурирующими банками.

Официально, конечно, представлялось бы наиболее удобным не отказывать китайскому правительству, а по возможности оттягивать сообщение окончательного ответа. При этом было бы желательно, чтобы наш посланник в Пекине продолжал следить за дальнейшим ходом дел на тот случай, если бы по политическим соображениям оказалось необходимым изменить принятое по настоящему вопросу решение.

Что же касается, в частности, манчжурского генерал-губернатора Чжао Эрр-сюня, обратившегося к Русско-азиатскому банку с просьбой о ссуде в 5 млн. рублей под обеспечение таможенными доходами, то, несмотря на вышеприведенные соображения о рискованности в настоящее время займовых операций с Китаем, я полагал бы, что выгоды, получаемые нами в связи с займом, уравновешивают возможность финансовых потерь от операции. Предоставление нам контроля над поступлением таможенных сборов в Манчжурии, в особенности в ее северных провинциях, могло бы в значительной степени упрочить наше положение в Китае, ввиду чего я находил бы желательным использовать представляющуюся возможность усиления нашего влияния.

Согласно сему и принимая во внимание, что при сравнительной незначительности испрашиваемой ссуды вполне возможна конкуренция со стороны какого-нибудь не русского банка, я полагал бы целесообразным, чтобы Русско-азиатский банк удовлетворил просьбу сановника Чжао Эрр-сюня, при условии предоставления ему вполне достаточных гарантий. При этом однако, ввиду соглашения нашего с Японией, выдача ссуды из названного банка могла бы последовать лишь по соответственном сношении с японским правительством.

В отношении обеспеченности займа я признавал бы необходимым, чтобы последний, как это предложено было вашим превосходительством, состоялся не иначе, как по утверждении его центральным богдоханским правительством. Равным образом, согласно с мнением вашим, необходима гарантия займа определенными таможенными доходами с северных провинций Манчжурии, входящих в русскую сферу. При этом, я полагаю существенно важным, чтобы было оговорено назначение указанных доходов исключительно на гарантию причитающихся Русско-азиатскому банку платежей. В случае неисправного поступления последних необходимо, чтобы банк имел право, путем назначения своего представителя

что «деньги эти нужны генерал-губернатору на расходы по посылке на Юг войск, предназначаемых для борьбы с революционерами». Считая, что для Русско-азиатского банка эта операция является рискованной, Нератов все же высказывался за удовлетворение просьбы Чжао Эрр-сюня, так как заем «представляет для нас известные политические выгоды». Высказывая мнение, что заем может быть совершен только с утверждения центрального богдоханского правительства и гарантирован доходами северных провинций Манчжурии, Нератов просил Коковцова узнать отношение правления Русско-азиатского банка к просьбе Чжао Эрр-сюня.

в соответственное управление, контролировать поступление доходов, предоставленных ему в виде гарантии [1].

Для возможно более полной обеспеченности займа, представлялось бы желательным, чтобы окончательные предположения о гарантии такового Китаем предварительно подвергались особому рассмотрению посланником нашим в Пекине [2].

Примите и пр.

В. Коковцов.

№ 743. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 1604 [3]. 27/14 октября 1911 г.

Личная.

Французский поверенный в делах, конфиденциально сообщая мне текст соглашения с Германией по марокккским делам и предупреждая, что такое же соглашение относительно Конго будет подписано в ближайшем времени, осведомился о нашем отношении к этим актам. Я ответил, что мы можем только сочувствовать заключению этих соглашений и заранее даем свое согласие на все, о чем французское правительство договорится с германским по сказанным вопросам.

Принимая во внимание происходящие в Китае события, которые легко могут привести нас к необходимости выступления для упрочения нашего положения в Застенном Китае, не признаете ли вы своевременным в ваших объяснениях с министром иностранных дел ныне же ближе подойти к интересующим нас вопросам, о которых я писал вам [5 октября] 22 сентября за № 990 [4], и по возможности найти окончательную формулу того обязательства, которое мы желали бы получить от Франции согласно нашему проекту [5].

[Нератов.]

№ 744. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 251. 27/14 октября 1911 г.

Reçu N 1586 [6].

Grey a fait à ambassadeur austro-hongrois réponse toute analogue à celle que vous avez faite au chargé d'affaires autrichien. Seulement Grey, ayant compris des paroles de l'ambassadeur autrichien que Aehrenthal pensait à annexion pure et simple de Tripoli par Italie, il a fait remarquer à l'ambassadeur qu'en ce cas il s agissait de pression des cinq Puissances à Constantinople, mais pas de médiation.

Benckendorff.

---

[1] В ответном письме от 28/15 окт. за № 1092 Нератов, соглашаясь с высказанными Коковцовым соображениями, писал: «Не предполагая делать из этого дела секрет от японцев, я полагаю, что предварительное с ними сношение не вызывается условиями нашего соглашения с Японией, так как дело идет о займе, источники гарантий которого находятся в Северной Манчжурии». Вместе с тем Нератов препровождал Коковцову копию тел. Броневского от 26/13 окт. за № 200, в которой сообщалось, что вопрос о займе Чжао Эрр-сюня у «Yokohama Specie Bank» «еще не решен окончательно, и в Пекине рассматривается, какие гарантии займа явятся обеспечивающими и при неблагоприятном для китайского правительства обороте восстания».

[2] Тел. от 27/14 окт. за № 1608 Нератов передал Коростовцу содержание публикуемого письма Коковцова.

[3] Царск. экз. Опубл. М., стр. 125.

[4] См. № 533.

[5] Тел. от 28/15 окт. за № 157 Извольский ответил, что он уже имел ряд «подготовительных разговоров с де Сельвом о манчжурских делах». «Мне кажется однако, — отмечал далее Извольский, — что формула, приложенная к вашему письму № 990, ввиду происходящих в Китае событий, может оказаться недостаточной и что следовало бы добиться от Франции более широкого признания наших прав и интересов в Манчжурии. Примером могло бы послужить франко-итальянское соглашение о Триполи, ныне столь успешно использованное Италией».

[6] См. № 708.

Перевод.

Получил № 1586.

Грей дал австро-венгерскому послу ответ, вполне аналогичный ответу, данному вами австрийскому поверенному в делах. Только Грей, понявший слова австрийского посла в том смысле, что Эренталь думает о простой аннексии Триполи Италией, заметил послу, что в таком случае речь идет о давлении пяти держав в Константинополе, а не о посредничестве.

Бенкендорф.

№ 745. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

./. Телеграмма № 993. 27/14 октября 1911 г.

№ 1.

Получил №№ 1507 [1], 1568 [2], 1569 [3], 1571 [4] и 1572 [5].

Так как вашему превосходительству угодно было поручить мне предъявление персидскому правительству известных требований в связи с делом о конфискации имущества Шоа-эс-Солтане и с тем, чтобы эти требования были бы по возможности согласованы с предыдущим образом действий императорской миссии, то я позволяю себе еще высказать некоторые соображения, которые, мне кажется, остались недоговоренными. Одновременно с ними в министерстве получатся все отправленные по почте миссией и генеральным консульством документы, а здешнему министру иностранных дел я заявил, что все данные относительно происшедшего инцидента мной уже отправлены в С.-Петербург и что я ожидаю в ближайшие дни окончательного решения вашего превосходительства. Хотя персидское правительство и было уверено, что конфискация имущества Шоа не встретит протеста со стороны императорской миссии, все же посылка жандармов в арендованный русско-подданными Доулетабад без предупреждения генерального консульства была неправильной с формальной точки зрения, а наложение печатей на часть принадлежащего арендаторам имущества после данных персидским правительством заверений относительно обеспечения прав русско-подданных являлось очевидным недоразумением, которое могло быть исправлено простым заявлением представителю консульства. Обобщая указанную выше некорректность и распространяя ее на дом Шоа, как это сделано уже и мной, мы только имеем возможность оправдывать действия Похитонова перед персами. Трудно однако не признать, что мы непосредственно уже получили по этому вопросу удовлетворение тем, что насильственно и довольно грубо изгнали жандармов из обоих мест, а потому предъявление новых требований за действия персов [9 октября] 26 сентября едва ли будет справедливым. О посылке же жандармов в дом Шоа [10 октября] 27 сентября я сам предупредил Похитонова, которому тоже были даны от имени персидского правительства затребованные миссией заверения. Инцидент же с персидскими казаками может считаться исчерпанным, как вашему превосходительству угодно будет усмотреть из рапорта полковника [6], тем более, что как ему, так и мне было затем принесено по этому поводу извинение Самсам-эс-Солтане. Вторично жандармы были посланы в Доулетабад чрез два или три дня, и министр иностранных дел заблаговременно известил об этом миссию с просьбой поручить генеральному консульству командировать туда

---

[1] См. стр. 171, прим. 2.
[2] См. № 694.
[3] См. № 695.
[4] См. № 692.
[5] См. № 693.
[6] Повидимому, имеется в виду рапорт полковника Вадбольского от 18/5 окт. за № 320 на имя Поклевского, в котором изложен инцидент с имением Шоа; копия этого рапорта была препровождена Поклевским в м-во ин. дел при письме от 19/6 окт. Содержание письма Поклевского исчерпывается публикуемой тел. и тел. от 27/14 окт. за № 993 (2) (см. № 746). При этом же письме Поклевский препровождал копию рапорта полковника персидской казачьей бригады Аюб-хана, в котором последний, со своей стороны, изложил инцидент с имением Шоа.

своего представителя для выделения имущества русско-подданных. Бестактным и некорректным по отношению к нам была, по моему мнению, лишь посылка в дом Шоа [10 октября] 27 сентября столь многочисленного отряда жандармов, как будто в предвидении какого-то сражения с нашими казаками. Вслед за инцидентом я самым серьезным образом обратил на это обстоятельство внимание персидского правительства и высмеял затем эту попытку «блефа» со стороны Шустера, и я просил бы о разрешении мне именно этим мотивировать наше требование об удалении жандармов из дома и замены их персидскими казаками, если к тому времени само правительство еще этого не сделает. Прошу также указаний, что должно составлять предмет переговоров по существу, так как до сих пор наш банк не получил приказания представить шахскому правительству требования об уплате долга Шоа, да и в самом договоре с принцем уже указывается самый способ его погашения. Что же касается до занятия 20 жандармами павильона против дома чинов генерального консульства, то должен заметить, что павильон этот находится над воротами дома Шоа и составляет обычное караульное помещение. По соображении же всех обстоятельств я позволяю себе отнести к области фантазии жалобу на наведение вышеупомянутыми жандармами винтовок на дом чинов консульства. Из представленных рапортов министерству будет ясно, как трудно составить себе правильное представление об инциденте с направлением жандармами винтовок на подъехавших к дому Шоа драгоманов. Последние сами изменили свое первоначальное показание и в рапорте умалчивают о подробностях этого случая, а бывший с ними офицер казачьей бригады дал другую версию инцидента. Вообще можно сказать, что если бы драгоманы последовали данному накануне миссией приказанию не вмешиваться более в дело Шоа, то ничего бы не вышло. Теперь же дело об их оскорблении сводится к тому, чтобы выяснить, какой жест был сделан караулом, дабы помешать им войти в дом, и этих данных невозможно получить без допроса персов. Министр иностранных дел выражает готовность дать удовлетворение только после совместного расследования, и посылка к Похитонову начальника российского отделения явилась результатом лишь моего личного и самого энергичного давления, так как я считал необходимым, чтобы данные мне министром заверения были повторены непосредственно генеральному консульству, особенно после того, что персидское правительство предъявило требование об его отозвании. Испрашивая по всем поднятым мной выше вопросам указаний вашего превосходительства, я, по получении таковых, не премину предпринять перед персидским правительством соответствующие шаги, объяснюсь с министром иностранных дел в смысле данных мне уже инструкций, а также вернуть ноту с требованием отозвания Похитонова и Петрова, вместе с другой нотой, которую я только получил по тому же вопросу.

Поклевский.

№ 746. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 993. 27/14 октября 1911 г.
Лично.

№ 2.

Получил № 1569 [1].

Оправдывая перед персами образ действий Похитонова, все же нельзя не признать, что принятие столь чрезвычайной меры, как посылка без ведома миссии казаков в дом и имение Шоа, не может быть оправдано обстоятельствами дела и противоречило известным генеральному консулу взглядам миссии. К тому же реагирование против решенной центральным правительством по отношению к имуществу Шоа меры входит исключительно в область компетенции императорской миссии, тем более, что договор принца с банком фиктивен, а потому носит

[1] См. № 695.

исключительно политический характер и известен он был консулу лишь от заинтересованных в этом деле родственников Шоа. По новом обсуждении обстоятельств дела, я прихожу к убеждению, что все изложенные в моей телеграмме № 993 (№ 1) [1] заключения правильны и соответствуют интересам службы, но вообще не в моем характере стараться вредить моим сослуживцам, а потому представляю этот вопрос всецело на решение вашего превосходительства. Во всяком случае для поддержания служебной дисциплины и для предотвращения в будущем опасной игры с военной силой со стороны русского консульства, я нахожу совершенно необходимым: 1) чтобы Похитонову было предписано следовать данным ему миссией [10 октября] 27 прошлого сентября указаниям, копия коих послана в министерство по почте [2]; 2) чтобы генеральному консульству было приказано впредь представлять в миссию копии всех своих телеграфных и иных донесений в министерство иностранных дел. Я уверен, что получение министерством из двух взаимно неосведомленных источников сведений об инциденте крайне затруднило составление им представления о происшедшем. При подобной санкции со стороны министерства возможность дальнейших трений между миссией и консульством будет исключена. При настоящем же положении я предпочел временно воздержаться от личных разговоров по поводу инцидента с составом генерального консульства, а потому и не мог произвести более подробного расследования о поведении Петрова и Гильдебранда. Внутренняя же сторона происшедшего недоразумения объясняется, по моему глубокому убеждению, следующим образом. После постигших Мохамед-Али-шаха неудач, Похитонов, сильно к нему расположенный, пришел к убеждению, что императорскому правительству следует отказаться от политики невмешательства во внутреннюю персидскую борьбу и оказать активную помощь бывшему шаху и его здешним сторонникам [3]. Видя, что миссия, без особых на то указаний министерства, не выходит в этом вопросе из пределов законной защиты исключительно интересов русско-подданных и лиц, действительно находящихся под нашим покровительством, генеральный консул воспользовался делом Шоа для самостоятельных действий, надеясь увлечь за собой миссию и императорское правительство. Получив приказание о прекращении вмешательства в это дело, он ничего не сделал, чтобы предотвратить возможность инцидента с персидскими казаками, а наоборот или он сам или его драгоманы попытались создать крупное недоразумение между бригадой и персидским правительством. Когда же это не удалось, то генеральное консульство пожелало раздуть инцидент драгоманов с жандармами и этим добиться нашего активного вмешательства в дела Шоа. Потерпев и с этой стороны неудачу, генеральное консульство послало в министерство, помимо миссии, донесение о происшедшем, повидимому, с жалобами на посланника и в нескрываемой здесь надежде добиться его замены. В заключение должен добавить, что князь Вадбольский имел по поводу своего рапорта объяснение с драгоманами генерального консульства, после которого он заявил мне следующее: во время описанной полковником беседы с драгоманами [10 октября] 27 сентября, последние чрез каждые несколько слов упоминали имя «Иван Федорович» [4], а потому князю естественно показалось, что обращенная к нему просьба выгнать жандармов из дома Шоа исходила от Похитонова. Ввиду сделанного теперь драгоманами заявления, полковник более не утверждает, что они говорили с ним от имени генерального консула, но он подтверждает общий смысл переданного им разговора и ручается за дословность помеченных им в кавычках выражений. По его мнению, молодые люди «зарвались».

Поклевский.

[1] См. № 745.

[2] При письме от 19/6 окт. (см. стр. 258, прим. 6) Поклевский препроводил копию предписания Похитонову от 10 окт./27 сент. за № 23. Содержание предписания изложено в тел. Поклевского от 13 окт./30 сент. за № 924 (№ 2) (см. № 616).

[3] Тел. от 8 окт./25 сент. за № 35 Похитонов высказывался в том смысле, что «достоинство наше требует поддержать пострадавшего за преданность России Мохамед-Али-шаха и оказать скорейшее открытое покровительство его именитым приверженцам».

[4] Похитонов.

№ 747. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 1621[1]. 28/15 октября 1911 г.

Телеграмма № 988 получена[2].

Предпочитаем выждать еще некоторое время с посылкой исфаганского конвоя; когда это будет признано своевременным, получите инструкции относительно заявления, которое нужно будет сделать персидскому правительству.

Об усилении рештского конвоя пока говорить не следует. Прибытие сотни нужно объяснить пока как смену бывшего там ранее конвоя; по получении вами отправленного в среду письма[3] о гилянских и талышинских делах и по сообщении персам предусмотренного в нем заявления, вы предупредите их, что, ввиду необходимости усилить конвой, прежняя сотня остается в Реште.

Последний абзац телеграммы сообщается Некрасову.

Нератов.

№ 748. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 254[4]. 28/15 октября 1911 г.

J'apprends que Grey a dit au chargé d'affaires japonais que le Cabinet de Londres est d'opinion que tant que étrangers ne sont pas molestés, les Puissances étrangères ne doivent intervenir d'aucune façon en Chine. Gouvernement japonais n'a pas fait ici démarches concernant ses vues sur la situation ou ses intentions. Je pense que c'est sur la base du traité d'alliance et de ce que s'y réfère à intégrité Chine que Grey a pris cette initiative.

Benckendorff.

Перевод.

Узнал, что Грей сказал японскому поверенному в делах, что, по мнению лондонского кабинета, пока иностранцы не подвергаются притеснениям, иностранные державы должны воздерживаться от всякого вмешательства в Китае. Японское правительство не предприняло здесь никаких шагов относительно своей точки зрения на положение вещей или своих намерений. Я думаю, что Грей взял на себя эту инициативу на основе союзного договора и того, что в нем относится к целостности Китая.

Бенкендорф.

№ 749. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 105. 28/15 октября 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Из двух недель, предоставленных себе великим визирем для ответа на мое сообщение от [12 октября] 29 сентября[5] о русско-турецком соглашении, прошла пока одна неделя, и за это короткое время здесь произошли следующие политические явления, относящиеся к вопросу об означенном соглашении.

Ваше превосходительство изволите припомнить, что Саид-паша в своей программной речи [16] 3 сего октября[6] уже сам поставил на очередь вопрос о согла-

---

[1] Лит. копия.

[2] Тел. от 21/8 окт. за № 988 Поклевский, сообщая об окончательном решении англ. прав-ва усилить консульские конвои в Бушире, Ширазе и Исфагани, запрашивал Нератова, следует ли ему сделать заявление «относительно отправляемого нами в Исфагань отряда и мотивировать усиление конвоя в Реште отсутствием твердой власти и неудовлетворительным положением наших дел в Гиляне».

[3] См. № 721.

[4] Опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 66.

[5] См. № 602.

[6] Повидимому, Чарыков имеет в виду речь Саида-паши от 19/6 окт. (см. стр. 203, прим. 3).

шении Турции с той или другой группой великих держав, не высказывая однако своего собственного взгляда на наилучшее решение вопроса этого.

С тех пор последний стал предметом всестороннего открытого обсуждения [1], при коем стал выясняться, именно за последнюю неделю, перевес в сторону держав Тройственного согласия, и в частности, России и Англии, в связи с соглашениями между Турцией и ее балканскими соседями.

Среди обширной газетной полемики на эту тему, обращает на себя особое внимание новейшая статья органа теперешнего парламентского большинства «Танин», прилагаемая в переводе на русский язык с турецкого [2].

Эта статья является ответом еврейско-радикальной газете «Le Jeune Turc», которая высказалась за сближение с Германией по поводу недавней брошюры русского анонима [3] об условиях русско-турецкого сближения.

Автор рассматриваемой статьи, известный Хуссейн Джахид-бей, отмечая, что его газета с давних пор признает русско-турецкую дружбу соответствующей истинным интересам Турции, указывает на следующие основания для означенной дружбы.

Прежде всего автор отделяет вопрос о сближении с Россией от вопроса о теперешней войне с Италией: сближение с Россией должно быть основано на постоянных и коренных интересах и не должно быть поставляемо в зависимость от временных невзгод и комбинаций.

Основная же причина, внушающая туркам и русским желание жить между собой дружно, заключается в том, что миллионами живут в России мусульмане и турки, а в Турции — славяне и православные.

«Мы не можем, — продолжает газета, — преследовать политику захвата и завоевания стран, в которых живут турки и мусульмане потому, что это невозможно. Зато мы можем прекрасно усиливать нравственные связи с нашими русскоподданными единоверцами посредством русской дружбы. В то же время извлекут пользу из этой дружбы живущие в Турции православные и славяне».

Если это рассуждение означает отказ от панисламистской пропаганды в русских пределах, то можно лишь приветствовать вышеизложенное заявление.

Переходя затем к вопросу, какой вред может нанести Турции русская вражда, автор отмечает, что Россия и Англия являются теми державами, которые более всех остальных, даже без объявления войны, могут создавать для Турции внутренние осложнения и изнурять ее. Именно, Англия очень легко может вызвать осложнение в Иемене, Аравии и Месопотамии, а Россия — в Малой Азии, Македонии и в областях, граничащих с Черногорией. «Искренняя русская дружба даст нам возможность пользоваться нравственным влиянием, которое Россия имеет над балканскими государствами. Тогда у нас будет время, устроив административные преобразования в Македонии, покончить с балканским вопросом. Благодаря этому также наша восточно-анатолийская граница будет пользоваться спокойствием».

Это откровенное признание фактической зависимости Турции и на малоазиатской и на балканской ее границах от благорасположения России весьма любопытно и должно, конечно, служить главным побуждением для сближения Турции с Россией.

Далее, рассматривая пользу для России от турецкой дружбы, «Танин» делает следующее, впервые появляющееся в турецкой печати, знаменательное заявление:

«В настоящее время Россия находится в искреннем согласии с Англией. Если таковыми же были бы и ее отношения с Турцией, то этим она окончательно решила бы вопрос о проливах. Возможность для России посылать, в случае

---

[1] См. мое секретное личное письмо от 23/10 сего октября. [Прим. оригинала.] (См. № 704.)

[2] Указанная статья, озаглавленная «Турция и Россия», в основном изложена в публикуемом документе.

[3] Означенная брошюра на французском языке известна, без сомнения, императорскому министерству. Она была прислана на мое имя ее автором А. А. Башмаковым при частном письме от [4 окт.] 21 сент., как бы на заключение, от которого я однако устранился ввиду начавшихся здесь уже переговоров. [Прим. оригинала.]

надобности, и без вреда для нас, свои суда из Черного в Средиземное море, не вредя ничем нам, принесла бы ей большую пользу».

Эта формула так близка к нашей, о которой здесь пока знает только Саид-паша, что невольно приходится приписать великому визирю некоторое участие в появлении рассматриваемой статьи недавнего правительственного официоза.

Во всяком случае, это — первый пример открытого признания турками возможности, без вреда для них, открытия проливов для русских — и для одних лишь русских — военных судов.

Интересно также, что другие органы здешней печати, обсуждая рассматриваемую статью с самых различных точек зрения, не возражают в частности против вышеприведенного заявления, касающегося проливов.

Затем автор упоминает о возможности войны между Россией и Германией и о пользе для России в таком случае «иметь возможность не беспокоиться за свою кавказскую границу и получить уверенность в турецком нейтралитете».

В заключение же статья касается персидских дел и усматривает полную возможность устранить все накопившиеся по этому поводу между Россией и Турцией недоразумения на основании обоюдного признания целости Персии. «Мы признаем, что Россия имеет особые интересы в Северной Персии. Со своей стороны Россия гарантирует нам, что эти особые интересы не примут в будущем форм, несовместимых с независимостью Персии».

Так как «признание целости Персии» подразумевает очищение турками бесспорно персидских приграничных областей, то и эта мысль представляется весьма удовлетворительной и разумной.

Упомяну также о письме сына Мидхада-паши, в коем этот вообще враждебный России деятель высказывается теперь категорически в пользу сближения с Россией [1].

Не преувеличивая значения этих заявлений, я должен однако сказать, что они происходят исключительно по собственному почину их автора, без какого-либо воздействия с нашей стороны.

Поэтому я склоняюсь к мысли, что дело не обходится тут без участия теперешнего турецкого кабинета.

Эту мысль разделяют и в здешних германских политических кругах, где прямо говорят, что все упомянутые статьи написаны с целью шантажировать Германию.

Это вполне возможно в виду тех секретных переговоров, которые, по всем вероятиям, происходят между Константинополем и Берлином.

Но, во-первых, уступит ли Германия этому шантажу, т. е. заставит ли она Италию признать турецкий суверенитет над Триполи?

Французскому послу и мне такое решение берлинского кабинета представляется маловероятным [2].

Во-вторых, шантажируя Германию означенными статьями, турецкое правительство приучает турецкое общественное мнение к мысли о неизбежности и пользе сближения с Россией и тем подготовляет собственными руками, с пользой для нас, почву для предстоящих русско-турецких переговоров.

А большего мы пока не имеем основания ожидать или требовать от великого визиря [3].

Примите и пр.

Н. Чарыков.

[1] Упоминаемые в этой депеше газетные статьи препровождаются вместе с сим в первый департамент, в составе обычного обзора турецкой печати. [Прим. оригинала.]

[2] См. мою телеграмму от [22] 9 сего октября № 651. [Прим. оригинала.] (См. № 698.)

[3] В деп. и тел. за октябрь и ноябрь Чарыков приводил ряд фактов и указаний на проявляющиеся в Турции тенденции к сближению с Россией. Так например, в деп. от 6 ноября/24 окт. за № 114 Чарыков сообщал «об открытом переходе в лагерь здешних русских сторонников нашего ярого врага, автора ежедневных передовых статей в газете «Le Jeune Turc» Ахмета Агаева». «Основным мотивом этого нового настроения, — писал Чарыков, — служит, по моему мнению, все более и более распространяющееся среди турок разочарование в искренности и пользе для них германской дружбы. Бывший морской министр, поставленный во главе депутации в Крым, Махмуд-Мухтар-паша говорил мне в откровенной беседе еще до начала войны с Италией следующее: «На немецком языке есть несколько выражений

№ 750. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 106. 28/15 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Военные действия Италии против Турции, начатые месяц тому назад так стремительно и при совершенной неготовности турок, подвигаются медленнее и менее успешно, чем того ожидало, повидимому, итальянское общественное мнение или, может быть, само итальянское правительство.

Пока на турецкой территории занято лишь несколько прибрежных пунктов — точные данные скрываются итальянской цензурой — именно города Триполи, Бенгази, Хомс и, вероятно, гавани Дерна и Тобрук. При этом дело не обошлось без боя, упорство коего удивило итальянцев и в результате коего турецкие регулярные войска и полевая артиллерия оказались ни уничтоженными, ни взятыми в плен. Напротив, турки отступили в порядке внутрь страны, воспомогаемые туземными арабскими племенами и даже могущественным воинственным мусульманским братством Синусси.

По поводу последнего г. ди Мартино, управлявший здешним итальянским посольством перед войной, говорил мне, что Синусси будут на стороне Италии и добавил доверительно, что он их к этому подготовлял, будучи перед тем дипломатическим агентом в Каире.

Означенный расчет не оправдался: Синусси, по бывшим на Востоке примерам, очевидно, взяли с итальянцев деньги, а пожалуй и оружие, и все-таки остались их врагами.

Между тем солидарность туземцев-мусульман с турками имеет первостепенное значение для всего предпринятого Италией дела.

Во-первых, такая солидарность затруднит до крайности полное завладение итальянцами триполийского «хинтерланда», состоящего исключительно из оазисов, среди скал или песков, без рек и даже речек и с ограниченным количеством питьевой колодезной и родниковой воды.

Мне известно из личного опыта в Средней Азии, что для успеха похода при таких условиях необходимо тщательно сообразовывать количество войска с количеством доступной воды.

При ограниченном же количестве последней итальянские экспедиционные отряды не могут представлять, по сравнению с неприятелем, того подавляющего численного превосходства, которое, являясь главным преимуществом вооруженных сил Италии по сравнению с турками и арабами, могло бы послужить для Италии главной причиной победы.

Напротив, турки и арабы, более выносливые и привыкшие к местным условиям, чем молодые итальянские солдаты, могут довольствоваться меньшим количеством воды, чем последние, и потому могут выставить и содержать в данном оазисе больше воинов, чем итальянцы. Таким образом численное преобладание должно по необходимости оказаться в степном походе не на стороне итальянцев, а на стороне турок и арабов.

Кажется, это уже и случилось, судя по официозному римскому отчету о движении итальянской колонны 24/11 сего октября из города Триполи к горам Гориана, где удалившиеся из Триполи турки остановились верстах в ста от моря.

По сведениям агентства Стефани, арабы в этот день расположились в оазисах, значит в пунктах, снабженных водой, в тылу итальянской колонны и напали на нее сзади, пока турки производили фронтальную атаку. «Однако,— добавляет агентство, — итальянские солдаты не испугались» — замечание, проливающее свет на итальянские воззрения касательно воинской доблести.

для понятия «дружба»: Bekannter, Guter Bekannte, Freund, Herzensfreund, Verbündeter [знакомый, хороший знакомый, друг, близкий друг, союзник]. Наша беда в том, что мы не знаем, к какому из этих разрядов относит нас Германия. Это знает только она одна». В заключение Чарыков указывал, что «эта тактика не поднимает обаяния Германии, которое потерпело вместе с тем значительное умаление вследствие неподдающейся замаскированию уступчивости Германии перед Францией в состоявшемся теперь марокккском соглашении».

Если правда, что турки и арабы затем потребовали сдачи итальянского отряда и возобновили нападение на него, то данный случай является, вероятно, лишь первым примером той существенной помощи, которую братство Синусси и другие мусульмане-туземцы могут оказывать кадру регулярных турецких войск, борющихся с итальянцами.

Мне известно из здешних парламентских оппозиционных источников, что турки, оправившись от неожиданности, начали теперь отправление денег, оружия и добровольцев в Триполитанию через Египет и Тунис, пользуясь относящимися к сему довольно льготными постановлениями V Гаагской конвенции 1907 г., принятой как Турцией, так и Италией. Между прочим, на театр войны уже прибыла делегация из трех видных членов партии «Единение и прогресс».

Во всяком случае решимость турок упорствовать в сопротивлении, высказанная при голосовании доверия Саиду-паше, не только не ослабевает в Турции, но, напротив, усиливается.

Примите и пр. Н. Чарыков.

№ 751. Французский поверенный в делах в Петербурге Панафье французскому министру иностранных дел де Сельву.

·/. Телеграмма № 412 [1]. 29/16 октября 1911 г.

J'ai informé Mr. Nératow de l'arrêt subi par les négociations franco-allemandes et de l'incident qui l'a motivé. Il s'est montré très impressionné et, après avoir envisagé la question sous tous ses aspects, il était d'avis que deux points peuvent être considérés comme certains: premièrement, le gouvernement allemand n'avait pas en vue la rupture des négociations et il ne la veut pas. Probablement, la situation pouvant devenir sérieuse à la suite de cette rupture, il aura déjà pris des mesures d'ordre militaire. Deuxièmement, Kiderlen ayant insisté par deux fois sur ses exigences, il nous sera très difficile de les rejeter, de peur de tout compromettre. A ce sujet Mr. Nératow se demande si le gouvernement français ne pourrait pas donner une certaine satisfaction à Kiderlen par une déclaration secrète, indépendante de la signature de l'accord. Cette déclaration, qui ne nous engagerait pas beaucoup, porterait que dans le cas où le status quo du... serait l'objet de quelques modifications, le gouvernement français ne se refuserait pas à examiner la question.

Перевод.

Я уведомил г. Нератова о приостановке франко-германских переговоров и об инциденте, вызвавшем ее. Это сообщение произвело на него сильное впечатление и, рассмотрев вопрос со всех точек зрения, он пришел к заключению, что два пункта могут считаться не подлежащими сомнению: во-первых, что германское правительство не имело в виду разрыва переговоров и не желает этого. Возможно, поскольку положение может стать серьезным в результате этого разрыва, что оно [германское правительство] уже приняло меры военного характера. Во-вторых, что поскольку Кидерлен дважды настаивал на своих требованиях, нам будет трудно их отклонить из боязни все погубить. По этому поводу г. Нератов задается вопросом, не может ли французское правительство дать Кидерлену некоторое удовлетворение путем секретного заявления, независимого от подписания соглашения. В этом заявлении, которое не налагало бы на нас больших обязательств, значилось бы, что в случае, если status quo... стал бы предметом каких-либо изменений, французское правительство не отказалось бы рассмотреть вопрос.

№ 752. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Софии Неклюдову.

·/. Телеграмма № 1632 [2]. 30/17 октября 1911 г.

Телеграммы №№ 80, 81 и 82 получены [3].

Предварительно дачи заключения по существу желал бы знать те замечания Гешова на ваш текст, о возможности коих вы упоминаете. Лично полагаю, что

[1] Расшифрована в росс. м-ве ин. дел.
[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 40.
[3] См. №№ 716, 717 и 718.

было бы лучше нам не выступать с определенными пунктуациями, предоставив формулировку исключительно самим договаривающимся. В частности, и ввиду желаемой возможности привлечения и Турции и других, полагал бы в вашем пункте 2-м вместо слов: «dans les provinces turques limitrophes»[1] выразиться общée: «sur les frontières»[2]. Относительно 3-го пункта опасаюсь, что определение «жизненных интересов» легко подаст обеим сторонам повод к вредным для дела разногласиям.

[Нератов.]

№ 753. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 70. 30/17 октября 1911 г.

Ссылаюсь на № 1586[3].

По имеющимся в Консульте сведениям, полученным чрез Софию,— вероятно из Константинополя,— Германия отказалась от участия в совместном выступлении держав в целях прекращения войны, находя, что таковое преждевременно. В противоположность этому, Аварна телеграфирует, что Эренталь сказал ему, будто бы Германия была одной из первых держав, присоединившихся к его предложению. Касаясь давления, которое Германия могла бы оказать на Порту, Боллати сказал мне, что, продолжая быть значительным, ее влияние несколько ослабло за последние дни.

Долгорукий.

№ 754. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 71. 30/17 октября 1911 г.
Весьма доверительно.

Ссылаюсь на №№ 63[4], 65[5] и 70[6]. Узнал из не внушающего сомнения источника, что Италия, намереваясь нанести удар Турции, перенесет действия в Красное море. Это дало бы ей возможность не нарушать нейтралитет Эгейского моря. Здесь надеются таким путем вынудить Великобританию, торговые интересы коей были бы особенно затронуты, оказать давление на Порту. Вероятность такого сведения подтверждается медлительностью ответа Консульты на предложения, сделанные Саид-пашой Чарыкову, а также указаниями, что для этих целей Порта могла бы пользоваться Хеджасской железной дорогой, в сущности негодной для перевозки войск.

Долгорукий.

№ 755. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Депеша № 38[7]. 30/17 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Только в субботу, [28] 15 октября, было сделано г. Гешову представителями России, Франции, Германии и Австрии то словесное сообщение, которое служило предметом обмена мнений и многочисленных телеграмм, и имело целью успокоить Болгарию относительно намерений Порты. Сделано было это сообщение точно по формуле, преподанной в телеграмме вашего превосходительства от [19] 6 октября за № 1526[8].

В сущности, ни в каких успокоительных заверениях не было нужды: все уже давно успокоилось, и между Софией и Константинополем установились вновь

[1] «в пограничных турецких провинциях».
[2] «на границах».
[3] См. № 708.
[4] См. № 683.
[5] См. стр. 221, прим. 1.
[6] См. № 753.
[7] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 40.
[8] См. № 647.

самые дружелюбные отношения (до первого недоразумения, понятно). Но г. Гешов все-таки дорожил сообщением, так как и при дворе и в оппозиционной печати его критиковали за обращение к державам, и оставление державами этого обращения без всякого ответа, понятно, подорвало бы престиж Гешова.

Вот почему я настаивал на необходимости сообщения и перед вашим превосходительством, и перед моим британским коллегой.

Сэр Генри Бакс Айронсайд был с самого начала против сообщения; он видел в обращении Гешова к державам совершенно ненужный шаг, навязанный ему французским посланником (с чем я лично не могу до некоторой степени не согласиться). Кстати у сэра Генри с г. Палеологом — личные нелады, и это, конечно, усугубляло их разногласие. Но когда австрийский посланник получил, наконец, приказание присоединиться к нашему общему шагу, и я обратился к сэру Генри, не получавшему никаких указаний из Лондона, с просьбой вызвать таковые, то британский посланник сдался весьма охотно на мои доводы и протелеграфировал в Лондон *срочно*, прося дозволения присоединиться к нашему шагу, дабы помочь тем Гешову и вывести его из фальшивого положения. К сожалению, на эту срочную телеграмму целых два дня не приходило никакого ответа, вследствие чего я, сговорившись с сэром Генри, решил сделать г. Гешову ожидаемое им сообщение в субботу; в тот же день сделали то же сообщение и остальные три посланника.

Примите и пр. Неклюдов.

№ 756. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 39 [1]. 30/17 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Триполийские события отозвались здесь в начале тем кризисом, который улажен был довольно легко, благодаря благоразумию г. Гешова и нового турецкого министра иностранных дел Ассим-бея. С тех пор он служил скорее сближению болгар с турками. Отнюдь не надо однако основывать на этом преувеличенных надежд. Со стороны болгар,— людей реальной политики и подбирателей выгоды всюду, где таковая представляется,— сближение с турками обозначает желание немедленно что-нибудь у них выговорить. В настоящую минуту они хотят выговорить: 1) постройку линии Кюстендиль—Куманово, 2) возможно более выгодный для Болгарии торговый договор и 3) облегчения для болгарской школьной пропаганды в Македонии. Если турки не сделают болгарам существенных уступок по этим вопросам, то болгарское дружелюбие превратится в недоверие и враждебность.

Но кроме того, и другие причины могут нарушить добрососедские отношения между болгарами и турками: усиленные албанские грабежи и убийства в Македонии, вооружения турок невдалеке от болгарских границ и т. п. могут каждую минуту вызвать новый кризис в болгаро-турецких отношениях.

И в этом смысле безнадежно затягивающиеся военные действия в Триполи представляют, конечно, лишнюю опасность для Порты и лишнее искушение для болгар.

Примите и пр. Неклюдов.

№ 757. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 30/17 октября 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Переговоры о заключении сербо-болгарского соглашения идут своим чередом, будучи одобрены, как я имел честь известить вас телеграммой моей от [24] 11 октября, № 80 [2], королем Фердинандом.

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 41.
[2] См. № 716.

На этих днях меня посетил дважды сербский посланник Спалайкович и сообщил мне о своих разговорах с Гешовым. Последний выразил желание, чтобы переговоры были сосредоточены в Софии, и г. Спалайкович не усматривает причин к отклонению этого предложения со стороны г. Миловановича.

Г. Гешов подтвердил мне вышесказанное, поверив мне доверительно, что он боится в Белграде неосторожностей со стороны участников переговоров и в особенности чрезвычайно разветвленного в Сербии австрийского шпионства. И в самом деле, из долголетнего моего пребывания в Белграде я сам вынес впечатление, что там особенно изобилуют так называемые «agents provocateurs», т. е. люди, которые, под личиной самого пламенного славизма и показной ненависти к Австрии, служат осведомителями австрийцев; и к сожалению, эти люди весьма часто пользуются доверием истинных сербских патриотов и русских кругов. В Софии правительственные сферы гораздо осторожнее; к тому же *недоверие* представляет собой одну из основных черт болгарского характера.

Г. Спалайкович сегодня выехал в Белград, дабы получить инструкции г. Миловановича и привезти сюда сербские предложения. Сербский посланник спрашивал меня перед отъездом, каким образом у нас понимают условия сербо-болгарского союза. Я ответил ему, что не имею еще на этот счет никаких иных указаний, кроме того, что мы желаем непременно видеть в этом союзе «консервативный блок, охраняющий на Балканах status quo от всяких чуждых покушений и строго воздерживающийся от самовольного выступления». «Вы совершенно правы,— заметил мой собеседник,— и разумеется, первым условием сербо-болгарского союза должно быть, что союзники не выступают активно без согласия России — nous considérons par contre la Russie comme le dépositaire et le garant de l'alliance» [1]. Эту последнюю фразу г. Спалайкович повторил дважды в течение нашего разговора.

Г. Гешов, как я имел честь донести вашему превосходительству в вышеупомянутой телеграмме моей № 80, сообщил мне доверительно текст главных оснований соглашения, который записан им был со слов г. Миловановича во время их ночного свидания в вагоне между Белградом и Нишем. Третий пункт этих оснований предвидит как будто бы и наступательные действия союзников, что находится в противоречии с вышеприведенными заявлениями г. Спалайковича. Но я полагаю, что это можно объяснить недоразумением и обстановкой переговоров, происходивших между г. Миловановичем и Гешовым: или г. Милованович забыл оговорить эту статью условием согласия России, или г. Гешов пропустил эту оговорку. Во всяком случае с болгарской стороны вовсе не желают придавать сербо-болгарскому соглашению характера наступательного против Турции. После недавнего переполоха здесь снова установилось течение, вполне благоприятное мирным с Портой объяснениям, и г. Гешов является наиболее убежденным сторонником этой миролюбивой и выжидательной политики. Понятно,— до нового переполоха.

В разговорах с Гешовым меня особенно приятно поразил тот факт, что болгарский министр иностранных дел, вопреки моим ожиданиям, не говорил мне, как то делали гг. Тодоров и Станчов, о желательности обеспечения союзников со стороны России. Я вполне разделяю мнение, выраженное Н. Г. Гартвигом в его телеграмме от [5 октября] 22 сентября № 147 [2], а именно, что ни Сербия, ни Болгария не имеют права обусловливать своего согласия какими бы то ни было предварительными обязательствами со стороны России. Но, с другой стороны, то благосклонное участие, которое до сих пор проявляли мы ко всяким проектам сербо-болгарского соглашения и которое, между прочим, сказывается в примирении нами обеих сторон насчет распределения сферы их влияния в Македонии,— это участие все-таки до известной степени обязывает нас по отношению к союзу и оправдывает в некоторой мере фразу Спалайковича: «La Russie doit être le dépositaire et le garant de cette alliance» [3].

[1] «мы, напротив, считаем Россию хранителем и гарантом союза».
[2] Тел. Гартвига за № 147 датирована 6 окт./23 сент. (см. № 545).
[3] «Россия должна быть хранителем и гарантом этого союза».

На мой взгляд нам нечего и отказываться от бесспорно принадлежащих нам участия в этом союзе и его *водительства*. Между Сербией, Болгарией и нами должнс быть точно и ясно установлено: во-первых, что *вызывательная* политика Болгарии по отношению к Турции и Сербии, по отношению к Австро-Венгрии нами положительно не допускается; во-вторых, что мы видим главную цель союза отнюдь не в видоизменении карты Европейской Турции, а в охранении ее территориального status quo от чуждых покушений и от внутренних искушений; в противовес же этим строгим ограничениям, Россия может поощрить обе стороны к единению обещанием своим всячески помогать той их работе и тем мероприятиям, которые направлены будут к обеспечению за сербской и болгарской народностями, входящими в состав турецкой империи, целости, сохранности и возможного расширения административной автономии.

Я полагаю, что вышеизложенные условия могут быть оформлены следующим образом: соглашение должно будет быть сообщено обеими сторонами России, и в таком случае с нашей стороны последует ответная нота, заключающая в себе все то, чего ожидает Россия от союза Сербии и Болгарии, и что он может дать этому союзу.

Таково настоящее положение сербо-болгарских переговоров. Считаю своим долгом настаивать на том, что почин им был положен именно со стороны находящегося ныне у власти болгарского правительства, а не какими-либо посторонними лицами или случайными влияниями; и что если бы эти переговоры должны были все-таки в конце концов потерпеть неудачу, то эта неудача обозначала бы, между прочим, непрочность положения кабинета Гешова — Данева. Напротив, удача их поддержит этот кабинет, свяжет с ним короля Фердинанда, отрежет последнему путь отступления и компромиссов с Австрией и обеспечит до известной степени мир на Ближнем Востоке, исключив со стороны болгар, по крайней мере, политику приключений и крутых перемен фронта. В этом отношении сербо-болгарское соглашение нам настолько же важно и приятно, как и по самому своему существу.

Примите и пр. Неклюдов.

№ 758. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Ч. Письмо. 30/17 октября 1911 г.

Совершенно доверительно.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

В сегодняшней экспедиции моей я возвращаюсь к вопросу о болгаро-сербском соглашении. Со времени моего последнего письма, написанного из Парижа [1], я имею причины гораздо менее опасаться, как бы подобное соглашение не послужило для сербов и болгар поощрением к ускорению событий и к политике задора. В особенности успокаивает меня то, что, вопреки моим ожиданиям, болгары до сих пор не ищут обусловить соединение свое с сербами заключением с нами особого и формального соглашения, которое обеспечило бы их со стороны Румынии. Я излагаю мои впечатления и указываю на те способы, посредством коих, по моему мнению, можно было бы еще более обеспечить за сербо-болгарским союзом характер мирный и охранительный.

Раз вопрос поставлен для меня таким образом, то я мог бы в сущности со спокойной совестью работать над осуществлением этого примирения сербов с болгарами, коего так давно добивалась наша дипломатия и которое являлось одной из главнейших целей деятельности нашего представительства в Софии. Я мог бы только радоваться намечаемому сближению между болгарами и греками, казавшемуся столь недавно еще совершенно неосуществимым, и употребить в этом направлении все мои усилия.

Но, к сожалению, общее политическое положение до такой степени переменилось и осложнилось за последние месяцы, что каждый из представителей Рос-

[1] См. № 598.

сии на постах ответственных. исполняя даже издавна намеченную и предписанную его стараниям программу, не может быть совершенно спокоен, и обязан постоянно оглядываться к руководящему центру, который один только может определить, остались ли в силе все прежние планы и не существует ли опасности в их преждевременном исполнении.

Начиная с осени 1908 г., у нас принято видеть главную угрозу замешательств на Ближнем Востоке со стороны Австрии. Мы имеем некоторые основания предполагать, что в Вене и Будапеште восторжествовали окончательно течения, толкающие Двуединую монархию на юг в Старую Сербию, Македонию и Салоники, и что при первом же удобном случае австрийские войска займут не только Новобазарский санджак, но и Сербию, так как для проникновения до Салоник Австрии необходима на севере база гораздо более обширная, нежели та узкая и пересеченная местность, которая лежит между Черногорией и Сербией. Многие у нас при этом боялись, и до сих пор еще боятся, пособничества подобным планам со стороны Болгарии и в особенности со стороны короля Фердинанда.

Считаю долгом высказать еще раз, что я не принимаю безусловно на веру этих опасений. Пока в Берлине дорожат, как дорожили до сих пор, влиянием германской политики в Константинополе и материальной силой Турции и верят в возможность поддержания турецкого status quo, Австрия никогда не получит дозволения своей союзницы приступить к разделу Балканского полуострова. Со своей стороны, ни Болгария, ни царь Фердинанд отнюдь не желали и никогда не будут желать непосредственного соприкосновения своих границ с границами Австро-Венгрии; за это я вам могу поручиться; а кроме того, Болгария ни за какие иные вознаграждения не согласится отказаться окончательно от западной Македонии и от Солуни. Для того, чтобы Австрия получила дозволение и возможность двинуться на юг от Боснии, необходимы такие решающие замешательства в турецкой империи, которые привели бы саму Германию к убеждению в неотложности развязки и в необходимости закрепить за Австрией то, что в противном случае досталось бы сербам, болгарам и грекам; кроме того, двинувшись решительно по направлению к Салоникам, Австрия встретила бы ожесточенное сопротивление со стороны Болгарии, Черногории, Сербии и македонских мусульман; и при этом Румыния едва ли имела бы причины выступить союзницей Вены и Будапешта.

Подобная борьба потребовала бы напряжения, по крайней мере, половины всех военных сил Двуединой монархии, что оставило бы границы ее почти беззащитными против России с одной стороны, Италии — с другой. При подобных условиях Австрия не может считать движения на юг предприятием легким и даже желательным. Она решится на него только в случае нужды, т. е. если развал в Константинополе побудит болгар двинуться, с надеждой на успех, в Македонию и Фракию.

В сущности настоящее положение Австро-Венгрии по отношению к Балканскому полуострову настолько невыгодно, что нам не только нечего чрезмерно опасаться, но что для нас могло бы даже явиться искушение ускорить окончательный конфликт на Балканах, если бы только мы могли заручиться искренним содействием Италии.

Но слишком запечатлелось в моей памяти напутствие, которое я имел счастие получить в Царском Селе, чтобы я дозволил себе увлекаться подобными перспективами. Быв свидетелем того поразительного подъема материальных сил, коим ознаменовались для нас последние четыре (всего лишь *четыре*) года внешнего и внутреннего мира, будучи уверен, что каждый лишний год спокойного государственного существования даст нам такое приращение сил, которое неизбежно учтено будет и в политике внешней, я в общих своих соображениях и в особенности в моей непосредственной деятельности руководствуюсь прежде всего стремлением обеспечить наши существенные интересы в настоящем и будущем, *помимо* той страшной и роковой лотереи, которая зовется войной.

Война на Ближнем Востоке ныне весьма и весьма возможна, к ней нужно

непременно быть готовыми; но она все-таки не безусловно необходима, и ее можно и должно отдалить.

Союз между Болгарией и Сербией, являясь действительным и сильным оружием нашим на случай войны, может однако не представляться лишней угрозой для мира, если только мы обставим это соглашение надлежащими с нашей стороны условиями. Когда мы заключали союз с французской республикой, девять десятых французов видели в этом союзе залог близкого «реванша». Прошло более 15 лет, о «реванше» нет более и речи; а союз все-таки крепок и принес значительные выгоды обеим сторонам. Так должно быть и в том союзе, где соединенные под нашей эгидой Сербия и Болгария явятся одной стороной, покровительствующая им Россия — другой.

Но если мы можем и должны удержать Сербию и Болгарию от преждевременной активной политики по отношению к Турции, то можем ли мы удержать их в том случае, если в Оттоманской империи наступит развал и разложение? Отвечу вполне откровенно: нет, не можем.

Отсюда следует, что если *и пока* мы дорожим миром на Ближнем Востоке, нашей первой целью должно явиться поддержание и упорядочение Оттоманской империи в Европе. Самым лучшим к тому средством явилось бы, конечно, возобновление работы, разрушенной революцией младотурок,— работы введения широкой административной автономии во все европейские вилайеты Турции, кроме, конечно, Адрианопольского,— этого Hinterland'а проливов. Эта работа встретила бы самое живое сочувствие со стороны болгар, и успех ее надолго бы их успокоил. Но для осуществления подобных планов нам, по всему вероятию, необходимо было бы вступить снова в разговоры с Австро-Венгрией и издействовать такие реформы, которые обезопасили бы *сербскую* народность в Турции от албанского и иного засилья. Это было бы самой трудной, но и безусловно необходимой частью наших переговоров и стараний.

Принимая под свое покровительство союз сербов с болгарами (а быть может, и с греками), мы бесспорно становимся по отношению и к Турции, и, в особенности, к Австро-Венгрии в определенную *боевую* позицию. Если мы желаем, чтобы эта позиция оставалась до времени чисто *оборонительной*, то мы, с одной стороны, не должны дозволить нашему авангарду делать движений наступательных, а с другой стороны, не должны допускать и движений врага в обход того же авангарда. В этом должна заключаться и дисциплина союзных с нами сил, и тактика нашей дипломатической кампании.

Примите и пр.

А. Неклюдов.

№ 759. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 109. 30/17 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Императорский генеральный консул в Багдаде в телеграмме от 28/15 сего октября [1], при сем в копии прилагаемой, сообщает, что под давлением неджефского каймакама муджтехиды опубликовали в местных газетах и выпустили отдельным изданием фетву, в коей, указывая на разрушение итальянцами домов в мусульманской стране, избиение жен и детей и предостерегая против опасности замены каабы крестом и минарета колокольней, призывают всех мусульман к борьбе с неверными. Фетва подписана всеми, за исключением Кязима Иезди и Абдуллы Нахичевани.

Коллежский советник Орлов добавляет, что, по его убеждению, дальнейшее пребывание каймакама, инспектора комитета «Единение и прогресс» в Неджефе, грозит серьезной опасностью для общественного порядка в Ираке.

Считаю долгом отметить это вызванное итало-турецкой войной проявление мусульманского религиозного возбуждения на почве панисламизма, даже в отда-

---

[1] Содержание тел. Орлова от 28/15 окт. изложено в публикуемом документе.

леннейшей от Триполиса окраине турецкой империи, как одно из серьезных последствий итальянского нападения на Турцию.

Как ни опасна для общественного порядка указанная генеральным консулом деятельность турецких властей, она, к сожалению, соответствует неоспоримому праву государства, находящегося в войне, вредить противнику всеми ему доступными материальными и духовными средствами.

Вред этот для итальянцев значителен, судя уже по тому, что ныне арабы, искони не расположенные к туркам, сражаются за них и вместе с ними против итальянцев, забыв свои взаимные счеты и объединившись под знаменем ислама.

Не подлежит сомнению, что чем дальше затянется итало-турецкая война,— а быстрое завладение итальянскими войсками всей территории Триполийского вилайета оказывается неосуществимым,— тем далее будет шириться волна религиозного противухристианского возбуждения мусульман, охватывая не только кочевников в глубине Сахары, но и оседлое мусульманское население в Тунисе, Алжире и Египте [1].

Более того, в Англо-Индии война уже вызвала брожение среди 65 млн. мусульман, живущих там, и было бы вполне естественно, если, при существующих легких способах сообщения и международного общения, рассматриваемая панисламистская война коснется и мусульман, обитающих в пределах Российской империи.

Таким образом решение итальянского правительства обеспечить силой свои специальные интересы в Триполи создаст непредвиденное, но серьезное политическое и административное затруднение для государств, имеющих мусульманских подданных, и в особенности для Англии, Франции и России.

Обстоятельство это, подтверждая солидарность интересов названных государств по отношению к итало-турецкой войне, может побудить их приступить в свое время к обсуждению сообща вопроса о том, насколько чрезмерное продолжение войны соответствует их интересам.

Если же оказалось бы, что восстановлению мира препятствует преувеличенное самолюбие и эгоистичный расчет теперешнего итальянского правительства, то названные державы окажутся, может быть, вынужденными произвести давление уже не на Турцию, а на Италию и дать понять римскому кабинету желательность ограничиться по отношению к Триполису таким обеспечением упомянутых выше специальных интересов, осуществление которого не наносило бы вреда насущным интересам тех держав, благожелательный нейтралитет коих дал возможность Италии приступить ныне к оккупации Триполиса.

Здешний великобританский посол уже давно говорит мне, что державам придется действовать для ускорения заключения мира не в Константинополе, а в Риме.

Французский посол менее категоричен. Однако и он полагает, что поддержка арабами турок, не входившая в расчет итальянцев, должна бы побудить последних умерить свои домогательства, приблизительно до пределов итальянского ультиматума, который требовал оккупации Триполиса, не касаясь суверенитета султана.

Примите и пр. Н. Чарыков.

№ 760. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 30/17 октября 1911 г.

Доверительно. Личное.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Очень отрадно, важно и своевременно состоявшееся теперь образование здесь блока представителей держав Тройственного согласия. Благодаря нашему постоянному общению и взаимодействию и нашей искренней солидарности увеличивается и осведомленность наша, и средства, и сила воздействия на турецкое

[1] См. мою депешу от 28/15 октября за № 106. [Прим. оригинала.] (См. № 750.)

правительство каждого из нас и всех вместе. Когда же дело дойдет до предположенного Эренталем действия пяти послов для облегчения итало-турецкого мира [1], то представители России, Англии и Франции составят в этой группе сплоченное большинство, на пользу не только общим интересам мира, но специальным и взаимным русским, английским и французским интересам.

Пока польза от нашего блока проявилась в следующей интересной форме.

Лоутер в обстоятельной и откровенной беседе со мной 23/10 сего октября по поводу теперешнего искания Турцией союзов и гарантий спросил, не без скептицизма, что же собственно могла бы гарантировать туркам Англия.

Я ответил, что гарантия Англии могла бы коснуться, очевидно, главным образом того элемента, на котором Англия преобладает, именно, моря и морских границ Турции. Я добавил, что в этом отношении в новейшей схеме международных соглашений, касающихся морских границ Европы, имеется любопытный географический пробел: status quo на побережьях Северного моря обеспечен известным договором Англии, Германии, Франции, Дании, Голландии и Бельгии [2],— на благо слабейших участников этого соглашения; мир на Балтийских берегах охраняется декларацией 23/10 апреля 1908 г., подписанной представителями России, Германии, Дании и Швеции; наконец, равновесие на берегах западной половины Средиземного моря охраняется особым соглашением между Францией, Англией и Испанией. Относительно же восточной половины Средиземного моря не существует до сих пор соглашения между соответственными правительствами. Если же и по отношению и к этой, как бы забытой, области было установлено соглашение, аналогичное с перечисленными выше, то не только мир Европы оказался бы упроченным, но оказалась бы обеспеченной безопасность Турции с той самой стороны, где ей теперь угрожает Италия и где ручательство прежде всего Англии имело бы совершенно решающее значение.

Мысль эта, видимо, понравилась Лоутеру и он, не вдаваясь в подробное ее обсуждение, заметил, что для Англии признание status quo Египта не представило бы затруднений, так как она ничуть не желает его присоединять, но что пришлось бы однако повозиться с Критом.

Обмениваясь мыслями с французским послом два дня спустя на ту же тему об искомых Турцией союзах, я повторил вышеизложенное Бомпару. Он, будучи близко знаком с упомянутым соглашением Франции, Англии и Испании, не возражал против применимости его начал и к восточной половине Средиземного моря, но добавил, что: 1) в подобном соглашении должна будет участвовать Австро-Венгрия, как прибрежная в Адриатическом море держава; 2) следовало бы воспользоваться этим случаем, чтобы урегулировать критский вопрос; 3) соглашение возможно только, когда кончится итало-турецкая война и создастся тот новый status quo в Триполи, который придется узаконить; 4) Россия с открытием проливов для ее военных судов станет средиземноморской державой и естественной участницей предполагаемого соглашения и 5) эти сложные вопросы могут стать предметом конференции. Я отнесся в общем сочувственно к этим возражениям, сохраняя за всем делом чисто академический характер.

Но вот вчера Бомпар передал мне подробно свой длинный разговор с великим визирем 28/15 сего октября, вызванный желанием парижского кабинета узнать, вследствие почина Эренталя, приняла бы Турция теперь итальянскую основу для переговоров о мире.

По категорическому заявлению Саида-паши, Турция не может отказаться от суверенитета султана над Триполитанией. Признание Италией «прав халифа» не имеет цены для турецкого правительства: отношение к халифу — духовное дело каждого отдельного мусульманина, а сохранение мусульманской иерархии является лишь проявлением общегосударственного начала свободы совести. О денежном вознаграждении за Триполи Саид-паша отказался даже разговаривать. Равным образом он отрицает значение итальянских уступок в вопросах о

---

[1] См. № 708.
[2] Так в оригинале. Следует читать «Швеции».

капитуляциях, 4% повышении таможенных пошлин и налоге «теметту». «Союзники Италии,— сказал великий визирь,— уже указывали нам на выгоды согласия Италии по этим вопросам, сходного с таковым же Австро-Венгрии 1908 г. [1] Но такая уступка является совершенно призрачной, будучи обусловлена предварительным согласием всех прочих держав». Бомпар заключает из этих слов, что великий визирь вел и ведет переговоры с Берлином и Веной об условиях мира [2] и что все мысли, излагавшиеся Саидом-пашой французскому послу в описываемой беседе, более или менее известны Германии и Австро-Венгрии.

На вопрос посла, как отнеслась бы Турция к безусловному и немедленному согласию Италии на упомянутые уступки, Саид-паша, видимо не занимавшийся этой мыслью, ответил, что об этом надо было бы подумать. Равным образом на замечание посла, что великий визирь пользуется почти безразлично терминами souveraineté и suzeraineté, Саид-паша признался, что по этому предмету не исключена возможность соглашения.

Затем Саид-паша перешел к постепенному и крайне осторожному изложению своих положительных мыслей об условиях примирения с Италией.

Бомпар понял эти мысли так: Триполитания образует под верховенством султана автономную область, может быть, с некоторыми турецкими гарнизонами, с туземной династией, хотя бы из рода Караманлы, и в этой области Италия пользовалась бы приблизительно тем же положением, которое теперь присвоено в Египте англичанам.

На возражения Бомпара, что Турции будет не легко заставить Италию принять подобные условия и что, напротив, итальянцы могут перейти к активным действиям на турецких побережьях, великий визирь заявил, — очевидно зная уже об отступлении итальянцев под защиту триполийских фортов и своего флота,— что будущее покажет результаты турецкого сопротивления. Неприкосновенность Адриатического побережья обеспечена положением, занятым в этом отношении Австро-Венгрией. Относительно военного ограждения Красного моря ведутся переговоры. Если же итальянский флот и нанесет повреждения некоторым городам в Эгейском море, то это не только не сделает турок более уступчивыми, а лишь поднимет еще и укрепит в них дух сопротивления.

В заключение Саид-паша высказал послу, в умышленно туманной форме, следующие новые соображения.

Мы, конечно, сказал приблизительно Саид-паша, можем бороться при теперешней обстановке, однако, будь у нас флот, Италия уступила бы тотчас. У нас нет флота. Но флот имеется у других держав, например у Франции и Англии. Если бы эти державы установили соглашение с нами, то образовалась бы такая внушительная сила, что к ней и к нашему соглашению примкнула бы и Италия.

Посол истолковывает слова Саида-паши в смысле предложения союза для установления и обеспечения на турецком побережье Средиземного моря нового политического положения, на широких началах, приемлемых и для Турции, и для Италии.

Само собой разумеется, Бомпар ограничился тут внимательным слушанием намеков великого визиря и передал в Париж по телеграфу подробный отчет об означенной беседе. Он, конечно, не мог не заметить, как старался Саид-паша избегать упоминания о России, что объясняется в достаточной мере его особым уговором со мной.

Мне посол высказал, что сходство заключительной мысли Саида-паши с темой вышеупомянутого разговора моего с Лоутером показалось ему настолько зна-

---

[1] Повидимому Чарыков имеет в виду австро-турецкое соглашение об уступке Австрии Боснии и Герцеговины, заключенное в К-поле 26 февр. н. ст. 1909 г.

По этому соглашению, ст. 6, Австро-Венгрия обязалась заключить с Портой торговый договор на основах публичного европейского права, т. е. с отменой капитуляций, а также согласилась на поднятие Турцией таможенных пошлин с 11 до 15% ad valorem.

[2] Что, впрочем, соответствует сведениям, содержащимся в телеграмме императорского посла в Берлине от 21/8 октября с. г., № 82. [Прим. оригинала.] (См. № 684.)

чительным, что он подумал: не говорил ли я об этом предмете великому визирю?

Я объяснил Бомпару, что я воздерживаюсь от всяких политических сношений с Саидом-пашой до истечения выговоренных им двух недель, но что, коль скоро у последнего мысль о пользе соглашения касательно восточной половины Средиземного моря зародилась самостоятельно, это обстоятельство мне кажется скорее благоприятным для наших интересов.

Мне думается, действительно, что и заключение мира между Италией и Турцией и приобретение нами желаемых специальных выгод было бы облегчено подысканием возможно более общей и широкой формулы, обнимающей, в качестве детальных составных частей, предстоящие и соответствующие отдельные соглашения, и могущей примирить, на почве европейского интереса восстановления и упрочения мира, даже итальянское самолюбие и турецкую щепетильность.

Пройдет не мало времени, прежде чем намеки Саида-паши выйдут из теперешнего зачаточного состояния и докажут, насколько они жизнеспособны. А пока правительство и представители держав Тройственного согласия успеют в дружественном единении обсудить со всех сторон эти турецкие заявления и те, которые имеют несомненно за ними последовать.

Примите и пр. Н. Чарыков.

№ 761. Докладная записка временно управляющего министерством иностранных дел Николаю II.

31/18 октября 1911 г.

С сегодняшним фельдъегерем на благовоззрение вашего императорского величества представляются письма императорских послов в Лондоне и Париже, дающие отчет в переговорах по вопросу о проходе русскими военными судами проливов [1].

По ходу этих переговоров может быть представится необходимость затронуть вопрос этот и по отношению к Германии.

На сей случай осмеливаюсь испрашивать указаний вашего императорского величества о том, было ли до сведения вашего величества доведено о взгляде императора Вильгельма или германского правительства на возможность разрешения вопроса о проливах в желательном для нас смысле.

Упоминание об этом заключается в весьма секретном документе, при сем представляемом на благовоззрение вашего императорского величества [2].

Нератов.

В общих выражениях император мне говорил много лет тому назад, что со стороны Германии мы не *встретим никаких затруднений при условии мирного разрешения Россией вопроса о проливах. Помню, что Гинце говорил мне в том же духе, вскоре после улажения Босно-Герцеговинского дела.*

Ливадия, [4 ноября] 22 октября 1911 г.

№ 762. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1639. 31/18 октября 1911 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 153 bis [3].

Французский поверенный в делах доверительно сообщил мне, что в последнюю минуту Кидерлен выдвинул новое требование [4], а именно — обязательство со сто-

[1] Приложения отсутствуют. Письма Бенкендорфа и Извольского, касающиеся вопроса о проливах, см. №№ 700, 722, 723, 724, 737 и 738.
[2] Приложение отсутствует.
[3] См. стр. 243, прим. 1.
[4] См. № 751.

роны Франции обсудить с Германией вопрос о будущности бельгийского Конго, когда Франция пожелает осуществить свое преимущественное право приобретения этих территорий. От имени де Сельва Панафье спросил о моем впечатлении.

Оговорив строго личный, отнюдь не официальный, характер моего ответа, выражающего лишь мысли, а не советы, я заметил, что тут следует считаться со следующими обстоятельствами: несомненным желанием Германии не доводить переговоров до разрыва, скрытой мыслью создать затруднения, хотя бы лишь в будущем, между Францией и Англией и стремлением Кидерлена достичь какого-нибудь личного успеха в переговорах с Францией для укрепления своего пошатнувшегося положения. Я посему полагаю, что на полный отказ Кидерлена от своего предложения рассчитывать нельзя. Поэтому было бы желательным теперь же найти формулу, предпочтительно устную, в которой Франция изъявляла бы готовность в будущем обсудить германское предложение, по возможности совместно с другими заинтересованными государствами и когда наступит удобный момент.

Нератов.

№ 763. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

*/. Телеграмма № 1640. 31/18 октября 1911 г.

Испанский посол просил нашего содействия к полюбовному улажению с Францией интересующих Испанию вопросов о Марокко, ввиду скорого окончания переговоров Франции с Германией, до какового момента до сих пор были откладываемы решения по обоюдным спорам по марокксим делам. Он пояснил, что основанием уговора с Францией могут служить только полностью те права, которые выговорены Испанией договорами ее с Францией 1904 и 1905 годов.

Я возразил послу, что вами неоднократно уже было оказываемо содействие вашему испанскому коллеге в этих делах и что наше доброжелательное отношение к Испании касательно Марокко не изменилось.

Благоволите сообщить мне ваше заключение, своевременно ли нам выступать с каким-либо особым обращением к Франции и каково настроение последней относительно испанских домогательств [1].

[Нератов.]

№ 764. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

*/. Телеграмма № 1641. 31/18 октября 1911 г.

Ваша телеграмма за № 993 [2] и письмо от [19] 6 октября [3] получены.

Не могу не выразить сожаления по поводу того, что несмотря на двукратно данные вам инструкции по делу о столкновении между генеральным консульством и персидским правительством, из которых первая была отправлена еще [15] 2 октября [4], вы допустили двухнедельное промедление в исполнении таковых и этим дали повод персам послать вам еще вторую ноту по тому же вопросу. Хотя вы не ознакомили нас с ее содержанием, я должен предположить, что она так же мало приемлема, как и первая, раз вы предполагаете ее тоже вернуть.

По содержанию вашей телеграммы должен высказать нижеследующее.

Я не усматриваю ни в ней, ни в письме каких-либо данных, которые могли бы изменить мою точку зрения на дело. В частности, я должен заметить, что с самого

---

[1] Тел. от 4 ноября/22 окт. за № 161 Извольский ответил: «По поводу открывающихся переговоров с Испанией де Сельв еще раз подтвердил мне свое намерение вести их в самом примирительном духе, но он продолжает опасаться противодействия со стороны некоторых других министров». «Мне кажется, — заключал Извольский, — что в особенном обращении с нашей стороны к Франции нет надобности, ибо я продолжаю всячески содействовать соглашению».

[2] См. №№ 745 и 746.

[3] См. стр. 258, прим. 6 и № 746.

[4] См. №№ 636 и 694.

начала инцидента я вовсе не затрагивал вопроса о защите имений Шоа-эс-Солтане, который нас не касается, а говорил постоянно лишь о защите интересов русских банка и подданных и о приемах, которые дозволили себе персы по отношению к нам. Именно этим нужно мотивировать требование об удалении жандармов из дома — а, если признаете возможным, — и из имений Шоа; соображения же о посылке Шустером чересчур многочисленного отряда жандармов могут, если вы находите это нужным, быть выдвинуты в подкрепление нашего требования.

Под разбором дела по существу я понимал обеспечение интересов банка и русских подданных; когда эти интересы будут вполне обеспечены, будем считать этот вопрос исчерпанным. Форму обеспечения интересов банка можете выбрать по соглашению с последним.

Не имеем никаких оснований думать, чтобы жалоба Петрова и Гильдебранда являлась фантазией, так как противоположная версия изложена исключительно в персидских рапортах.

Что же касается угрозы жандармов стрелять, то в рапорте Аюб-хана это подтверждается самым категорическим образом.

[Нератов.]

№ 765. Временно управляющий министерством иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 1102 [1]. 31/18 октября 1911 г.

Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Посетивший меня [24] 11 сего октября французский поверенный в делах прочел мне только-что полученное им письмо французского министра иностранных дел, содержавшее следующие сведения о решениях, которые были приняты на недавней конференции в Берлине представителей финансовых групп, образовавших известный франко-англо-германо-американский синдикат.

1. На конференции было решено, что в случае отказа входящей в синдикат французской группы от участия в выпускаемом им китайском займе в 10 млн. ф. ст. остальные три группы примут на себя реализацию всего этого займа, включая и часть его, предназначаемую французской группе.

2. Реализацию сказанного займа решено отложить во всяком случае до весны 1912 года.

3. Синдикат готов взять на себя обязательство не пользоваться 16-й статьей контракта на упомянутый заем в 10 млн. ф. ст. для распространения своей деятельности на Манчжурию и не препятствовать России и Японии в деле финансирования этой области.

4. Синдикат согласен не противиться отмене 16-й статьи контракта, если бы китайское правительство пожелало ее отмены, хотя бы под давлением России и Японии.

5. Синдикат согласен принять в свой состав для всех дальнейших своих операций русскую и японскую группы банкиров.

Г. де Сельв прибавляет в своем письме, что, по его мнению, вышеизложенные предположения вполне гарантируют интересы России и Японии. Для этого они могли бы располагать (если бы приняли в нем участие) достаточным влиянием на дела синдиката при помощи солидарной с ними французской группы. К тому же, в наиболее важных для России и Японии вопросах, они могли бы рассчитывать также и на содействие английской группы, ввиду обязательств, которыми связало себя по отношению к ним великобританское правительство. В дальнейшем г. де Сельв предвидит естественное стремление каждой из входящих в синдикат национальных групп составлять отдельные группировки банкиров по их национальностям для деятельности в тех областях Китая, где по преимуществу сосредото-

[1] В оригинале на полях имеется помета: «Броневск[ому], Бенкенд[орфу]. Копии Изв[ольскому], Корост[овцу]».

чены интересы данной нации. Такое направление дела можно считать во всяком случае обеспеченным по отношению русской, французской, английской, германской и японской групп, т. е. пяти из входящих или имеющих войти в состав синдиката шести национальных групп банкиров.

Из слов г. де Панафье я мог заключить, что его правительство желало бы ознакомиться с нашим взглядом на формулированные на берлинской конференции банкиров предположения, надеясь найти выход из положения с сохранением французского участия в синдикате.

Передавая о вышеизложенном вашему высокопревосходительству и покорнейше прося не отказать сообщить мне ваше заключение по настоящему предмету, со своей стороны, считаю долгом высказать нижеследующие соображения.

Отмена 16-й статьи, потребованная нами, как уже ранее было выяснено, не может считаться гарантирующей наши интересы: мы не можем не опасаться, что и при отсутствии этой статьи, четверной синдикат заберет в свои руки дело финансирования китайских займов, не исключая и тех, которые будут предназначены на области, входящие в нашу сферу, и которые будут заключаться с враждебными нам целями. Поэтому согласие синдиката на отмену 16-й статьи, в случае если бы мы добились путем дипломатического давления в Пекине заявления о том китайского правительства, не представляет для нас удовлетворительного решения вопроса.

В этом отношении мне кажется более соответствующим нашим интересам предложение синдиката отказаться от распространения своей дальнейшей деятельности на Манчжурию и обязаться не противодействовать финансированию этой области со стороны России и Японии. Если бы такого рода обязательство было выдано нам в форме, не возбуждающей сомнений в том, что оно будет проводимо в жизнь, то, казалось бы, и вопрос о нашем и японском участии в синдикате мог бы быть обсуждаем как допустимая комбинация.

Высказываясь в этом смысле, я, конечно, предполагаю, что нам удастся благодаря известным вам политическим обязательствам, которыми мы предполагаем заручиться от Франции [1], направить синдикат на тот путь разграничения сфер деятельности отдельных его национальных групп, который французский министр иностранных дел предвидит, как естественное последствие политики, преследуемой державами в Китае. Я думаю поэтому, что вопрос о нашем участии в франко-англо-германо-американском синдикате следует связать с переговорами о сказанных обязательствах Франции. Само собою разумеется, что на то или другое его решение должен оказать влияние ход ныне развертывающихся в Китае событий [2].

Примите и пр.

[Нератов.]

---

[1] См. № 533.

[2] Письмом от 6—2 ноября/24—20 окт. за № 701 Коковцов ответил: «На мой взгляд, в сообщенных нам французским правительством сведениях не содержится каких-либо данных, которые могли бы побудить нас к изменению усвоенного нами отношения к международному консорциуму, и в частности, я не усматриваю оснований к отказу от развитой мной в письме от [13 октября] 30 минувшего сентября за № 615 [см. № 619] точки зрения на возможность достижения благоприятных для нас результатов путем воздействия на французов». «Я не считаю удобным, — писал далее Коковцов, — чтобы инициативу переговоров с китайским правительством об отмене ст. 16-й брала на себя Россия, тем более, что такая отмена не может, как ваше превосходительство изволите совершенно правильно указывать, считаться гарантирующей наши интересы». Что касается предложения консорциума выдать обязательство о нераспространении его деятельности на Манчжурию, то, по мнению Коковцова, «такая постановка дела имела бы для нас преимущество перед простым исключением из нынешнего контракта ст. 16-й. Однако и в этом случае нельзя упускать из виду, с одной стороны, того, что проектируемое обязательство касается только Манчжурии, а не всего Застенного Китая, а с другой стороны, что оно все-таки не является коренным разрешением вопроса, которое гарантировало бы нас от всяких осложнений и непредвиденных случайностей. При таких условиях я полагал бы, что наши усилия должны быть направлены главным образом к тому, чтобы побудить французов отделиться от международного консорциума».

№ 766. Временно управляющий министерством иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 1104. 31/18 октября 1911 г.

Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

Посетивший меня вчера японский посол сообщил мне, что его правительство не сочло возможным согласиться на выдачу «Yokohama Specie Bank» манчжурскому генерал-губернатору ссуды в 5 млн. иен, с просьбой о которой он обратился к названному банку [1]. По сведениям барона Мотоно, франко-англо-германо-американский синдикат равным образом отказал китайскому правительству в займе, будто бы, главным образом по настоянию английской группы синдиката, находившей, что выдача при настоящем положении каких-либо денежных ссуд богдоханскому правительству была бы нарушением нейтралитета в происходящей в Китае борьбе. Посол просил меня сообщить ему, какое решение будет нами принято по вопросу о китайском займе в Русско-азиатском банке.

На мой вопрос о тех соображениях, которыми японское правительство руководилось, отказывая манчжурскому генерал-губернатору в займе из «Yokohama Specie Bank», барон Мотоно ответил, что в случае победы китайских революционеров, возможность которой нельзя не учитывать, новое китайское правительство, несомненно, увидало бы в таком займе поддержку, оказанную его противникам, т. е. богдоханскому правительству; вызванное этим неудовольствие могло бы вредно отразиться на сложных и важных интересах Японии в Китае. С другой стороны, японское правительство считало также более осторожным в вопросе о китайских займах не отделяться от прочих держав, отношение которых к сказанному вопросу достаточно выяснилось в вышеупомянутом отказе франко-англо-американо-германского синдиката заключить для Китая заем.

Передавая о вышеизложенном вашему высокопревосходительству, считаю долгом высказать, что, по моему мнению, нам нет необходимости в вопросе о займе манчжурского ген.-губернатора в Русско-азиатском банке непременно следовать примеру японцев: мне кажется, что в случае принятия китайцами условий, которыми мы решили обставить эту кредитную операцию, выдача сановнику Чжао Эрр-сюню ссуды в три или даже пять миллионов рублей была бы согласна с нашими интересами. Из прилагаемых при сем в копиях секретных телеграмм посланника в Пекине и поверенного в делах в Токио от [30] 17 сего октября №№ 681 [2] и 205 [3], вы изволите также усмотреть, что, повидимому, французские и бельгийские банкиры не смотрят столь строго, как англичане, на обязанности, налагаемые на них нейтралитетом в китайских событиях, и склонны ссудить богдоханское правительство весьма значительной суммой.

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 767. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 72. 31/18 октября 1911 г.

Сегодня итальянский министр иностранных дел, беседуя с глубоким знатоком балканских дел, спросил его, каким путем можно было бы наиболее чувствительно уязвить Турцию и заставить ее просить мира. На что получил следующий ответ: прорваться чрез Дарданеллы, уничтожить флот и немедленно вернуться

[1] См. стр. 257, прим. 1.

[2] Тел. от 30/17 окт. за № 681 Коростовец сообщал: «Образовавшаяся недавно при участии известного министерству инженера Кэссиаля англо-франко-бельгийская банковская группа, представленная здесь бароном Коттю, предложила китайскому правительству заем в 100 млн. фр. из 6%, курс 96, сроком на 60 лет».

[3] Тел. от 30/17 окт. за № 205 Броневский, сообщая о переговорах кит. прав-ва с франко-бельгийским синдикатом относительно займа в 150 млн. иен, указывал, что япон. «Specie Bank» отказал вице-королю Манчжурии в 5-миллионном займе.

обратно. Министр иностранных дел промолчал, но, казалось, разделял это мнение. Если такому плану было бы суждено осуществиться, не послужит ли он сигналом к общему восстанию на Балканах [1].

Долгорукий.

№ 768. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 84 [2]. 31/18 октября 1911 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 81 [3].

Гешов снова говорил мне о греческом предложении и настаивает на сообщении ему мнения о сем императорского кабинета. Я полагаю, что в той форме, которую предложила Греция, т. е. что если Турция нападет на одну из стран, то другая обязана объявить Турции войну,— соглашение было бы опасным для мира на Балканах. Но соглашение, направленное исключительно к охранению status quo, могло бы быть лишь полезно и нам приятно. Если вы согласны с этим, то благоволите возможно скорее уполномочить меня выразить Гешову этот взгляд от имени императорского правительства [4].

Неклюдов.

№ 769. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 31/18 октября 1911 г.

Частное.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Я уже закрывал вчерашнюю экспедицию, когда получил вашу секретную телеграмму от [30] 17 [октября] за № 1632 [5].

Последние три дня я не имел случая разговаривать с Гешовым по поводу сербо-болгарского соглашения. Он все ожидает нашего *принципиального* отзыва, т. е. другими словами — нашего недвусмысленного одобрения сербо-болгарского союза, а также нашего ответа относительно предложения греков; на последнем особенно настаивает король Фердинанд.

Что касается редакций, мною вам протелеграфированных [6], то они могут подлежать всевозможным изменениям; и, конечно, самое удобное для нас было бы, если бы обе стороны ограничились обещанием друг другу помощи: а) при нападении на одну из них, б) для охранения status quo.

Но, с другой стороны, если выкинуть совершенно из договора все, что касается серьезных интересов сербской и болгарской народностей в вилайетах, то самый договор потеряет много значения для договаривающихся, и узы, им налагаемые, будут слабы и эфемерны.

Позвольте высказать вам совершенно откровенно и без всяких обиняков мой личный взгляд на все это дело:

Откровенный и хорошо продуманный, а следовательно и *прочный* союзный договор между Сербией и Болгарией еще возможен (хотя и вовсе не так легок, как некоторые думают); и союз этот представил бы собой бесспорную *силу*, которую мы могли бы при известных обстоятельствах использовать. Присоединение к сербо-болгарскому союзу Греции уже отняло бы от него и искренность, и цель-

---

[1] Публикуемая тел. была передана Нератовым в К-поль 2 ноября/20 окт. за № 1664.
[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 42.
[3] См. № 717.
[4] Ответной тел. от 4 ноября/22 окт. за № 1688 (опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 43) Нератов предлагал Неклюдову заявить Гешову, что руководящие начала, изложенные в его тел. за № 1632 (см. № 752), «вполне применимы и по отношению к Греции с сохранением в силе принципа status quo».
[5] См. № 752.
[6] См. № 718.

ность; подобная комбинация гораздо сложнее и ею трудно пользоваться в данную минуту; *«it is not handy»* [1].

Что же касается до присоединения к договору еще и Турции и образования пресловутой «балканской федерации», то я причисляю подобные измышления исключительно к области фантазии; а в политике все, что фантазия,— не только вредно, но и опасно.

Когда в моей телеграмме № 81 [2] я говорил о возможности даже для Порты примкнуть к сербо-болгарскому соглашению, то я передавал *слова* Гешова. Сам же я не верю ни в подобную возможность, ни даже в искренность слов Гешова. Последний в настоящую минуту имеет особые поводы для заигрывания с турками; но искреннего соглашения между Болгарией и Турцией никогда не будет. Турки все-таки будут всегда видеть в болгарах самого опасного врага, а болгары готовы каждую минуту воспользоваться благоприятным случаем, чтобы проникнуть в Македонию. При таких условиях «балканский союз» был бы лишь *демонстрацией* против Австрии и Германии, делаемой якобы в угоду России и чтобы нас в данную минуту задобрить. Всякие же демонстрации, в особенности же не имеющие ближайшей цели,— весьма и весьма опасны.

Нынешнего status quo на Балканах и особенно в турецких вилайетах очень долго охранять невозможно. В конце концов оно рухнет.

Вопрос только в том: в чью пользу? Австрии, или славянских государств? Для Турции решительно безразлично, кто от нее отнимет македонские и прочие вилайеты; она желала бы их сохранить; для болгар важно не сохранить Македонию для турок, а занять ее. При подобных условиях о «балканской федерации» со включением в нее Турции можно говорить для отвода глаз и выигрыша времени; но верить в нее — уже чересчур наивно. Да еще и вопрос: выгодно ли говорить и переговариваться о том, что в сущности неосуществимо, и во всяком случае, весьма туманно? Преследуются миражи,— упускается действительность.

Примите и пр.

А. Неклюдов.

№ 770. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 666 [3]. 31/18 октября 1911 г.

Ссылаюсь на вашу телеграмму № 1420 [4]; ссылаюсь на мою депешу от [28] 15 октября № 104 [5]; ссылаюсь на свою телеграмму № 662 [6].

Министр иностранных дел сказал мне сегодня, что Турхан-паша осведомил его телеграммой о появлении в «Новом времени» [7] статьи, наполненной озлобленными инсинуациями против личного состава посольства, которое султан желает отправить к государю императору [8]. Министр добавил, что в то самое время, когда турец-

[1] «это не подходит».

[2] См. № 717.

[3] Царск. экз.

[4] См. № 550.

[5] В деп. от 28/15 окт. за № 104 Чарыков давал характеристику посольства, направлявшегося в Ливадию и состоявшего из Махмуд-Мухтара-паши, Люфти-бея и Блак-бея.

[6] Тел. от 29/16 окт. за № 662 (лит. копия ошибочно помечена в б. м-ве ин. дел № 622), Чарыков отмечал, что в связи с дальнейшим возможным развитием переговоров «посольство султана к государю императору может приобрести в данную минуту крупное значение, даже решающее политическое значение».

[7] В газете «Новое время» от 29/16 окт. за № 12786 была напечатана тел. из Константинополя от 28/15 окт., в которой сообщалось, что турец. посольство в Ливадии будет возглавляться известным германофилом Махмуд-Мухтар-пашой, «который как член кабинета Хакки-паши постановлением парламента предается суду и рискует подвергнуться судебному наказанию».

[8] Тел. от 26/13 окт. за № 658 Чарыков сообщал Нератову, что, по словам турец. м-ра ин. дел, «его величество султан желает приветствовать его императорское величество, по случаю пребывания в Ливадии, отправлением туда чрезвычайного посольства».

В докл. записке от 31/18 окт. Нератов, испрашивая согласия Николая II на прием посольства, писал: «Со своей стороны обязуюсь доложить, что ввиду начатия послом в Константи-

кое правительство прилагает все старания к осуществлению сближения с Россией, такая выходка безответственной, правда, но распространенной газеты не может не считаться им чрезвычайно прискорбной и заслуживающей осуждения также со стороны русского правительства. Изложив в депеше № 104 подробную характеристику личного состава и политического значения упомянутого посольства я вполне разделяю вышеизложенный взгляд и полагал бы необходимым принять надлежащие меры, дабы прекратить систематические и легкомысленные старания «Нового времени» сеять раздор между Россией и Турцией в настоящую серьезную историческую минуту. В противном случае, заявляю откровенно, что слагаю с себя ответственность за неуспех сообщенных мне к осуществлению предначертаний, желаемое исполнение коих я считаю хотя и трудным, но возможным при теперешних здешних условиях.

Чарыков.

№ 771. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 1002. 31/18 октября 1911 г.

Получил телеграмму № 1504 [1].

Барклай получил разрешение передать мне текст проектированного в последней, но не окончательной, форме контракта о постройке английским синдикатом четырех линий на Юге Персии. Этот документ высылается со следующей почтой. Ввиду выгодных условий, предложенных синдикатом, Шустер, повидимому, желает продолжать с ним же переговоры о постройке железной дороги от Джульфы до Мохаммеры. Ввиду этого представитель синдиката прибудет в Петербург приблизительно через три недели для обсуждения вопроса о совместной с нами постройке этой железной дороги.

Поклевский.

№ 772. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

-/. Телеграмма № 1012. 31/18 октября 1911 г.

Против высказанного министерством финансов по поводу проектированного займа Зелигмана [2] принципа со стороны миссии никаких возражений быть не может. Она считает долгом лишь только указать на невероятность получения согласия меджлиса на предоставление нашему банку, как правительственному учреждению, даже некоторого контроля над финансовой политикой Персии. Вообще проект Зелигмана в его теперешней форме является попыткой избежать англо-русского официального контроля над персидскими финансами и заменить таковой опекой в лице главного казначея,— иностранцев и незаинтересованных в персидской политике частных фирм. Надежда же получить согласие обоих правительств на подобный план основана на предположении, что правительства эти предпочтут, может быть, доверить дело упорядочения персидских финансов частным фирмам лишь только бы избавиться от другой альтернативы, которая состоит в прямом и непосредственном вмешательстве во внутренние дела Персии со всеми его неизбежными последствиями. Ввиду вышеизложенного, более легко осуществимой и выгодной для нас сделкой было бы заключение на имя нашего банка

нополе разговоров об интересующих нас вопросах, — непринятие посольства могло бы быть истолковано в нежелательном смысле. С другой стороны, состав посольства свидетельствует об отсутствии у него дипломатического характера, вследствие чего нет основания ставить прием его в какую-либо связь с упомянутыми переговорами, почему и присутствие какого-либо органа министерства иностранных дел не представляется казалось бы необходимым».

На этой докл. записке имеется помета Николая II: «Вполне согласен. Прием посольства здесь в Ливадии мог бы состояться между [14]1 и [23]10 ноября». «Ливадия, [4 ноября]22 октября 1911 г.»

[1] См. стр. 168, прим. 3.

[2] См. № 482.

контракта на выпуск конверсионного займа. Под последним я подразумеваю пятипроцентный долгосрочный заем, по коему уплата процентов и погашение составит ежегодную сумму, равную той, которая ныне причитается с шахского правительства нашему банку и при сохранении тех же обеспечений. Помянутые условия дадут возможность выпустить заем на двадцать с лишним миллионов рублей и от него по погашении долга нашему банку остается в пользу персидского правительства от восьми до десяти миллионов рублей. Настаивать на предоставлении нашему банку такого займа тем легче, что мы этим лишь только сохранили бы имеющиеся уже у нас права и что прошлым летом Шахиншахский банк совершил подобную же операцию. Фактически же выпуск этого займа мог бы быть предоставлен этому же Зелигману [1].

Поклевский.

№ 773. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 684 [2]. 31/18 октября 1911 г.

Ответом на первый успех правительственных войск у Ханькоу послужила усилившаяся деятельность революционеров. Бунт войск в Тай-юань-фу, сопровождавшийся казнью губернатора, всей его семьи, поголовным избиением около двух тысяч манчжур, захват части Шансийской железной дороги, отказ войск в Бао-дин-фу выступить против мятежников угрожают возможным перерывом Пекинско-Ханькоуской линии, отрезанием действующей армии от столицы. Захват Фучжоу революционерами и другие факты, например, подача трону петиции о введении конституции от 20-й дивизии, назначенной в действующую армию и находившейся в районе отмененных маневров [3], лишь подтвердили силу движения, повсеместное сочувствие ему массы населения. Полная растерянность и беспомощность правительства при такой обстановке повели к вчерашним указам [4], являющимся капитуляцией династии перед мятежом. Униженный тон указов едва ли оставляет сомнение в готовности правительства итти на дальнейшие

---

[1] Тел. от 31/18 окт. за № 1013 Поклевский запросил Нератова, может ли он «официально сообщить Беддосу взгляд министерства финансов на проект займа Зелигмана». Тел. от 4 ноября/22 окт. за № 1685 Нератов ответил: «Зелигман, недавно приезжавший в Петербург и видевшийся с министром финансов и со мной, признал комбинацию, изложенную в письме статс-секретаря Коковцова [27]14 сентября, № 583, [см. № 482] неприемлемой. Взамен этого он предлагает, чтобы договор с персидским правительством был подписан от имени обоих учреждений: Учетно-ссудного банка и бр. Зелигман, с тем, что последние примут на себя размещение займа на рынке. По словам Зелигмана, персидское правительство предлагает ему реализацию займа в 4 млн. ф. ст., причем первая половина должна быть выпущена вскоре, а вторая позже, когда в стране установится порядок. Первая половина предназначена в уплату долга нашему банку, а излишек, который ожидается примерно в 400 000 ф. ст.,— для производительных расходов. Заем в 5% — с погашением в течение 40 лет, с правом выкупа после 1925 года. Гарантии: паспортный сбор, доходы казенных земель в Азербайджане и Тегеране, малиат, доходы монетного двора, остатки таможенных сборов.

Министр финансов в принципе признает возможным не возражать против такой постановки дела, но при следующих условиях: 1) Все права политического характера должны быть выговорены в пользу нашего банка и осуществляемы исключительно через последний. Сюда относятся — право контроля над расходованием займа и право, в случае неисправности персидского правительства, вступать в заведывание гарантирующими источниками доходов. 2) Нельзя допускать условия, гарантирующего обеспечение и продолжение контракта с Шустером.

Я сказал Зелигману, что признаю его предложение на таких основаниях принципиально приемлемым, но предоставляем себе сообщить ему окончательное решение только по ознакомлении с проектом контракта с персидским правительством.

Зелигман, между прочим, высказал, что если русское или английское правительства обусловят свое согласие на заем получением каких-либо концессий, то заем будет персами отвергнут. Относительно последнего мнения, как и по существу предложения Зелигмана, благоволите телеграфировать ваше заключение».

[2] Опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 67.

[3] Петиция с требованиями, предъявленными 20-й пехотной дивизией, была подана 30/17 окт. Опубл. в Изв. МИД, 1912 г., кн. V, стр. 95.

[4] См. № 785.

уступки, включая смену министров, стоящих у власти. Во всяком случае в настоящую минуту нельзя судить, какими средствами и путями было бы возможно овладеть движением. Главная опасность заключается в том, что мятеж мог бы затянуться или принять враждебный иностранцам характер. В этом отношении большой риск представляют последние займовые операции правительства, получившие широкую огласку [1], тем более, что само доведенное до крайности правительство может попытаться направить антидинастическое движение против иностранцев, как оно это сделало в 1900 году.

Коростовец.

№ 774. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Париже, Лондоне и Берлине — Извольскому, Бенкендорфу и Остен-Сакену и поверенному в делах в Вашингтоне — Н. Кудашеву.

Телеграмма № 1654 [2]. 1 ноября/19 октября 1911 г.

Сообщается посланнику в Пекине.

По сведениям министра финансов, английский, французский, германский и американский консула в Ханькоу начали переговоры с революционерами о признании ими, в случае падения нынешней китайской династии, займа у оперирующего в Китае англо-франко-германо-американского синдиката банкиров, который был бы заключен для оплаты купонов по вознаграждению за боксерское восстание, так как такой заем необходим для поддержания кредита Китая за границей.

Наша доля в сказанном вознаграждении составляет почти треть его суммы, и мы считаем себя поэтому вправе требовать, чтобы связанные с ним операции совершались с нашего ведома и при нашем участии [3].

Благоволите в этом смысле объясниться с министром иностранных дел и просить сообщить, соответствуют ли действительности вышеизложенные сведения о китайском займе у четверного синдиката банкиров и о переговорах заинтересованных консулов с китайскими революционерами [4].

[Нератов.]

---

[1] Ср. № № 766 и 809.

[2] Публикуемая тел. была передана в Токио 2 ноября/20 окт. за № 1674.

[3] Указанные сведения были переданы Нератову Коковцовым в письме от 30/17 окт. за № 686, в котором Коковцов уведомлял также о том, что согласно сообщению пекинского корреспондента «Times» от 25/12 окт. «китайское правительство не имеет средств для производства срочных платежей по вознаграждению за боксерские беспорядки и что министерство финансов начало переговоры с банками, входящими в состав большого международного консорциума о заключении займа в 12 млн. лан на один год». См. № 720.

[4] В тел. от 2 ноября/20 окт. за № 693 Коростовец уведомил, что Гойер сообщил ему сведения, изложенные в публикуемой тел., но что он считает их неправдоподобными. В тел. от 3 ноября/21 окт. за № 256 Бенкендорф сообщил, со слов Никольсона, что англ. консулу в Ханькоу не было дано инструкций входить с революционерами в переговоры по вопросу о займе и что англ. консул имел с ними сношения лишь по вопросу защиты англ. подданных. Тел. от 3 ноября/21 окт. за № 90 (опубл. "Кр. арх., т. XVIII, стр. 73) Остен-Сакен в ответ на публикуемую тел. и на тел. от 2 ноября/20 окт. за № 1673 (см. № 777) сообщал Нератову, что по имеющимся у Кидерлена сведениям англо-франко-германо-американский синдикат отказал кит. прав-ву в денежном авансе. «Что касается до задержания очередного взноса по боксерскому вознаграждению, — продолжал Остен-Сакен, — то, ввиду того, что китайское правительство взяло обратно свою просьбу об отсрочке, берлинский кабинет не придает серьезного значения отказу шанхайского даотая и убежден, что уплата будет произведена в самом непродолжительном времени. Заявление относительно того, что мы будем рассматривать всякую ссуду китайскому правительству, как затрагивающую наши интересы, было принято германским статс-секретарем к сведению без каких-либо комментариев». Тел. от 6 ноября/24 окт. за № 162 Извольский известил Нератова о том, что 8 ноября/26 окт. в Париже соберутся представители четверного синдиката для обсуждения просьбы кит. прав-ва о ссуде ему аванса. Извольский сообщал, что им уже сделано письменное заявление франц. прав-ву по вопросу о ссудах в смысле публикуемой тел. и тел. от 2 ноября/20 окт. за № 1673.

№ 775. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 158 [1]. 1 ноября/19 октября 1911 г.

Титтони сказал мне, что Италия уверена в полной и безусловной поддержке со стороны Франции, но что симпатии Англии видимо колеблются между Италией и Турцией; по его убеждению, в интересах восстановления мира весьма желательно, чтобы Россия, Франция и Англия сговорились между собой и дали сообща уверения их Турции, что они не видят другого исхода, кроме аннексии. На его убедительную просьбу сообщить вам эту мысль я ответил, что охотно это сделаю, но думаю, что вряд ли вы согласитесь принять инициативу подобного выступления в настоящий момент.

Извольский.

№ 776. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

⁄. Телеграмма № 1665. 2 ноября/20 октября 1911 г.

Ссылаюсь на телеграммы Долгорукого №№ 72 [2] и 73 [3].

На случай осуществления итальянского предположения о перенесении военных действий ближе к проливам, считаю долгом обратить ваше внимание, что Портой весьма возможно в таком случае овладеет паника, коей желательно было бы воспользоваться для успешного хода наших переговоров. Благоволите однако иметь в виду, что, объявив о своем нейтралитете, мы лишены возможности какого-либо активного выступления.

Нератов.

№ 777. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Берлине, Париже и Лондоне — Остен-Сакену, Извольскому и Бенкендорфу и поверенному в делах в Вашингтоне — Н. Кудашеву.

⁄. Телеграмма № 1673 [4]. 2 ноября/20 октября 1911 г.

Сообщается посланнику в Пекине.

Ссылаюсь на телеграмму № 1654 [5].

Генеральный консул в Шанхае телеграфирует, что местный китайский даотай отказался сделать очередной взнос вознаграждения за боксерское восстание. Китай оказывается таким образом неисправным плательщиком по сказанному вознаграждению, в котором нам принадлежит бо́льшая по сравнению с любой державой доля.

Мы принуждены поэтому рассматривать всякие ссуды центральному китайскому правительству, независимо от их официального назначения, как непосредственно затрагивающие наши интересы, и требовать, чтобы такие ссуды делались с нашего ведома и чтобы мы имели возможность, если пожелаем, принимать в них участие.

Благоволите, объясняясь в вышеизложенном смысле с министром иностранных дел, спросить, как его правительство относится к факту задержки очередного платежа по боксерскому вознаграждению [6].

[Нератов.]

---

[1] Опубл. Stieve, I, S. 170, N 151.

[2] См. № 767.

[3] Тел. от 31/18 окт. за № 73 Долгорукий сообщал: «Командующий морскими силами адмирал Обри прибыл сюда вчера утром и участвовал в совете министров, после которого, повидав семью, отбыл в море».

[4] Опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 72, где ошибочно помечена № 1654.

[5] См. № 774.

[6] Публикуемая тел. была передана в Токио за тем же номером и в тот же день.

В тел. от 2 ноября/20 окт. за № 1672 Нератов просил Броневского объясниться с м-ром ин. дел по содержанию публикуемой тел., присовокупив «что в этом случае, как и в прочих вопросах, касающихся нынешнего положения в Китае, мы желали бы установить с японским правительством солидарную точку зрения».

Тел. от 3 ноября/21 окт. за № 59 Н. Кудашев сообщил, что «ни на какие принципиальные уступки касательно боксерского вознаграждения Северо-Американские Соединенные Штаты не пойдут без предварительного обмена взглядами с другими державами».

№ 778. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Письмо № 691. 2 ноября/20 октября 1911 г.

Секретно.

М. г. Александр Петрович,

Полученные как от вашего превосходительства [1], так и от императорского посла в Лондоне [2] известия о первых разговорах по вопросу о проливах дают нам уверенность, что как правительство республики, так и лондонский кабинет в принципе относятся благоприятно к переговорам нашим с Турцией на эту тему, и готовы содействовать чрез своих представителей в Константинополе успешному ходу этих переговоров, в каковом смысле сэру Дж. Лоутеру уже даны соответственные указания.

Но наряду с поддержкой при переговорах с Турцией, каковые по местным условиям могут затянуться или даже быть отсроченными, мы желали бы воспользоваться нынешними политическими обстоятельствами, чтобы получить от названных держав формулировку их отношения непосредственно к нашим домогательствам в вопросе о проливах.

При этом мы считаем себя вправе рассчитывать, что Франция, как союзная с нами держава, неоднократно воспользовавшаяся нашей поддержкой за последнее время, предоставит нам по существу вопроса полную свободу действий, при условиях, за которые мы охотно берем ручательство, что мы не имеем в виду вовлекать Францию в активные действия для обеспечения наших интересов, и своевременно предупредим ее о наших намерениях, если решимся сами приступить к действиям.

В силу вышеизложенного благоволите воспользоваться подходящим обстоятельством, чтобы просить правительство республики письменно определить и сообщить вам отношение свое к вопросу о проливах, примерно по формуле известного вам итальянского обязательства [3] и независимо от уговоров, которые бы на сей предмет были заключены между нами и Турцией.

Ввиду указаний де Сельва на значение взгляда Англии в этом вопросе я не вижу препятствий к тому, чтобы вы разъяснили ему отношение Англии к нашему домогательству.

При этом вы не оставите обратить его внимание на то, что несколько более точная и более широкая постановка ожидаемого обязательства Франции к нам естественно вытекает как из наших союзнических отношений, так и из вполне определенной формулировки наших обязательств в вопросах, интересующих Францию.

Примите и пр. [Нератов.]

№ 779. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Письмо № 692 [4]. 2 ноября/20 октября 1911 г.

Секретно.

М. г. граф Александр Константинович,

Полученные как от вашего сиятельства, так и от гофмейстера Извольского известия о первых разговорах по вопросу о проливах дают нам уверенность, что и лондонский кабинет, и французское правительство относятся в принципе [5] благоприятно к переговорам нашим с Турцией на эту тему и готовы содействовать успешному ходу этих переговоров [6], в каковом смысле даже уже даны указания великобританскому послу в Константинополе.

Но наряду с поддержкой при переговорах с Турцией, каковые по местным условиям могут затянуться или даже быть отсроченными, нам было бы важно

[1] См. №№ 585, 596, 623, 737 и 738.
[2] См. №№ 700, 712, 722, 723 и 724.
[3] См. стр. 117, прим. 2.
[4] Опубл. Siebert, II, S. 196, N 478.
[5] У Siebert'а слова: «в принципе» опущены.
[6] У Siebert'а слова: «и готовы... этих переговоров» опущены.

воспользоваться текущими политическими событиями, чтобы вызвать названные державы на точную и притом письменную формулировку своего отношения к вопросу о свободе плавания чрез проливы, поскольку он касается непосредственно нас, и независимо от уговора, какой мог бы по тому же вопросу состояться между нами и Турцией.

В частности относительно Англии я должен при этом заметить нижеследующее.

Основой какого-либо изменения в вопросе о проливах, очевидно, должен быть уговор с Турцией. Поэтому условие, каковое, насколько можно судить из разговоров ваших с сэром Э. Греем, повидимому, ставит Англия: о *предварительном* согласии Порты, кажется мне ничем не вызываемым, так как, не давая Англии какой-либо новой гарантии против неудобного ей решения, оно способно дать опорную точку Турции к несговорчивости по этому предмету.

Что касается дальнейшей международной формулировки вопроса в будущем, то об этом, мы полагаем, еще рано заботиться, ибо [1] мы не стремимся к решению непременно ныне же вопроса о проливах, а лишь к выяснению могущих представиться условий этого решения.

В пределах этих оговорок ничто, повидимому, не мешает великобританскому правительству сообщить нам в письменной форме, как это было в 1908 г., отношение свое к вопросу о предоставлении России свободы плавания чрез проливы, и если вы усмотрите готовность Англии в вопросе этом пойти далее формулировки 1908 г. в соответствии с вышеизложенными оговорками, я покорнейше прошу ваше сиятельство воспользоваться ближайшим случаем, чтобы просить лондонский кабинет о таковом письменном сообщении императорскому правительству.

Примите и пр.

[Нератов.]

№ 780. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Берлине Остен-Сакену.

Письмо. 2 ноября/20 октября 1911 г.

Частное.

Глубокоуважаемый граф Николай Дмитриевич,

Пользуюсь сегодняшним курьером, чтобы затронуть один весьма важный вопрос.

В Константинополе чувствуется борьба двух политических течений: одно — за тесное единение с Германией и Австро-Венгрией, а другое — за сближение с нами, Францией и Англией. В тамошней печати уже началась полемика, могущая перенести обсуждение вопроса в сферы правительственные. Нам, очевидно, нужно подготовиться. Особенного нашего внимания заслуживает стремление распространенной в Турции газеты «Танин» пропагандировать идею сближения с нами [2]. Я не имею никаких иллюзий относительно искренности этой газеты и ее вдохновителей и готов верить совершенно иному объяснению начатой в Константинополе газетной кампании. Хитрый Саид-паша едва ли оставил мысль использовать желание Германии сохранить Турцию в своей орбите. С этой целью он, без сомнения, не упустит случая напугать в Берлине возможностью сближения с другими державами. Статьи «Танина» могли быть внушены именно этой мыслью. Что может дать Германия Турции? Очевидно, первый вопрос, интересующий турок, — благополучное заключение мира с Италией. Претензия турок сохранить суверенитет в Триполи укрепится с получением довольно благоприятных для них известий о затруднениях, с коими итальянцам приходится встретиться в Триполи. Может ли Германия взяться за убеждение итальянского правительства пойти на некоторый компромисс? От этого во многом зависит дальнейшее направление турецкой политики. С другой стороны, нужно, конечно, считаться с привычкой турок прислушиваться к Берлину. Быть может, политический шантаж ограничился бы некоторыми незначительными обещаниями со стороны Германии, и

---

[1] У Siebert'а слова: «Что касается... рано заботиться, ибо» опущены.

[2] См. № 749.

Турция вернется в нормальное свое подчиненное положение. Было бы крайне интересно быть осведомленным о впечатлениях, вызываемых в германских руководящих сферах турецкой политикой Саида-паши. Было бы также любопытно выяснить, относится ли германское правительство и сам император *попрежнему* сочувственно к разрешению вопроса о проливах в том смысле, как мы этого пожелали бы.

Считая своей обязанностью поставить эти вопросы на ваше суждение, я не скрываю от себя трудности получить на них ответы. Поэтому я формулирую их только в совершенно частном письме, предоставляя вам полную свободу решения, предпринимать ли что-нибудь или нет, конечно, не упуская из вида, что *выдавать* себя мы не должны и ничем себя не можем связывать ни в ту, ни в другую сторону.

Примите и пр.

А. Нератов.

№ 781. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Вене Н. Гирсу.

Письмо [1]. 2 ноября/20 октября 1911 г.
Частное. Секретно.

Здешний австро-венгерский поверенный в делах г. Силаши несколько участил в последние дни свои посещения министерства. Я должен это приписать указаниям, данным ему графом Эренталем на основании, вероятно, ваших объяснений с ним. Думаю, что это лучше для нас, так как при редких свиданиях трудно установить более живой обмен мыслей, а приходится ограничиваться сухим деловым разговором. Не хочу в этом видеть серьезного признака желания Эренталя сделать нам приятное с политической точки зрения. Но все же это облегчит, быть может, разъяснение к нашей пользе некоторых вопросов.

На первом месте, конечно, стоит нынешний кризис на Ближнем Востоке. Эренталь не перестает твердить, что он далек от мысли об агрессивной политике. Это вполне естественно, ибо внутри Австрии не все обстоит благополучно. Но эта же причина служит иногда таким могучим рычагом, что диверсия внешняя приветствуется как удобный выход. Не хочу утверждать, что таковы условия в Вене, но невольно внимание наше привлекается сведениями, поступающими из разных источников, о приготовлениях на юге. Военные силы в Боснии всегда наготове, но было бы все же желательно осветить этот вопрос и выяснить, справедливо ли известие о том, будто бы некоторое передвижение войск совершается к Санджакской границе. В. Н. Коковцов поручил Сватковскому съездить туристом и сообщить то, что ему удалось бы разузнать, не вмешивая в это дело наших официальных агентов, за которыми установлено, вероятно, строгое наблюдение. Не думаю, чтобы эта поездка дала положительные результаты, но противиться ей едва ли есть необходимость [2].

---

[1] Маш. копия.

[2] Донесением от 12 окт./29 сент. за № 23 Сватковский (корреспондент Петербургского тел. аг-ва в Вене) передавал в м-во ин. дел сообщение Крамаржа о военных приготовлениях Австро-Венгрии: «Меры предосторожности, предпринимаемые Австро-Венгрией, ее нервность и готовность к действиям объясняется решимостью приступить к оным в случае, если война вспыхнет на Балканах против желания Вены». Ссылаясь на сведения, полученные от своего люблянского осведомителя, Сватковский передавал также, что «пороховой завод в Штейне близ Любляны в последнее время работает непрерывно круглые сутки и ежедневно отправляет на юг в Боснию и Далмацию по несколько вагонов». По сообщению того же осведомителя, переданному им в первые дни итало-турецкого конфликта, «обычный в последнее время усиленный состав австрийских войск на итальянской границе ослаблен отозванием нескольких частей до нормального уровня, которого не было уже в течение четырех лет». Как сообщал Сватковский, б. министры Жачек и Прошек подтвердили это известие, «подчеркнув при этом, что вообще господствовавшая в последние годы мысль, что ближайшая война будет с Италией, в последнее время оставлена и все внимание сосредоточено на России. Крамарж выражает убеждение, что Вена не хочет и боится войны с Россией, но верит, что она будет, и потому все внимание посвящается России и соседней с ней Галиции».

Военные приготовления Австро-Венгрии могут быть объяснены общей причиной — кризисом местным в Европейской Турции, но, кроме того, они могли бы быть внушены мыслью произвести известное впечатление в Константинополе, ввиду происходящей там глухой борьбы разных течений: в сторону Тройственного союза или же в сторону других держав.

Вы, конечно, обратите внимание на настойчивость, с которой наиболее влиятельная газета «Танин» обсуждает вопрос о сближении с нами, а следовательно с Англией и Францией. Не предаваясь оптимистическим иллюзиям насчет искренности «Танина» и его вдохновителей, я скорее склонен усмотреть в этой газетной кампании попытку турок вызвать державы на более открытую поддержку против Италии, т. е. путем угрозы сблизиться с нами — продать свою свободу действий Берлину и Вене по возможно дорогой цене. Было бы очень важно осведомиться, *не выдавая себя*, о впечатлениях, производимых в венских руководящих кругах существующими в Константинополе движениями политического характера. При том или другом направлении политики в Константинополе придется определить свой образ действий, не упуская из виду всех бывших у нас соглашений с Австрией и нынешних все еще деликатных отношений с ней. Склонность Эренталя приблизиться к нам может сослужить нам в этом случае существенную пользу.

Понимая вполне, что изложенные мысли могут вызвать различные соображения и осуществление их, даже частичное, не при всех условиях возможно, я счел более правильным высказаться только в совершенно частном письме, предоставляя вам определить ближайшим образом дальнейшие возможные шаги.

Н е р а т о в.

№ 782. Управляющий дипломатическим агентством в Каире временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма [1]. 2 ноября/20 октября 1911 г.

Появившиеся несколько дней тому назад в арабских газетах телеграммы из Константинополя о блестящих победах турецких войск в Триполи сильно возбудили мусульманское население Египта. В Александрии туземцы произвели вчера крупные беспорядки. Толпа разгромила несколько кофеен и магазинов, принадлежащих европейцам. На площади Магомет-Али толпа приняла к 6 часам угрожающие размеры; прибывшие на площадь для водворения порядка полицейские офицеры были избиты. Полиция вообще действовала очень слабо, и только в 11-м часу, когда толпа дошла до 30 тысяч человек, конная полиция при помощи пехоты принялась разгонять сборища. В происшедших столкновениях убит один араб и ранено 15 человек, из них 3 европейца. Английские войска для прекращения беспорядков вызваны не были. Вчера благодаря энергичным действиям полиции в Александрии было спокойно.

Третьего дня и вчера в арабских кварталах Каира происходили антиевропейские демонстрации мусульман со знаменами, но столкновений с европейцами не было. Подобные демонстрации имели также место в Танте и Мансуре.

С а б л е р.

№ 783. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 171 [2]. 2 ноября/20 октября 1911 г.

Сербский посланник в Константинополе сообщил, что наш посол настойчиво советует, чтобы Сербия каким-либо конкретным шагом засвидетельствовала о желании своем войти в тесное соглашение с Турцией, в целях охранения общих интересов балканских государств. В здешних правительственных кругах это

[1] Маш. копия. Номер отсутствует.
[2] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 42.

вызвало некоторое смущение. За последние годы сербское правительство явило не мало доказательств своего искреннего дружелюбия к Турции и готовности поддерживать с ней добрососедские отношения, не встречая однако, взамен сего, ни малейшего расположения турок к защите интересов сербского населения в пределах империи. Приняв, согласно указаниям императорского правительства, твердое решение поддерживать и впредь самые мирные отношения с Турцией, сербы считают едва ли своевременным выступить с какими-либо союзническими предложениями в Константинополе, где до сих пор не хотят понять значения тесного сближения со славянами. Со своей стороны, могу только присоединиться к этой точке зрения сербского правительства. Вполне ясные и откровенные шаги к сближению должны быть сделаны турками, а не сербами, ничем не вызываемое выступление коих было бы с надменностью принято турками, как заискивание. Помимо сего, полагаю, что настойчиво предлагаемый Чарыковым шаг сербского правительства вызвал бы недоверие в Софии и, несомненно, повредил бы налаживающемуся сербско-болгарскому сближению, которое и для славян и для России несравненно важнее, нежели весьма проблематическая балканская конфедерация во главе с младотурками, доказавшими свою политическую недальновидность.

Гартвиг.

784. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 1015 [1]. 2 ноября/20 октября 1911 г.

Получил телеграмму № 1643 [2].

Сегодня лично предъявил министру иностранных дел изложенные в телеграмме вашего превосходительства за № 1568 требования [3]. Вернул обратно ноты и изложил точку зрения министерства на имевшие место инциденты, причем требование о замене жандармов персидскими казаками я также распространил и на оба имения Шоа-эс-Солтане. Министр заметил, что залог имений банку противоречит его концессии, что самый факт залога дома не был известен правительству, и что, поручая Шустеру вступить во владение конфискованным у некоторых лиц имуществом, кабинет приказал ему точно сообразоваться со всеми формулированными императорской миссией требованиями и, в частности, предупредил его об аренде русско-подданными Доулетабада. Министр, повидимому, заключил, что неудовольствие императорского правительства в данном случае вызвано главным образом действиями главного казначея и его жандармов, а потому он поспешил меня заверить, что кабинет вообще не одобряет деятельности Шустера и желает воспользоваться первым удобным случаем, чтобы наложить на него узду. Упомянув затем об изложенном в сегодняшней агентской телеграмме инциденте между Шустером и Ала-эд-Доуле [4], как о доказательстве существующей ныне особой натянутости отношений между нынешними министрами и американским советником, Восуг-эд-Доуле просил меня не торопить ответом на предъявленные

[1] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 205, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[2] Тел. от 31/18 окт. за № 1643 в делах б. м-ва ин. дел не обнаружена. В журнале исходящих тел. относительно ее содержания сказано: «О посылке отряда в Марагу и усилении тавризского отряда».

[3] См. № 694.

[4] В «Новом времени» от 4 ноября/22 окт. за № 12792 была помещена тел. Петербургского телеграфного агентства из Тегерана, в которой сообщалось о трениях между Шустером и назначенным незадолго до этого ген.-губернатором Фоса Ала-эд-Доуле. Шустер требовал уплаты земельных налогов, которые Ала-эд-Доуле считал уже уплаченными бывшему министру финансов. «Хотя кабинет приказал главному казначею не беспокоить занятого приготовлениями к отъезду сановника, — сообщалось далее, — Шустер все-таки послал сегодня своего чиновника с 6 жандармами в дом Ала-эд-Доуле с требованием денег и угрозами насильственных мер в случае неуплаты. Взбешенный Ала-эд-Доуле приехал в заседание кабинета. Первый министр немедленно послал в его дом двух бахтиарских ханов, которые отобрали от чиновника предписание Шустера и разоружили жандармов. Шустер собирается послать туда сотню жандармов и настоять на своем».

императорским правительством требования, так как иначе популярность Шустера может значительно усилиться среди неуравновешенных персидских политиканов. Я возразил, что мои инструкции совершенно формальны, и ответ должен последовать в самом непродолжительном времени. На это министр заявил, что он обязан испросить указаний кабинета и даст ответ не позже субботы, [4 ноября] 22 октября. О поведении Петрова и Гильдебранда все свои требования и взгляды я уже сообщил вашему превосходительству. Дальнейшее расследование может дать повод к новым трениям. Притом без допроса персов, который и мне представляется нежелательным, едва ли окажется возможным получить какие-либо новые данные.

Поклевский.

№ 785. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 97 [1]. 2 ноября/20 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Как я имел честь сообщить телеграммой от [31] 18 октября за № 683 [2], правительство пошло на все уступки перед требованиями конституционной палаты. [30] 17 октября опубликован был ряд знаменательных императорских указов, перевод коих при сем препровождается для сведения вашего превосходительства [3]. Один из этих указов, общего характера, знаменует собой полную капитуляцию правительства перед революционным движением. От имени императора войскам и народу дается торжественная клятва: ввести в Китае конституционный образ правления и во всех решениях считаться с общественным мнением страны; отменить все старые законы, несогласные с духом конституции, и совершенно уравнять в правах маньчжур и китайцев. Вся вина за происшедшее принимается богдоханом на себя, и в заключение делается довольно странный призыв к населению с указанием «на современное тяжелое финансовое положение Китая и на грозящую ему извне серьезную опасность».

Одновременно с сим были обнародованы указы: о сформировании, по наступлении успокоения, ответственного кабинета с исключением из него членов императорской фамилии; о внесении на рассмотрение конституционной палаты основных законов и о даровании амнистии политическим преступникам, как тем, которые принимали участие в перевороте 1898 г., так и всем участникам нынешнего революционного движения.

Таким образом ради спасения династии правительство изъявляет готовность отказаться от всего того, что оно еще так недавно готовилось защищать. Ближайшим поводом к такой уступчивости было, кроме требований конституционной палаты, отказ 20-й дивизии, назначенной в действующую армию, отправиться на Юг, если не будут немедленно исполнены предъявленные ею в 12 пунктах требования, перевод коих при сем прилагается [4]. В связи с этим позволяю себе также препроводить к вашему превосходительству, для характеристики требований революционеров, перевод распространявшейся в Пекине прокламации с изложением программы от имени революционного правительства [4].

Какое впечатление произведут в стране перечисленные указы и остановят ли они революционное движение, сказать теперь невозможно. Несомненно, что если они и встретят одобрение более умеренных элементов борющейся с правительством стороны, то в то же время они не могут не произвести впечатления на посылаемые против революционеров войска, так как этими самобичующими указами создается самое исключительное положение вещей: войска должны бороться против лиц, оправдываемых императорскими указами.

---

[1] Опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. V, стр. 87.

[2] Содержание тел. Коростовца от 31/18 окт. за № 683 в основном изложено в публикуемом документе.

[3] Содержание упомянутых указов в основном изложено в публикуемом документе.

[4] Приложение не воспроизводится.

*

Сделанные правительством уступки послужили предметом обсуждения на последних заседаниях конституционной палаты, причем высказано было мнение, что для осуществления обещанных реформ нет надобности ждать успокоения страны и что ныне же управление государством должно быть изъято из рук тех министров, которые были признаны указами недостойными доверия трона. Точно так же, судя по отзывам китайской прессы, общественное мнение не удовлетворилось уступками правительства, признавая таковые запоздалыми и лишь частично удовлетворяющими выставленные требования. Кроме того, некоторые газеты сомневаются в искренности заверений правительства и указывают на тот факт, что главные виновники всего случившегося продолжают безнаказанно оставаться у власти, свалив всю вину на императора, который не может считаться ответственным ввиду своего высокого положения и в силу принципа конституционных законов.

Все это побудило правительство сделать еще шаг в сторону уступок, и [1 ноября] 19 октября был опубликован новый указ (перевод прилагается [1]), в коем объявляется об увольнении всех членов нынешнего совета министров с окончательным исключением из него членов императорской фамилии, и о назначении Юань Ши-кая на пост председателя совета министров [2]. Последнему предписывается, «по выработке необходимых мероприятий в Хубэе, немедленно прибыть в столицу, чтобы образовать настоящий ответственный кабинет и как можно скорее приступить к реформам в управлении страной».

Таким образом события последних дней привели к тому, что правительство, убедившись в невозможности рассчитывать на защиту военной силой, ищет выхода, во-первых, в поддержке конституционной палаты, надеясь, очевидно, на влияние членов ее на население отдельных провинций; во-вторых, в привлечении на свою сторону Юань Ши-кая, который, несмотря на то, что в последнее время находился не у дел, продолжает пользоваться большим авторитетом в стране и, по справедливости, считается единственной крупной личностью среди современных китайских сановников.

Что же касается до военных действий близ Ханькоу, то известия о них попрежнему крайне скудны. Правительственным войскам удалось оттеснить революционные силы к Ханьяну и, по слухам из китайских источников, занять европейскую часть города. Однако последнее не подтверждается и кажется сомнительным ввиду того, что до сего дня телеграфное сношение с концессиями еще не восстановлено и никаких известий из Ханькоу от консулов за последние десять дней получено не было. Вай-ву-бу старалось раздуть значение победы правительственных войск и сообщало о полном разгроме мятежников и о потерях до 1 500 человек с их стороны. Однако, по данным агентства Рейтера, выяснилось, что потери революционеров не превысили 400 человек и что с их стороны в сражении принимали участие главным образом навербованные на месте рекруты. Ныне, по сведениям из вай-ву-бу, идут успешные операции правительственных войск и флота для отобрания у революционеров Учана.

Гораздо большее значение имеет захват [30] 17 октября революционерами г. Тай-юань-фу в Шансийской провинции, о чем я имел честь сообщить телеграммой от [31] 18 октября за № 684 [3]. Как известно, город этот соединен веткой с Пекин-Ханькоуской железной дорогой у станции Джен дин-фу. Часть этой ветки оказалась в руках революционеров, каковое обстоятельство, в связи с отказом войск в Бао-дин-фу итти в Шансийскую провинцию, не могло не произвести

---

[1] Приложение не воспроизводится.

[2] В тел. от 2 ноября/20 окт. за № 689 (опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 72) Коростовец, сообщая о назначении Юань Ши-кая председателем совета м-ров, уведомлял: «Князь Цин, Натун и Сюй Ши-чан уволены от должностей с назначением: первый — председателем, а остальные — членами верховного тайного совета, вместе с бывшим председателем последнего — Юн-Цином. Князь Цзай-тао уволен от должности начальника главного штаба, по прошению, с назначением на его место Инчана и с оставлением последнего временно во главе военного министерства. Князь Цзай-Цзе-Цоу-Циа-лай и прочие уволены от должностей членов совета министров, по прошению. Вейгундао назначен хугуанским генерал-губернатором».

[3] См. № 773.

сильного впечатления в столице, так как сразу возникла возможность перерыва сношений между Пекином и правительственными войсками на юге.

Ныне, по имеющимся сведениям, Юань Ши-кай прибыл к месту стоянки правительственных войск у Ханькоу, и дальнейшее развитие событий зависит от тех шагов, которые будут сделаны названным сановником, и от отношения к нему революционеров. Юань Ши-кай, который уже высказался против междоусобной борьбы, хочет, будто бы, сначала попытаться войти в компромисс с революционерами на почве политических уступок и, лишь в случае неприемлемых требований с их стороны, возобновить военные действия.

Примите и пр.

Коростовец.

№ 786. Поверенный в делах в Токио временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 208. 2 ноября/20 октября 1911 г.

Из военного министерства официально и доверительно сообщили нашему военному агенту для передачи мне, что ввиду серьезного оборота, принимаемого восстанием в Китае, имеется в виду в крайнем случае и с согласия России и Англии отправить с Квантуна морем на Таку или Шанхай-гуань одну бригаду пехоты для занятия Тяньцзина или Пекина и железнодорожного туда от Шанхай-гуаня пути.

По объяснению военного министерства, этот необычный путь извещения меня избран потому, что министр иностранных дел не сделал аналогичного заявления здешнему послу союзной державы, которому вчера лишь сообщено об общем опасном положении дела в Китае и что поэтому, дабы не нарушать принципов, установленных союзом, товарищ министра иностранных дел предполагает иметь со мной частный разговор только завтра.

Броневский.

№ 787. Военный агент в Японии в отдел генерал-квартирмейстера генерального штаба.

Рапорт № 381 [1]. 2 ноября/20 октября 1911 г.

В дополнение к рапорту № 379 [2] и телеграмме № 380 [3].

В дополнение к рапорту моему от [31] 18 сего октября за № 379 и телеграмме сего числа за № 380 доношу, что вчера вечером ко мне пришел начальник департамента внутренних дел военного министерства [4] генерал-майор Танака и, передав представленные при сем в переводе последние известия из Китая [5], заявил следующее:

«В крайнем случае, если обстоятельства того потребуют, и с согласия России и Англии, предполагается первоначально для занятия Тяньцзина или Пекина и железной дороги до этих пунктов от Шанхай-гуаня отправить с Квантуна морем через Таку или Шанхай-гуань одну бригаду пехоты мирного состава от 5-й дивизии. Бригада всегда готова к отправке. Подлежащие увольнению в сем году в отпуск нижние чины 5-й дивизии задержаны до мая будущего года (только в пехоте) и новобранцев для пехотных полков ее не посылают [6]. В случае ухода бригады с Квантуна взамен ее будут присланы новые части из Японии.

В общем такое выступление для Японии нежелательно и будет сделано только в крайнем случае, в особенности ввиду настойчиво проводимого принципа экономии государственных расходов.

---

[1] Маш. копия.

[2] См. стр. 302, прим. 3.

[3] Содержание тел. Самойлова от 2 ноября/20 окт. за № 380 изложено в публикуемом документе.

[4] Так в оригинале.

[5] Приложение отсутствует.

[6] В тел. от 8 ноября/26 окт. за № 400 Самойлов сообщал: «Отряд, о коем донесено в телеграмме 380, увеличен тремя батареями, ротой сапер и железнодорожной командой».

Вышесказанное отправление отряда по железной дороге через Инкоу-Гоубаньцзы на Шанхай-гуань признается более медленным и не безопасным.

Если бы русский отряд направлялся к Пекину, то он может рассчитывать на содействие железной дороги. Японцы желали бы знать, какой силы отряд предполагали бы мы отправить к Пекину, если такое предположение существует. С их же стороны вообще предполагается ограничиться возможно меньшим, начав с бригады, даже без артиллерии и кавалерии, которые отправляют своих старослужащих и получают новобранцев (одну треть, тогда как пехоте — половину, — замечание мое). При этом генерал-майор Танака еще раз повторил, что Япония предпримет такое выступление лишь с согласия Англии и России, причем, по его словам, с англичанами еще никаких переговоров по этому не было и таковые, вероятно, будут вестись не здесь, а в Лондоне».

На мой вопрос о том, какие обстоятельства могут вынудить Японию к отправке войск к Пекину, генерал-майор Танака ответил, что это может быть предпринято для поддержки китайского императора, но опять-таки с согласия России и Англии.

Далее генерал-майор Танака сказал, что в Японии предполагают, что мы, пользуясь настоящим положением вещей, займем Или, и он спрашивал меня, справедливо ли это, на что я ответил, что мне это неизвестно. Равным образом он спрашивал меня, какова численность нашей стражи Заамурского округа, на что я также ответил, что мне это неизвестно. Тогда он просил меня, если возможно, сообщить ему эту данную.

На мой вопрос, не предполагают ли японцы отправить войска в Манчжурию, он отвечал, что это нежелательно, но если бы понадобилось сделать это для защиты железной дороги, то войска могут быть отправлены строго в пределах необходимого.

После этого генерал-майор Танака спросил меня, правда ли, что мукденский вице-король получает от русских 5 млн. таэлей в заем; я отвечал, что это мне совершенно неизвестно. Генерал-майор Танака добавил, что японский банк «Сёкин-Гинко» в займе отказал.

На этом свидание прекратилось; генерал Танака сказал, что ему надо ехать к военному министру, и просил все сказанное сохранить в тайне, доложив разговор нашему поверенному в делах, что и было тотчас сделано.

Уходя, генерал-майор Танака просил меня притти в пятницу, [3 ноября] 21 октября, в военное министерство за дальнейшими сведениями.

[Самойлов.]

№ 788. Поверенный в делах в Вашингтоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 58. 2 ноября/20 октября 1911 г.

Получил телеграмму № 1654 от [1 ноября] 19 октября [1].

Управляющий государственным департаментом мне категорически сказал, что сообщаемые в ней сведения о переговорах американского консула в Ханькоу с китайскими революционерами о займе неверны: ни в какие подобного рода переговоры консул не уполномочен вступать с ними. Даже заявления революционеров о сохранности имущества иностранцев и о признании ими, в случае успеха революции, прежних долгов Китая, оставлены американским правительством без ответа. За действия других консулов здесь, конечно, поручиться не могут. О займе для оплаты купонов по боксерскому вознаграждению в государственном департаменте ничего не известно: полагают, что слухи о нем вызваны искаженным толкованием известия о домогательстве китайского правительства перед державами о временной приостановке уплаты следуемых им за боксерское восстание сумм.

Кудашев.

---

[1] См. № 774.

№ 789. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 257 [1]. 3 ноября/21 октября 1911 г.

Grey dit qu'ambassadeur turc a, d'ordre de son gouvernement, proposé au gouvernement anglais rapprochement sérieux, en ajoutant que si Porte s'adressait d'abord à l'Angleterre, il entrait dans son projet étendre ce rapprochement à la Russie et à la France, à condition d'assurer à la Turquie ferme appui pour conservation droit de souveraineté Tripoli. Grey me dit qu'en vue négociations notre ambassadeur à Constantinople, il a répondu de façon la plus amicale possible en disant qu'il sympathisait au projet de rapprochement ferme et durable de la Turquie avec l'Angleterre et les Puissances de la Triple Entente, mais qu'il croyait moment peu propice pour négociations, attendu que condition à laquelle la Turquie soumettait son projet accentuait que des négociations et une conclusion n'étaient pas compatibles avec principe de neutralité proclamé par gouvernement anglais. Grey dit qu'il tenait de m'informer confidentiellement de cétte démarche et sa réponse, comme hier ambassadeur français. Il dit aussi qu'il a fait comprendre ambassadeur turc qu'un rapprochement entre l'Angleterre et la Turquie comporterait règlement de plusieurs questions ouvertes, entre autres celle du chemin de fer de Bagdad.

Benckendorff.

Перевод.

Грей сказал, что турецкий посол, по приказанию своего правительства, предложил английскому правительству серьезное сближение, добавив, что если Порта и обращается сначала к Англии, то в ее планы входит распространить это сближение на Россию и Францию, при условии, что Турции будет обеспечена твердая поддержка для сохранения права суверенитета над Триполи. Грей сказал мне, что вследствие переговоров нашего посла в Константинополе он ответил самым дружеским образом, указав, что он сочувствует проекту прочного и длительного сближения Турции с Англией и державами Тройственного согласия, но что он считает настоящий момент мало благоприятным для переговоров, так как условие, которому Турция подчиняет свой проект, подчеркивает, что переговоры и заключение [соглашения] несовместимы с принципом нейтралитета, провозглашенного английским правительством. Грей сказал, что считает нужным доверительно уведомить меня об этом шаге и о своем ответе, так же как [он уведомил] вчера французского посла. Он сказал также, что дал понять турецкому послу, что сближение между Англией и Турцией предполагало бы урегулирование нескольких открытых вопросов, между прочим вопроса о Багдадской железной дороге.

Бенкендорф.

№ 790. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 76. 3 ноября/21 октября 1911 г.

Ссылаюсь на №№ 65 [2], 71 [3], 72 [4]. Только-что беседовал с товарищем министра иностранных дел. Из его слов заключаю, что итальянцы несколько тяготятся затягивающеюся неопределенностью положения. Он желал бы найти выход из него. Я указал князю Скалеа на бесполезность и опасность таких мер, как вторжение в Дарданеллы. Он вполне согласился со мною, тем более, что морской министр еще сегодня не скрыл от него, что успех предприятия мог бы быть куплен только дорогой ценой. Я склонен думать, что они на это не пойдут. Так, они не будут, по его словам, бомбардировать ни Салоник, ни Смирны, чтобы не вызвать смуты в Албании и не повредить итальянским предприятиям. Занятие каких-нибудь островов признается бесполезным. Итальянцы выжидают новой победы, чтобы объявить присоединение занятых областей, надеясь, что такое событие поставит Европу перед совершившимся фактом. Если бы это показалось недоста-

[1] Опубл. Siebert, II, S. 197, N 479.
[2] См. стр. 221, прим. 1.
[3] См. № 754.
[4] См. № 767.

точным, или не будет новых сражений, итальянцы хотят перенести военные действия в Красное море. Они надеются, что, затронув важные интересы Великобритании, они заставят ее произвести давление на Порту. Я посоветовал ему, прежде чем приступить к таким действиям, обратиться к великобританскому правительству и предупредить его, к чему Италия будет вынуждена прибегнуть, если Порта своевременно не уступит. Он уже заранее..., беспокоясь, какие из держав первыми признают присоединение. Ввиду вероятной бесповоротности такового, казалось бы выгодней не медлить с признанием, когда присоединение состоится [1].

Долгорукий.

№ 791. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 89. 3 ноября/21 октября 1911 г.

Ambassadeur de France m'annonce ce matin que l'accord congolais a été paraphé hier et qu'il espère que l'instrument définitif pourra être signé demain, samedi. Les derniers pourparlers ont été, au dire de Mr. Cambon, particulièrement difficiles, la France a dû renoncer à la rectification en sa faveur de la frontière du Togo qui a été forcément éliminée.

Osten-Sacken.

Перевод.

Французский посол заявил мне сегодня утром, что соглашение о Конго парафировано вчера и он надеется, что окончательный акт может быть подписан завтра, в субботу. Последние переговоры, по словам г. Камбона, были особенно трудны. Франция вынуждена была отказаться от исправления в свою пользу границы Того, каковое исправление было по необходимости исключено.

Остен-Сакен.

№ 792. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 85. 3 ноября/21 октября 1911 г.

Получил телеграмму № 1598 [2].

Заявления Гешову сделали в субботу [28] 15 австрийский, германский, русский, французский посланники. Никто из нас не сообщил об этом в Константинополь.

Неклюдов.

№ 793. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 1023 [3]. 3 ноября/21 октября 1911 г.

Узнаю из достоверных источников, что Шустер назначил начальником финансовой части в Азербайджане англичанина Лекофра, служившего за последние два года в здешнем министерстве финансов. Личность эта известна своей враждебностью к России, и о ней упоминается в обзоре Саблина от [24] 11 июля 1909 г., № 38 [4]. Я считал бы крайне желательным опротестовать это назначение пред шахским правительством и всегда поступать таким образом, когда на более зна-

[1] Тел. от 4 ноября/22 окт. за № 78 Долгорукий сообщал дополнительно: «Французский и великобританский коллеги разделяют мое убеждение о необходимости державам Тройственного согласия уже теперь спешно выяснить то положение, которое они займут по отношению неминуемого на этих днях объявления присоединения Триполи и Киренаики. Оба телеграфируют в этом смысле своим правительствам».

[2] См. стр. 245, прим. 2.

[3] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 208, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[4] В указанном обзоре Саблин упоминает о служащем шахиншахского банка Лекофре, как об участнике национально-революционного движения в Персии.

чительные должности в нашей сфере влияния будут назначаться иностранцы, известные своей к нам враждебностью [1].

Поклевский.

№ 794. Поверенный в делах в Токио временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 209 [2]. 3 ноября/21 октября 1911 г.

Сейчас на завтраке во дворце, Кацура, повидимому, продолжающий принимать самое деятельное участие в политических делах, сказал мне, что положение в Пекине настолько плохо и манчжурская династия в такой опасности, что надо быть готовым ко всем случайностям; по его мнению, желательно, чтобы обе соседние державы, наиболее заинтересованные в судьбах Китайской империи — Россия и Япония — действовали в полном согласии. Полагая, что японское правительство, имеющее ныне в Китае много агентов, полнее нашего осведомлено о ходе революционного движения, он указал военному министру держать нашего военного агента в курсе получаемых здесь военными властями сведений. Я сказал, что, насколько мне известно, в интересующих Россию и Японию областях Китая все спокойно, и спросил, неужели он предвидит необходимость и возможность активного иностранного вмешательства в Пекине. Кацура от прямого ответа уклонился, повторив лишь, что нужно быть готовыми ко всему. Завтра вновь увижу Кацура, а также министра иностранных дел. Мое первое впечатление, что Япония опасается чьего-либо вмешательства в Пекине, решила оного не допустить и в каждый момент готова выступить, желала бы втянуть и нас в общие с нею действия [3].

Броневский.

№ 795. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Токио Броневскому.

·/. Телеграмма № 1686. 4 ноября/22 октября 1911 г.

Сообщается послам в Лондоне и Париже и посланнику в Пекине.

№№ 208 [4] и 209 [5] получены.

Обсуждая настоящее положение на Дальнем Востоке, императорское правительство признало необходимым действовать параллельно с японским по отношению событий в Китае, не принимая на себя инициативы активных выступлений. Такой параллелизм желательно провести и в отдельных вопросах охраны иностранных подданных, особенно в северных областях Внутреннего Китая. В частности, относительно Манчжурии решено следовать тому же образу действий, т. е. ограничиваться параллельными с японскими мерами усиления нашего там положения и приступить к решению манчжурского вопроса, только если японцы возьмут на себя инициативу в этом направлении.

Вышеизложенное сообщается вам для сведения.

[Нератов.]

---

[1] Тел. от 4 ноября /22 окт. за № 1691 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 209) Нератов одобрил предложение Поклевского «о необходимости протестовать против назначения Лекофра и других подобных лиц в сфере нашего влияния» и выразил надежду, что Барклай поддержит его протест «ввиду данных нам англичанами обещаний оказывать нам поддержку в тех случаях, когда наши интересы будут нарушены». На этой тел. (копия в Лондон) имеется помета Николая II: «Такие протесты могут вызвать одни только улыбки». «Ливадия, [11 ноября] 29 октября 1911 г.».

[2] Опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 73.

[3] Тел. от 4 ноября/22 окт. за № 210 Броневский сообщал: «Министр иностранных дел категорически сказал мне, что вопросы, изложенные в моей телеграмме № 208 [см. № 786], затронуты здесь без его ведома и что дошедшие до меня, через нашего военного агента из здешнего военного министерства сведения относительно намерения Японии не соответствуют взглядам японского правительства. Активное вмешательство в китайскую смуту и посылку войск в Китай он считает несвоевременным и опасным, могущим вызвать новое боксерское восстание».

[4] См. № 786.

[5] См. № 794.

№ 796. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

'/. Телеграмма № 1694 [1]. 4 ноября/22 октября 1911 г.

Ввиду разнесшихся в печати суждений о давлении России в смысле образования балканской федерации с участием Турции [2], считаем долгом пояснить, что принцип взаимного сближения балканских народностей нами попрежнему считается желательным. Что же касается формулы, то вполне предоставляя ее выработку почину самих договаривающихся, полагаем, что она должна допускать мысль о присоединении и Турции к соглашению. В этом смысле мы высказываемся и в Софии.

[Нератов.]

№ 797. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

'/. Телеграмма № 1695 [3]. 4 ноября/22 октября 1911 г.

Копия в Лондон.

Телеграмма № 158 получена [4].

Совокупность известий из Рима [5] подтверждает возможность перенесения военных действий в Красное или Эгейское море, чем может быть объяснена попытка Италии вызвать нас, Францию и Англию на более решительное давление на Турцию в пользу принятия нынешних итальянских условий [6]. Не следует однако терять из виду, что такое выступление перечисленных держав было бы весьма на-руку Германии и Австрии, так как сосредоточило бы на Тройственном согласии то чувство разочарования и негодования, которое, конечно, овладеет Турцией и должно бы, в противном случае, в большей степени пасть на союзниц Италии [7]. Не скрывается ли за обращением Титтони потребность для Италии притти к скорейшему заключению мира, в каковом случае можно бы чрез Титтони же зондировать, на какие сделки была бы согласна Италия для достижения этой цели. Такое разрешение вопроса было бы выгодно взять в руки трем державам Согласия.

Нератов.

№ 798. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

'/. Телеграмма № 1696. 4 ноября/22 октября 1911 г.

Панафье официально сообщил мне текст франко-германского соглашения о Марокко, прося нас изъявить наше присоединение к нему. Я ответил ему, что правительству республики было уже заранее известно о нашем согласии на условия, о коих договорится Франция с Германией [8]; что ныне я повторяю ему наше удовольствие по поводу окончания столь трудных переговоров, но что официальный ответ наш может последовать лишь по высочайшем согласии, т. е. чрез несколько дней [9].

---

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 43.
[2] См. № 783.
[3] Опубл. Stieve, I, S. 171, N 152 (без указания номера).
[4] См. № 775.
[5] См. № 790.
[6] У Stieve слова: «в пользу принятия нынешних итальянских условий» опущены.
[7] У Stieve слова: «и должно бы... союзниц Италии» опущены.
[8] См. № 743.
[9] 6 ноября/24 окт. в докл. записке Николаю II Нератов сообщал, что франц. и герм. представители официально уведомили его о подписании соглашения относительно Марокко. Нератов указывал, что «откладывать изъявление согласия по отношению к Франции нет основания ввиду уже проявленной правительством республики готовности пойти навстречу нашим желаниям, переданным в Париже гофмейстером Извольским» (см. № 738). На докл. записке имеется помета Николая II: «С[огласен]». «Ливадия, [11 ноября] 29 октября 1911 г.»

Благоволите в этом смысле высказаться пред де Сельвом, поздравив его с благополучным окончанием столь сложного дела.

Нератов.

№ 799. Временно управляющий министерством иностранных дел министру финансов Коковцову.

Письмо № 1122. 4 ноября/22 октября 1911 г.

Спешное. Секретно.

М. г. Владимир Николаевич,

По получении письма вашего высокопревосходительства от [30] 17 сего октября, № 686 [1], я не преминул поручить нашим представителям в Берлине, Париже, Лондоне и Вашингтоне запросить подлежащих министров иностранных дел, действительно ли оперирующий в Китае франко-англо-германо-американский синдикат предполагает заключить для китайского правительства заем, предназначенный на уплату купона вознаграждения за боксерское восстание, гг. французский, английский, германский и американский консула в Ханькоу уже ведут переговоры с главами китайских революционеров о признании сказанного займа новым правительством, в случае падения царствующей ныне в Китае дайцинской династии. Вместе с тем я поручил послам в Берлине, Париже и Лондоне и поверенному в делах в Вашингтоне указать правительствам, при которых они аккредитованы, что около трети вознаграждения за боксерское восстание приходится на долю России, и что императорское правительство имеет поэтому право требовать, чтобы без его ведома и участия не совершалось никаких финансовых операций, связанных с этим вознаграждением.

Получив на следующий день известие о том, что шанхайский даотай не произвел ноябрьского взноса в международную комиссию банкиров, я счел долгом дополнительно телеграфировать графу Остен-Сакену, гофмейстеру Извольскому, графу Бенкендорфу и князю Кудашеву [2], поручая им довести до сведения министров иностранных дел, что ввиду существующей таким образом неисправности Китая в платеже причитающейся нам и прочим державам контрибуции, мы настаиваем на том, чтобы центральное китайское правительство не получало никаких денежных ссуд от иностранцев без нашего ведома и участия, если бы мы пожелали такового.

Одновременно я поручил нашим представителям выяснить взгляд германского, французского, английского, американского и японского правительств на те последствия, которые должна повлечь за собой задержка Китаем платежей по боксерскому вознаграждению. Несомненно, по этому вопросу нам предстоит действовать солидарно с прочими державами, участвовавшими в подавлении боксерской смуты. Заключительный протокол 1901 г. не предусмотрел условий осуществления державами своего права удовлетворить себя по сказанному вознаграждению за счет гарантирующих правильность его поступления доходов морских таможен Китая и соляной монополии. Повидимому, наиболее верным для этого способом было бы установление международного контроля над управлением таможен и соляной монополии, и такой оборот дела, по первому взгляду, не представляется мне для нас нежелательным, ввиду крупной доли, принадлежащей нам в боксерском вознаграждении. Я полагаю однако, что для нас было бы осторожнее не выступать инициаторами установления такого контроля, по крайней мере, до тех пор, пока мы не убедимся, что наше предложение в этом смысле встретит сочувствие большинства заинтересованных держав [3].

Покорнейше прося ваше высокопревосходительство почтить меня вашим заключением по настоящему предмету, пользуюсь случаем и пр.

[Нератов.]

---

[1] См. стр. 284, прим. 3.

[2] См. № 777.

[3] В ответном письме от 7 ноября/25 окт. за № 704 Коковцов, соглашаясь с мнением Нератова, указывал: «Мы должны самым решительным образом протестовать против отказа китайских властей от производства срочного платежа по означенному вознаграждению и,

№ 800. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 160. 4 ноября/22 октября 1911 г.

Де Сельв только-что уведомил меня об официальном подписании соглашения с германским правительством. Выдвинутое Кидерленом в последнюю минуту требование касательно будущности бельгийского Конго [1] благополучно устранено путем примирительной формулы. Особым обменом писем установлено, что все могущие возникнуть споры о толковании соглашения будут подлежать Гаагскому трибуналу. Французским представителям поручено сообщить часть соглашения, касающуюся Марокко, правительствам, подписавшим Алжесирасский акт. Все соглашение будет во вторник [2] внесено на рассмотрение палат, со стороны коих не предвидится серьезных препятствий. Местная печать в общем относится к соглашению сочувственно.

Извольский.

№ 801. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 172 [3]. 4 ноября/22 октября 1911 г.
Весьма доверительно.

Вскоре после возвращения короля Фердинанда, Гешов раза два обращался к сербскому посланнику в Софии с заявлением о желательности возможно скорее приступить к переговорам относительно проектированного сербо-болгарского соглашения. Осведомившись об этом, Милованович тотчас же вызвал Спалайковича. По тщательном обсуждении дела с Пашичем и некоторыми другими политическими деятелями, Милованович вручил Спалайковичу, вернувшемуся вчера в Софию, первый набросок проекта соглашения, который послужит исходной точкой для переговоров с болгарским правительством. Передавая мне весьма доверительно содержание проекта, М[илованович] убедительно просил сохранить его в строжайшей тайне. Излагаю текст в общих чертах: после обычного предисловия об одушевляющих королей Петра и Фердинанда чувствах взаимной дружбы, 11 статей соглашения проектированы в нижеследующем порядке:

Ст. 1. — В случае, если владениям одной из договаривающихся сторон угрожает нападение какой бы то ни было третьей державы, другая сторона обязуется без замедления и без всяких оговорок оказать помощь своей союзнице всеми имеющимися у нее военными силами. — Ст. 2. — В случае если бы какая-либо из европейских держав (чтобы не сказать Австрия) обнаружит явное стремление присвоить или оккупировать, хотя бы и на время, часть балканской территории, и таковые действия ее признаны были бы одной из договаривающихся сторон достаточным поводом к открытию военных действий — casus belli, — то другая сторона, как и в 1-й ст., обязана помогать союзнице военной силой. — Ст. 3. — Если положение на Балканах будет признано одной из сторон благоприятным для осуществления национальных задач, то предварительно активных действий она обязана договориться с другой стороной. Если соглашение не будет достигнуто, дело представляется на суд России, положительное и отрицательное решение коей обязательно для обеих сторон. В случае отказа России высказаться определенно, упорствующая сторона может начать действия на свой страх, но другая

по соглашению с другими державами, воспользоваться настоящим обстоятельством для того, чтобы восполнить пробел, который существует в Пекинском заключительном протоколе 1901 г. и состоит в отсутствии указания на действительные способы применения предоставленных Китаем гарантий». До осуществления этой меры Коковцов считал необходимым предъявить кит. прав-ву «категорическое требование о том, чтобы доходы, служащие обеспечением вознаграждения за боксерское восстание, обращались исключительно на покрытие срочных платежей по этому вознаграждению, а не на какие-либо другие нужды».

[1] См. № 762.
[2] 7 ноября/25 октября.
[3] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 43.

обязана соблюдать благожелательный нейтралитет, мобилизовав армию, которая должна быть готовой оказать помощь, если Турция найдет поддержку в третьей державе. Помощь союзницы является однако обязательной, если одна из сторон вынуждена будет объявить войну Турции в случае поголовной резни, взрыва фанатизма и революции в смежных с Сербией или Болгарией провинциях. — Ст. 4. — Во всех вышеприведенных случаях, территории, занятые союзницами, составляют временно общую собственность; но Сербия заранее отказывается в пользу Болгарии от Адрианопольского вилайета и части Косовского на юг от Шар-Планины; в свою очередь, Болгария отчуждает Сербии Скутарийский вилайет и части Косовского к северу от Шар-Планины. Относительно полюбовного дележа Битолийского и Салоникского вилайетов договаривающиеся стороны будут ходатайствовать о милостивом третейском решении государя императора. — Ст. 5 предвидит заключение военной конвенции, которая, составляя нераздельную часть соглашения, должна быть выработана к [13 февраля] 31 янв. 1912 года.— Ст. 6. — Соглашение имеет силу до [13 янв. 1917 г.] 31 дек. 1916 г., с обычными оговорками о прекращении и продолжении. — Ст. 7. — Соглашение в двух экземплярах на сербском и болгарском языках скрепляется подписью обоих монархов и контрассигнируется министрами иностранных дел; к военной конвенции присоединяются подписи особых военно-уполномоченных. — Ст. 8. — Третий экземпляр соглашения и военной конвенции с французским переводом сообщается благосклонному вниманию императорского правительства, с просьбой исходатайствовать всемилостивейшее соизволение на утверждение 4-й ст. — Ст. 9. — Обе стороны допускают в будущем по предварительному взаимному уговору присоединение к настоящему соглашению других держав, как-то: Черногории, Греции. — Ст. 10. — Сообщение кому бы то ни было означенной конвенции допустимо лишь по обоюдном испрошении сторонами согласия России. — Ст. 11. — Все недоразумения по букве и смыслу настоящего соглашения представляются на суд России. — Смею думать, что в изложенном виде проект соглашения едва ли дает повод к каким-либо опасениям, особенно если принять во внимание, что допускаемое ст. 3-й активное выступление при благоприятных для славян обстоятельствах, которые нельзя не предусмотреть ввиду подготовляющегося исподволь развала Турции, достаточно обуздывается обязательным обращением за советами к императорскому правительству.

Гартвиг.

№ 802. Поверенный в делах в Токио временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо. 4 ноября/22 октября 1911 г.

Весьма конфиденциально.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Во вторник, [31] 18 сего октября, военный министр давал обычный ежегодно перед маневрами завтрак для всех иностранных военных агентов, на котором присутствовал также и генерал-майор Самойлов.

Прямо с завтрака генерал-майор Самойлов приехал ко мне и доложил, что военный министр, отведя его в сторону, сказал, что он признает нужным держать его в курсе событий, происходящих в Китае, ибо полагает, что японское осведомление о тамошних делах, вероятно, несколько полнее нашего, и что он приказал по этому делу переговорить с ним начальнику департамента военных дел генерал-майору Танака. Генерал-лейтенант Исимото посоветовал нашему военному агенту не ехать на маневры, куда ни он сам, ни многие другие высшие чины военного министерства не едут, ввиду происходящих в Китае событий, которые он признает очень серьезными.

В тот же день генерал-майор Самойлов получил от генерал-майора Танака письмо, в коем, между прочим, говорилось: «Как вашему превосходительству известно, положение в Китае с каждым днем становится опаснее: если оно ухудшится, то я полагаю, что нам придется действовать вместе с Россией. Если мы

будем часто видеться и переговариваться, обмениваясь мнениями, то можно будет взаимно выработать общий план действий обоих государств».

Первое свидание генерал-майора Самойлова с генерал-майором Танака состоялось на следующий день, [1 ноября] 19 октября, в императорском посольстве; результаты оного наш военный агент тотчас же довел до моего сведения; генерал-майор Танака сказал приблизительно следующее: в крайнем случае, если обстоятельства того потребуют, и с согласия России и Англии, предполагается первоначально для занятия Тяньцзиня или Пекина и железной дороги до этих пунктов от Шанхай-гуаня отправить с Квантуна морем через Шанхай- гуань и Таку одну бригаду пехоты мирного состава от 5-й дивизии; бригада всегда готова к отправке; ввиду этого подлежащие ныне к увольнению в запас нижние чины 5-й дивизии задержаны до будущего мая; в случае ухода бригады из Квантуна взамен ее будут присланы новые войска из Японии.

Далее генерал-майор Танака заявил, что в общем такое выступление для Японии нежелательно и, в видах экономии, к нему прибегнут лишь в крайнем случае. Если бы русский отряд направлялся к Пекину, то он мог бы рассчитывать на содействие Южно-Манчжурской железной дороги; но японцы желали бы знать состав отряда и его численность; с японской же стороны предполагают ограничиться возможно меньшим; при этом он еще раз повторил, что такое выступление Япония предпримет лишь с согласия России и Англии, представитель коей, по его словам, еще ничего не знает. Целью посылки отряда генерал-майор Танака выставлял поддержку, с согласия России и Англии, китайского императора.

В дальнейшем разговоре собеседник нашего военного агента сказал, что здесь предполагают, что мы, пользуясь настоящим положением вещей, займем Илийский край, и спрашивал, справедливо ли это; также интересовался, какова численность нашей охранной стражи в Манчжурии и правда ли, что мы желали ее увеличить; также — верен ли слух, что манчжурский вице-король делает у русских заем в 5 млн. таэлей [1]; поставив этот последний вопрос, генерал-майор Танака добавил, что иокогамский «Specie Bank» в таком займе отказал [2]. Все предложенные ему вопросы генерал-майор Самойлов принял лишь к сведению, ответив, что передаст их мне.

Воздержавшись, таким образом, от сообщения каких-либо своих мнений по вышеизложенным пунктам, наш военный агент спросил лишь, не предполагает ли Япония, ввиду настоящих обстоятельств, отправить войска в Манчжурию, на что получил ответ, что это признается нежелательным, но если бы это понадобилось для защиты железной дороги, то войска могут быть отправлены только в пределах необходимого.

Уходя, начальник департамента военных дел просил все сказанное передать мне и держать в полном секрете, высказав предположение, что я получу из японского министерства иностранных дел соответствующее сообщение.

Доложив мне все вышеприведенное, генерал-майор Самойлов счел своим долгом донести все непосредственно генерал-квартирмейстеру генерального штаба рапортом от [31] 18 сего октября за № 379 [3], вкратце сообщив те же сведения по телеграфу одновременно с секретной телеграммой моей вашему превосходительству от [2 ноября] 20 сего октября за № 208 [4].

Я был крайне удивлен, — как удивлен был и наш военный агент, — тем необычным путем, коим вопросы первостепенной политической важности доводились на этот раз до моего сведения. Но зная из слов генерал-майора Танака, что он ежедневно бывает в министерстве иностранных дел, что он видится там с бароном Ишии, я полагал, что получение мною установленным в дипломатических сношениях путем сообщения — есть лишь вопрос нескольких часов.

Тем не менее, желая вызвать министра иностранных дел на объяснение, я отправил [1 ноября] 19 сего октября письмо товарищу министра иностранных дел,

[1] См. № 742.
[2] См. № 766.
[3] Содержание указанного рапорта Самойлова изложено в публикуемом документе.
[4] См. № 786.

прося его сказать мне, справедливы ли дошедшие до меня слухи о каких-то военных приготовлениях в частях войск, расположенных около Кобе. Через несколько часов я имел от г. Ишии ответ, что письмо получено было им в момент его свидания с товарищем военного министра и что со слов последнего он может меня заверить, что дошедшие до меня слухи ни на чем не основаны.

На следующий день, [2 ноября] 20 сего октября, генерал-майор Самойлов имел, по приглашению генерал-майора Танака, второе с ним свидание в военном министерстве, причем получил от него лишь последние новости с театра китайской смуты. И на этот раз, как и накануне, начальник департамента военных дел удивился, узнав, что министерство иностранных дел еще не сделало мне никакого заявления. При этом он, только-что видевший барона Ишии, дал подобному замедлению следующее объяснение: министр иностранных дел еще не посвятил здешнего посла союзной Англии в планы Японии; сэру Клоду Макдональду [1 ноября] 19 сего октября сообщено было лишь то, что известно японским властям о положении дел в Китае, и сказано, что таковое признается очень серьезным. Так как более подробного сообщения английскому послу до сих пор не сделано, то не последовало и сообщения мне; но г. Ишии будет на следующий день искать случая иметь со мной частный разговор.

Еще ранее получения от генерал-майора Самойлова этого туманного объяснения генерал-майора Танака, я обратился к товарищу министра иностранных дел с частным письмом, где на этот раз уже прямо просил разъяснить мне все то, что происходит за последние 48 часов, причем указывал, что военный агент, по смыслу данных ему инструкций, не уполномочен входить в рассмотрение вопросов политического характера. Это мое письмо было получено г. Ишии в то время, когда у него находился генерал-майор Танака. Так как, по словам последнего, г. Ишии прочел мое послание при нем, то я мог рассматривать вышеприведенные объяснения генерал-майора Танака временно устраняющими мое недоумение и решил ждать обещанного частного разговора. Но, сознавая вместе с тем всю важность дошедших до нас сведений, ни я, ни военный агент не взяли на себя медлить с сообщением их в С.-Петербург, и наиболее существенное из того, что мне из докладов генерал-майора Самойлова стало известным до вечера [2 ноября] 20 октября, я довел до сведения вашего превосходительства секретной телеграммой за № 208 [1].

На следующий день, [3 ноября] 21 октября, приехав на завтрак во дворец, первое лицо, с которым я встретился, — был министр иностранных дел. Я сказал ему, что, получив чрез нашего военного агента ряд важных и интересных сведений, я прошу его принять меня на другой день; виконт Уцида ответил, что будет ждать меня [4 ноября] 22 октября в 4 часа пополудни.

Встретив далее князя Кацура, я поздравил его еще раз с проявившимся относительно него благоволением государя императора, выразившимся во всемилостивейшем пожаловании ему ордена св. Александра Невского, бриллиантами украшенного [2]. Кацура ответил, что он глубоко тронут этой милостью русского монарха, по его мнению, недостаточно им заслуженной. Затем, он отвел меня в сторону и разговор наш перешел на китайские дела. Дабы не удлинять размеров настоящего письма, позволю себе сослаться на секретную телеграмму мою вашему превосходительству от [3 ноября] 21 октября, № 209 [3], в сжатом виде передающую все сказанное бывшим премьером. Смысл его слов был следующий: положение в Китае крайне тревожно; наиболее заинтересованные в китайских делах державы — Россия и Япония; эти державы теперь в дружбе, поэтому им нужно действовать относительно Китая в полном согласии; необходим постоянный обмен мнений и получаемых из Китая сведений, но обмен не случайный, а ежедневный. Указав на проходившего около нас военного министра, Кацура сказал: «Ich habe ihm einen Wink gegeben» [4], очевидно, поясняя этим как разговор генерал-лейте-

[1] См. № 786.
[2] Награждение состоялось в авг. 1911 г., незадолго до отставки Кацура.
[3] См. № 794.
[4] «Я ему намекнул».

нанта Исимото с генерал-майором Самойловым, так и сообщения, сделанные последнему начальником департамента военных дел. На замечание мое, что от министра иностранных дел мне непосредственно еще ничего неизвестно и что я лишь завтра после полдня буду у него, князь добавил, что виконт Уцида, очевидно, завтра мне все и скажет. Прощаясь, князь Кацура назначил мне на следующий день свидание в 10 часов утра.

Разговаривая после завтрака с военным министром, я дал ему понять, что сообщения генерал-майора Танака дошли до меня; на что барон Исимото сказал, что так будет и впредь, добавив, что ему известно, что генерал-майор Самойлов, под предлогом нездоровья, на маневры не поедет: «так будет лучше».

Вечером того же дня, на обеде у министра иностранных дел, я, не дожидаясь обещанного г. Ишии разговора, попросил его посвятить мне несколько минут. Я сказал ему, что, имея завтра свидание с Уцида, я не буду теперь обсуждать с ним сущности дошедших до меня за последние два дня сведений, но желал бы теперь же лишь выяснить причины, почему они дошли до меня не прямым и столь необычным путем. Г. Ишии ответил, уклонившись, как я полагаю, от истины, что он лишь из вчерашнего письма моего узнал, что генерал-майор Танака сделал нашему военному агенту сообщения столь большой важности; что генерал-майор Танака увлекся и, очевидно, зашел слишком далеко и что японское правительство имеет только два пути для объяснений с императорским правительством: через барона Мотоно в С.-Петербурге и через меня в Токио, от каковых путей оно никогда не уклонится.

Совершенно другую речь услышал я на следующий день, [4 ноября] 22 октября, от князя Кацура.

Князь начал с того, что во время своего последнего министерства он приложил все усилия, чтобы достигнуть сближения с Россией: так, он находил, что соглашения 1907 г. недостаточно, и в результате его стараний явилось соглашение 1910 г.; мало того, сознавая, что пока вопрос о наших претензиях post bellum, — вопрос сам по себе далеко не крупный, — не будет разрешен и окончательно устранен из русско-японских отношений, он будет постоянным препятствием к дальнейшему сближению, Кацура приложил усилия, чтобы это препятствие навсегда устранить, и тоже, — не без успеха.

Далее мой собеседник перешел к китайским делам; он выразил удовлетворение тому, что китайская смута застала Россию и Японию друзьями, так как этим значительно облегчаются задачи, которые могут неожиданно выпасть на долю обеих держав по отношению к Китаю.

В делах Китая заинтересованы, конечно, все державы, главным образом — Россия, Япония и Англия, но у России и Японии там не только экономические, но и крупнейшие политические интересы; естественно, что и роль их должна быть крупнее, нежели роль других держав; нужно лишь быть хорошо осведомленными и взаимно дополнять осведомления каждого из обоих правительств. «После разговора с вами во дворце, — добавил князь, — я переговорил там же с маркизом Сайондзи и виконтом Уцида, высказав им это свое мнение; премьер со мной вполне согласился, и Уцида будет держать вас в курсе получаемых им из Китая известий».

Не могу не отметить некоторого рода двойственности, проявлявшейся в речи бывшего премьера: вперемежку с фразами вроде следующих: «Я сказал Сайондзи и он, конечно, со мной согласился», «я передал ему власть, но ведь политика Японии не изменится», «я указал военному министру то-то и то-то», «хотя я и не премьер, но ведь принимаю участие во многих решениях», — фразами, произнесенными как бы в сознании сохраненной, хотя, по видимости, и переданной другому власти, Кацура раза два все же нашел нужным сказать, что он теперь — частный человек, что он говорит со мной, как таковой; но вслед за этими скромными упоминаниями тотчас же шли и приведенные выше властные слова.

Простившись с Кацура после 45-минутной беседы, я не мог не вынести впечатления, что говорил с закулисным, но действительным руководителем политики Японии. В полной силе оставалось и то впечатление, которое я, после первой

беседы с ним же во дворце, позволил себе выразить в телеграмме № 209, а именно, что Япония опасается другого иностранного вмешательства в Пекине, решила не допустить оного и, в каждый момент готовая выступить, желала бы вовлечь в это выступление и нас.

В 4 часа меня принял министр иностранных дел. На вопрос мой, что он имеет сказать относительно сведений, дошедших до меня через нашего военного агента за истекшие два дня, г. Уцида самым категорическим образом заявил, что они не соответствуют взглядам японского правительства, как не одобряет оно и путь, избранный в данном случае для моего осведомления; второстепенные чины отдельных ведомств, очевидно, не могут вступать в обсуждение вопросов, подобных тем, что затронуты были в разговорах с генерал-майором Самойловым, начальником департамента военных дел, «and I will stop it at once» [1], добавил Уцида.

Что касается самой сущности сообщений, то министр не менее категорически сказал, что японское правительство далеко от мысли посылать в Китай свои войска и находит, что подобное выступление ныне какой бы то ни было державы имело бы своим непременным последствием, что нынешние революционеры, пока оставляющие иностранцев в покое, немедленно обратили бы против них свое оружие. По мнению Уцида, нужно выждать сначала, как и в чем проявится власть, сосредоточенная ныне в руках Юань Ши-кая.

Я заметил министру, что можно ведь обсуждать и более отдаленное будущее и, если смотреть на него пессимистически, готовиться к принятию — на случай, что пессимизм оправдается обстоятельствами — тех или иных крайних мер: нельзя ли так и смотреть на дошедшие до меня из здешнего военного министерства сведения? Но на этот путь Уцида за мной не последовал, сказав еще раз, что он не представляет себе положения в столь мрачных красках, чтобы отныне же предвидеть необходимость крайних средств воздействия. «Если же затронут наши интересы в Манчжурии, то мы сумеем за себя постоять», сказал он в заключение нашего разговора.

Представляя на воззрение вашего превосходительства все выше изложенное, я пока не решаюсь сделать из него определенного вывода: возможно, что новый токийский кабинет действительно не желает без крайней нужды, — которой пока еще не видит, — активно выступать в Китае, и в таком случае князь Кацура слишком переоценил значение свое и военной партии, руководимой им и маршалом Ямагата. Если так, то рознь этой партии и нынешнего правительства нашла себе очень яркое для нас выражение. Возможно и то, что новый министр по каким-либо соображениям пока не считает своевременным откровенное с нами объяснение, и в таком случае безответственный новый генро приотворил для нас святая святых будущих намерений Японии.

Во всяком случае, из всего происшедшего с достаточной очевидностью явствует, что члены нынешнего кабинета не обладают большой солидарностью: министр иностранных дел ведет свою линию, министр военный, являющийся, собственно говоря, тенью генерала Терауци, прислушивается главным образом к указаниям генерала Кацура, а премьер — политический теоретик, не имеющий, как известно, репутации энергичного и властного государственного деятеля, — не успел еще придать деятельности своих коллег объединяющего их руководительства.

Примите и пр. А. Броневский.

№ 803. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

Телеграмма № 1701. 5 ноября/23 октября 1911 г.

Продолжение № 1695 [2].

Не может ли в указанных видах быть использована следующая мысль Саида-паши, сообщенная им Бомпару, о чем неофициально уведомил меня Панафье и

[1] «и я прекращу это немедленно»
[2] См. № 797.

о чем сообщает и Чарыков[1]: Триполи образовало бы автономную область под верховенством султана с местной династией. Этим путем создалась бы довольно полная аналогия с Египтом, причем султан являлся бы лишь сюзереном местных номинальных владетелей, а не государем страны в строгом смысле. Что думает об этом де Сельв? По предположению Панафье, французский министр иностранных дел, может быть, уже известил итальянского посла об означенной мысли Саида-паши.

[Нератов.]

№ 804. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо. 5 ноября/23 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вчера вечером, как я телеграфировал вам, г. де Сельв уведомил меня о только-что состоявшемся в Берлине официальном подписании во всем его объеме франко-германского соглашения о Марокко и Конго[2]. Вторая часть переговоров, касавшаяся территориальных компенсаций в Экваториальной Африке, закончилась скорее и с меньшими затруднениями, нежели можно было предполагать. Вы изволите вспомнить, что французское правительство, под давлением общественного мнения, оказалось вынужденным изменить свое первоначальное предложение и настоять на сохранении непрерывной связи между своими северными и южными африканскими владениями. Цель эта достигнута путем весьма остроумной комбинации, удовлетворяющей, с одной стороны, требованию Германии иметь доступ к рекам Конго и Убанги, а с другой, — сохраняющей за Францией не только течение, но и правый берег этих двух рек, за исключением нескольких километров береговой полосы, отходящих к Германии, но не прерывающих французских сообщений, благодаря особенной конфигурации фарватеров и речных островов. На прилагаемой карте наглядно показаны границы территорий, приобретаемых Германией и Францией; в общем итоге, Франция уступает Германии около 230 000 квадратных километров, с населением приблизительно в 600 000 душ; получает же она от Германии около 14 000 квадратных километров (так называемый «bec de canard»[3]). Обе стороны обязуются сохранить за существующими на уступаемых участках компаниями все их концессионные права. Франция получает право соединить железной дорогой, проходящей по германской территории, колонию Габон со средним Конго и средний Конго с Убанги—Шари; она сохраняет за собою телеграфную линию вдоль Убанги и право прохода для своих войск через германскую территорию в пунктах, где эта территория соприкасается с реками Конго и Убанги.

Как вам известно из сообщения французского поверенного в делах, в последнюю минуту перед подписанием соглашения с германской стороны было выдвинуто новое требование касательно будущности бельгийского Конго[4]; г. Кидерлен настаивал на особом обязательстве со стороны Франции, в случае осуществления ее преемственных прав на эту колонию, подвергнуть этот вопрос обсуждению с Германией. Французское правительство решительным образом воспротивилось этому требованию, и г. Камбону удалось устранить его путем примирительной формулы, весьма близко подходящей к той, которую вы предложили в разговоре с г. де Панафье: а именно, постановлено, что согласно смыслу Берлинского акта 1885 г. возможные изменения в конвенционном бассейне Конго будут подвергнуты совместному обсуждению всех держав, подписавших сказанный акт. При этом г. де Сельв настоял на том, чтобы постановление это было включено в текст соглашения, дабы предотвратить со стороны Бельгии всякое подозрение, будто Франция заранее уступила Германии свои права на бельгийский Конго.

[1] См. № 760.
[2] См. № 800.
[3] «утиный клюв».
[4] См. № 762.

Особой статьей, предложенной Францией, постановлено, что всякие затруднения, могущие возникнуть при применении соглашения, будут обязательно представляемы на рассмотрение гаагского арбитражного суда.

Тотчас по получении известия о подписании соглашения г. де Сельв предписал по телеграфу французским представителям сообщить его правительствам, подписавшим Алжесирасский акт, и испросить их присоединение к нему. Завтра соглашение будет опубликовано в газетах, а послезавтра, в самый день открытия парламентской сессии, оно будет внесено на рассмотрение палат. В палате депутатов оно тотчас будет передано в особую комиссию, докладчиком коей, вероятно, будет г. Поль Дешанель. Г. де Сельв сказал мне, что со стороны оппозиции следует, конечно, ожидать нападок на этот акт, но что палаты не окажут ему серьезного противодействия. Что касается до печати, то, в общем, она относится к соглашению несомненно благоприятно; наконец, биржа встретила окончание переговоров всеобщим поднятием курсов и оживлением денежных сделок.

Примите и пр.

Извольский.

P. S. Прилагая при сем полный текст обеих частей франко-германской конвенции [1], считаю долгом присовокупить, что кроме того гг. Камбон и Кидерлен обменялись двумя до сих пор еще не опубликованными письмами: в одном из них германское правительство заявляет, что, в случае, если бы Франция нашла нужным объявить свой протекторат над Марокко, Германия этому не воспротивится. В другом заключается изъятое в последнюю минуту из текста самой конвенции постановление о передаче всех споров, могущих возникнуть при применении конвенции, в гаагский трибунал [2].

Ut in litteris

Извольский.

№ 805. Посол в Мадриде [3] временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

%. Письмо. 5 ноября/23 октября 1911 г.

Confidentielle.

Monsieur le Gérant,

Dès mon retour de congé j'ai cherché à me renseigner au sujet de l'état actuel de la question marocaine sur le terrain de Madrid.

Je dois avouer que si les négociations franco-allemandes [4] sont sur le point d'aboutir, l'aspect d'ensemble est bien le même qu'à mon départ de St.-Sébastien.

Le ministre des affaires étrangères, que j'allai voir, me dit en causant: «Nous ne savons rien des clauses de l'arrangement passé à Berlin! Pour que le secret soit aussi bien gardé, il faut qu'il y ait quelque chose à cacher... ça ne laisse pas de nous préoccuper...»

Puis continuant: «Les journaux de Paris parlent de ce qu'on exigerait de nous d'évacuer Larache et El-Ksar! Ça jamais, au grand jamais nous n'y consentirons!!»

Comme j'avais entendu le ministre protester avec tout autant de véhémence à propos du «veto» élevé par la France contre l'occupation d'Ifni [5], les paroles de Mr. Garcia Prieto ne me firent qu'une impression relative...

L'ambassadeur de France, que j'allai voir ensuite, me dit que la raison qui empêchait d'emmancher les pourparlers franco-espagnols était la prétention du gouvernement de Madrid qu'avant tout échange d'idées la France garantisse à l'Espagne

[1] Приложение не воспроизводится.

[2] Франко-германские конвенции, подписанные Кидерленом и Ж. Камбоном 4 ноября/22 окт. в Берлине о Марокко и Экваториальной Африке, как и письма, которыми они обменялись в тот же день, опубликованы Gr. Pol., Bd. XXIX, S. 413—426, NN 10772, 10773, 10774, 10775, 10776 и Doc. dipl., 3-me série, V. I, p. 17, N 19, Annexe.

[3] Тел. от 27/14 окт. (без номера) Будберг уведомил, что он вступил в управление пос-вом (см. стр. 62, прим. 3).

[4] См. № 804.

[5] См. № 403.

que l'Allemagne n'exigera d'elle aucune compensation pour les concessions que la France pourrait être amenée à lui faire au cours des négociations.

Mr. Geoffray me dit: «Comment pouvons-nous garantir pour les autres! De Paris on ne se presse pas de répondre et on a raison».

L'ambassadeur de France me confia ensuite que quand, au début des négociations à Berlin, Mr. J. Cambon voulut initier Mr. de Kiderlen-Waechter aux détails de ce que la France comptait faire au Maroc et lui en communiquer le projet écrit, l'homme d'Etat allemand l'arrêta, disant: «Nous sommes d'accord et approuvons d'avance tout ce que vous ferez!» Mr. Cambon ne se le fit pas dire deux fois et renvoya le projet à Paris où il fut remanié, complété de plusieurs clauses économiques que, pour ménager la susceptibilité allemande, on avait cru préférable d'éliminer à Paris.

«Et pourtant, — ajouta Mr. Geoffray, — je suis loin d'être rassuré, — ce que je sais des arrangements passés à Berlin me fait craindre que plus d'un point reste obscur et prêtera matière à complications dans l'avenir: ce n'est pas de la besogne définitive!»

La seule nouvelle de quelqu'intérêt que j'aie apprise est la promotion de Mgr. Vico, archevêque des Philippines, au rang de cardinal.

Depuis décembre 1907 Mgr. Vico était nonce apostolique à Madrid. Autant par son intelligence que par sa position il jouait un rôle prépondérant parmi le clergé espagnol.

Ses sympathies carlistes, partagées par beaucoup de prélats d'Espagne, son intransigeance dans les négociations du St.-Siège avec le Cabinet Canalejas, font que les regrets, que suscitera son départ, ne seront pas unanimes.

Quand, après la mort de Mr. Ojeda, ambassadeur d'Espagne près le St. Siège, Mr. Navarro Reverter fut appelé à le remplacer, on prétend qu'il aurait déclaré qu'il ne se rendrait à son poste que si et quand Mgr. Vico aurait quitté Madrid, parce que la présence de ce prélat rendait toute entente avec le Vatican impossible.

Puisque nous parlons des rapports du St.-Siège avec l'Espagne je puis vous donner, Mr. le Gérant, un renseignement curieux et peu connu que je dois à sa majesté la reine Marie-Christine.

Etant reçu en audience privée par sa majesté cet été à St.-Sébastien, la conversation vint à tomber sur Mgr. Merry del Val, que j'avais connu tout jeune homme chez son père, alors ambassadeur d'Espagne à Vienne. J'exprimai mon étonnement d'un certain acharnement que le cardinal secrétaire d'Etat paraissait apporter au maniement des relations avec sa patrie. Sa majesté me dit: «Je suis de votre avis, mais entre nous soit dit, il y a à cela une cause personnelle qu'on ignore! Merry del Val s'était mis en tête d'être nommé menin de mon fils. Je n'en ai jamais voulu en entendre parler, parce que si je tenais à ce que le roi ait une éducation religieuse des plus soignées, de là à faire d'un prêtre l'influence prédominante, à le voir sans cesse auprès de lui, il y a loin! C'est cela que le cardinal secrétaire d'Etat ne peut ni oublier, ni pardonner».

Veuillez agréer, etc.

Baron Th. Budberg.

Перевод.

Доверительное.

Г. управляющий,

С момента возвращения из отпуска я постарался получить сведения о нынешнем положении марокканского вопроса в Мадриде.

Я должен признать, что если франко-германские переговоры близки к окончанию, то общее положение осталось таким же, как и при моем отъезде из Сан-Себастьяна.

Министр иностранных дел, которого я посетил, сказал мне в разговоре: «Мы ничего не знаем о статьях соглашения, заключенного в Берлине! Если тайна охраняется столь тщательно, значит есть что скрывать... это не перестает нас тревожить...»

Затем он продолжал: «Парижские газеты говорят, что от нас потребуют очистить Лараш и Эль-Ксар! Но никогда, ни за что мы на это не согласимся!»

Так как я слышал такой же горячий протест министра по поводу veto, высказанного Францией против занятия Ифни, слова г. Гарсиа Прието произвели на меня лишь относительное впечатление.

Французский посол, которого я посетил вслед затем, сказал мне, что причиной, пре-

пятствующей тому, чтобы франко-испанские переговоры были начаты, является требование мадридского правительства, чтобы до всякого обмена мыслями Франция гарантировала Испании, что Германия не потребует от нее никакой компенсации за уступки, которые Франции пришлось бы сделать ей во время переговоров.

Г. Жоффре сказал мне: «Как можем мы давать гарантии за других! В Париже не спешат с ответом, и они правы».

Затем французский посол сообщил мне, что когда в начале переговоров в Берлине г. Ж. Камбон хотел осведомить г. Кидерлена о подробностях того, что Франция намеревалась предпринять в Марокко и передать ему соответствующий письменный проект, то германский государственный деятель остановил его, сказав: «Мы согласны и заранее одобряем все, что вы сделаете». Г. Камбон не заставил его повторять это и вернул проект в Париж, где он был переработан и дополнен несколькими статьями экономического характера, которые раньше в Париже нашли более удобным изъять, не желая задевать самолюбия Германии.

«И все же, — добавил г. Жоффре, — я далеко не спокоен — то, что мне известно о соглашениях, заключенных в Берлине, заставляет меня опасаться, что многие пункты остаются неясными и будут впоследствии служить поводом к осложнениям; дело еще не закончено!»

Единственной сколько-нибудь интересной новостью, которую я узнал, является возведение филиппинского архиепископа монсиньора Вико в сан кардинала.

С декабря 1907 г. архиепископ монсиньор Вико был папским нунцием в Мадриде. Благодаря своему уму, а также и своему положению, он играл преобладающую роль среди испанского духовенства.

Его карлистские симпатии, разделяемые многими испанскими прелатами, и его непримиримая позиция в переговорах между св. престолом и кабинетом Каналехаса являтся причиной того, что сожаление, вызываемое его отъездом, не будет единодушным.

Когда после смерти г. Охеда, испанского посла при св. престоле, г. Наварро Ревертер был призван заменить его, говорят, он будто бы заявил, что не отправится на свой пост до тех пор, пока архиепископ монсиньор Вико не уедет из Мадрида, потому что присутствие этого прелата делает невозможным какое-либо согласие с Ватиканом.

Раз мы говорим об отношениях св. престола с Испанией, то могу сообщить вам, г. управляющий, интересные и лишь немногим известные сведения, которыми я обязан ее величеству королеве Марии-Христине.

Во время частной аудиенции, данной мне этим летом ее величеством в Сан-Себастьяне, речь зашла о монсиньоре Мерри дель Валь, которого я встречал совсем молодым человеком у его отца, бывшего в то время испанским послом в Вене. Я выразил удивление по поводу того, что кардинал-государственный секретарь вносит как будто некоторое ожесточение в руководство сношениями со своей родиной. Ее величество мне сказала: «Я с вами согласна, но, между нами будь сказано, для этого имеется причина личного характера, о которой не знают. Мерри дель Валь вбил себе в голову, что будет назначен наперсником моего сына. Я и слышать об этом никогда не хотела, потому что если я и желала дать королю самое тщательное религиозное воспитание, это еще далеко не означает желания предоставить духовному лицу преобладающее влияние и видеть его беспрестанно около него. Вот этого-то кардинал-государственный секретарь не может ни забыть, ни простить».

Примите и пр.

Барон Ф. Будберг.

№ 806. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Депеша № 63[1]. 5 ноября/23 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Дело пресловутой «балканской федерации» под главенством Оттоманской империи снова поставлено на очередь. Достойно внимания, что политическая комбинация эта всплывает наружу всякий раз, как Турция испытывает какие-либо внешние затруднения. При этом, что также весьма характерно, в указанных выше случаях энергические настояния на скорейшем привлечении славянских государств к балканскому союзу обнаруживаются не в константинопольских правительственных кругах, как следовало бы ожидать, а в среде тех уже немногочисленных дипломатов, политиков и публицистов Европы, которым все еще хочется верить в «турецкое перерождение».

Но интересно поставить себе вопрос: как же относятся к идее конфедерации сами-то балканские державы, усиленно приглашаемые сплотиться воедино?

Что касается славянских государств, то они, надо сознаться, в достаточной мере равнодушны ко всем периодически подогреваемым толкам о готовящейся и принимающей будто совсем определенную форму балканской федерации; страст-

[1] Опубл. Кр. арх., т. VIII, стр. 45.

ная проповедь о громадной важности для славян союза с Турцией представляется им малоубедительной; хотя, при известных условиях, они, особливо под давлением России, конечно, не противились бы вступлению на этот путь. Однако, вовсе не потому, чтобы они ожидали для себя невесть каких благ от сближения с Турцией, а исключительно в расчете добиться некоторой «передышки» от хронически возникающих на Балканах тревог, *выиграть время* и, собравшись исподволь с силами, приступить в благоприятную минуту к окончательной расплате со своим исконным неприятелем. Другой точки зрения на конфедерацию у славян быть не может, и не нам, конечно, ставить им это в упрек; ибо по крайнему разумению моему и сама Россия едва ли иначе оценивает помянутую политическую комбинацию.

В самом деле, в чем заключается весь сокровенный смысл и значение политики России на Ближнем Востоке? По-моему, она преследует две ясные, вполне определенные конечные цели:

1. облегчить призванным ею к самостоятельной жизни славянским народностям *достижение их заветных идеалов*, что сводится к полюбовному между ними *разделу всего турецкого достояния* на Балканском полуострове; и

2. осуществить и свою собственную вековую историческую задачу: стать твердой ногой на *берегах Босфора*, у входных ворот «Русского озера».

Спрашивается, можно ли, ввиду указанных задач России и славянских государств на Ближнем Востоке, считать балканскую федерацию, во главе с Турцией, прочной, *жизненной* политической системой, будто бы всецело обеспечивающей интересы ее сочленов? Очевидно, нет. На нее можно смотреть лишь как на временную, *выжидательного характера*, комбинацию, к которой дозволительно примкнуть только потому, что ни Россия, ни славяне не в состоянии *сейчас* осуществить то, что *рано или поздно* они должны сделать непременно.

Совсем в другом положении находится Турция. Для нее, и только для нее, федерация представляет одни выгоды, как это ни покажется, на первый взгляд, странным, после всего изложенного. Да, балканская конфедерация выгодна для Турции, во-первых, потому, что она на более продолжительный срок отдалила бы ликвидацию своих европейских владений; а во-вторых, и это главное, — потому, что, *обеспечив* союзом со славянами status quo на Балканах и приобретя таким путем благожелательный нейтралитет России, — она могла бы свободнее располагать всеми своими военными силами для защиты других частей империи от разбойничьих захватов со стороны мнимых друзей и покровителей молодой Турции.

К сожалению, или по счастию, в Константинополе никогда не хотели этого понять. На все вызовы и уговоры вступить в союз с балканскими государствами, младотурки отвечали двойной игрой. Конфедерация в их руках служила своего рода «диверсией», военной хитростью в минуты опасности. Они делали вид, дабы запугать Европу, что вот-вот не сегодня-завтра совсем готовы сговориться на счет федерации и... тотчас по миновании опасности, открыто становились в ряды врагов России и славянства. Так младотурки действовали во время аннексионного кризиса, в период обострения албанского движения, так, очевидно, поступят они и теперь, по окончании триполийских затруднений. Вот почему я позволяю себе считать балканскую конфедерацию, во главе с Турцией, весьма проблематической комбинацией, сочувствовать которой до известной степени мы, конечно, можем, но в осуществимость коей верить нельзя до тех пор, пока в Оттоманской империи властвуют младотурецкие комитеты.

С этой точкой зрения едва ли согласится наш посол в Константинополе, которому сейчас, — не знаю, насколько справедливо, — почти вся европейская печать приписывает весьма активную роль в склонении турок к союзу с балканскими государствами. Дозволительно однако спросить себя, каким образом мысли свои, вполне сочувственные конфедерации, гофмейстер Чарыков согласует с высказанными им взглядами в депешах, которые получены мной с последним курьером?

Так, в депеше от [30] 17 сентября, № 95 [1], наш посол характеризует турецкую империю «загнившим зданием», которое могут опрокинуть даже удары, наносимые

[1] См. № 496.

Италией, вовсе не такие уже страшные, если судить по военным реляциям. Далее, в № 94 [1], от того же числа, гофмейстер Чарыков говорит, что *ослабление* Турции чужими руками для русских интересов «вовсе невредно».

Ведь как то, так и другое утверждение прямо в корне подрывают значение и пользу столь настойчиво проповедуемой системы сближения Турции со славянскими государствами. В самом деле, какую цель может иметь, какую выгоду и кому именно может принести — постановка конфедерации на *подгнившем фундаменте*, готовом рухнуть при малейшем к нему прикосновении? А затем, какой расчет нам *усиливать* Турцию славянскими союзами, когда, напротив, *ослабление ее для нас вовсе невредно*?

Над этими вопросами стóит серьезно подумать; особливо, если принять во внимание, что, по словам гофмейстера Чарыкова, в турецкой печати (да и в одной ли печати?) замечается стремление свалить на Россию вину за теперешнюю беду! и что при настоящем настроении турецких мусульман было бы достаточно даже *пустячного повода*, дабы накопившееся и бессильное против Италии и Германии *озлобление повернуть против единственного соседа Турции из числа великих держав — России!*

Да, чисто младотурецкая логика. *Одна* из держав Тройственного союза, не так давно, самовольно присваивает две оттоманские провинции на Ближнем Востоке, и Турция, быстро примирившись с этой потерей, вымещает свою злобу и досаду на России открытым переходом в лагерь ее врагов. Ныне *другая* держава того же союза, при молчаливом попустительстве *третьего* сочлена, среди бела дня грабит африканские владения Турции, и последняя не колеблется снова винить в том Россию, угрожая даже возбуждением против нее мусульманского фанатизма!

И вот перед такой-то перспективой — от России настоятельно требуется благожелательное покровительство сформированию балканской конфедерации. А наряду с этим что-то вовсе не замечается открытых, смелых шагов в этом направлении со стороны турок. По газетным и телеграфным сообщениям, в константинопольских правительственных сферах весьма туманно обсуждался вопрос о каких-то новых союзах; а в мечетях мусульманское духовенство проповедывало о священной войне против России и об истреблении гяуров, подданных султана.

Но как бы то ни было, если в силу высших политических соображений, сближение славянских государств с Турцией признается все же желательным, то, — повторяю, — сербы противиться этому не будут. Однако королевское правительство, как я имел честь телеграфировать [2], считало бы крайне опасным выступать ныне пред турками с какими-либо союзническими предложениями, как то советовал гофмейстер Чарыков сербскому посланнику в Константинополе.

При наличности более отрицательного отношения болгар к проектируемой конфедерации, всякий заискивающий шаг сербов в Царьграде неминуемо вызвал бы недоверие в Софии и повредил бы делу сербо-болгарского соглашения, которое по своей политической важности составит новую эпоху в истории славянства.

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

№ 807. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 675 [3]. 5 ноября/23 октября 1911 г.

Ссылаюсь на мое письмо от [30] 17 октября [4], мою завтрашнюю экспедицию, телеграммы №№ 644 [5] 647 [6], и вашу телеграмму № 1665 [7].

---

[1] См. № 495.
[2] См. № 783.
[3] Черновой отпуск, хранящийся в делах б. росс. пос-ва в К-поле. Лит. копия помечена № 676.
[4] См. № 760.
[5] См. стр. 173, прим. 1.
[6] См. № 686.
[7] См. № 776.

Великий визирь, запрошенный мной вчера через первого драгомана конфиденциально о его соображениях касательно моего сообщения от [12 октября] 29 сентября [1], высказал, что он начал совещаться с надлежащими лицами о крайне важных вопросах, затронутых означенным сообщением, и просит у меня еще с неделю или две срока для ответа. Заключаю из этих слов: 1) что Саид-паша, стоя на отмеченном им самим перепутьи между продолжением зависимости Турции от Германии и сближением с Тройственным соглашением, не нашел еще выхода, но продолжает его искать; 2) что предполагавшиеся им возможные «препятствия» к сближению с нами не возникли и 3) что ответ великого визиря будет иметь уже не частный, а официальный характер и явится результатом соглашения Саида-паши с его политическими и парламентскими сторонниками. Последнее важно для нашего железнодорожного вопроса, и мне известно, что сближению с нами готовы теперь содействовать не только министр иностранных дел, но и представители большинства палаты депутатов Джавид и Хуссейн Джахид-бей, хотя великий визирь еще не посвятил их во все подробности нашего проекта. Любопытным признаком возрастания здесь числа русских сторонников служит открытый переход в их лагерь нашего ярого газетного врага Агаева. Любопытно также, что среди нынешней полемики о сближении с Россией, Германией, Англией и Францией никто даже не упоминает о сближении Турции с Австро-Венгрией. Имея в виду, что начатые великим визирем совещания не укроются от здешнего германского посольства и что вами уже упрочен блок держав Тройственного согласия в Константинополе, казалось бы желательным приступить теперь к соответствующим сношениям с Берлином, тем более, что на случай наступления упомянутой вами паники нам надо быть всесторонне подготовленными, а также осведомленными о теперешнем отношении Германии к нашим специальным интересам в проливах. Я думаю, что коль скоро венский кабинет счел возможным дружески прекратить итальянское наступление на Адриатическое побережье Турции, то и мы могли бы, в пределах нейтралитетов, просить Италию воздержаться от наступления против Дарданелл, где ею признана наличность (наших) специальных интересов. Судя по категорическим заявлениям здешнего австро-венгерского посла, который считает подобное наступление недопустимым, наше заявление в Риме встретило бы сочувствие венского и, может быть, берлинского кабинета. По отношению же к Турции возможность предотвращения нами итальянского нападения на Дарданеллы и прорыва к Константинополю, хотя бы лишь дипломатическим путем, явилась бы крупным козырем для указываемого вашим превосходительством успешного хода наших переговоров.

Чарыков.

№ 808. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 676. 5 ноября/23 октября 1911 г.

Секретно.

Ссылаюсь на свою телеграмму № 666 [2].

По сведениям наших агентов, морского и военного, турки за последнее время доставили на Верхний Босфор взрывающиеся с берега электрическим током мины, которые собираются погрузить, и довели до полного комплекта местный состав артиллеристов. Я думаю, что великий визирь под впечатлением враждебности и бестактности нашей печати и не зная, что мы не собираемся придать нашим требованиям ультимативный характер, принимает эти оборонительные меры на случай, если русско-турецкое соглашение чрезмерно замедлится или вообще не будет достигнуто. К сожалению, высказанные мной опасения касательно печати начинают сбываться. С одной стороны, «Новое время» возбуждает против теперешнего турецкого правительства наших правых. С другой, — наша левая печать грозит Турции автономией Македонии в связи с проливами. Здешние сторон-

[1] См. № 602.
[2] См. № 770.

ники сближения с Россией не в силах разобраться в этих выпадах. Наши германо-австро-еврейские противники ловко эксплоатируют недобросовестность или недостаточную осведомленность русских газет, дабы подрывать среди турок нарождающееся расположение и доверие к России. Минута настолько исторически серьезная, что я убедительно прошу о надлежащем доверительном воздействии на главнейшие русские газеты, по успешному примеру осени 1908 г., чтобы они, пока идут переговоры, перестали дразнить турок или временно воздержались бы от обсуждения условий русско-турецкого сближения. Иначе, повторяю, нам придется упустить теперешнюю конъюнктуру, не представлявшуюся с 1895 г., а то и втянуться в войну с Турцией.

Чарыков.

№ 809. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 711. 5 ноября/23 октября 1911 г.

№ 1.

Передавая за № 2 [1] и № 3 [2] запрос Гойера из Мукдена и мой ответ, прошу срочно уведомить, одобрило ли окончательно императорское правительство выдачу ссуды манчжурскому генерал-губернатору? Позволяю себе запрашивать об этом как ввиду последних телеграфных извещений вашего превосходительства о принятом решении действовать солидарно с Японией [3], так и ввиду чрезвычайно быстро развивающихся здесь событий. Министерство князя Цина фактически не существует более, а кабинет Юань Ши-кая еще не образован, и представляется неясным, будет ли вообще он у власти, особенно после того, как сегодняшним указом князя-регента революционерам дано право, для поощрения их талантов, поступать на государственную службу и организоваться в политическую партию. При столь смутном положении в Пекине, когда прежнего правительства не существует, а новое еще не образовано, к соглашениям с провинциальными властями необходимо относиться с большой осторожностью, памятуя прецедент соглашений 1901 г. с манчжурскими цзян-цзюнями, от которых впоследствии отреклось пекинское правительство. В заключение не могу не высказать сожаления, что, вопреки моим указаниям на нежелательность открытого выступления с денежной помощью китайцам, во избежание возбуждения ненависти к иностранцам среди поголовно враждебного династии населения, правление Русско-азиатского банка открытой телеграммой на французском языке уведомило меня о полномочиях князя Кугушева подписать контракт на пятимиллионный заем [4].

Коростовец.

---

[1] Тел. от 5 ноября/23 окт. за № 712 (№ 2) Коростовец сообщал Нератову, что Гойер запросил его, не явится ли нарушением международного обязательства 1901 года согласие Русско-азиатского банка принять в обеспечение займа доходы таможен Северной Манчжурии.

[2] Тел. от 5 ноября/23 окт. за № 713 (№ 3) Коростовец передал Нератову содержание своей тел. Гойеру, в которой он сообщал, что затрудняется дать официальные разъяснения по вопросу о «заключаемой ныне столь поспешной в Мукдене сделке», не имея сведений о том, как относится в настоящую минуту росс. прав-во к выдаче ссуды манчжурскому ген.-губернатору.

[3] См. № 795.

[4] При письме от 6 ноября/24 окт. за № 1128 Нератов препроводил Коковцову публикуемую тел. и телеграммы от 5 ноября/23 окт. за № 712 (№ 2) и № 713 (№ 3) (см. прим. 1 и 2 к публикуемому документу). Письмом от 8 ноября/26 окт. за № 706 Коковцов, ссылаясь на публикуемую тел., ответил, что пока в Пекине «в сущности не имеется никакого правительства», до тех пор «не может быть и речи о желательном для нас оформлении проектированного займа». Тел. от того же числа за № 1726 Нератов сообщал Коростовцу: «По поручению министра финансов правление Русско-азиатского банка телеграфировало Кугушеву в Мукден приостановить переговоры о заключении займа».

№ 810. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Пекине Коростовцу.

Телеграмма № 1704. 6 ноября/24 октября 1911 г.

№ 711 получен [1].

Наш взгляд на заем манчжурского генерал-губернатора в Русско-азиатском банке остается без перемены, как он изложен в моей телеграмме № 1608 [2]. Мы не скрываем наших предположений по этому предмету от японского правительства, и здешний японский посол уже заявил нам, что если сказанный заем представляется для банка выгодным, то он не видит причин высказываться за его нежелательность.

Само собой разумеется, что утверждение этого займа центральным китайским правительством может представить нам достаточное обеспечение, лишь пока оно будет исходить от упрочившегося в Пекине кабинета. Силой вещей окончательное решение вопроса о заключении этого займа будет поэтому, повидимому, отсрочено.

[Н е р а т о в.]

№ 811. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

Телеграмма № 1705. 6 ноября/24 октября 1911 г.

Сообщается в Париж и Лондон.

№ 676 получен [3].

По объяснениям Долгорукого, итальянцы сами опасаются итти на Дарданеллы, так как это, повидимому, потребует исключительных военных жертв. Равным образом невероятно перенесение военных действий в Эгейское море. Возможно начатие их в Красном море. Можете уверить Порту, что мы прилагаем старания к охранению от военных операций и опасностей наиболее близких и чувствительных пунктов оттоманских владений.

[Н е р а т о в.]

№ 812. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 267. 6 ноября/24 октября 1911 г.

Assertions de presse sur violences commises par troupes italiennes commencent à produire à Londres un mouvement d'opinion qui peut se développer comme fort hostile à Italie [4].

B e n c k e n d o r f f.

Перевод.

Утверждения печати о насилиях, произведенных итальянскими войсками, начинают вызывать в Лондоне возбуждение в общественном мнении, которое может стать крайне враждебным по отношению к Италии.

Б е н к е н д о р ф.

---

[1] См. № 809.

[2] См. стр. 257, прим. 2.

[3] См. № 807.

[4] В деп. от 7 ноября/25 окт. за № 44, посвященной обзору прессы, Долгорукий писал: «Уже 31 окт. нов. стиля в австрийской печати (точно так же, впрочем, как в германской и английской) началась травля итальянских войск на африканском побережье; сообщались зверства, ими будто бы совершаемые, им приписывались поражения, данные о которых черпались в турецких источниках. Всего этого было бы достаточно, чтобы лишний раз обнаружить в сердцах впечатлительных итальянцев всю ненависть, которую они испытывают к своим северным соседям». Долгорукий добавлял, что об отношении росс. печати итальянские газеты «отзываются скорее одобрительно» и что особенно хорошие отзывы «за доброе поведение стяжала себе французская печать». В деп. от 10 ноября/28 окт. за № 73 Остен-Сакен сообщал, что в немецкой прессе «недружелюбие по отношению Италии стало проявляться в более резкой форме», что «итальянские «зверства» преувеличиваются до крайности» и что «по отношению к итальянским солдатам в газетах допускаются самые резкие выражения, вроде палачей, варваров и т. п.». В заключение Остен-Сакен отмечал, что некоторые газеты стали затрагивать вопрос о бесцельности союза с Италией»

№ 813. Посланник в Софии временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 86 [1]. 6 ноября/24 октября 1911 г.

Получил телеграммы №№ 1632 [2] и 1688 [3].

Исполняя инструкции ваши, я без особого труда убедил Гешова, а через него и остальных членов кабинета, в безусловной необходимости ограничить соглашение с Сербией союзом тесным, но оборонительным и направленным к сохранению status quo. Причем к такому союзу могла бы легко примкнуть и Греция. Тем временем Спалайкович привез из Белграда целый проект союзного договора, коего ст. 3-я подробно предвидит и регулирует наступательную войну против Турции, а ст. 4-я — раздел завоеванных у Турции провинций [4]. Спалайкович сообщил мне весь этот проект in extenso, и я пошлю вам выписки ближайшей экспедицией. Я объявил категорически Спалайковичу, что ни о каких наступательных действиях или о каких-либо планах раздела Турции Россия и слышать не хочет и что союз Болгарии и Сербии должен быть чисто оборонительным и охраняющим status quo. То же повторил я Гешову, который впрочем совершенно со мной согласился. Спалайкович лично охотно сдается на мои доводы и обещал исходатайствовать из Белграда другой проект, строго нашим желаниям соответствующий.

Неклюдов.

№ 814. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Депеша № 115. 6 ноября/24 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Военные действия итальянцев в Триполитании, упомянутые в моей депеше от 28/15 сего октября за № 106 [5], не ознаменовались с тех пор решительными успехами.

Напротив, энергичная контратака турок и ставших на их сторону арабов припудила к отступлению ту итальянскую колонну, которая двинулась было из города Триполи вглубь страны, для осуществления ее оккупации, и в настоящее время итальянский экспедиционный отряд обладает лишь самым названным городом.

Для проверки турецких известий о возможности взятия турками обратно города Триполи здешний французский посол запросил сведения у своего местного штатного консула.

Из телеграфных ответов последнего, весьма любезно сообщенных мне г. Бомпаром, явствует, что туркам не взять обратно города. Но итальянцам столь же трудно завладеть не только хинтерландом Триполи, но даже наиболее близкими к городу оазисами.

«При таких условиях, — заметил в разговоре посол, — Италия не может серьезно требовать теперь у турок отказа от суверенитета над триполийским вилайетом, еще ею фактически не занятым».

С другой стороны, санитарное состояние города вызывает самое серьезное опасение.

Там, по словам консула, ежедневно умирают десятки туземцев от холеры и от голода (sic!), в особенности из числа арабов, укрывшихся в город из окрестностей. Среди итальянского гарнизона происходит по 50 холерных заболеваний в день. Разлагающиеся вокруг города трупы, которых итальянцы, видимо, не в силах убрать, заражают воздух и грозят вызвать в Триполи ужасные эпидемии.

[1] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 3.
[2] См. № 752.
[3] См. стр. 280, прим. 4.
[4] См. № 801.
[5] См. № 750.

В Бенгази, Дерна и других занятых итальянцами прибрежных пунктах положение, как кажется, сходно с вышеописанным: итальянцы удерживают эти пункты, но не могут занять прилегающих к ним внутренних округов.

Великий визирь не увлекается обнародываемыми здесь известиями о турецких победах и продолжает желать мира на тех условиях автономной провинции, которые он высказал французскому послу [1] и которые он повторил на-днях в общих чертах маркизу Паллавичини.

Мы, т. е. гг. Бомпар, Лоутер и я, продолжаем однако думать, что время для предложения пятью послами дружеских услуг воюющим сторонам еще не наступило. Того же мнения держится и австро-венгерский посол и, насколько нам известно, также барон Маршалл.

Примите и пр. Н. Чарыков.

№ 815. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 1051 [2]. 6 ноября/24 октября 1911 г.

Дополнение к № 1015 [3].

Министр иностранных дел через начальника русского отделения дал мне следующий словесный ответ:

«Ввиду того, что персидское правительство всегда стремилось к укреплению добрососедских отношений с императорским правительством, поэтому министр иностранных дел, тщательно изучив и всесторонне рассмотрев представления вашего превосходительства относительно: 1) того, чтобы правительственные чины, кои в настоящее время фактически охраняют конфискованные имения Шоа-эс-Солтане, были удалены и заменены казаками; 2) чтобы министр иностранных дел лично явился в императорскую миссию и принес извинения за оскорбления, кои, как говорят, были нанесены некоторым чиновникам генерального консульства в Тегеране, — имеет честь сообщить нижеследующее: так как правительственные чины предварительно осведомили императорскую миссию о сохранении прав русских подданных и на второй день инцидента приказ правительства был сообщен и генеральному консулу, а также просили его по закону, чтобы чины генерального консульства не вмешивались и не чинили никаких препятствий, а равно ввиду того, что политика нынешнего правительства состоит в согласии с императорским правительством и привлечении к сему всех сердец, поэтому принятие ваших словесных представлений, при невиновности правительственных чинов, не только вредно для достоинства и сущности правительства, но и противоречит этой дружественной политике. Вследствие всего этого я извиняюсь, что не могу принять ваших представлений. Но чтобы выказать все свои добрые намерения, — так как я предполагаю, что императорское правительство несколько ошибается относительно обстоятельств этого инцидента, — я готов принять меры к полному и беспристрастному расследованию, которое совершенно устранило бы всякие сомнения и дурные предположения. В заключение этого заявления я не могу удержаться от выражения сожаления, что ваше превосходительство вернули мои письменные протесты».

Я выразил сожаление по содержанию этого ответа и заявил, что буду ожидать дальнейших указаний вашего превосходительства.

Поклевский.

№ 816. Сообщение испанского посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

7 ноября/25 октября 1911 г.

L'ambassade royale d'Espagne a l'honneur de porter à la connaissance du ministère impérial des affaires étrangères ce qui suit:

[1] См. мое доверительное личное письмо от 30/17 октября с. г. [Прим. оригинала.] (См. № 760.)
[2] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 213, со стилистическими изменениями.
[3] См. № 784

Les gouvernements allemand et français ont demandé du Cabinet de Madrid son adhésion, au plus tôt qu'il sera possible, à la convention franco-allemande sur le Maroc.

Le gouvernement de sa majesté catholique, ayant été reconnus à l'Espagne des intérêts politiques particuliers dans le Maroc, ne sera pas en état de donner l'adhésion demandée jusqu'à ce qu'il aura obtenu les assurances nécessaires pour ces mêmes intérêts.

Le gouvernement de sa majesté catholique croit devoir en informer le gouvernement impérial ainsi que les autres Puissances signataires de l'acte d'Algéciras.

Перевод.

Королевское посольство Испании имеет честь сообщить императорскому министерству иностранных дел нижеследующее:

Германское и французское правительства просили мадридский кабинет о возможно скорейшем присоединении к франко-германской конвенции о Марокко.

Ввиду того, что за Испанией были признаны особые политические интересы в Марокко, правительство его католического величества не может дать просимое согласие на присоединение до тех пор, пока оно не получит заверений, обеспечивающих эти интересы.

Правительство его католического величества считает своим долгом уведомить об этом императорское правительство, так же, как и другие державы, подписавшие Алжесирасский акт.

№ 817. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 1708 [1]. 7 ноября/25 октября 1911 г.
Срочно.

Ссылаюсь на мою телеграмму № 1673 [2].

Германский и американский министры иностранных дел заверили нас, что четверной синдикат отказал китайскому правительству в займе. Они выражают уверенность, что очередные взносы боксерского вознаграждения будут сделаны, хотя бы с некоторым замедлением.

Граф Бенкендорф телеграфирует, что Никольсон сообщил ему о сделанном на английскую группу синдиката давлении, дозволяющем ему надеяться, что заем не будет заключен [3].

Между тем, по сведениям здешнего японского посла, которые он считает достоверными, завтра в Париже состоится совещание представителей синдиката для обсуждения вопроса об этом займе.

Мы надеемся, что парижский кабинет окажет на французскую группу давление, подобное произведенному великобританским правительством на английскую группу.

[Нератов.]

№ 818. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 1711 [4]. 7 ноября/25 октября 1911 г.
Срочно.

Получил телеграмму [6 ноября] 24 текущего месяца [5].

По вопросу о нашем отношении к авансу китайскому правительству наш взгляд изложен в моей телеграмме [25] 12 октября и сего числа [6].

---

[1] На оригинале имеется надпись: «Отправить непременно сейчас».

[2] См. № 777.

[3] Имеется в виду тел. от 5 ноября/23 окт. (без номера), в которой Бенкендорф передавал о своей беседе с Греем; содержание беседы в основном изложено в публикуемом документе.

[4] Опубл. Кр. арх., т. XVIII, стр. 74. На оригинале имеется надпись: «Отправлена в канцелярию в 7 ч. 40 м. веч. [7/XI] 25/X 1911 г. с просьбой отправить со специальным курьером».

[5] Имеется в виду тел. Извольского за № 162 (см. стр. 284, прим. 4).

[6] См. №№ 720 и 817.

Мы считаем, кроме того, всякие ссуды центральному китайскому правительству в настоящую минуту неудобными, так как недовольство революционеров за оказываемую династии помощь может повести к приданию происходящему в Китае движению характера, направленного против иностранцев.

По вопросу о способах удовлетворения протестов России и Японии против заключаемого Китаем у четверного синдиката займа в 250 млн. фр. мы стремимся к выходу из синдиката его французской группы и к последующей его перестройке на основаниях, более отвечающих нашим интересам. Допуская, что эта цель не может быть достигнута при настоящем случае, мы думаем, что, ввиду очевидной невозможности выпустить сказанный заем до весны будущего года, вопрос об удовлетворении нашего протеста будет оставлен открытым.

В частности мы не считаем возможным ни действовать дипломатическим путем в Пекине, чтобы побудить китайское правительство отказаться от 16-й статьи контракта, ни удовольствоваться обязательством синдиката не распространять своей дальнейшей деятельности на Манчжурию, полагая, что весь Китай к северу от Великой стены не должен входить в сферу четверного синдиката, имеющего столь враждебное нам направление [1].

[Нератов.]

№ 819. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Париже, Лондоне, Риме, Берлине, Вене и Константинополе — Извольскому, Бенкендорфу, Долгорукому, Остен-Сакену, Н. Гирсу и Чарыкову.

·/. Телеграмма № 1712. 7 ноября/25 октября 1911 г.

Мелегари передал мне сообщение о провозглашении присоединения Триполи и Киренаики к Италии, причем не прибавил ни какой-либо просьбы, ни комментария [2]. Я также воздержался от выражения какого-либо мнения.

Турхану-паше, заранее предъявившему устный протест против присоединения, я заметил, что тут следует иметь в виду две стороны вопроса: фактическую и правовую. Первая вытекает из состояния войны и в сущности ничего не меняет; вторая же может окончательно быть разрешена лишь при заключении мира.

Нератов.

№ 820. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

·/. Телеграмма № 1713. 7 ноября/25 октября 1911 г.

Секретно.

№ 676 получен [3].

Не могу не обратить вашего внимания на то, что «переговоров» с Турцией пока нет. Саид-паша пока единственное лицо, осведомленное о наших домогательствах пред Турцией, о не ультимативном и доброжелательном характере коих он должен быть вами точно осведомлен. Посему рассуждения печати, как нашей, так и местной, не должны бы, казалось, влиять на его решения, тем более, что

---

[1] Тел. от 7 ноября/25 окт. за № 164 Извольский сообщал: «Ввиду открывающегося здесь завтра собрания четверного синдиката, я подтвердил непосредственно Симону, главному представителю французской группы, наш протест против всякой ссуды без нашего ведома и согласия. Кроме того, я еще раз самым категорическим образом разъяснил Симону наши требования касательно финансирования Манчжурии и Монголии. При этом, за отсутствием точных инструкций, я руководствовался общим смыслом вашего письма на имя министра финансов от [31] 13 октября за № 1102» (см. № 765).

[2] Тел. от 6 ноября/24 окт. за № 82 Долгорукий сообщил: «Королевский декрет от вчерашнего дня объявляет о включении Триполитании и Киренаики в состав итальянского королевства».

[3] См. № 808.

Порта всегда пользовалась полным влиянием на свою печать, что доказывается и корректным ее отношением к Италии в настоящее время.

По всему ходу дела видно, что Саид «торгуется» с Германией и Австрией, и в зависимости от результатов определится и ответ его на ваши предложения, совершенно безотносительно тона прессы.

Хотя попытка воздействия на нашу печать в 1908 г. и не имела особого успеха, само собой разумеется, что мы принимаем меры к тому, чтобы вызвать в газетах благожелательное к Турции настроение.

Нератов.

№ 821. Временно управляющий министерством иностранных дел послам в Париже и Лондоне — Извольскому и Бенкендорфу.

*/. Телеграмма № 1714. 7 ноября/25 октября 1911 г.

Сообщается в Рим, Вену, Берлин и Константинополь.

Мелегари только-что сообщил мне, что, принимая во внимание, что война затягивается, и турецкая пресса, распространяя ложные сведения о победах своих и жестокостях итальянцев, бросает тень на действия Италии, — королевское правительство решилось нанести Турции решительный удар. В чем он будет состоять, посол не знает, но думает, что будет избран объект действия [1], возможно мало затрагивающий интересы нейтральных.

Полагаю, что, будучи нейтральны, мы не можем предпринять каких бы то ни было выступлений в целях помешать этому, несмотря на неоднократные о том просьбы здешнего турецкого посла.

Мы были бы рады ознакомиться со взглядами на заявление Италии французского и английского правительств.

Нератов.

№ 822. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Константинополе Чарыкову.

*/. Телеграмма № 1724 [2]. 7 ноября/25 октября 1911 г.

Сообщается в Париж, Лондон, Рим, Берлин и Вену.

Мелегари спросил меня, как мы относимся к рассуждениям статьи в газете «Reichspost» о будто бы состоявшихся в Ракконидժи уговорах. Ввиду возможных запросов с разных сторон сообщаю вам смысл моего ответа послу. Я не вижу надобности отрицать факт, что в Ракконидժи при общем обзоре европейских международных вопросов были затронуты и интересующий нас, как это всем известно и не отрицается самими турками, вопрос о проливах и специальные интересы Италии в Триполи. Однако придавать этому обмену мыслей характер предумышленного и враждебного Турции агрессивного уговора нет никакого основания.

Изложенное благоволите принять к руководству, в случае необходимости высказаться по этому вопросу, так как статья «Reichspost» есть, вероятно, попытка вселить у турок недоверие к нам.

Нератов.

---

[1] Тел. от 9 ноября/27 окт. за № 1740 Нератов сообщал в Лондон, Париж и Рим, что, по сведениям росс. консульства в Смирне, итальянцами намечено занятие Родоса, который может «служить базой для дальнейших операций».

[2] Опубл. Siebert, II, S. 201, N 483.

№ 823. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 7 ноября/25 октября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

Comme j'ai eu l'honneur d'informer votre excellence par télégramme [1], samedi dernier Mr. Tyrrel me donna confidentiellement la nouvelle que Mr. Shuster avait nommé un Anglais, Mr. Lecoffre, au poste de trésorier à Tabriz. Mr. Tyrrel m'informa en même temps que des instructions avaient été immédiatement expédiées à ce sujet par télégraphe à Sir G. Barclay.

Hier Sir A. Nicolson reprit cette question et me lut le télégramme adressé au ministre d'Angleterre à Téhéran. Il y est chargé d'exprimer à Mr. Shuster, en termes sérieux, la désapprobation du gouvernement anglais de cette nomination et de toute nomination d'Anglais dans le Nord de la Perse, et de lui déclarer que le gouvernement anglais considérait contraire à l'esprit de ses arrangements avec la Russie toute nomination qui est de nature à évoquer des doutes en Russie sur la bonne foi du gouvernement anglais. Sir Georges est chargé de conclure en disant qu'il était urgent que Mr. Shuster modifie toute son attitude vis-à-vis des légations de Russie et d'Angleterre.

Sir Arthur s'exprima vis-à-vis de moi en termes très sévères pour les agissements de Mr. Shuster. L'attitude anglaise à propos de cet incident, le télégramme expédié à Sir G. Barclay avant toute démarche de ma part et les paroles de Sir Arthur me confirment dans l'opinion que j'avais déjà puisée dans mes entretiens avec Sir E. Grey que le gouvernement anglais ne considère nullement ni Mr. Shuster, ni sa politique utile à l'Angleterre. Au contraire, le gouvernement anglais y voit un danger sérieux et ne le laisse pas ignorer à Mr. Shuster lui-même.

Sir Arthur me dit entre autre que ces nominations d'Anglais, dont certains, comme Mr. Lecoffre, n'étaient que des nationalistes persans qui n'avaient cure aucune de la politique anglaise, ne convenaient nullement au gouvernement anglais.

Il ne me fit pas mystère que la retraite de Mr. Shuster serait ici la bienvenue [2] Mais il entrevoit une grave difficulté.

Je pense que le gouvernement anglais redoute que le gouvernement persan pourrait opposer à une démarche de cette nature une résistance passive qui amènerait à une impasse. C'est là un résultat que le gouvernement tient toujours, et par principe, à éviter.

Il n'a pas été question entre Sir A. Nicolson et moi de tentatives d'éloigner Mr. Shuster de sa place.

Sir Arthur me parla ensuite d'un incident qui aurait eu lieu entre la gendarmerie persane et nos consuls [3]. Il me dit avoir reçu à ce sujet deux télégrammes de

---

[1] Тел. от 5 ноября/23 окт. за № 260 Бенкендорф сообщал о своей частной беседе с Тиррелем по поводу назначения Лекофра (см. № 793). Тиррель сказал Бенкендорфу, что в этом мероприятии он видит «умышленно враждебный акт со стороны Шустера по отношению к России и Англии» и что «Лекофр — англичанин, превратившийся в националиста чистейшей воды».

Тел. от 6 ноября/24 окт. за № 265 Бенкендорф сообщал, что Барклаю было поручено заявить Шустеру, что «всякое назначение английского подданного в Северной Персии рассматривается английским правительством как противное духу его соглашений с Россией, что английское правительство не желает компрометировать себя в глазах России вследствие такого назначения, что Шустеру необходимо изменить свой образ действий по отношению к российской миссии и вести подлежащие его ведению дела в истинно примирительном духе; в противном случае российское правительство будет вынуждено для ограждения своих интересов принять меры, ответственность за которые падет на персидское правительство».

На лит. копии тел. за № 265 имеется надпись: «Передана в Тегеран непосредственно из канцелярии вследствие приказания упр. м-вом. — В. К[л е м м]».

[2] По получении публикуемого письма Клемм, тел. от 12 ноября/30 окт. за № 1761 запросил у Поклевского содержание контракта Шустера с персидским правительством, а также просил сообщить размер неустойки в случае увольнения Шустера до срока.

[3] См. №№ 616 и 617.

Sir G. Barclay. Il ne me donna que peu de détails, mais s'en montra fort inquiet. Il me dit seulement qu'il s'était agi d'enquête et que peut-être il eut mieux valu y procéder.

Comme je n'avais pas d'information au sujet de cet incident, je ne poussai pas l'entretien plus avant. Mais je fus frappé du ton soucieux de Sir Arthur, comme s'il y avait des côtés de cette question qu'il ne saisissait pas clairement.

Il me pria pourtant d'informer votre excellence que Sir G. Barclay l'avait tenu au courant de cet incident et m'exprima avec quelque insistance le vœu que cette affaire pût trouver une solution satisfaisante qui écarte des conséquences inattendues et très graves.

Veuillez agréer, etc.

Benckendorff.

Перевод.

Г. управляющий,

Как я имел честь уведомить ваше превосходительство по телеграфу, в прошлую субботу г. Тиррель сообщил мне доверительно, что г. Шустер назначил англичанина, г. Лекофра, на должность казначея в Тавризе. Г. Тиррель в то же время известил меня, что инструкции на этот счет были немедленно пересланы по телеграфу сэру Дж. Барклаю.

Вчера сэр А. Никольсон вернулся к этому вопросу и прочел мне телеграмму, отправленную английскому посланнику в Тегеран. Последнему поручено в ней выразить г. Шустеру в решительных выражениях неодобрение английским правительством указанного назначения, так же как и всякого назначения англичанина в Северной Персии, и заявить ему, что английское правительство считает противным духу своих соглашений с Россией всякое назначение, способное вызвать в России сомнение в искренности английского правительства. Сэр Джордж уполномочен в заключение сказать, что г. Шустеру необходимо изменить весь свой образ действий в отношении миссий России и Англии.

В разговоре со мной сэр Артур высказался в весьма строгих выражениях о происках г. Шустера. Английская позиция в связи с этим инцидентом, телеграмма, отправленная сэру Дж. Барклаю ранее какого-либо шага с моей стороны, и слова сэра Артура укрепили мое мнение, уже сложившееся во время моих бесед с сэром Э. Греем, что английское правительство отнюдь не считает ни г. Шустера, ни его политику полезными для Англии. Напротив, английское правительство видит в них серьезную опасность и не скрывает этого от самого г. Шустера.

Сэр Артур говорил мне еще между прочим, что эти назначения англичан, из которых некоторые, как г. Лекофр, являются просто персидскими националистами, нисколько не считающимися с английской политикой, ни в какой мере не устраивают английское правительство.

Он не скрыл от меня, что отставка г. Шустера была бы здесь благоприятно встречена. Но он предусматривает большое затруднение.

Я думаю, что английское правительство опасается, что персидское правительство может оказать подобному шагу пассивное сопротивление, которое завело бы [все дело] в тупик. Подобный результат правительство всегда и принципиально стремится избегать.

Между сэром А. Никольсоном и мной не было речи о попытках удалить г. Шустера с его должности.

Затем сэр Артур заговорил со мной об инциденте, имевшем будто бы место между персидской жандармерией и нашими консулами. Он сказал мне, что получил на этот счет две телеграммы от сэра Дж. Барклая. Он сообщил мне лишь некоторые подробности, но высказал сильное беспокойство по поводу происшедшего. Он мне сказал только, что речь идет о расследовании и что быть может было бы лучше произвести его.

Так как у меня не было сведений по поводу этого инцидента, то я не продолжал дальше разговор. Но я был поражен озабоченностью тона сэра Артура; получалось впечатление, что этот вопрос в некоторой части ему не вполне ясен.

Он просил, однако, уведомить ваше превосходительство о том, что сэр Дж. Барклай поставил его в известность относительно этого инцидента и выразил мне с некоторой настойчивостью пожелание, чтобы это дело получило удовлетворительное разрешение, которое устранило бы неожиданные и весьма серьезные последствия.

Примите и пр.

Бенкендорф.

№ 824. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

¹/. Письмо. 7 ноября/25 октября 1911 г.

Monsieur le Gérant,

J'ai eu l'honneur de rendre compte à votre excellence par télégraphe de la démarche dont Tewfik-Pacha s'est acquitté ces jours derniers, d'ordre de son gouvernement, auprès de Sir E. Grey [1].

[1] См. № 789.

Elle constitue dans son essence une proposition de rapprochement de la Turquie avec l'Angleterre, la Russie et la France, conditionnelle toutefois, la condition étant l'appui des trois Puissances dans les négociations de paix entre l'Italie et la Turquie.

La réponse faite par Sir E. Grey, toute favorable à l'idée de ce rapprochement en général (il me dit qu'il avait formulé sa pensée en vue des négociations entamées par notre ambassadeur à Constantinople), — excluait pourtant la promesse d'un appui direct du point de vue turc à faire valoir dès aujourd'hui auprès du Cabinet de Rome.

Je ne vois pas de raison de mettre en doute que la Turquie, peut-être déçue récemment en l'espoir qu'elle avait conçu des dispositions allemandes et autrichiennes, songe sérieusement à un rapprochement avec les Puissances de l'Entente. Mais elle commence par y mettre son prix.

En ce sens il me semble permis de supposer que la démarche actuelle de la Porte auprès du Cabinet de Londres lui a été inspirée par les ouvertures qui lui avaient été faites par Mr. Tcharykow.

Depuis, le marquis Impériali est venu, d'ordre de son gouvernement, notifier à Sir E. Grey le décret rendu à Rome de l'annexion de la Tripolitaine et de la Cyrénaïque.

Mr. O'Beirne a, je crois, été chargé de communiquer à votre excellence la réponse faite par Sir Edward à l'ambassadeur d'Italie. Cette réponse est loin d'être favorable à l'Italie; elle conteste même la légalité du décret au point de vue des traités internationaux sur la base d'arguments semblables à ceux formulés lors du décret d'annexion de la Bosnie et de la Herzégovine par l'Autriche-Hongrie.

Je communiquai confidentiellement hier à Sir A. Nicolson les raisonnements contenus dans le télégramme expédié par votre excellence en date du [4 novembre] 22 octobre à Mr. Iswolsky [1]. Sir Arthur sympathisa avec le point de vue que vous développez qui exclue toute pensée de produire à Constantinople par une pression inopportune des dispositions défavorables pour les trois Puissances au profit des alliés de l'Italie.

Quant au projet de sonder les vraies intentions de l'Italie par l'entremise de Mr. Tittoni à Paris, loin d'y faire aucune objection de principe, Sir Arthur me fit pourtant observer que dans toute probabilité le télégramme dont je lui parlai avait dû être expédié avant la notification italienne du décret d'annexion.

Sir Arthur me fit remarquer que ce décret même, pas basé sur des succès militaires suffisants, clouant l'Italie à une solution radicale, inacceptable aujourd'hui pour la Turquie, et cela dans une forme qui lui rend en quelque sorte impossible de modifier ses résolutions, — coupait court à toute tentative d'intervention et devait avoir comme résultat déplorable et dangereux celui de prolonger la guerre pour une période indéterminée. Sonder les vues italiennes comme votre excellence y pensait, lui paraît de fait dès lors sans objet.

Sir Arthur me dit s'être expliqué très franchement avec le marquis Impériali au sujet de ce décret.

L'ambassadeur s'était efforcé de lui expliquer que le décret italien, en simplifiant la question, devait faciliter les efforts des Puissances en faveur de la paix.

Sir Arthur n'accepta en aucune façon ce point de vue qui obligeait les Puissances neutres à imposer les décisions absolues et unilatéralement prises par l'une des Puissances belligérantes à l'autre Puissance.

Je ne crois pas que le gouvernement anglais se laisse en cette occasion guider par le mouvement d'opinion publique anglaise anti-italienne que j'ai l'honneur de signaler ailleurs [2].

Le gouvernement britannique s'appuie sur le droit public européen et reste simplement fidèle au principe de neutralité, en ayant soin pourtant de ne rien laisser paraître qui puisse faire à Constantinople une impression fâcheuse. Ce qui me semble

---

[1] См. № 797.
[2] См. № 812.

être en tout point favorable au point de vue du Cabinet impérial et aux intérêts de la Russie.

Il n'y a pas de doute pour moi qu'au cours de la crise actuelle le gouvernement anglais tienne à rester en tout point d'accord avec la Russie et la France.

Il ne s'ensuit pas, bien entendu, que Sir E. Grey considère possible d'aller plus loin que sa réponse au marquis Impériali, ni surtout d'accepter les propositions faites par Tewfik-Pacha au nom de la Turquie, d'autant plus qu'elles sont soumises à la condition d'une sorte de pression sur l'Italie.

Cette condition à peu près inacceptable même avant le décret italien, le devient complètement après la promulgation de ce dernier.

Cette condition, posée il est vrai à l'Angleterre, mais adressée probablement tout autant à la Russie, semble devoir ajourner les négociations entamées par notre ambassadeur auprès de la Porte.

Les instructions que votre excellence a bien voulu me donner par sa lettre en date du [2 novembre] 20 octobre N 692 [1], n'en deviennent que plus opportunes.

L'interruption de nos négociations à Constantinople me donne occasion de reprendre la question des détroits sous une forme différente de la première et conforme à vos instructions, c'est à dire indépendamment de nos négociations à Constantinople.

Je m'efforcerai d'obtenir un résultat qui soit un progrès sur le memorandum de 1908 [2] — quoiqu'il y ait toujours difficulté à obtenir du gouvernement anglais des engagements de principe pour des éventualités futures.

A ce sujet je me permettrai de relever un passage de la lettre N 692.

Je n'ai aucun souvenir d'une réserve spéciale faite par Sir E. Grey au sujet du consentement de la Porte. Comme vous le faites très justement remarquer, ce consentement deviendra évidemment nécessaire. Mais, autant que je sache, il n'en a pas été question entre moi et Sir Edward.

Ce qui a pu prêter à ce qui me paraît être un malentendu est que les circonstances ont fait que je n'ai pas parlé à Sir Edward de cette question des détroits in abstracto.

C'est l'ébauche des négociations de Mr. Tcharykow avec Saïd Pacha, dont j'ai confidentiellement informé le ministre, mentionnant la question du passage libre de nos forces maritimes par les détroits comme une des conditions que nous nous poserions à un arrangement avec la Porte, condition sur laquelle j'appuyais fort et qui a entraîné de ma part la question si le gouvernement anglais était disposé à l'appuyer à Constantinople.

A cette question Sir E. Grey répondit — oui, en ce sens qu'il appuyerait le projet tel qu'il était esquissé dans son memorandum de 1908, auquel il se considérait engagé, se réservant seulement d'examiner le projet dont je lui parlai différent de celui du memorandum.

Telle que j'avais posée la question, il s'agissait d'une action à Constantinople — bien entendu sur la base de l'acceptation du principe par l'Angleterre, — mais non pas d'un nouvel engagement principiel vis-à-vis de nous.

C'est sous cette nouvelle forme que je compte reprendre l'entretien.

Veuillez agréer, etc.

B e n c k e n d o r f f.

Перевод.

Г. управляющий,

Я имел честь донести вашему превосходительству по телеграфу о демарше, который, по приказанию своего правительства, Тевфик-паша на-днях предпринял перед сэром Э. Греем.

По существу шаг этот является предложением сближения Турции с Англией, Россией и Францией, однако предложение это условное, причем условием является поддержка со стороны трех держав в переговорах о мире между Италией и Турцией.

Ответ, данный сэром Э. Греем, — вообще говоря вполне благоприятный идее сближения (он сказал, что он формулировал свою мысль, имея в виду переговоры, начатые нашим послом в Константинополе), — исключает, однако, какое-либо обещание прямой поддержки турецкой точки зрения перед римским кабинетом уже в настоящее время.

[1] См. № 779.

[2] См. стр. 214, прим. 1.

Я не вижу причин сомневаться в том, что Турция, утратившая быть может в последнее время надежду, которую она питала в отношении намерений Германии и Австрии, серьезно думает о сближении с державами Согласия. Но она начинает с того, что назначает ему цену.

В этом смысле мне кажется возможным предположить, что нынешний демарш Порты перед лондонским кабинетом был ей подсказан теми сообщениями, которые сделал ей г. Чарыков.

После этого маркиз Империали, по приказанию своего правительства, явился к сэру Э. Грею и нотифицировал ему изданный в Риме декрет об аннексии Триполи и Киренаики.

Г. О'Берну было, мне кажется, поручено сообщить вашему превосходительству ответ, данный сэром Эдуардом итальянскому послу. Этот ответ далеко не благоприятен для Италии; в нем оспаривается даже правомерность декрета с точки зрения международных договоров, исходя из соображений, подобных тем, которые были высказаны по поводу декрета об аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины.

Я сообщил вчера доверительно сэру А. Никольсону рассуждения, заключающиеся в телеграмме, отправленной вашим превосходительством [4 ноября] 22 октября г. Извольскому. Сэр Артур сочувственно отнесся к точке зрения, которую вы развиваете и которая исключает всякую мысль создать в Константинополе, путем несвоевременного нажима, настроение, неблагоприятное для трех держав к пользе союзников Италии.

Что касается проекта выяснить в Париже через г. Титтони истинные намерения Италии, то сэр Артур, отнюдь не возражая против этого принципиально, все же обратил мое внимание на то, что по всей вероятности телеграмма, о которой я с ним говорил, была послана до итальянской нотификации декрета об аннексии.

Сэр Артур заметил мне, что этот декрет, который не базируется на достаточных военных успехах, обязывая Италию к радикальному решению вопроса, неприемлемому сейчас для Турции, притом в форме, делающей для нее [Италии] невозможным изменить свои решения — пресекает всякие попытки к вмешательству и будет иметь печальным и опасным результатом то, что война затянется на неопределенный срок. Зондировать намерения Италии, как ваше превосходительство предполагали, кажется ему поэтому бесцельным.

Сэр Артур сказал мне, что он весьма откровенно объяснился с маркизом Империали по поводу этого декрета.

Посол старался ему объяснить, что итальянский декрет, упрощая вопрос, должен облегчить усилия держав в пользу мира.

Сэр Артур ни в какой мере не согласился с этой точкой зрения, которая заставляет нейтральные державы навязывать окончательные решения, односторонне принятые одной из воюющих держав, другой [воюющей] державе.

Я не думаю, что в этом случае английское правительство будет руководиться общественным мнением, настроенным против Италии, на которое я имею честь указывать в другом донесении.

Британское правительство опирается на европейское государственное право и остается просто верным принципу нейтралитета, стараясь однако не делать ничего, что могло бы произвести в Константинополе неприятное впечатление. Мне кажется, что это во всех отношениях отвечает точке зрения императорского кабинета и интересам России.

Для меня нет сомнений в том, что в течение нынешнего кризиса английское правительство желает оставаться во всех отношениях солидарным с Россией и Францией.

Из этого, конечно, не вытекает, что сэр Э. Грей считает возможным итти дальше своего ответа маркизу Империали и, особенно, принять предложения, сделанные Тевфик-пашой от имени Турции, тем более, что они обусловливаются своего рода давлением на Италию.

Это условие, почти неприемлемое даже до издания декрета, становится совершенно неприемлемым после провозглашения этого последнего.

Это условие, поставленное, правда, Англии, но относящееся вероятно столько же и к России, повидимому должно вызвать отсрочку начатых нашим послом переговоров с Портой.

Инструкции, которые ваше превосходительство благоволили мне дать письмом от [2 ноября] 20 октября за № 692, становятся тем самым еще более своевременными.

Перерыв наших переговоров в Константинополе дает мне случай вернуться к вопросу о проливах в форме, отличающейся от прежней и соответствующей вашим инструкциям, т. е. независимо от наших переговоров в Константинополе.

Я постараюсь добиться результата, который был бы шагом вперед по сравнению с меморандумом 1908 г., хотя от английского правительства всегда бывает весьма трудно добиться принципиального обязательства в отношении событий будущего.

По этому поводу я позволю себе отметить одно из высказываний письма за № 692.

Я не помню, чтобы сэр Э. Грей делал специальную оговорку по поводу согласия Порты. Как вы совершенно верно заметили, это согласие неизбежно станет необходимым. Но, насколько я знаю, об этом не было речи между мной и сэром Эдуардом.

Поводом к тому, что я считаю недоразумением, могло послужить то, что в силу обстоятельств я не говорил с сэром Эдуардом об этом вопросе о проливах в отвлеченной форме.

Я доверительно известил министра лишь о намечаемых переговорах г. Чарыкова с Саид-пашой, упомянув вопрос о свободном проходе наших морских сил через проливы, как одно из условий, которое мы себе ставим для соглашения с Портой — условие, на котором я сильно настаивал и которое привело к вопросу с моей стороны, склонно ли английское правительство поддержать его в Константинополе.

На этот вопрос сэр Э. Грей ответил — да, в том смысле, что он поддержит проект в том виде, в каком он был намечен в его меморандуме в 1908 г., которым он считает себя связанным, оставляя лишь за собой право рассмотреть проект, о котором я ему говорил, отличный от проекта, указанного в меморандуме.

Вопрос в том виде, как я его поставил, касался выступления в Константинополе — само собой разумеется на основе принципиального согласия Англии, но не нового принципиального обязательства по отношению к нам.

В этой новой форме я и намерен возобновить разговор.

Примите и пр. Бенкендорф.

№ 825. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 165. 7 ноября/25 октября 1911 г.

Министр иностранных дел внес сегодня в палату депутатов законопроект о принятии франко-германского соглашения. Законопроект передан в комиссию иностранных дел. Из иностранных государств Италия первая официально уведомила французское правительство о своем присоединении к соглашению. Я сделал де Сельву устно сообщение в смысле вашей телеграммы № 1696 [1].

Извольский.

№ 826. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 84 [2]. 7 ноября/25 октября 1911 г.

Доверительно.

Если перенесение Италией сферы военных действий в другие части Турецкой империи может оказаться для нас чреватым опасными осложнениями, не признаете ли, ваше превосходительство, целесообразным, сговорившись с Францией и Великобританией, предложить в Константинополе, как основу примирения, коллективное согласие великих держав на отмену капитуляций. Отмена эта должна, однако, распространяться лишь постепенно из центра на провинции по мере того, как окажется возможным обеспечить жизнь и достояние иностранных подданных. Такое предложение, ввиду заявления Рифаата (см. письмо Извольского 26/13 октября [3]), было бы, вероятно, принято Портой с благодарностью, как выход из затруднительного положения. Оно не может встретить противодействия ни Австрии, ввиду принятого ею в 1909 г. обязательства [4], ни Италии (см. мое письмо от 27 сентября ст. ст. [5]). Германия, как друг и благодетель Турции, будет вынуждена присоединиться к другим державам. Условность и постепенность введения сказанной меры гарантирует ее безопасность. Одновременно Турция получит возможность спасти лицо; Италии же будет видно, откуда она может ожидать для себя наибольших выгод. С нашей стороны мы могли бы связать почин такого предложения с требованием известных уступок в вопросе о проливах.

Долгорукий.

№ 827. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 85. 7 ноября/25 октября 1911 г.

Князь Скалеа дал понять доверительно великобританскому послу, что желательно было бы, чтобы Англия воздержалась от какого бы то ни было ответа, если она не найдет возможным немедленно признать объявленное присоединение Триполи. Отказ произвел бы крайне неблагоприятное впечатление на общественное мнение Италии. Французский коллега телеграфирует то же самое в Париж.

Долгорукий.

---

[1] См. № 798.
[2] Маш. копия.
[3] См. № 739.
[4] См. стр. 274, прим. 1.
[5] См. № 575.

№ 828. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 43. 7 ноября/25 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Королевским указом от 5 ноября/23 октября, согласно 5-й ст. основного закона 4 марта 1848 г., на Триполи и Киренаику распространен суверенитет королевства Италии. Статья 5-я определяет верховные права монарха, которому одному принадлежит исполнительная власть, причем оговорено, что заключенные им договоры, устанавливающие обременение государственного казначейства, либо изменение государственной территории, получают силу лишь по утверждении их палатами. Присоединение Эритреи в 1896 г. было объявлено в тех же самых выражениях.

Проводя означенную меру, итальянское правительство, как мне говорил князь Скалеа, намеревалось облегчить великим державам возможность оказать дружеское давление на Порту, убедив ее в бесповоротности принятого Италией решения. Такое значение имело циркулярное обращение маркиза ди Сан-Джулиано к итальянским дипломатическим представителям. Ответа от держав не ожидают в министерстве иностранных дел, но от меня не ускользнуло нетерпение узнать впечатление, которое произвело за границей выступление Италии. До вчерашнего вечера, когда я был в Консульте, были получены весьма сочувственные телеграммы лишь от итальянских посланников в Афинах и Белграде и извещение Пансы, что Кидерлен-Вехтер не принял его по болезни и что он беседовал с г. Циммерманом. Последний выразил от своего личного имени надежду, что сделанный Италией шаг приблизит миролюбивую развязку триполийского вопроса.

Поскольку я могу судить из слов г. Ягова, едва ли в Берлине настроены особенно сочувственно. Германский посол отзывается крайне резко о г. Джиолитти, который, по его словам, ищет восстановить в стране престиж, поколебленный туринской речью (см. мое донесение № 39 [1]). Лишь соображения внутренней политики побудили итальянского председателя совета министров принять решение, соответствующее нынешнему общественному настроению, нисколько не справляясь с его международной целесообразностью. Те же чувства, будто бы, руководят премьером в его несколько необычайном обращении с письмами к различным органам печати. Мои сведения несколько расходятся с только-что указанными. Насколько мне известно, г. Джиолитти всеми силами воспротивлялся обнародованию указа, и его оппозиция была сломлена лишь усилиями ди Сан-Джулиано и князя Скалеа на совете министров, состоявшемся в субботу, 4 ноября/22 октября.

Примите и пр. Кн. Долгорукий.

№ 829. Посланник в Белграде временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 64. 7 ноября/25 октября 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

В дополнение к весьма секретной телеграмме моей от [3 ноября] 21 октября № 172 [2] почитаю долгом уведомить ваше превосходительство, что, согласно донесению сербского посланника в Софии, болгарское правительство в общем отнеслось весьма сочувственно к выработанному в Белграде проекту «соглашения», и что Гешов совместно со Спалайковичем тотчас же приступили к тщательному изучению и обсуждению каждой статьи этого акта в отдельности.

На первых порах, как впрочем и следовало ожидать, болгары обратились с просьбой о коренном изменении по существу редакции 4-й статьи проекта. Гешов находил желательным:

[1] См. № 572.

[2] Тел. № 172 датирована 4 ноября/22 окт. (см. № 801).

1) чтобы в перечислении земель, от которых Сербия заранее отказывается в пользу болгар, кроме Адрианопольского вилайета и южной части Косовского, значился также и Солунский вилайет, и

2) чтобы в той же статье была более подробно описана, в сербском и болгарском вариантах, пограничная черта, отделяющая обоюдные сферы влияния, которые в будущем должны войти в состав владений договаривающихся сторон. При таких условиях только эта спорная полоса земли являлась бы предметом всемилостивейшего третейского разбирательства, если бы на таковое последовало соизволение государя императора.

Сербы, как мне сообщил Милованович, тотчас же согласились на удовлетворение просьбы Гешова, и Спалайковичу уже послан по телеграфу измененный проект 4-й статьи, в котором, помимо упоминания об отказе Сербии от Солунского вилайета в пользу болгар, изложено описание сербской и болгарской демаркационных линий в том виде, как они намечены в депеше моей от [8 октября] 25 минувшего сентября за № 57 [1]. В случае, если в дальнейшем соглашение по этим вариантам не будет достигнуто, обе стороны повергают спор на благожелательное решение государя императора.

Между тем, не далее как вчера, ко мне снова явился Милованович с известием, крайне встревожившим сербское правительство. По сообщению Спалайковича, наш посланник в Софии, ознакомившись с проектом сербо-болгарского соглашения, признал будто бы необходимым придать 3-й статье оного совершенно иную формулу, *приемлемую и для Турции, которую-де желательно было бы привлечь к этому договору*!

В этом известии кроется столь *опасное* недоразумение, что я отказался поверить в точность передачи Спалайковичем замечаний д. с. с. Неклюдова. В самом деле, ведь нельзя допустить и мысли, чтобы обсуждаемый ныне в Софии проект соглашения, при каких бы то ни было обстоятельствах и в какой бы то ни было своей части (уже не говоря о 3-й статье!) мог бы послужить даже приблизительной схемой для уговора балканских государств во главе с Турцией! Ведь в данном случае идет речь *о секретном сербо-болгарском соглашении*, а вовсе не о *балканской конфедерации*; ведь одно и другое дело не имеют и *не должны иметь* ничего между собой общего, а вместе с тем друг друга вовсе не исключают. Посему — разве допустимо приспособлять, подделывать текст секретной славянской конвенции под совсем еще неведомый трафарет, в который выльется балканская федерация, если ей суждено осуществиться? И не значило ли бы это заранее обрекать с таким трудом налаженное сербо-болгарское соглашение на полное крушение?

Если, как сказано мной в предыдущем донесении [2], в силу каких-либо высших политических соображений, осуществление балканской конфедерации признается желательным, то очевидно, что для нее будет своевременно предложена и особая формула, над установлением которой будут совместно работать не только славянские, но, может быть, и греческие, и румынские и, во всяком случае, турецкие уполномоченные, не без верховного наблюдения России.

Что же касается текста секретного сербо-болгарского соглашения, то, мне кажется, выработку такового надлежало бы предоставить свободному усмотрению сербов и болгар; тем более, что они заранее пришли к единогласному твердому решению осведомлять императорское правительство о ходе переговоров в Софии, руководствоваться в основных положениях его общими указаниями и представлять все свои споры и недоразумения на суд России.

Насколько сербы и болгары дорожат благожелательным отношением России к их соглашению, лучшим доказательством служит тот факт, что оба правительства, дабы устранить поводы к обвинению их в агрессивных замыслах, ныне же решили насколько возможно сузить произвол в начатии наступательных действий против Турции. В этих видах первая часть 3-й статьи договора подверглась некоторому изменению. По новой редакции вопрос о своевременности осуществле-

---

[1] См. № 563.
[2] См. № 806.

ния национальных задач представляется на усмотрение России даже и в том случае, если в оценке общего положения на Балканах между договаривающимися сторонами установится полная гармония взглядов.

Это новое обстоятельство в значительной степени подкрепляет оговорку, которую я позволил себе высказать в заключительной части моей секретной телеграммы от [3 ноября] 21 сего октября за № 172 [1].

Примите и пр.

Ник. Гартвиг.

Тут много верного.

Ливадия, [17] 4 ноября 1911 г.

№ 830. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 1056. 7 ноября/25 октября 1911 г.

Индийское правительство поручило Барклаю объявить Стоксу, что отставка его не может быть принята, так как английское правительство считает вредным для своих интересов поступление его на персидскую службу. Стоксу также предписывается в возможно скорейшем времени прибыть к его новому месту служения, в штабе в Симле.

Поклевский.

№ 831. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 1058. 7 ноября/25 октября 1911 г

Получил № 1685 [2].

Я совершенно уверен, что заем, обставленный политическими условиями или требованиями концессий, не имеет никаких шансов быть принятым ни шахским правительством, ни меджлисом. Относительно невозможности получения нашим банком совместно с Зелигманом контракта на заем и соответствующих новых прав я должен высказаться менее категорично, но я уверен, что и этот план встретит значительные затруднения, так как сомнительно, чтобы даже один Зелигман мог добиться согласия меджлиса на все предлагаемые им условия. Беддос, постоянно лавирующий в своем желании угодить и нам, и персам, теперь уверяет, что Зелигман может вслед за подписанием им контракта с шахским правительством уступить нам не только все права по заведыванию гарантирующими заем источниками доходов, но и право контроля над расходованием реализованных путем займа денег. Последнее, по его словам, может быть осуществлено следующим образом: Зелигман обяжется перед нами выбирать своего представителя в Персии с нашего согласия, представлять на предварительное одобрение императорского правительства проект расходования денег и не допускать новых расходов без нашей санкции. Что же касается условий займа, подтверждающих существование должности главного казначея и закрепляющих его права, то мне представляется необходимым потребовать ограничения последних в том смысле, чтобы это лицо не могло принимать без согласия шахского правительства самостоятельных решений по вопросам, имеющим отношение к иностранной политике Персии.

Поклевский.

№ 832. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 1059. 7 ноября/25 октября 1911 г.

Мне сообщают из достоверного источника, что шахское правительство уже заказало в Германии 10 пулеметов и несколько горных орудий. Вследствие обилия заказов германская фабрика отказалась от поставки персам нескольких

[1] См. стр. 326, прим. 2.
[2] См. стр. 283, прим. 1.

тысяч ружей Маузера, вследствие чего эта часть вооружения будто бы изготовляется на австрийском заводе Манлихера. Так как шахское правительство ожидает от нас отказа в транзите, то инструктору Гаазе поручено лично доставить в Персию к весне все заказанное теперь оружие чрез Мохаммеру или Трапезунд.

Поклевский.

№ 833. Нота турецкого посольства в Петербурге временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

№ 27973/653. 8 ноября/26 октября 1911 г.

Le gouvernement impérial ottoman apprend que le gouvernement italien, ayant motu proprio promulgué un décret proclamant l'annexion des provinces ottomanes de Tripoli et de Benghazi, le communique en ce moment aux Puissances.

La Sublime Porte proteste de la façon la plus énergique contre cette proclamation qu'elle considère nulle et sans valeur en droit comme en fait.

Un tel acte est effectivement nul parce que, contraire aux principes les plus élémentaires du droit des gens, il l'est également parce que la Turquie et l'Italie se trouvent encore en pleine guerre et que le gouvernement impérial ottoman entend conserver et défendre par les armes ses droits souverains imprescriptibles et inaliénables sur ces deux provinces.

D'autre part cette proclamation et la communication qui en est faite aux Puissances constituent une double et formelle violation des engagements solennellement contractés en vertu des traités, notamment ceux de Paris et de Berlin, aussi bien par l'Italie vis-à-vis des grandes Puissances, que par celles-ci vis-à-vis du gouvernement impérial ottoman, au sujet de l'intégrité territoriale de l'Empire.

Dans ces conditions, l'annexion proclamée par le gouvernement italien demeure juridiquement nulle, de même qu'elle est inexistante en fait.

Le soussigné, ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire de sa majesté l'empereur des Ottomans auprès de sa majesté l'empereur de Russie, en remettant, d'ordre de son gouvernement, cette note à son excellence Mr. Nératow, gérant du ministère impérial des affaires étrangères de Russie, saisit l'occasion pour lui réitérer l'assurance de sa très haute considération [1].

Turkhan.

Перевод.

Императорское оттоманское правительство узнало, что итальянское правительство обнародовавшее по своей инициативе декрет, объявляющий об аннексии турецких провинций Триполи и Бенгази, в настоящий момент сообщает о нем державам.

Высокая Порта самым энергичным образом протестует против этого провозглашения, которое она считает недействительным и не имеющим силы ни юридически, ни фактически.

Подобный акт является на самом деле недействительным, так как он противоречит самым элементарным принципам международного права; он недействителен еще и потому, что Турция и Италия находятся еще в разгаре войны и императорское оттоманское правительство намеревается охранять и защищать силой оружия свои незыблемые и неотъемлемые суверенные права на эти две провинции.

С другой стороны, это объявление и сделанное державам сообщение о нем составляют двойное и определенное нарушение обязательств, торжественно принятых на себя по трактатам, а именно Парижскому и Берлинскому, как Италией по отношению к великим державам, так и этими последними по отношению к императорскому оттоманскому правительству по поводу территориальной целостности империи.

В этих условиях объявленная итальянским правительством аннексия юридически недействительна и фактически не существует.

Нижеподписавшийся, чрезвычайный и полномочный посол его величества императора оттоманов при его величестве императоре российском, передавая, по приказанию своего правительства, эту ноту его превосходительству г. Нератову, управляющему российским министерством иностранных дел, пользуется случаем, чтобы повторить ему заверения своего глубочайшего почтения.

Турхан.

---

[1] На документе имеется помета: «Надо литографировать и разослать послам в Лондоне, Париже, Риме, Вене, Берлине и Мадриде. Д. Н[елидов]».

№ 834. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Лондоне Бенкендорфу.

Телеграмма № 1732 [1]. 8 ноября/26 октября 1911 г.

Телеграмма за № 263 [2] получена.

Мы уверены в том, что великобританское правительство при подобных же условиях также не допустило бы совместного с персами расследования действий своих чиновников. Со своей стороны мы считаем, что право суждения об этих действиях принадлежит исключительно нам. Об указываемых в английской прессе мерах нет пока речи, но в случае дальнейшего упорства со стороны персидского правительства нам придется изыскать средства для давления на него и [3] для защиты наших интересов. Экспедиции в Гилян и Талыши намечались нами уже ранее, до инцидента с имуществом Шоа-эс-Солтане, ввиду крайне беспорядочного положения дел в этих местностях, причинившего серьезные убытки нашим подданным, и бессилия персидского правительства водворить там порядок. Экспедиции эти должны были, однако, иметь характер исключительно карательный, а не оккупационный.

Нератов.

№ 835. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

Телеграмма № 1734 [4]. 8 ноября/26 октября 1911 г.

№ 2 [5].

Телеграмма № 1051 получена [6].

Ввиду словесного отказа персидского правительства исполнить наши справедливые требования об удовлетворении по инциденту Шоа-эс-Солтане, вам надлежит вновь предъявить, и на сей раз письменно, эти требования, сводящиеся к замене шустеровских жандармов казаками бригады на срок по вашему усмотрению и к принесению министром иностранных дел извинений за оскорбительные действия означенных жандармов в отношении чиновников нашего генерального консульства. Форма извинения предоставляется также вашему усмотрению. Вы имеете при этом дать понять персам, что, в случае неисполнения ими этих требований без замедления, вы прервете сношения с существующим кабинетом и что вслед за тем мы предоставим себе принять меры, какие признаем нужными для защиты наших интересов. Что касается этих мер, то, в случае неудовлетворения наших требований в двухдневный срок, мы имеем в виду посылку нового отряда в Казвин с тем, чтобы из последнего вами, в случае надобности, могли быть вызваны в Тегеран соответствующие части для удаления шустеровских жандармов из владений Шоа-эс-Солтане. Независимо от этого, на крайний случай, мы могли бы иметь в виду прекращение визы нашими консульствами персидских паспортов, с объявлением местному населению о причинах, вызвавших эту меру, что не замедлило бы, вероятно, возбудить неудовольствие народа против правительства [7].

Нератов.

---

[1] Опубл. Siebert, II, S. 207, N 487.

[2] Тел. от 6 ноября/24 окт. за № 262 (№ 1) (опубл. Siebert, II, S. 200, N 481) Бенкендорф сообщал, что Никольсон, весьма озабоченный инцидентом с имуществом Шоа-эс-Солтане, выразил надежду, что этот вопрос можно будет разрешить, не прибегая к крайним мерам. Тел. от того же числа за № 263 (№ 2) (опубл. Siebert, II, S. 200, N 482) Бенкендорф передавал сообщения прессы, согласно которым, в случае отказа перс. прав-ва удовлетворить требования России, последует оккупация Гиляна и Талышей. «Я усмотрел, — заключал Бенкендорф, — что мнение Никольсона таково, что это дело могло бы быть улажено посредством предварительного совместного расследования».

[3] У Siebert'а слова: «для давления на него и» опущены.

[4] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 216, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[5] Тел. от 8 ноября/26 окт. за № 1734 (№ 1) Нератов просил м-ра двора Фредерикса представить публикуемую тел. на одобрение Николая II и одновременно извещал его, что она составлена по соглашению с председателем совета министров Коковцовым в качестве проекта инструкций посланнику в Тегеране.

[6] См. № 815.

[7] В дополнение к публикуемому док., Нератов тел. от 10 ноября/28 окт. за № 1744 извещал Поклевского о том, что в обращении его «к персидскому правительству не следует упоминать об обязательстве Шоа-эс-Солтане банку».

№ 836. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 8 ноября/26 октября 1911 г.

Personnelle.

Cher Анатолий Анатольевич,

Quand le courrier arrive lundi soir, je n'ai que peu de temps et crains toujours que mon expédition ne s'en ressente. Celle-ci certainement. J'aurais voulu approfondir sur bien des points que je ne pourrai que toucher ici en réponse à votre lettre [1], pour laquelle je vous remercie infiniment.

Les évènements, depuis qu'elle a été écrite, confirment vos prévisions sur les négociations à Constantinople.

Je ne vous cacherai pas que cela devient une difficulté pour le progrès, surtout rapide, de l'affaire des détroits.

Je tenterai. Je ne suis pas sûr de réussir.

Mais si je ne réussis pas, cela ne signifiera aucunement que les dispositions anglaises tiédissent. Depuis deux ans elles ont fait des progrès indiscutables. L'opinion publique, tant que nos relations restent ce qu'elles sont, ne tient plus à ce qui est considéré comme une antiquaille.

Vous en avez eu la preuve dans la réponse de Grey. En 1908 Grey disait: «Voilà ce qui pourra et devra se faire un jour», «aujourd'hui c'est trop tôt». Il ne dit plus: «C'est trop tôt». Il dit: «Je suis prêt à agir», mais on ne peut agir que si les circonstances s'y prêtent. Il y en avait l'espoir. C'est remis. Il sera difficile de le faire sortir de là. Il n'en comprendra pas l'utilité ni la nécessité pratique. C'est là affaire de méthode traditionnelle qui se remarque en tout.

Il y a tout de même moyen d'entamer la question et je le tenterai, mais il y a des objections à prevoir à notre formule actuelle.

Je l'entrevois sous la forme suivante et peut-être moins de la part de l'Angleterre, que de l'Europe en général.

Notre objet est la liberté de passage dans les deux sens. Je ne prévois aucun obstacle sérieux à ce but. Mais la conversion de la mer Noire en un grand port de refuge en temps de guerre pour la flotte russe est une autre question et c'est là que surgissent les difficultés.

Comme vous, je remarque des symptômes fréquents du désir du gouvernement anglais d'affermir, voir même d'étendre notre entente. On sent que dans toutes les questions européennes du jour, dans le Near East surtout, nos points de vue coïncident parfaitement. Mais comment étendre cette communauté d'action ou, plutôt, comment la formuler? Je ne m'en rends pas encore clairement compte.

J'entends parfois murmurer autour de moi la notion d'une alliance défensive. Ceci est une question trop grave pour que je me risque même de l'aborder. Pour le moment je l'exclue. Je crois que Buchanan y pense.

Resterait un arrangement plus général, qui pourrait comprendre Constantinople, les Balkans, peut-être l'Asie Mineure. Il s'agirait de faire adopter à l'Angleterre nos vues, ce que je crois possible, nous lui concéderions l'Egypte etc.

Mais un arrangement nouveau de ce genre devrait nécessairement comprendre le Far East. Cette difficulté est, selon moi, non pas peut-être insurmontable, mais beaucoup plus grande.

L'Angleterre est rassasiée de colonies, elle ne veut pas d'annexions nouvelles, par conséquent elle ne veut pas de partage, par conséquent elle tient au principe de l'intégrité territoriale. Ceci s'applique à la Chine, à la Perse, à tous les points où nous sommes en contact; en plus l'Angleterre tient à ne pas trop contrecarrer l'Amérique.

Je ne voudrais pas en dire plus dans une lettre improvisée en dernière heure et je ne puis m'engager à réussir, mais je crois la tentative possible.

De fait l'entente anglo-russe a eu des résultats inattendus. Basée en réalité sur la Perse, on a cru longtemps que si en Perse les choses n'allaient pas comme sur

[1] См. № 779.

des roulettes, l'entente disparaîtrait. Il se trouve que l'entente tend à se raffermir, malgré les difficultés qui surgissent en Perse.

Mais il ne faudrait pas pousser trop loin les conséquences de cette observation que je crois exacte en elle-même.

Un désaccord sérieux en Perse serait quand même fatal à l'entente.

Toutefois, le seul danger qui pourrait amener ce désaccord est celui qui n'admettrait plus d'autre solution qu'un partage. Cela est à considérer sérieusement toutes les fois qu'il s'agit d'occupations. Les occupations militaires y mènent droit.

Les autres points sont secondaires.

L'affaire Stokes a été une leçon qui nous a valu l'attitude anglaise, de sa propre initiative, dans l'affaire Lecoffre [1].

Par rapport à Shuster les dispositions sont changées entièrement.

Ici toutefois intervient une différence de méthode. Ne perdant jamais de vue son principe fondamental, contraire au partage, le gouvernement anglais évite toujours l'impasse qui mène aux menaces, lesquelles exigent l'occupation. Quelle que soit son opinion actuelle sur Shuster, je doute que le gouvernement anglais demande catégoriquement sa démission. Parce que si la Perse répond par un refus, tout le principe politique anglais croule.

L'incident le plus récent pourrait, peut-être, illustrer mon idée mieux que tout autre. Je ne connais cet incident que presque pas, mais pour le peu j'y vois clair.

Pokhitonow pourrait bien avoir contribué à l'aigrir [2]. Je n'en suis pas sûr, mais je crois que c'est l'impression de Nicolson. S'il en est ainsi, voilà toute la politique du gouvernement impérial renversée pour un excès de zèle ou manque de tact d'un consul. S'il en était ainsi, le gouvernement anglais n'aurait pas hésité un instant à le désavouer. Jamais Grey n'eût admis que la politique du Cabinet puisse être à la merci d'une action consulaire. Je crois en effet que cela serait là un danger extrêmement grand.

Je crains de m'aventurer davantage sur un terrain où, je le répète, mes informations sont insuffisantes, mais, soit dit en passant, j'ai souvent au cours de ma carrière, jadis au sujet des Balkans, aujourd'hui en Orient, observé que l'esprit d'initiative de nos consuls, même où il y a des représentants responsables, allait trop loin et que l'esprit de discipline n'est pas tout à fait ce qu'il devrait être.

Toutefois, entre vous et moi, je pousserai la franchise jusqu'à dire que la nomination de Pokhitonow à Téhéran, en les circonstances actuelles, m'avait surpris.

L'expert chez nous a toujours été un danger, il connaît l'objet de son étude et trop peu ce qui est autour. Avec le moindre relâchement de discipline cela devient un danger très sérieux.

Le cas actuel le prouve, dû au hasard, il peut avoir des conséquences hors de toute proportion avec son importance intrinsèque.

A ceci il me faut ajouter que s'il y a des doutes sur la correction des actes de notre consul, nous n'obtiendrons guère l'appui de la légation anglaise.

Aussi je crois qu'il est plus prudent de remettre à la clôture de cet incident toute initiative d'entretiens sérieux avec Grey sur les sujets que je traite au début de cette lettre.

L'insistance même que Nicolson a mise à exprimer l'espoir et le vœu que l'incident soit clos de façon satisfaisante, me prouve qu'il n'y voit pas clair ou bien qu'il redoute une erreur consulaire de notre part, surtout qu'il n'a en aucune façon fait allusion à un appui de la part de la légation anglaise, ce qu'il eût fait dans tout autre cas clair.

A moins que toutes mes suppositions soient erronées, je crois qu'un rappel subséquent de Pokhitonow sera nécessaire.

Sur les autres graves questions du jour je rends compte ailleurs [3].

L'Angleterre tient infiniment à ne pas tirer les marrons du feu à Constantinople pour les beaux yeux de l'Allemagne et de l'Autriche. Grey condamne vivement

[1] См. стр. 320, прим. 1.
[2] См. №№ 603, 616 и 617.
[3] См. № 824.

l'imprudence du malencontreux décret italien d'annexion. Il redoute beaucoup comme conséquence un prolongement de la guerre, plein de périls. Mais il trouve qu'après ce décret, intervenir devient pour le moment sans objet. Ceci ne veut pas dire qu'on croit, ni surtout qu'on espère une victoire turque complète. On est parfaitement résigné à ce que Tripoli devienne plus ou moins italien.

Pour le voyage du roi aux Indes je ne puis répondre que par l'affirmative à la question que vous me posez dans votre télégramme [1] sur les hésitations auxquelles il a donné lieu.

Ce voyage est fort discuté, il y a eu une opposition sérieuse, non seulement parce que le moment paraît mal choisi, mais pour motifs constitutionnels.

Au fond du cœur je crois que même Mr. Asquith ne l'approuve pas. Si c'était à refaire, le voyage ne serait plus décidé. Mais les choses ont été trop loin, y renoncer maintenant, à la dernière heure, constituerait un événement trop considérable et pourrait produire une sorte de panique.

Le roi part samedi, accompagné de la reine. Je vous écrirai un rapport à ce sujet [2]. Aujourd'hui je n'ai matériellement plus le temps.

Mille compliments bien sincères.

Benckendorff.

Перевод.

Личное.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Когда курьерская почта приходит в понедельник вечером, у меня бывает мало времени и я всегда боюсь, чтобы это не отразилось на моей экспедиции. На этот раз так, конечно, и будет. Я бы хотел подробно остановиться на многих пунктах, которых мне придется здесь лишь коснуться, в ответ на ваше письмо, за которое я вам бесконечно признателен.

С тех пор, как оно было написано, события подтвердили то, что вы предвидели относительно переговоров в Константинополе.

Не скрою от вас, что это затрудняет успех — особенно быстрый — дела о проливах. Я попытаюсь. Но я не уверен в успехе.

Однако, если я не достигну успеха, это еще ни в каком случае не будет означать, что Англия охладела [к нашему проекту]. За эти два года в настроениях Англии заметен несомненный прогресс. Общественное мнение — пока наши отношения остаются такими, какими они есть — уже не дорожит тем, что рассматривается как старье.

Доказательство этому вы видели в ответе Грея. В 1908 г. Грей говорил: «Вот что можно и нужно сделать впоследствии», «сейчас это преждевременно». Теперь он не говорит: «Это преждевременно», он говорит: «Я готов действовать», но действовать можно только если этому соответствуют обстоятельства. На это была надежда. Но это отложено. Будет трудно заставить его сойти с этой позиции. Он не поймет ни пользы, ни практической необходимости этого. Это — вопрос традиционного метода, который сказывается во всем.

Тем не менее есть средство поднять этот вопрос и я попытаюсь это сделать, но надо предвидеть возражения против теперешней нашей формулы.

Мне они представляются в следующей форме и притом, возможно, не столько со стороны Англии, сколько вообще со стороны Европы.

Наша цель — свободный проход в обоих направлениях. В этом отношении я не предвижу никаких серьезных препятствий. Но превращение Черного моря в большой порт, который в случае войны служил бы убежищем для российского флота, это другой вопрос, и тут-то и возникают затруднения.

Как и вы, я часто замечаю со стороны английского правительства признаки желания укрепить наше согласие и даже расширить его. Чувствуется, что по всем текущим европейским вопросам, а особенно касающимся Ближнего Востока, наши точки зрения совершенно совпадают. Но как расширить эту общность действий? Или, вернее, как ее формулировать? Это для меня еще не вполне ясно.

Иногда я слышу вокруг себя упоминание об оборонительном союзе. Это — вопрос слишком серьезный для того, чтобы я рискнул даже затронуть его. Пока я его исключаю. Мне кажется, что Бьюкенен думает о нем.

---

[1] Возможно, что Бенкендорф имеет в виду тел. Нератова от 2 ноября/20 окт. за № 1675. В этой тел. Нератов сообщал: «По сведениям Арсеньева германский генеральный консул в Калькутте, принц Рейс, как родственник английского королевского дома, будет пользоваться особыми преимуществами на дурбаре, что еще более оттенило бы пренебрежительное отношение к нашему представителю и консулам других держав». Нератов просил проверить эти сведения; а также слухи о том, что поездка короля в Индию будто бы не состоится.

[2] Тел. от 11 ноября/29 окт. за № 276 Бенкендорф сообщал Нератову об отъезде англ. короля в Индию. На вокзале король выразил Бенкендорфу свое удовлетворение по поводу установившихся прекрасных отношений с Россией, причем добавил: «Я надеюсь, что в Персии дела устроятся наилучшим образом».

Остается более общее соглашение, которое может распространяться на Константинополь, Балканы, возможно на Малую Азию. Речь идет о том, чтобы заставить Англию принять нашу точку зрения, что я считаю возможным, мы ей предоставили бы Египет и т. д.

Но новое соглашение этого рода неизбежно должно было бы охватить и Дальний Восток. Это затруднение, по моему мнению, возможно и не непреодолимое, но уже значительно более серьезное.

У Англии совершенно достаточно колоний, она не желает новых аннексий, следовательно, не желает и дележей, а, следовательно, стоит за принцип территориальной неприкосновенности. Это относится к Китаю, к Персии, ко всем пунктам, в которых мы соприкасаемся; сверх того, Англия стремится не слишком раздражать Америку.

Я не желал бы распространяться больше по этому поводу в письме, которое пишу наспех, в последнюю минуту; я не ручаюсь за успех, но считаю попытку возможной.

Фактически англо-русское согласие дало неожиданные результаты. Так как оно основывалось в сущности на [соглашении о] Персии, то долгое время думали, что если там дела не пойдут как по маслу, то согласие отпадет. Оказывается, что согласие, наоборот, крепнет, несмотря на затруднения, возникающие в Персии.

Но не следует делать слишком далеко идущих выводов из этого наблюдения, которое само по себе я считаю правильным.

Серьезное разногласие в Персии было бы все таки гибельным для согласия.

Однако единственная опасность, которая может привести к этому разногласию, это — именно та, из которой нет иного выхода, кроме раздела. Это надо серьезно учитывать всякий раз, когда заходит речь об оккупации. Военные оккупации прямо ведут к этому.

Остальные пункты имеют второстепенное значение.

Дело Стокса было уроком, результатом которого явилась позиция, занятая Англией по ее собственной инициативе в деле Лекофра.

Отношение к Шустеру совершенно изменилось.

Тут, однако, сказывается различие методов. Не упуская никогда из виду своего основного принципа — противиться разделу — английское правительство всегда избегает тупиков, которые ведут к угрозам, влекущим за собой оккупацию. Каково бы ни было в настоящее время его мнение о Шустере, я сомневаюсь, чтобы английское правительство категорически потребовало его отставки, потому что, если бы Персия ответила отказом, то весь принцип английской политики потерпел бы крушение.

Происшедший совсем недавно инцидент может, пожалуй, лучше всего иллюстрировать мою мысль. Я почти не знаю этого инцидента, но по этому немногому все же понимаю в чем дело.

Возможно, что Похитонов содействовал его обострению. Я в этом не уверен, но мне кажется, что таково впечатление Никольсона. Если это так, то вся политика императорского правительства оказывается опрокинутой из-за избытка усердия или недостатка такта у консула. В подобном случае английское правительство, не колеблясь ни минуты, дезавуировало бы его. Грей никогда не допустил бы, чтобы политика кабинета могла зависеть от действий консула. И, действительно, я думаю, что это было бы чрезвычайно опасно.

Я боюсь углубляться далее в область, относительно которой, повторяю, мои сведения недостаточны, но, к слову сказать, в своей деятельности я часто замечал, в прошлом по поводу Балкан, а теперь на Востоке, что наши консулы проявляют слишком много инициативы даже там, где есть ответственный представитель, и что дисциплина среди них не совсем такова, какой должна была бы быть.

Я буду настолько откровенен, что, между нами, скажу вам, что назначение при настоящих обстоятельствах Похитонова в Тегеран меня удивило.

У нас специалист всегда представлял опасность; он знает свой предмет, но слишком мало знает то, что его окружает. При малейшем ослаблении дисциплины это представляет весьма серьезную опасность.

Настоящий инцидент это доказывает; возникнув случайно, он может иметь последствия совершенно непропорциональные его непосредственному значению.

К этому я должен прибавить, что если есть сомнения относительно правильности действий нашего консула, то мы навряд ли будем поддержаны английской миссией.

Поэтому я думаю, что осторожнее отложить всякие попытки к серьезным разговорам с Греем на темы, затронутые в начале этого письма, до того времени, когда этот инцидент будет исчерпан.

Настоятельность, с которой Никольсон выражал надежду и пожелание, чтобы это кончилось благополучно, доказывают мне, что для него не все ясно или же что он опасается, что со стороны нашего консула была допущена ошибка; в этом меня особенно убеждает то, что он не сделал никакого намека на поддержку со стороны английской миссии, как он это сделал бы во всяком другом вполне выясненном случае.

Если я не ошибаюсь во всех своих предположениях, то, думаю, отозвание Похитонова будет в дальнейшем необходимо.

Отчет о других важных вопросах настоящего момента я даю в другом письме.

Англия нисколько не желает таскать в Константинополе каштаны из огня ради прекрасных глаз Германии и Австрии. Грей осуждает неосторожный и злосчастный итальянский декрет об аннексии. Он сильно опасается, что последствием его будет продолжение войны, которое полно опасностей. Но он находит, что после этого декрета вмешательство в данный момент бесцельно. Это не значит, что здесь считают возможной

полную победу Турции и еще менее — что на нее надеются. Тут вполне примирились с тем, что Триполи станет более или менее итальянским.

Что касается путешествия короля в Индию, то на вопрос, который вы мне задаете в вашей телеграмме относительно возникших в связи с этим колебаний, я могу ответить только утвердительно.

Это путешествие вызывает много споров; оно вызвало серьезную оппозицию не только потому, что момент кажется для этого неподходящим, но и по конституционным соображениям.

Я думаю, что в глубине души даже г. Асквит не одобряет его. Если бы это надо было вновь решать, путешествие не состоялось бы. Но дело зашло уже слишком далеко, отказаться теперь, в последнюю минуту, — это слишком крупное событие, способное вызвать нечто вроде паники.

Король уезжает в субботу в сопровождении королевы. Я вам напишу донесение по этому поводу. Сегодня у меня фактически нет больше времени.

Тысяча самых сердечных приветствий.

Бенкендорф.

№ 837. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

ᐟ/. Телеграмма № 167. 8 ноября/26 октября 1911 г.

Получил телеграмму № 1708 [1].

Министр иностранных дел письменно сообщил мне сегодня, что ничего неизвестно о переговорах, будто бы происходивших в Ханькоу между консулами и революционерами о признании займа у четверного синдиката, что он преподал французской группе банкиров совет не соглашаться при настоящих обстоятельствах на заем китайскому правительству или революционерам, но что группа эта может не послушать его совета и сделать Китаю аванс на собственный риск. Де Сельв присовокупляет, что китайское правительство обратилось к Франции с ходатайством о некоторой отсрочке платежа по боксерскому вознаграждению и что ходатайство это передано на рассмотрение министра финансов, который еще не высказал никакого мнения. О результатах сегодняшнего совещания представителей синдиката не премину сообщить дополнительно [2].

Извольский.

№ 838. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

ᐟ/. Письмо [3]. 8 ноября/26 октября 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вследствие полученных мной от вас указаний, как вам уже известно, я имел с г. де Сельвом ряд подготовительных разговоров о признании со стороны Франции нашей свободы действий в вопросах о проливах и о Северном Китае. Г. де Сельв, весьма мало сведущий во внешней политике и совершенно незнакомый с историей вышесказанных вопросов, не входил в рассмотрение их подробностей, но каждый раз заявлял мне о готовности французского правительства дать полное удовлетворение нашим пожеланиям. Когда, вслед за сим, между Францией и Германией состоялось окончательное соглашение о Марокко и Конго, мне показалось в высшей степени желательным использовать этот психологический момент и тотчас же, т. е. еще до официального ответа с нашей стороны на французское сообщение об этом соглашении, закрепить в письменной форме результаты вышесказанных разговоров; такой быстрый способ действия казался мне тем более предпочтительным перед более формальными переговорами, что он подавал г. де Сельву менее поводов советоваться с Англией и, может быть, с некоторыми другими дер-

[1] См. № 817.

[2] Тел. от 10 ноября/28 окт. за № 168 Извольский сообщал Нератову: «Представители четверного синдиката решили воздерживаться от всяких операций, т. е. от займа или аванса, пока в Китае не будет правомерной правительственной власти».

[3] Опубл. М., стр. 126.

жавами. Дабы не терять времени, я решился адресовать г. де Сельву, в самый день подписания франко-германской конвенции, т. е. 4 ноября/22 октября, прилагаемое при сем в копии письмо [1].

Как вы изволите усмотреть, при редактировании этого письма я возможно близко держался той формулировки различных затрагиваемых нами вопросов, которая проектирована в ваших последних письмах ко мне [2]. Я опасался, однако, что формулировка эта могла бы, по ходу современных политических событий, оказаться впоследствии недостаточной, или слишком узкой. Примером того, как быстро развиваются, при известных обстоятельствах, эти события, может служить нынешний турецко-итальянский кризис. Мне показалось поэтому необходимым дополнить отдельно проектированные вами пункты общей формулой наподобие той, которая была принята за основание франко-итальянского соглашения 1902 г. и которая ныне столь успешно использована итальянским правительством. Поэтому, придав изложению сказанных пунктов характер как бы повторения того, что я высказывал в ряде устных бесед, я заключил мое письмо выражением уверенности, «что в тот момент, когда Франция готовится утвердить на новых и крепких основаниях свое положение в Северной Африке, французское правительство, которому императорский кабинет не переставал оказывать в этом направлении самую искреннюю дипломатическую помощь, готово, в свою очередь, заявить нам, что оно признает нашу свободу действий в районах проливов и Северного Китая и что оно не откажет нам в своем согласии на меры, которые мы решили бы принять, дабы гарантировать в этих районах наши интересы и укрепить там наше положение».

Когда, по получении вашей телеграммы от 4 ноября/22 октября [3], я принес г. де Сельву от вашего имени поздравления с благополучным окончанием переговоров с Германией, министр высказал мне, в самых горячих выражениях, благодарность французского правительства за оказанную нами Франции лойяльную и дружескую помощь и присовокупил, что он занят в настоящее время изготовлением такого ответа на мое письмо, который был бы способен дать нам самое положительное удовлетворение. Как только я получу этот ответ, я не премину сообщить вам по телеграфу его сущность.

Решившись придать делу вышеописанный оборот, я вполне допускал, с одной стороны, что редакция моего письма может показаться вам недостаточной, а с другой — что ответ на него г. де Сельва окажется, с нашей точки зрения, не вполне ясным и удовлетворительным. В обоих этих случаях, я думаю, что будет нетрудно придать этой переписке как бы подготовительный характер и перейти от нее к переговорам о более точной и исчерпывающей формулировке наших требований и французских обязательств. Мне лично, однако, кажется, что при наличности наших тесных отношений к Франции, вряд ли может оказаться надобность в подобной формулировке и что некоторая эластичность редакции, при нынешних столь неопределенных обстоятельствах как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке, имеет даже некоторое преимущество.

Примите и пр.

Извольский.

Приложение.

Copie d'une lettre de Mr. Iswolsky, ambassadeur de Russie à Paris, à Mr. de Selves, ministre des affaires étrangères de la République Française, en date de Paris, le 4 novembre 1911 [4].

Le chargé d'affaires de France a communiqué d'une manière confidentielle au gérant du ministère des affaires étrangères de Russie le texte de l'accord intervenu entre la France et l'Allemagne au sujet du Maroc, et lui a demandé quel accueil serait fait de notre part à cet acte.

---

[1] См. приложение к публикуемому документу.
[2] См. №№ 531, 532, 533 и 778.
[3] См. № 798.
[4] Заголовок оригинала. Опубл. М., стр. 127 и Stieve, I, S. 172, N 154, Anlage.

Mr. Nératow n'a pas hésité à répondre à Mr. de Panafieu que le gouvernement impérial envisageait l'accord susmentionné avec la plus grande sympathie et donnait d'avance son adhésion pleine et entière à tout ce qui serait convenu entre les Cabinets de Paris et de Berlin à l'effet de déterminer la nouvelle situation de la France dans l'Empire Chérifien.

Le gouvernement impérial me charge de confirmer à votre excellence la réponse donnée à Mr. de Panafieu et de lui exprimer en même temps la certitude que la France nous témoignera, de son côté, des dispositions analogues dans certaines questions dans lesquelles le gouvernement français n'est pas directement intéressé, mais qui touchent de près aux intérêts russes.

Ces questions, comme vous le savez, se rattachent, en Europe, au régime des détroits, et en Asie, à la situation de la Russie dans les régions du Nord de l'Empire Chinois.

Au cours de nos récents entretiens [1], votre excellence a bien voulu me confirmer les déclarations que nous avions reçues du gouvernement français lors des événements de 1908 et m'assurer à nouveau que la France, envisageant avec bienveillance les intérêts russes dans la question des détroits du Bosphore et des Dardanelles, était prête à favoriser les résolutions que la Russie serait éventuellement amenée à prendre à l'égard desdits détroits.

Ces assurances, que je n'ai pas manqué de porter à la connaissance de mon gouvernement, ont été hautement appréciées par sa majesté l'empereur, mon auguste souverain.

Pour ce qui est de la seconde catégorie de questions, votre excellence voudra bien se rappeler que nous avons communiqué confidentiellement au gouvernement français deux accords secrets intervenus entre la Russie et le Japon (en date du [30] 17 juin [2] 1907 et du [4 juillet] 21 juin 1910) en vertu desquels le gouvernement japonais reconnaît nos intérêts et nos droits prépondérants dans la Mandchourie du Nord. Le gouvernement de la République, qui nous avait toujours témoigné son intention «d'appuyer la Russie dans tout ce qui touche à la défense de ses intérêts politiques dans les provinces mandchouriennes» (voir la note de l'ambassade de France à St.-Pétersbourg, août 1909 [3]), n'a pas manqué de faire à cette communication l'accueil le plus sympathique. Tout récemment encore votre excellence nous a donné une nouvelle preuve des dispositions amicales de la France en nous déclarant, à l'occasion du nouvel emprunt chinois, que le gouvernement français refuserait l'admission dudit emprunt à la cote, tant qu'il ne serait pas donné satisfaction aux réclamations du gouvernement russe concernant les clauses du contrat y relatif, incompatibles avec les intérêts spéciaux de la Russie en Mandchourie (note du ministère des affaires étrangères français du 13 juillet 1911 [4]).

Or, votre excellence n'ignore pas que le gouvernement chinois tend depuis quelque temps à prendre une série de mesures destinées à affaiblir la situation de la Russie dans le Nord de la Chine. La marche des événements peut donc nous obliger, dans un avenir plus ou moins rapproché, à procéder à la consolidation et au développement de notre situation dans les régions précitées prévus par nos accords avec le Japon. Le gouvernement impérial est persuadé que, de son côté, le gouvernement de la République ne prêtera aucun concours aux tendances du gouvernement chinois de modifier au détriment de nos intérêts l'état administratif et militaire actuel en Mandchourie et dans le Turkestan chinois et à y créer des intérêts internationaux en opposition aux intérêts russes; le gouvernement impérial croit pouvoir aussi compter que le gouvernement français, reconnaissant le caractère spécial du territoire du chemin de fer de l'Est Chinois, ne contestera pas à la société dudit chemin de fer — le droit d'établir sur son territoire des institutions, des taxes

---

[1] См. №№ 585, 623 и 738.

[2] В оригинале ошибка. Следует читать: «juillet» («июль»).

[3] Имеется в виду памятная записка франц. пос-ва в Петербурге от 20/7 авг. 1909 г. по вопросу о режиме для г. Харбина. (См. № 533).

[4] Копия указанной ноты, препровожденная Извольским Нератову, датирована 15/2 июля (см. № 197). У Stieve: «19 Juli 1910».

et des règlements municipaux; il est persuadé, enfin, que la France ne refusera pas de renoncer éventuellement aux droits d'exterritorialité sur le territoire du chemin de fer de l'Est Chinois, au cas où les autres Puissances consentiraient à renoncer à ces droits.

En résumant ce qui précède, je me permets de réitérer la ferme conviction qu'au moment où la France amie et alliée de la Russie va asseoir sur de nouvelles et solides bases sa situation dans le Nord de l'Afrique, le gouvernement français, auquel le Cabinet impérial n'a cessé d'accorder à cet effet son appui diplomatique le plus sincère, est prêt, à son tour, à nous assurer qu'il reconnaît notre liberté d'action dans les régions des détroits, ainsi que du Nord de la Chine, et qu'il ne refusera pas son assentiment aux mesures que nous pourrions être dans le cas de prendre afin d'y garantir nos intérêts et d'y consolider notre situation.

En priant votre excellence de vouloir bien me confirmer que le gouvernement de la République est d'accord avec nous sur les différentes questions touchées dans la présente lettre, je saisis cette occasion de lui offrir les assurances réitérées de ma haute considération.

[Iswolsky.]

Перевод.

Копия письма г. Извольского, российского посла в Париже, г. де Сельву, министру иностранных дел французской республики, датированного: Париж, 4 ноября 1911 г.

Поверенный в делах Франции сообщил доверительным образом управляющему российским министерством иностранных дел текст соглашения, заключенного между Францией и Германией по вопросу о Марокко, и спросил у него, как этот акт будет принят с нашей стороны.

Г. Нератов не колеблясь ответил г. де Панафье, что императорское правительство смотрит на вышеуказанное соглашение с величайшим сочувствием и заранее дает свое безоговорочное согласие на все, что будет установлено между парижским и берлинским кабинетами в целях определения нового положения Франции в шерифской империи.

Императорское правительство поручает мне подтвердить вашему превосходительству ответ, данный г. де Панафье, и в то же время выразить вам уверенность, что Франция, со своей стороны, проявит к нам такое же отношение в некоторых вопросах, в которых французское правительство непосредственно не заинтересовано, но которые близко затрагивают русские интересы.

Эти вопросы, как вам известно, связаны в Европе с режимом проливов, а в Азии — с положением России в северных областях Китайской империи.

Во время наших недавних бесед вашему превосходительству угодно было подтвердить мне заявления, сделанные нам французским правительством во время событий 1908 г., и вновь заверить меня в том, что Франция, благожелательно относясь к русским интересам в проливах Босфоре и Дарданеллах, готова благоприятствовать решениям, которые России пришлось бы принять в отношении указанных проливов.

Эти заверения, которые я не преминул довести до сведения моего правительства, были в высокой мере оценены его величеством императором, моим августейшим повелителем.

Что касается второй категории вопросов, то ваше превосходительство изволите вспомнить, что мы сделали французскому правительству доверительное сообщение о двух секретных соглашениях, заключенных между Россией и Японией [30]17 июня[1] 1907 г. и [4]июля/21 июня 1910 г., в силу которых японское правительство признает преобладание наших интересов и прав в Северной Манчжурии. Правительство республики, всегда заявлявшее нам о своем намерении «поддерживать Россию во всем, что касается ее политических интересов в манчжурских провинциях» (см. ноту французского посольства в С.-Петербурге, август 1909 г.), не преминуло оказать этому сообщению самый сочувственный прием. Еще совсем недавно ваше превосходительство дали нам новое доказательство дружественного расположения Франции, заявив нам, по поводу нового китайского займа, что французское правительство будет отказывать в котировке указанного займа до тех пор, пока не будут удовлетворены требования российского правительства в отношении статей контракта, несовместимых со специальными интересами России в Манчжурии (нота французского министерства иностранных дел от 13 июля 1911 г.).

Но как небезызвестно вашему превосходительству, китайское правительство стремится с некоторых пор предпринять ряд мер, имеющих целью ослабить положение России в Северном Китае. Ход событий может, следовательно, заставить нас приступить к предусматриваемому нашими соглашениями с Японией укреплению и расширению нашего положения в вышеуказанных областях. Императорское правительство убеждено, что правительство республики, со своей стороны, не будет оказывать никакого содействия стремлениям китайского правительства изменить, в ущерб нашим интересам, настоящее административное

[1] В оригинале ошибка. Следует читать: «июля».

и военное положение в Манчжурии и Китайском Туркестане и создать там международные интересы в противовес русским интересам; императорское правительство полагает также возможным рассчитывать, что французское правительство, признавая особый характер за территорией Китайской Восточной железной дороги, не будет оспаривать право Общества указанной дороги создавать на своей территории муниципальные учреждения и устанавливать муниципальные налоги и правила; наконец, оно убеждено, что Франция согласится отказаться от прав экстерриториальности на территории Китайской Восточной железной дороги в случае, если другие державы согласятся отказаться от этих прав.

Резюмируя вышеизложенное, я позволяю себе еще раз выразить твердую уверенность, что в тот момент, когда Франция, друг и союзник России, собирается на новых и прочных основах установить свое положение в Северной Африке, французское правительство, которому императорское правительство не переставало оказывать для достижения этой цели самую искреннюю дипломатическую поддержку, готово в свою очередь заверить нас, что оно признает за нами свободу действий в районе проливов, а также в Северном Китае, и что оно не откажется дать свое согласие на меры, которые нам пришлось бы принять с целью гарантировать там наши интересы и упрочить там наше положение.

Обращаясь к вашему превосходительству с просьбой подтвердить мне, что правительство республики согласно с нами в вопросах, затронутых в настоящем письме, я пользуюсь случаем, чтобы повторить вам заверения в моем глубоком уважении.

[Извольский.]

№ 839. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Письмо. 8 ноября/26 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Ныне, после подписания франко-германской конвенции о Марокко, должны безотлагательно открыться переговоры о том же предмете между Францией и Испанией. Вам уже известно из телеграммы моей от [4 ноября] 22 сего октября[1] об уверении г. де Сельва в искреннем его намерении вести эти переговоры в самом примирительном духе; при этом он, однако, не скрывает, что некоторые из его товарищей по кабинету менее доброжелательно настроены по отношению к Испании, против которой, кроме того, в высшей степени возбуждено общественное мнение Франции. Главнейшие затруднения касаются, по словам г. де Сельва, двух пунктов: прежде всего весьма трудно найти способ совместить французский протекторат над Марокко со свободой действий Испании в сфере, отведенной ей соглашением 1904 года. Во-вторых, хотя Лараш и Эль-Ксар и входят в эту зону, французское общественное мнение крайне возмущено тем, что испанцы заняли эти два пункта без предварительного соглашения с Францией. Здесь думают, что раз Франция должна была откупиться от Германии ценой крупных территориальных уступок, Испания также должна принести известные жертвы, и французская печать единодушно указывает на необходимость потребовать от нее очищения вышеуказанных пунктов. Зная мои дружественные отношения к здешнему испанскому послу, г. де Сельв просил меня постараться, с одной стороны, найти приемлемую как для Франции, так и для Испании формулировку испанских прав в ее зоне, а с другой — выяснить, не согласится ли испанское правительство очистить хотя бы один из занятых ею двух пунктов.

После длинных бесед с г. Перес Кабальеро, я предложил г. де Сельву следующую комбинацию: марокканский султан назначает для испанской зоны особого управителя или верховного комиссара с широкими полномочиями; Испания будет находиться к этому комиссару в тех же фактических отношениях, как Франция к султану. Этим сохраняется принцип верховной власти султана и в то же время устраняется возможность трений между Францией и Испанией. Г. де Сельв высказал мне, что лично он считает эту комбинацию в принципе приемлемой и будет в этом смысле действовать на своих коллег.

Что касается очищения Лараша и Эль-Ксара, то в этом отношении будет труднее найти исход из спора; г. Перес Кабальеро разъяснил мне, что прилегающая к этим пунктам область, — так называемый Гарб, — является единственной частью испанской зоны, представляющей экономическую ценность

[1] См. стр. 276, прим. 1.

*

и могущей возместить Испании громадные жертвы и издержки в остальной части, т. е. в Рифе. По картинному выражению посла, испанская зона состоит из длинной кости (Риф), с небольшим придатком мяса (Гарб), и этот именно придаток французы хотят у нее отнять. Кроме того, очищение занятых пунктов было бы тяжелым ударом для достоинства и самолюбия Испании, и вряд ли какое-либо правительство будет в состоянии на это согласиться. Передавая г. де Сельву мнение моего испанского коллеги, я не мог не высказать ему, что Франция, только что одержавшая крупный материальный и нравственный успех в переговорах с Германией, еще более возвысит себя в глазах всей Европы, если покажет великодушие по отношению к менее сильной соседке. Кроме того, Испания только-что испытала сильное разочарование в поддержке со стороны Германии, которая совершенно игнорировала испанские интересы в переговорах с Францией; этим следовало бы воспользоваться, чтобы окончательно привлечь Испанию в сферу держав Тройственного согласия. Вследствие всего этого я позволил себе дать г. де Сельву личный совет не настаивать на очищении Лараша и Эль-Ксара, а искать компенсаций в южной, чересполосной зоне, отданной Испании тем же соглашением 1904 года. Мне показалось, что мои аргументы произвели на г. де Сельва некоторое впечатление, и я намерен продолжать действовать на него в том же направлении.

Сегодня утром известная своими сенсационными разоблачениями газета «Matin» напечатала остававшийся до сих пор неизвестным полный текст секретного франко-испанского соглашения 1904 г. (прилагаемый при сем в газетной вырезке [1]). Вы изволите вспомнить, что испанское правительство несколько раз настаивало на опубликовании этого текста, но встречало отказ со стороны Франции. Г. де Сельв подозревает в этой нескромности испанцев. Г. Перес Кабальеро энергично это отрицает и приписывает ее известному г. Тардье. Впрочем, г. де Сельв, только что обещавший палате депутатов ознакомить ее с этим документом, не особенно взволнован вышесказанной публикацией, тем более, что общий смысл конвенции 1904 г. был и до того в достаточной степени известен.

Примите и пр.

Извольский.

№ 840. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 91 [2]. 8 ноября/26 октября 1911 г.

Лично.

Для ускорения ответа на частное письмо ваше от [2 ноября] 20 октября [3], спешу резюмировать по телеграфу свои взгляды на предложенные мне вопросы. Прежде всего считаю долгом заметить, что всякая попытка с нашей стороны вызвать берлинский кабинет на откровенные политические объяснения принимается здесь, — со времени установившегося в Европе мнения о деятельном нашем участии к новой политической группе, именуемой Тройственным согласием, — с нескрываемым проявлением чувства горечи и недоверия. Отсюда проистекает трудность удостовериться, насколько германское правительство осталось верным своим прежним взглядам на разрешение вопроса о проливах в благоприятном для нас смысле. Что же касается самого императора, в настоящую эпоху его постоянных перемещений найти подходящий случай для личного с ним свидания, не придавая этому официального характера, было бы весьма трудно. Ежели действительно и был дан самим императором Вильгельмом благоприятный нам ответ по вопросу о проливах, — о чем мне неизвестно, — то только государю императору было бы, по моему мнению, возможно затронуть его путем личных объяснений. Во всяком случае наше сближение с Англией до такой степени раздражает императора, что он несомненно стал гораздо менее отзывчивым к разрешению нас интересующих

[1] Приложение не воспроизводится.
[2] Тел. бланк.
[3] См. № 780.

вопросов. Он не упускает из виду возможности,— при особо неблагоприятном для всеобщего мира стечении обстоятельств, — вооруженного столкновения с нами, чего, однако, он сам, следуя личным своим влечениям и традиционной дружбе между монархами обеих соседних держав, будет всячески стараться избегнуть. Подробный ответ с курьером [1].

Остен-Сакен.

№ 841. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 1063. 8 ноября/26 октября 1911 г.

Получил № 1709 [2].

Сославшись на полученные от вашего превосходительства указания, я сделал мое заявление министру иностранных дел словесно частью на французском языке и частью на персидском при помощи Гирса, причем министр иностранных дел записал формулированные нами требования. Я начал с объяснения, что дома и имения Шоа заложены в нашем банке, а имения, кроме того, арендованы русско-подданными и что посылать туда жандармов, без предупреждения генерального консульства, было нарушением наших прав. Командирование же в дом принца [10 октября] 27 сентября 120 жандармов имело несомненно вызывающий против нас характер. Я также упомянул об инциденте с 5 персидскими казаками и добавил, что императорское правительство в данном случае не касается сущности вопроса о конфискации имущества Шоа, но затронуто приемами персов, которые считает недопустимыми. Относительно жалобы Петрова и Гильдебранда я заявил, что императорское правительство считает факт направления жандармами винтовок на помянутых чинов генерального консульства совершенно установленным и являющимся для них оскорблением. Постаравшись вообще во время этого свидания с министром использовать все заключающиеся в телеграммах вашего превосходительства соображения, я указал, что императорское правительство признает совершенно недопустимым и оскорбительным содержащееся в двух нотах шахского правительства требование об отозвании чинов генерального консульства, и вернул эти ноты с предостережением, что повторение чего-либо подобного будет иметь самые печальные последствия для дипломатических сношений наших с Персией. Мои требования были формулированы следующим образом: 1) немедленное отозвание жандармов из дома и двух имений Шоа и замена их персидскими казаками до тех пор, пока обеспечение интересов банка и русско-подданных не выльется в определенную и окончательную форму; 2) формальные пред миссией извинения со стороны министра иностранных дел за нанесенное драгоманам генерального консульства оскорбление. Я воздержался, однако, от указания точного способа их принесения. К вышеизложенному я не прибавил никаких угроз, но дал понять, что ответ персидского правительства ожидается мной в самом непродолжительном времени. На вопрос министра иностранных дел, примет ли императорское правительство какие-либо меры против Похитонова и обоих драгоманов, я ответил, что дело это вовсе не касается шахского правительства, сделанное же мной, по приказанию вашего превосходительства, расследование представлено на ваше усмотрение.

Поклевский.

№ 842. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 1068. 8 ноября/26 октября 1911 г.

Вследствие полученных нами сведений о решении регента подать в отставку, мы с Барклаем посетили его сегодня и заверили его в симпатиях обоих прави-

[1] См. № 854.

[2] Тел. от 7 ноября/25 окт. за № 1709 Нератов предписал Поклевскому сообщить точное содержание заявления, сделанного им перс. прав-ву (см. № 784) для того, чтобы росс. м-во ин. дел могло определить свое отношение к ответу, данному перс. прав-вом.

тельств и в том значении, которое они придают сохранению им должности регента. Наср-оль-Мольк был тронут этим сообщением и просил выразить обоим правительствам чувства его глубокой благодарности. Вслед за тем он охарактеризовал нынешнее положение, как состояние полной дезорганизации. Накануне окончания полномочий меджлиса три министерских поста — финансов, юстиции и общественных работ — вакантны, и все старания их заместить не увенчались до сих пор успехом, так как меджлис не может притти к соглашению относительно кандидатов на эти должности. Если не будут приняты серьезные меры в течение зимы, то к весне повсеместно вспыхнут новые и еще более сильные беспорядки. Демократы же, которых регент назвал не политической партией, а революционным обществом, продолжают, несмотря на неоднократные его советы, интриговать и делать затруднения всякому умеренному кабинету, а потому нет никакой надежды, чтобы нынешнему неполному министерству удалось сделать что-либо полезное. Регент находится ныне перед дилеммой. Конституция предоставляет ему лишь роль беспристрастного зрителя, да и он сам не желает совершить государственный переворот, но он никоим образом не хочет остаться зрителем гибели своего отечества. Ввиду этого он окончательно решил выйти в отставку, если не удастся немедленно образовать кабинет, способный на созидательную работу. Из разговора мы вынесли также впечатление, что даже в случае сформирования такого кабинета регент все-таки поедет в отпуск на один или два месяца [1].

Поклевский.

№ 843. Посол в Париже временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо [2]. 9 ноября/27 октября 1911 г.

Глубокоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Не знаю, одобрите ли вы мой ускоренный образ действий в вопросе о переговорах с Францией относительно проливов и Северного Китая; он имеет, мне кажется, то преимущество, что до известной степени устраняет повод к совещаниям между Парижем и Лондоном, которые могли бы лишь затянуть и осложнить дело; с другой стороны, он ничего не предрешает и не препятствует нам, если это покажется желательным, перейти к переговорам о более формальном соглашении. Вы просите меня несколько осветить вопрос об отношении Австрии и Германии к нам в деле проливов; в этом отношении вряд ли я могу сказать вам что-либо новое и полезное: что касается Австрии, то после 1908 г. вряд ли она считает себя формальным образом связанной перед нами в этом вопросе; с другой стороны, раз мы в конце концов признали аннексию, она вряд ли имеет нравственное право не исполнить своего обещания касательно проливов. Напомню вам, что в письме императора Франца-Иосифа к государю императору во время боснийского кризиса, имеется как бы косвенное подтверждение этого обещания [3]. Насколько могу вспомнить, у нас где-то имеется заявление и Германии по этому вопросу, но я никак не могу восстановить в памяти время и форму этого заявления. Мне кажется, что если бы вопрос о проливах был бы поставлен в чисто дипломатической форме, со стороны Германии и Австрии вряд ли могло бы быть оказано нам *явное* противодействие. Иначе были бы сразу потеряны все результаты Потсдама. Всякая другая форма вытекала бы из тех или других потрясений на Ближнем Востоке, характер и подробности коих невозможно предугадать.

---

[1] Тел. от 13 ноября/31 окт. за № 1078 (опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 228) Поклевский сообщил: «Регент обратился вчера в меджлис с посланием, в коем он просит депутатов оказать содействие к образованию прочного кабинета. Указывая на нынешнее критическое положение Персии и возможность ухудшения такового в будущем, регент угрожает отставкой в случае продолжения министерского кризиса. Здесь уверены, что даже по сформировании кабинета регент уедет в отпуск и более сюда не вернется».

[2] Опубл. М., стр. 131.

[3] Имеется в виду письмо Франца-Иосифа Николаю II от 7 дек./24 ноября 1908 г. (опубл. Кр. арх., т. X, стр. 45).

В триполитанском деле все еще не видно никакого просвета; г. де Сельв не имеет никаких сведений о дальнейших намерениях Италии и о том, где и какого рода «удар» она замышляет нанести Турции, дабы заставить ее искать мира [1]. На поставленный ему мной вопрос об этом Титтони также не мог дать мне никакого указания и ограничился лишь положительным уверением, что Италия ни в каком случае не посягнет *ни на проливы*, ни на какую-либо часть *территории Европейской Турции*, дабы не вызвать нежелательных осложнений на Балканском полуострове. Здесь продолжают думать, что вероятным объектом действий Италии будет Смирна. Рифаат-паша высказал мне, что бомбардировка или даже занятие Смирны будет весьма мало чувствительно для Турции, а высадка в этом пункте вряд ли может быть произведена без чрезвычайно крупных потерь. Король Георг греческий высказал мне противоположное мнение: он думает, наоборот, что занятие Смирны нанесет чрезвычайно крупный финансовый ущерб Турции, так как смирнская таможня является одним из главных источников ее доходов. Кроме того, по его словам, в Смирне оставлено очень мало войск, так как почти все турецкие военные силы стянуты к Македонии.

Титтони уверяет, что турецкое правительство роздало большое количество оружия албанцам-мусульманам, не исключая тех, которые участвовали в восстании против Турции. По его убеждению, это предвещает брожение и беспорядки к весне.

В момент отправления курьера я еще ничего не знаю о результате вчерашнего совещания представителей четверного синдиката. Надеюсь завтра телеграфировать вам об этом.

Искренно преданный вам

Извольский.

№ 844. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 87. 9 ноября/27 октября 1911 г

В частных беседах с французским и великобританским коллегами коснулся принципиально вопроса о капитуляциях. Заключаю, что правительства их не были бы расположены дать свое согласие на отмену их, отчасти из опасения за сохранность жизни и имущества иностранцев, едва ли основательного, если бы было даровано только одно обещание отменить капитуляции условно и постепенно, по мере преобразования суда и полиции. Но главным основанием к оппозиции со стороны Франции являлся бы ревниво оберегаемый ею религиозный протекторат, обеспечивающий ей исключительное положение и которым она не поступится ради прекращения войны, лишь косвенно затрагивающей ее интересы. Англия, вероятно, сопротивлялась бы менее, имея в виду уничтожение смешанных судов в Египте.

Долгорукий

№ 845. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 9 ноября/27 октября 1911 г.

Частное.

Многоуважаемый Анатолий Анатольевич,

Позвольте искренно вас поблагодарить за крайне интересное частное письмо ваше от [2 ноября] 20 октября с. г. [2]

И я считаю возможным высказаться вполне откровенно только в совершенно частном письме, не подлежащем помещению в наших литографиях.

Прежде чем изложить вам все те сведения, которые мне удалось извлечь из моих вполне доверительных бесед с коллегами, с которыми я нахожусь в самых искренних отношениях, позвольте обратить ваше внимание на то,

[1] См. № 821.
[2] См. № 781.

что наши отношения с Австрией останутся щекотливые, пока дипломатическая деятельность явно австрофобская Н. Г. Гартвига не примет более тактичную форму. Н. Г. выказывает большую щекотливость по отношению ко всем представителям России, которые затрагивают вопрос о Сербии и дерзают быть не всегда с ним согласными. А между тем его деятельность проявляется главным образом вне пределов Сербии. Он делает выписки из донесений графа Капниста, из донесений в главный штаб нашего военного агента в Вене, но исключительно те, которые, по его мнению, подтверждают его точку зрения на действия Австро-Венгрии, — а между тем на деле и при более беспристрастном изучении этих донесений полностью, — выходит не совсем то. Входить в полемику с Н. Г., который проявляет деятельность безответственного журналиста, я не желаю. Но я не могу не сожалеть, что во многом мои старания установить корректные отношения с Австро-Венгрией ослаблены тем, что графу Эренталю и австрийской миссии в Белграде хорошо известна австрофобская деятельность нашего представителя в Сербии. Через сербов-доносчиков доходят до Ball-Platz'а неосторожно выраженные мысли Н. Г., который слишком доверяет сербам.

Я продолжаю думать, что при нынешних обстоятельствах не в интересе Австро-Венгрии занять санджак Новый Базар, пока на Балканах все спокойно. Обстоятельства могут измениться, если Италия перенесет свои военные действия в Турции, — или на Балканах вспыхнет всеобщий пожар. Что австро-венгерское военное ведомство принимает несомненно меры, чтобы не быть застигнутым врасплох и внушить полезное опасение державам Балканского полуострова, это факт, вполне правильно отмеченный в вашем письме. Но это не доказывает агрессивность австро-венгерских намерений по отношению к Санджаку.

И нам следовало бы принять меры предусмотрительные, тогда мы с бóльшей уверенностью утвердим мир на Балканах.

Политика, которая ведется вашим превосходительством, предначертанная государем императором, — единственная целесообразная в настоящем кризисе. Основа нашей политики — согласование точек зрения между державами Тройственного соглашения. Кроме того, желательно в настоящем кризисе постоянное общение послов пяти держав в Константинополе. Только таким образом мы имеем гарантию, что избежим вредного для наших интересов выступления самостоятельно Австро-Венгрии. Предложение графа Эренталя о совместном воздействии пяти держав [1] должно было бы служить доказательством, что он не помышляет в данное время о единоличных действиях, иначе он не связал бы себе руки.

Утверждение, что Германия отказалась поддержать австрийское предложение, вполне вымышлено, она, напротив, побудила графа Эренталя на этот шаг. Германский посол Чиршки говорил мне в этом смысле. Придав моей беседе с германским послом совсем частный характер, я спросил его, как он объясняет усиленное передвижение войск в Боснии и Герцеговине. Чиршки ответил мне, что он готов высказаться вполне откровенно, но под непременным условием, что наш разговор будет строго конфиденциальным, — он избегает вообще затрагивать деликатные вопросы с тех пор, что его разговоры с Крозье и Картрайтом были переданы в Берлине и породили для него много неприятностей. «Я могу поручиться за то, что у Австрии в данное время нет решительно никаких агрессивных замыслов, она не думает о захватах, все меры, принимаемые ею, носят характер исключительно усиленно оборонительный. Мой военный агент следит за всем, что делается в военном ведомстве, он меня вполне убедил в этом; к тому же Германия не поддержала бы Австрию в политике захвата на Балканском полуострове».

Итальянский посол, герцог Аварна, сказал мне, что его военный агент, который находится в дружеских отношениях с нашим, следит также внимательно за передвижением австро-венгерских войск, направляемых как на юг, так и в Боснию и Герцеговину. По глубокому убеждению Аварна, несомненно, усиленное передвижение войск происходит от принципа, что надо быть всегда в полной боевой

[1] См. № 708.

готовности в моментах кризиса, но не может быть и речи о захватах, — вся Европа протестовала бы против таких замыслов Австрии, они недопустимы по его мнению.

Примите и пр.

Н. Гирс.

P. S. Не могу умолчать о довольно типичном инциденте, который произошел во время моей беседы с графом Эренталем. Когда он стал говорить о международном постановлении относительно соблюдения территориальной неприкосновенности Оттоманской империи, я невольно улыбнулся. Заметив это, Эренталь прикрыл свое лицо рукой и покраснел. Разговор принял другой оборот.

Ut in litteris

Н. Г.

№ 846. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Письмо. 9 ноября/27 октября 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Герцог Аварна вручил графу Эренталю (5 ноября) 23 сего октября циркулярное сообщение о подписанном королем Виктором-Эммануилом III декрете касательно присоединения Триполи и Киренаики к Италии, причем он передал копию циркулярной ноты Сан-Джулиано к итальянским послам за границей, объясняющей провозглашение присоединения с политической точки зрения.

В разговоре со мной граф Эренталь сказал, что он вполне согласен с мнением вашего превосходительства, выраженным по поводу тождественного сообщения, сделанного нашему правительству [1]. Он прибавил, что считает декрет этот преждевременным, так как было бы логичнее выждать момент полного завладения, по крайней мере прибережьем итальянскими войсками. Граф Эренталь находит, что положение послов пяти держав в Константинополе становится гораздо сложнее и шансы на скорое заключение мира уменьшаются. Угроза Италии употребить все средства для того, чтобы принудить Турцию к немедленному заключению мира, может быть чревата последствиями.

Мой английский коллега Картрайт в разговоре с графом Эренталем сказал, что он находит необходимым, чтобы великие державы обсудили совместно немаловажные для Англии вопросы, прежде чем дать свое согласие на такую аннексию. А именно — вопросы коммерческие и о капитуляциях имеют большое значение для Великобритании. Затем европейские державы все же связаны Парижским постановлением, которое обязывает все державы блюсти за сохранением территориального интегритета Турции.

Пока графу Эренталю ничего неизвестно о намерениях Порты, которая не может оставить решения Италии без ответа.

Если Италия решится перенести военные свои действия в Эгейское море или установит блокаду Дарданелл, то и другие державы сильно от этого пострадают.

Граф Эренталь доверил мне, что ему не удалось сохранить Решида-паши в качестве турецкого посла в Вене. После заявления турецкого правительства, что Решид-паша у него на очень скверном счету, вследствие отказа принять министерство иностранных дел, Эренталь счел лишним настаивать. Он потребовал, однако, удаления турецкого поверенного в делах, секретаря посольства Фуад-бея Смави, который держал себя очень дерзко по отношению к австрийским властям. Временно был назначен поверенным в делах Ахмед Мухтар-бей, турецкий генеральный консул в Будапеште.

Примите и пр.

Н. Гирс.

---

[1] См. № 819.

№ 847. Посланник в Цетинье временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 61. 9 ноября/27 октября 1911 г.

Весьма секретно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Известия о неудачах итальянского экспедиционного корпуса в Триполи произвели глубокое впечатление на его величество короля черногорского, имевшего высокое мнение о военной организации итальянской армии. По личному желанию короля Николая, как известно, многие офицеры черногорской армии получили военное образование в Италии.

[6 ноября] 24 текущего октября в разговоре со мной король, высказав опасение, что итальянско-турецкая война затянется и вызовет в близком будущем осложнения на Балканском полуострове, сообщил мне также свои опасения, что Австро-Венгрия готовится к аннексии Санджака. Опасения эти вызваны получением его величеством от черногорских негласных агентов известий о мобилизации австро-венгерских войск в Боснии и о сосредоточении их вдоль границы Санджака. По этим сведениям, в пограничных с Санджаком городах Фоче и Вышгороде гарнизон за последнее время усилен тремя дивизиями.

Упомянув о появившемся в газете «Neue Freie Presse» 2 ноября нов. ст. известии, что четыре корпуса из Казанского военного округа двинуты к австрийской границе, король спросил меня, что мне об этом известно. Я ответил королю, что, кроме газетных слухов, других сведений об этом не имею.

«Мне, однако, весьма важно было бы знать, — возразил на это король, — делаются ли в России военные приготовления, чтобы помешать аннексии Санджака Австрией. Если русские войска будут угрожать вторжением в Галицию, то я буду готов, по первому сигналу из России, со своей стороны, укусить Австрию в икры (mordre dans les mollets). Если же Россия не будет противиться аннексии Санджака австрийцами, то мне придется войти в соглашение с Австрией: я не буду препятствовать Австрии занять Санджак, если она предоставит Черногории территориальное расширение к югу и юго-востоку, в Албании и Старой Сербии».

Я ответил королю, что хотя не могу ничего сообщить касательно сосредоточения русской армии вдоль австрийской границы, тем не менее могу его уверить, что Россия, конечно, не допустит аннексии Санджака Австрией.

На это король сказал мне следующее: «Князь Лобанов-Ростовский в бытность свою послом в Вене тоже категорически заявлял мне, что Россия не допустит аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, однако на деле вышло иначе».

Через два дня после этого разговора меня посетил черногорский министр иностранных дел г. Грегович и, по поручению короля, прочел мне письмо, только-что полученное черногорским правительством из Боснии от негласного агента, который, по словам г. Греговича, всегда сообщал весьма точные и верные сведения. В письме этом сообщалось, что мобилизация австрийских войск в Боснии в полном ходу, что ежедневно прибывают в Сараево с севера воинские поезда и что Австро-Венгрия сосредоточивает в Боснии и Герцеговине, сверх расположенных там двух корпусов, еще четыре корпуса, из коих два стягиваются к границе сербского королевства, а два — к границе Санджака.

На другой день король, пригласив меня во дворец, спросил меня, телеграфировал ли я вашему превосходительству сведения, которые накануне, по приказанию его величества, сообщил мне г. Грегович, на что я ответил утвердительно.

«Я только-что получил новое известие из Сараева, — сказал мне на это король, — третьего дня прибыло в Сараево с севера 220 вагонов с войсками. Следовательно, в один этот день перевезено в Боснию более 8 000 человек. Австрия, очевидно, готовится к занятию Санджака».

«В минувшем сентябре, — продолжал король, — мой министр иностранных дел Грегович был в Вене и виделся с графом Эренталем. Граф Эренталь принял его весьма любезно и, между прочим, выразил ему свое удовольствие за корректный образ действий Черногории относительно Австро-Венгрии во время аннексии

Боснии и Герцеговины. Когда на это Грегович ему ответил, что такой образ действий не принес Черногории никаких выгод, то граф Эренталь сказал, что если Черногория будет итти рука об руку с Австро-Венгрией, то черногорская территория в близком будущем получит значительное приращение».

Хотя мне неоднократно приходилось быть свидетелем проявлений неустойчивости характера и впечатлительности короля Николая, но таким взволнованным, как в этот день, я короля доселе еще не видал.

В дополнение к вышеизложенному и к телеграмме моей от [8 ноября] 26 октября с. г. за № 154 [1] долгом считаю присовокупить, что на-днях турецкий посланник Садреддин-бей сообщил мне конфиденциально о получении им [3 ноября] 21 октября с. г. шифрованной телеграммы из Константинополя о мобилизации в Боснии и о сосредоточении австро-венгерских войск на границе Санджака [2].

Примите и пр.

С. Арсеньев.

№ 848. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма № 1071 [3]. 9 ноября/27 октября 1911 г.

Копия в Лондон.

Получил № 1729 [4].

На сообщение Барклая о Лекофре Шустер ответил, что он готов действовать самым примирительным образом по отношению к императорской миссии, лишь бы не уничтожать этим в корне всю его работу в области реформы. В частности от назначения Лекофра в Тавриз он отказаться не может, так как в Персии вообще мало подходящих людей, и ему приходится брать на службу пребывающих уже здесь иностранцев без особого разбора. На замечание Барклая, что отказ его может побудить нас к активным против Персии выступлениям, Шустер ответил, что Персии приходится, как приговоренному к смерти, ждать, пока придет более сильный для совершения казни. Последнюю фразу Барклай сообщил мне совершенно конфиденциально.

Поклевский.

---

[1] Тел. от 8 ноября/26 окт. за № 154 С. Арсеньев, передавая Нератову полученные им сведения о мобилизации в Боснии и Герцеговине, сообщал: «Король опасается скорого занятия Санджака австрийцами и просит указаний императорского правительства».

[2] При письме от 11 ноября/29 окт. за № 2358 Поливанов препроводил Нератову тел. Потапова от 9 ноября/27 окт. за № 718. В этой тел. Потапов передавал сведения, полученные черног. королем, о военных приготовлениях Австро-Венгрии: «С 5 ноября нового стиля прекращена перевозка по боснийским дорогам частных грузов и приказано заготовить 138 воинских поездов; в Сараеве ежедневно подготовляется по 40 вагонов; говорят о мобилизации двух пограничных с Сербией корпусов и о предстоящем прибытии на границу Санджака двух других корпусов; вообще в Боснии идет работа, напоминающая деятельность за время аннексии». Потапов отмечал, что сведения эти получены от агента, заслуживающего доверия, и просил телеграфировать ему и Арсеньеву «указания и данные для своевременного направления деятельности короля в наших видах». Препровождая эту тел., Поливанов писал, что от росс. воен. агента в Австро-Венгрии Занкевича получены следующие сведения: «По проверке появившихся слухов о крупных воинских перевозках, производимых австрийцами в Боснию и к сербской границе, выяснено, что управлению боснийских железных дорог дано приказание подготовить ветку Босно—Брод—Сараево к пропуску 115 воинских поездов в первой половине ноября нового стиля. Одновременно получено известие о движении воинских поездов через Сабадку и Аграм в Боснию и Фиуме». Далее Поливанов писал: «Несмотря на сделанное нашему военному агенту австрийским начальником генерального штаба заявление— «ручаюсь всем, чем хотите, что никаких воинских перевозок, кроме вызываемых обыденным течением жизни армии, мы не производим», полковник Занкевич доносит, что эти слова противоречат получаемым им сведениям; из Темешвара ему сообщают, что части VII корпуса, пополнившись резервистами, перевозятся в Аграм и Фиуме; половина гарнизона уже вывезена».

[3] Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 219, с сокращениями и стилистическими изменениями.

[4] Тел. от 8 ноября/26 окт. за № 1729 Нератов передал Поклевскому содержание тел. Бенкендорфа от 5 ноября/23 окт. за № 260 (см. стр. 320, прим. 1).

№ 849. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Тегеране Поклевскому.

·/. Телеграмма № 1742. 10 ноября/28 октября 1911 г.

Государю императору благоугодно было одобрить сообщенную вам вчера за № 1734 инструкцию [1]. Об исполнении ее благоволите телеграфировать.

Нератов.

№ 850. Временно управляющий министерством иностранных дел посланнику в Белграде Гартвигу.

Телеграмма № 1747 [2]. 10 ноября/28 октября 1911 г.
Секретно.

Копия Неклюдову.
Получил № 172 [3].

Шум, поднятый западной печатью по поводу слухов о балканской федерации, должен побудить балканские государства быть особенно осмотрительными в своих взаимных сношениях и разговорах. Сообщаемый вами проект сербо-болгарского договора нуждается в некоторых поправках и по существу и в особенности по форме. Не говоря уже о том, что статья 3-я предоставляет неравные роли Сербии и Болгарии, так как трудно ожидать от первой самостоятельных выступлений, — вся редакция соглашения, особенно же статья 4-я, основана на идее военных действий и насильственных захватов, между тем как та же мысль могла бы быть изложена в форме определения культурных сфер влияния, что не казалось бы прямо направленным против Турции и вполне покрывалось бы формулой сохранения status quo.

В этом смысле уже были даны указания Неклюдову, вызвавшие, по его отзыву, сочувствие и Гешова и Спалайковича.

Нератов.

№ 851. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 269. 10 ноября/28 октября 1911 г. [4]

N 1.
Reçu N 1714 [5].

Grey m'a répété ce qu'il a dit au Parlement — attitude Angleterre est neutralité et non-intervention. Ambassadeur d'Italie n'a pas fait jusqu'ici de démarches. Grey ne voit pas matière à action diplomatique préventive, état de guerre ne le permettant pas. Il ne se rend pas compte quelle action décisive Italie peut avoir en vue. Bombardement ou même occupation d'une ou de plusieurs îles turques, habitées surtout par Grecs, n'affectant pacification [6], peut sensiblement augmenter résistance Turquie. Si ces îles constituaient objectif Italie, Grey ne voit pas que intérêts des neutres seraient affectés, toute question d'annexion devant, bien entendu, être réservée. Continuation suit.

Benckendorff.

---

[1] Об одобрении Николаем II проекта инструкции Поклевскому (см. № 835) Фредерикс известил Нератова из Ливадии тел. от 9 ноября/27 окт. за № 2749.
[2] Опубл. Кр. арх., т. IX, стр. 3.
[3] См. № 801.
[4] Тел. бланк и царск. экз. датированы 11 ноября/29 октября.
[5] См. № 821.
[6] Слово «pacification» («умиротворение») вписано вместо зачеркнутых: «que pacifiques» («только мирное население»).

Перевод.

№ 1.

Получил № 1714.

Грей повторил мне то, что он сказал в парламенте: позиция Англии — нейтралитет и невмешательство. Итальянский посол до сих пор не предпринимал демаршей. Грей не видит повода к превентивным дипломатическим действиям, так как этого не допускает состояние войны. Он не видит, какое решительное действие Италия может иметь в виду. Бомбардировка или даже оккупация одного или нескольких турецких островов, населенных главным образом греками, не влияя на умиротворение, может значительно увеличить сопротивление Турции. Если эти острова являются целью Италии, то Грей не видит, чтобы это затрагивало интересы нейтральных стран, поскольку вопрос об аннексии должен, разумеется, быть резервирован. Продолжение следует.

Бенкендорф.

№ 852. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 272. 10 ноября/28 октября 1911 г.

N 2[1].

Pour ce qui nous concerne, Shuster attaque notre action consulaire en nombreuses occasions, surtout en connexion avec débarquement ex-schah. Il relate entrevue avec Giers à Vienne comme suit: texte sub N 273 [2]. Ce point est particulièrement délicat. Grey qui aura à répondre au Parlement me demande lui donner version véritable. Il dit qu'il lui sera facile s'exprimer sur rôle assumé par Shuster et sur procédés dont il a usé, ainsi que sur attaque contre Angleterre, mais il croit qu'il serait nécessaire pour opinion publique qu'il puisse opposer documents authentiques aux assertions de la lettre, surtout sur entrevue Giers et aussi sur principales allégations à charge de nos consuls.

Benckendorff.

Перевод.

№ 2.

Что касается нас, то Шустер нападает на действия наших консулов в многочисленных случаях, в особенности в связи с появлением экс-шаха. Он сообщает о свидании с Гирсом в Вене следующим образом: текст за № 273. Этот пункт исключительно щекотлив. Грей, которому придется отвечать в парламенте, просит меня сообщить ему правильную версию. Он говорит, что ему будет легко высказаться по вопросу о роли, принятой на себя Шустером, и приемах, к которым он прибегнул, а равно о нападках на Англию. Но он думает, что ради общественного мнения нужно, чтобы он мог противопоставить утверждениям, изложенным в письме, подлинные документы, в особенности касательно свидания Гирса, а также касательно главных обвинений против наших консулов.

Бенкендорф.

№ 853. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 92. 10 ноября/28 октября 1911 г.

Le chancelier a exposé hier devant la chambre accord survenu dans les pourparlers entre l'Allemagne et la France au sujet de l'affaire du Maroc. Ses explications ont été reçues par une chambre évidemment toute entière hostile à la politique suivie

---

[1] Тел. от 10 ноября/28 окт. за № 271 (№ 1) Бенкендорф сообщил, что он послал по почте опубликованное в «Times» письмо Шустера. Это письмо являлось ответом на статью «Times», направленную против Шустера. Дополнительной тел. от 11 ноября/29 окт. за № 274 Бенкендорф передал содержание напечатанного в тот же день газетой «Times» ответа на письмо Шустера. «Times» признавал, что русское и англ. прав-ва отказались от теории абсолютного невмешательства во внутренние дела Персии, так как положение последней требовало этого. Признавая административные таланты Шустера, «Times» упрекал его в отсутствии политического понимания вещей и в том, что он просто повторяет обвинения персидских националистов. Оспаривая обвинения, выдвинутые против русских консулов в Тавризе и Бендергязе и англ. консула в Ширазе, «Times» опровергал мнение Шустера о том, что Россия и Англия желают поддерживать беспорядки в Персии.

[2] См. № 860.

par le gouvernement et déterminée à en manifester sa désapprobation. Il a terminé son discours au milieu d'un silence général plus embarrassant peut-être pour lui que des scènes violentes. Le Reichstag n'étant pas appelé à ratifier ou à rejeter l'arrangement, les discours prononcés par les chefs des partis ont eu évidemment pour but de préparer le terrain aux prochaines élections générales et se sont distingués par des écarts de langage à l'adresse surtout des électeurs.

En revanche il s'est passé dans la loge royale un spectacle d'une nature toute exceptionnelle et sans précédent même dans un régime parlementaire. Le prince impérial, qui avait obtenu l'autorisation de venir de Dantzig assister à la séance d'hier du Reichstag, a pris part ostensiblement à toutes les manifestations hostiles de représentants de la nation, allant jusqu'aux applaudissements et à des signes d'approbation aux attaques contre la France et surtout l'Angleterre.

Osten-Sacken.

Перевод.

Канцлер изложил вчера перед палатой соглашение, достигнутое в переговорах о Марокко между Германией и Францией. Его объяснения были даны перед палатой, явно целиком враждебной по отношению к политике, проводимой правительством, и решившей высказать свое неодобрение. Он закончил свою речь среди всеобщего молчания, быть может более тягостного для него, чем бурные сцены. Так как рейхстаг не призван ратифицировать или отвергать соглашение, то речи, произнесенные лидерами партий, очевидно имели целью подготовить почву для будущих выборов и отличались выпадами, главным образом в расчете на избирателей.

Зато в королевской ложе происходило зрелище совершенно исключительное и не имеющее прецедента даже при парламентском режиме. Наследный принц, получивший разрешение приехать из Данцига, чтобы присутствовать на вчерашнем заседании рейхстага, демонстративно принимал участие во всех проявлениях неприязни со стороны народных представителей, доходя до аплодисментов и знаков одобрения при нападках на Францию и в особенности на Англию.

Остен-Сакен.

№ 854. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 10 ноября/28 октября 1911 г.

Весьма доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Пользуясь свободой действий, предоставленной мне при исполнении возложенного на меня частным письмом вашим от [2 ноября] 20 сего октября [1] поручения, я позволил себе в секретной телеграмме за № 91 [2] обратить внимание вашего превосходительства на ту особенность наших сношений с Германией, которая обусловливает всякий политический обмен мыслей между обоими кабинетами. Постараюсь, ввиду громадной важности этого вопроса, развить означенные соображения более подробно в настоящем письме.

После долгих колебаний Россия и Германия в силу разных обстоятельств очутились в последнее время членами двух соперничествующих политических групп.

Несмотря на старания обеих держав сохранить прежние дружеские отношения в силу общности преследуемой ими цели — поддержания всеобщего мира — чувство взаимного недоверия, а со стороны Германии и некоторого недоброжелательства, затрудняют всякое наше стремление вызвать попрежнему германских государственных деятелей на откровенные политические объяснения. Нет сомнения, что Германия, в случае войны с нами, предоставит Турции весьма деятельную роль. Посему при разрешении таких важных политических задач, каким является вопрос о проливах, мы неминуемо будем иметь Германию на стороне наших противников, причем ей не было бы никакого интереса посвятить нас преждевременно в цели своей восточной политики. Никакие успокоительные заверения с ее стороны не могли бы быть приняты нами с доверием.

---

[1] См. № 780.
[2] См. № 840.

Ввиду вышеизложенного я считал бы всякий обмен мыслей с берлинским кабинетом по сему вопросу небезопасным, так как он исключительно послужил бы оружием в его руках против нас, при сношениях Германии с нашими противниками.

Договор о проливах 1841 г. всегда считался нами самым верным оплотом против вожделений морских держав заходить со своими судами в Черное море; а при теперешних обстоятельствах сохранение за этим морем характера mare clausum является для нас вопросом первостепенной важности. К тому же, в случае войны, свободный проход через проливы будет всегда достоянием сильнейшего.

Что касается возникшей в Константинополе полемики о присоединении Порты к одной из двух союзных групп, то, повидимому, берлинский кабинет сохраняет теперь выжидательное положение, вполне сознавая фальшивый характер своих отношений к обеим воюющим державам.

На вопрос, что Германия может сделать для Турции, я отвечу, что, помимо давления на римский кабинет, когда настанет удобная минута для заключения перемирия, Германия представляет для Турции весьма ценного союзника на случай войны Порты с нами, увлекая за собой Австрию, Румынию, Швецию и даже Персию. Во всяком случае она является единственной европейской державой, не посягнувшей на захват турецкой территории, что, несомненно, оценивается по достоинству в Константинополе.

В заключение повторю, что настоящее время представляется мне мало подходящим для какого-либо дружеского обмена мыслей по текущим политическим вопросам и что было бы целесообразнее предоставить инициативу такового берлинскому кабинету, выражая при этом полную готовность итти ему навстречу для прямодушного совместного обсуждения всех затрагивающих интересы обеих держав вопросов.

Примите и пр.

Граф Остен-Сакен.

№ 855. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 58. 10 ноября/28 октября 1911 г.

Копии в Цетинье и Белград.

Ответ на № 1739 [1].

На мои запросы, вследствие уже ранее дошедших до меня тревожных слухов, консул в Сараеве сообщил, что никакого призыва резервистов, кроме ежегодного, не было, что ни в Сараево, ни в Вышград новых войск не прибывало и что за последнее время происходили лишь обычные передвижения рекрут. Консул в Фиуме также сообщает, что и там нет признаков войсковых движений. Консул в Праге донес, что данных, подтверждающих секретную мобилизацию VIII корпуса, нет. Начальник здешнего генерального штаба в разговоре с нашим военным агентом категорически отрицал всякое передвижение войск на Юг. По мнению нашего военного агента, которое я совсем разделяю и которое им сообщено в Петербург, войсковые перевозки в Боснию несомненно производятся, но коснулись пока лишь небольшого числа частей. Мы убеждены, что меры эти не имеют в настоящую минуту агрессивного характера, а вызываются опасением возможных серьезных осложнений на Балканском полуострове и решением встретить их с полной боевой готовностью. Сведения, полученные из Цетинье, очень преувеличены. К точному выяснению действительных размеров военных приготовлений нашим военным агентом принимаются все меры. Мы тщательно следим за этим вопросом, и я не премину по получении дальнейших данных сообщить их вашему превосходительству [2].

Гирс.

[1] Тел. от 9 ноября/27 окт. за № 1739 Нератов передавал Н. Гирсу содержание тел. С. Арсеньева от 8 ноября/26 окт. за № 154 (см. стр. 347, прим. 1).

[2] Тел. от 11 ноября/29 окт. за № 60 Гирс передавал следующую тел. консула в Триесте Смирнова: «Известия о мобилизации флота пока не подтверждаются, но делаются значительные закупки угля».

№ 856. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Париже Извольскому.

·/. Телеграмма № 1752. 11 ноября/29 октября 1911 г.

Личная.

№ 163 получен [1].

Французский поверенный в делах, сообщая мне на словах о полученном де Сельвом от вас письме касательно проливов и Застенного Китая, спросил меня, написано ли это письмо по вашей частной инициативе или по поручению императорского правительства.

Я ответил, что идея этого вашего шага, конечно, исходит от императорского правительства, а выбор способа его выполнения принадлежит вам, причем вы выбрали форму частного письма, очевидно, вследствие того, что и наш ответ правительству республики по поводу марокксксого соглашения еще не облечен в официальную форму.

Я прибавил, что вопросы о проливах и о нашем положении в Застенном Китае ныне назрели. Между тем мы, как само собой разумеется, не желаем выступать по этим вопросам, не выяснив отношения к ним нашей союзницы Франции.

Н е р а т о в.

№ 857. Временно управляющий министерством иностранных дел поверенному в делах в Токио Броневскому.

·/. Телеграмма № 1753. 11 ноября/29 октября 1911 г.

Сообщается посланнику в Пекине.

Японский посол сообщил мне на словах о сделанном вам виконтом Уцида еще [9 ноября] 27 октября заявлении, что вполне разделяя наш взгляд на необходимость русского и японского участия во всех остальных займах, связанных с вознаграждением за боксерское восстание, японское правительство будет действовать солидарно с нами как в этом вопросе, так и во всем, что касается настоящего кризиса в Китае [2].

Поблагодарив посла за это сообщение, я указал ему на возможность принятия нами мер для охраны наших интересов как в полосе отчуждения Китайской Восточной ж. д. и в Северной Манчжурии вообще, так и в районе Пекин — Тяньцзин — Шанхай-гуань, а равно необходимых для того подготовительных мер на нашей территории.

Барон Мотоно ответил, что его правительство, конечно, не может не признать разумности такого рода мер с нашей стороны и не усмотрит в них нарушения связывающих Россию и Японию политических конвенций. Он надеется, однако, что такие наши меры не примут слишком обширных размеров, дабы они не привели к обращению против России и Японии происходящего в Китае движения. Желательно также, чтобы мы предупреждали Японию о принимаемых нами мерах.

Я заверил барона Мотоно, что мы ограничимся в принимаемых мерах рамками действительной необходимости, и обещал держать его в курсе этих мер.

Благоволите объясниться с министром иностранных дел в смысле настоящей телеграммы.

Для вашего сведения прибавляю, что, по словам барона Мотоно, японский посланник в Пекине высказал мысль о желательности посылки войск для охраны Пекина и его сообщения с морем. Это предположение было отвергнуто токийским правительством из опасения, что такая мера может повести к приданию китайской смуте противоиностранного характера. Между тем, в нужную минуту Япония имеет возможность без замедления занять достаточными силами Пекин — Тяньцзин — Шанхай-гуаньский район.

[Н е р а т о в.]

---

[1] В тел. от 6 ноября/24 окт. за № 163 (опубл. М., стр. 123) Извольский, сообщая об отправке им письма де Сельву (см. приложение к № 838), указывал: «Надеюсь получить от де Сельва безусловное подтверждение содержания этого письма».

[2] См. стр. 285, прим. 6.

№ 858. Временно управляющий министерством иностранных дел послу в Риме Долгорукому.

Письмо № 723. 11 ноября/29 октября 1911 г.

М. г. князь Николай Сергеевич,

Турецкий посол обратился ко мне с протестом против жестокого обращения, будто бы допущенного со стороны итальянских войск и начальников в Триполи по отношению к местным жителям, не исключая женщин и детей.

Я заметил послу, что отсутствие в его сообщениях каких-либо указаний на время, место или подробности указываемых им обстоятельств или на имена потерпевших, так же как и неимение у нас в тех местах консульских представителей, делает невозможным какие-либо положительные шаги императорского правительства в пользу ходатайства Порты[1].

Но я полагаю тем не менее, что путем частных разговоров можно было бы обратить внимание королевского правительства на желательность, хотя бы из простого человеколюбия, по возможности щадить невооруженное население и избегать действий, могущих дать повод возникновению несомненно преувеличенных и тенденциозных слухов о жестоком обращении итальянских войск с местным населением в Триполи.

Ваше сиятельство, быть может, найдете подходящий случай затронуть вопрос этот в разговоре с министром иностранных дел, упомянув о вызываемом этими слухами возбуждении умов, особенно же в Константинополе, что, очевидно, нежелательно и едва ли может послужить в пользу Италии.

В изложенном смысле я имел случай обменяться впечатлениями с г. Мелегари, который отверг, конечно, массовый характер приписываемых итальянцам действий, но не отрицал возможности естественных единичных случаев, вследствие вероломства арабов.

А. Нератов.

№ 859. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 269. 11 ноября/29 октября 1911 г.

N 2[2].

Pourtant Grey pense qu'il n'est pas de même si attaque Italie était dirigée sur point territoire turc où intérêts d'une ou plusieurs Puissances seraient sérieusement compromis. Il cita comme exemple les Dardanelles — il croit ce cas impossible; l'Egypte — ce qu'il pense très improbable; et cita Salonique. En de pareils cas Grey pense que les Puissances plus directement intéressées pourraient prendre une initiative. Pour Salonique il imagine que ce rôle appartiendrait à la Russie et à l'Autriche, une attaque de Salonique entraînant manifestement danger de troubles dans Balkans[3].

Benckendorff.

---

[1] Письмом от 7 ноября/25 окт. за № 707 Нератов сообщил в Париж, Лондон и Берлин содержание первых двух абзацов публикуемого письма, поручая послам обсудить их совместно с правительствами, при коих они аккредитованы, и о результатах этого обсуждения уведомить его.

Тел. от 10 ноября/28 окт. за № 268 Бенкендорф сообщал о разговоре с Греем по затронутому вопросу. Грей сказал, что те сведения, которые он имеет от англ. консулов и корреспондентов газет, не дают ему основания для демарша в Риме.

[2] См. № 851.

[3] Дополнительной тел. от того же числа за № 275 Бенкендорф сообщил: «Итальянский посол сделал вчера вечером сообщение Никольсону, но менее обстоятельное, чем сообщение, сделанное Мелегари. Он ограничился доверительным предупреждением, что Италия может быть вынужденной перенести военные действия за пределы Триполи».

Перевод.

№ 2.

Однако Грей думает, что дело обстояло бы иначе, если нападение Италии было бы направлено на какой-либо пункт турецкой территории, где интересы одной или нескольких держав были бы серьезно затронуты. Как на пример, он указал на Дарданеллы — он считает этот случай невозможным; на Египет — что он считает весьма невероятным; и указал на Салоники. В подобных случаях, как думает Грей, непосредственно заинтересованные державы могли бы взять на себя инициативу. Относительно Салоник он полагает, что такая роль принадлежала бы России и Австрии, так как нападение на Салоники явно повлекло бы за собой опасность волнений на Балканах.

Бенкендорф.

№ 860. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

·/. Телеграмма № 273 [1]. 11 ноября/29 октября 1911 г.

I quote from the account given by the «Times» correspondent at Teheran, who speaks Persian and heard the statement a few hours before Arshad-ad-Dovleh died: «Then Mohamed-Ali and I met in Vienna. The ambassador of Russia came to see us and we asked for help. He told us that Russia could not help us. Russia and England had an agreement about Persia from which neither would depart. They had resolved not to intervene in any way internationally. «But on the other hand, — he said, — the field is clear. If we can do nothing for you, we equally will do nothing against you. It is for you to decide what are your chances of success. If you think you can reach the throne of Persia, then go. Only remember we cannot help you and if you fail we have no responsibility». «Well, there is something you can do for us, — we said, — lend us money». «No, it is quite impossible», he replied. And though we begged much and had a second interview, he rejected our proposal. Only he suggested, that if Mohamed-Ali had a receipt for some jewels which were in the keeping of the bank at Teheran, money could be raised on that receipt. But Mohamed-Ali had not got that document and so nothing came of that» [2].

Benckendorff.

Перевод.

Привожу цитату из отчета корреспондента «Times» в Тегеране. Он говорит по-персидски и слышал заявление за несколько часов до того, как Аршад-эд-Доуле умер: «Тогда Мохамед-Али и я встретились в Вене. Российский посол зашел к нам и мы просили о помощи. Он сказал нам, что Россия не может нам помочь. Между Россией и Англией имеется соглашение о Персии, от которого ни одна из них не отступится. Они решили не вмешиваться каким-либо [недопустимым] с международной точки зрения образом. «Но с другой стороны, — сказал он, — поле действия свободно. Если мы не можем ничего сделать для вас, то мы равным образом ничего не сделаем против вас. От вас зависит решить, каковы ваши шансы на успех. Если вы думаете, что вы можете завладеть персидским престолом, то действуйте, но только помните, что мы не можем помогать вам, и если вы потерпите неудачу, то мы за это не отвечаем». «Хорошо, — сказали мы, — есть кое-что, что вы можете для нас сделать: ссудить нас деньгами». «Нет, это совершенно невозможно», ответил он. И хотя мы очень просили и имели второе свидание, он отверг наше предложение. Он подал лишь мысль, что если Мохамед-Али имеет расписку на некоторые драгоценности, находящиеся на сохранении в банке в Тегеране, то можно получить ссуду под эту расписку. Но расписки у Мохамед-Али не было, а потому ничего из этого не вышло».

Бенкендорф.

---

[1] Царск. экз.

[2] Ссылаясь на публикуемую тел., Нератов запросил Н. Гирса тел. от 13 ноября/31 окт. за № 1770: «Благоволите спешно телеграфировать, виделись ли вы вообще с Мохамед-Али-шахом и делали ли ему какие-либо заявления». Тел. от 14/1 ноября за № 64 Н. Гирс ответил: «Я никогда не встречался и не виделся с Мохамед-Али-шахом и никаких заявлений ему не делал».

№ 861. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 277. 11 ноября/29 октября 1911 г.

Reçu N 1654 [1], complément à mon N 256 [2].

Grey m'a transmis memorandum disant qu'il ne croit pas nécessaire communication actuellement au gouvernement chinois au sujet échéance emprunt [3] boxeur attendu que gouvernement chinois a retiré le 25 octobre demande antérieure d'un sursis [4] pour prochain payement qui n'échoit que le 1 janvier prochain. Grey trouve inopportun tout emprunt chinois en circonstances présentes, ce dont il a informé banque Hongkong-Schanghaï.

Benckendorff.

Перевод.

Получен № 1654. Дополнение к моему № 256.

Грей передал мне памятную записку, в которой говорится, что он не считает нужным сообщение в настоящее время китайскому правительству по вопросу о сроке платежа по боксерскому займу, ввиду того, что китайское правительство 25 октября взяло обратно прежнюю просьбу об отсрочке будущего взноса, срок которого наступает лишь 1 января будущего года. Грей находит нецелесообразным при настоящих обстоятельствах какой-либо китайский заем, о чем он уведомил Гонконг-Шанхайский банк.

Бенкендорф.

№ 862. Посол в Лондоне временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Телеграмма № 278 [5]. 11 ноября/29 октября 1911 г.

Personnel.

Vous manquerais de franchise, si je gardais pour moi impression pénible que votre télégramme N 1732 [6] contient critique indirecte pour moi. Permettez-moi réflexions suivantes: que deux Grandes Puissances comme la Russie et Angleterre s'accordant dans un intérêt commun, pour une action commune, en un pays comme la Perse, puissent accorder leur politique tellement identique qu'il ne subsiste aucune différence — est impossible à prétendre et à prévoir. C'est là ce qui rend notre coopération en Perse, base de notre entente, la partie la plus délicate et la plus difficile de cette entente; il s'agit avant tout d'appui réciproque. Mais il est dans la nécessité des choses que le Nord, où est la capitale et qui a frontière immédiate avec Russie, soit théatre d'incidents plus fréquents et sérieux que Midi, où difficultés sont de toute différente nature. Nous avons par conséquent plus souvent occasion de recourir à Angleterre qu'elle à nous. Ceci porte toujours une certaine atteinte à notre intérêt propre [7]. J'avoue que cet appui permanent, qui est nécessaire moins peut-être à la solution des questions en elle-même que pour impression sur la Perse, ne me semble possible à moins d'échange constant d'idées sur les incidents. Dans cas contraire, la différence dont je parle plus haut, s'accentuera au point de mettre en danger le principe de la coopération. Si jamais notre coopération avec Angleterre prenait fin, les conséquences, quelles qu'elles soient, ne manqueraient pas d'être sérieuses. Vous comprendrez, j'en suis sûr, quelle serait ma responsabilité pour cette éventualité, quelque éloignée qu'elle soit [8]—si je mettais la moindre réticence aux informations que je soumets au ministère. Il est vrai que Grey m'a répondu à plusieurs reprises qu'il ne laisserait pas tomber le principe de l'entente pour des difficultés en Perse. C'est là le mobile qui l'a guidé en plusieurs

[1] См. № 774.
[2] См. стр. 284, прим. 4.
[3] Так в оригинале.
[4] См. № 731.
[5] Опубл. Siebert, II, S. 208, N 488.
[6] См. № 834.
[7] У Siebert'a: «den Interessen Englands» («интересам Англии»).
[8] У Siebert'a слова: «quelque éloignée qu'elle soit» опущены.

circonstances fort difficiles pour lui, notamment celles où il avait à prendre cause contre des sujets anglais — tâche la plus ingrate pour tout ministre. Mais Grey n'est pas seul maître des événements, et c'est le point de vue où je me suis toujours placé pour exprimer des jugements et que je garde constamment sous les yeux.

Veuillez excuser longueur de ce télégramme, mais je crois qu'il était nécessaire.

Benckendorff.

Перевод.

Лично.

Я был бы с вами недостаточно откровенным, если бы умолчал о тяжелом впечатлении, которое произвело на меня то, что ваша телеграмма № 1732 заключает косвенную критику моего образа действий. Разрешите мне [изложить следующие] соображения: чтобы две великие державы, как Россия и Англия, договорившись между собой в общих интересах, в целях согласованных действий в такой стране, как Персия, могли бы отождествить свою политику настолько, что не осталось бы никаких разногласий, — этого невозможно предполагать и предвидеть. Именно это делает наше сотрудничество в Персии, основу нашего соглашения, самой щекотливой и трудной частью этого соглашения; дело идет прежде всего о взаимной поддержке. Но в порядке вещей, что Север, где находится столица Персии и проходит граница с Россией, является ареной более частых и серьезных инцидентов, чем Юг, где затруднения носят совершенно иной характер. Поэтому нам приходится обращаться к Англии чаще, чем ей к нам. Это всегда наносит ущерб нашим собственным интересам. Признаюсь, что эта постоянная поддержка, необходимая быть может меньше для разрешения вопросов по существу, чем для впечатления в Персии, не представляется мне возможной без постоянного обмена мнений по поводу [возникающих] инцидентов. В противном случае разногласие, о котором я говорю выше, обострится до того, что поставит под угрозу самый принцип сотрудничества. Если когда-либо нашему сотрудничеству с Англией наступит конец, то последствия этого, каковы бы они ни были, не могут не быть серьезными. Вы поймете, я в этом уверен, какова будет моя ответственность в этом случае, сколь бы отдаленным он ни был, если бы я умалчивал что бы то ни было в информации, которую я представляю министерству. Правда, что Грей мне неоднократно отвечал, что он не откажется от принципа согласия из-за затруднений в Персии. Это то, что руководило им неоднократно в обстоятельствах, весьма для него трудных, как например тогда, когда ему пришлось выступать против английских подданных, — задача самая неблагодарная для любого министра. Но Грей не является единственным хозяином положения, и на эту точку зрения я всегда становился, чтобы вывести заключение, и с ней я постоянно считаюсь. Благоволите извинить большие размеры этой телеграммы, но я считаю ее необходимой.

Бенкендорф.

№ 863. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

⁄. Телеграмма № 88 [1]. 11 ноября/29 октября 1911 г.

Прошу, если возможно, временно не сообщать этой телеграммы никому. Вчера имел продолжительную беседу с товарищем министра иностранных дел, значение ее не хотел бы преувеличивать, но у нее нельзя отнять смысла показателя истинного настроения Консульты. Как говорят, Австрия протестовала, будто бы, против расширения военных действий на Архипелаге, что вызвало резкую отповедь Сан-Джулиано австрийскому послу. Этим только я объясняю себе то, что мне пришлось услышать: «С памятной речи Фортиса в ноябре 1908 г. [2]

[1] Тел. бланк.

[2] Вероятно, имеется в виду речь Фортиса, произнесенная им 3 дек./20 ноября 1908 г. в итал. парламенте при обсуждении вопроса о внешней политике Италии.

В деп. от 8 дек./25 ноября 1908 г. за № 58 росс. посол в Риме Муравьев сообщал об этой речи следующее: «После меткого разбора австрийской балканской политики, противоречащей договорам и несоответствующей потребностям и интересам Италии, Фортис указал на странную ненормальность того, что итальянцам приходится преимущественно опасаться войны именно с австрийцами, своими союзниками. Италия не может долее терпеть не только притеснений, которым подвергаются в Австрии итальянцы, но и направленных против Италии же непрерывно продолжающихся австрийских вооружений. Это положение должно прекратиться; если да — Италия и Австрия пребудут друзьями, если нет — каждая из них возвратит себе свободу. Пусть правительство потребует у народа средства и жертв для защиты отечества; все будут с ним, и в дружном единении, готовя оружие, достигнут высшей цели итальянской иностранной политики — сохранения мира».

обнаружилась тайная вражда Италии к Тройственному союзу. Триполийский поход дал возможность Италии проверить искреннее расположение ее союзницы. Ныне всем ясно, что общественное мнение Италии уже не допустит войны с Францией. Общность интересов на Балканах толкает ее в объятия России и Франции». Насчет Англии Скалеа выражался сдержанно. Затем было сказано: «Услуг, которые не были бы оплачены взаимностью, не может существовать. Если само по себе влияние Италии еще не велико, то содействие ее все же может обеспечить перевес. Переживаемое Италией время серьезное: ей нужно изменить свою политическую ориентировку. Наступил для нее момент открыться и искренно заговорить в Петербурге». Из дальнейшего заключаю, что не исключена возможность обращения Италии к России и Франции с просьбой о посредничестве и предложением союза с уступками на почве соглашения на Балканах. Документы следуют.

Долгорукий.

№ 864. Посол в Риме временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 45 [1]. 11 ноября/29 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Ссылаюсь на мою телеграмму № 88 [2].

Сегодняшняя моя телеграмма преследовала две цели: 1) осведомить ваше превосходительство о настроении, царящем в Консульте, и 2) предупредить, чтобы обращение к вам Мелегари, если таковому суждено было состояться, не застало вас неподготовленным. Ныне повторяется то, что произошло в 1908 году. Как тогда раздраженные и потерявшие терпение итальянцы обратились к покойному предместнику моему с предложением заключить соглашение, так и теперь, при возобновлении тех же условий, итальянцы ищут в нас опоры. Сознавая, что балканский вопрос является одним из наиболее важных для нас, они искусно используют общность наших интересов на полуострове, чтобы столковаться с нами. При разговоре, который я имел с князем Скалеа, присутствовал начальник его канцелярии Контарини, главный вдохновитель и руководитель всей его политической деятельности. Говорили они то оба вместе, то по очереди. Беседа началась, как обычно за последнее время, сетованиями на затяжной характер, который принимает война. Последовали жалобы на то, что война, вызывая для Италии потери людей и материальные жертвы, не причиняет особенного вреда Турции. Что Италия, руководствуясь интересами других держав, стеснила сферу своей деятельности и тем поставила себя в затруднительное положение. Что против ее желания ей придется задеть интересы нейтральных держав, хотя бы, например, установив блокаду Дарданелл. Верный своей системе, я посоветовал, прежде чем решиться на такой шаг, предупредить державы, что вот к чему Италия будет вынуждена прибегнуть, если державы, в ограждение правильного течения торговли, не воздействуют на Порту и не убедят ее в бесцельности и невыгодности дальнейшего сопротивления. На это мне было отвечено, что это трудно; ибо тогда сказали бы, что Италия постоянно угрожает и не действует. Я возразил, что такое обращение к державам следовало бы сделать в строго доверительной форме, а не в виде открытого письма к итальянским представителям, единовременно помещаемого в печати. Притом занятием Триполи и провозглашением присоединения Италия уже доказала свою решимость действовать. Затем мне сказали, что Россия заинтересована в освобождении Италии от забот на африканском побережье, что, быть может, мы пожалеем когда-нибудь, что мы способствовали полной независимости славянских государств, намекнув при этом, как будто бы нечаянно, на желательность обеспечения за нами владения Константинополем. Раз наши задачи на полуострове сходятся с итальянскими, то

[1] Маш. копия. Подлинник депеши зашифрован.
[2] См. № 863.

наши интересы требуют, чтобы у Италии скорее развязались руки. Значение ее ныне все более и более увеличивается, и если она не представляет еще самостоятельной крупной силы, то во всяком случае ее участие в политической комбинации может дать перевес ее союзникам. Это-то упускают из виду даже австрийцы, не дающие себе отчета в своей ошибке. Но если после речи Фортиса всем стало ясным, что Италия не может воевать против Франции, то это убеждение окончательно созрело в общественном мнении. Италия должна теперь переменить свою политическую ориентировку. Мои собеседники отзывались холодно об Англии и спросили меня, не существует ли у нас какого-либо тайного договора с ней. Я ответил им, что наши соглашения насчет Персии, Тибета и Афганистана всем известны, что в критском и ныне триполийском вопросах мы действуем сообща. Он пожалел об отсутствии в Риме в настоящую минуту Баррера, и наш разговор заключил выражением их личного убеждения, что для Италии наступило время открыто, честно заговорить с Россией и Францией. Опасаясь, что слышанное мной является только минутной вспышкой негодования бестактным поведением с Италией Австрии за последнее время, я счел необходимым просить ваше превосходительство не сообщать вышеизложенное моим коллегам до того времени, когда конкретные факты подтвердят действительность намерения Консульты сделать нам положительные предложения.

Примите и пр.

Кн. Долгорукий.

№ 865. Посол в Вене временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 11 ноября/29 октября 1911 г.

Très secrète, personnelle.

Cher Анатолий Анатольевич,

Je vous écris en français pour vous rendre plus fidèlement, et dans les termes même de mon collègue de France, la conversation très secrète qu'il vient d'avoir eue avec le comte d'Aehrenthal, et dont il a tenu à me faire la confidence.

Aehrenthal a fait part à Crozier de ses craintes au sujet de l'arrangement franco-allemand concernant le Maroc et le Congo. Il n'a, selon lui, point abouti à l'apaisement des esprits en Allemagne. Du reste le sentiment de mécontentement y est bien moins fort contre la France que contre l'Angleterre. Passant à la question de l'annexion de la Tripolitaine par l'Italie, il n'a pas caché une certaine méfiance à l'égard de cette Puissance, en tout cas le décret royal était prématuré et le désir de flatter le sentiment national indiscutable. Puis il aurait ajouté: «Je viens de recevoir la déclaration de la Porte qui considère cette annexion comme nulle et non avenue, et qui fait appel aux Grandes Puissances. Ne serait ce pas un fait nouveau qui permettrait aux cinq Puissances d'échanger leur point de vue pour savoir ce qu'il y aurait à faire pour mettre fin à cette guerre, qui, en se prolongeant, risquerait fort de mettre le feu aux poudres dans les Balkans. Je tiens surtout à vous dire que j'attache un grand prix à une entente complète des cinq Puissances, car je ne veux absolument pas d'un accord exclusif entre l'Allemagne et l'Autriche. Que croyez vous des projets de fédération balkanique sous le protectorat de la Russie. Je sais bien que c'est la marotte de Tcharykow, mais je ne puis y croire, car ce n'est que la pression des cinq Grandes Puissances qui maintient la paix dans les Balkans».

Crozier aurait répondu que les cinq Puissances auraient certainement grand intérêt à s'entendre pour empêcher que la guerre se propage. Quant à la fédération politique, il n'y croyait pas. Il sait que la Russie tient aussi à l'accord entre les cinq Puissances.

En me communiquant ce qui précède, Crozier a ajouté que le mécontentement du comte Aehrenthal contre le Cabinet de Berlin est tout aussi grand que celui de Kiderlen-Waechter contre Aehrenthal il en aurait eu la preuve dans les dernières

conversations de Cambon avec Kiderlen, — qui aurait désapprouvé l'activité diplomatique du Ball-Platz.

Ce dernier point me semble sujet à caution, car il est en contradiction avec les déclarations énergiques que m'avait fait Tschirschky. Les relations personnelles entre Crozier et l'ambassadeur d'Allemagne sont mauvaises, de même que celle de ce dernier avec Cartwright, depuis le fâcheux incident avec la «Neue Freie Presse» [1].

Veuillez agréer, cher Анатолий Анатольевич, l'expression de mon sincère dévouement.

N. de Giers.

Перевод.

Весьма секретное, личное.

Дорогой Анатолий Анатольевич,

Пишу вам по-французски, чтобы передать более точно и в собственных выражениях моего французского коллеги весьма секретный разговор, который он только-что имел с графом Эренталем, о котором он счел нужным доверительно сообщить мне.

Эренталь поделился с Крозье своими опасениями по поводу франко-германского соглашения о Марокко и Конго. По его мнению, оно не привело к успокоению умов в Германии. Впрочем, чувство недовольства там гораздо менее сильно против Франции, чем против Англии. Перейдя к вопросу об аннексии Триполитании Италией, он не скрыл некоторого недоверия по отношению к этой державе; во всяком случае королевский декрет был преждевременным, и желание польстить национальному чувству несомненным. Затем он будто бы добавил: «Я только-что получил заявление Порты, которая считает эту аннексию недействительной и незаконной, и апеллирует к державам. Не является ли это новым фактом, позволяющим пяти державам вступить в обмен мнений, дабы установить, что надо предпринять с целью положить конец этой войне, продление которой связано с риском поджечь пороховой погреб на Балканах. В особенности мне хочется сказать вам, что я придаю большое значение полному согласию пяти держав, так как я решительно против соглашения исключительно между Германией и Австрией. Что вы думаете о проекте балканской федерации под протекторатом России. Я хорошо знаю, что это — конек Чарыкова, но я не могу в это верить, так как лишь давление пяти держав поддерживает мир на Балканах».

Крозье ответил, что пять держав весьма заинтересованы, конечно, в том, чтобы договориться с целью воспрепятствовать распространению войны. Что же касается политической федерации, то он в нее не верит. Он знает, что Россия также желает соглашения между пятью державами.

Сообщая мне вышеизложенное, Крозье добавил, что недовольство графа Эренталя берлинским кабинетом столь же велико, как и недовольство Кидерлена-Вехтера Эренталем; доказательством этого для него служат последние беседы Камбона с Кидерленом, который неодобрительно отозвался о дипломатической деятельности Балльплаца.

Этот последний пункт должен, мне кажется, быть принят с осторожностью, ибо он противоречит энергичным заявлениям, сделанным мне Чиршки. Личные отношения между Крозье и германским послом так же плохи, как и отношения этого последнего с Картрайтом со времени досадного инцидента с «Neue Freie Presse».

Примите и пр. Н. Гирс.

№ 866. Посланник в Тегеране временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Телеграмма [2]. 11 ноября/29 октября 1911 г.

Получил № 1734 [3].

Сегодня, в 6 часов вечера, Гирс вручил министру иностранных дел мою ноту с требованиями, редактированными следующим образом: 1) чтобы охраняющие дома и два имения Шоа-эс-Солтане жандармы главного казначея были заменены казаками казачьей бригады на время, которое понадобится для того, чтобы обеспечение прав русских подданных и русских претензий к принцу приняли опре-

[1] 25/12 авг. в «Neue Freie Presse» была напечатана статья под заголовком: «Wahrscheinlichkeiten und Möglichkeiten in der Friedensfrage». («Вероятности и возможности в вопросе о мире»). В статье было изложено мнение «английского дипломата, занимающего важный пост». Как сообщал Крупенский в письме от 31/18 авг., эта статья, направленная против политики Германии в марокканском вопросе, наделала много шума, и авторство ее было приписано сэру Ф. Картрайт.

[2] Номер отсутствует. Опубл. Ор. кн., вып. VII, стр. 222, с сокращениями и стилистическими изменениями

[3] См. № 835.

деленную и окончательную форму; 2) чтобы министром иностранных дел были принесены императорской миссии извинения за оскорбительные действия вышеупомянутых жандармов по отношению к чиновникам генерального консульства. Я поручил также Гирсу словесно сообщить, что в случае неисполнения этих требований без замедления, я буду принужден прервать сношения с нынешним кабинетом и что вслед за сим мы сочтем себя вправе принять меры, какие признаем нужными для защиты наших интересов. Министр иностранных дел просил Гирса передать мне, что ответ персидского правительства может последовать не раньше двух-трех дней, в течение коих должен либо пополниться нынешний кабинет, либо образоваться новый. Шахское правительство без сомнения сообщит иностранным корреспондентам содержание ноты и заявления, а потому желательно было бы опубликовать чрез агентов все относящиеся к нашему последнему шагу данные.

Поклевский.

№ 867. Посланник в Пекине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

*/. Депеша № 102[1]. 11 ноября/29 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Несмотря на все сделанные правительством уступки революционному движению, положение как его, так и династии становится все более и более критическим. Повинуясь указаниям конституционной палаты и удовлетворяя все претензии, кем бы они не были заявлены, центральная власть окончательно потеряла почву под ногами и очутилась в положении, когда ему[2] остается лишь принимать без оговорок все диктуемые ей условия.

Начальник 20-й дивизии Чжан Шао-цзен, стоящей ныне в Ланьчжоу, по выходе указа о введении ответственного кабинета с Юань Ши-каем во главе[3], телеграммой на имя главного управления генерального штаба заявил, что хотя по прочтении означенного указа дивизия и «прониклась чувством глубокого благоговения перед верховной властью», но в то же время она считает, что назначение Юань Ши-кая непосредственно верховной властью противоречит высказанному пожеланию, чтобы председатель совета министров избирался парламентом. После этого указания на заседании конституционной палаты [8 ноября] 26 октября назначены были выборы председателя совета министров и из 86 присутствующих членов 78 высказались за назначение Юань Ши-кая, которому вновь была послана телеграмма о скорейшем приезде в столицу. Остальные несколько голосов разделились между лицами, известными своей реформаторской деятельностью. Очевидно, и конституционной палатой начинает овладевать общее беспокойство, и в приезде Юань Ши-кая, который отнюдь не пользуется симпатиями нынешних членов палаты, последняя видит единственный выход из все разрастающихся затруднений. Этой же тревогой объясняется все уменьшающееся число присутствующих на заседаниях членов, многие из которых, боясь за свою жизнь, перебрались в Тяньцзин.

В то же время указом от [6 ноября] 24 октября названный начальник 20-й дивизии пожалован званием товарища министра и ему повелено «в качестве умиротворителя поспешно отправиться в долину реки Янцзы для возвещения намерений правительства. На него возложена обязанность с полной искренностью объявить о намерениях правительства и ограничиться только успокоением и умиротворением, дабы все живущее в пределах Китая население поняло, что правительство отнюдь не имеет в виду прибегать к вооруженным силам для усмирения беспорядков». Таким образом генерал Чжан должен был ехать на Юг спасать положение и искать компромисса с революционерами вместо Юань

[1] Опубл. Изв. МИД, 1912 г., кн. V, стр. 104.
[2] Так в оригинале.
[3] См. № 785.

Ши-кая, которого и трон, и конституционная палата пока тщетно ожидают в столицу. До сего дня сановник этот ограничивается лишь обещаниями выехать в столицу, и здесь ничего неизвестно об его планах. Быть может, Юань боится за свою жизнь, которой при настоящем возбуждении страстей несомненно угрожает опасность, или же предвидит, что ему не совладать с положением.

Между тем [8 ноября] 26 октября стало известно, что генерал У Лу-чжен, назначенный шансийским губернатором, убит по пути из Баодин-фу в передавшийся в руки революционеров город Тай-юань-фу возмутившимися солдатами, не желавшими следовать за своим генералом, подозревая, что в план последнего входит отобрание у революционеров Тай-юань-фу и занятой последними части Шансийской железной дороги. Результатом этого возмущения был переход в руки революционеров всей означенной линии вплоть до соединения ее с Пекин-Ханькоуской дорогой. Впрочем, несколько времени спустя двум полкам из манчжур удалось оттеснить революционеров от Пекин-Ханькоуской дороги и восстановить сообщение между столицей и правительственными войсками в Ханькоу.

В тот же день получены были сведения, что население Шаньдунской провинции, во главе с местным совещательным комитетом, предъявило своему губернатору требования в 8 пунктах (перевод пунктов прилагается [1]) и заявило, что оно требует ответа на свои требования в течение трехдневного срока; в случае же неудовлетворения их Шаньдунская провинция немедленно провозглашает свою независимость. Довольно характерным является пятый пункт, гласящий, что «в основных законах должно быть указано, что Китай является союзным государством». Требования эти были немедленно переданы губернатором в Пекин и послужили предметом обсуждения конституционной палаты, высказавшейся в пользу их приемлемости. Здесь кстати заметить, что по мере уменьшения числа членов означенной палаты, когда большинство из выборных ее членов покидает Пекин и в заседаниях присутствуют по большей части члены по назначению, она сама начинает впадать в общую растерянность, и постановления ее перестают носить прежний категорический характер. Так, уступая по всем пунктам требований Шаньдунской провинции, палата старается придать своим разъяснениям бумажный и теоретический характер, что едва ли представляется выходом из положения, создаваемого почти ежедневными требованиями самого радикального характера, идущими от отдельных провинций, городов, частей войск и лиц. Подтверждением растерянности и малодушия палаты перед революционерами является недавнее требование ее, уже закрепленное указом, об отдаче под суд верховной судебной палаты бывшего сычуанского генерал-губернатора Чжао Эрр-фыня, который в хаосе совершающихся событий заявил себя единственным энергичным сановником среди безгласных или разбежавшихся советников правительства.

Из других мероприятий правительства за последние дни упоминания заслуживают опубликованный [10 ноября] 28 октября указ с обращенным к войскам и народу воззванием о том, что правительство никогда не делало никакой разницы между манчжурами и китайцами и что распространяемые в последнее время по сему поводу обвинения являются лишь злостной клеветой, так как всем известно, что в продолжение трех столетий китайское и манчжурское населения живут рядом, сознавая себя детьми одного и того же правительства. Указ этот вызван все увеличивающимся взаимным озлоблением китайцев и манчжур, в чем большую роль сыграли такие факты, как резня в Ханькоу и убийство генерала У Лу-чженя.

Сведения, поступающие из Центрального и Южного Китая свидетельствуют о повсеместных успехах революционеров. Юннань, Сычуань, Хубэй, Хунань, Цзянси, Анхуй, Гуандун и Цзянсу подняли знамя восстания и перешли, по крайней мере главные населенные пункты, — на сторону революционеров. В остальных провинциях также происходит брожение и замечается стремление

[1] Приложение не воспроизводится.

к отпадению от Пекина. Вообще можно считать, что все главнейшие центры к югу от Янцзы уже не признают над собой власти центрального правительства. Последним крупным событием явился переход в руки революционеров Кантона, о чем в Пекине стало известно [9 ноября] 27 октября, причем и там, повидимому, дело обошлось без кровопролития. Чиновники с вице-королем бежали в Гонконг, а на месте было организовано временное правительство. После Шанхая революционное движение передалось в Нанкин, где, насколько можно судить по отрывочным сведениям, революционеры встретили отпор у оставшейся верной части гарнизона, которая, повидимому, остается еще у власти, обрушив свой гнев на мирное население, повально бегущее из Нанкина.

В самом Шанхае перемена правительства не отразилась на жизни иностранных концессий. Были лишь приняты некоторые меры предосторожности, в виде высадки десантов со стоящих на рейде иностранных судов, причем общее командование над последними принял французский адмирал. На запрос консулов в Шанхае об отношении их к революционным властям дипломатический корпус разрешил сноситься с вождями революционеров, как de facto заменившими прежних правительственных чиновников, из которых даотай, в виде уже частного лица, проживает теперь на иностранной концессии, по соседству с нашим генеральным консульством. Точно так же ныне дипломатическим корпусом обсуждается вопрос о поступлении таможенных пошлин в Шанхае на открытый в одном из банков счет главного инспектора морских таможен под контролем иностранных банков, дабы обеспечить таким образом уплату по иностранным займам и боксерскому вознаграждению. По последним сведениям, революционеры предложили находившемуся в Шанхае бывшему китайскому посланнику в Вашингтоне Ву Дин-фану место комиссара по иностранным делам для сношения с иностранцами, каковой пост и был принят означенным сановником.

Таким образом, за исключением Ханькоу, где, судя по доходящим до Пекина весьма неполным сведениям, все время продолжаются военные действия между империалистами и революционерами, причем последние, по слухам, сами отказались от перемирия, переход заведывания делами в руки революционных властей совершается без особых потрясений и при полной безопасности для иностранного населения.

Относительно же положения дел под Ханькоу, то по последним известиям позиция, занятая революционерами в Учане и Ханьяне, настолько прочна, что правительственные войска в настоящем их составе и организации имеют очень мало шансов одержать верх, тем более, что революционная армия пользуется сочувствием и поддержкой населения. Предводитель восставших генерал Ли Юань-хун, действующий довольно искусно и энергично, обнародовал недавно прокламацию, в коей объявляется, что революция ведет борьбу за изменение политического строя Китая, а вовсе не имеет в виду уничтожение манчжур и возбуждение вражды между ними и китайцами. По свидетельству генерального консула нашего в Ханькоу, борьба грозит затянуться и причинить огромный вред иностранным интересам. Большинство из консулов уже высказалось за отозвание из Ханькоу империалистской армии.

Что касается Северного Китая, то из передаваемых мной телеграмм наших консульских представителей в Тяньцзине, Ньючжуане и Чифу ваше превосходительство осведомлены о том, что и в этих городах тревожное настроение увеличивается и, если можно судить по все более и более овладевающей населением панике, все они в ближайшем будущем провозгласят себя перешедшими на сторону революционеров.

Особенную тревогу возбуждает положение дел в Тяньцзине. Дело в том, что отказавшийся от своего назначения на Юг генерал Чжан Шао-цзен остался в Ланьчжоу, лежащем в расстоянии 350 километров от Тяньцзина, откуда он заявил тяньцзинским властям, что намерен двинуться со своей дивизией на Тяньцзин. Впрочем роль генерала Чжана в эти последние дни не вполне ясна. Как бы то ни было, все эти сведения, в связи с намерением чжилийского вице-короля оказать сопротивление революционерам, вызывают сильную панику среди насе-

ления этого города. Ввиду недостаточности в китайской части Тяньцзина полицейских сил и ходатайства местных властей у консульских представителей о временной отмене обязательств 1902 г. не вводить в город китайских солдат, дипломатический корпус счел возможным согласиться на такую отмену, при условии точного определения числа вводимых войск и ограничения их роли чисто полицейскими функциями.

Общее революционное настроение отразилось и на Манчжурии, причем события Внутреннего Китая все более и более вызывают озлобление манчжур, особенно стоящих у власти, и, при возникновении общего движения в манчжурских городах, едва ли дело обойдется там без кровопролития. Согласно сообщению генерального консула нашего в Мукдене, тамошний совещательный комитет высказался в пользу признания самостоятельности Манчжурии, ввиду обнаружившегося бессилия центрального правительства. Предвидя дальнейшие сепаратистские попытки со стороны интеллигенции и представительных органов, генерал-губернатор обратился в Пекин за указаниями, рекомендуя созвать парламент, дабы положить конец агитации. Столь же пессимистические сведения получены были и от консула нашего в Цицикаре.

В Пекине в правительственных сферах с нетерпением ждут приезда Юань Ши-кая, откладывая до него практическое осуществление всех громогласно объявленных в последних указах мероприятий. А пока фактически остаются у власти старые сановники, которые попрежнему принимаются на императорских аудиенциях, участвуют на разных совещаниях и вырабатывают различные мероприятия, остающиеся по большей части на бумаге, стараясь лишь в своей деятельности не навлечь на себя обвинений со стороны членов конституционной палаты. При этом большинство высших сановников правительства стараются показать себя сторонниками нового режима и делают вид, что сочувствуют предстоящей перемене. Как известно, в составлении последних сенсационных указов, перевернувших государственный строй Китая, участвовали такие реакционеры, как князь Цин, Натун, Сюй Ши-чан и другие. Само собой разумеется, что лица эти, побуждая трон к столь крутому повороту внутренней политики, руководствовались главным образом личными соображениями, стараясь показать, что они не противники реформ. Так, например, посетивший меня на-днях товарищ министра иностранных дел Ху Вей-де, говоря о происходящем, в весьма решительных выражениях высказался за самые радикальные изменения политической организации Китая и с гордостью заявил, что страна его в несколько дней совершила преобразования, осуществление коих в других странах потребовало многих десятилетий и сопровождалось глубокими потрясениями. Некоторые из прежних сотрудников правительства идут еще далее в своих стараниях подладиться под общее настроение. Так, характерным является отношение к событиям здешнего официоза, издающегося при участии членов вай-ву-бу, который вместо прежнего восхваления каждого шага правительства пишет теперь, что «при известных гарантиях, быть может, и можно сохранить в Китае манчжурскую династию».

Вместе с тем однако, несмотря на общий развал и отпадение отдельных городов и провинций, пекинское правительство продолжает с внешней стороны делать попытки к проявлению власти, отчасти, вероятно, для «сохранения лица», а, может быть, надеясь, что ему удастся при помощи собранных ныне в Пекине войск вернуться к прежнему положению. Из таких шагов можно отметить, например, назначение указом [11 ноября] 29 октября канцлера Сюй Ши-чана начальником генерального штаба.

Однако это не мешает усилению тревоги среди населения столицы: бегство из Пекина продолжается. Общая паника невольно отражается и на проживающих в городе иностранцах, которые обращаются в свои миссии с просьбой о защите. Императорская миссия старается успокоить обращающихся к ней русских подданных и уже объявила им, что в случае действительной опасности они найдут себе убежище в миссии. Такие же меры были приняты и относительно проживающих в Пекине датских подданных. Но кроме иностранцев, и многие из китайцев стараются заручиться защитой отдельных миссий и убежищем в пределах

дипломатического квартала. Так, французская миссия обещала приютить у себя князя Су (министра колоний), малолетнего брата богдохана и еще несколько высокопоставленных лиц. Кроме того, много китайских сановников, в том числе военный министр, уже теперь проживают в здешней европейской гостинице, находящейся в центре дипломатического квартала. Вообще можно с уверенностью сказать, что в случае беспорядков в Пекине, означенный квартал станет убежищем, куда устремится обезумевшее население. Обстоятельство это представляет несомненно серьезное значение, ибо может подать повод враждующим сторонам нарушить нейтралитет иностранной колонии.

Примите и пр. Коростовец.

№ 868. Временно управляющий министерством иностранных дел председателю совета министров Коковцову.

Письмо № 803. 12 ноября/30 октября 1911 г.

Секретно. Срочно.

М. г. Владимир Николаевич,

Из прилагаемой при сем копии с секретной телеграммы посланника в Тегеране от [11 ноября] 29 сего октября [1] ваше высокопревосходительство изволите усмотреть, что письменное требование удовлетворения было предъявлено действительным статским советником Поклевским-Козелл шахскому министерству иностранных дел вчера, в 6 часов вечера. Назначенный посланнику двухдневный срок, в течение коего он имеет ожидать ответа от персидского правительства, истекает, следовательно, завтра вечером, после чего, если и на сей раз ответ будет неблагоприятным, нам надо будет тотчас приступить к репрессивным мерам, во главе которых, как вам известно, поставлены: прекращение посланником дипломатических сношений с тегеранским кабинетом и отправка нами отряда в Казвин. Во избежание весьма нежелательной проволочки в осуществлении этой последней меры, считаю долгом покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать уведомить меня, не признаете ли вы возможным войти по телеграфу в сношение с наместником его императорского величества на Кавказе о безотлагательной подготовке отряда, подлежащего отправлению в Казвин, дабы последний мог быть двинут туда по первому требованию.

Проект соответствующей телеграммы генерал-адъютанту гр. Воронцову-Дашкову при сем прилагается на ваше благоусмотрение [2].

Примите и пр. [Нератов.]

№ 869. Посол в Берлине временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Депеша № 74. 12 ноября/30 октября 1911 г.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Трехдневные заседания рейхстага, посвященные обсуждению заключенного с Францией соглашения относительно Марокко, носили характер резкого осуждения народным представительством страны всей мароккской политики германского правительства, начиная с посылки военного судна в Агадир и кончая подписанием настоящего соглашения.

---

[1] См. № 866.

[2] К письму Нератова был приложен проект тел. следующего содержания: «Ввиду неисполнения персидским правительством словесного требования нашего по инциденту, возникшему по поводу конфискации имущества принца Шоа-эс-Солтане, посланнику в Тегеране, с высочайшего одобрения, предписано повторить наши требования письменно и заявить, что мы ожидаем ответа незамедлительно. Если и после этого ответ персидского правительства будет неблагоприятный, то посланник имеет прервать с ним сношения и вслед за тем надо будет быстро двинуть в Казвин намеченный отряд, в предусмотренном нами составе, из коего посланнику будет предоставлено, в случае надобности, вызвать часть в Тегеран для удаления силой из дома и имений Шоа-эс-Солтане персидских жандармов. Благоволите спешно сделать все распоряжения, дабы отряд мог двинуться в Персию по первому указанию».

Тел. аналогичного содержания была отправлена Коковцевым наместнику на Кавказе 13 ноября/31 окт. за № 5133.

То обстоятельство, что договор этот не подлежал утверждению законодательных палат, а сообщался рейхстагу правительством для сведения, оказало значительное влияние на враждебное отношение, проявленное к нему со стороны всех выступавших по этому вопросу ораторов. Произнесенные лидерами главнейших партий речи носили несомненно предвыборный характер; безответственность палаты в этом случае развязала членам ее руки для ярых нападок на правительство. Имперский канцлер, выступивший в первый же день с длинной речью, текст которой имею честь у сего препроводить[1] на благоусмотрение вашего превосходительства, начал с обстоятельного изложения хода политических событий, приведших к посылке германского крейсера в Агадир. Он при этом категорически опровергнул распространившееся в Германии и за границей мнение о том, что посылкой военного судна германское правительство желало установить свои права на территориальные приобретения в Марокко. Это обстоятельство было самым слабым пунктом защиты имперского канцлера и вместе с тем самым главным предметом нападок его политических противников. Нет сомнения, что именно посылка военного крейсера в Агадир вселила как в Германии, так и за границей убеждение в том, что берлинский кабинет намерен потребовать территориальные компенсации в Южном Марокко. Неосуществление этого проекта, подхваченного со свойственной им горячностью пангерманскими кругами, и вызвало во всей Германии то чувство разочарования и обиды, с которыми в настоящий момент относятся к вышеозначенному соглашению с Францией все без исключения политические и социальные круги Германии.

Переходя засим к подробному рассмотрению обеих частей соглашения, — причем он обратил внимание рейхстага на важность приобретенных гарантий экономической свободы в Марокко и территориальных приобретений в Конго, — канцлер коснулся затем в своей речи вопроса отставки статс-секретаря колоний г. фон Линдеквиста, которому он поставил в вину, кроме демонстративного оставления своего поста в момент заключения соглашения, также и некоторые разоблачения, появившиеся в печати.

Упомянув затем о вызвавшем в свое время в Германии столько горечи и раздражения выступлении английского министра Ллойд Джорджа[2], на которое германским правительством было обращено самое серьезное внимание лондонского кабинета, г. фон Бетман-Гольвег самым энергичным образом опровергнул предъявленные правительству обвинения в слабости и уступчивости перед слабейшим, но более настойчивым противником.

Мирное разрешение столь долго тревожившего всю Европу вопроса и достижение соглашения с соседней державой путем дружественных переговоров является, по его мнению, значительным успехом, и Германия достаточно сильна, чтобы не опасаться превратного истолкования умеренности ее требований.

Заключительные слова канцлера, — что правительство не ожидает похвал, но и не боится осуждений его образа действий в этом вопросе — встречены были палатой мертвым молчанием, свидетельствующим о том враждебном отношении к внешней политике кабинета всех политических партий, с которым правительству пришлось иметь дело в течение всех последующих прений по марокскому вопросу.

Действительно, все говорившие в этот день представители партий: консервативной, центра, национал-либеральной и социал-демократической, в более или менее резкой форме высказали осуждение марокканской политике правительства. Ораторы эти нападали на правительство не только за чрезмерную уступчивость французским требованиям при заключении соглашения, но и за недостаточно энергичный отпор, данный им вмешательству Англии в переговоры между Германией и Францией. Особенно резкими нападками против Англии отличались речи лидеров консервативной партии и центра; они высказали между прочим мысль о желательности увеличения германского флота, ввиду враждебного отношения, проявляемого Англией во всех вопросах, затрагивающих германские интересы.

[1] Приложение не воспроизводится.
[2] См. ч. I, стр. 292, прим. 1.

Нападки со стороны правых партий, считавшихся до сих пор единственными сторонниками и опорами правительства, вызвали сильное раздражение и весьма энергичный отпор со стороны имперского канцлера, выступившего на втором заседании рейхстага, посвященном тому же вопросу, с резкой речью, в которой он обвинил консерваторов в преследовании при обсуждении общегосударственных вопросов и внешней политики Германии своих узких партийных целей. Он при этом протестовал в самых сильных выражениях против нападок, раздававшихся накануне с трибуны рейхстага против державы, с которой Германия находится в нормальных отношениях.

Вышеозначенное выступление имперского канцлера, встреченное шумным одобрением со стороны левых партий, вызвало сильное возбуждение среди консерваторов; предводитель их г. Гейдеман в умеренных, но твердых выражениях протестовал против обвинений, возведенных на партию г. фон Бетман-Гольвегом.

Все последующие ораторы в более или менее резкой форме высказали порицание марокканской политике правительства и неодобрение заключенному с Францией соглашению.

Нет сомнения, что все высказанное во время трехдневных прений в рейхстаге по этому вопросу, также как и проявившееся враждебное настроение против Англии служит отражением того возбуждения, которым преисполнены в настоящий момент все классы населения в Германии. Последнее соглашение с Францией считается в стране крупным дипломатическим поражением Германии, нанесенным ей Францией, главным образом благодаря поддержке Англии, и во всех кругах населения выражается ныне сомнение в пользе громадных затрат на содержание первоклассной армии и могущественного флота, раз эти факторы не принимаются в достаточной мере в соображение при заключении международных договоров.

Неудовольствие внутренней и внешней политикой правительства перешло через пределы обычных оппозиционных нареканий, почему и заслуживает серьезного нашего внимания, так как эти внутренние явления могут, при непредвиденных обстоятельствах, отразиться на внешней политике Германской империи.

Примите и пр.

Граф Остен-Сакен.

№ 870. Посол в Константинополе временно управляющему министерством иностранных дел Нератову.

Письмо. 13 ноября/31 октября 1911 г.

Доверительно.

М. г. Анатолий Анатольевич,

Вчера австро-венгерский посол, посетив меня, коснулся, впервые в разговоре со мною, вопроса о проливах.

Поводом к этому послужило общераспространенное известие о готовящемся «решительном ударе» итальянцев для поддержания декрета об аннексии Триполитании, который считается послом совершенно несогласным ни с прецедентами, ни с основами международного права.

Означенный удар мог бы, по мнению маркиза Паллавичини, направиться, с надеждой на практический результат, только против Дарданелл.

Между тем нападение на проливы и Константинополь затронуло бы опаснейшим для европейского мира образом самое сердце восточного вопроса. Не говоря уже о балканских государствах, внутреннее спокойствие Турции было бы подвергнуто чрезвычайному искусу: начались бы избиения мусульманской чернью не только итальянцев, но и вообще христиан. (Эти опасения были высказаны накануне маркизом Паллавичини и французскому послу.) Если итальянская эскадра войдет в Дарданеллы, то в Босфор может войти русская эскадра. Султан и правительство спасутся, если успеют, в Адрианополь. А так как удар должен быть нанесен итальянцами непременно внезапно, то у держав уже не будет времени даже сговориться о том, что делать. Им надлежало бы поэтому заранее предупредить Италию, чтобы она не касалась Дарданелл.

Я мог лишь согласиться с изложенными моим сотоварищем взглядами, но только в общих чертах, полагая предпочтительным, чтобы инициатива намеченного обращения к Италии исходила не от нас, а от венского кабинета. Впрочем, мне уже было известно от французского посла, что «решительный удар» итальянского флота пока отложен, в надежде на решительный успех у города Триполи.

Затем посол спросил меня, не веду ли я переговоры о проливах?

Следуя буквально вашей телеграмме от [7 ноября] 25 сего октября за № 1713 [1], я ответил, что не веду переговоров о проливах, но что я прочел с большим интересом и удовольствием статьи по этому предмету, появившиеся недавно в турецкой печати.

В этих статьях в первый раз разобран основательно и беспристрастно вопрос о необходимости для России достигнуть признания ее специальных интересов в проливах и прекращения того ненормального и унизительного положения, в силу коего она — одна из всех государств мира, не исключая Либерии и Аргентины, — лишена свободного доступа к крупной доле собственного своего побережья.

«Танин» вполне выяснил, что прохождение русских военных судов через проливы ничуть не угрожало бы интересам Турции. Это впрочем стало очевидным уже двадцать лет тому назад, когда было установлено свободное следование через проливы, с войсками и военным грузом, русских судов Добровольного флота. Известно, как это было полезно — и не для нас одних — во время боксерского восстания в Китае. Если же теперь китайские дела осложнятся, неужели мы будем лишены возможности послать из Черного моря настоящие военные суда для защиты наших интересов на Дальнем Востоке, как это, к несчастью, случилось во время русско-японской войны?

На это маркиз Паллавичини заметил, что венский кабинет уже высказал свое принципиальное согласие на свободное прохождение русских военных судов через проливы и что затруднения в то время (1908 г.) встретились со стороны Англии.

Тогда, не вдаваясь в подробности, я указал на коренное изменение, происшедшее ныне в положении великобританских интересов по отношению к вопросу о проливах, и в заключение высказал, что Россия, сознавая всю свою правоту в этом деле и совершенно уверенная в конечном его решении, не спешит с таковым и не сомневается, что державы, подписавшие Лондонский трактат 1871 г., примут в свое время предположенную новую его интерпретацию.

Мне показалось полезным не уклониться от теоретического обсуждения вопроса о проливах с австро-венгерским послом, во-первых, дабы закрепить его собственное подтверждение соглашения 1908 г. по рассматриваемому предмету, и во-вторых, потому что великий визирь видимо уже коснулся предмета этого в своих сношениях с австро-венгерским правительством.

Именно, в разговоре с французским послом три дня тому назад Саид-паша, подтверждая свое желание сблизиться с державами Тройственного согласия, заметил, что, если Россия потребует в связи с малоазиатскими железными дорогами открытия проливов, то «это едва ли понравится Австрии».

Предоставляя себе изложить этот разговор подробно в особой депеше [2], считаю долгом отметить, что великий визирь разрабатывает теперь предложение державам обсудить «на конференции» итальянское объявление о присоединении Триполитании.

На подобной конференции, если бы она была признана соответствующей интересам нашим и наших политических друзей, наше истолкование Лондонского трактата 1871 г. должно бы непременно пройти.

Поэтому и ввиду взятого на себя маркизом Паллавичини почина казалось бы своевременным коснуться не только в Берлине, но и в Вене вопроса о проливах.

Примите и пр.

Н. Чарыков.

---

[1] См. № 820.

[2] Повидимому имеется ввиду письмо от 16/3 ноября (см. т. XIX, № 21).

УКАЗАТЕЛЬ I

Именной [1]

[1] Цифры обозначают страницы.

УКАЗАТЕЛЬ II

Корреспонденты [1]

Австро-Венгрия

Англия

Бельгия

Болгария

Ватикан

Германия

Греция

Египет

Испания

Италия

[1] Цифры обозначают номера документов.

Переписка других ведомств

УКАЗАТЕЛЬ III

Темы дипломатической переписки [1]

Австро-Венгрия

Англия

Бельгия

Болгария

---

[1] Цифры без скобок обозначают номера документов; цифры, поставленные в скобках, обозначают соответствующие пункты рубрик.

Германия

Греция

Египет

Испания

Италия

Итало-турецкая война

Китай

Крит

Марокко

Монголия

Персия

Проливы

Россия

Франция

Черногория

Швейцария

Япония

